О СЛАВЯНАХЪ

ВЪ МАЛОЙ АЗІИ, ВЪ АФРИКѢ И ВЪ ИСПАНІИ.

(В. И. ЛАМАНСКАГО).

СЛАВЯНЕ ВЪ МАЛОЙ АЗІИ.

I. Въ настоящее время, когда наука доказала несомнѣнно, что Азія была колыбелью и первоначальною родиною Славянъ, весьма понятны не только возможность, но и необходимость вопроса о томъ, сохранились ли до насъ какіе нибудь слѣды народныхъ преданій Славянъ о древней ихъ прародинѣ, подобныхъ тѣмъ, какія нынѣ открываются у Германцевъ?[1]

При совершенной несомнѣнности переселенія Славянъ изъ Азіи въ Европу, весьма ясно выступаетъ необходимость и другаго вопроса — при этомъ переселеніи не осталась ли часть Славянъ въ Азіи, — такъ какъ, судя по аналогіи позднѣйшихъ исторически извѣстныхъ переселеній, не только нельзя предполагать, чтобы вся масса народа, тѣмъ болѣе не кочеваго, оставила свои старинныя жилища, а напротивъ того думать должно, что въ нихъ могли удержаться болѣе или менѣе значительные остатки.

Какъ бы то ни было, но при настоящихъ свѣдѣніяхъ вопросъ о томъ — по выселеніи Славянъ въ Европу не осталась ли болѣе или менѣе значительная ихъ часть въ Азіи, вопросъ

1. Grimm. Gesch. d. deutsch. Spr. Ss. 520, 523, 644, 728, 824.

этотъ, по крайнему нашему разумѣнію, не маловажный, допускаетъ двоякое рѣшеніе — положительное и отрицательное. Въ первомъ случаѣ, т. е. если часть Славянъ осталась въ Азіи, нельзя кажется не утверждать, что сношенія ихъ съ выселившимися ихъ единоплеменниками не прерывались, по крайности, долгое время послѣ переселенія.

Эти замѣчанія мы сочли нужнымъ предпослать краткому обзору нашему Славянскихъ поселеній въ М. Азіи.

Первое письменное свидѣтельство о Славянахъ въ М. Азіи относится къ VII в. по Р. Х., именно къ 664 г.

Византійскій лѣтописецъ Θеофанъ разсказываетъ, что въ 664 г. вождь Сарацынъ, Абдуррахманъ, сынъ Халедовъ, вступилъ съ большими силами во владѣнія Римскія, провелъ въ нихъ зиму и опустошилъ многія провинціи. При семъ, говоритъ Θеофанъ, Славяне (οἱ Σκλαβῖνοι), числомъ до 5,000 человѣкъ, присоединились къ нему, пошли съ нимъ въ Сирію и поселились въ области Апамейской, въ селеніи Скевокоболѣ (ἐν κώμῃ Σκευοκοβόλῳ)[1].

Шафарикъ, упомянувъ объ этомъ поселеніи, замѣтилъ: «происхожденіе, дальнѣйшія судьбы и конечное истребленіе этихъ Славянъ намъ совершенно неизвѣстны».

У Ибнъ-Хаукала (X в.), есть, кажется, упоминаніе о Славянахъ въ Сиріи[2].

Тотъ же Θеофанъ подъ 687 г. разказываетъ, что императоръ Юстиніанъ II, въ походъ свой въ Булгарію и Склавинію, опустошилъ этотъ край вплоть до Солуня, и огромное количество Славянъ[3] вывелъ изъ ихъ отечества, частью насильно, частью добровольно, у Абида переправилъ ихъ въ Азію и поселилъ въ странѣ или области Опсикіи, простиравшейся отъ Абида на востокъ до Никеи, а на югъ до Апамеи[4].

---

1. Strtt. II, 75. — Theoph. Paris. p 289 — Анастасій же (Paris. p. 109) называетъ Селевкобори. — Шафар. Слав. Древн. § 30. 6. Прим. 129.

2. Rein. Invas. d. Sarraz. en France. Paris. 1836. p. 237.

3. Θеоф.: πολλὰ πλήθη τῶν Σκλάβων. — Никиф.: πολλὰ τῶν ἐκεῖσε Σκλαβήνων γένη. — Зонара: πολλὰ τῶν Σκλαβικῶν ἐθνῶν Str. II. 75.

4. Const. Porph. de them., Шаф. ibid. прим. 130.

Есть возможность довольно приблизительно опредѣлить число Славянъ, переселенныхъ И. Юстиніаномъ въ М. Азію. Такъ тотъ же Θеофанъ говоритъ про него, что изъ переселенныхъ въ Азію Славянъ онъ набралъ *людей способныхъ къ войнѣ* и образовалъ изъ нихъ отрядъ въ 30,000 человѣкъ, всѣхъ ихъ вооружилъ и назвалъ отрядомъ отборнымъ (λαὸν περιούσιον, aciem superabundantem, по Шафарику Leibgarde), а въ начальники его назначилъ Небула (Νέβουλον). Въ этомъ огромномъ количествѣ Славянъ, поселенныхъ Юстиніаномъ въ М. Азіи, необходимо считать и женщинъ и дѣтей. Изъ взрослыхъ же мужчинъ конечно не менѣе трети было людей къ войнѣ неспособныхъ и потому естественно не попавшихъ въ этотъ отборный отрядъ. Такимъ образомъ мы нисколько не удалимся отъ истины, если скажемъ, что Славянъ, переселившихся въ М. Азію, въ 687 г., было никакъ не менѣе 80,000 человѣкъ.

Положившись на этотъ Славянскій отрядъ, императоръ объявилъ войну Арабамъ, которые подъ начальствомъ Могамеда въ первой своей схваткѣ были разбиты Греками. Могамедъ дорогимъ посуломъ и богатыми обѣщаніями убѣдилъ Славянскаго военачальника съ 20,000 человѣкъ перейти на свою сторону. Греки были разбиты. Тогда — говорятъ Θеофанъ, Кедринъ, Зонара — Юстиніанъ, который едва спасся бѣгствомъ, повелѣлъ истребить всѣхъ оставшихся Славянъ съ женами и дѣтьми, и трупы ихъ покидать въ море у Левкаты, близь Никомидіи. Безъ сомнѣнья, свидѣтельства этого буквально принимать нѣтъ никакой возможности. Этихъ оставшихся Славянъ было по меньшей мѣрѣ 50,000 человѣкъ. Ни Юстиніану, ни его людямъ не хватило бы ни силы, ни охоты на такую страшную рѣзню.

Ils n'ont pas mérité
Ni cet exces d'honneur,
Ni cette indignité.

Всего вѣроятнѣе, месть Юстиніана разразилась на родственникахъ, на сообщникахъ отпавшихъ Славянъ и на всѣхъ болѣе или менѣе опасныхъ и подозрительныхъ ему лицахъ.

Точно также думаетъ и Шафарикъ, который въ подтвержденіе своего мнѣнья указываетъ и на то, что въ 949 г., по

свидѣтельству Константина Багрянороднаго, въ области Опсикій жили Славяне. Впрочемъ вѣроятно тутъ были не одни потомки уцѣлѣвшихъ при Юстиніанѣ, но и позднѣйшіе переселенцы.

Славяне, въ числѣ 20,000 человѣкъ, измѣнившіе Грекамъ, кажется, участвовали потомъ въ рядахъ Арабовъ при завоеваніи ими Хорасана, восточной части Персіи. Такъ по крайности можно заключать изъ разсказа Ѳеофана и Анастасія подъ 692 г. «Восточная часть Персіи, называемая Хорасанъ, была завоевана Арабами. Тамъ явился пововводитель по имени Сабинъ, который истребилъ многихъ Арабовъ и убилъ самого Кагана». Подъ этимъ-то Каганомъ разумѣется Комбезій, въ своихъ примѣчаніяхъ къ Ѳеофану (р. 614—5), Славянскаго военачальника Небула.

Около 694 г по случаю нападенія Могамедова на Греческую Имперію, лѣтописцы упоминаютъ о перебѣжчикахъ-Славянахъ, которыхъ онъ принялъ охотно, какъ людей, хорошо знакомыхъ съ мѣстностью.

Вотъ пока всѣ, дошедшія до насъ отъ VII в., извѣстія о Славянахъ въ М. Азіи.

Теперь законнымъ становится вопросъ — были ли Славянскія поселенія въ М. Азіи и до VII в. и до 664 г.? Или же первое письменное о Славянахъ въ М. Азіи свидѣтельство совпадаетъ съ первымъ дѣйствительнымъ ихъ въ ней поселеніемъ? Къ этому вопросу мы обратимся тотчасъ по обозрѣніи дальнѣйшихъ судебъ Славянъ въ М. Азіи.

Здѣсь же позволимъ себѣ поставить и другой вопросъ — Славяне Азійскіе, перешедшіе въ VII в. на сторону Арабовъ и принимавшіе въ ихъ дѣлахъ не незначительное участье, тотчасъ по переходѣ своемъ къ нимъ такъ сказать обусурманились и забыли свой языкъ, свои преданія, «законъ отецъ своихъ»?— или же они берегли и сохраняли ихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ не прекращали и связей своихъ съ Славянами Азійскими, оставшимися вѣрными Имперіи?

Прежде, чѣмъ приступить къ VIII в. и далѣе, для большей ясности, позволю себѣ напомнить читателю всѣ тѣ вопросы, которые намъ представились почти сами собою.

1. Остались ли у Славянъ слѣды народныхъ преданій объ Азіи, какъ о древнѣйшей ихъ прародинѣ?

2. При выселеніи Славянъ изъ Азіи въ Европу не осталась ли болѣе или менѣе значительная ихъ часть въ Азіи?

При возможности въ настоящее время двоякаго рѣшенія послѣдняго вопроса, весьма понятно, что, въ случаѣ отвѣта положительнаго, необходимо признать за истину несомнѣнную, что Славяне Азійскіе и Европейскіе долго не теряли сознанія единства своего происхожденія и также долго не прерывали и своихъ связей.

3. Поселеніе Славянъ въ М. Азіи въ 664 г. по Р. Х., случайно занесенное въ лѣтопись Византійцами, есть ли первое поселеніе Славянъ въ Азіи?

4. Участье Славянъ въ дѣлахъ Арабовъ въ VII в. имѣетъ ли какое нибудь значеніе въ исторіи славянской? Повлекло ли оно за собой какія нибудь послѣдствія? Имѣло ли оно какое нибудь вліяніе на дальнѣйшую исторію и характеръ позднѣйшихъ отношеній Славянъ къ Арабамъ?

II. Въ 754 г., по словамъ Ѳеофана, умеръ Могамедъ, онъ же и Абулаба, княжившій 5 лѣтъ. Братъ его Абдела жилъ тогда въ Меккѣ. Онъ тотчасъ написалъ Абумуслиму и просилъ его принять слѣдующую ему часть княжества. Но тотъ, узнавъ, что Абдела, сынъ Али, братъ Салема, князя Сирійскаго, подыскивается подъ него и даже намѣревается подчинить себѣ Персію, собралъ противъ него войска Сирійскія. При Тіанѣ дано было сраженіе, изъ котораго Абусалимъ вышелъ побѣдителемъ, такъ какъ у него были Антіохійцы и множество Славянъ (Σκλάβοι)[1].

Подъ 762 г. разсказываетъ Анастасій[2] о смутахъ Болгарскихъ: убили своихъ вождей, избрали себѣ въ князья какого-то Телетца. При семъ множество Славянъ оставило свою родину и искало убѣжища у императора, который и поселилъ ихъ

1 Theoph. Paris. p. 350—360. Strittter l. l.

2. Anast Paris. p. 147.

подъ Артаною. То же самое передаютъ и Ѳеофанъ и Никифоръ[1]. У послѣдняго указано даже число этихъ переселенцевъ. Вотъ его слова: «Славяне, гонимые изъ отечества, переходятъ Евксинъ. Числомъ ихъ было, говорятъ, до 208 тысячъ. Они поселились у рѣки, называемой Артана (πρὸς τὸν ποταμὸν, ὃς Ἄρτανας καλοῦται).

Шафарикъ говоритъ при этомъ: «По нѣкоторымъ извѣстіямъ рѣка эта называется нынѣ Aghwah или Aghweh, а древній городъ Артане долженъ быть селеніе Artakoi» (§ 30. 6. прим. 136). Цейссъ же видитъ въ ней рѣку Артанъ (Ἀρτάνης, Ἄρτανος), что въ Виѳиніи, на западъ отъ Сангарія[2]. Послѣднее мнѣніе гораздо вѣроятнѣе.

Такимъ образомъ Славянскія поселенія въ М. Азіи получили въ VIII в. весьма сильное подкрѣпленіе, которое безъ сомнѣнья должно было придать имъ силъ для удержанія и сохраненія своей народности.

Вообще, надо замѣтить, колоніи, даже вовсе оторванныя отъ своей митрополіи, весьма долго сохраняютъ свою народность. Готы, поселившіеся въ Крыму въ первой половинѣ III в. по Р. Х., еще въ XVI в., даже позже, сохраняли свою народность. Бусбекъ, бывшій Цесарскимъ посланникомъ въ Цареградѣ, въ 1557—1564 г. самъ собралъ и сохранилъ до насъ нѣкоторые образцы ихъ рѣчи, хотя и сильно попорченной, но въ основѣ своей совершенно Нѣмецкой[3]. Въ III в. до Р. Х. отрядъ Кельтовъ въ 20,000 человѣкъ, состоявшій изъ трехъ народцевъ, Толистобоевъ, Трокмовъ и Тектосаговъ, поселился въ М. Азіи (ок. 260 г.), послѣ чего край ими занятый долго назывался Галатіей, Грекогалатіей или Галлогреціей. Въ V в. по Р. Х. они еще сохраняли свою народность и Св. Іерониму языкъ ихъ казался тѣмъ же самымъ, какимъ говорили Тревиры въ его время, а Тревиры были Кельтами[4]. Татары, поселившіеся въ Литвѣ въ XIV в., понынѣ сохраняютъ свою на-

1. Niceph. Paris. p. 45. Str. l. l. 80. 522.

2. Zeuss. Die Deutsch. u. die Nachbarst. Munchen. 1837. S. 628.

3. Zeuss. l. l. Ss. 430 — 433. Шафарикъ. l. l. т. I. ч 2. с. 247 (въ Русск. перев

4. Zeuss. l. l Ss. 180—182, 216—217.

родность[1]. Славяне, по всей вѣроятности въ весьма незначительномъ количествѣ поселившіеся въ Швейцаріи никакъ не позже X в., а быть можетъ еще и ранѣе, до весьма недавняго времени говорили, а можетъ и понынѣ говорятъ испорченнымъ Славянскимъ языкомъ. Они живутъ въ долинѣ Аниверской, въ Валисскомъ Кантонѣ, въ шести часахъ разстоянія отъ города Ситена[2].

По аналогіи уже однихъ этихъ свѣдѣній безбоязно можно бы было продположить, что въ М. Азіи и понынѣ сохраняются болѣе или менѣе значительные остатки Славянскихъ поселеній, основанныхъ въ VII и въ VIII стол. по Р. Х.

Если же мы вспомнимъ природу страны, столь удобную для постоянныхъ сношеній жителей Забалканскаго полуострова съ жителями Анатолійскими, то поймемъ, что народность Славянъ Азійскихъ находилась въ несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ народность Крымскихъ Готовъ, Азійскихъ Кельтовъ и Швейцарскихъ Славянъ. Нельзя при томъ забывать и многочисленности Славянъ въ М. Азіи, гдѣ ихъ надо считать десятками тысячъ.

Сношеній съ своими земляками и соплеменниками Азійскими Славяне Европейскіе не покидали и забыть о нихъ не могли, потому что въ болѣе или менѣе значительныхъ массахъ, въ XII, XIII, XIV и XV в. они посѣщали М. Азію и именно тѣ края, гдѣ были Славянскія поселенія.

Никита Хонскій подъ 1154 г. разсказываетъ, что по договору, заключенному съ Мануиломъ Комниномъ, жупанъ Сербскій обязался въ случаѣ войны Императора на Западѣ, приходить къ нему на помощь съ 2,000 человѣкъ; если же война произойдетъ въ Азіи, то пошлетъ ему 500 человѣкъ, вмѣсто 300, какъ прежде обыкновенно бывало. (Str. II, 183). У него же подъ 1156 г. мы читаемъ: «Мануилъ Комнинъ, готовясь къ войнѣ противъ Сарацынъ, съ Запада вызвалъ Лигурійцевъ и Архижупана Далмаціи со всѣми его силами» (ibid.).

---

1. Мухлинскій. Изслѣдов. о происхожденіи и сост. Лит. Татаръ. Спб. 1857 отд. оттиск. и въ Акты Имп. Спб. Унив. 1857.

2. Шаф. Сл Др т. I. ч. 2. стр. 197. т. II. ч. 3. с. 180 и сл.

Весьма вѣроятно, что и послѣ не разъ и Болгары и Сербы помогали Имперіи въ Азіи. О походѣ Сербовъ въ Азію при Стефанѣ Милутинѣ (1275—1321 г.) сохранилось одно любопытное извѣстіе [1].

Стефанъ Лазаревичь, извѣстный у Сербовъ подъ именемъ Стефана Высокаго, помогалъ Баязету въ его войнѣ съ Тимуромъ своимъ войскомъ въ 5,000 человѣкъ [2].

Конечно появленіе въ М. Азіи Славянъ въ такихъ значительныхъ силахъ, весьма много содѣйствовало поддержанію народности Славянской въ колоніяхъ М. Азійскихъ. Если бы въ XIV и XV в. народность ихъ стала замирать, то приходъ ихъ земляковъ въ такихъ массахъ безъ сомнѣнія могъ подѣйствовать на нихъ такъ же, какъ проходъ Русскихъ войскъ по Австріійскимъ владѣніямъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій поднялъ духъ и укрѣпилъ начавшія упадать народныя силы Славянъ Западныхъ. Но объ исчезновеніи Славянской народности, въ этотъ періодъ, въ М. Азіи, кажется не можетъ быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что многочисленныя колоніи Славянскія, основанныя въ М. Азіи въ VII—VIII в., не только сохраняли свою народность въ IX—X в. и позже [3], но еще получали новыя свѣжія подкрѣпленія напр. въ XII в.

---

1. Почтенный нашъ Славянистъ В. И. Григоровичь (Очеркъ учен. путеш. по Европ. Турціи. Казань. 1848. с. 45) нашелъ его въ одномъ хрисовулѣ, въ мон. Хиландарскомъ на Аѳонѣ. Къ сожалѣнію онъ передаетъ *его* не подлинными словами. «Куръ Андроникъ Палеологъ, вселенскій царь, умолилъ всесердечнаго сына державнаго царства да пошлетъ воиско противъ Персовъ *въ Анатолію*. Онъ же подвигнутъ моленіемъ тестя отряжаетъ дружину съ великимъ воеводою *новакомъ грьбстрька, которая достигнувъ* града Иракліи радостно встрѣчена Андроникомъ. и, влезше въ дрѣва, перешла въ Анатолію. Послѣ многихъ сраженіи побѣдила и возблагодаренная Андроникомъ, воротилась».

2. Stritt. II, p. 355—356.

3. Такъ продолжатель Конст. Багр., разсказывая подъ 821 г. о мятежникѣ Михаилѣ, замѣчаетъ, что его производили отъ тѣхъ Славянъ (Σκλαβογένων), которые *многократно* переселялись въ Малую Азію (Str. II, 100). Константинъ Порфирородный не разъ жители области Опсикіи называетъ Славизіянами (ibid.104). Въ 949 г. они помогаютъ Грекамъ противъ Крита (ib.105); также въ 960 г., когда они участвуютъ вмѣстѣ съ другими земляками своими (изъ Ѳракіи, Македоніи); также и въ 963 г вмѣстѣ съ Русскими и Ѳракійскими Славянами (ib 105, 106). Въ 1041 г. обитатели области Опсикіи участвуютъ въ сраженіи Грековъ съ Нор-

Такъ извѣстно, что Іоаннъ Комнинъ послѣ похода своего на Сербовъ въ 1122 г. перевелъ на востокъ множество плѣнныхъ и опредѣлилъ имъ въ мѣстожительство плодородныя земли въ области Никомидійской. Часть этихъ поселенцевъ обратилъ онъ въ легіоны, другую часть заставилъ платить подать. (Str. II, 175).

Пахимеръ сохранилъ намъ весьма любопытныя подробности о возмущеніи этихъ Славянскихъ поселенцевъ по случаю коварнаго поведенія Михаила Палеолога съ несчастнымъ младенцомъ Іоанномъ Ласкаремъ, сыномъ покойнаго Императора Ѳеодора Ласкаря.

Михаилъ Палеологъ, по вступленіи въ Царьградъ (1261 г.), вторично вѣнчалъ себя на царство, а законнаго государя, тогда осьмилѣтняго ребенка, онъ не взялъ съ собою въ Константинополь. Твердо рѣшившись удалить его отъ престола, Михаилъ не давалъ ему никакого воспитанія, удалялъ отъ него его сестеръ, наконецъ приказалъ лишить его зрѣнія. Преступное приказаніе это было исполнено въ день Рождества Христова. Несчастный ребенокъ былъ отвезенъ подъ стражею въ замокъ Дакивизы. Въ Имперіи пробудилось всеобщее негодо-

---

маннами въ Апуліи. Какъ въ 963 г., такъ и въ 1041 г. подъ именемъ Русскихъ надо разумѣть Славянъ, а не Варяговъ; Греки не повели бы Русскихъ Варяговъ противъ Норманновъ, которыхъ именно называли Варягами (Guarangi. Luca Protosp.). См. Annal. Barenses. 1041. .... Mense Martio decimo septimo intrante factum est proelium Normanorum et Graecorum juxta fluvium Dulibentis. Et ceciderunt ibi multi Russi et Obsequiani (вар. molti Greci Russi et Obsequani). Ipse vero Dulkiano (онъ же Nichiforus cetepanus) cum reliquo exercitu, qui remanserat ex ipso praelio, fugam petierunt in Montem Pelosum. Deinde collectis Mense Mai in unum omnibus Graecis apud Montem Majorem juxta fluenta Aufidi, initiatum est proelium quarto die intrante, ubi perierunt plurimi Natulichi (т. е. Anatolici, orientales) et Obsequiani, Russi, Trachichi (т. е. Thraces), Calabrici, Longobardi, Capitinates. (Pertz. Monum. VII, 54). Славяне участвуютъ въ войскѣ Грековъ въ Италіи и въ 1027 г. Такъ тѣ же лѣтоп. (Bar.) разсказываютъ подъ 1027 г.. «Hoc anno descendit Ispo chitoniti (χοιτωνίτης — cubicularius) in Italiam cum exercitu magno, id est *Russorum*, *Guandalorum*, Turcorum, *Burgarorum*, Vlachorum, *Macedonum aliorumque*, ut caperet Siciliam. Et Regium restaurata est a Uulcano catepano. Sed peccatis praepedientibus, mortuus in secundo anno Basilius imperator; qui omnes frustra reversi sunt. — Въ числѣ этихъ прочихъ были по всей вѣроятности и жители Опсикія. Такое соучастье ихъ со Славянами Европеискими весьма много способствовало поддержанію и сохраненію Славянскои народности въ поселенцахъ Мало-Азійскихъ.

ваніе. Патріархъ Арсеній, при всей слабости своего характера, не замедлилъ пригласить къ себѣ ближайшихъ къ нему лицъ изъ духовенства: говорилъ имъ, что при видѣ такого злодѣянія, они не могутъ оставаться спокойными и предоставляя лицамъ свѣтскимъ мечъ матерьяльный, они, съ своей стороны, должны вооружиться своимъ мечемъ духовнымъ, т. е. словомъ Божьимъ. На Михаила Палеолога было произнесено отлученіе [1]. Негодованье и ропотъ слышны были всюду даже и при дворѣ, но доносы, преслѣдованія и казни сильно подѣйствовали на малодушныхъ.

Славянскіе поселенцы въ окрестностяхъ Никеи распорядились въ этомъ случаѣ по своему и выставили самозванца. Найдя какого-то осьми или девятилѣтняго мальчика, ослѣпшаго отъ болѣзни, они признали его за Іоанна Ласкаря, законнаго своего государя. Они открыто возстали противъ тирана и поклялись стоять крѣпко за своего Императора. Извѣстіе объ этомъ возстаніи сильно напугало Михаила, опасавшагося за отложеніе этихъ пограничныхъ горцевъ, такъ какъ для спокойствія Имперіи они имѣли великую важность; наконецъ примѣру ихъ могли послѣдовать и другія области. Императоръ поспѣшилъ отправить къ нимъ сильное войско. Гористая мѣстность, покрытая густымъ лѣсомъ, постоянно доставляла мятежникамъ поверхность надъ силами Императора. Отличные стрѣлки, необыкновенно ловкіе во всѣхъ движеніяхъ, они рано истомили непріятеля. Война приняла совершенно народный характеръ: запрятавъ женщинъ и дѣтей въ глушь лѣсовъ, всѣ вооружились, кто дубиною, у кого не было меча. Начальники войска Императорскаго скоро замѣтили, что силою они съ нихъ ничего не возьмутъ; рѣшились прибѣгнуть къ переговорамъ, стали подсылать то къ тому, то къ другому изъ нихъ, обѣщая прощеніе Императорское, увѣряя ихъ, что слѣпой мальчикъ, находящійся у нихъ, вовсе не Іоаннъ Ласкарь, который заклю-

---

1. См. Georg. Pachymeres. l. IV. c. 14. Niceph. Greg. l. IV. c. 4. Phranz. l. I. c. 5. Lebeau Hist. du Bas-Empire. Nouv. édit. (M. de Saint-Martin et M. Brosset l.). Paris. MDCCCXXXV. P. XVIII. p. 106 etc Сравните образъ дѣйствій митрополита Филиппа съ Иваномъ Грознымъ.

чень въ такомъ-то замкѣ, въ чемъ они сами могутъ лично убѣдиться, отправившись туда. Разумѣется, тутъ не обошлось безъ подкупа. Цѣль была достигнута, но только отчасти. Единомыслiе въ мятежникахъ исчезло, но тѣмъ не менѣе большинство, масса крѣпко держалась однажды принятаго намѣренiя — стоять до конца. Говорили: «Положимъ, нашъ мальчикъ и не настоящiй государь, но все же мы клялись его защищать, дрались, а теперь вдругъ мы постыдно измѣнимъ ему и отдадимъ его въ руки враговъ». Бѣгство мальчика къ Туркамъ окончательно разстроило мятежниковъ. Они стали переходить на сторону Палеолога. Тогда строгiя казни и разныя преслѣдованiя, особенно конфискацiя имуществъ, разразились надъ несчастными; отъ совершеннаго ихъ разоренiя удержалось правительство не изъ состраданiя, а изъ разсчета, такъ какъ горцы же[1], охраняли восточные предѣлы государства отъ набѣговъ Турокъ.

Въ другомъ мѣстѣ, въ началѣ своей Исторiи, приступая къ правленiю Михаила Палеолога, Пахимеръ такъ описываетъ намъ эти пограничныя поселенiя, бывшiя для Восточной Имперiи тѣмъ же, чѣмъ такъ называемая Военная граница для Австрiи (Militair Gränze). Эта Греческая Украйна населена была людьми воинственными и трудолюбивыми, бывшими въ одно время и землепашцами и воинами.

Замѣтимъ, что Пахимеръ обращается къ первоначальнымъ дѣйствiямъ Грековъ по взятiи Константинополя Латинцами въ 1204 г. и по основанiи Ѳеодоромъ Ласкаремъ независимаго Государства Никейскаго[2]. Греки, говоритъ Пахимеръ, были окружены съ обѣихъ сторонъ опасными непрiятелями — Латинцами и Турками. Съ первыми, какъ господствовавшими на морѣ, справляться было гораздо труднѣе, чѣмъ съ послѣдними. Нѣсколько иначе было съ Турками. Отъ нихъ отдѣляли Грековъ высокiя горы съ узкими долинами, которыя было нетрудно укрѣпить. Когда устроивъ нѣсколько гарнизоновъ и

1. Пахимеръ говоритъ: ταῦτα περὶ τοὺς Τριχοκκιώτας καὶ τοὺς τοῦ ζυγοῦ διαπραξάμενοι ἀνεχώρουν ἐπ᾽ οἴκων. (Bonnae. I, 201). Значитъ, были горцы и *Триконкіоты* (?).

2. См. прекрасную монографiю Медовикова — Латинскiе императоры въ Константинополѣ. Москва 1849. С. 79 и сл.

ежегодно выплачивая дань Туркамъ, обезпечили себя Греки со стороны востока, тогда устремили всѣ свои силы противъ Латинцевъ; ослабивъ же ихъ совершенно, они снова обратили свое вниманіе на укрѣпленіе своихъ восточныхъ предѣловъ. Созывая отовсюду сильныхъ и многочисленныхъ поселенцевъ, правительство Никейское отводило имъ опредѣленныя мѣста для жительства, поставивъ имъ въ обязанность содержать гарнизоны въ новопостроенныхъ крѣпостяхъ[1]. Чтобы болѣе привязать ихъ къ службѣ, имъ дарованы были разныя льготы. Такимъ образомъ въ теченіе времени эти поселенцы собрали себѣ большіе достатки; тѣмъ естественнѣе становились они все болѣе и болѣе ревностными защитниками Имперіи. Мало того, чаще и чаще стали они нападать цѣлыми, отдѣльными партіями на Турокъ, опустошать и разорять ихъ земли. Императоры щедро награждали ихъ за усердіе, завоевавшее государству совершенное спокойствіе и безопасность. Но когда по изгнаніи Латинцевъ, столица Имперіи снова была перенесена въ Константинополь, то пограничныя войска были значительно ослаблены, выдача награжденій и жалованія почти прекратилась. Дѣйствія этой пагубной мѣры значительно ослаблялись тѣмъ состояніемъ довольства этихъ пограничниковъ или украинцевъ, которое доставляло имъ большія средства для веденія войны или какъ Пахимеръ выражается — нервы войны (νεῦρα πολέμου).

За то постигло ихъ настоящее бѣдствіе, когда Императоръ Михаилъ Палеологъ имѣлъ неосторожность согласиться на убѣжденія одного сановника Хадина, который, отправившись на восточные предѣлы и нашедши тамъ людей весьма зажиточныхъ[2], описалъ все ихъ имущество въ казну, предоставивъ имъ вмѣсто него одну небольшую часть, вмѣсто жалованья[3].

---

1. εἶτα νῶτα στρέψαντες ἐκόντων ἀκόντων Περσῶν τοῖς ὄρεσιν ἐπεβάλοντο, συχνοῖς δε τοῖς πανταχόθεν ἐποίκοις καὶ ἰσχυροῖς καταςφαλισάμενοι ἐρυνὰ τείχη καὶ οἷον δυσεπιχειρήτους θριγκοὺς τῇ Ῥωμαίδι ταῦτα κατέστησαν. (Pachym. l. I, c. 3. (Bonnae. p. 16).

2. ἄνδρας βαθυπλούτους εὑρὼν καὶ κτήμασι καὶ θρέμμασι βριθοντας Pach. l. l. (Bonnae. I, 18).

3. εἰς τεσσαράκοντα νομίσματα τῷ ἑνὶ συμποσώσας. ibid.

Эта мѣра не замедлила совершенно раззорить поселенцевъ. Мало того, что они утратили прежнее усердіе: обѣднѣвъ, они меньше уже дорожили своимъ положеніемъ, упали духомъ, исчезла прежняя отвага, теперь не они на Турокъ, а Турки на нихъ стали нападать все чаще и чаще, поощряемые постоянными успѣхами. Такимъ образомъ облегчено было Туркамъ завоеваніе Виоиніи, области въ высшей степени важной для Цареграда[1].

Вотъ описаніе Пахимера этихъ Граничаръ или Крайщевъ. На какомъ основаніи, естественно спроситъ насъ читатель, считаемъ мы этихъ поселенцевъ за Славянъ? Пахимеръ нигдѣ не говоритъ объ ихъ происхожденіи.

Славянское ихъ происхожденіе видно изъ ихъ образа жизни, совершенно сходнаго напр. съ бытомъ нашихъ казаковъ, какъ онъ извѣстенъ намъ изъ источниковъ отечественныхъ и изъ описаній иностранцевъ, напр. Боплана. Они были землепашцы и отличные воины, занимались по всей вѣроятности и рукомеслами, такъ какъ въ цвѣтущую свою эпоху они владѣли большими достатками[2]. Характеръ ихъ возстанія, Самозванецъ и другія черты — чисто Славянскія. Наконецъ мы знаемъ, что съ VII в. въ эти края не разъ переселяемы были Славяне, въ массахъ весьма значительныхъ. Въ XII в. Іоаннъ Комнинъ поселилъ въ 1122 г. множество Сербовъ въ области Никомидійской. Въ XIII в. въ этихъ краяхъ, какъ извѣстно, были поселенія Сербскія[3].

---

1. См. G. Pachym. l. I, c. 3—6. (Bonnae. I, 14—20).

2. Вотъ какъ описываетъ ихъ Пахимеръ: οἱ κατὰ τῆς Νικαίας τἀκραχωρῖται ἀγροῖται μὲν ὄντες καὶ γεωργίᾳ προσέχοντες, ϑαρραλέοι δ᾽ἄλλως, πίσυνοι τόξοις, ἅμα δὲ καὶ ταῖς κατὰ σφᾶς δυσχωρίαις τὸ πιστὸν ἔχοντες ὡς οὐ ῥᾳδίως πεισόμενοι κἄν τι πράττοιεν.... (l. III, c. 12. Bonnae. I. p. 194).

3. Въ важной грамотѣ о раздѣлѣ Греческой Имперіи, по случаю завоеванія Цареграда Латинцами въ 1204 г., между прочимъ читаемъ: «Provintia Optimati. Provintia Nicomidie. Provintia Tharsie, Plusiade et Metanoliscum *Seruochoriis* cum omnibusque sub ipsis». (Tafel u Thomas. Font. rer. Ven. I, 475). Слово это читается во всѣхъ спискахъ искаженно; лучшее чтеніе представляется въ одномъ спискѣ (Св. Марка) — *cum Seruochoriis*. Ученые издатели весьма справедливо читаютъ это по-Гречески такъ: σὺν τοῖς Σερβοχωρίοις (ibid. p. 491). Поселенія Сербскія въ Виоиніи были еще въ IX в. Такъ въ спискѣ церквей, подчиненныхъ патріарху Цареградскому, составленномъ Львомъ Мудрымъ (Leonis Sapientis [a. 886—907] index ecclesiarum, throno Cpolitano parentium), читаемъ: VIII. Τῷ (т. е. ἐπισκόπῳ)

Вслѣдствіе новѣйшаго переселенія (1122 г.) Сербы, а также Болгары, разумѣется, укрѣпили свои давнишнія связи съ М. Азіею и шли туда тѣмъ охотнѣе, ибо находили тамъ своихъ соплеменниковъ, земляковъ и даже родственниковъ. Если же Славяне добровольно переселялись въ М. Азію безо всякаго призыва со стороны правительства Византійскаго, то тѣмъ скорѣе и охотнѣе конечно пошли они на приглашеніе Никейскихъ государей, которые найдя уже въ этихъ краяхъ поселенцевъ Славянскихъ, принимали ихъ охотнѣе, чѣмъ другихъ инородцевъ, напр. Албанцевъ, такъ какъ для Государства было весьма важно, чтобы между жителями Военной Границы господствовало единодушіе, а не смуты и раздоры, которые ведетъ за собою разноплеменность.

И такъ Славяне переселялись въ М. Азію въ VII, VIII, въ XII и XIII в. — по большей части въ однѣ и тѣ же мѣстности, преимущественно въ Виѳиніи. Выше мы доказали, что въ IX—X в. и даже позже Славяне Азійскіе сохраняли свою народность, что̀ впрочемъ понятно и безъ всякихъ на то свидѣтельствъ. Безъ сомнѣнія сохраняли ее и гораздо позже во первыхъ потому, что были многочисленны, во вторыхъ потому, что имѣли постоянныя сообщенія съ своими земляками и соплеменниками Европейскими.

Дѣйствительно, въ 821 г. Греки говорили, что Славяне *многократно* переселялись въ Азію, тогда какъ Лѣтописцы упоминаютъ до 821 г. только о трехъ переселеніяхъ. Какъ случайное, мимоходное упоминаніе Византійцевъ объ этихъ трехъ переселеніяхъ, такъ и слова Продолжателя Константина Багрянородраго о многократныхъ переселеніяхъ Славянъ въ Азію до 821 г. — несомнѣнно доказываютъ, что въ періодъ VII—IX в. было не мало случаевъ этихъ переселеній, о которыхъ умолчали историки. *Такіе случаи должны были быть дѣйствительно нерѣдки, какъ въ этотъ, такъ и въ позднѣйшій періодъ.*

Послѣ слѣдующихъ соображеній читателю не трудно будетъ убѣдиться въ справедливости этого положенія.

Νικαίας, Βιθυνίας. 1. Ὀλοβρηνῆς, ἤτοι Μελῆς 2. Ὁ Δηνόης. 3. Ὁ Γορδοσέρβων. См. Tafel. Const. Porphyrogen. de Provincus Regni Byzantini. Lib. secund. Europa. Tubingae. 1846. p. 46—47. Также Zeuss. l. l. p. 628.

Въ 768 г. Императоръ Константинъ черезъ пословъ своихъ выкупилъ у Славянскихъ князей (Македонскихъ) содержавшихся у нихъ христіанскихъ плѣнниковъ и захваченныхъ ими на островахъ Имбро, Тенедосѣ и Самооракіи.

Если эти Славяне рыскали по Архипелагу, то конечно не оставляли въ покоѣ и береговъ Азійскихъ, гдѣ какъ напр. въ Сиріи уже было поселеніе Славянское, передавшееся Арабамъ въ 664 г. Въ этомъ послѣднемъ Славяне Греческіе всегда могли находить радушный пріемъ, подобный тому, какой встрѣчаютъ Русскіе у Некрасовцевъ, служащихъ въ войнахъ Турокъ противъ Русскихъ.

Есть ли возможность утверждать, что въ Сиріи и было всего на всего только 5.000 Славянъ? Почему въ послѣдствіи они не могли привлечь къ себѣ многихъ другихъ своихъ соплеменниковъ, жившихъ въ Азіи? Почему наконецъ они сами не могли слѣдовать примѣру уже прежде имъ показанному? Куда дѣлись тѣ 20.000 Славянъ, что передались Арабамъ при Юстиніанѣ, въ 691 г.? А перебѣжчики Славяне у Арабовъ, упоминаемые Византійцами подъ 693 г.? А *множество* Славянъ, участвующихъ въ войскѣ Арабовъ въ 754 г.?

Случайное упоминаніе Византійцами о Славянахъ въ рядахъ Арабовъ удостовѣряетъ насъ въ томъ, что о многихъ другихъ переходахъ Славянъ на сторону Арабовъ умолчано лѣтописцами. Между Славянами Греческими и Арабскими въ Азіи непремѣнно происходили постоянныя сношенія. Отъ того въ послѣдствіи и перебѣгали Славяне къ Арабамъ; такимъ образомъ и у Славянъ Европейскихъ завязались сношенія съ Арабами.

Славяне Морейскіе возмутились противъ Имперіи въ 802—811 г. и стали осаждать Патрасъ, при чемъ, по свидѣтельству лѣтописей, помогали имъ Афры и Сарацыны.

Въ 923 г. Симеонъ, царь Болгарскій, задумавъ завоеваніе Цареграда, отправилъ пословъ въ Сѣверную Африку къ Арабскому Халифу Фатлуму, предлагалъ ему вмѣстѣ идти на Цареградъ и раздѣлить добычу поровну.

Потому-то весьма вѣроятно, что какъ Славяне Ѳессалійскіе, такъ и Морейскіе ходили въ Азію и даже быть можетъ селились въ ней; еще вѣроятнѣе такое предположеніе относи-

тельно Славянъ Македонскихъ, грабившихъ въ VIII в. острова Имбро, Тенедосъ и Самоѳракію.

Памятникъ VIII или IX в., Житіе Св. Димитрія Солунскаго, разсказываетъ, ранѣе 695 г., про Славянъ Македонскихъ, что Драговичи, Сагудаты, Белегезиты, Воиничи (Ваюниты), Берзиты и др., въ своихъ лодкахъ однодеревкахъ рыскали по морю, грабили Ѳессалію и окрестные острова, Элладу и острова Кикладскіе, всю Ахаію, Эпиръ и большую часть Иллирика и *часть Азіи*, все это грабили и опустошали [1].

Тотъ же памятникъ сообщаетъ намъ, что около 685 г. и позже: «Стримонцы и Рунхины (вѣтви Славянъ Македонскихъ), соскучивъ покоемъ, рѣшились попытать счастья въ другихъ мѣстахъ. Они бросились на суда и стали грабить корабли съ хлѣбомъ, плывшіе въ Константинополь, то же сдѣлали и съ островами и съ Эллиспонтомъ, проникли въ самую Пропонтиду и здѣсь опустошивъ области Парасскую и Проконезскую, доходили до самаго Константинопольскаго порта; наконецъ обогащенные добычею и плѣнниками возвратились въ свои мѣста».

Морскіе разбои и грабежи, сами коренившіеся на страсти и привычкѣ къ морю, конечно развивали въ этихъ Славянахъ страшную удаль и отвагу, которыя съ принятіемъ Христіанства и съ смягченіемъ нравовъ не исчезли, а только приняли другое направленіе. Прежніе разбойники и отличные моряки, они стали въ послѣдствіи заниматься торговлею.

Такимъ образомъ весьма вѣроятно, что не только до IX в., но и гораздо позже Славяне Македонскіе посѣщали Азію и даже селились въ ней, постоянно туда привлекаемые не только плодородіемъ почвы, не однѣми выгодами торговли, но и бытностью тамъ своихъ земляковъ.

Императоръ Юстиніанъ въ 687 г. поселилъ огромное количество Славянъ, не менѣе 80,000 человѣкъ (см. выше) въ области Опсикій отчасти насильно, отчасти добровольно переселившихся въ М. Азію.

---

1. См. ст. еп. Филарета. Св. Великомуч. Димитрій и Солунскіе Славяне. Чт. М. Общ. Ист. и Др. Москва. 1848. № 6. С. 19.

Добровольно переселиться въ М. Азію могли Славяне потому, что уже знали ее.

Въ 762 г. около 208,000 Славянъ Болгарскихъ, въ слѣдствіе усобицъ и безпорядковъ, оставляютъ свою родину и добровольно поселяются въ М. Азію. Прежнія Славянскія въ ней поселенія не могли имъ оставаться неизвѣстными.

Нѣтъ никакой возможности и необходимости утверждать, что Болгарскіе Славяне никогда не ходили и не переселялись, въ болѣе или менѣе значительныхъ силахъ, въ М. Азію, во всѣ послѣдующія времена. Напротивъ того, соображая удобство сообщеній, сильныя колоніи Славянскія въ М. Азіи, которыя долго должны были сохранить свою народность и для того служить прилукою и приманкою всѣмъ недовольнымъ своимъ землякамъ Европейскимъ, соображая наконецъ торговыя связи съ Азіею и давнишнія и постоянныя хожденія странниковъ Болгарскихъ на поклоненіе Гробу Господню,—мы необходимо должны признать, что Славяне Болгарскіе не разъ высылали изъ среды своей поселенія въ М. Азію и до XVII в., когда, какъ намъ достовѣрно извѣстно, была основана нынѣшняя Болгарская колонія подлѣ Никеи. (Объ этомъ ниже).

Но указывая на всѣ благопріятныя обстоятельства, помогавшія долгому сохраненію Славянской народности въ М. Азіи, мы не можемъ и не должны скрывать отъ читателя и обстоятельствъ противоположныхъ, которыя были и не малочисленны и не безсильны.

Переходы Славянъ Азійскихъ къ Арабамъ, которые не могли быть особенно рѣдки (какъ то мы уже видѣли), значительно ослабляли Славянскія колоніи въ М. Азіи.

Славяне, поселившіеся въ М. Азіи въ VII и VIII в., по большей части, разумѣется, были язычники. Обращенные въ христіанство, они приняли въ свое богослуженіе языкъ Греческій. Позднѣйшіе Славянскіе переселенцы могли уже приносить въ М. Азію и свои Славянскія богослужебныя книги. Но судя по новѣйшему образу дѣйствій Грековъ относительно Славянъ, мы смѣло можемъ утверждать, что и къ Славянскимъ поселеніямъ въ М. Азіи были примѣняемы всѣ возможныя мѣры, лишь бы огречить ихъ.

Завоеванія Турковъ, ихъ поселенія, поборы, насилія и обращеніе въ исламизмъ, которому Славянскіе поселенцы могли поддаться легче, такъ какъ, принимая ученіе Церкви на языкѣ имъ непонятномъ, они не могли быть твердыми и вѣрными христіанами — на основаніи всѣхъ этихъ соображеній вмѣстѣ, должно полагать, что въ настоящее время въ Малой Азіи если и не сохранилась Славянская стихія во всей чистотѣ, то тѣмъ не менѣе оставила по себѣ много слѣдовъ какъ въ бытѣ, такъ и въ языкѣ, пѣсняхъ, напѣвахъ, наконецъ даже въ физическихъ особенностяхъ жителей нѣкоторыхъ частей Малой Азіи.

III. Путешествіе по М. Азіи для этнографическаго изслѣдованія остатковъ бывшихъ въ ней Славянскихъ поселеній могло бы, смѣю думать, принести пользу наукѣ. Подтвержденіемъ этой мысли можетъ между прочимъ служить весьма любопытное извѣстіе почтеннаго и весьма мало нами цѣнимаго, стариннаго путешественника нашего—Василія Григоровича Барскаго Плаки Альбова[1]. Такъ, описывая монастырь Св. Саввы Іерусалимскаго, онъ говоритъ между прочимъ: «Въ трапезѣ (монахи) чтенія не имутъ, развѣ при гостяхъ, понеже суть всѣ просты и не разумѣютъ не токмо книжнаго писанія, *но многи суть иже ни Греческаго простаго языка умѣютъ, кромѣ Турецкаго и сіи суть отъ Анатоліи идѣже мало Христіанъ, Христіане бо, иже въ Анатоліи, всѣ по Турецки бесѣдуютъ, и другаго языка не знаютъ; аще же и Греческія книги въ церьковь чтутъ, но не разумѣютъ: тако бо токмо изучаются чтенія ради церковнаго, да Христіанская вѣра не изчезаетъ*» (I, 209).

Въ 1731 г. Барскій прожилъ въ *Караманіи* два дня. «Селевкія бяше иногда градъ многознаменитъ и пресловутъ, о немъ же и въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ воспоминается, яко отплыша тамо Св. Апостолы на проповѣдь Божеств. Евангелія; нынѣ же обнища и есть, яко нѣкая весь, отстоитъ отъ Кипра шестьюдесятьми милями, на странѣ Сѣверной, на землѣ великой, нари-

1. Пѣшеходца В. Г. Б. А. уроженца Кіевскаго, монаха Антіохійскаго, путешествіе къ святымъ мѣстамъ.... 6-е изд.

цаемой Анатолія, при брезѣ морскомъ, при горахъ великихъ, имать же и крѣпость особно отъ давно зданную и вооруженную ради враговъ. Тамо не точію Турки обрѣтаются; *но и Христіанъ много съ Священники и церкви въ семъ разнствуютъ отъ иныхъ странъ, яко инымъ языкомъ не бесѣдуютъ точію Турецкимъ, посполитъ народъ весь, въ сапогахъ обувенъ есть, на головахъ мужіе косятъ нѣкія высокія шапки съ завивалы и зрятся быти страшны пришельцомъ*» (I, 363).

Описывая свое плаваніе отъ Кипра къ Самосу, Барскій говоритъ между прочимъ: «По вся дни имуще вѣтръ противенъ и многи препятствія отъ страха и осторожность отъ разбойниковъ морскихъ, овогда же тишинѣ случающейся, съ великимъ трудомъ веслами гребохомся, и умедлихомъ на морѣ дній осьмнадесять, не отдаляхомся же далече на ширину морскую, но пловохомъ воскраї Анатоліи земли великой, оттуда даже до Чернаго Моря къ землѣ Грузинской протязаемой, юже имѣхомъ въ странѣ правої; мимо идохомъ же по чину, наченши отъ Кипра, страны и грады сицевы: *Караманію, Анаію, Аманію*, си есть *Пи идію; въ сихъ трехъ странахъ Христіане не умѣютъ бесѣдовать инымъ языкомъ точію Турецкимъ, понеже тамо Христіанъ мало, Агарянъ же множество, и многолѣтнаго ради житія погубиша Греческій языкъ и все привѣтствіе ихъ, молитвы и поученія въ церквахъ отъ священникъ бываемыя, Турецкимъ діалектомъ глаголются, точію пѣніе и чтеніе церковное творятъ по письменамъ Греческимъ, обаче отнюдь ничто не разумѣютъ яже тутъ*» (II, 63). Также говоритъ онъ: «и до здѣ (Мирликіи) *Христіане бесѣдуютъ языкомъ Турецкимъ точію;* оттуда же начинаются, въ нихъ же бесѣдуютъ по-Гречески и по-Турецки» (ib).

Въ предпослѣднемъ замѣчаніи Барскій старается объяснить себѣ замѣченный имъ фактъ — христіане Греческаго богослужебнаго языка не понимаютъ, и говорятъ по Турецки тѣмъ, что «тамо Христіанъ мало, Агарянъ же множество». Объясненіе очевидно весьма неудачное[1]. Безъ сомнѣнія, Хри-

1. За Болгарскимъ монастыремъ св. Іоанна Рыльскаго, къ Аѳону, лежитъ другой монастырь св. Іоанна Предтечи. Почтенный преемникъ Барскаго, инокъ

стіане, о которыхъ говоритъ Барскій, не были Греками, а принадлежали къ какой-нибудь другой народности, которая не могла сохранить своего языка потому, вѣроятно, что была малочисленна и въ богослуженіи употребляла не свой языкъ, а Греческій. Нѣтъ также сомнѣнія въ томъ, что если объясненіе наше справедливо, то Турецкій языкъ этихъ Христіанъ не совсѣмъ чистый и сохраняетъ на себѣ болѣе или менѣе значительные слѣды роднаго ихъ нарѣчія. Точно также могли они сохранить и нѣкоторые свои нравы и обычаи. Такъ, полагаю я, могли сохраниться и слѣды Славянскихъ поселеній въ М. Азіи. Теперь еще нельзя отвѣчать отрицательно на вопросъ: въ числѣ Христіанъ, описываемыхъ Барскимъ, не могутъ ли быть и переродившіеся Славяне? Сапоги и высокія шапки Христіанъ, что подлѣ Селевкіи и что не знаютъ Греческаго языка, а говорятъ по-Турецки, — конечно не позволяютъ отвѣчать положительно, однако дѣлаютъ предположеніе это весьма вѣроятнымъ. Славяне въ VII—въ VIII в., а конечно и позже, рыскавшіе по Архипелагу, могли селиться въ Азіи въ разныхъ краяхъ, а не только въ области Опсикій, въ древней Виѳиніи и т. д. Намъ вѣдь

Парѳеніи, въ 1839 г. нашелъ въ его библіотекѣ «множество кожаныхъ и бумажныхъ рукописныхъ Славянскихъ книгъ, болѣе тысячи; лежатъ безъ всякаго бреженія, о чемъ много мы соболѣзновали и сожалѣли; уже многія повредились. Мы спросили, «почему такъ безъ всякаго присмотру находится библіотека?» Намъ отвѣчали: «А на что эти книги намъ? Читать мы ихъ не знаемъ. Хотя и вся братія — Болгары, но читать по-Славянски ни единъ не разумѣетъ, потому что мы всѣ изъ Македоніи. А у насъ по всей Македоніи, по градамъ и по селамъ, нигдѣ не читаютъ по-Болгарски, а вездѣ по-Гречески. Хотя и всѣ Болгары живутъ, *хотя и ничего по-Гречески не понимаютъ, ни міряне, ни священники, но тако заведено издревле, и уже привыкли, потому что съ юности учимся читать и пѣть по-Гречески.* А сія библіотека жертвована Болгарскими и Сербскими царями. Тогда по всей Ѳракіи и Македоніи читали и пѣли по-Болгарски, а нынѣ только въ селѣ *Патакѣ* и въ монаст. преп. Іоанна Рыльскаго». (Сказ. о странств. и пут.... инока Парѳенія. II, 58). Болгары Македонскіе очень многочисленны, оттого грамотность Греческая не могла у нихъ вытѣснить языка Болгарскаго. Если бы Христіане Азіискіе, о которыхъ говоритъ Барски, были Греки, то они подавно бы не позабыли своего природнаго языка, такъ какъ у нихъ была своя грамотность Греческая. Эти простыя слова, замѣчу кстати, осязательно доказываютъ весь вредъ народнаго воспитанія въ духѣ чужомъ, не національномъ.

уже положительно извѣстно, что въ 664 г. 5,000 Славянъ поселилось въ Сиріи, въ области Апамейской[1].

Безъ этнографическаго путешествія ученыхъ наблюдателей, хорошо знакомыхъ съ Турецкимъ, Греческимъ и Славянскимъ языками и бытомъ, — было бы слишкомъ смѣло и неосновательно утверждать, что въ настоящее время не осталось никакихъ слѣдовъ Славянства въ М. Азіи.

Напротивъ въ высшей степени вѣроятна возможность, на основаніи точныхъ этнографическихъ наблюденій, возсоздать для науки географическое распредѣленіе Славянъ въ М. Азіи. Наконецъ въ вѣрности своего предположенія о томъ, что понынѣ сохраняются въ М. Азіи слѣды Славянства, убѣждаюсь между прочимъ и однимъ весьма любопытнымъ замѣчаніемъ ученаго путешественника Англійскаго, Энсворта (Ainsworth)[2], который шелъ съ своимъ товарищемъ изъ г. Барiана на Востокъ. «Нашъ путь, говоритъ онъ, лежалъ вдоль горячихъ водъ Ордири (Ordeiri), и, послѣ краткой верховой ѣзды по лѣсу изъ чинаръ и пробковаго дерева съ паростникомъ и виноградниками, мы прибыли въ *месджидъ* (mesjid), деревню Баг-Джевисъ (Bagh-Jevis), т. е. Орѣховый Садъ.

Теперь все принимало размѣры истинно Альпійской природы; въ главѣ долины возвышалась гора Дэрнаг-Джейласи (Durnah-Jailasi), древній Орминій, съ сосновымъ лѣсомъ и съ высокою голою вершиною....

Тамъ и сямъ внутри долины раскиданы были деревни и нѣсколько домовъ, болѣе, чѣмъ можно было ожидать въ этомъ мѣстѣ, помѣщалось у подошвы горы. *Но всего болѣе возбудило наше любопытство то обстоятельство, что въ этихъ хижинахъ жили люди особаго племени, которые исключая языка (весьма испорченнаго Турецкаго), во всемъ другомъ ни черты не имѣли общаго съ Турками.* Лицемъ они смуглы, волосы у нихъ длинные, ихъ лобъ впалый (indented), черты ихъ рѣзкія и выразитель-

---

1. Любопытно, что на Азійскомъ берегу, насупротивъ острова Митилина, находится селеніе *Kozakly* (Кип.).

2. Ainsworth (Will. Francis.) Travels and Researches in Asia Minor, Mesopotamia, Chaldea and Armenia. In two volumes. London. MDCCCXLII. I, 62—63

ныя и вообще не похожія на круглую Турецкую физіономію. Они, кажется, принадлежатъ къ первобытнымъ племенамъ, оттѣсненнымъ отъ берега въ горы и уже переродившимся; такъ волосы ихъ были всклокоченны (uncombed), а рѣзкія черты лица (fierce a. harsh) казались какъ бы закопченными отъ дыма (looked as if smoke dried).

Хорошо извѣстно, что въ этихъ краяхъ жило Славянское племя. У Омира извѣстные подъ именемъ Генетовъ Ἐνετοι, они были вѣтвью тѣхъ самыхъ Славянъ (Sclavonians), что у Римлянъ слыли — *Veneti*, а у Нѣмцевъ *Winden*, *Wenden*. По словамъ Страбона они жили около Парѳеніоса и занимали значительную часть приморской Пафлагоніи.

Это единственный извѣстный мнѣ фактъ бытности на Азіятскомъ полуостровѣ народа, который подъ именемъ Сербовъ, Болгаръ и проч. составляютъ такую значительную часть населенія Европейской Турціи».

Въ какой степени справедливо предположеніе путешественника Англійскаго, о томъ судить не могу; однако нельзя не замѣтить, что, если ученые считаютъ возможнымъ и вѣроятнымъ, что такой древній народъ, какъ Венеты Пафлагонскіе, жившій за сотни лѣтъ до Р. Х., и еще въ древности исчезнувшій и утратившій свою народность, могъ понынѣ сохранить нѣкоторыя типическія черты и особенности, то тѣмъ безспорно справедливѣе наше предположеніе о Славянскихъ поселеніяхъ VII, VIII и сл. вѣк. по Р. Х.

IV. Выше представленными данными не ограничиваются извѣстія наши о Славянскихъ поселеніяхъ въ М. Азіи. Еще въ 1808 г. Сальватори, на пути своемъ изъ Константинополя въ Персію, напалъ на Болгарскую деревню между Никомидіею и Никеею; въ письмѣ своемъ къ Д. Карено онъ описываетъ ея обитателей такимъ образомъ: «За день пути до Никеи мы ночевали въ одной деревнѣ подъ названіемъ *Кизъ-Дербентъ* (или Kyz-Derrent), населенной одними Болгарами (di soli Bulgari). Около двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ (т. е. около 1608 г.), семь семействъ Болгарскихъ, гонимыя за вѣру (per motivo di religione), покинули свою родину и поселились въ этомъ мѣстѣ, го-

ристомъ и лѣсистомъ. Но чего не достигаетъ человѣческое искуство! Теперь считается ихъ 150 семей, живутъ себѣ покойнѣе, чѣмъ прежде на родинѣ; собираютъ много льну, шелку и плодовъ. На зарѣ я видѣлъ, что множество женщинъ и дѣвушекъ трепали ленъ точно такимъ же образомъ, какъ у насъ въ Италіи; веселыя, онѣ встрѣчали восходъ солнца пѣснями»[1].

Вспомнимъ, что въ окрестностяхъ Никеи издавна были поселенія Славянскія. На западъ отъ Никеи, въ верстахъ полутораста отъ Киз-Дербента, на берегу озера Маньясскаго, находится другое Славянское поселеніе, именно Русская колонія, у Турокъ называемая *Козакли*, вѣроятно та самая, что обозначена у Киперта на западномъ берегу Маньясскаго озера подъ тѣмъ же названіемъ (Kazacly).

Первое о ней извѣстіе сообщилъ ученый Англійскій путешественникъ Гамильтонъ. Онъ посѣтилъ ее въ 1837 г. мая 30. «Мы пришли, говоритъ, въ большую деревню, называемую Казакли, что на западномъ берегу озера (Маньясскаго). Вступивъ въ нее, я прежде всего былъ пораженъ деревяннымъ крестомъ, возвышавшимся надъ небольшимъ строеніемъ, по всей вѣроятности часовнею, а еще болѣе прекрасною наружностью и Тевтонскимъ (т. е. Европейскимъ) выраженіемъ женщинъ и дѣтей, ихъ чистою одеждой и живостью ихъ движеній, столь противоположною важности Турокъ и равнодушію (listlessness) Грековъ. Оказалось, что это Козацкое поселеніе, устроенное Портою по взятіи Измаила Русскими; предки ихъ предпочли Турецкое владычество Русскому. Жители сохраняютъ свой языкъ и свой нарядъ и немногіе изъ нихъ умѣютъ говорить по-Турецки: нарядъ мужчинъ и мальчиковъ состоитъ изъ длиннаго бѣлаго кафтана (frock), вышитаго разными цвѣтами внизу и на воротѣ и изъ черной бараньей шапки (Персидской). Съ ними Турки обходятся весьма ласково, они имѣютъ своего старшину, пользуются самоуправленіемъ и не платятъ податей правительству.

---

1. Slowanka. zur Kenntniss d. alten u. neuen slaw. Literat. d. Sprachkunde nach allen Mundarten, d. Gesch. u. Alterthumer. von I. Dobrowsky. Prag. 1814. I, 86. «Bulgaren in Klein-Asien».

Озерная рыба и стада ихъ составляютъ главный источникъ ихъ пропитанія»[1].

Въ 1850 г. вышло другое, гораздо полнѣйшее описаніе этой Русской М. Азійской колоніи. Авторъ его, Мак-Фарленъ, лично посѣтилъ и подробно описалъ ее, какъ очевидецъ[2]. До личнаго посѣщенія своего Маньясской колоніи, онъ не могъ собрать никакихъ порядочныхъ свѣдѣній. «Такъ одинъ Турецкій эффенди въ Сизикѣ описывалъ Маньясскихъ казаковъ весьме спокойнымъ, промышленнымъ и честнымъ народомъ, но очень нелюдимымъ и исключительнымъ; онъ сознавался, впрочемъ, что самъ онъ никогда не бывалъ въ колоніи. Другой Турокъ, напротивъ того, изображалъ ихъ чрезвычайно звѣрскими и находилъ въ нихъ главный порокъ, что они не курятъ табаку. Одинъ Грекъ замѣтилъ, что они не пьютъ ни вина, ни водки и никогда не рѣшатся пить воду изъ того же самаго стакана или сосуда, изъ котораго прежде пилъ кто-либо чужой, былъ ли то христіанинъ или мусульманинъ. Приближаясь къ самой колоніи Мак-Фарленъ наводилъ дальнѣйшія о ней справки и былъ крайне изумленъ, что Турки, въ самомъ близкомъ съ нею сосѣдствѣ, знали о ней очень мало: одинъ молодой Турокъ подтвердилъ ему прежнее сказаніе, что они гнушаются табаку — въ его глазахъ знакъ неизъяснимаго звѣрства. Другіе Турки отдавали казакамъ справедливость, что они очень хорошіе рыболовы, но, впрочемъ, отзывались о нихъ съ презрѣніемъ, какъ о недостойномъ, отверженномъ племени, живущемъ чрезвычайно неопрятно»[3]. Мак-Фарленъ приближается къ Маньясскому озеру. «Вскорѣ — говоритъ онъ — намъ открылся полный видъ Маньясскаго озера и мы увидѣли довольно большое турецкое селеніе, пріятно расположенное на скатѣ холма и спускавшееся

1. *Hamilton* (Will. J.) Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia. London. 1842. II, 105—106.

2. Mac Farlane (I.) Turkey and its destiny. 1850. Vol. I, 475—491. Г. Свенске представилъ переводъ этого описанія и извлеченіе изъ него въ Вѣстн. Геогр. Общ. 1855, кн. III, отд. III, с. 1—12. Пользуюсь имъ, изрѣдка дополняя его собственнымъ переводомъ тѣхъ впрочемъ весьма немногихъ мѣстъ, что имѣютъ нѣкоторый интересъ и нѣсколько сокращены у почтеннаго ученаго нашего.

3. См. Г. Свенске (Вѣстн.) «Русская колонія въ Малой Азіи. С. 2.

до самаго края озера. Проѣхавъ небольшую рощу малорослыхъ дубовъ и миновавъ пространное Турецкое кладбище, мы увидѣли передъ собою казацкое селеніе (у Турокъ — Козакли), лежащее на самомъ берегу озера. Людей не было видно вовсе.

Прибывъ въ селеніе въ 10 часовъ утра (18 Ноября 1847 г.), мы вступили въ него хорошею, просторною, прямою улицею, спускающеюся къ озеру. Все еще намъ не попадалось на глаза ни одной души. Дома по обѣ наши стороны казались опрятнѣе и несравненно лучше поддерживаемыми, чѣмъ всѣ доселѣ нами встрѣченные; но мы могли видѣть только малую ихъ часть, потому что каждый домъ стоитъ посреди огороженнаго двора и обращенъ къ улицѣ только одною стѣною двора, воротами и запертою калиткою. По достиженіи края озера мы замѣтили нѣсколькихъ очень бѣлокурыхъ дѣтей, опрятно и хорошо одѣтыхъ, а потомъ двухъ или трехъ очень рослыхъ и стройныхъ женщинъ въ коротенькихъ юбкахъ. Всѣ онѣ казались застѣнчивыми и мало понимавшими, что было имъ сказано по Турецки. Наконецъ онѣ смекнули, что мы спрашиваемъ, гдѣ находится домъ ихъ бея или старосты. Маленькій мальчикъ не подходя къ намъ близко, подалъ знакъ, что покажетъ намъ дорогу. Онъ повелъ насъ нѣсколько вверхъ по улицѣ, которою мы спустились, и постучался у одной весьма красивой двери. Сначала по открытіи дверей показалась высокая, худошавая, старая женщина, но, увидѣвъ насъ, тотчасъ скрылась, не говоря ни слова и не подавъ намъ ни малѣйшаго привѣтствія или поклона. Спустя нѣсколько минутъ вышелъ самъ старый бей и, остановясь у своего порога, не сдѣлалъ намъ приглашенія переступить черезъ него. Онъ довольно хорошо говорилъ по-Турецки и былъ высокаго роста, съ густою бородой и чистой, почтенной наружности. На вопросы, которые мы предложили ему относительно этой любопытной колоніи, онъ отвѣчалъ намъ коротко, но довольно вѣжливо; сказалъ однако, что боится впустить насъ въ свой домъ или ближе подойти къ намъ, потому что слышалъ отъ своихъ людей, что въ Константинополѣ жестоко свирѣпствуетъ холера.

Сколько ни ошибочно, вѣроятно, мнѣніе насчетъ заразительности ея и какъ намъ ни была непріятна его осторожность,

однако мы не могли не принять ее за нѣкоторое доказательство цивилизаціи.

Мы спросили, гдѣ найти намъ священниковъ, какъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ надѣялись получить желаемыя нами свѣдѣнія о колоніи. Бей, имѣвшій патріархальную осанку, сказалъ, что укажетъ намъ дорогу къ ихъ дому, и, надѣвъ на голыя свои ноги туфли, вышелъ и проводилъ насъ внизъ по улицѣ, держась однако нѣсколько поодаль отъ насъ. Дойдя до конца улицы, мы узнали, что священники отправились на рынокъ или ярмарку въ недальній Турецкій городъ.

Между-тѣмъ вышли и другія женщины и дѣти; но всѣ онѣ держались въ отдаленіи, и въ то время, когда я занялся снятіемъ небольшаго эскиза части озера, бей повернулъ назадъ къ своему дому, безъ всякихъ разговоровъ. Мы уже стали было думать, что казаки дѣйствительно заслуживаютъ упрекъ нелюдимости и холодности, дѣлаемый имъ Турками и Греками. Но какъ съ беемъ можно было объясняться на понятномъ намъ языкѣ, чего, повидимому, нельзя было ни съ кѣмъ другимъ въ деревнѣ, и какъ мы были очень голодны, то скоро послѣдовали за старикомъ и постучались вновь у его дверей, чтобы предложить еще нѣсколько дальнѣйшихъ вопросовъ и попросить его, чтобы онъ далъ намъ хотя нѣсколько хлѣба. Мы сказали ему, что если онъ опасается насъ, то мы будемъ держать свою трапезу внѣ его дверей на улицѣ; что у насъ, впрочемъ, нѣтъ ни холеры, ни другой какой-либо болѣзни, а только хорошій аппетитъ, а что касается Константинополя, то мы давно не были вблизи его. Мало по малу опасенія старца разсѣялись и онъ пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ, самый опрятный и безспорно красивѣйшій, который мы видѣли въ М. Азіи. Первая горница, въ которую мы вошли, была просторная гостиная, самый лучшій покой во всемъ домѣ. Она была около 50 футовъ длиною и 25 шириною; стѣны ея были хорошо оштукатурены и выбѣлены, и на нихъ не видно было ни одного пятна грязи и ни малѣйшей пыли. Кровля безъ всякаго промежуточнаго потолка была изъ камыша, красиво вырѣзаннаго и сложеннаго внутри; полъ состоялъ изъ песку, смѣшаннаго глиною, и былъ мѣстами выложенъ раковинами и кремешками. Вокругъ всего

покоя находился выступъ изъ стѣнъ, фута въ два шириною и почти такой же вышиною, и этотъ выступъ служилъ вмѣсто дивана. Противъ самаго входа были большія открытыя двери, которыя въ холодную погоду завѣшивались коврами, и чрезъ это-то отверстіе могли мы видѣть небольшой, крѣпко огражденный заборомъ огородъ, по обѣимъ сторонамъ котораго были расположены небольшія спальни и другія комнаты. У самаго конца сада была перегородка изъ высокаго камыша или озернаго тростника, красиво поставленная и перевитая: а позади ея находился птичій дворъ, вблизи же, но нѣсколько въ сторонѣ другая подобная же стѣна, за которою скрывалась кухня; хорошая, широкая, гладкая дорожка, красиво выложенная кремнями, вела отъ залы до конца сада. Все носило печать первобытной простоты, но было красиво, порядочно и чрезвычайно чисто, и все это произведено руками казаковъ.

«Бей своими собственными руками положилъ передъ нами на столъ хлѣбъ и луковицы и велѣлъ своей дочери, высокой, стройной и опрятной женщинѣ, сварить нѣсколько свѣжихъ яицъ. Мука была лучше смолота и хлѣбъ вообще лучше всякаго другаго, который мы отвѣдывали въ М. Азіи. Спустя немного вошелъ другой старый сѣдой казакъ, а вслѣдъ за нимъ смуглый, небольшаго роста мужчина въ мѣшковатомъ платьѣ изъ крѣпкаго, но грубаго сукна. Послѣдній былъ одинъ изъ учителей колоніи, потому что у казаковъ заведена даже и школа. Онъ показался мнѣ лѣтъ отъ 30 до 40, говоритъ по-Турецки, хотя не очень плавно, и сказалъ намъ, что ему 38 лѣтъ отъ роду, и что онъ былъ первое дитя, родившееся въ колоніи, со времени ея основанія.

За завтракомъ своимъ мы предлагали бею разные вопросы насчетъ колоніи. Мы узнали отъ него, что она состоитъ изъ донскихъ казаковъ, что, согласно съ преданіемъ, предки ихъ лѣтъ за 280 переселились съ Дона на Дунай; но когда Дунайская колонія размножилась до того, что уже не могла достаточно питаться рыболовствомъ, то она лѣтъ за 39 выслала отъ себя человѣкъ около 300, и что за исключеніемъ немногихъ, умершихъ на пути, эта отрасль Дунайской колоніи, принятая подъ покровительство султаномъ, прибыла къ Маньясскому озеру и

поселилась въ такомъ мѣстѣ, гдѣ хорошо ловилась рыба и было водяное сообщеніе между озеромъ и моремъ. Лѣтъ же за 14 или 15, воспослѣдовало второе поселеніе туда же съ Дуная. Они вскорѣ размножились; но потомъ число ихъ убавилось отъ многократныхъ посѣщеній чумы. Въ теченіе же десяти послѣднихъ лѣтъ, они были пощажены этимъ бичемъ, и все это время населеніе колоніи постоянно возрастало.

Семейства этихъ сыновъ Дона были вообще многочисленны, и дѣти ихъ очень сильны и здоровы. Климатъ не производилъ на нихъ никакого дѣйствія: они едва знали, что такое злокачественная лихорадка (malaria fever), хотя окрестности озера слывутъ весьма благопріятными развитію этой гибельной заразы, и живущіе въ бассейнѣ его Турки безпрестанно страдаютъ отъ перемежающихся лихорадокъ [1]. Видъ не только всѣхъ дѣтей, но и всѣхъ взрослыхъ женщинъ, которыхъ мы видѣли, подтверждалъ справедливость вышеприведеннаго замѣчанія: всѣ они отличались здоровьемъ, свѣжестью и силой. Нѣкоторыя изъ дѣтей были очень пригожи, съ голубыми глазами и съ бѣлыми, какъ ленъ, волосами. Лицемъ они очень похожи на юныхъ нашихъ Нортумберландцевъ, дѣтей югозападнаго берега Шотландіи, въ которыхъ много Датской крови. Самъ бей и другіе старцы не имѣли, за исключеніемъ длинной ихъ бороды, ничего восточнаго, а напротивъ видъ совершенно западно-Европейскій. Бей съ возвышеннымъ челомъ и съ орлинымъ носомъ. Мы замѣтили здѣсь только одно калмыцкое лице, именно у школьнаго учителя, родившагося въ колоніи. Колонія нынѣ считаетъ 300 домовъ и 5 церквей. Намъ сказали, что въ селеніи 5 школьныхъ учителей и два священника; что эти послѣдніе Русскіе уроженцы и что они ушли на ярмонку. Козаки питаютъ ненависть къ Россіи; однако вся ихъ образованность идетъ оттуда. Дѣти учатся читать и писать по Русски. Всѣ ихъ книги Московской печати. Бей показывалъ

1. Вѣроятно, Донскіе переселенцы спасаются отъ нея чистотою, опрятностью и порядкомъ, наблюдаемыми ими во всемъ ихъ быту. Не служитъ ли это доказательствомъ, что климатъ Малой Азіи былъ бы гораздо здоровѣе, если бы она была обитаема племенемъ болѣе чистоплотнымъ и менѣе небрежнымъ, нежели Османлы?

намъ огромный томъ, въ кожаномъ переплетѣ съ деревянными застежками; кажется то была Священная Исторія съ молитвословомъ Православной Церкви; книга весьма чисто напечатанная на плотной бумагѣ, но заглавнаго листа недоставало. Другія ихъ книги церковныя, народныя, сказки и повѣсти. Школьный учитель обѣщалъ показать три или четыре весьма старыя рукописи, но Богъ вѣсть почему, не сдержалъ своего слова.

Сравнительно высокое образованіе Донскихъ козаковъ, ихъ трудолюбіе и порядокъ, чистота и красивость ихъ жилищъ хорошо извѣстны. Колонія этого племени, расположенная на островахъ, озерахъ и тоняхъ Нижняго Дуная, состоитъ въ случайныхъ сношеніяхъ съ своею родною общиною на Дону, а отрасль Маньясская пребываетъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Дунайскою. И такъ длинною и любопытною цѣпью Русско-козацкое образованіе оживляется и поддерживается въ этомъ углу Малой Азіи.

Хозяева наши дѣйствительно гнушались табакомъ, какъ курительнымъ, такъ и нюхательнымъ; но они отрицали, будто не любятъ вина, водки или какихъ-либо хорошихъ крѣпкихъ напитковъ. Это утвержденіе они доказали на дѣлѣ, весьма дружелюбно прибѣгая къ нашей флягѣ. Намъ было сказано, что они не пьютъ изъ того же стакана или рюмки, изъ которыхъ прежде пилъ кто либо чужой, и что если сосудъ принадлежитъ имъ самимъ, то въ этомъ случаѣ разбиваютъ его на куски и бросаютъ въ сорную яму, какъ нѣчто опоганенное или осквернённое. Они увѣряли насъ, что это только справедливо въ отношеніи къ мусульманамъ, и что они не пьютъ изъ того же сосуда послѣ Турка, потому что онъ всегда куритъ табакъ и не христіанинъ. Но они не обинуясь пили изъ одного и того же кубка съ нами. Отъ куренія табаку они воздерживаются. Мы замѣтили имъ, что большая часть христіанъ, живущихъ, какъ и они, посреди водъ и въ сырыхъ, болотистыхъ мѣстностяхъ, очень преданы куренью табаку, которое въ извѣстной степени и въ такихъ случаяхъ даже полезно для здоровья. Но они не хотѣли и слышать объ этомъ: если табакъ и полезенъ тѣлу, то онъ разстраиваетъ и губитъ душу, кто куритъ, тотъ уже не христіанинъ, такъ и Москали потому не христіане; Турки

только и дѣлаютъ, что курятъ; они поганые и за свое куренье пойдутъ во тьму кромѣшную.

Ни Русскихъ, ни Грековъ они не считаютъ настоящими христіанами; говорятъ про нихъ, что они вдались въ ереси, ввели новые обычаи и обряды и удалились отъ истинной старой вѣры, которая сохраняется только у Донскихъ козаковъ, да еще у немногихъ другихъ, живущихъ въ Россіи. Наши Маньясскіе пріятели знаютъ царя Московскаго, падишаха Турецкаго, цесаря Австрійскаго; у нихъ сохранились страшныя преданія о войнѣ 1812 г.; о другихъ же государяхъ, странахъ и народахъ они имѣютъ самыя неясныя понятія. Такъ бей спросилъ у меня, принадлежитъ ли наша земля, Англія, Французамъ? Музыкальныхъ инструментовъ у нихъ вовсе не имѣется, по праздникамъ же они поютъ пѣсни хоромъ и пляшутъ подъ нихъ.

Нынѣ въ Маньясской колоніи считается до 500 взрослыхъ мужчинъ. Они пользуются льготой отъ плажежа податей, въ случаѣ войны обязаны только поставлять султану извѣстное число всадниковъ, именно половину числа способныхъ носить оружіе. По ихъ словамъ, въ гибельную для Турціи войну 1828—29 годовъ, они поставили 160 воиновъ, вооруженныхъ пиками и служившихъ въ иррегулярной конницѣ. Иные изъ нихъ были убиты, другіе умерли отъ болѣзней между Варною и Дунаемъ, но большая часть здраво и невредимо воротилась къ Маньясскому озеру. Они очень крѣпкаго сложенья, и каждая изъ женщинъ, которыхъ мы видѣли, казалась какъ бы рожденною быть матерью гренадеровъ. Между тѣмъ, какъ мы бесѣдовали съ беемъ, женщины его дома входили и выходили по своимъ домашнимъ дѣламъ безъ всякаго замѣшательства: онѣ, казалось, вовсе не замѣчали насъ и нисколько не смущались нашимъ присутствіемъ, а между тѣмъ иностранцы для нихъ диковинка. Онѣ чрезвычайно трудолюбивы, расторопны и ловки: всѣ обладали удивительною сноровкою. Одна пожилая женжина принесла какую то жалобу къ бею, который и старшина и судья колоніи. Она стояла прямо посреди горницы въ позиціи древняго витіи, и одно мгновеніе точно имѣла позу дивной старинной Греческой статуи, слывущей подъ именемъ Аристида

Праведнаго. Она говорила съ важностью и силою, безъ крика и площадныхъ манеръ. Я желалъ бы, чтобъ иные изъ ораторовъ нашей Нижней Палаты присутствовали притомъ, чтобы взять себѣ назидательный урокъ отъ этой козацкой дамы. Хотя мы ни слова не поняли изъ того, что она говорила, однако мнѣ стало жаль, когда она окончила свою рѣчь.

Турокъ они презираютъ: «когда приходятъ они къ намъ безъ своего табаку и чубуковъ, то мы ихъ пускаемъ въ селеніе и позволяемъ имъ сидѣть внѣ домовъ нашихъ; но если приходятъ они сюда съ шумомъ и буйствомъ, какъ они это обыкновенно дѣлаютъ въ Греческихъ деревняхъ, то мы выгоняемъ ихъ дубинами. Но они почти никогда не тревожатъ насъ. Турокъ не можетъ путешествовать и совершенно пропалъ бы безъ трубки, а мы не терпимъ здѣсь курителей табаку, не хотимъ, чтобы деревня наша опоганилась. Поэтому они держатся поодаль отъ насъ и почти ничего о насъ не знаютъ. Мы ходимъ въ ихъ города и деревни и справляемъ тамъ немногія свои дѣла, но всегда принимаемъ осторожность не оставлять нашего села безъ надлежащаго прикрытія. Еслибъ мы этого не соблюдали, дома наши давно уже были бы сожжены и разграблены, и Богъ вѣсть, что сталось бы съ нашими женами и дѣтьми. Но нынѣ Турки довольно покойны. Кругомъ насъ Турки всѣ трусливы, какъ бабы. Только шалятъ нѣкоторые изъ нихъ на озерѣ Аполлонійскомъ».

Политическія учрежденія колоніи весьма димократическія, хотя едва ли достаточныя для теоретиковъ 1848 г., ибо прекрасный полъ не имѣетъ права голоса, а у мужчинъ онѣ останавливаются на всеобщей подачѣ голосовъ (universal suffrage). Они преимущественно пользуются этою свободою при избраніи гетмана или бея. При такихъ выборахъ старѣйшины и отцы семействъ собираются въ главной церкви и подаютъ свои голоса одинъ за другимъ, безъ всякой балотировки, и тотъ изъ кандидатовъ, который имѣетъ за собою большинство голосовъ, становится беемъ, правителемъ, судьею на одинъ годъ. Иногда любимый бей удерживаетъ это званіе и два года сряду безъ новаго выбора. Въ важныхъ случаяхъ бей созываетъ совѣтъ старѣйшинъ. На рѣшеніе бея въ совѣтѣ уже нѣтъ никакой даль-

нѣйшей аппеляціи. Впрочемъ, распрей въ общинѣ бываетъ немного, потому что они народъ спокойный и порядочный и рѣдко между собою ссорятся, развѣ иногда за чарою вина. У нихъ вовсе нѣтъ тюрьмы. Нынѣшнему бею было 75 лѣтъ отъ роду и онъ имѣлъ видъ, что проживетъ до ста лѣтъ.

Они всего болѣе занимаются рыболовствомъ, потомъ скотоводствомъ, всего менѣе хлѣбопашествомъ. Они содержатъ свой скотъ на прекрасныхъ, обширныхъ, естественныхъ пастбищахъ по обѣимъ сторонамъ селенія, и на зиму припасаютъ сѣно для скота. Почти каждый домъ имѣетъ свои сѣнокосы. Сѣно было хотя и не отличнаго качества, но вкусно и здорово, а не черно, какъ мы то прежде видѣли въ другихъ деревняхъ. Каждый домъ, кажется, имѣлъ также свою лошадь. Мы видѣли въ деревнѣ нѣсколько хорошихъ быковъ и двѣ или три порядочныя коровы. Если поселенцы не заняты рыбною ловлею или приготовленіемъ рыбъ, то они пускаются въ извозничество, перевозя для Турокъ разные товары и произведенія изъ города въ городъ; ихъ арбы или телеги, собственной ихъ постройки, несравненно лучше всѣхъ, которыя мы видѣли въ этомъ краю или даже въ Румиліи. Возвращаясь домой изъ своего извозничества, за которое берутъ съ Турокъ особую наличную плату, они нагружаютъ свои арбы пшеницею, ячменемъ, овсомъ и проч., для собственнаго своего потребленія. Въ деревнѣ у нихъ были четыре мельницы довольно простой постройки, которыя, однако, гораздо лучше исправляли свое дѣло, чѣмъ турецкія.

Лодки ихъ, видѣнныя нами на озерѣ, выдолблены изъ деревъ, какъ челноки Индѣйцевъ. Онѣ очень тонки по бокамъ, но внутри скрѣплены ребрами. Дерево, обыкновенно ими на этотъ конецъ употребляемое, есть малорослый, толстый, черный тополь тамошнихъ краевъ, дерево котораго чрезвычайно легко. Онѣ съ обѣихъ концовъ остры, не плоскодонны, а имѣютъ, напротивъ того, дно круглое, безъ всякаго киля. На этихъ не большихъ утлыхъ ладьяхъ, козаки ловятъ рыбу въ Маньясскомъ озерѣ, плывутъ по рѣкѣ Кара-дере, текущей изъ озера въ Рындакъ, спускаются по Рындаку въ Мраморное море, переплываютъ это море до Родоста и Галлиполи, проходятъ чрезъ Дарданеллы, въ верхъ по Эносскому заливу къ Адріано-

полю, или въ верхъ по Солунскому заливу до Солуня; или же, принимая противуположное направленіе, пересѣкаютъ Пропонтиду до Силивріи, оттуда идутъ въ Царьградъ и на сѣверъ чрезъ Босфоръ и въ верхъ по бурному Черному морю къ устьямъ Дуная. Англійскіе купеческіе моряки не рѣдко съ изумленіемъ видятъ ихъ во время этихъ поѣздокъ. Одинъ членъ Американскаго посольства однажды крайне изумился, увидя двѣ изъ такихъ лодокъ, по видимому, не толще орѣховой шелухи, далеко въ морѣ, несомыя вѣтромъ въ Черноморскую бурю. Если вѣтеръ не силенъ и попутенъ, они пользуются небольшимъ парусомъ, но по большей части идутъ на валахъ, близко придерживаясь берега. Нерѣдко они берутъ съ собою въ эти дальнія поѣздки также своихъ женъ и дѣтей. У каждаго изъ нихъ есть родственники и друзья между дунайскими козаками, и нѣкоторыя изъ ихъ семействъ, черезъ каждыя два или три года, посѣщаютъ своихъ родныхъ. На вопросъ: не погибаютъ ли нѣкоторые изъ нихъ на морѣ? они отвѣчали: «очень рѣдко». Дѣло въ томъ, что они отличные знатоки погоды и принимаютъ всевозможное стараніе, чтобы не быть въ морѣ во время бури. Если погода ненадежна, они не пересѣкаютъ Мраморнаго моря или какого либо изъ его заливовъ, а плывутъ вдоль берега, пока не дойдутъ до Дарданеллъ или Босфора. По долговременному навыку они знаютъ всѣ бухты и губы вдоль по берегамъ, и въ случаѣ противныхъ вѣтровъ втаскиваютъ легкіе свои челноки на какой либо уединенный берегъ и остаются тамъ, пока не утихнетъ буря [1]. Сверхъ того они могутъ обыкновенно расчитывать на три или четыре мѣсяца благопріятной погоды въ году. Въ эти жаркіе мѣсяцы случается, что они принужде-

1. Г. Броунъ, членъ Американскаго посольства, посѣтилъ другую Козацкую колонію на Деркоискомъ озерѣ, на Европейской сторонѣ Чернаго моря, верстахъ въ 45-ти отъ Константинополя. Онъ удостовѣрился, вмѣстѣ со своимъ спутникомъ, Бельгійскимъ пасторомъ, что это также Донскіе Козаки и только часть того племени, которое поселилось на Маньясскомъ озерѣ. Во время его посѣщенія на лице было не болѣе 50 Козаковъ. Мѣстоположеніе живописно и прекрасно. Это озеро Дерконъ должно быть хорошею станціею во время плаванія ихъ къ Дунаю и обратно. — Примѣч. Макъ-Фарлена.

ны бываютъ перевозить свои челноки на арбахъ сухимъ путемъ: въ одно очень знойное лѣто рѣка Кара-дере изсякла, начиная отъ устья своего на озерѣ внизъ до Балукли: посему они волокомъ перетащили свои лодки отъ береговъ озера до одной знакомой имъ мызы и тамъ, снявъ ихъ съ своихъ арбъ, снова спустили на воду.

Отобравъ отъ бея всѣ эти свѣдѣнія, мы распрощались съ нимъ и прошлись съ полчаса по этой любопытной колоніи. Это была довольно длинная деревня, отдѣленная большимъ пустымъ пространствомъ, на которомъ стояли вѣтряныя мѣльницы. Простые дома были хотя и не такъ щеголеваты, какъ домъ стараго бея, однако очень красивы и опрятны, т. е. судя по наружности, потому что хотя путешественники входили въ небольшіе ихъ дворы или садики, но ни одинъ изъ обывателей не приглашалъ ихъ войти далѣе. Очевидно, что они были нѣсколько нелюдимы; но надобно принять въ разсчетъ и то, что они боялись холеры, и что мужчины были всѣ въ отлучкѣ, въ путешествіяхъ или для рыбной ловли на верхнемъ краю озера. Мы почти никого не видѣли дома или на улицѣ, кромѣ женъ и дѣтей: а эти не говорятъ по турецки. Женщины всѣ были босоноги и въ коротенькихъ юбкахъ, едва достигающихъ до икоръ. Впрочемъ одежда ихъ изъ бумажной ткани очень красива и опрятна. На головѣ онѣ носятъ яркаго цвѣта бумажный платокъ, повязанный не въ видѣ чалмы, а просто какъ платокъ. Одежда дѣтей болѣе чѣмъ красива: она изящна и живописна; мальчики носятъ родъ кафтанчика (tunic), спускающагося нѣсколько пониже колѣна и шальвары. И то и другое изъ крѣпкой, толстой бѣлой бумажной матеріи, покупаемой въ довольно отдаленномъ городѣ Балукъ-Гиссарѣ, гдѣ ежегодно бываетъ важная для этой части Анатоліи ярмонка. Кафтанчикъ красиво окаймленъ вокругъ шеи и внизъ по груди разными яркими тесьмами. Одежда стараго бея была такая же точно, какъ и мальчиковъ, за исключеніемъ красивыхъ каемъ. Толстая бумажная матерія кафтана такъ же тепла, какъ сукно. Мужчины всѣ носили мѣховую или кожаную шапку, плотно прилегающую къ головѣ.

Двѣ главныя церкви очень красивы, просты и опрятны;

одна изъ нихъ снаружи оштукатурена и выбѣлена. Обѣ снабжены крестами, которыя смѣло возвышаются съ лицевой стороны зданія и обѣ крыты красной черепицей, тогда какъ всѣ прочіе жилые домы крыты камышемъ. Этотъ озерный тростникъ, достигающій здѣсь высокаго роста, служитъ для многоразличныхъ употребленій, какъ бамбуковый въ Китаѣ. Козаки дѣлаютъ изъ него прочные заборы, разнаго рода перегородки, лѣтніе паруса для своихъ судовъ, вири для ловли рыбъ, ковры для лежанія, покрывала для своихъ арбъ, а дѣти дѣлаютъ изъ нихъ стрѣлы, которыми иногда убиваютъ плавающихъ рыбъ. Съ одного конца селенія до другаго вездѣ чистота, порядокъ, дѣятельность и сравнительно съ другими мѣстами въ этомъ краю нѣкоторое изобиліе и благосостояніе».

Другая извѣстная Русская колонія въ М. Азіи т. е. третье Славянское въ ней поселеніе, лежитъ недалеко отъ Синопа. Образованіе ея произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ 1708 г. Некрасовъ съ 7 или 8,000 человѣкъ пошелъ на Кубань. Султанъ далъ имъ земли для поселенія, освободилъ отъ податей и даровалъ многія другія преимущества. Они поселились въ Тамани, въ 30 верстахъ отъ моря и выстроили 3 городка: Ханъ Тюбе, Кара Игнатъ и Себелей. «По прежней привычкѣ они ходили по Черному Морю для грабежа, въ числѣ 500 человѣкъ служа Крымскимъ Ханамъ; нерѣдко хищникамъ бусурманскимъ показывали дорогу къ Царицыну, къ Черкаску *и посредствомъ прежнихъ своихъ пріятелей заводили на Дону смуты*[1]. Въ Турецкую войну (1736—9 г.) Донскіе Козаки съ Калмыками сожгли Ханъ Тюбе и много скота отогнали. Некрасовцы, скрывшись въ горахъ, возвратились на прежнее жительство по минованіи уже войны. Въ 1777 г., когда Кубань сдѣлалась Россійскою границею, Некрасовцы отошли къ теперешней Анапѣ и поселились на земляхъ Абазинскаго поколѣнія Шегани, между рѣчкою Заны и моремъ. По присоединеніи же Крыма къ Россіи, они удалились въ Анатолію, гдѣ близъ

1. Точно такъ и Славяне Азійскіе не прерывали своихъ связей съ земляками своими въ Болгаріи и Сербіи, или Славяне Азійскіе между собою, т. е. Арабскіе съ оставшимися вѣрными имперіи.

Синопа у пригородка Чершамба, поселились. Изъ Азіи выгнала ихъ чума и наши раскольники, переплывъ море, водворились на р. Днѣстрѣ, въ 80 верстахъ выше Овидіополя, въ слободѣ Чобругахъ. Наконецъ, не хотя быть Русскими (т. е. подданными), въ 1787 г. отошли въ Булгарію къ рѣчкѣ Дунавцу и озеру Розельмъ. Въ селеніи ихъ Дунавцы считалось до 1,200 дворовъ; въ другомъ селеніи Сахъ-Кіой, жили тѣ изъ ихъ собратій, которые при Биронѣ бѣжали за границу [1]. Сихъ послѣднихъ Донскіе выходцы, принадлежавшіе къ самой закоснѣлой сектѣ суесвятовъ, въ совмѣстное съ собою жительство не принимали, и даже въ родство съ нимъ не входили. Некрасовцы, служа султанамъ, во время войны выходили въ поле, въ числѣ 3000 человѣкъ, почитавшихся въ Турецкой арміи храбрѣйшими наѣздниками». Въ 1828 г. Некрасовцы добровольно предались Русскому правительству и присягнули Государю [2]. Приведенное нами извѣстіе Броневскаго о Некрасовцахъ не совсѣмъ вѣрно. Не всѣ Некрасовцы ушли изъ подъ Синопа: понынѣ часть ихъ живетъ неподалеку отъ Синопа, въ урочищѣ Кизиль-Ирмакъ или Кунджувасъ. Вотъ подлинныя слова одного Кавказскаго старожила: «Свѣдѣнья эти (о Некрасовцахъ, тѣ же, что сообщены выше) сообщены мнѣ Черкасскими старожилами въ то время, когда я жилъ между непокорными Натухажцами, т. е.

---

1. Болтинъ такъ говоритъ о времени Бироновскомъ: «Въ городахъ бряцанія кандаловъ, жалобные гласы колодниковъ, просящихъ милостыню отъ проходящихъ, воздухъ наполняли. *Изъ порубежныхъ провинцій многія тысячи крестьянъ, бѣжавъ съ женами и съ дѣтьми, поселилися въ Польшѣ, Молдавіи и Валахіи.* (Примѣч. на Ист. древн. и нов. Россіи Г. Леклерка. Соч. Ив. Болтина. Спб. 1788. II, 469). А въ другомъ мѣстѣ, говоря о народонаселеніи Россіи въ періодъ 1721—1783 г., онъ замѣчаетъ: «Сколько за границу ушло точно сказать не могу; но судя по великимъ слободамъ Русскихъ крестьянъ, поселенныхъ въ Бѣлоруссіи, Польшѣ, Литвѣ, Валахіи, Молдавіи и даже за Дунаемъ въ Болгаріи, не менѣе 250,000 душъ полагаю». (II, 323). Не мѣшаетъ при семъ вспомнить, что Кіевляне 1068 г., когда Изяславъ Ярославичъ привелъ на нихъ Ляховъ (землю Лядскую), послали сказать Святополку и Всеволоду: «а поидета въ городъ отца своего; аще не хочета, *то намъ неволя: зажегше градъ свой, ступимъ въ Греческу землю*». (Р. Л. I, 74).

2. Исторія Донскаго войска. Влад. Броневскаго. Спб. 1834. I, 269.

въ 20-хъ годахъ. Въ памяти твердо сохранилось воспоминаніе о прибытіи къ нимъ, а въ послѣдствіи и объ отплытіи Казаковъ въ Анатолію. По изустнымъ преданіямъ они извѣстны до сей поры у Черкесъ подъ двоякимъ названіемъ: Джилаль-Казакъ и Урусезій. Проживъ долгое время на восточномъ берегу Чернаго моря, гдѣ, по обязанностямъ службы, я имѣлъ частыя сношенія съ Турками, прибывавшими къ намъ по торговымъ дѣламъ изъ разныхъ мѣстъ Анатоліи, я окончательно убѣдился въ существованіи другой Русской колоніи (первая на берегу Маньясскаго озера) въ Малой Азіи, недалеко отъ Синопа»[1].

При устьи одного изъ рукавовъ р. Галиса или нынѣшняго Кизиль-Ирмакъ находится гористая мѣстность, называемая *Загора* или *Загорье*, и другая мѣстность *Конопля*(?)[2] — названія Славянскія, указывающія на бытность въ этихъ мѣстахъ Славянскихъ поселеній. «Еще далѣе на востокъ, — говоритъ Шафарикъ, — если вѣрить въ этомъ случаѣ одному Греческому духовному, видѣвшему то собственными глазами, находятся на томъ же Евксинскомъ поморьѣ, въ окрестностяхъ гор. Трапезунта, нѣсколько селеній, обитаемыхъ Славянами».

Вотъ, сколько мнѣ извѣстно, всѣ нынѣшнія наши свѣдѣнія о современныхъ Славянскихъ поселеніяхъ въ Малой Азіи. Не трудно замѣтить ихъ неудовлетворительность; желая посильно способствовать приведенію этого предмета въ должную ясность, не могу въ заключенье не обратить вниманье читателя еще на одно обстоятельство. Г. профессоръ Мухлинскій въ своемъ изслѣдованіи о Литовскихъ Татарахъ, слѣдуя Убичини, указываетъ на три Татарскихъ колоніи въ Турціи, жители которыхъ рѣзко отличаются отъ прочаго Турецкаго населенія и костюмомъ и типомъ: одна находится надъ р. Кизиль-Ирмакъ, дру-

1. См. ст. «Еще Русская колонія въ Малой Азіи», въ газ. «Кавказъ», потомъ перепеч. въ газ. «Русскій Инвалидъ» 1836, 3 марта и «Спб. Вѣдом.» 1836, 6 марта. Объ этой же колоніи см. Rottiers Itinéraire de Tiflis à Constantinople. 1829. p. 27 C'est sur ce fleuve (Kizil-Irmak), dans des vallées fertiles, au dessus de Bafra, qu'habitent les cosaques *Zaporovi* (sic).

2. Rottiers — l. l. A l'embouchure d'une des branches du Kisil Irmak, on aperçoit les ruines de *Zagora* et de *Konopea* anciennes colonies Slaves (p 274).

гая недалеко отъ Бруссы, третья въ Добруджѣ. Число этихъ колонистовъ простирается до 35,000 душъ[1].

Убичини, а за нимъ г. Мухлинскій, не ошиблись ли здѣсь, принявъ двѣ описанныя нами Русскія колоніи за Татарскія?

V. Въ Молдавіи и Буковинѣ есть также Русскія поселенія. Какъ по важности этого предмета, такъ и по нѣкоторымъ отношеніямъ ихъ къ колоніямъ Мало-Азійскимъ, я рѣшаюсь привести о нихъ нѣсколько данныхъ.

Объ этихъ Русскихъ колоніяхъ сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ извѣстій почтенный инокъ Парѳеній, самъ лично посѣтившій ихъ, менѣе 20-ти лѣтъ тому назадъ.

Такъ въ Буковинѣ, въ верстахъ пяти отъ города Сочавы, въ селѣ *Соколницы*, живутъ наши раскольники: «говорятъ и одежду носятъ по-Великороссійски»[2]. Въ двухъ верстахъ отъ этого селенія стоитъ православный монастырь Драгомирна[3]. Въ

---

1. Г. Мухлинскаго — изсл. о происх. и сост. Лит. Татаръ. (Актъ Спб. Унив. 1857. С. 153). Ubicini — Lettres sur la Turquie. Paris. 1853. p. 23.

2. Сказ. о стр. и пр. I, 19.

3. «Богослуженіе и теперь совершается въ немъ большею частью по-Русски. Сверхъ того, находятся въ немъ кое-какіе остатки нѣкогда весьма значительной коллекціи рукописей Славяно-Русскихъ, собранію которыхъ начало положилъ еще основатель монастыря, ученый митрополитъ Сучавскій Анастасій Крымковичъ, происхожденіемъ и воспитаніемъ Русскій. Другіе памятники, свидѣтельствующіе о прежнемъ библіографическомъ богатствѣ этой коллекціи, не извѣстно какими путями зашли въ библіотеки Вѣнскую и Дрезденскую, гдѣ блюдутся донынѣ». (Ст. Надеждина Объ этнограф. изученіи народн. Русской, въ Зап. Геогр. Общ. I, 175. Прим.). Инокъ Парѳеній говоритъ про себя — «пошелъ во Австріискія владѣнія, во страну Буковину, *къ своимъ Русскимъ*». (I, 18). «Въ Буковинѣ все больше православные. Епископъ живетъ въ Черновицахъ, гдѣ впрочемъ и православныхъ немного, а болѣе Нѣмцы». (20). Вотъ описаніе Парѳенія нѣкоторыхъ монастырей: *Сочевица*, въ которомъ «хранится драгоцѣнный крестъ, украшенъ златомъ и каменіемъ драгимъ; пожертвованъ Россійскимъ благочестивымъ царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ въ великіи скитъ. Но когда Австрійскіе императоры скитъ великой разорили и упразднили, то монахами сей крестъ перенесенъ въ монастырь Сочавицу, гдѣ и донынѣ хранится. 3-й *Молдавица;* стоитъ внутри горъ Карпатскихъ на р. Молдавѣ. 4. монаст. *Драгомирна*, что близъ Сочавы, въ кото-

40 верстахъ отъ Сочавы «есть великое Русское село раскольниковъ, называемое Бѣлая Криница» (тамъ же).

ромъ хранятся раздробленныя мощи св. мученика Іакова Персянина. Всѣ сіи монастыри украшены и росписаны иконнымъ стѣнымъ писаніемъ Греческой работы, подобно какъ въ Аѳонскихъ монастыряхъ. Монахи живутъ по штату, получаютъ отъ государеи Австрійскихъ жалованье, читаютъ и поютъ по-Славянски, по Россійскимъ книгамъ. На ектеніяхъ, поминая Благочестивѣйшаго Россійскаго Императора Николая Павловича, поминаютъ и своего державнаго Цесаря. Но уже монашескихъ правилъ строго не соблюдаютъ; ибо въ Австріи живутъ православные въ великомъ притѣсненіи, и болѣе крестъ несутъ, нежели Греки отъ Турокъ. Впрочемъ гонитъ и притѣсняетъ не царская власть, но духовная отъ папы Римскаго». (I, 20). Въ XVIII в. Австрійскіе уніаты были еще расположены къ нашимъ Русскимъ. Такъ Барскій говоритъ про Львовъ (1723—1724 г.): «тамо есть много страннолюбивыхъ людей отъ Руссовъ духовныхъ и мірскихъ, которые къ намъ весьма благосклонны были; наипаче же тые, иже на унію насилованы; въ тайнѣ же быша зѣло православны». Въ XVII в. Львовъ находился въ живыхъ связяхъ съ Москвою. Такъ Юрій Трубецкой доносилъ въ 1674 г., что «пріѣхали изъ Польши въ Кіевъ Польскаго города Львовскаго монастыря церкви св. Іоанна Богослова игуменъ да два человѣка Львовскіе мѣщане, а сказались игуменъ Іосифомъ зовутъ Творинскій, а мѣщане, одного Иваномъ зовутъ Городецкій, да Микулаи Перпура; въ прошломъ въ 181 г. авг. въ 24 день, послалъ ихъ изо Львова Львовской епископъ Іосифъ Шумлянскои къ Москвѣ, бить челомъ тебѣ, вел. госуд., о милостинѣ и на строеніе церкви святаго Николая Чудотворца». (Синб. Сборн. Малор. Д. № 28). Богданъ Хмѣльницкій не забывалъ о Львовѣ, когда задумалъ освободить народъ Русскій изъ неволи Польской. Въ 1649 г. говорилъ онъ пріѣхавшимъ къ нему Польскимъ коммиссарамъ: «теперь не пойду я на войну за границу, не подыму сабли на Татаръ и Турокъ, довольно мнѣ дѣла на Украинѣ, на Подолѣ и на Волыни, въ своей землѣ, по *Львовъ*, *Хельмъ* и *Галичъ*». (Пам., изд. Кіевск. Врем. Ком. *для* разбора древн. актовъ. Изд. 2. 1848. I, 330 и сл.). Контарини говоритъ въ своихъ запискахъ: «7 сент. 1476 г. отецъ Стефанъ отправился въ путь свой (въ Венецію), въ сопровожденіи нѣкоего Николая *Львовскаго жителя* (Nicola da Leopoli), *знавшаго хорошо эту дорогу*, а я остался въ Москвѣ дожидаться его возвращенія». Янъ Красинскій, въ своемъ сочиненіи о Польшѣ, писанномъ въ 1574 г., говоритъ между прочимъ: «Pod miastem tém (Przemysl) z północnéj strony (z wielką dla mieszkańców dogodnością) płynie San, biorący swój początek w Karpatach blizko źródeł Cissy. O kilka dni drogi od tego miasta leży *Lublin*, gdzie co rok w oznaczonym czasie znakomity odbywa się jarmark, na który przybywają kupcy z różnych krajów, jako to: z *Moskwy*, *Litwy*, Tartaryi, Inflant, Prus, *Rusi*, Niemiec, Węgier, Turcyi, Wołoszczyzny, oraz Ormianie i Żydzi. (J. Krasińskiego Polska czyli opisanie topograficzno-polityczne Polski w wieku XVI oraz materyały do panow. Henr. Walez. przetłumaczone, zebrane i objaśnione przez Stan. Budzińskiego. Warszawa. 1852. Str. 112).

Въ Молдавіи, въ 100 верстахъ отъ г. Яссъ, между рѣками Молдавою и Серетомъ, недалеко отъ гор. Фильтичень, находится Русское раскольническое село Мануиловка. «Въ селѣ Мануиловкѣ живутъ все Русскіе, больше 100 домовъ, зашедшіе изъ Россіи и поселившіеся здѣсь болѣе 150 лѣтъ. Жители разныхъ сектъ и толковъ. Близъ села находятся три скита: два мужскіе, а одинъ женскій. Монахи и монахини разныхъ селъ». (I, 80).

Въ *Браиловѣ* «живетъ много Русскаго народу, купцовъ и *жителей*» (II, 37). На разстояніи трехъ часовъ ходьбы отъ Браилова лежитъ Русское село *Камень*, живутъ въ немъ Некрасовцы. «Они насъ обласкали какъ своихъ земляковъ. Они настоящаго нашего Русскаго языка и всѣхъ обычаевъ. Посреди села — ихъ часовня, на ней кресты и колокола. Ибо они имѣютъ отъ Турковъ уваженіе, потому что служатъ въ Козакахъ и поднимаютъ на Русскихъ руки; за то ихъ и любятъ. Мы спросили ихъ: «можно ли ночевать у нихъ?» Они сказали: «въ какой домъ вамъ угодно, — всѣ съ любовію примемъ; а ежели угодно, то идите въ скитъ къ нашимъ монахамъ, и они рады будутъ вамъ». Мы пошли къ монахамъ». Тутъ сначала приняли ихъ ласково, но когда начались пренія о вѣрѣ, то едва не убили ихъ. (I, 39).

Весьма вѣроятно, замѣтимъ кстати, извѣстное производство Рущукъ отъ *Русъ*.

Не должно однако думать, что Русскія поселенія въ Молдавіи и за Дунаемъ въ Болгаріи, относятся своимъ началомъ къ XVIII вѣку. Онѣ непремѣнно были и раньше: въ XVII, XVI и XV в., когда сношенія Русскихъ съ Молдаванами, Волохами и Болгарами были безпрерывныя; они носятъ на себѣ такой характеръ прочности, что должно предполагать непрерывность Русскихъ поселеній въ этихъ земляхъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Вспомнимъ только, что, по словамъ Нестора, Русскіе Славяне — «Улучи, Тиверьци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви», а драгоцѣнный памятникъ XII в. Слово о полку Игоревѣ говоритъ о Дунаѣ, какъ о Русской рѣкѣ: все радуется освобожденію Игореву — «Солнце свѣтится на небеси, Игорь князь въ Руской земли; *дѣвици поютъ на Дунаи; вьются голоси*

чрезъ море до Кіева» и пр. Несчастный князь Василько хотѣлъ «переяти Болгары Дунайскыѣ, и посадити я у собе» (Р. Л. I, 113); всѣмъ извѣстенъ походъ Святославовъ въ Болгарію (въ X в.)[1]; вспомнимъ неудачный походъ Владиміра Ярославича съ воеводою Вышатою противъ Грековъ въ 1043 г. «И пойде Володимеръ въ лодьяхъ, и придоша въ Дунай, поидоша ко Царюграду; и бысть буря велика, и разби корабли Руси, а княжь корабль разби вѣтръ, и взя князя въ корабль Иванъ Творимиричь, воевода Ярославль. Прочіи же вои Володимери вверженѣ быша на брегъ, числомъ 6000, и хотяче пойти въ Русь, и не иде съ ними никтоже отъ дружины княжее. И рече Вышата: «азъ поиду съ ними»; и высѣде изъ корабля къ нимъ, рекъ: аще живъ буду, то съ ними, аще погыну, то съ дружиною»; и поидоша хотяче въ Русь. И бысть вѣсть Грькомъ, яко избило море Русь, и посла царь, именемъ Мономахъ, по Руси олядій 14; Володимеръ же видѣвъ съ дружиною, яко идуть по нихъ, въспятившася изби оляди Гречьскыя, и възвратися въ Русь, ссѣдавшеся въ корабли своѣ. Вышату же яша съ извержеными на брегъ, и приведоша я Царюграду, и слѣпиша Руси много; по трехъ же лѣтѣхъ миру бывшю, пущенъ бысть Вышата въ Русь къ Ярославу». (Р. Л. I, 66 и сл.). Вспомнимъ, что зять Владиміра Мономаха, Леонъ царевичь, въ 1116 г. «иде... на куръ Олексія царя, и вдася городовъ ему Дунайскыхъ нѣколко; и въ Дельстрѣ городѣ лестію убиста и два Сорочинина, посланая царемъ, мѣс. авг. въ 15 день». «Въ се же лѣто, — замѣчаетъ вслѣдъ за тѣмъ лѣтописецъ, — князь великый Володимеръ посла Ивана Войтишича, и посажа посадники по Дунаю».

Списокъ городовъ Русскихъ, географическій памятникъ XIV в., несомнѣнно доказываетъ давность поселеній Русскихъ въ этихъ краяхъ. «А се имена градомъ всѣмъ Русскымъ далнимъ и ближнимъ: *на Дунаѣ* Видицовъ о седми стѣнь каменныхъ, Мдинъ; *обону страну Дуная* Тръновъ, ту лежить Св. Пятница; а *по Дунаю* Дреставинъ, Дичинъ, Килія; *на устье Дуная*

1. Святославъ говорилъ своей матери и боярамъ: «нелюбо ми есть въ Кіевѣ быти, *хощу жити съ Переяславци въ Дунаи, яко то есть середа въ земли моей*, яко ту вся благая сходятся» и проч.

Новое Село, Аколятря, *на море* Карна, Каварна; *а на сей странѣ Дуная: на усть Днѣстра* надъ моремъ Бѣлъгородъ, Чернъ, Аскый торгъ на Пруте рѣцѣ, Романовъ торгъ на Молдовѣ, Нѣмечь[1] въ горахъ, Корочюновъ камень, Сочава, Сереть, Баня, Нечюнъ, Коломыя, Городокъ на Черемошѣ, на Днѣстрѣ Хотѣнъ[1].

---

1. Ср. Надеждина «О Русск. народн. мие. и саг.» Русск. Бесѣда. 1857. С. 54 и сл. Его же «Объ этногр. изуч. народн. Русской» Зап. Геогр. Общ. I. Его же «О пут. по Слав. землямъ» Ж. М. Н. Пр. 1842. Іюнь. Шаф. Слав. Древн. § 30 2. Т. II. Кн. 1. С. 341. Кар. И. Г. Р. IV Прим. 389. Надеждинъ говоритъ, какъ очевидецъ «въ Молдавіи верхней (Цара-де-Сусъ), въ цинутахъ *Ботошанскомъ*, *Дарохойскомъ*, *Сучавскомъ*, *Нямецкомъ*, *Бакейскомъ*, *Романскомъ и Ясскомъ*, гдѣ населеніе чисто-Русское, живущее смѣшанно съ Румунами и особнякомъ, безошибочно можно полагать въ нѣсколько тысячь душъ» (Объ этн. изуч. нар. Русск. въ Зап. Г. Общ. I, 170). — Есть Русскія поселенія и въ Валахіи, но меньше чѣмъ въ Молдавіи; однако въ Браиловѣ и окрестностяхъ живетъ много Русскихъ. Есть онѣ и въ Добруджѣ, особенно велики Русскія поселенія въ *Тульчѣ*, которыя въ шутку называются *Малыми Адестами:* «тутъ на каждомъ шагу встрѣчаешь Великороссійскую бородку или Малороссійскій чупъ, въ каждомъ почти окошкѣ видишь южно-Русскій очипокъ или сѣверно-Русскій повойникъ». — «Лучшее зданіе городка есть новопостроенная православная Русская церковь, красующаяся на живописномъ, отвсюду видномъ возвышеніи, и, что всего замѣчательнѣе въ Турціи, и съ колоколами, въ которые благовѣстъ и трезвонъ, точно въ православной Россіи. Настоятель этой церкви отецъ Филиппъ, съ ногъ до головы Русакъ, человѣкъ отличнаго поведенія, весьма умныи и притомъ искусныи иконописецъ, пользуется всеобщимъ уваженіемъ; ему оказывается особенное вниманіе даже со стороны мѣстныхъ властей Мусульманскихъ». (Тамъ же. С. 178—179). Вотъ что также замѣчаетъ Надеждинъ о знаменитой мѣстной ярмаркѣ при урочищѣ *Кара-су*, между Черноводою и Кюстенджи, верстахъ въ 70-ти отъ Тульчи къ югу: «Тутъ на совершенно голой степи, гдѣ нѣтъ ни кола, ни двора, навалило народу тьма тьмущая, со всего пространства между Дунаемъ и Балканами: не смотря на то, Русскіе были очень замѣтны; особенно вечеромъ, когда дневной шумъ и гамъ притихъ, вся пустынная глушь степи огласилась удалыми пѣснями Русскаго языка и напѣва.... Странно было, въ сосѣдствѣ Дуная и Балкановъ, слышать въ пѣсняхъ этихъ громозвучныя воспоминанія про «Волгу матушку», про «горы Московскія-Воробьевскія», даже про «матушку» про «Неву» съ ея «славнымъ Васильевскимъ островомъ». (С. 179). Вопросъ объ отношеніяхъ Россіи и вообще міра Славянскаго къ Дунайскимъ княжествамъ въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, стоитъ въ ряду важнѣйшихъ и насущнѣйшихъ нашихъ вопросовъ. Его современное положеніе въ литературѣ Русской служитъ однимъ изъ сильнѣйшихъ доказательствъ печальнаго современнаго состоянія нашей исторіи, нашей литературы. Въ отношеніи Дунаискихъ княжествъ крайне необходимы для насъ тѣ же

На куріальномъ языкѣ патріархіи Константинопольской XIV и XV в. нынѣшняя Молдавія называлась *Россо-Влахіей* (Зап. Геогр. Общ. I, с. 172). Длугошъ же окончательно удостовѣряетъ насъ въ томъ, что нынѣшняя Молдавія до половины XIV в. была заселена Русскими, которые оттуда были вытѣснены (конечно не всѣ) Валахами: *veteribus dominis et colonis Ruthenis*, primum subdole, deinde abundante in dies multitudine, per violentiam expulsis, illam occuparunt, in Ruthenorumque ritus et mores, quo facilior proveniret occupatio, a propriis degenerantes, transmigrarunt. (Длуг. Hist. Pol. IX).

VI. Выше мы пришли къ необходимости допустить непрерывность Болгарскихъ поселеній въ Малой Азіи съ VII в. до настоящаго времени включительно.

Признавая вмѣстѣ съ тѣмъ давнишнюю обширность поселеній Русскихъ въ областяхъ при-Дунайскихъ, нѣтъ никакой возможности утверждать, что первое Русское поселеніе въ Малой Азіи основано было Некрасовцами въ XVIII стол., и что ранѣе этого времени Русскихъ поселеній въ Малой Азіи никогда не бывало.

Напротивъ, чѣмъ долѣе перебираешь въ умѣ различныя обстоятельства, тѣмъ сильнѣе убѣждаешься въ полной справедливости и основательности предположенія о томъ, что Русскіе переселялись въ Малую Азію и до Некрасовцевъ.

Вспомнимъ о значеніи Русской стихіи въ Молдавіи и Валахіи и даже въ Болгаріи до XIV в. (см. V). Если нынѣшніе Русскіе поселенцы на берегу Маньясскаго озера могли прійдти съ береговъ Дуная въ XIX стол., то отъ чего же многочисленныя Русскія поселенія на берегахъ Дуная до XIV в. и позже не могли высылать изъ среды своей поселенцевъ въ Малую Азію, гдѣ уже съ VII в. наприм. жили ихъ соплеменники и едино-

---

мѣропріятія, что и въ отношеніи Греціи для умственнаго и литературнаго сближенія нашего съ Молдаванами и Валахами, судьбы которыхъ уже издревле тѣсно связаны были съ судьбами Русскихъ, Поляковъ, Болгаръ и Сербовъ. (См. ниже въ «Приложеніяхъ»).

вѣрцы Болгары, съ которыми Русь находилась въ сношеніяхъ безпрерывныхъ и самыхъ дружественныхъ?

Извѣстны тѣ огромныя морскія силы Козаковъ, которыя они развернули въ Черномъ морѣ въ XVII и даже въ XVI вѣкѣ. Ниже въ примѣчаніи у меня приведены слова современниковъ, ясно свидѣтельствующія о томъ впечатлѣніи, которое производили эти Козацкіе походы не только на Турокъ, но и вообще на всѣхъ Европейцевъ. Еще въ 1590 г. Козаки разоряли и жгли Трапезунтъ, Синопъ и ихъ окрестности, миль на десять. Вспомнимъ о *Загорьѣ* и другихъ Славянскихъ названіяхъ мѣстностей около Трапезунта и Синопа, свидѣтельствующихъ о бытности нѣкогда въ этихъ мѣстахъ поселеній Славянскихъ. Частныя нападенія Козаковъ на эти мѣстности и ихъ удачи едва ли объяснимы одною ихъ удалью и отвагой и слабостью Турокъ. Едва ли не должно предположить, что они встрѣчали помощь и поддержку постоянную въ туземныхъ жителяхъ, которые имъ норовили, какъ своимъ землякамъ или по крайности единоплеменникамъ? [1]

---

1. Позволю себѣ привести слѣдующее мѣсто изъ Турецкаго историка Наимы Эфендія, по переводу П. С. Савельева Муг. Нум. CXLVIII и сл. «Нападеніе Козаковъ на Синопъ, въ 1023 г. Въ мѣс. реджебѣ (въ авг. 1614 г.) Казацкія чайки вышли въ Черное море, разграбили сперва, по обыкновенію, деревни, лежащія на берегахъ Туна (Дунай) и при морѣ. Взявъ *проводниками себѣ рабовъ-отступниковъ, они пристали къ Анатолійскому берегу Чернаго моря, внезапно напали на крѣпость Синопъ, прозываемую Городомъ Любовниковъ, и овладѣли ею. Вступивъ въ эту древнюю крѣпость, они умертвили въ ней всѣхъ правовѣрныхъ* (а развѣ были въ ней и неправовѣрные?), *ограбили ихъ домы, увели женъ и дочерей, и зажегши со всѣхъ концовъ, обратили этотъ прекрасный городъ въ пустыню.* Пока не вооружились противъ нихъ, они успѣли увести въ полонъ женъ и дочерей, и разсѣялись по морю. Въ этихъ обстоятельствахъ, Шекшеки Ибрагимъ Паша, узнавъ о ихъ набѣгѣ, на шестидесяти мелкихъ судахъ отправился для защиты береговъ Черноморскихъ. Вошедъ въ рѣку, черезъ которую должны были переправляться эти собаки, онъ остался сторожить ихъ; но проклятые, провѣдавъ объ этомъ, въ одномъ мѣстѣ на берегу Чернаго моря сошли, поставили судна свои на санки (кызакъ) и вздумали стащить ихъ по сушѣ до вершины рѣки Но шайка Татаръ напала на нихъ; завязалось сраженіе; имѣнія и семейства, похищенныя изъ Синопа, были оставлены на мѣстѣ; изъ Козаковъ же, кто достался въ плѣнъ, а кто погибъ въ битвѣ. Ибрагимъ Паша перемѣнилъ маршрутъ и наблюдалъ, гдѣ выидутъ остатки разбойниковъ. Онъ пошелъ противъ тѣхъ, кото-

Еще въ началѣ XVII стол. князья Грузинскіе сносились постоянно съ Козаками Запорожскими, дарили и жаловали ихъ, а тѣ въ свою очередь защищали и буксировали торговыя суда Грузинскія, плававшія въ Черномъ морѣ [1]. Не только Козаки, но и сама Москва постоянно сносилась съ Грузіею въ XVII и XVI стол. Окольничіе Бутурлинъ и Плещеевъ съ большимъ войскомъ проникли въ Дагестанъ, заняли Тарки и назвали его *Новымъ городомъ*; основали крѣпость и на Тузлукѣ. Извѣщая о своихъ успѣхахъ, воеводы наши писали въ Москву и къ царю

рые избѣгли меча, и изъ нихъ также кто попалъ въ плѣнъ, а кто былъ убитъ. Въ первыхъ дняхъ рамазана (въ окт. 1614 г.) Ибрагимовы воины привели къ Порогу 20 человѣкъ кяфировъ-козаковъ скованными». Здѣсь невольно рождаются вопросы — кто были эти рабы-отступники, взятые козаками изъ деревни при-Дунайской? Конечно Болгары, если не Русскіе поселенцы, во всякомъ случаѣ Славяне, а не Татары, которые тоже жили тогда въ Буджакѣ (Бопланъ — въ Русск. перев. С. 33 и сл.). Къ чему же козаки брали бы всегда этихъ рабовъ-отступниковъ передъ походомъ своимъ на берега Анатолійскіе, если бы и тамъ тоже не было земляковъ ихъ, съ которыми они имѣли постоянныя связи, подобныя тѣмъ, что существуютъ у Русскихъ колоній Дунаискои и Маньясскои; мѣстность Загора, что подлѣ Синопа, могла быть населена Славянами еще въ XVII и даже въ XVI в. Изъ приведеннаго мѣста также видно, что Турки тоже въ свою очередь не дремали и козакамъ трудно было справляться однимъ, безъ пособія со стороны нѣкоторыхъ туземцевъ, которые вѣроятно стерегли ихъ лодки, извѣщали о приближеніи Турокъ, скрывали ихъ, и пр.

1. См. ниже въ *прим.*, также слѣдующія слова Петра де ла Валле: «les Cosaques de Pologne continuaient leur navigation sur les rivières de la Géorgie, et entretenaient une étroite alliance avec les Géorgiens». (Les Fameux Voyages de Pietro della Valle Gentil-homme Romain, surnommé l'illustre voyageur.... Paris. MDCLXII. III, 193). Тамъ же: «depuis peu le roi de Pologne avait envoyé deux ou trois vaisseaux chargés de présens au prince Teimuraz, qui était voisin de Guriel». А на стр. 192 (ibid.) «Guriel est plus méridional, proche de Cogne et de Trébisonde, qui appartiennent au Turc.» Ibid. p. 167: «les lettres du Persan étaient fort avantageuses aux Polaques, qui s'offrait de bâtir à ses dépens une forteresse sur quelque port de la mer Noire, à l'embouchure d'une rivière du pays des Géorgiens voisin de Trébisonde, qui est ce qu'il nomme *Guriel*, et qui fait une partie du Royaume de *Colchos*. Et le roi de Perse ne s'offrait pas seulement à bâtir cette forteresse à ses dépens, et à la mettre puis après entre les mains des Cosaques, sous l'autorité du roi de Pologne; mais encore il s'offrait à la garder avec ses gens pour demeurer toujours dans l'obéissance des Polaques, de crainte que les Cosaques ne vinssent à s'établir dans ces provinces, et à faire quelque progrès contre les Turcs».

Грузинскому, ожидая его войска по крайней мѣрѣ къ веснѣ, чтобы очистить всѣ горы отъ непріятеля, совершенно овладѣть Дагестаномъ и безпрепятственно строить въ немъ новыя крѣпости [1]. Но несчастная гибель Грузинскаго царя Александра имѣла самый неблагопріятный для насъ исходъ въ дѣлахъ Кавказскихъ.

Въ 1593 г. посланнику нашему дворянину Нащокину въ Константинополѣ, визирь говорилъ между прочимъ, что Султанъ запретитъ Хану Крымскому безпокоить Россію, «буде Царь сведетъ съ Дону Козаковъ своихъ и разрушитъ четыре новыя крѣпости, основанныя имъ на берегахъ сей рѣки и Терека, чтобы преградить намъ (Туркамъ) путь къ Дербенту». На увѣренія Нащокина въ благорасположеніи двора Московскаго къ Портѣ, визирь возразилъ: «Вы миролюбивы; но для чего же вступаете въ тѣсную связь съ Иверіею, подвластною Султану?» На это Нащокинъ въ свою очередь отвѣчалъ, «что связь наша съ Грузіею состоитъ въ единовѣріи, и что мы посылаемъ туда не войско, а священниковъ, и дозволяемъ ея жителямъ ѣздить въ Россію для торговли» [2]. Еще въ 1492 г. пріѣзжали въ Москву послы Грузинскіе съ просьбою Царю о покровительствѣ [3]. Вспомнимъ браки Изяслава Мстиславича, женатаго (въ 1154 г.) на одной княжнѣ изъ Абхазіи, гдѣ еще въ VI в. были христіанскія Церкви [4], и сына Андрея Боголюбскаго, Князя Георгія, женатаго (послѣ 1175 г.) на знаменитой Грузинской Царевнѣ Тамарѣ [5]. Помнить всѣ эти обстоятельства необходимо при рѣшеніи вопроса о степени доступности Малой Азіи для Русскихъ въ разныя времена. Такъ какъ путь въ нее открывался имъ не только черезъ Черное море, но и черезъ Арменію, то вовсе не лишнимъ будетъ распространиться нѣ-

1. Карамз. И. Г. Р. (изд. Смирд. 1853). XI, 59 и сл.

2. Кар. И. Г. Р. IX, 102. См. тамъ же с. 59 и сл. Снош. съ Турціею въ 1586 г.

3. Ibid. VI, 232.

4. Ibid. II, пр. 354. См. Р. Л. I, 146. Посла Изяславъ сына своего, второе, противу мачесѣ своеи, бѣ бо повелъ жену собѣ изъ Обезъ, и устрѣте ю Мстиславъ въ порозѣхъ.

5. Кар. И. Г. Р. III, 143.

сколько о знакомствѣ Русскихъ съ странами Каспійскими и Кавказскими и указать на нѣкоторыя обстоятельства ему благопріятствовавшія. Еще въ X в. грабили Руссы въ Каспійскомъ морѣ; извѣстны два ихъ похода въ 914 и въ 944 г. Святославъ въ 965 г. одолѣлъ Козаровъ, взялъ ихъ городъ Бѣлую Вѣжу; побѣдилъ Ясовъ и Касоговъ. Въ 968 г. Руссы, по свидѣтельству Ибнъ-Хаукала, разрушили городъ Болгаръ, Хазеранъ, Итиль и Семендеръ [1]. Мстиславъ, Князь Тмутараканскій, въ 1022 г. ходилъ на Касоговъ, одолѣлъ ихъ сильнаго Князя Редедю, проникъ въ его землю, овладѣлъ его имуществомъ, женою и дѣтьми и возложилъ дань на Касоговъ. Въ слѣдующемъ году онъ идетъ на Кіевъ противъ Ярослава съ Козарами и съ Касогами. Недавно отысканное г. Ханыковымъ мѣсто въ одномъ Персидскомъ поэтѣ XII в. свидѣтельствуетъ о походѣ Русскихъ въ Шемаху между 1133 — 1195 г. Уже было упомянуто о бракѣ Георгія Андреевича съ Грузинскою царевною Тамарою, послѣ 1175 г. Извѣстно, что Русскіе служили въ войскахъ Монголовъ, будучи въ «неволѣ Татарской», а въ 1277 г. князья наши — Борисъ Ростовскій, Глѣбъ Бѣлозерскій, Ѳеодоръ Ярославскій и Андрей Городецкій, сынъ Невскаго, ходили войною на Ясовъ и завоевали городъ Дедяковъ въ южномъ Дагестанѣ. Но помимо сношеній враждебныхъ и непріязненныхъ, въ то же время съ этими странами имѣли Русскіе и безпрерывныя связи, мирныя и торговыя. Еще въ X и XI в. вели Русскіе значительную торговлю съ Козарами и Волжскими Булгарами; въ XIII в. въ столицѣ послѣднихъ постоянно жили торговцы Русскіе и, какъ можно полагать, не въ маломъ количествѣ [2].

---

1. Fraehn-Ibn-Foszl. S. 64. замѣчаетъ про Семендеръ: «zwischen Itil u. Derbend gelegen».

2. Въ 1024 г. «бѣ мятежъ великъ и голодъ по всей той странѣ; идоша по Волзѣ вси людье въ Болгары, и привезоша жито и тако ожиша». Р. Л. I, 64. См. тамъ же о муч. св. Авраамѣ въ землѣ Болгарскои, 1 апр. 1230 г. «усѣченъ бысть мѣс. апрѣля въ 1 день, его же Русь хрестьяне вземше тѣло положиша въ гробѣ, идѣже *вси хрестьяне лежать. и створи Богъ милость вскорѣ, за кровь его, погорѣ у него большая половина города Великаго, а потомъ оставшая часть загорашется днемъ дважды и трижды; такоже и бысть по много дни, мало*

Знаменитый Арабскій путешественникъ XIV в., въ первой половинѣ столѣтія посѣтившій столицу Хановъ Сарай, такъ между прочимъ говоритъ о ея значеніи и населеніи: «Serâ est au nombre des villes les plus belles, et sa grandeur est très considérable; elle est située dans une plaine et regorge d'habitants; elle possède de beaux marchés et de vastes rues. Nous montâmes un jour à cheval, en compagnie d'un des principaux habitants, afin de faire le tour de la ville et d'en connaître l'étendue. Notre demeure était à l'une de ses extrémités. Nous partîmes de grand-matin, et nous n'arrivâmes à l'autre extrémité qu'après l'heure de midi. Alors nous fîmes la prière et prîmes notre repas. Enfin nous n'atteignîmes notre demeure qu'au coucher du soleil. Nous traversâmes aussi une fois la ville en largeur, aller et retour, dans l'espace d'une demi journée. Il faut observer que les maisons y sont contigues les unes aux autres, et qu'il n'y a ni ruines ni jardins. Il s'y trouve treize mosquées principales pour faire la prière du vendredi; l'une de celles-ci appartient aux châfeites. Quant aux autres mosquées, elles sont en très-grand nombre. Serâ est habité par des individus de plusieurs nations, parmi lesquels on distingue: 1) les Mongols; qui sont les indigenes et les maîtres du pays; une partie professe la religion musulmane; 2) les Ass (Ossètes), qui sont musulmans; 3) les Kifdjaks; 4) *les Tcherkesses;* 5) *les Russes;* 6) *les Grecs*, et tous ceux ci sont Chrétiens. Chaque nation habite un quartier séparé, où elle a ses marchés. Les négociants et les etrangers, originaires de deux Irâks, de l'Egypte, de la Syrie, etc. habitent un quartier qui est entouré d'un mur, afin de préserver les richesses de marchands»[1].

Въ 40 годахъ XIII в. Плано Карпини былъ у Батыя на берегахъ Волги и у Гаюка въ Средней Азіи; у перваго, по его словамъ, войско состояло изъ 600,000 человѣкъ, изъ нихъ 150 тыс. было Татаръ, а 450 тыс. иноплеменниковъ, Христіанъ и другихъ подданныхъ. Изъ нашихъ лѣтописей намъ извѣстно, что Монголы уводили съ собою въ плѣнъ множество жителей,

---

остася города, а все погорѣ, и товара погорѣ множство безчислено, за кровь мученика Христова».

1. Voyages d'Ibn-Batoutah, texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Defrémery et le Dr. B. R Sanguinetti. Paris. MDCCCLIV. II, 447—448.

а Плано Карпини, описывая свой путь отъ Владиміра Волынскаго до Кіева, говоритъ: «Жителей вездѣ мало, они истреблены Монголами или отведены ими въ плѣнъ». У Гаюка въ станѣ встрѣтилъ Плано Карпини двухъ сыновей Грузинскаго царя, посла халифа Багдадскаго и многихъ другихъ пословъ Сарацынскихъ, встрѣтилъ и князя Русскаго Ярослава, которому вездѣ давали первое мѣсто Христіане, состоявшіе на службѣ у Гаюка, говорили Карпини, что Гаюкъ думаетъ самъ принять христіанство, «держитъ у себя христіанскихъ священниковъ и дозволяетъ имъ всенародно передъ своимъ шатромъ отправлять Божественную службу по обрядамъ Греческой Церкви». Этотъ же путешественникъ съ признательностью вспоминаетъ объ одномъ добромъ Русскомъ человѣкѣ, который весьма много ему помогалъ, когда онъ нуждался въ самомъ необходимомъ. Этотъ Русскій, именемъ Комъ, былъ искусный художникъ и любимецъ Гаюковъ. «Онъ сдѣлалъ, — говоритъ Плано-Карпини, — печать для Хана и тронъ изъ слоновой кости, украшенный золотомъ и драгоцѣнными камнями съ разными изображеніями, и съ удовольствіемъ показывалъ намъ свою работу». Передъ вступленіемъ въ переговоры съ Плано Карпини Гаюкъ приказалъ спросить у него, есть ли у паны люди, знающіе языкъ Татарскій, *Русскій* или Арабскій. Значитъ Русскихъ не мало было при Монголахъ. И дѣйствительно: въ 1253 г. былъ въ Ордѣ посланникъ Людовика IX. Рубруквисъ и нашелъ при дворѣ ханскомъ Русскихъ архитектора и дьякона, а въ станѣ Батыя, кочевавшаго на Волгѣ, и въ его окрестностяхъ онъ же видѣлъ множество Русскихъ, Венгровъ и Ясовъ, которые скитались въ степяхъ и грабили путешественниковъ. Въ 1265 г. открыта была Сарайская епархія, а въ 1301 г. второй ея епископъ Ѳеогностъ уже обращался къ Патріарху съ вопросомъ о крещеніи Татаръ. «Приходящимъ отъ Татаръ и *хотящимъ креститися*....» Много страдая и терпя отъ Монголовъ, Русскіе рано однако начали имѣть на нихъ свое вліяніе. Племянникъ Бергая, преемника Батыева, царевичь Петръ тайно бѣжалъ изъ Орды въ Ростовъ, крестился, построилъ монастырь при Св. Игнатіи Ростовскомъ, вступилъ въ бракъ и овдовѣвъ, скончался въ иночествѣ ок. 1290 г. Баскакъ Бога крестился въ

Устюгѣ въ 1262 г. Вскорѣ послѣ 1279 г. князь Ѳеодоръ Ярославскій женился въ Ордѣ на дочери хана Менгу-Темира, а князь Глѣбъ Ростовскій еще въ 1257 г. на дочери хана Хубилая, который самъ былъ христіаниномъ. Въ 1302 г. два князя Ростовскихъ, а въ 1305 г. князь Костромскій женились также въ Ордѣ. Сынъ князя Ахмета прибылъ изъ Орды въ Мещеру въ 1298 г., крестился самъ и увлекъ за собою многихъ Татаръ. Родоначальникъ Годунова *Четъ* съ нѣсколькими Мурзами выѣхалъ изъ Орды къ Ивану Калитѣ и крестился. Два сына хана Кульны, убитые вмѣстѣ съ отцомъ въ 1359 г., были тоже христіане. Монголы, грабя и раззоряя Русь, тѣмъ не менѣе открыто сознавали нравственное ея превосходство надъ собою; такъ ханъ писалъ великому князю о святителѣ Алексіѣ: «мы слышали, что небо ни въ чемъ не отказываетъ молитвѣ главнаго попа вашего: да испроситъ же онъ здравіе моей женѣ». При святителѣ, исцѣлившемъ Тайдулу, много знаменитыхъ мурзъ, выѣхавъ въ Россію, приняли христіанство. Нечего и говорить о вліяніи Русскихъ на Татаръ во времена позднѣйшія, особенно послѣ Куликовской битвы, когда Русь перешла уже въ движеніе наступательное.

Въ XIV в. вольница Новгородская не разъ разгуливала внизъ по Волгѣ, спускалась и въ Каму; такъ Новгородскій Лѣт. подъ 1366 г. записалъ: «ходили изъ Новгорода люди молодые на Волгу *безъ Новгородскаго слова*» т. е. безъ спросу господина Вел. Новгорода; «а воеводою — продолжаетъ онъ — Есипъ Варѳоломеевичь, Василій Ѳеодоровичь, Александръ Обакуновичь; *тогожъ лѣта придоша вси здрави въ Новгородъ*». Троицкая Лѣт. говоритъ объ этомъ нѣсколько подробнѣе: «Пройдоша Волгой изъ Новгорода изъ Великаго 150 ушкуевъ, Новгородци разбойници ушкуйници, избиша Татаръ множество, Бесерменъ и Ормепъ въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ, женъ и дѣтей, товаръ ихъ пограбиша, а сосуды ихъ, кербати и лодьи и учаны и набусы и струги, то все посѣкоша, а сами отъидоша въ Каму, и пропдоша до Болгаръ, также творяше и воююще».

Еще ранѣе, именно въ 1360 г. ходили Новгородскіе разбойники на Болгарскій городъ Жукотинъ, что стоялъ близъ устья Камы, въ Лаишевскомъ уѣздѣ — «и множество Татаръ побиша,

и богатство ихъ взяша, и за то христіане ограблени быша въ Болгарѣхъ отъ Татаръ» (Ник. Л.).

Отъ второй половины XIV в. имѣемъ извѣстія и о другихъ подобныхъ шалостяхъ Новгородскихъ *молодыхъ людей*, ушкуйниковъ. Въ 70 годахъ они неоднократно разгуливали по Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ. Такъ въ 1371 г. они овладѣли Костромой и Ярославлемъ, а въ 1375 г. въ числѣ двухъ тысячъ подошли къ Костромѣ, разбили вышедшихъ противъ нихъ 5 тысячъ вооруженныхъ Костромичей, овладѣли городомъ и безчинствовали въ немъ цѣлую недѣлю; ограбили купеческія лавки, полонили многихъ жителей и, покидавъ въ Волгу, чего не могли взять съ собою, пустились къ Нижнему, захватили и тамъ многихъ Русскихъ и продали ихъ въ неволю восточнымъ купцамъ въ Болгарахъ. Разбираемые охотой силы-удали поотвѣдать, богатырскихъ плечъ порасправить, они пошли далѣе внизъ по Волгѣ, къ Сараю, «гости христіянскія грабяче и біюще», дошли безпрепятственно до самой Астрахани (Хазитороканя), гдѣ большая часть ихъ погибла, и то въ слѣдствіе хитрости тамошняго князя Монгольскаго Саньчея. Въ 1379 г. подобная же шайка разбойниковъ была истреблена Вятчанами близъ Казани.

Мы рѣшились напомнить читателю эти всѣмъ извѣстные факты, единственно съ тою цѣлію, чтобы показать, что въ XIV в. Волга была почти совершенно въ рукахъ Русскихъ, изъ которыхъ одни непрестанно плавали по ней въ видахъ грабежа, другіе, болѣе честные, но одушевляемые не меньшею отвагой, удалью и предпріимчивостью — съ цѣлями торговыми. Дѣйствительно, какъ мы уже видѣли, купцы Русскіе проживали въ Сараѣ, и занимали въ немъ особый кварталъ въ XIV в. То же самое, конечно, было и въ XIII в., когда уже существовала Сарайская епархія, когда немало Татаръ приняли св. крещеніе.

Знаменитый Французскій оріенталистъ Катмеръ въ переводѣ своемъ сочиненія Макризи о Мамлюкахъ, въ одномъ изъ своихъ примѣчаній, изумляющихъ громадною начитанностью и ученостью, по поводу краткаго разсказа Макризи о посольствѣ султана Египетскаго Бибара къ хану Монгольскому Бергаю или Береке въ 1263 г., сообщаетъ болѣе подробное описаніе этого посольства на берега Волги, на основаніи Арабскихъ пи-

сателей Ибнъ-Ферата, Новаири, продолжателя Эльмакина и друг. [1]. Посланники Египетскіе прибыли въ Константинополь, — но привожу слова Катрмера: «Ils se rendirent à Istambol, et ensuite à Deksaita (peut-être la ville d'Odessa), qui est le port où viennent aborder les vaisseaux de Soudak. Puis ils se remirent en mer, et aborderent sur la côte opposée. Ce trajet exige ordinairement dix journées de navigation; mais quelquefois on le fait en deux jours, lorsque l'on est favorisé par un très-bon vent». Въ Судакѣ они встрѣтили начальника округа (canton) — «qui les conduisit à la ville de *Krim* [2], bâtie à une journée des bords de la mer,

---

1. Hist. des sultans Mamlouks, de l'Egypte, écrite en Arabe par Taki-Eddin-Ahmed-Makrizi, trad. en français et accomp. de notes philol., histor., geogr. par M. Quatremère. Paris. I, p. 213 etc. Note 96.

2. Городъ Крымъ находился недалеко отъ Каеы, былъ весьма многолюденъ и обширенъ. Ибнъ-Батута, посѣтившій его въ 30-хъ годахъ XIV вѣка, такъ его описываетъ, называя его *Kiram* (Eski-kirim ou Solghât) — «ville grande et belle, qui fait partie des Etats du sultan illustre, Mohammed Uzbec Khân; elle a un gouverneur nommé par lui et appellé Toloctomoûr. Nous avions été accompagnés pendant le voyage par un des serviteurs de cet émir. Cette homme ayant annoncé à son maître notre arrivée, celui-ci m'envoya un cheval par son imâm Sâdeddin. Nous logeâmes dans un ermitage, dont le supérieur était Zâdeh alkhoraçany. Ce cheikh nous témoigna de la considération, nous complimenta sur notre arrivée, et nous traita généreusement. Il est fort vénéré de ces peuples; je vis les habitants de la ville, kâdhis, predicateurs, jurisconsultes et autres, venir le saluer. Ce cheikh Zâdeh m'apprit qu'un moine chrétien habitait un monastère situé hors de la ville, qu'il s'y livrait aux pratiques de la dévotion et jeûnait très fréquemment; qu'il allait même jusqu'à jeûner quarante jours de suite, après quoi il rompait le jeûne avec une seule fève; enfin, qu'il découvrait clairement les choses cachées. Le cheikh me pria de l'accompagner dans une visite à ce personnage. Je refusai; mais, dans la suite, je me repentis de ne l'avoir pas vu, et de ne pas avoir ainsi reconnu la vérité de ce qu'on disait de lui». (Voy. d'Ibn-Batoutah, etc II, 359—360). Капчаки или Кифджаки были христіане Такъ описываетъ ихъ степь Ибнъ-Батута, называя ее *Decht* Kifdjak: «Cette plaine est verdoyante et fleurie; mais il ne s'y trouve ni montagne, ni arbre, ni colline, ni pente Il n'y a pas de bois à brûler, et l'on ni connait point d'autre conbustible que la fiente d'animaux, laquelle est appelée *tezec* (bouse). Tu verrais les principaux d'entre les indigènes ramasser ce fumier, et le porter dans les pans de leurs vêtements. On ne voyage pas dans cette plaine sinon sur des chariots. Elle s'étend l'espace de six mois de marche, dont trois dans les états du sultan Mohammed Uzbec, et trois dans ceux d'autres princes. Le lendemain de notre arrivée dans ce port, un des marchands, nos compagnons, alla trouver ceux des habitants de cette plaine qui appartiennent *à la nation connue sous le nom de Kifdjak et qui professent la religion chretienne.* Il loua d'eux un chariot traîné par des chevaux. Nous y montâmes, et nous arrivâmes

et habitée par diverses nations de *Kaptchaks*, *de Russes* et *d'Alains*». «Apres avoir parcouru l'espace de vingt jours, un désert immense, couvert de tentes et des troupeaux, ils arrivèrent au fleuve Etil (le Volga), sur les bords duquel est la résidenee du prince Bérékeh. Cette rivière dont les eaux sont douces, a la même largeur que le Nil, *et l'on y voit continuellement naviguer des barques russes*». Плаваніе Русскихъ судовъ по Волгѣ, замѣченное въ Сараѣ ок. 1263 г., не можетъ насъ удивлять, такъ какъ мы знаемъ, что Русскія поселенія въ Сараѣ и въ окрестностяхъ были столь многочисленны, что потребовалось основать особую епархію Сарайскую въ 1265 г.

Мы убѣждены, что читателю не покажется парадоксомъ, если мы скажемъ, что *неволя Татарская*, вредная для Русскихъ во многихъ отношеніяхъ, не стѣснила однако ихъ международныхъ сношеній, по крайности съ Азіею, и даже расширила ихъ. Мы поступили бы совершенно неосторожно, если бы стали утверждать, что торговыя связи Русскихъ съ южною Азіею, происходившія въ X и даже IX в., совершенно прекратились во времена послѣдующія. Современникъ Рюрика и Олега, Арабскій писатель Ибнъ-Хордатъ-Бегъ, умершій уже старикомъ въ 912 г. и служившій почтмейстеромъ и полиціймейстеромъ въ Джебалѣ (древней Мидіи), вотъ что между прочимъ передаетъ намъ въ своей книгѣ о странахъ и дорогахъ: «Русскіе изъ племени Славянъ вывозятъ мѣха бобровъ и чернобурыхъ лисицъ изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Славянской земли и продаютъ ихъ на берегахъ Румскаго моря: тутъ царь Румскій беретъ съ нихъ десятину. Когда имъ вздумается, они отправляются *на Славянскую рѣку и пріѣзжаютъ въ заливъ города Хозаръ:* тутъ даютъ они десятину владѣтелю этой земли[1]. Затѣмъ они ѣдутъ въ

à la ville de Cafa, grande cité qui s'étend sur le bord de la mer et qui est habitée par des chrétiens, la plupart Génois....» (ibid. p. 356—357).

1. Френъ, указавъ на слова Идриси — *flumen Ross* (Russiae) *Athel* (т. е. Волга) *vocatum*, замѣтилъ однако, что 1) здѣсь по всей вѣроятности испорченъ текстъ, и исправивъ его, прочелъ такъ: «und es ist kein Eingang in dieses Meer als von» — 2) если Идриси и назвалъ Итиль рѣкою Русскою, то по ошибкѣ, смѣшавъ Донъ съ Волгою, такъ какъ многіе Арабскіе географы считали Донъ рукавомъ Волги. (Fraehn, Ibn-Fossl. Ber. S. 38). Поэтому-то Френъ и сказалъ, что сло

море Джурджанское и тамъ пристаютъ къ любому берегу, а это море въ поперечникѣ простирается на 500 фарсаховъ. Иногда случается, что они везутъ свои товары изъ Джурджана черезъ Ибиль въ Багдадъ».

ва Идриси «Итиль рѣка Руссовъ» едва ли могутъ служить подтвержденіемъ догадки знаменитаго Нѣмецкаго оріенталиста Гаммера, который подъ именемъ *Расъ* (Корана) разумѣлъ прежде рѣку *Аракс*, но потомъ перемѣнилъ свое мнѣніе—«mais depuis que j'ai trouvé le Ρως dans la liste des grands fleuves asiatiques donnée par Agathemeros (chap. X), j'ai été convaincu que le *Rha* ou Wolga et le *Ros* sont la même chose» (см. Fraehn ib. S. 37). — Есть мнѣніе, что Волга, слывущая и теперь у Мордвы подъ именемъ *Рау*, и у восточныхъ писателей по преимуществу называющаяся *Идель* (т. е. рѣка), а у нынѣшнихъ Чувашей *Адаль*, своимъ названіемъ *Ра* (Ρα у Птолемея, Rha у Аммиана) и *Росъ* (Ρῶς у Агаѳемера) обязана своимъ происхожденіемъ какому нибудь Финскому или Тюркскому нарѣчію. Очень можетъ быть, что предположеніе о Финскомъ или Тюркскомъ происхожденіи названія Волги *Ра* и *Рос* (Ρως) со временемъ и оправдается, а пока найдутся въ Финскихъ или Тюркскихъ нарѣчіяхъ подходящія имъ слова или корни, не слѣдуетъ забывать, что въ языкѣ Славянскомъ слово *рѣ-ка* имѣетъ при себѣ корень *рѣ* сходный съ Греч. ῥέω теку, что въ томъ же Славянскомъ языкѣ находятся слова *русло*, *русалка* (жилица водъ), есть и собственное рѣчное имя *Рось* т. е *Рысь*. Срв. *бѣдѣти — будити*, *дъхѣти — духъ* и *гнѣвѣть — гнѣвомъ* и пр. — *бесѣда* и *бесада*, *грѣхъ* и *грахъ*, *трава* и *тръва*, *вѣяніе* и *ваяніе* и пр. — Желательно повѣрить слова Идриси — *flumen Ross Athel vocatum*. Ибнъ-Хордатъ-Бегъ († 914 г.) называетъ Волгу рѣкою *Славянскою*, а Русскихъ онъ считалъ Славянами—«Русскіе изъ племени Славянъ». Аль-Истахри говоритъ, что Русскіе раздѣлены на три племени: одни живутъ въ сосѣдствѣ Булгаръ, а князь ихъ живетъ въ Кутабѣ, городѣ, которыи больше гор. Булгаръ, другіе называются Славяне, третьи Утаніе, князь ихъ живетъ въ Арбѣ. (Das Buch d. Lander von Schech Ebn Ishak el Farsi el Isztachri, aus d. Arab. von A. D Mordtmann. Nebst ein Vorworte v. Prof. C. Ritter. Mit 6 Karten. Hamburg. 1845. S. 106). — Вспомнимъ слова Нестора, въ началѣ Лѣтописи: «Днѣпрь потече изъ Оковьскаго лѣса, и потечетъ на полъдне; а Двина изъ того же лѣса потечетъ, а идетъ на полунощье, и внидетъ въ море Варяжьское; изъ того же лѣса потече Волга на въстокъ, и вътечетъ семьюдесятъ жерелъ въ море Хвалисьское. Тѣмже и изъ Руси можетъ ити въ Болгары и въ Хвалисы, на въстокъ доити въ жребіи Симовъ; а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима» и пр. Мы знаемъ, что Русскіе постоянно плавали по Волгѣ не только въ XIV и XV в., но и въ XI и даже X в. См. разк. Ибнъ Фодлана о Руссахъ въ Хозарскомъ городѣ Итилѣ. Плавали Русскіе по Волгѣ и въ первыхъ годахъ X в. и въ IX в.; такъ Ибнъ-Хордатъ-Бегъ говоритъ, что Русскіе изъ племени Славянъ «ѣздятъ и къ Хозарскому заливу рѣкою Славянскою», т. е Волгою. Неизвѣстный Арабскій авторъ «Книги странъ» говоритъ что «Славянскіе купцы.... ходятъ — по *Славянскому морю* къ заливу Хозаръ, а потомъ плывутъ по Хорасанскому морю» (т. е. Каспискому). Почтенный Славянистъ нашъ И. И Срезневскій весьма вѣрно замѣтилъ: «Славянское море, которымъ плыли къ Итилю изъ Славянскои земли, есть, конечно, не море, а рѣка Волга» — и основательно то доказалъ. (С. 61)

Неизвѣстный Арабскій авторъ «Книги странъ», жившій по всей вѣроятности въ X в., повторяетъ почти то же самое о торговыхъ сношеніяхъ Русскихъ съ Азіею. Вотъ его слова: «Славянскіе купцы вывозятъ мѣха лисицъ и бобровъ изъ самыхъ отдаленныхъ странъ Славянскихъ къ Румскому морю, гдѣ и платятъ пошлину Румскому царю. Они ходятъ моремъ и къ Жиду Самкушу и потомъ сухимъ путемъ въ Славянскую землю, а далѣе къ Славянскому морю къ заливу Хозаръ, гдѣ должны платить пошлину Хозарскому владѣтелю; потомъ плывутъ къ Хорасанскому морю въ ту рѣку, которая называется Славянскою; иногда входятъ въ Джорджанъ, и тамъ распродаютъ свой товаръ. Всѣ эти товары приходятъ въ Рей, остающійся рынкомъ для всего свѣта»[1].

Въ городѣ Реѣ, что близъ Тегерана, производилась, по замѣчанію того же автора, обширная торговля съ Арменіей, Адербиджаномъ, Хорасаномъ, землей Хозарской и Берджаномъ (Молдавіей). Ибнъ-Хордатъ-Бегъ говоритъ, что Русскіе возятъ свои товары въ Багдадъ. Димешки, сказавъ объ обширности пространства, занимаемаго Славянами, прибавляетъ: «вотъ потому-то и находили Славянскихъ плѣнниковъ въ Испаніи и въ Хорасанѣ, по причинѣ тѣхъ войнъ, которыя вели они съ Турками и съ Греками»[2].

Въ IX — X в. проникали Русскіе въ страны Каспійскія и Кавказскія, какъ въ видахъ торговыхъ, такъ и съ цѣлью пограбить, въ видахъ воинственныхъ.

Въ XV в. предпріимчивые и любознательные торговцы посѣщаютъ эти страны весьма часто; одинъ изъ нихъ, пошедшій далѣе ихъ всѣхъ, незабвенный нашъ Тверской торговецъ Аѳанасій Никитинъ оставилъ даже свои путевыя записки, одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ старой Русской словесности. И. И. Срезневскій въ заключеніи своихъ превосходныхъ комментарій къ «Хоженію за три моря» и на основаніи многочисленныхъ изслѣдованій и сравненій съ полнымъ правомъ вы-

1. См ст. И. И. Срезневскаго — Слѣды давняго знакомства Русскихъ съ южной Азіей (Вѣстн. Русск. Геогр. Общ. 1854. Кн. I).

2 Mém. de l'Acad. de St. Petersb. VI. Charmoy. Relation de Massoudy. p. 353.

разился о запискахъ Русскаго человѣка XV в. такимъ образомъ: «По времени, когда писаны, его записки принадлежатъ къ числу самыхъ важныхъ памятниковъ своего рода: разсказы Ди Конти и отчеты Васко ди Гама одни могутъ быть поставлены въ ровень съ Хоженіемъ Никитина. Не ниже ихъ это Хоженіе ни по слогу, хотя и можетъ онъ намъ теперь казаться слишкомъ мало-литературнымъ, ни по простодушію и отрывочности замѣчаній, ни по довѣрчивости къ разказамъ туземцевъ, заставившей его иногда повторять и невѣроятное. А что умно-разнообразна была наблюдательность Никитина, въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться. И въ этомъ отношеніи Никитинъ не ниже, если не выше его современниковъ»[1].

Имѣемъ ли мы какое нибудь право предполагать, что первые преемники и послѣдователи Русскихъ торговцевъ, упоминаемыхъ Ибнъ-Хордатъ-Бегомъ и неизвѣстнымъ сочинителемъ «Книги странъ», появляются только въ XV в.? Имѣемъ ли хотя малѣйшее основаніе утверждать, что въ продолжительный періодъ времени — XI — XIV в. — мирныя связи Русскихъ съ востокомъ были совершенно прерваны? Пишущій эти строки съ своей стороны несомнѣнно убѣжденъ, что со временемъ будутъ открыты положительныя извѣстія объ этихъ связяхъ, особенно въ писателяхъ восточныхъ; пока же проситъ читателя обратить вниманье на нѣкоторыя соображенія и факты, которые одни ставятъ выше всякаго сомнѣнья то положеніе, что мирныя связи Русскихъ съ востокомъ, странами за-Каспійскими и за-Кавказскими, не прерывались въ періодъ XI—XIV в.

Слѣдуетъ помнить походы Русскихъ въ Каспійскомъ морѣ въ 914, 944 г., ослабленіе и разрушеніе могущественной державы Хозарской, походы Святослава на Ясовъ и Касоговъ въ въ X в., а Мстислава въ XI в., походъ Русскихъ на Шемаху въ XII в., брачные союзы Русскихъ князей XII в. съ Абхазіею и Грузіею, силу и значеніе княжества Тмутараканскаго, существованіе Русскихъ поселеній, и не малочисленныхъ, въ земляхъ при-Донскихъ, и по завоеваніи ихъ Половцами, а потомъ Татарами, безпрерывныя сношенія съ ними Русскихъ, постоян-

1. Учен. Зап. II Отд. Имп. Ак. Наукъ. Кн. II. вып. 2. С. 305—306.

ное пребываніе Русскихъ, воиновъ, ремесленниковъ и торговцевъ, между Татарами на Волгѣ, въ Средней Азіи, въ Дагестанѣ.

Въ сказаніяхъ Русскихъ XV в. *о земляхъ за Араратомъ*, *о жизни Тамерлана*, земли за-Кавказскія и за-Каспійскія называются по большей части именами народными, что указываетъ на ихъ источникъ, не книжный, а народный [1].

Изъ того, что имена эти записаны въ памятникахъ XV в., нелѣпо было бы заключать, что эти имена не были извѣстны въ XIV в. и раньше.

Испанскій путешественникъ Рюи Гонсалесъ де Клавихо, посланный къ Тамерлану Генрихомъ III Кастильскимъ, видѣлъ въ 1404 г. въ Самаркандѣ Русскихъ торговцевъ, вмѣстѣ съ Татарскими, съ кожами, мѣхами и льняными тканями. «За полвѣка передъ тѣмъ, — замѣчаетъ И. И. Срезневскій, основываясь на показаніи Шегабъ-Эддина, въ его Живописныхъ путешествіяхъ, — льняныя одежды изъ земли Русской вмѣстѣ съ тканями изъ Александріи были въ ходу и почетѣ почти за полторы тысячи верстъ за Самаркандомъ на югъ, на полудорогѣ изъ него въ Калькутту, въ Дели, что въ сѣверной Индіи» [2]. По восточнымъ сказаніямъ о походѣ Тамерлана на Русь, войска его «обогатились у насъ несмѣтною добычею и навьючили вельблюдовъ слитками золота, серебра, мѣхами драгоцѣнными, кусками *тонкаго полотна Антіохійскаго и Русскаго* [3]. Русскіе, знакомые съ землями Кавказскими, задолго до Татаръ и во время ихъ владычества, не прерывали своихъ давнишнихъ связей.

Мы уже имѣли случай указать на бытность Русскихъ князей и ихъ войскъ въ южномъ Дагестанѣ въ 1277 г., здѣсь же укажемъ только на слѣдующія два обстоятельства изъ XIV в.

Если бы съ землями Кавказскими Русскіе не имѣли постоянныхъ сношеній, то какимъ бы образомъ вошли въ наши лѣтописи напр. слѣдующія слова: подъ 1345 г. — «бысть моръ силенъ зѣло подъ восточною страною на Орначи и на Азстаро-

1. Уч. Зап. Кн. II, вып. 2, статья И. И. Срезневскаго, с. 228 и сл.

2. Тамъ же, стр 226.

3. Карамзина И. Г. Р. V, 131.

кани и на Сараи, и на прочихъ градѣхъ страннѣхъ, на христіянѣхъ и на Арменехъ, и на Фрязѣхъ и на Черкасѣхъ, и на Татарѣхъ, и на Обязѣхъ и яко не бысть кому погребати ихъ».

Изъ разсказа Лѣтописи о кончинѣ князя Тверскаго Михаила Ярославича, въ 1319 г., въ Ордѣ, кочевавшей въ то время сначала у Азовскаго моря, потомъ въ Дагестанѣ, за Терекомъ, близъ Дербента[1], узнаемъ, что тамъ было много Русскихъ: «Бяхужъ тамо мнози народи, аки песокъ собравшеся», «тогда всѣ земли сошлись тамо... и *Цареградцы* и *Пьмцы* и *Литва* и *Русь и мнози православнїи*». Съ княземъ Михаиломъ были священныя книги, которыя онъ читалъ передъ смертью. Были при немъ и священники — «бѣ бо съ нимь игуменъ, говоритъ Никон. Лѣтопись, да два попа инока, два попа, да дьяконъ мірскіе». Съ нимъ было не мало его слугъ, которые и уговаривали его бѣжать. Были въ то время въ Ордѣ и другіе Русскіе, которые ни мало не сочувствовали князю Михаилу, напротивъ, смѣялись надъ нимъ. «Рече же отъ своихъ единъ: господине княже! видѣши ли се, колико народа множество стоящихъ, видяще тя въ таковой укоризнѣ, а прежь тя слышаще царствующа тя во своей земли?...» Убійцами Михаила были *Романецъ* и *Иванецъ*, быть можетъ тоже Русскіе, но во всякомъ случаѣ христіане. «Вежу же его разграбиша *Русь* и Татарове; всѣхъ сущихъ съ нимъ христіанъ и Татаръ, служащихъ ему, имающе изобнажаху нагихъ и влечаху, терзающе яко злодѣевъ и розведше поковаша». Весьма любопытны нѣкоторыя подробности объ отвезеніи въ Русь тѣла Михаилова; онѣ весьма полезны для соображенія при разсмотрѣніи вопроса о тогдашней доступности для Русскихъ земель Кавказскихъ. Такъ Лѣтопись (Ник.) разсказываетъ, что тѣло Михаилово привезено было въ *Мощарыкъ* (т. е. *Миджары* на р. Кумѣ), «ту суще *гости Рустіи* восхотѣша поставити въ церкве плащаницею покрывше, и не даша имъ, но въ хлѣвинѣ». Потомъ привезли тѣло въ *Бездежь*, что нынѣ, по мнѣнію Карамзина, Везедево, ниже Енотаевска, на рукавѣ

1. «За р. Теркомъ, на рѣцѣ на Севенцѣ (нынѣ *Сунжа*) подъ городомъ подъ Тетяковымъ, минувше вси горы высокыя Ясьскія и Черкаскія, близъ Воротъ Желѣзныхъ».

Волги. «И яко же быша близъ града, и мнози изъ града видѣша, около саней множество народа со свѣщами, а иныхъ на конѣхъ съ фонари по воздуху ѣздящихъ; и тако привезоша во градъ и не поставиша *въ церкви*, но во дворѣ». Далѣе разсказываетъ лѣтописецъ, какъ два стража въ страхѣ великомъ были свержены съ саней «и далече отшетнуты, и едва возставше и въ себе пришедше, и шедше, исповѣдаша вся *бывшая сущимъ ту священникомъ, отъ нихъ же слышавше сіе написахомъ достовѣрно*».

Въ числѣ обстоятельствъ, благопріятствовавшихъ связямъ Русскихъ съ землями Кавказскими, я указалъ, между прочимъ, и на поселенія Русскихъ въ земляхъ при-Донскихъ.

Въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1499 г., кажется, въ первый разъ упоминаются козаки Азовскіе: въ этомъ году приходили они съ Татарами Ордынскими подъ Козельскъ. Князья Перемышльскій и Одоевскій разбили ихъ, иныхъ взяли въ плѣнъ и привели въ Москву (И. Г. Р. VI, Пр. 495). Въ переговорахъ Московскаго Двора съ Портою 1516 г. упоминаются также козаки Азовскіе. «Великій князь требовалъ, чтобы султанъ запретилъ имъ тревожить нашу Украйну и хватать людей, которые посылаются оттуда въ степи для развѣдыванія о Крымцахъ и Ногаяхъ» (ib. VII, Пр. 136).

Ногайскій мурза Белекъ жаловался Ивану Васильевичу Грозному на козаковъ Азовскихъ и между прочимъ писалъ о нихъ: «Бѣлаго князя Черкасы бѣглые холопи были». А царь Иванъ Васильевичь въ переговорахъ своихъ съ ханомъ Крымскимъ говорилъ: «Нашихъ Козаковъ на Дону нѣтъ никого; а живутъ на Дону изъ нашего государства *бѣглые люди*»; или въ другомъ мѣстѣ: «А которые на Дону живутъ, давно бѣгая изъ нашего государства» (И. Г. Р. VIII, Пр. 251).

Теперь естественно возникаетъ вопросъ: эти бѣглые Русскіе люди, про которыхъ въ половинѣ XVI в. говорили, что они *давно* бѣгаютъ, и о которыхъ упоминаютъ лѣтописи въ к. XV в., эти бѣглые Русскіе люди, поселяясь на Дону, нашли ли тамъ уже Русскихъ поселенцевъ, своихъ земляковъ и единовѣрцевъ, или же они были первыми поселенцами этого края? Позволяю себѣ думать, что и до этихъ бѣглыхъ людей были Руссія поселенія на Дону: такъ еще въ 1265 г. открыта была Сарайская

епархія, а въ XIV в. не разъ возникали споры о границахъ Рязанской и Сарайской епархій; наконецъ было рѣшено, что Рязанская оканчивается при впаденіи Хопра въ Донъ. Спрашивается, къ чему было учреждать цѣлую епархію, если бы поселенія Русскія были незначительны? Выше мы видѣли, что въ началѣ XIV в. были православныя церкви въ Маджарахъ, на р. Кумѣ, въ Бездежѣ, ниже Енотаевска. Отчего не могло быть и Русскихъ поселеній въ краѣ при-Донскомъ, ниже впаденія Хопра въ Донъ?

Въ XIII и въ XII в. въ этихъ мѣстахъ, между Волгой, Дономъ и Днѣпромъ, кочевали Половцы.

Съ половины XI до начала XIII в. сношенія Руси съ Половцами были почти безпрерывныя. Помимо враждебныхъ отношеній, вскорѣ должны были образоваться и дружественныя. Нѣтъ сомнѣнія, что не только Половцы мѣшались въ дѣла Русскія, но и наоборотъ; если князья и даже княгини наши вступали въ браки съ Половцами, то точно также вступали и изъ народа и изъ дружины. Эти мирныя связи конечно не могли не имѣть на Половцевъ нѣкотораго вліянія, усиливавшагося Русскими плѣнниками, которыхъ они нерѣдко уводили въ большомъ количествѣ. Напрасно мы стали бы предполагать, что люди Русскіе, уводимые Половцами въ плѣнъ, были всегда убиваемы или же отдаваемы на самыя тяжкія мученья. Очень вѣроятно, что не обходилось и безъ этихъ случаевъ, но они бывали непремѣнно исключеніями; такъ какъ Половцамъ не трудно было увидать, что Русскіе далеко превосходятъ ихъ во многихъ отношеніяхъ, ихъ собственный интересъ заставлялъ приманивать къ себѣ Русскихъ. При безпрерывности связей Руси съ Половцами, не могло не возникнуть явленія самого обыкновеннаго въ исторіи международныхъ сношеній. Съ той и другой стороны должны были являться перебѣжчики, люди бѣглые. Между Русью и Половцами не могло не образоваться связей торговыхъ; — черезъ земли Половецкія лежалъ путь Русскимъ къ землямъ Кавказскимъ, съ которыми Русь нерѣдко сносилась въ XII в.

На основаніи однихъ этихъ такъ сказать апріорическихъ соображеній, можно рѣшительно отказаться отвѣчать отрицательно

на вопросъ, не было ли Русскихъ поселеній въ земляхъ при-Донскихъ и до Татаръ, при Половцахъ, въ XII в. и раньше?

По смерти Петра Великаго, весьма много заботившагося объ Астраханскомъ портѣ и о судоходствѣ на Каспійскомъ морѣ, тамошній флотъ, весьма въ его время значительный, отъ совершеннаго имъ пренебреженія сталъ постепенно приходить въ упадокъ. Отъ прекращенія крейсерствъ естественно должно было ослабѣть торговое судоходство; вѣроятно отъ недостатка средствъ къ пропитанію, люди, служившіе во флотѣ и любившіе свое ремесло, стали толпами переходить на сторону Персіянъ; появились морскіе разбойники, Русскіе люди. Около 1735 г. Русскій консулъ въ Гилянѣ доносилъ Русскому правительству, что «приходящіе на купеческихъ морскихъ судахъ въ Гилянъ и въ другія на тамошнемъ Каспійскомъ морѣ лежащія пристани *музуры* (матросы) многіе тамъ остаются и не токмо сами строютъ въ Персіи мореходныя суда, но и другихъ дѣланію тѣхъ судовъ обучаютъ» [1].

Въ слѣдствіе этого велѣно было консулу въ Гилянѣ удерживать музуръ отъ побѣговъ, а Астраханскихъ купцовъ обязать подпискою, «подъ опасеніемъ штрафа и лишенія пожитка, не отпускать въ Персію музуръ и не продавать судовъ».

Явились и морскіе разбойники «Русскіе воровскіе люди». Такъ, бывшій въ Петербургѣ въ 1737 г. Персидскій посолъ представлялъ, что «нынѣ, по полученнымъ письмамъ изъ Баки, вновь появились разбойники изъ Россійской націи, человѣкъ съ семьдесятъ на судахъ, и живутъ близь Баки, на островѣ Акрабѣ (?), для грабежа проѣзжихъ людей, и уже три суда Астраханскихъ купцевъ ограбили» [2]). Въ 1767 г. появился у Персидскихъ береговъ одинъ отчаянный корсаръ «обусурманившійся» Русскій человѣкъ Иванъ Столаревъ, сталъ строить въ Энзиляхъ суда и расхаживать по морю, но вскорѣ обжегся порохомъ и умеръ.— Вице-адмиралъ Крюйсъ въ запискѣ своей о Донѣ, Азовскомъ морѣ и пр., составленной имъ по приказанію

1. Астрах. Портъ съ 1725 по 1781 г. ст. г. Соколова. (Морск. Сб. 1849. С. 469).

2. Тамъ же. С. 470.

3. Тамъ же. С. 474.

Петра Великаго и поднесенной имъ въ 1699 г. царевичу Алексѣю Петровичу, говоритъ, между прочимъ, что, не терпя притѣсненій Польши, при видѣ казней, постигшихъ Павлюка, Остряницу, многіе изъ козаковъ Малороссійскихъ стали пуще прежняго искать себѣ убѣжища въ другихъ странахъ и 4 тысячи человѣкъ «изъ разумнѣйшихъ козаковъ», собравшись съ женами и дѣтьми, рѣшились переселиться въ Персію, имѣвшую тогда войну съ Турками. «Такимъ образомъ перешли они, по обыкновенію своему, въ обозѣ, болѣе 120 миль черезъ земли Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ, съ которыми они часто имѣли сраженіе», но на Дону они повстрѣчались съ козаками Донскими, которые отговорили ихъ отъ такого намѣренья [1]).

И такъ, если Русскіе люди въ 18 и 17 стол. могли перебѣгать и переходить къ Персіянамъ весьма значительными массами, то отъ чего не могли переходить такимъ же образомъ и къ Половцамъ, съ которыми Русь находилась въ сношеніяхъ постоянныхъ и безпрерывныхъ?

Не только въ 18 стол., но и въ послѣднее время въ Хивѣ, Бухарѣ, Ташкентѣ и Коканѣ жило не мало Русскихъ людей, не только плѣнниковъ и невольниковъ, захваченныхъ и перепроданныхъ Киргизами, но и бѣглыхъ и гулящихъ людей, которые, избѣгая преслѣдованій и наказаній, или просто увлекаемые Русскою удалью и молодечествомъ, вступали на службу Азіатовъ. Очень не гуманно обращаясь съ Русскими плѣнниками, они тѣмъ не менѣе стараются воспользоваться ихъ умомъ и тѣми знаніями, которыхъ за собою они не вѣдаютъ.

Въ 1822 г. въ одномъ изъ нашихъ журналовъ писали объ одномъ Русскомъ человѣкѣ, находившемся въ то время въ неволѣ въ Бухарѣ. Въ 80 годахъ прошлаго столѣтія, Андрей Родиковъ, капралъ Оренбургскаго гарнизона, былъ взятъ въ плѣнъ Киргизами и проданъ въ Бухару.

Ханъ Бухарскій произвелъ его въ топчи-баши, поручилъ ему начальство надъ артиллеріею, бралъ его въ походы противъ Персіянъ, Авганцевъ, Хивинцевъ.

---

1. Старинн переводъ Розыск. о Донѣ, Азовск. морѣ, Воронежѣ и Азовѣ, учиненныя по повел. Петра В. и пр. Отеч. Зап. Свинына. Ч. XX. № 55. С. 185—186.

Въ 1822 г. Родикову было 70 лѣтъ; онъ тосковалъ по Россіи, но не имѣлъ возможности убѣжать.

Какъ всѣхъ Русскихъ плѣнниковъ, его принудили принять исламизмъ, однако въ тайнѣ онъ остался вѣренъ христіанству. Почти каждую недѣлю Русскіе невольники собираются, говорили тогда, молиться къ Родикову, который, кромѣ исправленія должности топчи-баши, завелъ въ Бухарѣ свою лавку и занимается торговлею. Въ Свѣтлое Христово Воскресенье всѣ Русскіе въ Бухарѣ отправляются къ Родикову, «запираются въ его тѣсную каморку и слушаютъ заутреню, которую отправляютъ Родиковъ и Василій Егоровъ, плѣнный дьячекъ изъ Оренбурга. У нихъ есть всѣ священныя и церковныя книги, которыя получили они отъ Русскихъ купцевъ, бывшихъ въ Бухаріи». Въ 1822 г. въ Бухарѣ проживало 34 человѣка Русскихъ плѣнныхъ, изъ коихъ 27 мужчинъ и 7 женщинъ[1].

Сибирскіе козаки Милюшинъ и Батарышкинъ, бывшіе въ плѣну у Коканцевъ съ 1849 по 1852 г., по возвращеніи своемъ на родину, разсказывали между прочимъ, напр. про *Туркестанъ* (Азретъ): «Городъ этотъ имѣетъ болѣе 1000 домовъ; окруженъ стѣною, которая во многихъ мѣстахъ развалилась, и населенъ большею частью бѣглыми изъ разныхъ странъ. *Одинъ Сибирскій козакъ по имени Алексѣй Пыжиковъ, служитъ тамъ сотникомъ (юзъ-баши) у пушекъ.*

Когда козаковъ нашихъ и ихъ товарищей, которые потомъ померли, привели въ Коканъ, то ханъ приказалъ имъ обрить головы и передать *раису* (муллѣ) для обращенія въ мусульманство. Вопреки однако совѣту нашихъ единовѣрцевъ Русскихъ, находящихся въ Коканѣ, мы двое сутокъ не соглашались на бритье головы, наконецъ на третьи уступили силѣ. Насъ обрили, перерядили въ Азіатское платье и передали раису.

Въ самомъ Коканѣ бѣглыхъ Русскихъ и Татаръ будетъ около ста человѣкъ. Они встрѣчаются и въ другихъ городахъ и особенно въ Ташкентѣ, гдѣ ихъ даже болѣе, чѣмъ въ Коканѣ. Многіе изъ Русскихъ состоятъ въ ханской службѣ, но всѣ въ тайнѣ соблюдаютъ православную вѣру и желаютъ возвра-

1. Отеч. Зап. Свиньина. Ч. XI. № 29. С. 366 и сл.

титься на родину; ихъ удерживаетъ только боязнь наказанія. Изъ нихъ мы помнимъ имена: Степана Аверьянова, который служитъ юзъ-башею у орудій; Ивана Кузнецова, Семипалатинскаго купеческаго сына, занимающагося торговлею; козака Ефима Мусова; солдата Митрофана Демина и козака Петра Коновалова.

У раиса мы прожили мѣсяца два (январь и февраль 1850). Тамъ насъ содержали хорошо, хотя и подъ присмотромъ, и, между прочимъ, учили по-Татарски, но обрѣзаться мы не соглашались, а когда, послѣ двухнедѣльной болѣзни, раисъ умеръ, мы ушли изъ его дома на волю и поселились у Степана Аверьянова, гдѣ жили мѣсяца два или три (съ марта 1850 г.)»[1].

Съ Половцами Русскіе находились въ несравненно болѣе тѣсныхъ и неразрывныхъ связяхъ, чѣмъ даже въ настоящее время съ Хивою, Бухарою, Ташкентомъ и Коканомъ. Земля Половецкая, болѣе сихъ послѣднихъ, была подвержена Русскому вліянію; отчего въ ней плѣнники Русскіе не могли пользоваться нѣкоторымъ значеніемъ? отчего же въ ней не могло быть Русскихъ бѣглыхъ и гулящихъ людей?

Нельзя не замѣтить, что успѣшная обработка исторіи древней Руси встрѣчаетъ себѣ сильное препятствіе въ тѣхъ понятіяхъ, что съ одной стороны не позволяютъ изслѣдователю принимать то, что весьма само по себѣ вѣроятно и даже необходимо, хотя *письменно* и не засвидѣтельствовано[2], а съ другой стороны поддерживаютъ въ немъ мысль ограничиваться одними отечественными источниками, напр. лѣтописями, тогда какъ онѣ недостаточны. Сюда же надо отнести старую привычку обращать вниманіе только на одну жизнь государственную и политическую; какъ будто бы судьба Русскихъ, вѣрныхъ своей народности, не живущихъ однако въ Русской территоріи, не составляетъ органической части Русской исторіи? Отъ того забываютъ даже и упомянуть о той землѣ Русской, которая отошла къ народу иноплеменному, хотя и сохранила свою народность.

1. Вѣстникъ Русскаго Географ. Общ. 1856. Кн. IV. Смѣсь. С. 21 и сл.

2. Изслѣдователь въ наше время ни на единый мигъ не долженъ забывать, что есть факты двоякаго рода, явные и тайные, и что послѣдніе гораздо важнѣе.

Изъ того, что Русскія лѣтописи ничего не говорятъ о Русскихъ поселеніяхъ въ землѣ Половецкой, еще не слѣдуетъ заключать, чтобы ихъ и не было.

Не могло въ ней не быть Русскихъ бѣглыхъ и воровскихъ людей, однако лѣтописи тоже молчатъ о нихъ.

Кіевскій лѣтописецъ подъ 1159 г. говоритъ: «Приде Изяславу болши помочь къ Бѣлугороду, приде бо къ нему Башкордъ въ 20 тысячь, отчимъ Святославль Володимирича: *бѣ бо мати его бѣжала въ Половци и шла за нь*» (Р. Л. II, 85).

Княгиня могла бѣжать къ Половцамъ; какъ же не бѣгать было простымъ людямъ?

Пишущій эти строки смѣетъ думать, что при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ, не мѣшаетъ иногда принимать въ соображеніе народный характеръ, аналогическія явленія другаго времени и при другихъ обстоятельствахъ.

Когда Изяславъ Ярославичь въ 1068 г. привелъ на землю Кіевскую Ляховъ, то Кіевляне послали сказать его братьямъ, князьямъ Святославу и Всеволоду: «а поидета въ городъ отца своего; аще ли не хочета, то намъ неволя: *зажегше градъ свой, ступимъ въ Греческую землю*» (Р. Л. I, 74).

Въ 1174 г. вышла изъ Великаго Новагорода одна партія его жителей, спустилась по Волгѣ до Камы и основала поселеніе на берегу ея. Воодушевляемые желаніемъ, столь прирожденнымъ Русскому, «новыхъ землицъ отыскивать», «пустую землю въ живущую полнити», подчинили себѣ Вотяковъ, овладѣли городомъ Вяткою, завели въ этомъ краѣ и другія поселенія, основали новый городъ Хлыновъ и принявъ къ себѣ многихъ Двинскихъ жителей, образовали самостоятельную общину, которая и просуществовала такъ около двухъ сотъ семидесяти осьми лѣтъ, «наблюдая обычаи Новогородскіе, повинуясь сановникамъ избираемымъ и духовенству» (Кар.). Лѣтописцы современные ни слова не упоминаютъ объ этомъ происшествіи.

Не надо забывать, что бояре наши весьма дорожили своимъ правомъ отъѣзда.

Козаки Азовскіе, бѣглые Русскіе люди, приходятъ вмѣстѣ съ Татарами грабить Россію.

Плано-Карпини, около 1247 г. проѣзжавшій землю Половец-

кую, говоря однажды о жестокости Баскаковъ, замѣтилъ: *такъ они истребили великое число Русскихъ, жившихъ въ землѣ Половецкой.*

Карамзинъ, въ одномъ изъ драгоцѣннѣйшихъ своихъ примѣчаній, замѣтилъ: «Путешественникъ XIII в., Рубруквисъ, сказываетъ, что между Волгою и Дономъ жили многіе *Русскіе*, Аланскіе, Венгерскіе или Башкирскіе разбойники, составляя какъ бы народъ особенный (см. его Voyage въ Бержерон. собр. стр. 20 и 38): вѣроятно, что они именуются въ нашихъ лѣтописяхъ *Бродниками*, то есть *бродягами*, сволочью» (II Пр. 302, см. III, прим. 164 и 304).

Въ XII в. Русскимъ тѣмъ легче было селиться въ землѣ Половецкой, что тамъ могли быть поселенія Русскія и весьма немалозначительныя, со временъ княжества Тмутараканскаго, имя котораго въ послѣдній разъ упоминается нашими лѣтописями подъ 1094 г.

Въ Тмутаракани и окрестностяхъ должны были быть поселенія Русскія еще въ X в., когда Владиміръ послалъ туда сына своего Мстислава, который около 1022 г. ходилъ на Касоговъ и побѣдилъ ихъ, проникъ въ ихъ землю и наложилъ на нихъ дань. По обѣту, данному имъ передъ битвою, онъ построилъ въ Тмутаракани церковь — «заложи церковь святыя Богородица, и созда ю, яже стоить и до сего дне Тмутарокани».

Подъ 1023 г. говоритъ лѣтописецъ, что Мстиславъ ходилъ на Ярослава съ Хозарами и Касогами; а подъ 1024 г., что Мстиславъ пришелъ изъ Тмутараканя въ Кіевъ, но Кіевляне его не приняли и онъ удалился въ Черниговъ. Ярославъ же былъ тогда въ Новѣгородѣ. Призвавъ къ себѣ Варяговъ изъ-за моря, пошелъ онъ противъ Мстислава, который вышелъ имъ на встрѣчу къ Листвену, что на р. Рудѣ, близъ Городни. Мстиславъ поставилъ Сѣверянъ впереди, а на правомъ и лѣвомъ крылѣ свою дружину. Въ бурную, грозную ночь завязалось сраженіе. Сѣверяне зачали биться съ Варягами и много ихъ пало; тогда Мстиславъ повелъ свою дружину на Варяговъ и избилъ ихъ. Ярославъ былъ разбитъ и бѣжалъ въ Новгородъ. Утромъ, обходя поле битвы, сказалъ Мстиславъ: «кто сему не радъ? се лежить Сѣверянинъ, а се Варягъ, а *дружина своя цѣла*». Мстиславъ по-

слалъ сказать Ярославу: «сяди въ своемъ Кыевѣ, ты еси старѣйшій братъ, а мнѣ буди си сторона». Братья помирились и Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ, а Мстиславъ въ Черниговѣ. И раздѣлили уже въ 1025 г. по Днѣпръ Русскую землю, «Ярославъ прія сю сторону, а Мстиславъ ону; и начаста жити мирно и въ братолюбствѣ, и уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика въ земли».

Въ 1031 г. умеръ сынъ Мстиславовъ Евстафій, а въ 1036 г. самъ Мстиславъ. «По семъ же перея власть его всю Ярославъ, и бысть самовластець Русьстѣй земли».

Татищевъ, вѣроятно основываясь на источникѣ, до насъ недошедшемъ, замѣтилъ, что Евстафій умеръ въ Тмутаракани.

Въ продолженіе цѣлаго ряда годовъ, лѣтопись молчитъ о Тмутарокани и только подъ 1064 г. прерывается ея молчаніе, когда говорится въ ней о бѣгствѣ въ Тмутарокань Ростислава, сына Владимірова, внука Ярославова; съ нимъ бѣжали Порѣй и Вышата, сынъ Остромира, воеводы Новгородскаго. Нѣтъ сомнѣнія, онъ пришелъ въ Тмутарокань съ болѣе или менѣе значительными силами: «и пришедъ выгна Глѣба изъ Тмутороканя, а самъ сѣде въ него мѣсто». Въ томъ же или въ слѣдующемъ 1065 г. князь Черниговскій Святославъ Ярославичь пошелъ въ Тмутарокань на Ростислава, чтобы снова посадить туда сына своего Глѣба. Ростиславъ вышелъ изъ города не изъ боязни, но не хотя подымать оружія противъ своего дяди. Святославъ вошелъ въ Тмутарокань, посадилъ снова сына своего Глѣба и воротился назадъ въ Черниговъ. Ростиславъ вернулся въ Тмутарокань, выгналъ Глѣба, который удалился къ своему отцу, и снова сѣлъ княжить въ Тмутарокани.

Подъ 1065 г. лѣтописецъ передаетъ намъ слѣдующій разсказъ: «Ростиславу сущу Тмутарокани, и емлющу дань у Касогъ и въ инѣхъ странахъ, сего же убоявшеся Грьци, послаша съ лестью Котопана; оному же пришедшу къ Ростиславу и ввѣрившуся ему, чтяшеть и Ростиславъ». Но этотъ Котопанъ поднесъ ему яду и, уѣхавъ въ Херсонь, объявилъ, что князь Ростиславъ умретъ въ извѣстный день; такъ и случилось. «Сего же Катопана побиша каменьемъ Корсуньстіи люди». —

Съ чего, спрашивается, было Херсонцамъ мстить за Ростислава, если они не были ему преданы въ извѣстной степени?

*

Не вижу рѣшительно никакого основанія отвѣчать отрицательно на вопросъ: не было ли въ Херсонѣ XI в. или его окрестностяхъ Русской стихіи, Русскихъ поселеній? Сношенія Руси съ полуостровомъ Таврическимъ въ XII в. были прочныя и постоянныя: такъ туда шелъ извѣстный *Соляный путь*, иногда тревожимый Половцами и дорого князьями нашими цѣнимый[1].

Въ XIII в., какъ мы уже видѣли, были поселенія Русскія на полуостровѣ, по крайности въ гор. Крымѣ. Отчего не могло быть ихъ въ XII в., когда Русь вела съ Крымомъ сношенія безпрерывныя? Смѣю думать, что и въ XI и въ X в. Славяне Русскіе не менѣе часто бывали на полуостровѣ. При семъ надо помнить Русскіе договоры съ Греками и походъ Владиміра на Корсунь. Выслушавъ всѣ мнѣнія отправленныхъ имъ людей для узнанія лучшей вѣры, и остановившись наконецъ на Греческой, Владиміръ, по словамъ лѣтописи, спросилъ бояръ: «гдѣ крещеніе пріимемъ?» они же рекоша: «гдѣ ти любо», «и минувшу лѣту иде Володимеръ (988) съ вои на Корсунь, градъ Гречьскій, и затворишася Корсуняне въ градѣ; и ста Володимеръ объ онъ полъ города въ лимени, дали града стрѣлище едино, и боряхуся крѣпко изъ града, Володимеръ же объстоя градъ. Изнеможаху въ градѣ людье, и рече Володимеръ къ гражанамъ: «*аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 лѣта*». Они же не послушаша того, Володимеръ же изряди воѣ своѣ, и повелѣ приспу сыпати къ граду. Симъ же спущимъ, Корсуняне подъкопавше стѣну градьскую, крадуще сыплемую персть, и ношаху къ собѣ въ градъ, сыплюще посредѣ града; воини же присыпаху болѣ, а Володимеръ стояше. *И мужь Корсунянинъ стрѣли, именемъ Настасъ, напсавъ сице на стрѣлѣ: «кладязи яже суть за*

1. «Вложи Богъ въ сердце Мьстиславу Изяславичу мысль благу о Русской земли, занеже еи хотяше добра всимъ сердцемъ; и созва братью свою и нача думати съ ними, река имъ тако: «братье! пожальтеси о Русской земли и о своей отчинѣ и дѣдинѣ, оже несуть хрестьяны на всяко лѣто у вѣжѣ свои, а съ нами роту взимаюче, всегда переступаюче; а уже у насъ и Гречьскій путь изъотимають, и Соляный, и Залозный; а лѣпо ны было, братье, възряче на Божію помочь и на молитву святоѣ Богородици, поискати отець своихъ и дѣдъ своихъ пути и чести». (Р. Л. II, 97). *Залозный путь* шелъ, по всей вѣроятности, на юго-востокъ, на Кавказъ.

тобою отъ востока, изъ того вода идеть по трубѣ; копавъ переими». Володимеръ же се слышавъ, возрѣвъ на небо, рече: «аще се ся сбудеть, и самъ ся крещу». Корсунь былъ взятъ и отправлено посольство къ Василію и Константину съ просьбою о рукѣ царевны Анны. Подробности, сюда относящіяся, слишкомъ хорошо извѣстны каждому. Вспомнимъ только, что Владиміръ называетъ Херсонь «градомъ славнымъ», что въ Цареградѣ, убѣждая царевну Анну пойти за Владиміра, говорили ей между прочимъ: «*видиши ли колько зла сотвориша Русь Грекомъ*». Слѣдовательно обладанію Херсонемъ Греки придавали великое значеніе! Владиміръ, по словамъ лѣтописца, крестился въ церкви Св. Василія, «*и есть церки та стоящи въ Корсунѣ градѣ, на мьстѣ посреди града, идьже торгъ дьють Корсуняне; полата же Володимеря съ края церкве стоить и до сего дня, а царицина полата за олтаремъ*».

Владиміръ, отправляясь въ Русь, взялъ съ собою царицу, «*и Настаса, и попы Корсуньски*, съ мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковьныя, иконы на благословенье себѣ. *Постави же церковь въ Корсунѣ на горѣ, юже съсыпаша средѣ града, крадуще приспу, яже церки стоить и до сего дне*».

Если считать, что Несторъ окончилъ свою лѣтопись въ 1112 г., то слѣдуетъ непремѣнно заключать, что не только въ нач. XII в., но и въ XI в., сношенія Руси съ Крымомъ были безпрерывныя, иначе бы Несторъ не говорилъ вскользь и мимоходомъ о томъ, что въ Херсонѣ то-то и то-то «стоитъ и до сего дне». Ему и въ голову не приходило, что читатель станетъ заподозривать его извѣстіе; онъ былъ убѣжденъ, что каждому легко провѣрить его слова. Точно въ такомъ же тонѣ сообщилъ онъ и слѣдующее извѣстіе объ Ольгѣ: «ловища ея суть по всей земли, знамянья и повосты, *и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дне*, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и *есть село ее Ольжичи и доселѣ*».

Въ настоящее время, когда несомнѣнно извѣстно, что за долго до принятія христіанства Владиміромъ, въ Кіевѣ уже жило много христіанъ, нѣтъ возможности сомнѣваться, чтобы въ войскѣ Владиміра, съ которымъ онъ пошелъ на Херсонь, не

было бы христіанъ и притомъ людей грамотныхъ. Довольно вспомнить договоры Русскихъ съ Греками 911, 945 и 971 г., подлинность которыхъ несомнѣнна; они убѣдительно доказываютъ бытность на Руси X в. христіанъ и людей грамотныхъ.

Несторъ разсказываетъ, что Настасъ Корсунянинъ *написалъ* и пустилъ свое посланіе со стрѣлою въ лагерь Русскій. Мы не имѣемъ никакого основанія утверждать, что Несторъ это происшествіе выдумалъ. «Володимеръ же се слышавъ» — Владиміру прочли, такъ какъ онъ былъ неграмотенъ.

Здѣсь позволю себѣ замѣтить, что походъ Владиміровъ на Херсонъ въ 988 г. непремѣнно долженъ былъ быть приготовленъ цѣлымъ рядомъ долгихъ и частыхъ, какъ враждебныхъ, такъ и мирныхъ сношеній Славянъ Русскихъ съ полуостровомъ Таврическимъ. Житіе Св. Стефана Сурожскаго, сохранившее намъ драгоцѣнное извѣстіе о грабежахъ Новгородскаго (?) князя, опустошавшаго мѣста отъ Корсуня до Керчи и о его походѣ въ большихъ силахъ на Сурожъ, опредѣляетъ довольно приблизительно и самое время этого похода, замѣчая, что это происходило «по смерти святаго мало лѣтъ минувши». Житіе передаетъ, что пораженный чудомъ, Новгородскій князь крестился у архіепископа Филарета, преемника Стефанова. Съ княземъ крестились и главные изъ его людей.

Почтенный, многоуважаемый авторъ Исторіи Русской Церкви (Харьковъ 1849. Пер. I, стр. 6), сообразивъ, что Стефанъ скончался ок. 750 г. и что Филаретъ былъ его преемникомъ, весьма основательно заключилъ, что событіе это должно было происходить около 755 г.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ періодъ времени отъ 755 до 988 г. Русскіе имѣли съ Крымомъ сношенія неоднократныя, не только враждебныя, но и мирныя. За долго до Аскольда и Дира ходили Славяне Русскіе по Черному морю въ Цареградъ, что видно изъ древняго полумиоическаго преданія, сообщеннаго намъ Нестором о Кіѣ, основателѣ Кіева. Изъ словъ его видать, что это преданіе было весьма распространено въ его время, чисто народное и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма древнее. Какъ плавали Славяне Русскіе еще въ IX в. въ Каспійскомъ морѣ, посѣщали Рей и Багдадъ, какъ торговали и жили въ Цареградѣ въ X, а ко-

нечно и въ IX в., такъ ходили въ X и въ IX в. и въ Крымъ, торговали и жили въ немъ. Какъ древенъ былъ *Греческій путь*, такъ точно и дорога въ Крымъ, *Соляный путь*.

Скажу болѣе: по моему мнѣнію, весьма вѣроятно предположить о нѣкоторыхъ поселеніяхъ Русскихъ въ Крыму до 988 г., до похода Владиміра на Херсонъ. Въ то время на полуостровѣ Владиміръ имѣлъ своихъ сторонниковъ, которые норовили и помогали ему, что открывается изъ его угрозы гражданамъ Херсонскимъ, въ случаѣ, если они не сдадутъ ему города, то онъ простоитъ тутъ и три лѣта — *«аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 лѣта»*. Настасъ Корсунянинъ не могъ и подумать объ измѣнѣ своему городу, если бы онъ не имѣлъ никакихъ понятій о Владимірѣ, его людяхъ. Весьма вѣроятно, что Настасъ былъ самъ Русскій или Славянинъ, проживавшій въ Херсонѣ, христіанинъ и грамотный, знавшій, что въ станѣ Владиміра были такіе же христіане и такіе же грамотные люди, какъ и онъ самъ.

Въ драгоцѣнномъ Панноискомъ жизнеописаніи Константина философа, находится одно извѣстіе, до сихъ поръ не объясненное достаточно и тѣмъ не менѣе важное относительно вопроса насъ занимающаго. Въ бытность св. Константина въ Херсонѣ, онъ встрѣтился тамъ съ Русскимъ христіаниномъ и нашелъ евангеліе и псалтырь, писанныя по русски. Вотъ это подлинное извѣстіе: «И обрѣт же Константинъ тоу *еуангеліе и* ѱалтирь Роушьскыми (= Росьскы и Русскыми) писмены писано, и человѣка обрѣть глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдовавъ (= бесѣдова) сь нимь, и силоу рѣчи пріемь, своеи бесѣдѣ прикладае различіи письменъ (= различная письмена), гласнаа и съгласнаа, и къ Богоу молитвоу дрьже (вар. творя), и вскорѣ начетъ чисти и сказовати. И дивляхоу се емоу, Бога хвалеще»[1].

1. И. И. Срезневскій весьма, по-моему, основательно и остроумно возразилъ Шафарику на то, что *Русскія письмена* эти — Готескія или Варяго-Русскія, а не Славянскія. «Будь этотъ Русскій языкъ, говоритъ нашъ почтенный Славянистъ, не Славянское нарѣчіе, а какое нибудь чужое, отличное не однимъ выговоромъ словъ, Константинъ не могъ бы съ перваго разу вступить въ разговоръ съ Русскимъ и «принять силу рѣчи» съ одною помощію сравненія ея съ своимъ природнымъ языкомъ — съ своею бесѣдою, замѣчая отличія произношенія звуковъ гласныхъ и согласныхъ. При этомъ, безъ сомнѣнія, надобно допустить, предполо-

Совершенно независимымъ путемъ пришедши къ предположенію, весьма вѣроятному, о томъ, что на полуостровѣ Таврическомъ могли проживать Славяне Русскіе и христіане въ X и даже въ IX в., мы находимъ извѣстіе о томъ, что въ первой половинѣ IX в. Константинъ Философъ нашелъ въ Херсонѣ одного *Русскаго Славянина*, у котораго видѣлъ евангеліе и псалтырь, писанныя *Русскими письменами*[1].

Признаюсь, не вижу никакой необходимости отвергать пока безусловно все это мѣсто; довольно только вспомнить, что задолго до Кирилла и Меѳодія Славяне принимали христіанство,

---

женіе, что природнымъ языкомъ Константина былъ языкъ Славянскій, предположеніе впрочемъ совершенно умѣстное, доказываемое правильностію словосочиненія и словоизмѣненія въ древнѣйшихъ текстахъ чтеній евангельскихъ. Если же допустить, что подъ именемъ Русскаго языка жизнеописатель разумѣлъ одно изъ нарѣчій Нѣмецкихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ, о чемъ говорилъ, то и природнымъ языкомъ Константина надобно считать Нѣмецкій, — или же по крайней мѣрѣ надобно отдѣлить, какъ позднѣйшую вставку, выраженія: «своеи бесѣдѣ прикладае, различи письменъ гласная и сьгласнаа». (Изв. II Отд. Ак. Н. Т. I. С. 296). Позволяю себѣ прибавить здѣсь, что въ томъ случаѣ, если *Русскія письмена* — Варяжскія или Готѳскія, то надобно отдѣлить, какъ позднѣйшую вставку, и слова: «и бесѣдовавъ съ нимъ и силу рѣчи пріемъ» — такъ какъ Константинъ Философъ, былъ ли онъ Грекъ или Славянинъ, не могъ *бесѣдовать по-Нѣмецки*, и такъ скоро *пріять силу рѣчи* Если считать позднѣишею вставкою всѣ эти слова и выраженія, то и всѣ предъидущія слова — такая же вставка; иначе въ ней нѣтъ никакого смысла. Почтенный профессоръ Горскій приписываетъ это мѣсто Русскому вліянію и позднѣишему времени. Едва ли нельзя не усомниться въ возможности когда либо доказать неопровержимыми доводами, что это мѣсто — простой вымыселъ. Допустивъ это послѣднее, все-таки надо согласиться, что выдумать это могъ только одинъ Русскій; Болгарину же напр. никогда этого не могло придти въ голову. Мѣсто это однако находится не только въ Русскихъ спискахъ Житія Кириллова, но и въ Болгарскомъ, именно Рыльскомъ XV вѣка. Правописаніе послѣдняго едва ли содержитъ какіе либо намеки на Русское вліяніе, на Русское письмо. О. М. Бодянскій полагаетъ, что это извѣстіе выдумано во время «вѣроисповѣдной борьбы Русскихъ съ западными соплеменниками». (О врем. изобрѣт. Слав. письм. С. LVII. Прим. 97).

1. Нѣтъ никакой необходимости полагать, что то было цѣлое евангеліе, цѣлый псалтырь. Нельзя здѣсь не помнить, что христіанство стало распространяться у Славянъ задолго до IX в., что Лѣт. Межиборск. Еп. говоритъ о Вериерѣ (около 1101 г.): «Libros schlavonicae linguae sibi fieri jussit, ut latinae linguae charactere idiomata linguae Schlavorum exprimeret». А про Старградскаго свящ. Бруно (ок. 1156 г.) у Бодричей говоритъ Гельмольдъ: «Quibus sacerdos Dei Bruno juxta creditam sibi legationem sufficienter administravit verbum Dei, habens sermones conscriptos verbis slavicis, quos pronunciaret opportune». Изъ нѣдръ же восточной церкви могли задолго до IX в. выходить проповѣдники (сами же крещеные Славяне) и пользоваться народнымъ словомъ. Подвигъ св. Славянскихъ апостоловъ тѣмъ ни сколько не умаляется.

имѣли письменность, употребляли особыя *черты и рѣзы*, *Греческія и Римскія письмена*. Богатство и обработанность языка памятниковъ Славянскихъ IX в., дошедшихъ до насъ въ спискахъ XI в., позволяютъ кажется предположить періодъ болѣе или менѣе слабыхъ попытокъ, не оставшихся однако безъ послѣдствій и приготовившихъ цвѣтущее, по истинѣ изумительное состояніе Славянской прозы IX и X в.

Какъ бы то ни было, но Русскія поселенія на полуостровѣ Таврическомъ въ XI в., какъ нельзя болѣе вѣроятны. Княжество Тмутараканское пользовалось въ то время не малымъ значеніемъ: «Ростиславу сущу Тмуторокани, и емлющу дань у Касогъ *и въ иныхъ странахъ, сего же убоявшеся Грьци*». Греки подослали Катопана, который и отравилъ князя Ростислава. «Сего же Катопана побиша каменьемъ Корсуньстіи людье»[1]. —

Слѣдующее за тѣмъ извѣстіе въ нашей лѣтописи о Тмутарокани стоитъ подъ 1078 г.

«Сѣде Борисъ Черниговѣ мѣс. мая 4 день, и бысть княженья его 8 днiй, и бѣже Тмутороканю къ Романови».

Въ 1078 г. Олегъ Святославичь, жившій до того у Всеволода въ Черниговѣ, «бѣже... Тмутороканю» 10 Апрѣля. Въ этомъ же году «приведе Олегъ и Борисъ поганыя на Русьскую землю, и поидоста на Всеволода съ Половци». На Сожицѣ былъ разбитъ Всеволодъ, «и побѣдиша Половци Русь, и мнози убьени быша ту». Олегъ и Борисъ отправились въ Черниговъ, гдѣ были однако нѣ долго. Изяславъ съ Ярополкомъ и Всеволодъ съ Владиміромъ пошли вскорѣ противъ нихъ. Борисъ былъ убитъ, а Олегъ «побѣже въ малѣ дружинѣ, и одва утече; бѣжа Тмутороканю».

По смерти Изяслава, убитаго въ этой битвѣ, Всеволодъ, его братъ, сѣлъ въ Кіевѣ, а сынъ послѣдняго, Владиміръ, въ Черниговѣ.

1: Если еще въ XVI в христіане Крымскіе знали по преданію мѣсто, гдѣ крестился Владиміръ, то нельзя кажется сомнѣваться, что у Русскихъ XI—XII в. Херсонъ былъ въ великомъ почетѣ. Конечно, князья и др. не оставляли тамошнюю церковь, построенную Владиміромъ, ни приношеніями, ни вкладами. Нѣтъ никакой нужды утверждать, что въ церкви этой, со временъ Владиміра, въ богослуженіи былъ принятъ Греческій, а не Славянскій языкъ.

Въ 1079 г. «приде Романъ съ Половци къ Воину, Всеволодъ же ста у Переяславля и створи миръ съ Половци; и возвратися Романъ съ Половци вспять, и убиша и Половци мѣс. авг. 2 день; суть кости его и доселѣ тамо лежаче, сына Святославля, внука Ярославля; а Олга емше поточиша и за море Царюграду. Всеволодъ же посади посадника Ратибора Тмуторокани».

Въ 1081 г. 18 мая «бѣжа Игоревичь Давыдъ съ Володаремъ Ростиславичемъ» — «и придоста Тмутороканю, и яста Ратибора и сѣдоста Тмуторокани».

Безъ сомнѣнія, они пришли вооруженною силою, иначе бы имъ не выгнать было посадника Ратибора, который конечно же защищался, слѣдовательно имѣлъ самъ свою вооруженную силу.

Въ 1083 г. Олегъ Святославичь, прожившій передъ тѣмъ на островѣ Родосѣ два года и двѣ зимы, явился къ Тмутароканю и, какъ справедливо замѣтилъ Карамзинъ, овладѣлъ имъ вѣроятно съ помощію Грековъ. «Приде Олегъ изъ Грекъ Тмутороканю, и я Давыда и Володаря Ростиславича, и сѣде Тмуторокани; и сѣче Козары, иже бѣша свѣтници на убьенье брата его и на самого, а Давыда и Володаря пусти».

Наконецъ послѣднее извѣстіе, встрѣчающееся въ нашихъ лѣтописяхъ о Тмутарокани, стоитъ подъ 1094 г.: «приде Олегъ съ Половци, изъ Тмутороканя приде Чернигову, Володимеръ же затворися въ градѣ, Олегъ же приде къ граду и пожже около града, и манастырѣ пожже; Володимеръ же створи миръ съ Олгомъ, и иде изъ града на столъ отень Переяславлю, а Олегъ вниде въ градъ отца своего. Половци же начаша воевати около Чернигова, Олгови не взбранящю, бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати. Се уже третьее наведе поганыя на землю Половецкую; его же грѣха дабы и Богъ простилъ, занеже много хрестьянъ изгублено бысть а друзіи полонени и расточени по землямъ»[1].

1. Подъ 1093 г. лѣтописецъ жалуется на грабежи и опустошенія Половецкія: «лукавыи сынове Измаилеви пожигаху села и гумна, и многы церкви запалиша огнемъ...» «Половци воеваша много и възвратишася къ Торцьскому, и изнемогоша людье въ градѣ гладомъ, и предашася ратнымъ; Половци же, пріимше градъ, запалиша и огнемъ, люди раздѣлиша и ведоша въ вежѣ къ сердоболемъ своимъ и сродникомъ своимъ. Много роду хрестьяньска стражюще, печални, мучими, зи-

Изъ самаго тона и характера извѣстій лѣтописныхъ о Тмутарокани слѣдуетъ, что на берегу Азовскаго моря были издавна поселенія Русскія, и немалозначительныя. Тогдашней Руси они были хорошо извѣстны; иначе бы лѣтописецъ непремѣнно счелъ долгомъ своимъ распространиться подробнѣе о Тмутарокани, о ея внутреннемъ устройствѣ, о ея народонаселеніи, о ея границахъ. Близкое знакомство тогдашней Руси съ Тмутараканью очевидно и изъ словъ лѣтописца, жителя Кіевскаго, — о церкви св. Богородицы, построенной Мстиславомъ, — «яже стоить и до сего дне Тмуторокани». Если бы въ Тмутарокани стихія Русская была слаба или ничтожна, тогда бы Ростиславъ никогда не сталъ опаснымъ для Грековъ, а Мстиславъ не могъ бы побѣдить Касоговъ. Изъ того, что князья Тмутараканскіе приводили на Русь Половцевъ, нелѣпо выводить, что Русскаго населенія при нихъ не было, не имѣли потому и своего войска. Въ житіи Ѳеодосія сохранились краткія, но драгоцѣнныя извѣстія о Тмутарокани.

Около 1062 г. инокъ Кіево-Печерскаго монастыря «великыи Никонъ отъиде въ островъ Тмутороканыи и ту обрѣте мѣсто свѣтло, чисто, близъ града, сѣде на немъ и Божіею благодатіею възрасти мѣсто то и церьковь св. Богородица възгради на немъ. *И бысть монастырь славенъ, иже и донынѣ есть, прикладъ имы въси Печерскы монастырь*».

Изъ того же Житія узнаемъ мы, что по смерти Ростислава Тмутороканскаго, отравленнаго Катопаномъ въ 1065 г., жители Тмутараканскіе просили Никона сходить въ Кіевъ къ Святославу прислать имъ сына своего въ князья.

Точно такъ же, почти за 100 лѣтъ передъ тѣмъ, просили Новгородцы у Святослава дать имъ князя: «придоша людье

мою оцѣпляеми, въ алчи и въ жажи и въ бѣдѣ опустѣвше лици, почернѣвше тѣлесы; незнаемою страною, языкомъ испаленымъ, нази ходяще и боси, ногы имуще сбодены терньемъ. Со слезами отвѣщеваху другъ къ другу, глаголюще. «азъ бѣхъ сего города», и другіа: «азъ сея вси»; тако съупрашаются со слезами, родъ свои повѣдающе и вздыпюще, очи возводяще на небо къ Вышнему, свѣдущему таиная. Да никто же дерзнеть рещи · яко ненавидими Богомъ есмы! Да не будеть. Кого бо тако Богъ любить, яко же ны взлюбилъ есть? кого тако почелъ есть, якоже ны прославилъ есть и възнеслъ? Никого же». (Р. Л. I, 96).

Новгородьстіи, просяще князя собѣ: аще не поидете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ».

Свиданіе Никона съ Ѳеодосіемъ было самое радостное. Ѳеодосій уговаривалъ его не разлучаться съ нимъ; великій Никонъ обѣщалъ — «пойду въ монастырь, устрою въ немъ все и тотчасъ ворочусь назадъ». Слово свое онъ исполнилъ, вернулся въ Кіево-Печерскій монастырь, гдѣ и скончался въ 1088 году. (Р. Л. I, 89).

Извѣстіе это о Богородицкомъ монастырѣ въ Тмутарокани указываетъ на немалозначительность тамошнихъ Русскихъ поселеній. Съ основаніемъ же монастыря Русская стихія тамъ еще болѣе должна была выиграть.

Лѣтопись наша упоминаетъ о дѣлахъ Тмутороканскихъ только тогда, когда онѣ приходили въ прямое соприкосновеніе съ дѣлами Руси; поэтому-то въ высшей степени неосновательно́ поступили бы мы, если бы стали утверждать, что послѣ 1094 г., когда въ послѣдній разъ упоминается Тмутарокань въ нашихъ лѣтописяхъ, Русская стихія исчезла въ ней вовсе, не оставивъ никакого слѣда.

Признавъ существованіе въ XI в. Русскихъ поселеній на берегу Азовскаго моря, и зная о постоянныхъ сношеніяхъ князей Русскихъ съ Тмутороканью и обратно, имѣемъ ли мы хоть какое нибудь право отрицать бытность Русскихъ поселеній въ XI в. на всемъ пространствѣ между тогдашнею Русью и Азовскимъ моремъ?

Прокопій (552 г.), перечисливъ народы, живущіе при устьѣ Дона и по берегамъ Азовскаго моря, вслѣдъ за тѣмъ прибавляетъ: «Дальнѣйшіе края на сѣверъ занимаютъ Анты, народы безчисленные — καὶ αὐτῶν καθύπερθεν, ἐς βορρᾶν ἄνεμον, ἔθνη τὰ Ἀντῶν ἄμετρα ἵδρυνται».

Іорнандъ (ок. 552 г.) говоритъ, что, сильнѣйшіе изъ Славянъ Анты живутъ на Понтѣ, между Днѣстромъ и Днѣпромъ — (Antes..., qui sunt eorum fortissimi, qua Ponticum mare curvatur a Danastro extenduntur usque ad Danaprum, quae flumina multis mansionibus ab invicem absunt).

Въ этихъ же мѣстахъ жили Славяне и въ IV в. король

Черноморскихъ Готѳовъ Эрманарикъ воевалъ съ Венедами, съ своими сосѣдями.

Во II стол. по Р. Х., какъ открывается изъ словъ Плинія, жили нѣкоторыя Славянскія вѣтви по Дону. (A Cimmerio accolunt Maeotici, Vali, *Serbi*, Arrechi, Zingi, Psesii. H. N. VI, 7. См. Шафарика Слав. Древн. § 9. 2).

Хотя и въ миѳическихъ преданіяхъ Скандинавскихъ, тѣмъ не менѣе имѣющихъ великое историческое значеніе и основаніе, рѣка Донъ называется рѣкою Славянскою Tanaquisl и Wanaquisl. На восточной ея сторонѣ лежитъ земля Асовъ, *Ясовъ* — Asaland, въ ней городъ Asgard, въ которомъ царствовалъ Одинъ. Онъ велъ войну съ Ванами — со Славянами, но съ перемѣннымъ счастіемъ. Вскорѣ Одинъ переселился на сѣверъ, въ Скандинавію.

Народное преданье это могло образоваться не позже, какъ въ I — II в. по Р. Х., если еще не раньше. (Шаф. Древн. § 8. 11).

И такъ, въ земляхъ при-Донскихъ издревле были поселенія Славянскія. Народъ земледѣльческій, крѣпко привязанный къ своей землѣ и къ своимъ старымъ обычаямъ, Славяне не могли легко и охотно покидать свои старыя жилища.

Когда же въ первые положено было начало господству *Русской* стихіи на берегу Азовскаго моря, въ Тмутарокани и окрестностяхъ?

Первое знакомство наше съ Тмутороканью начинается 1022 г., подъ которымъ лѣтописецъ записалъ слѣдующее: «Приде Ярославъ къ Берестію. Въ си же времена Мстиславу сущу Тмутороканю, поиде на Касогы...» и т. д. Въ слѣдующемъ же 1023 г. идетъ уже Мстиславъ на Ярослава съ Хозарами и съ Касогами.

Разбивъ Касоговъ въ 1022 г., Мстиславъ построилъ въ Тмутарокани церковь св. Богородицы — «заложи... и созда ю».

Трудно себѣ вообразить, что то была первая Русская церковь въ Тмутарокани. У Карамзина уже возникалъ вопросъ о томъ, съ какого времени подчинилась Тмутарокань Русской стихіи? Онъ предполагалъ, что Тмутарокань или Греческая Таматарха была завоевана Святославомъ. При семъ историкъ разумѣлъ побѣды Святослава надъ Хозарами, Ясами и Касогами. О нихъ, какъ извѣстно, лѣтописецъ говоритъ подъ 965 г.

въ слѣдующихъ словахъ: «Иде Святославъ на Козары. Слышавше же Козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и съступишася бити; и бывши брани, одолѣ Святославъ Козаромъ и градъ ихъ Бѣлувѣжю взя. Ясы побѣди и Касогы».

Сильно сомнѣваюсь въ возможности успѣховъ Святослава въ томъ случаѣ, если бы въ земляхъ при-Донскихъ не было вовсе Русской стихіи, Русскихъ поселеній. Славный Арабскій историкъ и географъ († 956 г.) Массуди, въ сочиненіи своемъ «Золотые луга», между прочимъ пишетъ: «Отъ рѣки Хозарской (Волги) въ верхнемъ ея теченіи отдѣляется одинъ рукавъ (Донъ), впадающій въ узкій заливъ моря, Понта, каковое есть море Русское; такъ какъ ни одинъ народъ, исключая Русскихъ, не плаваетъ въ этомъ морѣ. Это великій народъ, живущій на одномъ изъ береговъ этого моря. Они никогда не имѣли князя, ни признавали никакого положительнаго закона. Многіе изъ нихъ купцы, ведущіе торгъ съ владѣніями Таргизовъ. *Русскіе обладаютъ большими серебряными рудниками, которые могутъ быть сравнены съ рудниками въ горахъ Лехджиръ, въ Хорасанѣ.* Столица Таргизовъ расположена на берегу Меотійскаго моря. По моему мнѣнію, эта страна принадлежитъ къ седьмому климату. Караваны ихъ ходятъ въ Ховарезмъ, въ Хорасанъ, а изъ Ховарезма ходятъ къ нимъ караваны; но здѣсь живетъ много кочующихъ ордъ Турецкаго происхожденія, (которыя отличаются отъ Таргизовъ), между этими двумя странами, отъ чего дорога для каравановъ не безопасна»[1].

Передавъ нѣсколько подробностей о Таргизахъ, Массуди снова возвращается къ Русскимъ въ слѣдующихъ словахъ: «Русскіе состоятъ изъ многихъ различныхъ народовъ (several different nations) и разныхъ ордъ (distinct hordes); одни изъ нихъ называются *аль-Людаиетъ* (Спрингеръ ставитъ въ скобкахъ съ вопросительнымъ знакомъ *Lithuanians?*). Они ходятъ по своимъ торговымъ дѣламъ въ Испанію, Римъ, Константинополь и къ «Хозарамъ».

---

1. El. Mas'udis Historical Encyclopaedia, entitled «Meadows of gold and Mines of Gems»: translated from the Arabic by Aloys Sprenger. London. MDCCCXLI, Vol. I, 412—413.

Далѣе Массуди довольно подробно распространяется о походѣ Русскихъ въ Каспійскомъ морѣ; описаніе это я привожу ниже въ *примѣчаніи*, а теперь позволю себѣ замѣтить, что эти Руссы Массудіевы были Славяне Русскіе, а не Варяго-Руссы, не Норманны, какъ то нѣкоторые утверждаютъ. Ниже я долженъ говорить объ этомъ подробнѣе, а здѣсь укажу только на нѣкоторые главнѣйшіе доводы въ пользу мнѣнія, принимаемаго не только мною, но и знаменитымъ Французскимъ оріенталистомъ Рено.

Эти Руссы отправляются въ Каспійское море, по словамъ Массуди, въ числѣ 50,000 человѣкъ. Варяго-Руссы никогда не были такъ многочисленны.

Варяги-Русь были Шведы (жители Упландіи), а Руссы, по словамъ Массуди, великій народъ — a great nation, т. е. многочисленный.

Въ Русь пришла дружина Рюрика, его ближніе, его родственники; положимъ даже, что къ намъ переселилась вся Упландія, и тогда бы Шведовъ нельзя было назвать народомъ великимъ, многочисленнымъ, раздѣленнымъ на нѣсколько племенъ.

И такъ, Руссы Массудіевскіе — не Норманны, а Славяне; точно такіе же Славяне, какъ и Руссы Ибнъ-Хордатъ-Бега († 912), Истахри —.

Массуди говоритъ, что Руссы плаваютъ вверхъ по Дону, что они имѣютъ свои *серебрянные рудники*. Это мѣсто было уже приведено Френомъ въ его замѣчательномъ трудѣ (Ibn-Foszl.-Ber. S. 239); онъ также замѣтилъ уже, что о Русскихъ серебряныхъ рудникахъ упоминаетъ и знаменитый путешественникъ Марко-Поло, этотъ Гумбольдтъ XIII в.

Насъ занимаетъ вопросъ о Русскихъ поселеніяхъ въ Приднѣпровскомъ краѣ; отъ того-то и обращаемъ теперь вниманіе читателя на эти Русскіе серебрянные рудники. Извѣстія о нихъ, важныя для исторіи внутренняго быта и промышленности, несомнѣнно въ то же время убѣждаютъ насъ въ бытности и давности Русской стихіи въ нынѣшней землѣ войска Донскаго. Вотъ какъ Марко-Поло описываетъ Русь (ок. 1270 г.):

«Область Россіи весьма обширна и раздѣлена на много частей....

Народы ея христіане и держатся Греческаго обряда въ церковномъ богослуженіи. Это люди весьма крàсивые, бѣлые (лицемъ) и высокіе; женщины ихъ также бѣлы и высоки, съ русыми и длинными волосами. Они платятъ дань царю Татарскому....

Въ этой области (т. е. Россіи) находятся въ огромномъ изобиліи разные мѣха (pelli di armelini, ascolini, zebellini, vari, volpi) и много воску, *есть также много рудниковъ, изъ которыхъ добывается серебро въ огромномъ количествѣ*».

Карамзинъ замѣтилъ: «Славный Венеціанскій путешественникъ Марко-Поло, бывъ около 1270 г. въ Великой Татаріи, въ Персіи и на берегахъ Каспійскаго моря, говоритъ о *хладной* Россіи, сказывая, что ея жители бѣлы, вообще хороши лицемъ, и что она богата *собственными серебряными рудниками*: *мы не имѣли ихъ, но дѣйствительно могли хвалиться знатнымъ количествомъ серебра, получаемаго нами отъ Нѣмецкихъ купцевъ и черезъ Югру изъ Сибири*» (V. С. 395). Въ настоящее время, смѣю думать, Карамзинъ не отвергъ бы свидѣтельства Марко-Поло, подтверждающаго извѣстіе Массуди о серебрянныхъ рудникахъ Русскихъ. О нихъ есть у насъ извѣстіе и XIV в. Арабскій путешественникъ Ибнъ-Батута, посѣтившій южную Россію въ 30—40 годахъ, разсказываетъ, какъ онъ путешествовалъ изъ Астрахани, сопровождая въ Константинополь хатуну Беялуну, жену хана Узбека, природную Гречанку.

Отправившись изъ Астрахани, черезъ нѣкоторое время, они прибыли къ городу *Окакъ*. Мѣстоположеніе его мнѣ не извѣстно, но его можно опредѣлить довольно приблизительно изъ соображенія другихъ мѣстъ. Привожу, по ихъ важности, слова Ибнъ-Батуты, во Франц. переводѣ: Cependant nous marchions (изъ Астрахани — Hâddj Terkhân срв. наше *Хазиторокань*) vers la ville d'Ocac, qui est une place d'une importance moyenne, bien construite, riche en biens, mais d'une température très froide. *Entre elle et Sérâ, capitale du sultan, il y a dix jours de marche. A un jour de distance d'Ocac se trouvent les montagnes des Russes, qui sont chrétiens; ils ont des cheveux roux, des yeux bleux, ils sont laids*

de visage et rusés de caractère. Ils possedent des mines d'argent, et on apporte de leur pays des saoum, c'est à dire des lingots d'argent, avec lesquels on vend et l'on achète dans cette contrée. Le poids de chaque lingot est de cinq onces.

Dix jours après être partis de cette cité (Осас), *nous arrivâmes à Sordâk* (Soûdâk). C'est une des villes de la vaste plaine du Kiptchak; elle est située sur le rivage de la mer, et son port est au nombre des plus grands ports et des plus beaux. Il y a en dehors de la ville des jardins et des rivières. Des Turcs l'habitent, avec une troupe de Grecs qui vivent sous leur protection, et sont des artisans; la plupart des maisons sont construites en bois. Cette cité était autrefois fort grande; mais la majeure partie en fut ruinée, a cause d'une guerre civile qui s'éleva entre les Grecs et les Turcs»[1].

Горы, близъ города Окака (?)[2], находившагося въ 10 дняхъ пути отъ Сарая и въ 10 же дняхъ отъ гор. Судака, горы, въ которыхъ Русскіе добывали себѣ серебро въ XIV в., по словамъ Ибнъ-Батуты, въ XIII по Марко-Поло, и въ X в. по Массуди, ничто иное, какъ Донецкій кряжь, гдѣ еще въ настоящее время находятъ серебристый свинцовый блескъ.

Е. П. Ковалевскій[3] вотъ что между прочимъ писалъ объ этомъ въ 1829 г. въ Горномъ Журналѣ (I кн.): «Съ давняго времени жители селенія Нагольнаго занимаются собираніемъ галекъ свинцоваго блеска, выносимыхъ изъ окрестныхъ горъ водою. Во время таянія снѣговъ и послѣ сильныхъ дождей, они наиболѣе запасаются рудою, которую, по легкоплавкости ея и по богатому содержанію въ ней металла, удобно плавить въ желѣзныхъ ковшахъ, прибавляя вмѣсто флюса нѣсколько сала. Изъ получаемаго такимъ образомъ свинца они отливаютъ обыкновенно ружейныя пули. *Первое извѣстіе о нахожденіи свинцовыхъ рудъ въ здѣшнемъ краю получило Правительство въ* 1801 *г., чрезъ горнаго офицера Ильина, который теперь (въ* 1829 *г.) есть начальникъ Луганскаго завода....*»

---

1. Voyag d'Ibn-Batoutah, II, 414—415. — Выше Ибнъ-Батута разсказываетъ про свое пребываніе въ Астрахани: «Chaque khâtoun me donna des lingots d'argent, que ces peuples appellent *saoum*, pluriel de *saoumah*».

2. См. ниже въ Приложеніяхъ.

3 Нынѣ Министръ Народнаго Просвѣщенія.

«Въ 1820 г. оберъ-гиттенфервальтеръ Козинъ нашелъ по р. Нагольной признаки свинцовыхъ рудъ, а въ одномъ изъ нихъ при Козьей Банкѣ открылъ и жильное оныхъ положеніе. Наконецъ въ 1827 г. отправлена была въ сіи мѣста, для развѣдки свинцовыхъ рудъ, особенная горная партія (подъ начальствомъ Перцина 2-го и Бема). По изслѣдованіи ея оказалось, что въ Нагольныхъ горахъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ формаціи переходнаго филлада встрѣчается кварцъ съ талькомъ, находится свинцовый блескъ отдѣльно или съ цинковою обманкой. Шурфами встрѣчено по рѣкѣ Нагольной много прожилковъ свинцоваго блеска, которые на глубинѣ соединены вмѣстѣ, что даетъ право надѣяться на большей глубинѣ встрѣтить болѣе значительныя жилы».

Развѣдки Бергешворена Сырохвастова показали, что, начиная отъ Нагольной, по теченію рѣки сего имени, до самаго соединенія ея съ Міусомъ, вездѣ встрѣчаются признаки свинцовыхъ рудъ. Въ послѣдствіи найденъ былъ свинцовый блескъ и въ системѣ горъ Міусскаго отрога. Свинцовый блескъ по рѣкѣ Нагольной встрѣчается съ содержаніемъ серебра — серебристый; въ Нагольной свинцовой рудѣ — свинца — до 60%; а серебра до $2^1/_2$ фунтовъ въ 100 пудахъ, слѣдовательно въ пудѣ около 3 золотниковъ.

Французскій инженеръ Лепле въ Изслѣдованіяхъ своихъ каменно-угольнаго Донецкаго бассейна, произведенныхъ имъ по распоряженію А. Н. Демидова, вотъ какъ выражается о нахожденіи въ настоящее время свинцоваго блеска въ Донецкомъ кряжѣ: «Наблюденія (изложенныя выше) не даютъ никакого повода думать, чтобы формаціи Донецкаго кряжа были богаты металлами или рудами. Кромѣ желѣзной руды, *здѣсь открыты только признаки* свинцоваго блеска. Этотъ минералъ находится въ небольшихъ кварцевыхъ прожилкахъ, въ псаммитѣ, близъ Нагольной, на рѣчкѣ, составляющей притокъ Міуса и также называющейся Нагольною. *Систематическія изслѣдованія, произведенныя горными офицерами, убѣдили, что означенная руда встрѣчается здѣсь въ столь маломъ количествѣ и такъ бѣдна серебромъ, что не можетъ быть предметомъ выгодной разработки, и потому всѣ работы по этому предмету прекращены*». (Перев. Г. Щуровскаго. Стр. 213—214).

Изъ словъ Лепле было бы въ высшей степени ошибочно заключать о томъ, что и въ древнѣйшія времена[1], напр. при Массуди, Марко-Поло, Ибнъ-Батутѣ, свинцовая руда была такъ же бѣдна серебромъ, какъ и въ настоящее время. Извѣстно, что всякое *самодѣльное*, безъискусственное производство всегда больше теряетъ и меньше умѣетъ пользоваться матерьяломъ, чѣмъ производство научное. Еще въ началѣ пынѣшняго столѣтія жители Нагольной находили возможнымъ и выгоднымъ для себя заниматься добычею свинца, а въ XIV в. серебряные слитки, добываемые Русскими, были въ общемъ обращеніи у Татаръ, подъ именемъ *саумъ*. Ибнъ-Батута именно замѣчаетъ, во Французскомъ переводѣ: Ils (les Russes) possèdent des mines d'argent, et on apporte de leur pays des saoum, c'est à dire des lingots d'argent, avec lesquels on vend et l'on achète dans cette contrée. Le poids de chaque lingot est de cinq onces». А въ бытность его въ Астрахани, каждая жена хана дарила ему эти серебряные слитки — «chaque khâtoun me donna des lingots d'argent, que ces peuples appellent *saoum*, pluriel de *saoumah*».

Въ настоящее время было бы слишкомъ поспѣшно утверждать, что въ долгой періодъ времени XV—XVIII в. Русскихъ поселеній въ этихъ мѣстахъ не было, Русскіе не занимались добычею металла.

Не слѣдуетъ забывать, что въ XV—XVI в., когда козаки Донскіе и Азовскіе все больше пріобрѣтаютъ силы и значенія[2], Русскія тамошнія населенія были болѣе обезпечены, чѣмъ въ XIV—XIII в., во время Ибнъ Батуты и Марко-Поло.

---

1. Судя по сообщеннымъ мнѣ изустно свѣдѣніямъ, новѣйшія изслѣдованія произведенныя нашими инженерами, позволяютъ, кажется, думать, что металлоносныя жилы Донецкаго кряжа далеко благонадежнѣе, чѣмъ то прежде предполагали.

2. Нашъ посланникъ Петръ Тургеневъ, въ 1551 г., доносилъ Іоанну изъ Ногаискихъ Улусовъ: «прислалъ Турецкои царь къ Исмаилъ мирзѣ посла сее весны, съ тѣмъ: въ нашихъ де въ бусурманскихъ книгахъ пишетца, что тѣ лѣта пришли, что Русскаго царя Ивана рука надъ бусурманы высока; уже де и мнѣ отнево обида великая: поле де все, да и рѣки у меня поотымалъ, да и Донъ отнялъ, да и Азовъ городъ пусть у меня доспѣлъ; поотымалъ всю волю въ Азовѣ. Казаки его съ Азова оброкъ емлютъ, и воды изъ Дону пити не дадутъ...» (И. Г. Р. VIII, Прям. 254).

Одно обстоятельство по видимому сильно говоритъ въ пользу того предположенія, что въ XVI в. въ Донецкомъ краѣ добычи серебра не происходило. Разумѣю любопытныя извѣстія о Россіи начала XVI в., оставленныя намъ почтеннымъ, достойнымъ глубокаго уваженья и благодарной нашей признательности, Московскимъ гонцомъ Дмитріемъ Герасимовымъ [1], извѣстія, записанныя любознательнымъ Павіомъ Іовіемъ.

Въ описаніи Іовія мы читаемъ между прочимъ: «Московитяне отпускаютъ въ Европу лучшій ленъ, коноплю для канатовъ, воловью кожу и множество воску. *У нихъ нѣтъ ни золотыхъ, ни серебряныхъ рудниковъ*, а также во всей странѣ не замѣчено драгоцѣнныхъ камней...» (Nobile quoque linum et cannabum in restes, multaque item boum tergora, et massas cerae in-

1. Дмитрій Герасимовъ былъ въ Римѣ въ 1525 г. Вотъ нѣсколько чертъ этого замѣчательнаго человѣка: «Полагали, говоритъ П. Іовій, что Дмитрій, какъ человѣкъ опытный въ дѣлахъ государственныхъ и особенно свѣдущій въ Священномъ Писаніи, имѣетъ какія либо таиныя и важныя порученія, которыя объявитъ папѣ на аудіенціи словесно. Онъ въ недавнемъ времени выздоровѣлъ отъ лихорадки, которою долго былъ одержимъ отъ перемѣны климата, и совершенно возстановилъ силы свои и прежній цвѣтъ лица, такъ, что, не смотря на шестидесятилѣтнюю старость, съ охотою ходилъ слушать торжественное служеніе папы, совершавшееся со всею пышностію, при гармоническихъ звукахъ музыки, въ день св. Космы и Дамиана; былъ въ сенатѣ въ то самое время, когда папа и всѣ придворные чины принимали кардинала Кампеджіо, только что возвратившагося изъ посольства въ Венгрію; осматривалъ святые храмы и съ изумленіемъ любовался остатками древняго величія Рима и жалкими остовами прежнихъ зданій». (Библіот. иностр. пис. о Россіи, Семенова. 1836) Іовій говоритъ также про Герасимова, что онъ зналъ хорошо по-Латыни, чему научился въ Ливоніи, отличался свѣтлымъ умомъ и большими свѣдѣньями, много путешествовалъ: такъ онъ былъ въ посольствахъ Шведскомъ Датскомъ, Прусскомъ. Венгерскомъ. Поводы къ письменному изложенію разсказовъ Герасимова раскрыты Іовіемъ въ его посвященіи архіепископу Іоанну Руфу. «Вы изъявили желаніе — говоритъ Іовій, — имѣть на Латинскомъ языкѣ описаніе нравовъ Московитянъ, заимствованное мною изъ ежедневныхъ бесѣдъ съ Димитріемъ, прибывшимъ недавно къ папѣ Клименту VII-му въ качествѣ Московскаго посла». Такимъ образомъ Іовію принадлежатъ нѣкоторыя мнѣнія и форма; факты же и данныя, на сколько онъ ихъ не исказилъ вольно и невольно, принадлежатъ *гонцу Дмитрію* А за факты сочиненіе Іовія и важно. Слѣдовательно честь перваго обстоятельнаго ознакомленія Европы съ Россіею принадлежитъ двумъ Славянамъ — Дмитрію Герасимову и Герберштейну. Фаберъ, какъ извѣстно, составилъ свое сочиненіе (*de Moscovitarum* religione. 1525 г) тоже по разсказамъ Русскихъ, именно князя Ив. Ѳед. Ярославскаго и дьяка Сем. Бор. Трофимова, которыхъ онъ встрѣтилъ въ Тюбингенѣ, на возвратномъ ихъ пути изъ Испаніи.

gentes, Moschovitae in omnem Europae partem mittunt. Nulla auri argentive, vel ignobilioris metalli, ferro excepto, apud eos vena, secturave reperitur nullumque est tota regione, vel gemmarum vel pretiosi lapilli vestigium).

Но нельзя не замѣтить, что слова Іовія, не оставляющія ни малѣйшаго сомнѣнья въ томъ, что Герасимову ничего не было извѣстно о добычѣ серебра въ Донецкомъ кряжѣ, слова эти еще не могутъ служить доказательствомъ, что въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. промыселъ этотъ, происходившій въ X, XIII и XIV в., совершенно прекратился. Въ началѣ нынѣшняго и слѣд. въ концѣ прошлаго столѣтій жители Нагольной находили выгоднымъ для себя занятіемъ плавить свинцовую руду. Нѣтъ сомнѣнья, что какъ ни просто было производство это, все таки оно требовало извѣстнаго навыка и сноровки; слѣдовательно надо думать, что эта промышленность въ тамошнихъ Русскихъ поселеніяхъ была какъ бы наслѣдственною, переходившею изъ рода въ родъ. Это послѣднее соображеніе въ связи съ извѣстьемъ Ибнъ-Батуты о серебряныхъ слиткахъ и съ настоящими свѣдѣніями о нахожденіи серебра въ Донецкомъ кряжѣ не позволяютъ намъ рѣзко утверждать о прекращеніи добычи серебра Русскими въ первой половинѣ XVI в.

Незнаніе же о ней Дмитрія Герасимова легко объяснено быть можетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что жители, занимавшіеся этою добычею, сбывали серебро не въ Московское государство, а къ Татарамъ; что промышлявшіе этимъ Русскіе жили не въ Русской герриторіи.

Какъ бы то ни было, но представленныя нами свѣдѣнія о серебряныхъ рудникахъ окончательно доказываютъ бытность и давность Русскихъ поселеній въ при-Донскомъ краѣ, служившихъ въ X—XII в. средними звеньями, связывавшими Русскія поселенія на берегу Азовскаго моря съ тогдашнею Русью.

Полагаю, что черезъ нихъ шелъ такъ называемый въ лѣтописяхъ *Залозный путь*, коимъ князья наши такъ же дорожили, какъ и путями Греческимъ и Солянымъ. Они же облегчали сношенія Русскихъ съ землями Кавказскими и Каспійскими.

Въ заключеніе обзора этихъ сношеній позволю себѣ указать еще на одно обстоятельство, весьма по-моему въ этомъ

отношеніи немаловажное, такъ какъ оно служитъ намекомъ на значеніе Русской стихіи въ княжествѣ Тмутараканскомъ и на ея вліяніе на Кавказѣ.

Герберштейнъ въ своемъ перечнѣ народовъ, говорящихъ на Славянскомъ языкѣ, приводитъ между прочимъ и Черкасовъ, живущихъ у Чернаго моря: Circasi Quinquemontani ad Pontum — Черкасы Пятигорскіе. Онъ же въ своихъ драгоцѣнныхъ Запискахъ сохранилъ намъ любопытное извѣстье о вольныхъ Черкесахъ на восточномъ берегу Чернаго моря, которые, по его словамъ, не признавали ни Турецкой, ни Татарской властей, плавали по Черному морю и грабили Турецкія суда. Они исповѣдывали Греческую вѣру; богослужебнымъ ихъ языкомъ былъ Славянскій языкъ; но вообще, по словамъ Герберштейна, они были дурные христіане.

Извѣстный путешественникъ Петръ де ла Валле такъ писалъ о Черкесахъ въ первой четверти XVII в.:

«Кавказъ населенъ нынѣ разными народами; особенно же мусульманами Лезгинами, которые не признаютъ никакого государя. Раздѣленные между собой, они состоятъ подъ властью множества князьковъ, называемыхъ у нихъ *мирзами*, изъ которыхъ нѣкоторые не имѣютъ и двадцати человѣкъ подъ своимъ началомъ. Вообще это люди грубые, живущіе по деревнямъ. Они дики, свирѣпы и страшны для своихъ сосѣдей, какъ люди, живущіе однимъ грабежемъ. За Лезгинами лежитъ земля Азіатскихъ Сарматовъ, т. е. *Черкесовъ*, *которые исповѣдуютъ христіанскую Греческую вѣру, но безъ книгъ, безъ священниковъ и, полагаю, безъ церквей*, такъ что они христіане только по имени; подвластные различнымъ мирзамъ, они живутъ грабежемъ, ведя постоянныя войны съ Татарами съ одной и съ Лезгинами съ другой стороны. Отсюда такое великое количество рабовъ и рабынь, Черкесскаго, Русскаго, Татарскаго и Лезгинскаго происхожденья, которыхъ продаютъ на всемъ востокѣ; надо признаться, что торговля людьми, сотворенными по образу и по подобію Божьему, дѣло постыдное.

Черкесы живутъ по морю Каспійскому вплоть до самыхъ Русскихъ, которыхъ мы зовемъ Московитами, или до устьевъ Волги, гдѣ стоитъ городъ Астрахань.... Съ сѣверной сто-

роны Каспійскаго моря Русскіе граничатъ съ Татарами и съ Татарскимъ же племенемъ Узбековъ». (Франц. перев. II, 228 и сл.).

Изъ отечественныхъ лѣтописей намъ извѣстно, что въ 1552 г. пріѣзжали къ царю Іоанну Васильевичу Черкасскіе князья Маушукъ, да князь *Иванъ* Ензбозлуковъ, да Танашукъ, «чтобы государь вступился въ нихъ, а ихъ съ землями взялъ къ себѣ въ холопи, и отъ Крымскаго оборонилъ»; въ 1555 году пріѣзжали Черкасскіе государи, а людей съ ними 150, приняли у насъ крещеніе и «били челомъ, чтобы государь далъ имъ помочь на Турского городы и Азовъ и на Крымского, а они холопи его»; государевъ посолъ Андрей Щепетовъ сказалъ про нихъ что «они дали правду всею землею». Въ 1557 г. пріѣхали служить государю два Черкасскихъ князя, и пр. Въ томъ же году «прислалъ И. Черемисиновъ Ваську Вражскаго съ Черкасскимъ мурзою съ Калычемъ, отъ Кабартынскихъ князей и Черкасскихъ, чтобы государь велѣлъ имъ собѣ служити, а на Шавкалъ бы помочь учинить Астороханскимъ воеводамъ». Въ 1558 г. пріѣзжали «изъ Черкасъ изъ Кабарды большого князя дѣти Темрюковы». (И. Г. Р. VIII, прим. 416). Въ 1559 г. «пріѣхалъ съ Дону К. Дм. Ив. Вишневецкой, а съ нимъ Чюракъ мурза Черкаской, и билъ челомъ отъ всѣхъ Черкасъ, чтобъ ихъ государь пожаловалъ, далъ бы имъ воеводу своего, К. Д. Вишневецкаго, а съ нимъ князей Черкасскихъ, да К. Василья Сибока съ братьею, *и поповъ хрестьянскихъ, а велѣлъ ихъ крестити по ихъ обѣщанью и по ихъ челобитью*.... По челобитью Кабардинскихъ князей и по неправдамъ Шавкаловыхъ отпустилъ (царь) воеводу Ив. Семен. Черемисинова съ товарищи на Шавкалъ и на Тюмень, и съ Иваномъ *отпустилъ попы хрестьянскіе крестити Кабардинскихъ Черкасъ*» (ib пр. 566).

Тутъ же напомнилъ Карамзинъ и слова Поссевина, бывшаго въ Москвѣ въ 1582 г. и называющаго Черкесовъ христіанами Греческой вѣры (Moscovia, стр. 9).

Просьбы Черкесовъ у царя Московскаго о посылкѣ къ нимъ священниковъ и слова Герберштейновы объ употребленіи въ ихъ богослуженіи языка Славянскаго, указывая на давнее между ними распространеніе христіанства и именно Русскими проповѣдниками, невольно заставляютъ вспомнить и побѣды

Мстислава Тмутараканскаго надъ Ясами и Касогами и Ростислава Владимировича, взимавшаго дань съ Касоговъ «и въ инѣхъ странахъ», котораго не даромъ же убоялись Греки, и Богородицкій монастырь въ Тмутарокани, устроенный великимъ Никономъ, монастырь *славный:* видно онъ не разъ высылалъ добрыхъ проповѣдниковъ слова Божьяго и къ Ясамъ и къ Касогамъ. Для насъ на всегда исчезли имена быть можетъ не немногихъ такихъ честныхъ тружениковъ, добрыхъ страдальцевъ за Русскую землю.

Послѣ 1094 г. лѣтописи наши ни разу не упоминаютъ о Тмутарокани. Въ XII в. она легко могла утратить прежнее свое значенье, но едва ли могли исчезнуть въ ней безъ слѣда тамошнія Русскія поселенія.

Въ XV в. уже появляются козаки Азовскіе, а Герберштейнъ говоритъ, что Черкесы въ богослуженіи употребляютъ языкъ Славянскій, который уже одинъ могъ служить достаточною скрѣпою взаимныхъ ихъ сношеній съ Русскими, при чемъ такъе не слѣдуетъ забывать и давнишнихъ поселеній Русскихъ въ землѣ при-Донской, какъ указываютъ намъ извѣстія Массуди, Марко-Поло, Ибнъ-Батуты.

На жалобы султана Амурата, зачѣмъ мы построили крѣпости на берегахъ Дона и Терека и тѣмъ преграждаемъ Туркамъ путь къ Дербенту, царь Ѳедоръ Ивановичь въ 1594 г. черезъ отправленнаго въ Цареградъ дворянина Ислѣньева отвѣчалъ такъ: «Мы построили крѣпости въ землѣ Шавкалской и Кабардинской не въ досаду тебѣ, а для безопасности жителей. Мы у васъ ничего не отняли: *изначала Кабардинскіе и Горскіе Черкасскіе князи и Шевкальской были холопи наши Резанскихъ предѣловъ, и отъ насъ збѣжали съ Резани и вселились въ горы, и били челомъ отцу нашему*» (И. Г. Р. X, стр. 126 и сл. прим. 298).

По моему крайнему разумѣнью слова эти заслуживаютъ самаго строгаго вниманія; смѣю думать, вопреки Карамзину[1],

1. «Сія *новая* исторія Кабарды и Дагестана не увѣрила султана, чтобы ихъ князья были Рязанскими выходцами: онъ видѣлъ стремленія Московской политики къ присвоеніямъ на востокѣ».

что это едва ли басня. Предоставляя позднѣйшимъ изслѣдованіямъ оправдать или опровергнуть это мнѣніе, полагаю, что послѣ всѣхъ предъидущихъ соображеній нашихъ, есть полное и твердое основаніе утверждать, что сношенія Русскихъ съ Дагестаномъ были давнишнія, безпрерывныя и прочныя, еще въ періодѣ X—XVI в., такъ что открывали Русскимъ доступъ въ М. Азію, тѣмъ путемъ, которымъ издавна проникали въ нее, какъ цѣлыя полчища, напр. Гунновъ[1], Монголовъ[2], такъ и отдѣльныя лица[3], черезъ Арменію въ Каппадокію и далѣе.

Въ Русской статьѣ XV в. о земляхъ за Араратомъ между прочимъ сказано: «Пойдя на западъ отъ Арарата по Турецкимъ землямъ можно прійти въ Трапезондъ, Цареградъ, Шамъ и Іерусалимъ».

Позволю себѣ повторить слова почтеннаго ученаго нашего И. И. Срезневскаго объ этомъ памятникѣ старинной Русской словесности: «какъ бы ни были рѣзки невѣроятности этого географическаго очерка, онъ очень любопытенъ по нѣкоторымъ даннымъ, изобличающимъ знаніе странъ и путей, не книжное, а наглядное, передающимъ сказаніе самовидца».

Если наконецъ припомнимъ сношенія Русскихъ съ Армянами, жившими напр. въ XIV в. не только въ Нижнемъ, но и Москвѣ, съ Никейскимъ государствомъ, весьма значительныя Славянскія поселенія въ М. Азіи, то намъ не трудно будетъ понять,

---

1. Извѣстенъ походъ Гунновъ въ 430—440 г. Срв. Claudian. (in Rufin. l. II, 28 etc.).

— Illi per Caspia claustra
Armeniasque nives inopino tramite ducti
Invadunt Orientis opes: jam pascua fumant
Cappadocum, volucrumque parens Argaeus equorum.
Jam rubet altus Halys, nec se defendit iniquo
Monte Cilix; Syriae tractus vastantur amoeni;
Assuetumque choris et laeta plebe canorum
Proterit imbellem sonipes hostilis Orontem.

2. Temyr Chan ineunte vere ex Persia versus Tanaim movet, collectoque Tauroscytharum, Zycchorum et Abasgorum ingenti numero, eversisque oppidis, quae Bosporo (Cimmerio) adjacent, in Armeniam dein et Cappadociam accessit. (Ducas Str. II. 2. § 106, cf. Tatarica § 157).

3. См. нут. Рубруквиса.

что Русскимъ было возможно не только посѣщать М. Азію, но и оставаться въ ней. Сомнѣнія же въ достаточной отвагѣ и предпріимчивости нашихъ предковъ, надѣюсь, совершенно напрасны.

Нельзя также не припомнить здѣсь, что предки наши помѣщали рай на югъ отъ Каспійскаго Моря и Кавказскихъ горъ, и что архіепископъ Новгородскій Василій писалъ владыкѣ Тверскому (въ XV в.) — «А то мѣсто святаго рая находилъ Моисславъ Новогородець и сынъ его Яковъ, и всѣхъ было ихъ три юмы, и одина отъ нихъ погибла много блудивъ, з двѣ ихъ потомъ долго носило море вѣгромъ, и принесло ихъ къ высокимъ горамъ. И видѣша на горѣ той написань Деисусъ лазоремъ чюднымъ и вельми издивленъ паче мѣры. ..» «А тѣхъ, брате, мужей и нынѣча дѣти и внучата добры здоровы»[1].

Примѣчаніе. Англійскимъ посланникомъ въ Цареградѣ въ 1620—1626 г. былъ Ѳома Рой. Въ его письмахъ въ Англію сохранились любопытныя извѣстія о козакахъ Запорожскихъ, почти совершенно овладѣвшихъ тогда Чернымъ моремъ. Предлагаемыя здѣсь свѣдѣнія переведены съ Польскаго перевода Нѣмцевича — Wyjątki z negociacii Tomasza Roe posła Angielskiego w Stambule. (Zbior pamiętn. o dawnej Polszcze. V. str. 397 и проч.).

Отъ 1 іюля 1622 г. «Татары пошли опустошать Польшу, а козаки пустились въ Черное Море, гдѣ захватили много Турецкихъ кораблей: *Каффа* находилась въ великой опасности, даже въ самой Портѣ была тревога (have givenus, at this port, an alarum within feu daies). (Str. 427—8).

Отъ 1 іюля 1622. «Козаки высыпали въ Черное Море и понадѣлали много вреда».

Отъ 30 мая 1623 г. «Козаки для нихъ (Турокъ) опаснѣе многихъ самыхъ сильнѣйшихъ непріятелей, такъ какъ они мѣшаютъ доставкѣ жизненныхъ припасовъ въ Цареградъ; галеры Турецкія должны раздѣляться, чтобы ловить козаковъ, столь ловкихъ въ бѣгствѣ, въ преслѣдованіи которыхъ нѣтъ ни чести,

---

[1] Р. Л. VI, 88 и сл.

ни прибыли. Поляки могутъ надѣяться на миръ, буде сами не подадутъ повода къ войнѣ». (с. 435).

Отъ 12 марта 1624 г. «Порта приготовляется къ войнѣ, снаряжаетъ знатный флотъ на Черномъ Морѣ, гдѣ уже видѣли козаковъ; говорятъ, что у нихъ 300 чаекъ или лодокъ (bàtow: жители Босфора бѣгутъ въ столицу». (с. 439).

Отъ 20 іюля 1624 г. «9 числа сего мѣсяца, козаки на 70 или 80 ладьяхъ (чайкахъ), въ каждой по 50 человѣкъ, гребцовъ и воиновъ, пользуясь тѣмъ временемъ, когда капитанъ-паша отправился въ Крымъ, на разсвѣтѣ вошли въ Босфоръ, гдѣ разсѣявшись, грабили и жгли на разстояніи 4 миль (Англійск.) отъ города, всѣ сосѣднія деревни и дома. Бюкдере и Іеникой на Греческомъ, и Стеня на Азіятскомъ берегахъ, были главнѣйшія мѣстности, гдѣ они овладѣли великою и богатою добычею и остановились только въ 9 часовъ передъ полуднемъ. Вся столица и предмѣстья были въ такой тревогѣ, что султанъ даже отправился на морской берегъ, а каймакань къ Порту. Галиль Паша въ эту неурядицу самъ провозгласилъ себя вождемъ; не имѣя ни одной галеры готовой и вооруженной, собралъ всѣ наличныя суда, лодки и барки, вооружилъ ихъ и помѣстилъ въ нихъ отъ 400 до 500 человѣкъ, которые могли быть воинами или гребцами. Конницу и пѣхоту въ числѣ 10,000 человѣкъ разослалъ для защиты береговъ отъ дальнѣйшихъ грабежей. Рѣдкость увидѣть подобную тревогу и сумятицу. Мы думали, что эти бѣдные пираты тотчасъ удалятся, но они, замѣтивъ приближающіяся къ нимъ Турецкія лодки, сомкнулись по серединѣ канала близко замковъ, и выстроившись въ полукругъ, стояли въ ожиданіи битвы, вѣтеръ былъ противный и сами они напасть не могли. Галиль Паша далъ приказъ открыть огонь еще изъ далека; козаки не отвѣчали ни единымъ выстрѣломъ, только подплывали то къ одному, то къ другому берегу, не показывая ни малѣйшаго признака къ отступленію. Паша, видя ихъ ловкость и отвагу, боялся напасть на нихъ съ своими слабыми силами и разсудилъ за благо мѣшать ихъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, такъ какъ боялись тогда, что они проникнутъ внутрь Стамбула, лишеннаго всякой защиты. Такимъ образомъ цѣлый день до захода солнца они смѣло стояли и

грозили великой, но тревожной, столицѣ свѣта и всему ея могуществу: наконецъ съ своею добычею, при развѣвавшихся знаменахъ, удалились козаки, правда безъ побѣды, но и безъ сопротивленія.

Это незначительное обстоятельство и это дерзкое предпріятіе открыли удивительную истину объ этомъ великомъ государствѣ, что оно, казавшееся столь грознымъ и могущественнымъ, на дѣлѣ слабо и беззащитно.... Любопытно, какъ примутъ это извѣстіе Поляки, когда тѣмъ самымъ нарушены мирныя условія» (с. 440—2).

Отъ 24 іюля 1624 г. «Козаки снова проникли въ Босфоръ, съ флотомъ своимъ въ удвоенномъ количествѣ, имѣя съ собою не менѣе 150 чаекъ; а въ тылу за собою ведя подкрѣпленія для помощи ли въ случаѣ нужды, или для другихъ какихъ цѣлей. Они оставались у береговъ 3 дня, сожгли Фаръ (the Pharus) и двѣ либо три деревни, грозили нападеніемъ на арсеналъ, что навело великій страхъ на всю столицу. Сухопутная стража повсюду была удвоена; наконецъ и двѣ галеры были вооружены бродягами и наемниками, взятыми съ улицъ и выслано около 20 лодокъ для стражи, гдѣ и доселѣ остаются при входѣ въ гавань; но козаки удалились съ великою добычею и тревога прошла» (с. 442).

«Немедленно послано за капитаномъ-пашею, для защиты столь дурно оберегаемой столицы.

Поймано нѣсколько заблудившихся этихъ разбойниковъ (т. е. козаковъ). При допросахъ они показали, что Махметъ, князь Татарскій, помогаетъ имъ въ этихъ предпріятіяхъ, мстя Туркамъ за лишеніе его должности. Если справедливо, а оно вѣроятно, взаимное соглашеніе этихъ двухъ народовъ (błąkającyсh się), то они скоро станутъ опасны и столицѣ и всему государству (т. е. Турецкому)».

Отъ 18 мая 1626 г. «Ханъ Татарскій напалъ на Польшу, тогда какъ не задолго передъ тѣмъ былъ заключенъ мирный договоръ. Братъ хана, Гирей (Gehan Gerej), не участвовавшій въ этомъ походѣ, послалъ гетману Конецпольскому копію съ приказа султана объ этомъ походѣ».

«Диванъ отказывается отъ этого и всячески старается примириться съ Польшею: побѣда Поляковъ надъ Татарами внушила имъ смѣлость позволить козакамъ мстить за набѣгъ Татаръ. Они собрали уже до 700 чаекъ, готовыхъ напасть на здѣшнія окрестности. Вооруженіе доставлено имъ отъ короля Польскаго. Они грозятся вступить въ бой съ цѣлой армадой Турецкой; дали клятву, что возьмутъ адмиральскій корабль. Всѣ мѣстечки и деревни на Босфорѣ до самаго Цареграда находятся въ величайшей тревогѣ, тѣмъ болѣе, что есть предсказаніе, что Турецкое государство будетъ уничтожено народомъ сѣвернымъ.

«20 галеръ стоитъ въ каналѣ. Капитанъ-паша выступаетъ съ 40 галерами; уже онъ по истинѣ разбитъ страхомъ своимъ собственнымъ и своего войска» (ст. 452).

Извѣстный путешественникъ Петръ де ла Валле, прожившій нѣсколько лѣтъ (въ нач. XVII в.) при дворѣ Персидскомъ, оставилъ намъ также нѣсколько любопытныхъ извѣстій о козакахъ.

Прилагаемые здѣсь отрывки переведены нами съ французс. изданія его Путешествія: «Les Fameux Voyages de Pietro della Valle Gentilhomme Romain, surnommé l'illustre Voyageur.... à Paris, MDCLXII. Первое Итальянское изданіе вышло въ 1661 г.

«Въ 1621 г., говоритъ онъ, козаки Польскіе вошли въ устье Чернаго моря и проникли до самой Тюремной башни (Tour des prisons) и предмѣстій Константинополя, гдѣ они захватили огромное количество рабовъ, такъ что вельможи Турецкіе не смѣли съ этой стороны ходить для прогулокъ въ свои сады, при видѣ козаковъ, бѣгавшихъ повсюду съ саблями въ рукахъ и нигдѣ не встрѣчавшихъ сопротивленія» (III, 188).

Де ла Валле, всегда, по его словамъ, отличался *святою* ненавистью къ Туркамъ и для того собственно пріѣхалъ въ Персію, чтобы участвовать въ войскахъ ея противъ Турокъ. «Я всегда, продолжаетъ онъ, передумывалъ множество различныхъ способовъ для истребленія этого дерзкаго народа и тѣмъ съ своей стороны сдѣлать что нибудь въ пользу христіанства. Я убѣдился наконецъ, что самое лучшее для того средство — взаимный союзъ шаха Персидскаго съ нѣкоторымъ народомъ христіанскимъ, на-

зываемымъ козаками, которые живутъ у Чернаго моря, при устьяхъ рѣки Днѣпра.

«Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что козакъ не есть имя народа, но толпы людей разныхъ языковъ и разныхъ сектъ, хотя они всѣ христіане, безъ женъ, безъ дѣтей, безъ домовъ; они живутъ въ независимости и не признаютъ никакого государя. Они укрываются вдали отъ городовъ въ самыхъ ужасныхъ мѣстахъ, за лѣсами или горами или рѣками, совершенно неприступныхъ. Подобно нашимъ бандитамъ, они повинуются кому нибудь изъ своихъ же, признавая ихъ своими начальниками, и живутъ однимъ грабежемъ и добычею. Но они рѣзко отличаются тѣмъ отъ бандитовъ нашихъ, что не грабятъ того государства, въ которомъ живутъ, когда сношенія ихъ съ государемъ не имѣютъ никакихъ недоразумѣній; напротивъ того взятые въ армію, они ведутъ себя рыцарски-честно (en gens d'honneur) и служатъ со всею возможною вѣрностью. Они постоянно на военной ногѣ во вредъ и на страхъ своимъ сосѣдямъ врагамъ, Туркамъ и мусульманамъ. Вотъ потому-то государи тѣхъ странъ, гдѣ козаки живутъ, не только ихъ не преслѣдуютъ, но даже снабжаютъ ихъ припасами и деньгами подобно тому, какъ Турокъ принимаетъ подъ свое покровительство корсаровъ Варварійскихъ на истребленіе христіанъ.

«Есть различныя войска козацкія, смотря по мѣстности, напр. въ Россіи или въ Московіи, что одно и то же, или у Каспійскаго моря, или въ верхъ по Волгѣ, и далѣе въ глубь страны до рѣки Дона и Азовскаго моря. Есть также козаки и у Чернаго моря и во многихъ другихъ мѣстахъ королевства Польскаго. Я никогда и въ мысляхъ не имѣлъ союзъ козаковъ Русскихъ съ Персіянами, потому что они всѣ еретики или схизматики и живутъ въ землѣ Московита, который, будучи зараженъ заблужденіями Грековъ, обыкновенно объявляетъ себя нашимъ врагомъ и питаетъ къ Латинамъ сильное отвращеніе. Притомъ козаки Русскіе довольно далеки отъ Турокъ и не могутъ ихъ сильно безпокоить, съ Персіянами же не всѣ они въ пріязненныхъ отношеніяхъ: такъ они нерѣдко гоняются по Каспійскому морю и по Волгѣ за судами Персидскими и отымаютъ у нихъ товары: хотя Московитъ и заключаетъ дружественные договоры съ Пер-

сіянами, и они часто другъ къ другу отправляютъ посольства, однако эта дружба болѣе наружная и притворная, чѣмъ дѣйствительная и искренняя. Они ненавидятъ другъ друга по многимъ причинамъ, постоянно усиливающимся отъ ихъ сосѣдства и торговли. Потому-то постоянно моею мыслью былъ союзъ козаковъ Польскихъ съ Персіянами, именно тѣхъ, что живутъ при устьяхъ Днѣпра, въ палаткахъ и хижинахъ, недоступныхъ никому по причинѣ водъ и болотъ, ихъ окружающихъ, такъ что ихъ невозможно безпокоить, или тревожить, ни подойти къ ихъ лагерю ни съ суши, ни съ моря.

Въ этомъ мѣстѣ всегда находится болѣе 2-хъ тысячъ отличныхъ солдатъ, которые зимою охраняютъ суда и оружье, дѣлаютъ безпрестанные набѣги на Европейскихъ Татаръ, своихъ сосѣдей; лѣтомъ же, какъ только пронесется про нихъ вѣсть, что они готовятъ какое нибудь предпріятіе на морѣ, то множество другихъ козаковъ, привлекаемое жаждою добычи, стекаются къ нимъ изъ окрестныхъ мѣстъ, со всего Польскаго королевства. Выбравъ изъ своей среды самыхъ храбрыхъ въ начальники, они пускаются въ море съ многочисленными силами на трехъ стахъ и пяти стахъ лодкахъ или маленькихъ галеотахъ и даже болѣе; на нихъ помѣщаются четыре, шесть, семь и осемь тысячъ отборныхъ солдатъ, которые въ то же время отличные моряки и матросы; и въ этой огромной массѣ людей нѣтъ человѣка, который бы не былъ способенъ къ исправленію нѣсколькихъ должностей.

Такимъ образомъ они отправляются на Турокъ, забираютъ все, что ни повстрѣчаютъ на морѣ, и стали уже такими отличными пиратами, что суда Турецкія (les caramuseaux) и всѣ ихъ торговыя суда нынѣшнимъ лѣтомъ уже не смѣли пускаться въ море. Они не довольствуются однако морскимъ грабежемъ, но разоряютъ и твердую землю такъ, что нѣтъ теперь Турецкой мѣстности на Черномъ морѣ, которой бы они не овладѣвали или не грабили или даже не разорили. Между прочимъ *Синопъ*, городъ весьма населенный и прославленный Митридатомъ, испыталъ ихъ гнѣвъ. *Каффа*, хотя и столичный городъ Татарскихъ хановъ въ Европѣ, не могъ избѣжать ихъ насилья, и самый *Трапезонтъ* нѣсколько разъ былъ доводимъ ими до по-

слѣдней крайности, и если не паль передъ ними въ послѣдніе годы, то нѣкогда вѣроятно будетъ принужденъ имъ сдаться и уступить превосходной силѣ.

Турки ежегодно высылаютъ противъ нихъ изъ Константинополя военныя силы, которыя въ началѣ состояли исключительно изъ галеотовъ, потому что дѣйствительно только этого рода суда пригодны на этомъ морѣ, гдѣ немного гаваней, и то узкія, и обыкновенно при устьяхъ рѣкъ, и гдѣ много мѣстъ мелководныхъ, куда обыкновенно укрываются козаки, и куда большимъ судамъ проходъ не доступенъ. Наконецъ Турки, увидавъ, что фрегаты ихъ не имѣли никакого дѣйствія и что они были безполезны и только что умножали собою добычу козацкую, увеличили свои силы не только огромнымъ количествомъ лодокъ и галеотовъ, но присоединили къ нимъ нѣсколько эскадръ изъ большихъ галеръ. Такъ между прочимъ они отправили такія силы, въ то время, когда я былъ въ Сиріи, въ 1616 г., подъ начальствомъ генерала *Махметъ Паши*, сына Чикалы и двоюроднаго брата султана. Кромѣ огромнаго количества небольшихъ судовъ, онъ взялъ съ собою десять большихъ и самыхъ лучшихъ галеръ, бывшихъ тогда въ Константинополѣ. Со всѣмъ тѣмъ его участь не была счастливѣе его предшественниковъ; напротивъ, онъ испыталъ величайшія несчастія, потому что козаки разбили его флотъ, овладѣли между прочимъ двумя его большими галерами и обратили его въ бѣгство. Послѣ такихъ побѣдъ и прекрасныхъ успѣховъ, которые не могутъ не внушать храбрости и гордости побѣдителямъ, я вамъ предоставляю подумать, имѣютъ ли козаки право надѣяться нѣкогда на что нибудь болѣе возвышенное (droit de prétendre un jour à quelque chose de plus relevé). Я вамъ скажу только, что я слышалъ отъ нихъ, что они надѣются со временемъ овладѣть Константинополемъ, и увѣрены, что освобожденіе этой страны предназначено ихъ храбрости, и пророчества, которыя они о томъ имѣютъ, ясно имъ то предсказываютъ[1]. Какъ бы то тамъ ни

1. Въ извѣстныхъ мнѣ Малороссійскихъ думахъ и пѣсняхъ я никогда не встрѣчалъ выраженія этой надежды. Изъ Великороссійскихъ же мнѣ извѣстна одна, которая выражаетъ эту надежду весьма ясно и опредѣлительно. Она записана г. Гулѣевымъ.

было, но въ настоящее время они весьма могущественны на Черномъ морѣ и нѣтъ сомнѣнія, что если они останутся на своемъ, то никто и никогда не осмѣлится его оспаривать у нихъ. Это могущество ихъ идетъ не съ нынѣшняго дня и не недавно стали они страшны на этомъ морѣ, такъ какъ султанъ Мурадъ вступалъ съ ними въ договоръ и нѣкоторыя мирныя положенія (accomodemens) касательно этихъ дѣлъ, подписанныя его собственною рукою, сохраняются теперь у меня. Хотя прошло уже болѣе тридцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, но Турки не могутъ ихъ не только истребить, но и одержать надъ ними какую-либо поверхность: напротивъ того съ каждымъ днемъ они становятся все могущественнѣе: есть по этому основаніе надѣяться, что отъ нынѣ значеніе ихъ станетъ все болѣе и болѣе возрастать и что они станутъ подъ конецъ непобѣдимыми.

Послѣ серьезныхъ размышленій о нынѣшнемъ состояніи ихъ дѣлъ, объ ихъ политикѣ и нравахъ, которые я началъ уже пристально наблюдать еще въ Италіи (dans la Chrétiente), и потомъ ближе въ Константинополѣ, послѣ этихъ размышленій, я не сомнѣваюсь, что они образуютъ нѣкогда весьма могуще-

---

Какъ издалеча, изъ чиста поля,
изъ раздольица, изъ широкова,
выѣзжаетъ тутъ старыи казакъ;
старъ старои казакъ, Илья Муромецъ,
на своемъ онъ на добромъ конѣ.
На лѣвои бедрѣ сабля острая,
во правои рукѣ тупо копье.
Онъ тупымъ копьемъ подпирается,
своеи храбростью похваляется;
что, велитъ ли Богъ въ Цареградѣ быть,
я старыхъ Турковъ всѣхъ повырублю,
молодыхъ Турчатъ во полонъ возьму. —

— Вотъ и съѣхался Илья съ Туркомъ богатыремъ. —

Онъ поддѣлъ Турка на тупо копье,
онъ понесъ Турка во чисто поле,
во чисто поле ко синю морю;
онъ бросалъ Турка во сине море.
Какъ сине море всколебалося,
на пески вода разливалася.

ственную республику, такъ какъ по моему мнѣнію, знаменитые Спартанцы, точно также какъ Сицилійцы, Карѳагеняне и даже Римляне, а въ наше время Голландцы, не имѣли такихъ прекрасныхъ и столь счастливыхъ начатковъ Въ томъ нѣтъ еще большой важности, что они лишены постоянныхъ жилищъ, не имѣютъ женъ и слѣдовательно потомства и законныхъ наслѣдниковъ, ибо кромѣ того что, на нашихъ глазахъ число ихъ значительно умножилось, они сами вѣроятно нечувствительно и мало по малу убѣдятся въ необходимости жить вмѣстѣ съ женами, такъ какъ многіе изъ нихъ и безъ того женаты, а другіе въ разбояхъ своихъ берутъ себѣ женъ, обращаясь съ ними, какъ съ рабынями, и продавая ихъ, когда имъ то заблагоразсудится. Что касается до тѣхъ, что живутъ въ краяхъ болѣе отдаленныхъ, то безъ сомнѣнія, они живутъ съ своими женами и дѣйствительно у нихъ уже видать начатки прочной осѣдлости.

Король Польскій, государь той страны, въ которой они утвердились, хотя обыкновенно живетъ въ мирѣ съ Турками, однако беретъ ихъ подъ свое покровительство, помогаетъ имъ деньгами и всѣмъ, чѣмъ можетъ. Часто онъ устраиваетъ замиреніе ихъ съ Турками, а когда они произведутъ какое нибудь опустошеніе въ ихъ земляхъ, то онъ оправдывается, утверждая, что всѣ они люди воровскіе, а что онъ не государь ихъ, точь въ точь, какъ поступалъ эрцгерцогъ Австрійскій съ Венеціянами, касательно Ускоковъ.

Нынѣ я хорошо ознакомился со всѣмъ этимъ порядкомъ дѣлъ и знаю, что владѣнія шаха Персидскаго простираются почти вплоть по Черное море, между которымъ и предѣлами его имперіи не находится ничего, кромѣ королевства Колхиды (Colchos), или одной части, называемой иначе *Дадіанъ*, а по Турецки *Мингрелія*, или другой провинціи, принадлежащей Грузинамъ и лежащей къ морю ближе всѣхъ другихъ, признающихъ разныхъ государей, хотя ихъ можно пройти въ пять, шесть дней. Я убѣдился, что князья Грузинскіе, живущіе въ землѣ, отдѣляющей Персіянина отъ Чернаго моря, всѣ христіане и что потому самому дружба козаковъ съ ними не можетъ не быть для нихъ невыгодною, такъ какъ съ помощію козаковъ они легче могутъ противиться Туркамъ, своимъ сосѣ-

дямъ, которые, если и не тревожатъ ихъ, то потому только, что не могутъ, за малодоступностію страны; тѣмъ не менѣе однако они взимаютъ съ нихъ знатныя подати, уплатою которыхъ Грузины, такъ сказать, покупаютъ миръ и торговлю съ Трапезонтомъ и съ другими городами. Точно также увѣрился я, что по склонности или боязни владѣтели эти не откажутся соединиться съ Персіянами, которыхъ не трудно будетъ заставить силою или добровольно убѣдить даровать имъ и козакамъ свободу путей и торговли, доставить имъ безопасное убѣжище, откуда бы козаки легко могли тревожить сосѣднія Турецкія земли, чего понынѣ они не могли, такъ какъ пока они составляютъ еще горсть людей и живутъ на другомъ берегу моря. Вотъ по всѣмъ этимъ-то причинамъ я рѣшился всячески стараться объ этомъ союзѣ. Тѣмъ значительно увеличились бы силы козаковъ и получили бы тогда возможность не только грабить и удаляться, какъ то было понынѣ, но съ помощью Персіянъ и обороняться противъ Турокъ, особенно въ этой странѣ Трапезонтской». (II, 263—269).

Де ла Валле уже самъ думалъ было ѣхать къ козакамъ, для заключенія этого союза, какъ услыхалъ, что одинъ изъ христіанскихъ государей, то ли владѣтель Мингреліи, то ли Гуріэль, что ближе къ Трапезонту, уже давно желалъ вступить въ союзъ съ козаками, съ тою же цѣлью, что представлена выше. «Онъ посылалъ къ нимъ письма и подарки, а въ знакъ своей вѣрности, онъ одарилъ ихъ маленькими золотыми крестиками, ибо въ этихъ странахъ, когда хотятъ сказать про кого, что онъ христіанинъ и притомъ добрый христіанинъ, то говорятъ про него, что онъ любитъ крестъ, и почитаніе, ему оказываемое, служитъ лучшимъ тому доказательствомъ; отъ чего и происходитъ, что сами магометане и шахъ Персидскій считаютъ Англичанъ очень дурными христіанами и еретиками, потому что они ненавидятъ крестъ (détestent la croix). Предложеніе это козаками было принято весьма охотно и съ радостью. Они уже нѣсколько разъ приходили съ своими морскими силами въ его гавань, гдѣ онъ ихъ принималъ весьма ласково, хотя Турки на это косятся, что однако вовсе не мѣшаетъ козакамъ сопровождать и буксировать торговыя суда Гуріэльскія.

*

Писалъ ли онъ козакамъ о союзѣ съ Персіянами, или же они сами того пожелали, только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, флотъ ихъ въ 2,000 человѣкъ присталъ къ устьямъ рѣки, и они задумали, оставивъ суда свои у союзника, отправиться сухимъ путемъ въ Персію и предложить свои услуги шаху Персидскому въ приготовляемой имъ войнѣ противъ Турокъ, въ надеждѣ вѣроятно на добычу и на то, что всѣ мѣста, которыя имъ придется брать, имъ отдадутъ на разграбленіе. Ихъ великія приготовленія уже привели въ паническій страхъ всю страну окрестную; но разсчитавъ, что, не зная предварительно воли шаха, не христіанина, которому слѣдовательно вѣрять опасно, они выбрали изъ среды своей 40 человѣкъ, самыхъ рѣшительныхъ и отважнѣйшихъ и отправили ихъ къ шаху Персидскому для предварительнаго соглашенія. (II, 270—272).

Владѣтель Имеретіи, черезъ землю котораго проходили эти 40 козаковъ, совѣтовалъ имъ не ходить всѣмъ, а отправить ко двору Персидскому кого нибудь одного. Они такъ и сдѣлали и послали одного козака — Степана, который, по словамъ Де ла Валле, былъ католикъ, родомъ Полякъ, говорившій по Московски. Въ католицизмѣ Степана козака нельзя не сомнѣваться, потому что Дела Валле воображалъ, что козаки Польскіе большею частью всѣ католики: «les Cosaques de Pologne, Chrétiens *et presque tous Catholiques!*» (II, 269).

Этотъ Степанъ козакъ находился въ Ферабадѣ нѣкоторое время въ весьма затруднительномъ положеніи: ни онъ Персіянъ, ни они его не понимали. Наконецъ, узнавъ о Де ла Валле, онъ объяснилъ ему все на словахъ. Не получая долго никакого отвѣта, безпокоясь о своей участи, козакъ Степанъ рѣшился жаловаться самому шаху и улучивъ однажды время, подалъ ему жалобу на улицѣ.

«Шахъ ее принялъ, говоритъ Де ла Валле, и не читавъ ея, остановилъ коня, призвалъ Эфендіаръ Бега и другихъ главнѣйшихъ лицъ изъ своей свиты и, по своему обычаю, надменно сказалъ имъ: «вы не цѣните этихъ людей, ихъ храбрости, не знаете, какъ надо съ ними обращаться. Вѣдь это изъ тѣхъ, что повелѣваютъ на Черномъ морѣ, что взяли столько городовъ,

то и то надѣлали Туркамъ», при чемъ онъ перечислилъ различныя обстоятельства. «Они могутъ намъ быть весьма полезны и оказать большія услуги»; подъ конецъ онъ сказалъ, что хочетъ воспользоваться козаками. Потому онъ и приказалъ обращаться съ этимъ козакомъ вѣжливо и ласково, чтобы не было у него недостатка въ винѣ, ибо Персіянамъ извѣстно, что козаки выпить любятъ; шахъ велѣлъ также подарить отъ него козаку пятьдесятъ цехиновъ на его удовольствія, въ ожиданіи другого подарка, болѣе значительнаго, когда онъ отправится назадъ». (II, 275—276).

Вообще сочиненіе Де ла Валле, скажу въ заключеніе, заслуживаетъ вниманія Русскихъ по многимъ отношеніямъ.

См. также *Pessina* — Ucalegon Germaniae, Italiae et Poloniae Hungaria flamma belli Turcici ardens productus a M. Thoma Ioanne Pessina de Czechorod, decano Litomislensi et marchionatus Moraviae historiographo. Pragae. Typis Universit. in Coll. Soc. Jesu ad S. Clementem. Anno 1663.

Убѣждая Поляковъ подняться противъ Турокъ, авторъ говоритъ между прочимъ:

«Qua in re utinam quoque Poloni hanc oblatam ultro a Deo immortali occasionem arriperent, et spe recuperandae Moldaviae, Valachiae et Bessarabiae, quas provincias in clientela regum ipsorum fuisse aliquando constat, nobiscum arma conjungerent, debellari possent penitus (palam in omnes affirmant) expellique Turcae, et a tam diuturna orientalium in Europa partium possessione deturbari. Facilis enim ductu est terrestribus Polonorum copiis via in Thraciam, cum nulla obstacula, nullae arces, nulla montium juga sint obvia, ita ut trajecto in Valachiae finibus Istro, per apertos et planos Bulgariae campos ad usque imperii sedem Constantinopolim, irrumpere ac ferro et igne terrorem incutere possent. Quod facerent et Russi, quorum maritima arma singulis fere annis omnia Euxini maris infestant littora, intercipiunt navigia, urbes diripiunt, eo saepius deducta re, ut dum vicina Constantinopoleos oppida, eorum gemunt caedibus et collucent incendiis, ille tam formidandus toti orbi tyrannus, a consternata urbe hostiles ignes impune aspicere cogatur.

«Et quamvis ad reprimendas has excursiones novum quoddam

fortalitium ad Tyram fluvium ante biennium extrui jusserit, jamque opus coeptum fuerit, destinatis ad hoc septem millibus partim operariorum, partim armatorum, qui operarios si quae ingrueret vis, tuerentur: perfici tamen non potuit, propter Kosacos, quorum valida manus collecta sub duce Syrko, novos istos Colonos ingenti ausu agressa fuit, fudit, fugavit, molemque erectam disjecit, ac solo aequavit. Quod utinam et ad ostia Borysthenis Bogumque fecissent» (p. 172 и сл.).

Прилагаю здѣсь также Массудіевское описаніе Каспійскаго похода Руссовъ 914 г.; пользуюсь переводомъ Г. Григорьева. (См. его статью «О древнихъ походахъ Руссовъ на Востокъ» Ж. М. Н. Пр. ч. V, стр. 229—287).

«Руссы состоятъ изъ многихъ различныхъ народовъ и разныхъ вѣтвей; одинъ изъ нихъ называется аль-Людаиетъ. Они ходятъ по своимъ торговымъ дѣламъ въ Испанію, Римъ, Константинополь и къ Хозарамъ[1]. Послѣ 300 года Геджры пришло къ нимъ около 500 Русскихъ судовъ, изъ коихъ на каждомъ было по сту человѣкъ. Вошедъ въ проливъ Нейтуса[2], который соединяется съ рѣкою Хозарскою[3], они встрѣтили тамъ сильный гарнизонъ царя Хозарскаго, поставленный для стражи противъ всякаго непріятеля, который бы могъ придти съ того моря или изъ земли, отдѣляемый рукавомъ моря Хозарскаго, соединяющимся съ моремъ Нейтусъ; ибо въ сію сторону приходятъ для зимовки кочующія орды Турокъ Гузовъ; и такъ какъ вода, текущая изъ рѣки Хозарской въ проливъ Нейтуса,

1. Это мѣсто переведено мною по Спрингеру, у котораго въ слѣдъ за нимъ слѣдуетъ описаніе похода, тогда какъ у Френа эти два мѣста отдѣлены, отъ чего не переведено оно и у г. Григорьева.

2. «*Нейтусъ*. по друг. списк. *Понтусъ*, отъ Pontus Euxinus, есть названіе, даваемое восточными географами Черному, а иногда и Азовскому морю: впрочемъ послѣднее они называютъ также *Майтусъ* или *Мантусъ*, отъ Palus Maeotides»; «но, какъ оба моря соединяются проливомъ», говоритъ Массуди, «то ихъ не для чего и различать особенными именами». См Voyage d'Abouel-Cassim. Paris. 1828. p. 7. — Зам. г. Григорьева. — У Спрингера· «they passed up the estuary (of the Don) which opens in to the Pontus, and is in communication with the river of the Khazar (Wolga)». (p. 416).

3. Рѣкою Хазарскою Массуди здѣсь называетъ Волгу, рѣкою Неитуса Донъ, который почиталъ рукавомъ Волги. Зам. г. Григ.

иногда замерзаетъ, то Гузы переѣзжаютъ черезъ нее на лошадяхъ. Хотя это и большая рѣка, но она не ломается подь ними, окрѣпнувъ какъ камень. Такъ переходятъ они въ землю Хозаровъ. Если гарнизонъ, поставленный здѣсь для стереженія ихъ, слабъ, то царь Хозарскій самъ иногда выходитъ противъ нихъ, и заграждая переправу черезъ рѣку по льду, не допускаетъ ихъ вторгаться въ свое государство. Лѣтомъ же Туркамъ не возможно переходить рѣку.

Приплывъ на судахъ своихъ къ Хозарскимъ карауламъ, разставленнымъ при устьѣ пролива, Руссы послали къ царю Хозарскому просить позволенія пройти черезъ его владѣнія, и рѣкою Волгою спуститься въ море Хозарское, называемое также, какъ мы выше упомянули, моремъ Джорджанскимъ, Табарестанскимъ и именами другихъ Персидскихъ областей, обѣщая ему за это половину добычи, которую возьмутъ отъ другихъ народовъ, обитающихъ у сего моря. Получивъ на то позволеніе, они вошли въ проливъ до устья рѣки и стали подыматься ею вверхъ до рѣки Хозарской, которою прибыли къ городу Итилю. Отъ него, по теченію этой рѣки, достигли до самаго устья, гдѣ она впадаетъ въ море Хозарское. Отъ устья своего до города Итиля рѣка очень велика и полноводна[1]. Отсюда Руссы разсыпались по морю въ разныя стороны, выходя на берегъ толпами въ Джилѣ[2], Дейлемѣ, Табарестанѣ, Абескунѣ (прибрежной области Джорджана) и Нефтяной землѣ[3], до самой области Адербайджанской—до моря только три дня пути. Руссы вездѣ проливали кровь, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, расхищали богатства, производили набѣги и предавали все огню и опустошенію.

Всѣ народы, обитавшіе около сего моря, возопили о помощи; ибо съ незапамятныхъ временъ не видывали никакого врага, который бы нападалъ на нихъ съ моря, гдѣ доселѣ плавали только суда купцевъ и рыболововъ. Руссы имѣли частыя

1. У Спрингера: «This is a very large and deep river».

2. Арабское названіе Гиланской области.

3 *Нефтяною Землею* называется владѣніе Бакинское, по причинѣ изобилія своего въ ключахъ горной нефти.

битвы съ обитателями Джиля и Дейлема, съ прибрежными жителями Джорджана и съ войсками изъ Бердаи, Аррана, Бейлекана и Адербайджана, бывшими подъ предводительствомъ одного изъ военачальниковъ Ибич-Абу-Эс-Саджа, и доходили до Нефтянаго берега, находящагося въ области Ширванской и извѣстнаго подъ именемъ Баку. Удаляясь отъ береговъ послѣ набѣговъ своихъ, Руссы обыкновенно искали убѣжища на островахъ, отстоявшихъ на нѣсколько миль отъ Нефтяной земли. Государемъ Ширванскимъ былъ тогда Алибенъ-Эль-Гайсемъ. Наконецъ жители тѣхъ странъ вооружились, и, сѣвъ на ладьи и купеческія суда, отправились къ симъ островамъ; но Руссы ударили на нихъ, и нѣсколько тысячъ мусульманъ пало въ битвѣ или потонуло. Много мѣсяцевъ жили Руссы въ семъ морѣ, поступая вышеописаннымъ образомъ, и ни одинъ изъ окрестныхъ народовъ не могъ ничего имъ сдѣлать. Опасаясь ихъ нападенія, все народонаселеніе тѣхъ странъ было на стражѣ; ибо это море кругомъ заселено разными народами.

Награбивъ довольно добычи и плѣнницъ, Руссы отправились обратно къ рѣкѣ Хозарской, и отсюда послали къ царю Хозарскому условленную часть сокровищъ и добычи. Этотъ государь не имѣетъ судовъ, и подданные его неискусны въ мореплаваніи; въ противномъ случаѣ они могли бы нанести мусульманамъ великій вредъ. Аларесія и другіе мусульмане, жившіе въ землѣ Хозарской, узнавъ о томъ, что сдѣлали Руссы, обратились къ государю Хозарскому. «Позволь намъ» — говорили они — «раздѣлаться съ этимъ народомъ: онъ вторгся въ землю братьевъ нашихъ, мусульманъ, проливалъ кровь, и поплѣнилъ ихъ женъ и дѣтей». Царь не въ силахъ былъ удержать ихъ; по крайней мѣрѣ онъ извѣстилъ Руссовъ о враждебныхъ намѣреніяхъ мусульманъ. Сіи послѣдніе, собравъ войско, потянулись внизъ по рѣкѣ, ища непріятеля. Завидѣвъ ихъ, Руссы сошли съ судовъ своихъ и стали въ боевой порядокъ противъ мусульманъ, къ которымъ присоединилось также множество христіанъ, жителей города Итиля. Число мусульманъ простиралось до 15,000 вооруженныхъ и на коняхъ. Бой длился три дня сряду; наконецъ Господь ниспослалъ мусульманамъ побѣду. Одни изъ

враговъ были побиты мечемъ, другіе потонули. Только около 3,000 изъ нихъ спаслось, переправившись на судахъ на противную сторону рѣки, смежную съ землею Буртасовъ; здѣсь, оставивъ свои суда, они сошли на сушу; но частію были перебиты Буртасами, частію Булгарами-мусульманами, въ странѣ коихъ искали убѣжища. Число убитыхъ мусульманами на берегахъ рѣки Хазарской, простиралось до 30,000. Съ сего времени Руссы не дѣлали болѣе вторженій».

Никоимъ образомъ не могу согласиться съ тѣми учеными, которые думаютъ, что Руссы, ходившіе грабить Бердау въ 944 г., были Норманны. Для того надо допустить много самыхъ странныхъ предположеній, ни на чемъ не основанныхъ напр. Норманновъ на Руси было великое множество, Норманны знали Волгу лучше Славянъ и суда ихъ годились для плаванія по Волгѣ, Русь была завоевана Норманнами и т. д. Шафарикъ весьма основательно видитъ въ Руссахъ этихъ не Норманновъ, а Славянъ Русскихъ. (Древн. § 27. 9).

Абуль-Феда († 1332 г.) прямо говоритъ: «Въ семъ (332 = 943) году *одно изъ поколѣній Руссовъ*, приплывъ на корабляхъ изъ страны своей по морю Каспійскому и рѣкѣ Куру, проникнуло до самаго города Бердаи; овладѣвъ имъ, Руссы предались убійству и грабежу и наконецъ прежнимъ путемъ возвратились во свояси».

Иначе надо допустить, что Норманны на Руси были разныхъ поколѣній; слѣдов. было ихъ великое множество. Принимая же *призваніе* Рюрика, надо непременно признать извѣстный договоръ между призванными Варягами и призвавшими ихъ Славянами и Чудью. Конечно, прежде всего имъ было поставлено на видъ, что надо имъ «въ правду судъ судить», «другу не дружить, недругу не мстить, праваго не обвинить, виноватаго не оправить». Конечно, Рюрикъ и братья пришли не одни, а взяли съ собою своихъ родныхъ и дружину, но не могли привести съ собою и десятка тысячъ Шведовъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ явился бы уже въ призвавшую его страну завоевателемъ и насильникомъ; Славяне и Финны, конечно, не могли равнодушно глядѣть и на приходъ какихъ нибудь 10 тысячъ Шведовъ, которые должны были только увеличить безнаря-

діе. — Но это число слишкомъ мало для того, чтобы Шведы могли ходить на Каспійское море въ 914 и въ 944 г. Однако и этого количества Шведовъ было слишкомъ достаточно для того, чтобы возстановить Славянъ и Чудь противъ призванныхъ ими князей, какъ противъ нарушителей договора, ряда [1]. «На чемъ хрестъ еста цѣловала, то управита; не хочета ли того всего исправити, то язъ въ обидѣ не могу быти». (Р. Л. II, 49). Точно также конечно думали и говорили и Славяне IX в.; и тогда, конечно, умѣли они клясться своимъ идоламъ, и тогда, конéчно, клялись «меньшіи, како стати всѣмъ, любо животъ, любо смерть, за правду Новгородьскую, за свою отчину» (Р. Л. III, 55). Вѣдь то были дѣды тѣхъ, что говорили: «кдѣ Святая Софія, ту и Новгородъ; а и въ мнозѣ Богъ и въ малѣ Богъ и правда». (Р. Л. III, 33), или «у насъ князя нѣтуть, но Богъ и правда и святая Софья» (Р. Л. III, 62).

.— «Изъгнаша Варяги за море и не даша имъ дани и почаша сами въ собѣ володѣти, и *не бѣ въ нихъ правды*, и въста родъ на родъ; быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву».

Славяне и Чудь, утомленные раздиравшими ихъ усобицами, рѣшились принять *докончанье и любовь*, *сложились между собою*, поклялись «Русской земли блюсти и быти всимъ за одинъ братъ» (Р. Л. II, 39), «яко не разлучитися имъ ни въ добрѣ ни въ злѣ, но по одному мѣсту быти» (Р. Л. II, 57); «съидошася братья вькупо однодушно» (Р. Л. II, 37), обѣщались «всѣмъ одинакимъ быти» (Р. Л. III, 34), «будемы всѣ за одинъ мужь» (Р. Л. II, 30).

Въ слѣдствіе такого ряда или докончанья, они положили или «поговоря промежь себя полюбовно» «излюбили себѣ третьихъ.... и пожаловать тѣмъ нашимъ третьимъ насъ судить и третьевать» — они рѣшили призвать себѣ князя «иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву».

---

1. Возстаніе Вадима, весьма вѣроятное, доказываетъ только, что была сторона не одобрявшая призванія. Но то было меньшинство и слабое. Отъ того и было такъ скоро подавлено его возмущеніе.

«Поищемъ собѣ князя», т. е. излюбимъ себѣ такого, который бы пошелъ къ намъ «на всей правдѣ, на всей старинѣ», который бы поклялся насъ Славянъ и Чудь «держати въ старинѣ, по пошлинѣ, во чти, безъ обиды».

Нѣтъ сомнѣнья Варяги обѣщали Новгородъ и Чудь и Кривичей «держати въ старинѣ, по пошлинѣ, во чти, безъ обиды»— «а намъ мужемъ Новогородцемъ (Чуди и Кривичамъ) княженіе ваше держати честно безъ обиды». Нѣтъ сомнѣнья, такой рядъ съ обѣихъ сторонъ былъ заключенъ *ротою*, присягою, какимъ нибудь заклинаніемъ (сравн. позднѣйш. «А на томъ ти, княже, на всемъ хрестъ цѣловати, бесъ перевода, при нашихъ послѣхъ: а мы ти ся, господине княже, клапяемъ» и пр.) — заклинаніемъ, хоть напр. въ родѣ слѣдующаго. «иже помыслить разрушити таку любовь.... да не имуть помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будуть мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего, и да будуть раби въ сесь вѣкъ и будущій», или говорили они, что рядъ ихъ простоитъ крѣпко и неподвижно «дондеже солнце сіяеть и міръ стоить», что нарушенъ онъ будетъ, «оли камень начнеть плавати, а хмѣль почнеть тонути».

Могли ли Варяги въ страну великую и обильную, такъ добровольно ихъ призвавшую, придти съ большими военными силами? — Зачѣмъ было имъ вооружать противъ себя племена, добровольно ихъ призвавшія? Чего было имъ бояться? Приводя съ собою множество чужеземцевъ, они могли быть увѣрены, что ихъ ожидаетъ. Имъ не могла быть неизвѣстна участь Варяговъ, которыхъ незадолго до того выгнали Славяне за море. Всѣ позднѣйшія событія убѣждаютъ, что Варяговъ пришло въ Русь не великое множество, иначе были бы возстанья, мятежи, на долго бы сохранилась ненависть къ нимъ, тогда какъ не видать и слѣдовъ ея въ Лѣтописцѣ и въ народныхъ преданіяхъ, имъ сохраненныхъ. Память народная неподкупна; народы не скоро прощаютъ насилья завоевателей. Впрочемъ, всѣ ученые замѣчательные и безпристрастные окончательно и несомнѣнно убѣждены въ справедливости извѣстія о призваніи. Русь не была завоевана. Слѣдов. не могло быть и Норманновъ такое множество, чтобы они могли ходить въ Каспійское море въ 914 и

944 г.[1]. — То ходили Славяне, какъ то открывается изъ самыхъ разнообразныхъ и другъ другу постороннихъ соображеній. Наконецъ есть свидѣтельство XIII в., которое прямо говоритъ, что въ 944 г. грабили Берду — Славяне. Въ своей Сирійской Хроникѣ, Григорій Абуль-Фараджъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Барь-Еврея (род. въ 1228 и ум. въ 1286 г. по Р. Х.), говоритъ: «Въ первое лѣто царствованія Мосшакри, 335 (= 944) Геджры, вышли разные народы: Аланы, Славяне и Лазги; они опустошили всю землю до Адербайджана, взяли городъ Бердау, и убивъ въ немъ 20,000 человѣкъ, ушли назадъ». (Chron. Syriacum p. 189. См. ст. Григорьева. стр. 250).

Участіе въ походѣ Славянъ, Аланъ и Лазговъ и необходимость, въ Руссахъ 944 г., видѣть соплеменниковъ Руссовъ Массудіевскихъ — могутъ кажется окончательно убѣдить всякаго человѣка безпристрастнаго, что то были Русскіе Славяне, столь страшные Грекамъ въ XI в., и населявшіе княжество Тмутороканское: Мстиславъ въ 1023 г. ходилъ на Ярослава съ Хозарами и Касогами.

Въ XII в. по Р. Х. или въ VI в. Геджры въ Хорасанѣ, Арранѣ и Ширвани каждый небольшой дворъ имѣлъ при себѣ по нѣскольку поэтовъ-панегиристовъ, единственная обязанность которыхъ состояла въ кропаньи хвалебныхъ стиховъ, обыкновенно исполненныхъ величайшей лести, въ славу и честь *Сельджукидовъ*, *Атабековъ*, *Адербайджанскихъ* и *Ширваншаховъ*. — Въ гимнахъ и мадригалахъ этихъ придворныхъ восточныхъ піитовъ, какъ ни богаты они пустыми, ничего не выражающими фразами, нелѣпыми и вычурными сравненіями, — находятся нѣкоторыя любопытные намеки и данныя, которыми наука не можетъ не дорожить при великой скудости истинныхъ историческихъ свидѣтельствъ о краяхъ, столь мало извѣстныхъ. Такимъ образомъ почтенный оріенталистъ нашъ г. Ханыковъ, счелъ нужнымъ обратить свое вниманье на одного изъ этихъ Персидскихъ стихотворцевъ, именно *Хакани* († въ Тавризѣ ок. 595 г. Геджиры или 1198 г. по Р. Х.), который, не смотря на

1. См. Kunik. Sur l'expédition des Russes normands en 944 vers les pays situes aux bords de la mer Caspienne S.-Pétersbourg 1847.

свои странствованія и на обширныя связи со многими современными знаменитостями, особенно бѣденъ фактами и чрезмѣрно богатъ пустословіемъ, нелѣпою вычурностью, и забавнымъ самохвальствомъ, въ порывѣ котораго онъ однажды выразился: «500 годъ никого не произвелъ столь несравненнаго, какъ я:» «L'an 500 ne produisit un sans pareil comme moi». — Хакани воспѣвалъ по преимуществу своего современника государя Ахистана, на владѣнія котораго и нападали *Руссы*. Прилагаю при переводѣ г. Ханыкова найденныхъ имъ извѣстій Хакани объ этомъ неизвѣстномъ доселѣ происшествіи и слѣдующія замѣчанія нашего ученаго, необходимыя для лучшаго уразумѣнія этихъ мѣстъ.

«Ахистанъ родился въ одинъ годъ съ Хакани, т. е. въ 1106 г. по Р. Х. Вступивъ на престолъ послѣ 30-ти лѣтняго правленія своего отца, онъ утвердилъ свою столицу въ *Баку*, которую онъ старался возвеличить, тогда какъ *Шемаха*, столица *Ширвана* въ собственномъ смыслѣ, находилась во власти Атабековъ Адарбиджанскихъ.... Въ правленіе этого Ахистана Русскіе учинили набѣгъ на владѣнія, находящіяся на западномъ и южномъ берегахъ Каспійскаго моря, и даже на нѣкоторое время успѣли утвердиться въ Шемахѣ; но флотъ ихъ, состоявшій изъ 72 судовъ, былъ разсѣянъ при островѣ *Сари* или *Наргенъ* и они были побѣдоносно изгнаны Ширваншахомъ. Хакани ничего не говоритъ о числѣ Русскихъ, участвовавшихъ въ этомъ походѣ, но принимая во вниманье то, что ихъ нашествію подверглось пространство земли, отдѣляющее берегъ Каспійскаго моря отъ Лемберани, надо думать, что они были довольно многочисленны».

По недостатку хронологическихъ вѣрныхъ данныхъ г. Ханыковъ не могъ опредѣлить годъ этого похода на Шемаху. «Походъ Русскихъ, упоминаемый у Хакани». говоритъ онъ, «долженъ былъ происходить въ пространствѣ времени, между 530 и 590 г. Геджры или между 1135 и 1193 г. по Р. Х., и отвѣчаетъ въ Русской исторіи княженіямъ 15 великихъ князей. Самое это число князей свидѣтельствуетъ о тогдашнихъ усобицахъ на Руси, такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, что происшествіе, надѣлавшее столько шуму во владѣніяхъ Ширваншаховъ, не оставило никакихъ слѣдовъ въ нашихъ лѣтописяхъ;

по крайности Карамзинъ ни слова не говоритъ объ этомъ далекомъ походѣ. Это молчаніе лѣтописцевъ, если они дѣйствительно о томъ умалчиваютъ, чего я не могу повѣрить за неимѣніемъ подъ руками пособій, заставляетъ предполагать, что Русскіе принимали тутъ участіе, какъ союзники Хозаръ, и что то не было правительственнымъ предпріятіемъ, но отчаянною попыткою тѣхъ бѣглыхъ (гулящихъ) Русскихъ людей, что жили между Дономъ и Волгою, и упоминаются въ нашихъ Лѣтописяхъ въ первый разъ подъ 1147 г., подъ именемъ *Бродниковъ* или бродягъ (vagabonds)».

О побѣдѣ Ахистана надъ Русскими, какъ объ отличнѣйшемъ его подвигѣ, Хакани говоритъ не разъ. Вотъ всѣ эти мѣста, которыя для большей точности привожу во Французскомъ переводѣ г. Ханыкова:

1) «La victoire que tu remportas sur les guerriers *Russes*, devint une ère pour les élevés comme le ciel (c. à d. pour les rois). Tes étendards, d'après (le dire) des témoins produisaient sur les *Russes* l'effet de l'aquilon sur les tiges de la plante *Zeiméran*. Les pointes (de tes flèches) couleur de flamme (envahissantes), comme l'eau, versaient le feu parmi lès armées des *divs*. Tu trempas (les flèches) dans le fiel des *Russes*, en leur décochant le javelot muni de plumet (tes flèches), trempé dans l'eau empoisonnée. Une de tes flèches, semblable au prophete *Khizr*, rompit les soixante douze vaisseaux de ces stupides infidèles. Les flèches bifurquées de tes serviteurs, coupaient comme des ciseaux les veines jugulaires des renieurs de la religion. Tes javelots courts cousaient, à l'instar des aiguilles, leurs vésicules à leurs poumons. Ta fortune, abreuvée à la source de *Khizr*, donna du coeur aux (porteurs) des poignards semblables aux crocodiles. Par suite des blessures portées sur les bords de la mer, le sang jaillissait des gorges coupées, et il se forma, sur les bords mêmes de la mer, une mare de sang de ces blondins roux, (mare) semblable à une mer, quand ton carquois montra ses dragons de *Moise*, à ceux qui, après tout examen, sont des adorateurs du feu[1]. A *Roum* même les dragons de tes flèches, empoisonnèrent les aliments du *Qaissar*».

1. Намекъ на обычаи древнихъ Руссовъ сожигать мертвецовъ. См. Слов. Якута. и Frahn-Ibn-Fossian. Прим. г. Ханыкова.

2) «Souverain au zèle de *Houd* et à l'éloquence de *Nouh*, tu visitas comme une tempête les *Khazars*, et comme un deluge les *Allans*. Tu es craint comme *Malik* (trésorier de l'enfer), et (pour les ennemis) tu as un caracrere de *Zabani* (officier de l'enfer); tu fis de *Derbend* un enfer, et tu fis pousser des lamentations à *Chabran*[1] (grâce à toi) le *Chirwan* (i. e. possesseur du lion), si l'on y pense, est devenu *Kheirawan* (i. e. possesseur de la bonté), non, peut-être même, est il devenu *Cherefwan* (i. e. possesseur de la noblesse); tu fis le *Khizwan* (i. e. le *Chirwan*) semblable à *Baghdad* et au *Caire*. En même il est le *Khalif* du *Caire* et de *Baghdad*, et par la largesse de sa main, l'*Euphrate* passe par *Sáadoun* et le *Nil* par *Gerdaman*[2]. Tu as vu ses soldats faisant une attaque nocturne contre les *divs Russes* (quand) de l'embuscade de sa colère il lança le lion de *Sistan* (i. e. *Roustem*). Le roulement de ces tambours, dont le son ressemblait aux cris pousses par la gazelle à la vue d'une peau de loup, donna des règles de lievre aux lions enragés (i. e. aux Russes)[3]. Tous ces coeurs d'èperviers marchèrent la nuit comme des grues, et comme des *Qata*, expulserent les *Simourgles* de leurs nids. Ils les poursuivirent jusqu'à la fin de la nuit, comme la nuit (poursuit) la nouvelle lune dans le collet du ciel (i. e. au haut du ciel) et (toi) à l'instar des sorciers (tu) préparas un lambeau de toile de lin (pour

1. *Chabran*, jadis une forteresse celèbre, maintenant un tas de ruines, dans le district de *Qoubbeh*.

2. *Saádoun*, maintenant nommé *Siadan*, bourg du district de *Qoubbeh*, non loin des ruines de *Chabran*. — *Gerdaman*, canton traversé par le *Gerdamantchai*, dans le gouvernement de *Chémakha*.

3 Beaucoup de personnes m'ont assuré ici qu'un tambourin tendu de peau de mouton n'émet pas de son, étant frappé en présence d'un tambourin tendu de peau de loup; de même les orienta x sont persuadés, ce qui est aussi plus probable, que la gazelle ne peut voir une peau de loup, sans pousser des cris de frayeur. Quant aux règles du lièvre, voilà ce qu'en dit l'*Imam Damiri* auteur du *Heiatoul heiwani-l-Kubra*: «Le lièvre dort les yeux ouverts, très souvent le chasseur s'approche de lui et, le voyant ainsi, le croit éveillé. On dit que le lièvre meurt dès qu'il a vu la mer, et que c'est à cause de cela qu'on ne le trouve pas au bord de la mer; mais ceci, d'après mois, n'est pas exact. Les Arabes, entre autres mensonges, admettent que les *Djins* fuient le lièvre, à cause de ce qu'il a des règles. Quatre sortes d'animaux ont des règles la femme, la hyène, la chauve-souris et le lièvre. On dit aussi que la chienne a des règles».

leur jeter le sort)[1]. Le matin, tu dégaînas ton glaive[2], et tu (le tournas) contre les infidèles, jusqu'à ce que le glaive les couvrit tous de la poussière de l'ignominie. (La planète) Mercure ayant sous lui comme *Bahram Tchoubin* une peau tendue sur du bois (i. e. un tembourin), ton cheval s'élança comme le vent d'automne[3]. Chacun (de tes soldats) dans sa forteresse de cotte de mailles de bronze était comme un *Isfendiar*[4], ils firent sur la mer des dévastations semblables à ceux du *Heft Khan*. Le lion dégaîna son glaive, comme le soleil dans la constellation du Lion, mais les soupirs poussés par les ennemis, changèrent le coeur de l'été en premier mois de l'automne. Le coeur des infidèles fut grêlé de petites véroles grosses comme des grains de raisin, et le sabre du *Yémen*, de couleur de raisin vert, fit de leur sang du vin. Le sabre de couleur bleue étendit sur la mer une couche de garance (mot p. mot mine de gar.) jusqu'à l'île *Rouinas* et jusqu'à *Lembéran*[5]. Sur l'île il fit du sang des *Russes* une mer, et la vague de cette mer ressemblait à une haute montagne; elle dispersa les vaisseaux, et l'on dirait qu'on y avait semé des rubis; on moissona des têtes, et les corps criaient *aman*. La moitié fut tuée, l'autre moitié défaite, s'enfuit, et la mort chassa la chaleur de leurs âmes impuissantes. Afin qu'ils puissent se préparer dans leurs crânes une tisane, l'eau de leurs larmes leur fournit *gratis* le jus d'épine-vinette[6]. Les étendards du

---

1. D'après le commentaire les lambeaux de toile de lin servent dans les sorcelleries pour jeter un sort à quelqu'un, on les découpait en croissant.

2. C'est à dire qu'au lever du soleil, on dirait que l'aurore dégaîne son glaive, métaphore qui dans les pays chauds ne manque pas de justesse.

3. Ce vers, qui paraît si embrouillé dans la forme de l'original, veut simplement dire, que Mercure protecteur des musiciens, se fit tambour dans l'armée d'*Akhistan*, dont le cheval etc.

4. *Isfendiar*, fils de *Guechtassib*, tué par *Roustem*, prit des forces les sept endroits du *Mazandéran* dits *Heft-Khan*.

5. L'île *Rouinas* est ou l'île *Narguen*, ou l'île de *Sari*, mais comme la dernière surtout est apte à la culture de la garance, je crois qu'il s'agit ici de *Sari*, d'autant plus que c'est la seule île de cette côté où il y ait des sources d'eau douce et qui pouvait servir de station à la flotille russe. *Lembéran* est un grand village sur la route directe de *Chémakha* ou *Choucha*, à une 15ne de verstes du *Kour*.

6. Ingrédient de la tisane, ou d'une potion calmante, dont *Khaquani* fait souvent mention.

chab qui portent les mots *Inna fatahná* (Qor. Sour. XLVIII. vers. 1), répandirent dans le monde une nouvelle, créatrice de la joie. Il jeta tout autant de poussière sur la tête des *Russes* infidèles, qu'*Alb-Arslan* en jeta sur la tête des habitants de *Roum*. Un ou deux jours, ces *coeurs de chiens* (i. e. sauvages, furieux, féroces) réussirent à commettre dans le *Chirwan* des désordres semblables à ceux d'*Arjeng* dans le *Mazandéran*; (mais) la terreur répandue maintenant par le chah à *Derbend* et en *Russie*, y produisit une commotion pareille à celle que ces coeurs de chiens firent ressentir au *Chirwan*».

3) «Les *Russes* et les *Khazars* fuient, car la mer des *Khazars* eprouva les bienfaits de sa main pleine de perles».

«....ces deux vers, qui me paraissent être bien moins embrouillés que beaucoup d'autres du même poète, n'ont pas fait le même effet sur un commentateur de *Khaquani*, dont le commentaire se trouve copié sur les marges du manuscrit qui m'a servi pour ce travail; voici ce qu'il dit par rapport à ces vers: «*Feiz* répandre l'eau, *Hécher*, soldats, troupes, et par l'expression *Kefi dast djawahir hacher*, on fait allusion à la main de l'objet de la louange, par la considération du glaive *Geuherdar* damassé, qui était dans sa main pendant le combat, c'est à dire: Les *Russes* et les *Khazars* sont en suite, car le bras du loué a versé tant de sang des ennemis dans la mer des *Russes* et des *Khazars*, que l'eau en est devenue rouge, et les habitants de ces deux états ont pris la fuite». Moi je crois que le verbe qui termine le 2-e missrà devrait être mis au singulier et rapporté à la mer, comme je l'ai traduit, et que *Khaqani*, pour conserver son *rédif*, l'a mis au pluriel et avait embrouillé par cela le sens; des licences pareilles se rencontrent chez lui très souvent».

4) «*Bakou*, à cause de son existence, exige le tribut des *Khazars*, de *Rei* et des *Zirihguérans* (i. e. des *Qoubetchis*)».

(См. Bullet historico-philolog. de l'Acad. des Sciences de St.-Petersb. T. XIV. № 335 — 336. Lettre de M. Khanykoff à M. Dorn).

— О походѣ Стеньки Разина на Персію сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ подробностей знаменитый Французскій путешественникъ Шарденъ. Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этомъ:

«Tandis que ces revolutions se passaient à la cour de Perse, quatre députés y arrivèrent de la part des Cosaques Moscovites qui, deux mois auparavant, avaient fait une irruption furieuse dans la Perse, du côté de l'Hyrcanie, sur les bords de la mer Caspienne; mais avant que de parler de cette irruption, il est bon d'en dire le sujet.

«L'an 1664, selon notre compte, arriva à Ispahan une ambassade célèbre de Moscovie, elle était composée de deux ambassadeurs, dont le train montait a quelques huit cents hommes, et les présens qu'ils firent au roi valaient, par l'appréciation que l'on en fit, cinq mille tomans, qui sont deux cent cinquante mille livres. Ils consistaient en deux carrosses enrichis de broderies très-superbes, des chevaux de frise, avec des animaux de leur pays, comme des renards et des ours blancs et des dogues; mais ce qui en faisait la principale richesse était une quantité prodigieuse de martres zibelines, que les Perses appellent *samour*. Ces ambassadeurs, comme l'on a toujours cru, étaient venus seulement pour trafiquer, et avoir le moyen, sous ce titre d'ambassade, d'apporter et de remporter des marchandises, sans payer de droits. On compte que des seules martres, ils en avaient vendu à Ispahan, pour quatre vingt mille tomans, qui sont quatre millions, sur quoi l'on peut juger du reste. Le roi de Perse cependant les traita magnifiquement d'abord, et il leur donna leur dépense, qui était taxée à dix tomans par jour, c'est à dire cinq cents livres, que ceux-ci aimèrent mieux prendre en argent qu'en vivres, pour en épargner la meilleure partie. Aussi, vivaient-ils très mesquinement, et dans le beau palais où le roi les avait fait loger parmi les riches meubles dont il était garni. Ces gens malpropres etaient dans l'ordure, comme des chiens. C'est pourquoi les Perses tiennent aujourdhui cette nation de Moscovites pour la plus basse et la plus infâme qui soit entre les chrétiens; et ils les appellent, par mepris, les *Jusbeks* de l'Europe; ils veulent exprimer par là combien ils les estiment peu, parceque les Jusbeks sont les peuples les plus abjects de l'orient.

«Le roi, touché de l'infamie de ces ambassadeurs, et qui voyait bien qu'en effet ils n'étaient point envoyés de leur maître pour un autre sujet que pour trafiquer, vendre leurs fourrures et leurs autres denrées, et remporter des étoffes, des cuires, et les autres choses

semblables qui se trouvent en Perse, et surtout de l'argent, les maltraita à la fin, et n'en fit plus de compte. L'un d'eux mourut, et l'autre se retourna avec son train tout délabré, sans aucun honneur, et presque sans aucune réponse.

« Le grand-duc eût bien du ressentiment de cet affront; mais il le dissimula sur l'heure, parce qu'il n'osait s'attaquer à *Habas* (*'Abbás*); mais ayant appris au commencement de l'année 1667, qu'il était mort, et que le sceptre de Perse était tombé entre les mains d'un jeune prince, il résolut de se venger: il voulut toutefois éviter une guerre déclarée; c'est pourquoi, pour donner le coup fourré, et sans qu'il y parût, il suscite des Cosaques qui habitent vers la mer Noire, les fait marcher le long des Palus-Méotides, et ainsi entrer en Perse, sur les côtes de l'Hyrcanie; avec cette précaution, qu'ils se gardassent bien de le nommer, ni d'avouer qu'ils eussent aucune intelligence avec lui, ils devaient feindre que c'était d'eux-mêmes qu'ils venaient à cette entreprise. C'est ce que l'on en contait, et croyait à la cour de Perse.

Les Cosaques ne manquèrent point; ils montent au nombre de six mille, dans quarante grandes barques de la mer Caspie, qui sont des vaisseaux longs et larges, mais sans fonds, pour éviter les rochers dont cette mer est plaine, à deux et trois pieds sous l'eau. Chaque barque portait deux petites pieces de canon. Ils abordent premièrement à *Erech* (*Recht*), petite ville sur la côte de *Guilan* (*Guylán*), ou l'Hyrcanie, en laquelle ils descendent au nombre de quatre mille; et la trouvant sans soldats, et ses habitants qui ne les attendaient pas sans défense, ils la pillent, et après un grand carnage de l'un et de l'autre sexe, ils se retirent en diligence, avec tout leur butin dans leurs vaisseaux qu'ils retirèrent en mer autant qu'il fallait pour empêcher d'être aperçus.

Pour mieux couvrir leur jeu ils envoient quatre des leurs en qualité de députés à la cour, avec des lettres de créance, comme si c'eût été une ambassade. Les gens du gouverneur de *Chamakí* (Chàmâkhy), les conduisirent à Ispahan, où ils arriverent un peu apres que la nouvelle de leur irruption y était venue. On les traita assez bien: on leur donna un logis, et on les defraya, comme on a accoutumé de faire pour les autres ambassadeurs. Ils demandèrent l'audience du roi; mais elle leur fut refusée sur ce qu'ils n'étaient

*

pas de qualité à prétendre à cet honneur, et que même ils paraissaient ennemis. On leur accorda seulement l'audience du premier ministre, ce qu'ils acceptèrent. La, ils représentèrent qu'*ils étaient députés de la part de six mille Cosaques leurs compagnons qui étaient sur la mer Caspie;* qu'*à la vérité ils étaient ci-devant sujets à l'empire des Moscovites; mais que, lassés du mauvais traitement qu'ils en recevaient, ils s'étaient résolus de s'enfuir de leur pays avec leurs enfants et leurs femmes, et ce qu'ils avaient pu emporter de leurs biens;* qu'*après avoir délibéré sur la retraite qu'ils devaient choisir, la Perse s'était présentée à leur esprit comme la monarchie la plus amie de l'équité, et qui traitait le mieux les esclaves; c'est pourquoi ils avaient fait dessein de lui offrir leur servitude;* que *dans ce dessein ils étaient partis en Cha-seven pour l'amour du roi, et que maintenant ils espéraient de la générosité de ce grand monarque qu'il écouterait leurs prières, qu'il leur prêterait un asile, et leur donnerait quelques terres pour les habiter*[1]. Ils présentèrent lá-dessus leurs lettres de créance; mais les Perses ne purent jamais les déchiffrer, et y employerent inutilement les plus habiles interprètes, tant des leurs que des européens, qui se trouvaient à Ispahan....

«L'on fut donc contraint de s'en fier à ce que disaient de vive voix ces députés, qui était toujours la même chose que ce qu'ils avaient dit au commencement; a quoi le premier ministre répondit: Si ce que vous assurez est véritable, et que vous soyez venus pour être nos hôtes, et vous rendre esclaves de Sa Majesté, pourquoi étes-vous entrés en Perse l'épée à la main? pourquoi avez-vous massacré nos sujets, désolé une des nos villes, et ravagé nos terres?

«Ces Cosaques, pour se justifier, répondirent qu'on les y avait forcés; que, comme ils étaient été vénus demander civilement des

---

1. Русскій выходецъ, бывшій въ Персіи, Степанъ Ивановъ сынъ Цѣпинъ, показывалъ: «Да слышалъ де онъ Степанъ въ Дербени отъ иноземцовъ, что воровские казаки Стенка Разинъ съ товарищи въ Гилянѣ, стоятъ въ стругахъ у берегу, и били челомъ они шаху и обѣщалися ему служить, и шахъ де ихъ принялъ и учинилъ имъ корму всѣмъ вопче по двѣсти рублевъ на день; да они жъ де казаки просятъ у шаха мѣста, гдѣ бъ имъ поставить себѣ городокъ; а сказываютъ де иноземцы, что ихъ воровскихъ казаковъ всего съ нимъ Стенкою стоитъ подъ Гилянью съ двѣ тысячи человѣкъ». (А. И. IV, с. 390).

vivres pour leur argent, ceux de la ville, oubliant le droit d'hospitalité et la commisération qu'on doit avoir pour les étrangers, leur avaient couru sus, et les avaient maltraités; que la nécéssité de se défendre devait excuser les Cosaques s'ils avaient cherché par les armes ce qu'ils n'avaient pu obtenir par les prières.

«Dans le temps que l'on traitait avec ces députés, arriva un envoyé des *Orous*, c'est-à-dire *du grand duc de Moscovie* (je crois que les Perses donnent ce nom à ses états a cause de la Russie qui en fait une partie), cet envoyé présenta des lettres de la part de son maître au roi de Perse, qui portaient qu'*ayant appris qu'un nombre de Cosaques ses sujets avaient quitté leurs terres pour se soustraire de son obéissance, et qu'ils voulaient se réfugier en Perse; il priait Sa Majesté de ne les pas recevoir et de n'ajouter aucune foi à toutes leurs propositions;* que *c'étaient des rebelles et des fugitifs, qui ne garderaient fidelité à personne, puisqu'ils ne la gardaient pas à leur prince naturel;* qu'*il disposait des troupes pour les réduire à la raison et les mettre dans le devoir.* Mais, si ce prince exhortait les Perses de ne se fier pas à ces Cosaques, ils étaient assez persuadés qu'ils ne devaient pas non plus se fier à lui, parce qu'on a toujours cru en cette cour-là qu'il était d'intelligence avec ces voleurs, et la raison sur quoi cette créance était fondée avait assez d'apparence: car, comment est-il possible, disaient les politiques, que des fugitifs au nombre de cinq à six mille viennent dans un pays avec quarante barques et quatre-vingts pièces d'artillerie, pourvus de toutes sortes de munitions et de guerre et de bouche, et que d'abord ils se jettent à main armée sur nos terres? N'est il pas aisé de voir que c'est le grand-duc de Moscovie qui les envoie pour se venger des affronts qu'il se persuade que ses ambassadeurs ont reçus».

(См. Voyages du chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'orient. Nouvelle édition, soigneusem. conferée sur les trois édit. origin., augmentée d'une Notice de la Perse etc. par M. Langlès. Paris. 1811. T. X. pp. 112—120. См. также Dorn. Auszüge aus Muh Schriftstellern... St.-Petersburg. 1858. Ss. 25—26, 39—44, и Попова Исторія возмущенія Стеньки Разина, въ Р. Бес. 1857, I, стр. 81 и сл.).

VII. Еще доступнѣе была Малая Азія Русскимъ черезъ Черное море.

Въ долгій періодъ времени X — XVI в., послѣ походовъ Руссовъ на берега М. Азіи и до Козацкихъ походовъ на Синопь, Трапезонтъ, Русскіе безъ сомнѣнія не прерывали своихъ сношеній съ М. Азіею, которыя носили только мирный хакактеръ. Въ томъ убѣждаютъ насъ хожденія паломниковъ, непрерывныя сношенія съ Сербами, Болгарами, Цареградомъ, въ XIII в. съ Никеею, бытность въ М. Азіи Славянскихъ поселеній, торговыя связи, сначала черезъ *Гречниковъ*, а потомъ *Сурожанъ*, морскія силы Козаковъ и ихъ ловкость, заставляющая предполагать давнюю въ нихъ привычку къ морю и видѣть въ нихъ не прямыхъ и не непосредственныхъ наслѣдниковъ Руссамъ X в., по крайности въ отношеніи искусства плаванія по Черному морю. Въ исторіи Славянской стихіи въ М. Азіи, нельзя упустить изъ виду того обстоятельства, что въ XVI и XVII стол. Русскихъ бывало много въ М. Азіи въ качествѣ плѣнниковъ, рабовъ и слугъ. Такъ Бопланъ даетъ намъ знать, про Татаръ Крымскихъ, что «они нерѣдко, въ числѣ 80,000 всадниковъ, вторгаются въ Польшу и Московію, жгутъ, грабятъ, уводятъ въ плѣнъ отъ 50 до 60,000 тысячъ Россіянъ и продаютъ ихъ въ неволю[1]». —

---

1. Опис. Украины (Русск. пер.). С. 36. Въ Малороссійской народной поэзіи понынѣ сохранилось много думъ о Татарской и Турецкой неволѣ. Вотъ напр. начало думы о Марусѣ Богуславкѣ:

«Що на Черному морѣ,
На камени бѣленькому,
Тамъ стояла темниця камяная.
Що у тій то темницѣ пробувало сѣмъ-сотъ козаковъ,
Бѣдныхъ невольниковъ».

Немало Русскихъ людей перетомилось въ тяжкой Турецкой неволѣ, въ Турецкихъ бусурманскихъ каторгахъ. Немало предковъ нашихъ кляло, проклинало тамъ землю Турецкую, вѣру бусурманскую.

«Ты, земле Турецька, вѣро бусурманська,
Ты розлуко християнська!
Не одного ты разлучила зъ отцемъ, зъ матѣрью,
Або брата зъ сестрою,
Або мужа зъ вѣрною женою!»

Одна изъ превосходнѣйшихъ Малороссійскихъ думъ съ чистымъ эпическимъ характеромъ, дума о Самойлѣ Кушкѣ, относится къ тому же разряду невольницкихъ думъ.

Въ столицѣ Крыма и мѣстопребываніи Турецкаго губернатора въ Кафѣ, гдѣ Татаръ жило мало, а все больше христіане, Бо-

---

Въ славномъ походѣ своемъ гетманъ Богданко Ружныи освободилъ много плѣнниковъ въ городахъ Малоазіискихъ. Выкупъ ихъ въ Малороссіи былъ дѣломъ святымъ. Были Русскіе и въ Константинополѣ, при чемъ, конечно, многіе и бусурманились. Такъ возвратившіяся въ Кіевъ въ 1674 г. изъ Турціи купецъ Греченинъ Янъ Павловъ показывалъ между прочимъ «о звонѣ (въ Цареградѣ) наша спрашивалъ, какъ у Софеи звонъ былъ, и въ то де время стоялъ на карауле у Софеискои церкви, у двереи, сторожь былъ, *обусурманился Русской человекъ*». (Сиб. Сб. Мал. Д. 1673—1674 г. С. 156 и сл.). Плѣнники Русскіе проживали не только въ Малои Азіи, но и на островахъ Греческихъ, и въ Неаполѣ, и въ Мальтѣ, и въ Венеціи. Юрій Трубецкои, воевода Московскіи въ Кіевѣ, доносилъ въ Москву въ 1674 г., что 10 іюня пришли въ Кіевъ выходцы все плѣнники Турецкіе; кто пробылъ изъ нихъ 10, кто 37 лѣтъ въ неволѣ Турецкой. Ивашко Антоновъ, Уманскіи козакъ, показалъ «взятъ де онъ въ полонъ тому шестнадцать лѣтъ, а взяли его Татарове и продали Туркомъ на катаргу; *а изъ Турской ушелъ тому 7 годъ въ Веницейскую землю, а изъ Веницейскои земли пришелъ въ Польшу тому шесть недѣль*». (Тамъ же. С. 164). Другой, взятыи въ плѣнъ Татарами и проданныи Туркамъ, прожилъ у нихъ 10 лѣтъ, «а ушелъ изъ Турскои земли въ Веницейскую землю тому 6 годъ, а изъ Веницеискои земли пришелъ въ Польшу тому шесть недѣль». (С. 169). — Борисъ Петровичъ Шереметевъ, на обратномъ пути своемъ изъ Мальты, будучи въ Венеціи, 1698 г., отпустилъ въ Москву маршалка своего Алексѣя Курбатова, «а съ нимъ послалъ двухъ Араповъ, *трехъ невольниковъ Малороссійскихъ городовъ, искупленныхъ въ Мальтѣ и въ Неаполѣ*, и часть своего багажу». (Зап. Путеш. Гр. Б. П. Шереметева... М. 1773. С. 86). В. Г. Барскій разсказываетъ, что въ 1743 г., въ бытность его на островѣ Хіосѣ, «многи убо отъ невольникъ и невольницъ Россіискихъ приходящи ко мнѣ, моляху со слезами, да исходатаиствую освобожденіе ихъ отъ плѣненія; азъ же съ великою радостію обѣщахся просимое имъ сотворити и донести о семъ господину резиденту въ Цареградѣ и, утѣшивъ ихъ благою надеждою, списахъ же и имена ихъ, ихъ же бѣ душъ близъ четыредесяти, такожде имена и обладателей Турковъ, Грековъ и Евреевъ». (II, 84). Вопросъ о невольникахъ Русскихъ вовсе не такъ незначителенъ, какъ то можетъ казаться съ перваго взгляда; подробно изслѣдованныи, предметъ этотъ можетъ повести къ новымъ, любопытнымъ соображеніямъ. Ворочаясь на родину, бывшіе плѣнники приносили съ собою множество новыхъ разсказовъ, новыя свѣдѣнія, новые обычаи. Въ свою очередь они могли имѣть вліянье и на страну своего плѣна. Вспомнимъ, то былъ одинъ изъ путеи распространенія христіанства. Могло статься и дѣиствительно бывало, что плѣнники одного языка собирались въ извѣстноиъ странѣ въ такомъ множествѣ, что образовывали какъ бы особую колонію. Сносясь съ свободными своими земляками, они возбуждали въ нихъ жалость и мщенье и такимъ образомъ притягивали и наклицкивали опасныхъ враговъ своимъ повелителямъ. Пріобрѣтенію нами Крыма едва ли не способствовало это обстоятельство. Козаки въ своихъ походахъ руководились не однимъ желаніемъ пограбить, но и местью за братьевъ своихъ христіанскихъ невольниковъ и благороднымъ намѣреньемъ освободить ихъ изъ плѣна. Выходецъ Рязанецъ Степанъ Ивановъ сынъ Пѣшинъ явился въ 1668 г. въ При-

планъ же насчитывалъ болѣе 30 тысячь невольниковъ, замѣчая, что они составляютъ прислугу христіанъ, которые скупаютъ у Крымцевъ военноплѣнныхъ изъ Польши и Россіи. Мартынъ Бронёвій де Біездзфедеа, два раза посѣтившій Крымъ, и описавшій свое путешествіе въ 1579 г., между другими любопытными извѣстіями передалъ намъ также, въ главѣ объ образѣ жизни Крымскихъ Татаръ, и то, что помѣстья Татарскія обработываемы были многочисленными плѣнниками Русскими и Молдавскими.[1]

казную Палату и показалъ: «служилъ рейтарскую службу въ полку съ бояриномъ и воеводою съ Васильемъ Шереметевымъ съ товарищи, въ Запорогахъ подъ Чюднымъ городкомъ полоненъ былъ Крымскими Татарами, которые продали его въ Турскую землю, въ городъ Девренъ, а тотъ де городъ отъ Царягорода двиша за два; и жилъ де онъ въ томъ городѣ у яныченина года съ два, и изъ того города бѣгаючи, жилъ въ разныхъ земляхъ, въ Трухменскои и въ Арапской да въ Юргенскои года съ три, и изъ Юргенскои де земли вышелъ назадъ въ Турскую землю, къ прежнему своему хозяину, въ Девренъ городъ; и хозяинъ де его продалъ въ Турскои же городъ Аранъ, владѣлцу Алѣю Пашѣ, а тотъ де городъ близко Кизылбашской земли; и жилъ де онъ въ томъ городѣ года съ два и болши, и бѣжалъ въ Кизылбашскую землю въ городъ Куты, а изъ того города шелъ Шаховою землею, мимо Терзія да Аревана да Енжея городовъ, и пришелъ въ Шемаху въ нынѣшнемъ во 176 г. декабря въ 6 день и зимовалъ въ Шемахѣ; а изъ Шемахи де отпущенъ онъ съ Астараханцомъ съ Ондреемъ и пріѣхалъ съ нимъ въ Тарки, а изъ Тарковъ пріѣхалъ въ Астрахань съ Тарковскими торговыми людьми въ стругахъ, а Ондрей де Третьековъ поѣхалъ степью на Терекъ». (А. И. IV, с. 390).

1. Martini Broniovii de Biezdfedea Stephani I Poloniae regis nomine bis in Tartariam legati Descriptio Tartariae.... (Schwandtner. Scr. rer. Hung. I, 801) «...etsi pagos plurimi (nobiliores) non possident, attamen agros et fundos proprios ibi habent, quos *Vngarorum, Russorum, Moschorum, Valachorum* seu *Moldavorum mancipiis, quibus abundant, colunt ac ut jumentis ad opus omne utuntur.* Aedificia et domus ligneis similes admodum, Turcico more aedificant, verum Graeci christiani, qui in paucis villis sunt, ut mancipia operantur et agros colunt». Торговля развита мало, «mechanicas autem artes rarissimi exercent et quicunque mercatores et artifices ibi reperiuntur, vel christianorum mancipia, vel Turcae, Armeni, Judaei, Cercasii Petigorenses, qui christiani sunt, Philistini vel Cyngani, obscurae vel extremae conditionis homines sunt». Также любопытна, особенно въ связи съ невольницкими цѣнями, глава 45-я. «Captivorum apud Tartaros ratio et redimentorum modus». Невольниковъ часто продавали за море. При описаніи Кафы между прочимъ читаемъ: «Caphan non raro navigatur, ex universis vicinioribus et remotioribus Graeciae insulis, saepius vero ex urbe Constantinopoli, nam secundo vento, duorum tantum dierum spatio vel paulo amplius navibus eo veniunt». При описаніи Корсуня вспоминаетъ о вел. кн. Владимірѣ, о взятіи имъ Корсуня и о возвращеніи его Грекамъ. «Quod et in hodiernum usque diem, in locis iisdem a christianis Graecis, quorum obscurae

По Боплану Кафа вела обширную торговлю съ Константинополемъ, Трапезонтомъ, Синопомъ и другими городами Чернаго моря, Архипелага. Конечно, рабы и слѣдовательно — Русскіе были не послѣднею статьею отпуска. Кромѣ Татаръ, и Турки уводили много Русскихъ въ плѣнъ. Въ 1641 г. Мясковскій, посланникъ Польскій въ Константинополѣ, доносилъ Владиславу IV, что по словамъ Грековъ и Турокъ: число плѣнниковъ Польскихъ (слѣд. главнѣйше Русскихъ) въ Турціи простиралось до 150 тысячь человѣкъ.

VIII. По разсмотрѣніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ касательно стихіи Славянской въ М. Азіи съ VII в., по настоящее время включительно читатель, надѣюсь, не затруднится предпочесть отвѣтъ положительный на вопросъ — была ли непрерывность въ исторіи Славянской стихіи въ М. Азіи? Дѣйствительно въ долгой періодъ 12-ти вѣковъ стихія Славянская въ М. Азіи, хотя и пережила различныя фазы и подвергалась различнымъ превратностямъ, тѣмъ не менѣе съ VII в. продержалась до настоящаго времени, когда съ наступленіемъ новыхъ, лучшихъ временъ для всего міра Славянскаго, она вступитъ, быть можетъ, въ новый періодъ и съ теченіемъ времени, развиваясь все болѣе и болѣе, послужитъ безъ сомнѣнія однимъ изъ главнѣйшихъ элементовъ, имѣющихъ возродить къ новой, лучшей и разнообразной жизни эту богатую страну, способную къ развитію самой высшей человѣческой культуры.

---

et parvae admodum reliquiae supersunt, praedicatur» (p 820—821). См. Сказаніе свящ. Іакова, бывшаго въ Крыму въ 1634—1635 г. съ Русскимъ посланникомъ Борисомъ Дворениновымъ — «и пріидохъ во градъ (Инъ) и внидохъ въ пещеру къ Русскому полоненику, къ Максимку Иванову Новосилцу, а тотъ Максимъ живетъ въ полону тридцать два года». (Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. I, с. 889). Отслуживъ панихиду и приложившись къ мощамъ неизвѣстнаго святаго, наши Русскіе вернулись домои. «И созвавше Гречанъ и полоненниковъ Рускихъ, которые живутъ лѣтъ по сороку и начахомъ спрашивати про мощи, и многіе Гречане сказали: «мы де господине того не вѣдаемъ» .... Да Бѣлоруссецъ, полоненикъ, зовомыи Василии Хромой, сказалъ: «мнѣ де здѣся въ городкѣ сорокъ лѣтъ» (с. 689). Они хотѣли взять мощи съ собою въ Русь, но услышали отъ святаго слѣдующія слова «мниге, о друзи, взяти мощи моя на Русь, а язъ убо хощу по прежнему здѣ учинити Русь, а имя ми и память моя бываетъ въ Семеновъ день» (с. 690—691).

Время теперь перейти намъ къ разсмотрѣнію вопроса, представившагося намъ еще въ началѣ книги и вылившагося тогда въ слѣдующую форму: были ли Славянскія поселенія въ Малой Азіи и до VII в. и до 664 г.; т. е. поселеніе Славянъ въ Азіи въ 664 г. по Р. Х., случайно занесенное въ Лѣтопись Византійцами, есть ли первое поселеніе Славянъ въ Азіи?»

Византійскій лѣтописецъ Ѳеофанъ подъ 664 г. разсказываетъ, что вождь Сарацынъ Абдуррахманъ вступилъ съ большими силами во владѣнія Римскія, провелъ въ нихъ зиму и опустошилъ многія провинціи. При семъ, говоритъ тотъ же лѣтописецъ, Славяне (οἱ Σκλαβῖνοι), числомъ до 5,000 человѣкъ, присоединились къ нему, пошли съ нимъ въ Сирію, и поселились въ области Апамейской, въ селенія Скевокоболѣ.

Вотъ первое, доселѣ найденное, извѣстье о Славянахъ въ Азіи! Не скажу нужда, но есть ли даже возможность заключать изъ него, чтобы 5 тысячь Славянъ, перешедшихъ къ Арабамъ и поселившихся въ Сиріи, только въ 664 г. явились въ Азіи? Напротивъ, гораздо вѣроятнѣе, что они были уже въ Азіи и до 664 г. По всей вѣроятности, Ѳеофану уже было что нибудь извѣстно о Славянахъ въ М. Азіи; иначе онъ бы не упомянулъ о нихъ такъ случайно, мимоходомъ.

Въ самомъ дѣлѣ почему Славянъ въ М. Азіи не могло быть и въ VI в.?

При Юстиніанѣ (527 — 565) Славяне, по словамъ Прокопія, почти ежегодно переходятъ Дунай и врываются во владѣнія Римской Имперіи, почти всѣ земли отъ Іоническаго залива до предмѣстій Византіи подвергаются ихъ опустошительнымъ походамъ. Годы 527, 530, 533, 534, 546, 547, 549, 550, 551, 552, 559 и проч., всѣ ознаменованы битвами ихъ съ Греками, ихъ пораженьями, чаще побѣдами и грабежами.

Незабвенный Шафарикъ нашь ясными и неопровержимыми доводами доказалъ, что «тихое, спокойное распространеніе и утвержденіе Славянскихъ поколѣній въ опустѣвшихъ земляхъ обѣихъ Мизій начались, съ согласія Греческаго правительства, въ концѣ V го, и продолжались въ теченіи всего VI-го стол.,

гдѣ нарочно поселяемы были также и Славяне, захваченные въ плѣнъ на войнѣ[1]».

Въ VI в. исторія уже застаетъ многихъ Славянъ христіанами, и даже занимающими въ имперіи высокія государственныя должности; одинъ же изъ нихъ, уроженецъ *Ведеріаны*, что въ верхней Македоніи, близъ нынѣшняго города Кѣстендила, сынъ *Истока* и *Вигленицы*, *Управда* достигъ даже престола, на коемъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Юстиніана I.

Почему не могло быть Славянъ въ М. Азіи и въ VI в? Почему императоры не могли переселять туда Славянъ въ VI в., какъ переселяли ихъ туда въ VII и въ слѣдующіе вѣка? Отъ чего Славяне не могли переселяться въ М. Азію и въ VI в., какъ селились они въ VII и въ VIII в.? Вѣдь мы встрѣчаемся въ Азіи съ отдѣльными личностями Славянскими еще въ VI в. Такъ въ 555—6 г. природные Анты, слѣдов. Славяне Доброгостъ и Всегордъ предводительствуютъ Греческимъ войскомъ противъ Персовъ. Доброгостъ начальствуетъ надъ флотомъ. Весьма вѣроятно, что Греки вручили этимъ Славянамъ начальство потому, что войско и флотъ состояли главнѣйше изъ ихъ единоплеменниковъ.

Зная давнишнія поселенія Славянъ по Дунаю и отношенія ихъ къ Атиллѣ и къ Гуннамъ, мы рѣшительно отказываемся отъ той мысли, что Славяне стали переходить Дунай и селиться въ имперіи только въ концѣ V в. Въ 441 г. Атилла, въ нѣсколько сраженій разбившій Грековъ, опустошилъ Ѳракію и Македонію, все пространство отъ Еллиспонта до Ѳермопилъ и предмѣстій Цареградскихъ[2].

Славяне могли проникать черезъ Дунай въ Забалканскій

---

1. Слав. Др. § 29. 2. Р. пер. т. II, кн. 1, с. 253 и сл. Въ Слав. перев. Манассіи, при описаніи царств. Анастасія читаемъ: «При Анастасіи цри начаша Блъгаре поемати земл сіж, прѣшедше в Бъдынѣ и прежде нача[ш] поемати долнаж земл Охридскаж и потомъ сиа земл въсл». Анастасій же царствовалъ съ 491 до 518 г. См. «О переводѣ Манассіиной Лѣтописи на Словенскій языкъ, по двумъ спискамъ: Ватик. и Патр. б ки съ очеркомъ исторіи Болгаръ». М. 1842. С. 39. См. также статью Шафарика: Wýklad nĕkterych pomístnych jmen u Bulharůw въ Časop. Česk. Mus. 1847. S. 72 и сл.

2. Septuaginta civitates (говоритъ Просперъ Тиронъ) depraedatione vastatae. А Марцеллинъ Pene totam Europam, invasis excisisque civitatibus atque castellis, conrasit. См. Gibbon.

полуостровъ не только съ Гуннами, но и съ Готами; впрочемъ на послѣднемъ предположеніи не останавливаюсь, какъ оно ни вѣроятно, потому что въ оправданіе свое оно требуетъ слишкомъ продолжительныхъ объясненій.

«По мнозѣхъ же времянѣхъ *сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска.* Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ; яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Морава и прозвашася Морава; а се ти же Словѣни Хровате Бѣліи, и Серебь, и Хорутане Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове» и т. д.

Извѣстіе Нестора, сохранившее древнее народное преданіе о стародавности Славянскихъ поселеній на Дунаѣ, въ земляхъ, называвшихся во времена Нестора *Угорскою* и *Болгарскою*, указываетъ на возможность отдѣльныхъ Славянскихъ поселеній посреди народовъ Ѳракійскихъ и весьма дѣлаетъ вѣроятною догадку Шафарика о томъ, что по изгнаніи Славянъ изъ нынѣшней Угріи Кельтами, нѣкоторыя вѣтви ихъ, удалившись въ глубину Ѳракіи и Иллиріи, долго въ тамошнихъ неприступныхъ горахъ сохраняли свою народность (§ 11. 11).

Соображая не только возможную, но и весьма вѣроятную давность поселеній Славянскихъ на Балканскомъ полуостровѣ, еще болѣе природу страны, какъ бы служащей продолженіемъ М. Азіи, этого Азіатскаго моста цивилизацій, по выраженію Риттера, а также всегдашнее и постоянное тяготѣніе народовъ Европейскихъ къ Азіи, своей прародинѣ, никогда не переставшей дѣйствовать на народы какъ-то особенно обаятельно, соображая все это, мы рѣшительно отказываемся отъ возможности указать на время, когда въ первый разъ могли явиться Славянскія поселенія въ М. Азіи, и не видимъ причины предполагать, чтобы они не могли появиться въ ней весьма задолго до VII в. по Р. Х.[1].

1. Я разумѣю здѣсь Черноморскій берегъ Малой Азіи, какъ *издревле* доступный Славянамъ. Природа страны была причиною, что Черноморскій берегъ Малой Азіи и восточная часть Балканскаго полуострова были издревле населены народомъ одноплеменнымъ Иродотъ говоритъ Θρῆικες δὲ διαβάντες μὲν ἐς τὴν Ἀσίην

Вспомнимъ, что въ VI в. по словамъ Прокопія (552 г.) и Іорнанда (ок. 552 г.) могущественный и многочисленный народъ Славянскій, Анты, жилъ на Понтѣ между Днѣстромъ и Днѣпромъ.

Въ этихъ же мѣстахъ жили они и въ IV в. по Р. Х., а во II в., какъ видно изъ словъ Плинія, нѣкоторыя Славянскія вѣтви (Сербы) жили по Дону, который въ древнемъ Скандинавскомъ сказаніи называется рѣкою Славянскою «Wanaquisl».

Чтобы по возможности удовлетворительно отвѣчать на вопросъ — была ли доступна М. Азія этимъ Славянамъ за долго до IX—X в., какъ была она доступна потомкамъ ихъ Русскимъ Славянамъ въ пройденный уже нами періодъ времени IX — XVII в., чтобы, повторяю, отвѣчать на этотъ вопросъ какъ можно удовлетворительнѣе, мы прежде, чѣмъ разсмотримъ и переберемъ въ своей памяти всѣ относящіяся сюда свѣдѣнія и соображенія, постараемся указать на неправильность нѣкоторыхъ мнѣній о характерѣ Славянъ Русскихъ.

IX. Къ сожалѣнію еще по недавнее время раздавались голоса, отрицающіе почти всякую способность движенія и дѣятельности въ Славянахъ Русскихъ до Варяговъ. Это какъ бы послѣдніе отголоски и остатки нѣкогда весьма сильнаго и многораспространеннаго воззрѣнія на древнихъ Славянъ, пущеннаго въ оборотъ Гебгарди и другими авторами, которые вообще не

ἐκλήθησαν Βιθυνοί (7, 75). Нужно помнить слѣдующія слова глубокомысленнаго К. Риттера: «старый свѣтъ открылъ обширный театръ для исторіи отъ востока до запада, а въ этомъ направленіи, сообразно съ распредѣленіемъ пространствъ и климатическимъ единствомъ, изъ корня стараго свѣта, въ теченіи историческихъ тысячелѣтій и еще ранѣе, развилась большая система миграцій народовъ и ихъ цивилизацій и культуръ отъ востока къ западу. Но такъ какъ всегда, въ началѣ и концѣ существованій, воспоминанія и символы временъ прошедшихъ, также какъ и прежнихъ отечествъ очень живо дѣйствуютъ, то западу земнаго шара, отъ его юности и дѣтства, осталось воспоминаніе о востокѣ и стремленіе къ нему, и такія то воспоминанія пробуждаютъ въ насъ надежду на будущее, которое вообще можетъ быть только развитіемъ прошедшаго» (Землевѣдѣніе Азіи. К. Риттера. Перев. П. Семенова. Ч. I. С. 105). Нѣтъ сомнѣнья, что въ IV в. до Р. Х. воспоминанія Кельтовъ объ Азіи были еще весьма свѣжи, почему и весьма вѣроятно, что онѣ были однимъ изъ главнѣйшихъ побужденій переселенія въ Малую Азію 20 тысячъ Кельтовъ, подъ именами Толистобоевъ, Трокмовъ и Тектосаговъ.

отличались особеннымъ безпристрастіемъ взгляда на Славянъ. Строго и рѣзко, но не несправедливо, отозвался однажды Шафарикъ о такомъ воззрѣніи, по которому — «холопство и рабство, подданство и невольничество были вѣчнымъ удѣломъ Славянъ». «Къ великому нашему счастію, замѣчаетъ Шафарикъ, источники исторіи древнихъ Славянъ представляютъ намъ совершенно противное, а потому, если бы кто рѣшился, во что бы то ни стало, приписывать всю эту безстыдную ложь и хитрыя клеветы народу великому и занимающему отличное мѣсто въ исторіи человѣчества, тотъ долженъ бы, прежде всего, для избѣжанія улики въ обманѣ и напраслинѣ, истребить всѣ упомянутые источники, чего разумѣется никогда не удастся ему. Пока будутъ эти источники, до тѣхъ поръ, надѣемся, будутъ и мужи, которые, безъ всякаго предубѣжденія, станутъ черпать правду и смѣло защищать ее отъ клеветъ пристрастныхъ и безсовѣстныхъ писакъ, когда бы и гдѣ бы они ни явились»[1].

Нѣкоторые, рисуя себѣ Славянъ совершенно невоинственными, народомъ, легко гнувшимъ шею и равнодушнымъ къ рабству, и безмѣрно возвышая доблести Варяговъ, полагали даже возможнымъ найти подтвержденіе своихъ словъ въ мнѣніи Шафарика о характерѣ древнихъ Славянъ.

Желая какъ бы отличить Славянъ отъ Норманновъ, они называли первыхъ Naturvolk'омъ. Вѣроятно это значитъ то же, «что народъ, живущій въ простотѣ родоваго быта».

---

1. Слав. Древн. Русск. перев. т. I, кн. 1, с. 417—418. Здѣсь же Шафарикъ сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе, которое хотя и писано 20 лѣтъ тому назадъ, но къ сожалѣнію понынѣ не утратило своей цѣнности. «Ученіе это сдѣлалось лозунгомъ повѣйшихъ Русскихъ писателей, прожужжавшихъ и намъ и себѣ уши о древнемъ нашемъ варварствѣ. Имъ, какъ основой своего вѣрованія, хотятъ они воспламенить въ народѣ своемъ любовь къ Славянскимъ древностямъ (исторіи), языку и словесности, возбудить къ себѣ довѣріе и утвердить въ немъ чувство самобытности. На этомъ ученіи (потому что въ области наукъ все связано тѣснѣйшими узами родства) хотятъ они основать народное ученіе и славу». Узкое и вполнѣ ложное направленіе, обличающее всю незрѣлость нашей образованности, — видѣть и искать въ древней Руси одне только темныя стороны, встрѣтило, слава Богу, въ послѣднее время въ ученой литературѣ нашей смѣлый и сильный протестъ. Мнѣ пріятно здѣсь особенно указать на превосходный разборъ соч. г. Чичерина, напис. многоуважаемымъ, почтеннымъ юристомъ нашимъ Н. В. Калачовымъ, на ст. гг. Бѣляевыхъ, Самарина, Аксакова, Хомякова, на соч. г. Лешкова, Кастомарова, Щапова...

Историкъ не идилликъ; рисовать себѣ древнихъ Славянъ онъ можетъ только двояко: или то былъ народъ грубый, мало развитый умственно, но сильный, здоровый, бодрый, любящій законъ отецъ своихъ, всегда готовый постоять за свою свободу, за свои старые обычаи, за свою родину; или же то былъ народъ слабый, забитый, задавленный, повитый въ рабствѣ, слѣдовательно трусливый, подлый, хитрый, коварный.

Если Славяне, какъ говорятъ, были Naturvolk, если они жили въ необузданной анархіи (zügellösige Anarchie), то конечно справедливъ первый взглядъ о Славянахъ и несправедливъ второй. Тогда какимъ же образомъ можно замѣчать, что Шведы гонялись и охотились (Jagd machten) за Финнами, Литовцами и восточными Славянами? Славянъ было больше Шведовъ и они не спускали имъ, какъ то извѣстно изъ лѣтописей и какъ слѣдуетъ предполагать согласно всѣмъ извѣстіямъ о характерѣ древнихъ Славянъ: 1) «изъгнаша Варяги за море и не даша имъ дани и почаша сами въ собѣ володѣти». 2) «Варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху Новгородцемъ и женамъ ихъ. Вставше Новгородци избиша Варягы во дворѣ Поромони, и разгнѣвася Ярославъ».

Положимъ даже наконецъ, что незабвенный Шафарикъ нашъ когда нибудь говорилъ такимъ образомъ о Славянахъ Русскихъ, и все таки строгая критика не позволила бы остановиться на нихъ, какъ на послѣднемъ, не допускающемъ никакой апеляціи, рѣшеніи. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы обратиться къ языку Славянскому и доказать, что онъ весьма бѣденъ словами военнаго и морскаго дѣла, опровергнуть то, что военныя и морскія слова почти общи всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ, слѣд. вещи и предметы, обозначаемые, были извѣстны имъ издревле, опровергнуть то, что въ народной поэзіи Славянской, въ пѣсняхъ Чеховъ, Словаковъ, Сербовъ, Хорватовъ, Болгаръ, Малороссіянъ, Великороссіянъ, Лужичанъ, Поляковъ выражается духъ не подлый, не рабскій, а свободный, съ такимъ же духомъ народъ немогъ не создать себѣ средствъ защиты и обороны, опровергнуть то, что Славяне не отразили, не спасли свою западную братью отъ дикихъ полчищъ Татаръ и Турокъ и тѣмъ дали ей возможность посвятить свои силы другимъ трудамъ, подъять которые въ то

время Славянамъ было физически невозможно, опровергнуть то, что лѣтописи каждаго народа Славянскаго говорятъ почти на каждой страницѣ своей, что въ нихъ всегда жила любовь къ родинѣ, самобытности, если и падали, то не безславно и не безъ сопротивленія, и быть можетъ ошибочно, но твердо вѣрятъ понынѣ:

Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь;
Много милости у Бога,
Безъ границъ Его любовь.

Но Шафарикъ никогда не могъ и подумать ничего подобнаго. Шафарикъ напротивъ указываетъ на географа Баварскаго, «доказывающаго, что у Славянъ Русскихъ были укрѣпленные города, Нестора, показывающаго, что Русская земля была населена многочисленными Славянскими поколѣніями, съ твердыми городами еще до прибытія Варяговъ, народами, по свидѣтельству его и вообще цѣлой исторіи, предпочитавшими свободу самой жизни, о которой Матвѣй епископъ Краковскій (около 1150 года) воскликнулъ: «Русь.... это словно иной міръ.... народъ Русскій безчисленнымъ множествомъ своимъ равняется однимъ лишь звѣздамъ (Ruthenia... quae quasi est alter orbis... gens Ruthenica multitudine innumerabili ceu sideribus adaequata»). И объ этой-то землѣ угодно было нѣкоторымъ новѣйшимъ Русскимъ писателямъ, Сенковскому, Муравьеву, и подобнымъ имъ, утверждать, въ одномъ мѣстѣ, что это было изпоконъ вѣка наслѣдственное достояніе Скандинавовъ, въ которое Рюрикъ вовсе не былъ приглашенъ, но вступилъ по праву наслѣдства, а въ другомъ, что она составляла до времени самого Владиміра безпредѣльную пустыню, въ коей только тамъ и сямъ скитались бѣдныя семейства кочующихъ звѣролововъ и скотопитателей»...

Славяне не были хитры, коварны, лукавы, какъ бываетъ всякой народъ слабый, повитый въ рабствѣ: Прокопій (552 г.), не имѣвшій никакой нужды особенно хвалитъ ихъ и имѣвшій напротивъ того много причинъ не быть къ нимъ расположеннымъ, такъ между прочимъ говоритъ о Славянахъ:

«Славяне и Анты не повинуются одному человѣку, а живутъ въ димократіи издревле, почему и выгода и невыгода, все

у нихъ общее.... Вступая въ битву, многіе идутъ на непріятеля пѣшкомъ, имѣя у себя въ рукахъ маленькіе щиты и копья. Панцыря не надѣваютъ: нѣкоторые идутъ на непріятеля даже безъ исподняго платья и плаща, а только въ латахъ. У тѣхъ и другихъ языкъ варварскій одинъ и тотъ же. Не различаются они между собою и тѣлосложеніемъ. *Всѣ они высоки ростомъ и весьма сильны*[1].... Ведутъ, подобно Массагетамъ, жизнь суровую и непривольную, всѣ, подобно же имъ, грязны и нечисты. Характеръ ихъ не хитрый и не коварный; съ простотою сохраняютъ во многомъ Гунскій образъ жизни». — Такъ писалъ о Славянахъ и Антахъ въ VI в. Прокопій — извѣстія о походахъ и грабежахъ ихъ на полуостровѣ Балканскомъ въ VI и слѣд. вѣкахъ сильны убѣдить всякаго въ справедливости его словъ о ихъ воинственности. Морскіе грабежи Славянъ Македонскихъ и Адріатическихъ, поселенія Славянъ въ Морѣ и въ М. Азіи, переходы къ Арабамъ, участіе въ ихъ войскѣ не позволяютъ добросовѣстному ученому и на мигъ усомниться въ присутствіи въ нихъ дерзкой отваги, удальства и предпріимчивости. Императоръ Маврикій (582 — 602 г.) нашелъ нужнымъ въ соч. своемъ «О военномъ дѣлѣ» помѣстить цѣлую главу о томъ, какъ надо сражаться съ Славянами и Антами. «У Славянъ и Антовъ, говоритъ онъ, образъ жизни и нравы одинакіе, всѣ они свободны, ничѣмъ не заставить ихъ поддаться или подчиниться. У себя на родинѣ они весьма сильны и сносливы, удобно переносятъ и холодъ и жаръ и наготу тѣла и голодъ». Далѣе онъ разсказываетъ о ихъ гостепріимствѣ, объ обращеніи съ рабами и плѣнниками, которыхъ они не оставляютъ у себя въ вѣчной неволѣ, *подобно другимъ народамъ* (ὡς τὰ λοιπὰ ἔθνη), а въ извѣстный срокъ освобождаютъ; го-

1. Ибнъ-Фодланъ, описывая Руссовъ, говоритъ (въ перев. Френа): «Nie sah ich Leute von ausgewachsenerm Korperbau; sie sind hoch wie Palmbaume, fleischfarben und roth» Іорнандъ, описывая Скандинавовъ, сказалъ. «Hae itaque gentes Romanis corpore et animo grandiores, infestae saevitia pugnae». Слѣдуетъ ли изъ этого, что Руссы Ибнъ-Фодлана непремѣнно были Шведы? Гриммъ не признаетъ за Нѣмцевъ этихъ Руссовъ (I. Grimm — Ueber das Verbrennen der Leichen. 1850. S. 69—70) Марко Поло, говоря о Русскихъ, а Бонфини — о Чехахъ, удивляются ихъ высокому росту. Довольно наконецъ взглянуть на наши гвардейскіе полки, чтобы не считать высокій ростъ исключительною принадлежностью однихъ Шведовъ и Нѣмцевъ.

воритъ о томъ, что они любятъ сражаться съ непріятелемъ въ ущельяхъ, въ мѣстахъ неприступныхъ, употребляютъ хитрости, весьма привычны къ водѣ и лучше и дольше другихъ людей умѣютъ держаться въ ней (ἐν πείρᾳ δὲ εἰσὶ καὶ τῆς ποταμῶν διαβάσεως ὑπὲρ πάντας ἀνθρώπους). Каждый изъ нихъ вооруженъ двумя копьями, нѣкоторые же изъ нихъ и крѣпкими щитами, весьма однако неудобными для переноски. У нихъ деревянные луки и маленькія стрѣлы, которыя они намазываютъ ядомъ, дѣйствующимъ на смерть, если не принять противуядія» и т. д. — Почти въ тѣхъ же словахъ описываетъ Славянъ Левъ VI Мудрый (886—911 г.). «Но такими они могли казаться только Византійцамъ, отнюдь же не Нѣмцамъ»; вспомните въ такомъ случаѣ державу Моравскую, Святополка, Болеслава Польскаго, Вратислава II, Собѣслава I Чешскихъ и т. д. — Сравните, что говорятъ лѣтописцы западные о Славянахъ Балтійскихъ — о ихъ воинской опытности на сушѣ и на морѣ, напр. о Лютичахъ — haec gens terra marique proeliari perita erat, о ихъ морскихъ грабежахъ, упорствѣ, любви къ свободѣ и пр. Гельмольдъ говоритъ о Ваграхъ, что на нападенія Датчанъ они вниманія не обращаютъ и даже находятъ особое наслажденіе биться съ ними. Указываю для примѣра на нѣкоторыя свидѣтельства западныя о характерѣ Славянъ: 1) Slavi servitutis jugum armata manu submoverunt, tantaque animi obstinacia libertatem defendere nisi sunt, ut prius maluerint mori, quam christianitatis titulum resumere aut tributa solvere Saxonum principibus (*Гельмольдъ*). 2) Slavi bellum quam pacem elegerunt, omnem miseriam carae libertati postponentes.... transeunt dies plurimi... illis pro libertate.. varie certantibus. (Витикиндъ) — 3) Liuticis.... dominus specialiter non praesidet ullus; unanimi consilio ad placitum suimet necessaria discutientes, in rebus efficiendis omnes concordant. (Диттмаръ Мерзебургскій). — 4) Multae sunt insulae in hoc sinu, quas Dani et Sueones omnes habent in sua ditione, aliquas etiam Slavi tenent. — Illarum autem insularum, quae Slavis adjacent, insigniores accepimus tres. Quarum prima Fembre vocatur. Altra est contra Wilzos posita, quam Rani vel Runi possident, fortissima Slavorum gens, extra quorum sententiam de publicis rebus nihil agi lex est, ita illi metuuntur propter familiaritatem deorum vel potiu

daemonum, quos majori cultu ceteris venerantur. Ambae igitur hae insulae piratis et cruentissimis latronibus plenae sunt, qui et nemini parcunt ex transeuntibus. (Адамъ Бременскій). 5) Germania.... gentibus incolitur quam plurimis, ferocissimis... inter quas una ceteris crudelior.... gens Leuticorum barbara, omni crudelitate ferocior. (Глаберъ Родульфъ). 6) Est namque hujusmodi genus hominum durum et laboris patiens, victu laevissimo assuetum, et quod nobis gravi oneri esse solet, Slavi pro quadam voluptate ducunt. (Витикиндъ) 7) Hinc etenim saeva Danorum gens terra marique potens, inde centifida Sclavorum rabies barbarorum frendens inhorruit, Ungrorum nihilominus insecuta crudelitas. (Руотгеръ. Жизнеоп. Брунона пис. ок. 966 — 7 г.). Можно бы было весьма много привести примѣровъ, несомнѣнно доказывающихъ, что Славяне Русскіе, являющіе чудные подвиги храбрости, удальства, отваги и предпріимчивости, съ XI в. до наст. врем., обязаны тому вовсе не Норманнамъ, а своимъ прирожденнымъ качествамъ[1]. Нельзя было и Шведамъ охотиться на нихъ —

1. Вообще обращающіяся у насъ мнѣнія о недостаткѣ энергіи и воинственности у Славянъ держатся благодаря слабому нашему знанію, а проще и полному невѣдѣнію Славянскои исторіи. Военныя и морскія лѣтописи XVI — XIX стол. южныхъ Славянъ, Поляковъ и Русскихъ, исполнены извѣстіи о чудныхъ подвигахъ удальства, храбрости и предпріимчивости, нерѣдко запечатлѣнныхъ высокимъ героизмомъ и великимъ военнымъ геніемъ. Въ XV в. Чехи безспорно имѣли лучшее войско въ Европѣ и считались учителями военнаго искусства. Мартинъ Маиеръ, совѣтникъ Баварскій, въ письмѣ своемъ къ Григ. Геимбургу, 1467 г. 12 янв., говоритъ между прочимъ: «Bohemi in re militari expertissimi et armipotentes multi sunt, et ceterae militares opes ab eis quasi rivuli a fonte per plurimas terras derivantur». Другой современникъ историкъ Бонфини такъ описываетъ Чеховъ: «Prae ceteris terrarum gentibus proceritate staturae roboreque corporum ac pulchritudine, praestantia animum et suavitate consuetudinis, Boemi sane praecellunt; corpora comasque plus justo colunt, in habitu vestituque nitidissimi et perquam molles, ad bellum et voluptatem tantum nati; populares omnes sunt et affabiles, ad concihandas quoque amicitias nimis idonei». Онъ же вложилъ въ уста Матвѣя Корвина, знаменитая черная рота котораго состояла изъ Чеховъ и другъ. Славянъ, слѣдующую рѣчь: «Fateor, Boemos martiales esse, famosissimum genus hominum, culturae corporis studiosissimum et quam maxime animum; cupidissimum belli et ad periculum promptissimum. Procera sunt his corpora et speciosa; contemptus mortis magnus inest, et persuavis hercle consuetudo». У Чеховъ XV в. учились военному дѣлу не только Поляки, Венгерцы и Русскіе, но и Нѣмцы, которые заимствовали отъ нихъ слѣдующія слова: *Pistol*, *Bizschalen*, pišt'ala, *Pafezner* — pawézy, pawézniky, *Possatken* — posádky, *Haubitze*, haufnice. (См. ст. На-

Ложный ли патріотизмъ или же здравый смыслъ и простое чувство справедливости заставляютъ насъ признать всѣ подобныя положенія крайне неосновательными — пусть рѣшитъ о томъ читатель безпристрастный.

И такъ любовь къ свободѣ, упорство и ничѣмъ неискоренимая увѣренность, пока жива народность, въ томъ, что пасть окончательно не суждено, вотъ одна изъ отличительнѣйшихъ чертъ обще Славянскаго народнаго характера. Моравянинъ по нынѣ помнитъ Святополка; Сербъ всегда былъ убѣжденъ, что встанетъ снова Марко Кралевичь, увѣренъ, что святыня, которою держались Турки, теперь въ вѣрномъ и безопасномъ мѣстѣ. Разбиты ли Чехи Нѣмцами, говоритъ народная пѣсня:

Netužte, kmetie! netužte:
już wám trawička wstáwá,
tako dlúho stúpaná
cuziem korytem!

И дѣйствительно надежда не обманула Чеховъ, они одержали побѣду:

i by Němcem úpěti,
i by Němcem prnúti
i pobitie jim.

Послѣ тѣхъ страшныхъ и великихъ испытаній, какимъ подвергалась южная Россія, набѣгали иной разъ на чубатыя головы нашихъ предковъ черныя думы и сомнѣнія. Спрашивали они тогда:

А що якъ наши головы по степу-полю поляжуть,
Да ще й рóдною кровью умыються,
Попересколотыми шаблями покроються!...

лацкаго: O walečném umění Čechův w XV stol. — Čas. Česk. Mus. 1828. Стр. 5 и сл.). Слово *гетманъ* перешло къ намъ отъ Чеховъ. Въ старину у Поляковъ ходила поговорка: «Co Polak, to pan, co Čech, to *hetman*». Злѣйшій непріятель гусситовъ говоритъ по поводу ихъ побѣдъ: «Quis Bohemico nomini non invideat, cujus victorias tempestate nostra plures numerare licet, quam reliquae gentes omnibus seculis comparare potuerint?» (Эней Сильвій. Hist. Boh. c. 58. См. Palacky. Dějiny. D. III, IV — passim).

Пропаде мовъ порошина зъ дула, тая козацкая слава,
Що по всёму свѣту дыбомъ стала;
Що по всёму свѣту степомъ розляглась, простяглась;
Да по всёму свѣту луговымъ гомономъ роздалась;
Туреччинѣ да Татарщинѣ добрымъ лихомъ знати далась.

Но никогда Малороссіянинъ не отдавался тоскѣ до конца, онъ вѣрилъ крѣпко, что возьметъ свое, и не напрасно:

Тôльки Богъ Святый знавъ,
Що вôнъ думавъ, гадавъ, замышлявъ,
Якъ незгодины на Украйньску землю посылавъ!
Отъ-же й пройшли, изыйшли злый незгодины:
Немае нйкого, щобъ насъ подолѣли!
Тôлько Богъ Святый знавъ,
Що вôнъ думавъ, гадавъ, замышлявъ!

Высшій идеалъ Великорусской народной поэзіи, Русскій крестьянинъ, Илья Муромецъ, не боящійся перечить Владиміру, когда тому блажь пришла у живаго мужа жену отнять, бьющій Татаръ на Куликовомъ полѣ, грозящій Турокъ всѣхъ повыгнать изъ Цареграда вонъ, Илья Муромецъ, которому Ермакъ Тимофеевичь только что племянничекъ, палъ однажды въ борьбѣ съ чужимъ богатыремъ. Тотъ уже похваляться сталъ: «зачѣмъ ты ѣздишь на чисто поле?.... ты поставилъ бы себѣ келейку при путѣ, при дороженькѣ» и т. д.

Лежитъ Илья подъ богатыремъ,
Говоритъ Илья таково слово:
Да не ладно у святыхъ Отцовъ написано,
Не ладно у Апостоловъ удумано:
Написано было у Святыхъ Отцовъ,
Удумано было у Апостоловъ:
Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому;
А теперь Илья подъ богатыремъ.
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло....

Скоро Илья посправился, «недосугъ Илюхѣ много спрашивать», скоро отсѣкъ нахвальщинѣ его буйну голову, и пріѣхавъ на заставу богатырскую, бросилъ голову о сыру землю—

При своей братьѣ похваляется:
«Ѣздилъ во полѣ тридцать лѣтъ,
Экаго чуда не наѣзживалъ» [1].

---

1. Я не знаю другой пѣсни, въ которой бы лучше себя выразилъ, сознательно или безсознательно, народъ Русскій за послѣднія двѣсти лѣтъ. Въ ней живо рисуется его *крѣпостная неволя*, въ ней слышенъ отвѣтъ на тѣ упреки и насмѣшки, которыми осыпали его иные, тѣмъ ожесточеннѣе, чѣмъ больнѣе ихъ поражало его внѣшнее могущество, имъ созданное при неволѣ, чѣмъ яснѣе имъ представлялось его будущее значеніе при волѣ; въ ней же и крѣпкая вѣра въ себя и въ свои силы, которымъ въ моготу всякое горе, твердая надежда на будущее, не смотря на тягость настоящаго, твердая, потому что основана на прошедшемъ, изъ котораго многому, всему лучшему суждено прорости въ будущее. Кажется, не лишнимъ будетъ цѣликомъ привести всю эту пѣсню, записанную почтеннымъ нашимъ собирателемъ г. Гуляевымъ

Не отъ пламечка, не отъ огничка
Загаралася въ чистомъ полѣ ковыль трава;
Добиралася огонь до бѣлаго до камешка:
Что на камешкѣ сидѣлъ младъ ясенъ соколъ.
Подпалило то у ясна сокола крылья быстрыя;
Ужъ какъ пѣшь ходитъ младъ ясенъ соколъ по чисту полю.
Прилетали къ ясну соколу черны вороны;
Они граяли, смѣялись ясну соколу;
Называли они ясна сокола вороною:
Ахъ, ворона, ты, ворона, младъ ясенъ соколъ!
Ты, зачѣмъ, зачѣмъ, ворона, залетѣла здѣсь?
Отвѣтъ держитъ младъ ясенъ соколъ черным воронамъ:
Вы не граите, вы не смѣитесь, черны вороны;
Какъ отрощу я свои крылья соколиныя,
Поднимусь то я, младъ ясенъ соколъ, высокошенько,
Высокошенько поднимусь я, младъ ясенъ соколъ, ко поднебесью;
Опущусь я, младъ ясенъ соколъ, ко сырой землѣ,
Разобью я ваше стадо, черны вороны,
Что на всѣ ли на четыре стороны;
Вашу кровь пролью я въ сине море,
Ваше тѣло раскидаю по чисту полю,
Ваши перья я развѣю по темнымъ лѣсамъ.
Что когда то было ясному соколу пора-времечко,
Что леталъ то младъ ясенъ соколъ по поднебесью;
Убивалъ то младъ ясенъ соколъ гусей, лебедей,
Убивалъ то младъ ясенъ соколъ сѣрыхъ уточекъ!
Что когда то было добру молодцу пора-времечко,
Что ходилъ то, гулялъ добрый молодецъ на волюшкѣ,
Какъ теперь то добру молодцу поры-время нѣтъ.

Рѣшительно, кажется, безъ всякаго основанія утверждали нѣкоторые, будто бы князья XI, XII, XIII в. наслѣдовали въ весьма слабой степени отвагу и энергію своихъ Варяжскихъ предковъ, что характеры Ольги и Рогнѣды являются совершенными особняками въ древней Россіи.

Мы не станемъ говорить здѣсь ни о царевнѣ Софіи, ни объ Анастасіи, ни о Маріѣ Посадницѣ, ни объ Евпраксіи, Ефросиніи, Февроніи, Юліаніи, ни о мачехѣ Мономаха и многихъ другихъ, ни о томъ, что когда по взятіи Новагорода въ 1478 г., по приказу вел. князя Ивана Васильевича всѣ Новгородскіе граждане были приводимы его дѣтьми боярскими къ присягѣ, къ крестному цѣлованію, то по словамъ Львовской лѣтописи: «и всѣ цѣловали люди, и *жены боярскія вдовы*, и люди боярскіе»; пройдемъ мимо и статью Русской Правды о вдовѣ, а спросимъ только, неужели Русской народъ занялъ отъ Шведовъ высокое уваженіе къ святости семейной жизни, постоянно выражаемое и въ пословицахъ, и въ пѣсняхъ, и въ памятникахъ старой Русской словесности, и величавые образы честной вдовы Амелфы Тимофѣевны, матери шаловливаго Васьки Буслаева, старенькой вдовы Коновчихи, матери молодаго Ивася Коновченка, молодой княгини, жены Василія князя, что потонулъ отъ золота вѣнца идучи, и молодой жены Василисы Даниловны, такъ геройски скончавшейся? Отчего же наконецъ любилъ народъ Ольгу, если она была такая истая Шведка? сохранились ли бы о ней свѣтлыя народныя воспоминанія, если бы она не отвѣчала тогдашнимъ идеальнымъ представленіямъ Славянъ Русскихъ о женщинѣ, о княгинѣ?[1] Если бы Влади-

Засаженъ то сидитъ добрыи молодецъ во побѣдности,
У злыхъ вороговъ, добрыи молодецъ, въ земляной тюрьмѣ.
Онъ не годъ то сидитъ, добрый молодецъ, и не два года,
Что сидитъ то добрыи молодецъ ровно тридцать лѣтъ.
Что головушка у добра молодца стала сѣдешенька,
Что бородушка у добра молодца стала бѣлешенька.
А все ждетъ онъ поджидаетъ выкупу, выручки.»

Въ наше время уже можно прибавить. «Будетъ выкупъ, будетъ выручка — своя волюшка».

1. Ихъ соплеменники имѣли Ванду, Любушу и ея сестеръ, Людмилу и пр. Вспомните Чешское преданіе о воинѣ женщинъ. Вообще нельзя не замѣтить, что

міръ былъ настоящій Варягъ, то и о немъ не имѣлось бы такихъ же свѣтлыхъ народныхъ воспоминаній, и онъ бы не спроваживалъ такъ нелюбезно своихъ соплеменниковъ? И чѣмъ наконецъ Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ, Олегъ и Святославъ и пр. *герои* возвышеннѣе, лучше и величавѣе Ярослава, Мстислава, Владиміра Мономаха, Изяслава, Ростислава, Мстиславовъ, Романа, Даніила и всѣхъ ихъ сотрудниковъ на поляхъ ратномъ, книжномъ, гражданскомъ? чѣмъ они лучше всѣхъ извѣстныхъ и безъизвѣстныхъ намъ добрыхъ страдальцевъ за Русскую землю, строившихъ храмы и монастыри, проповѣдывавшихъ Христіанство словомъ и дѣломъ, писавшихъ лѣтописи, учившихъ добру и книжной мудрости своихъ современниковъ, бившихся съ Половцами, съ Литвою, со Шведами, съ Татарами, съ Нѣмцами, постепенно, но вѣрно раздвигавшихъ границы Руси, распространявшихъ Русскій языкъ? и пр. и пр. Чѣмъ какъ не удалью, отвагою и молодечествомъ отличалась и сѣверная и южная Русь и въ XII и въ XIII в.? Неужели Шведская кровь билась въ жилахъ несчастнаго князя Василька, когда тотъ мечталъ «рекохъ въ умѣ своемъ: «оже ми будуть Берендичи и Печенѣзи и Торци, реку брату своему Володареви и Давыдови: дайта ми дружину свою молодшюю, а сама пійта и веселитася; и помыслихъ: на землю Лядьскую наступлю на зиму, и на лѣто и возьму землю Лядьскую и мьщу Русскую землю; и посемъ хотѣлъ есмь переяти Болгары Дунайскыя, и посадити я у собе; и посемъ хотяхъ проситися у Святополка и Володимира ити на Половци, да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за Русскую землю». Нечто тоже Шведъ былъ Изяславъ, говорившій: «Богъ внегда Русскыя землѣ и Русскихъ сыновъ въ безчестьѣ не положилъ есть; на всѣхъ мѣстахъ честь свою взимали суть. Нынѣ же, братье, ревнуимо тому вси: у сихъ земляхъ, и передъ чюжими языки, дай ны Богъ часть свою взяти». Развѣ слабодушному, вялому народу принадлежатъ Задонщина, Слово о Полку

если *Ольга* и слово Нѣмецкое, то изъ того еще однако не слѣдуетъ, чтобы и княгиня Ольга была Нѣмка. Она же была изъ Пскова. Сколько Русскихъ Жановъ, Жаковъ, Марій Ея умъ еще не доказываетъ ея Нѣмецкаго происхожденія Есть вѣдь и Славянки умныя, не глупѣе Нѣмокъ. То же могло быть и сотни лѣтъ тому назадъ. Сынъ ея *Святослав* — чистый Славянинъ, Запорожецъ.

Игоревѣ? Нечто оно тоже обличаетъ Варяжское вліяніе? Слава Богу, какъ ни далеко еще мы ушли въ Русской исторіи, однако въ настоящее время уже нельзя безъ добродушной, но вмѣстѣ и грустной улыбки, вспоминать даже о такомъ мнѣніи равно, какъ и о словахъ Шлецера, будтобы удальство и буйство Новгородцевъ обличаютъ въ нихъ переродившихся Нѣмцевъ, Шведовъ. Нельзя не уважать заслугъ и дарованій Шлецера, но нельзя не сознаться, что онъ бывалъ иногда нѣсколько самонадѣянъ и брался судить о томъ, чего ясно не понималъ[1]. По суду безпристрастнаго, не меньше его оказавшаго услугъ Русской исторіи, и столь же даровитаго, Шафарика, величайшаго знатока Славянщины, «нашъ славный учитель» былъ «очень недалекъ во всемъ Славянскомъ».

Нельзя такимъ образомъ согласиться съ тѣми, что упрекаютъ Шафарика въ непослѣдовательности за его объясненіе извѣстнаго мѣста Ѳеофилакта о Славянахъ. Шафарикъ разумѣлъ Славянъ невоинственными въ томъ смыслѣ, что они не жили исключительно грабежемъ и насиліями, а не въ томъ, что легко переносили чужія обиды. Напрасно также, кажется намъ, упрекали нѣкоторые Палацкаго за его мнѣніе, ни болѣе ни менѣе какъ справедливое, о томъ, что Фредегарово описаніе обращенія Аваровъ со Славянами понимать буквально нельзя и не слѣдуетъ. Зачѣмъ было забывать слова Славянскаго вождя, сказанныя имъ Аварскимъ посламъ ок. 565 г.: «кто въ подсолнечной можетъ разбить и подчинить нашу силу? Мы обыкновенно отнимаемъ земли у другихъ, а не другіе у насъ; наше останется при насъ, пока будутъ войны и мечи». Почему же только при отсутствіи строгаго, безпристрастнаго историческаго

1. Вотъ эти достопамятныя слова: «Варяги долгое время составляли большую часть жителей Новгородскихъ, почему и языкъ ихъ (древне-Шведскій) остался здѣсь въ преимущественномъ употребленіи. Сильная привязанность Новгородцевъ къ свободѣ, которая во все продолженіе средняго вѣка часто выказывается сверхъ мѣры, заставляетъ также заключать, что они Варяжскаго происхожденія». (Шлец. Несторъ. I, XX. С. 342 и сл.). Шлецеръ былъ недоволенъ Грамматикою Ломоносова. Таубертъ ему сказалъ: «Schreiben sie selbst eine russische Grammatik, die Akademie soll sie drucken lassen. Ich nehme den Auftrag an». Въ своей грамматикѣ производитъ Шлецеръ слово *боярин* ъ отъ *барана*, сл. *князь* отъ *knecht;* сл. *дѣва* отъ *dieb*, *tief* и *tiffe* — сука.

взгляда можно предположить о Славянскомъ происхожденіи извѣстнаго вождя Славянскаго возстанія противъ Аваровъ, знаменитаго Само?

Позволяемъ себѣ заключить замѣчанія наши о характерѣ Славянъ, объ ихъ удали и предпріимчивости словами знаменитаго ученаго Арабскаго XI вѣка, котораго одинъ изъ лучшихъ знатоковъ дѣла, Дози, ставитъ такъ высоко, какъ едва ли возможно поставить многихъ его западно-Европейскихъ современниковъ и по учености, и по уму, и по дарованіямъ; разумѣю слѣд. слова славнаго географа Абу-Обеид-иллах-аль-Бекри († 1094 г.), которыя привожу во Французскомъ переводѣ Шармуа: «Les Slaves sont une nation redoutable, puissante et impétueuse. S'ils n'eussent été divisés en un grand nombre des races et des tribus différentes, aucune nation au monde ne leur eût tenu tête[1].

Для того, чтобы дать возможно полный, обстоятельный и удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ — посѣщали ли Славяне Русскіе М. Азію и до IX — X в., мы должны еще прибѣгнуть къ нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ.

Несторъ говоритъ: «Отъ сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ Словѣнескъ отъ племени Афетова, Норци, еже суть Словѣне. — По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Морава и прозвашася Морава».

А въ другомъ мѣстѣ у него же читаемъ: «Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Вельыняне, а Улучи, Тиверьци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви; бѣ множьство ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру *оли до моря*, суть гради ихъ и до сего дне; да то ся зваху отъ Грекъ великая Скуѳь».

---

1. Почти такъ же говоритъ о Славянахъ Иродотъ Арабскій, Массуди. Шармуа приводитъ слѣдующія слова Казвини (1275): «Les Slaves, dit Massoudy, se composent de différentes peuplades qui se font la guerre: si la discorde ne régnait entre eux, aucune nation ne pourrait leur résister *pour la force et l'audace*». (Charm. p. 340).

И такъ Славяне издревле жили по Дунаю, въ Панноніи[1]. Уже въ III и IV в. по Р. Х., а можетъ и раньше, простирались ихъ жилища до устьевъ Дуная, отчего конечно и Черное море рано стало доступно имъ[2].

По Бугу, Днѣстру и Днѣпру жили Дулѣбы, Угличи[3] и Тиверци (яже суть Толковины), безъ сомнѣнья задолго до IX в.: они были многочисленны, имѣли города. Песеленія ихъ простирались до моря.

Дѣйствительно Іорнандъ въ VI в. помѣщаетъ сильнѣйшихъ изъ Славянъ, Антовъ на Понтѣ, между Днѣстромъ и Днѣпромъ (qua Ponticum mare curvatur a Danastro extenduntur usque ad Danaprum, quae flumina multis mansionibus ab invicem absunt).

Очень вѣроятно, что Анты жили почти въ тѣхъ же мѣстахъ и въ IV в.[4].

Такимъ образомъ и съ этой стороны Черное море рано стало доступно имъ.

Стоитъ припомнить только — походъ Олеговъ на Цареградъ, опустошительный походъ Игоревъ въ М. Азію въ 944 г.[5]; походъ Аскольдовъ 866 г., походъ Руссовъ въ Малую Азіи по извѣстію Житія св. Георгія Амастрійскаго и пр.; стоитъ, говорю, припомнить только, что еще въ X в. Черное море называли Русскимъ, что Константинъ Порфирородный при описаніи пороговъ Днѣпровскихъ даетъ имъ названія и Славянскія и Варяго-Русскія, Варяжскія, Скандинавскія, которыя безъ всякаго сомнѣнія образовались позднѣе, а не на оборотъ; стоитъ, гово-

1. Богухвалъ говоритъ: «scribitur enim in vetustissimis codicibus, quod Pannonia sit mater et origo omnium Slavonicarum nationum».

2. Zeuss. S. 592. — Шафар. Сл. Др. § 8. 8.

3. *Угличи*, какъ остроумно замѣтилъ Надеждинъ, были, конечно, жители *Угла*, Буджака. «О мѣстоположеніи древняго города Пересѣчена» (въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн.).

4. Шафар. § 8. 8.

5. «Иде Игорь на Греки; яко послаша Болгаре вѣсть ко царю, яко идуть Русь на Царьградъ скедіи 10 тысящь Иже поидоша и приплуша, и почаша воевати Виѳаньскія страны, и воеваху по Понту до Ираклія и до Фафлагоньски земли, и всю страну Никомидійскую поплѣнивше, и Судъ весь пожгоша», и пр. Р. Л. I, 18.

рю, припомнить только, что Олегъ ходилъ въ походъ на Грековъ не съ Варягами одними, какъ конечно и Игорь, но и со Словѣнами (т. е. Новгородцами), Чудью, Кривичами, Мерею, Полянами. Сѣверянами, Древлянами, Радимичами, Хорватами, Дулѣбами и Тиверцами; что, по словамъ Константина Порфиророднаго, Варяго-Руссамъ строили суда Славяне; что по Днѣпру издревле жили Славяне; что рано узнаемъ о морскихъ грабежахъ Славянъ, какъ въ Балтійскомъ, такъ въ Эгейскомъ и Адріатическомъ моряхъ; что Черное море было доступно нѣкоторымъ поколѣніямъ Славянъ еще въ IV в., по всей вѣроятности и гораздо раньше; что въ III в. Черноморскіе Готы безъ сомнѣнья въ своихъ походахъ на М. Азію пользовались Славянами, какъ туземцами, близко знакомыми съ моремъ [1]; что съ другой стороны гребежи Готовъ въ М. Азіи не могли остаться безъ послѣдствій на Славянъ, относительно ихъ знакомства съ М. Азіею; стоитъ, говорю, припомнить, что Славянскія населенія въ М. Азіи началомъ своимъ восходятъ ни въ коемъ случаѣ не позже, какъ къ VII в., а весьма вѣроятно, что и гораздо раньше; припомнивъ же все это, мы ясно поймемъ, какъ легко, неосторожно и даже безразсудно поступили бы мы, если бы стали утверждать, что Славяне Русскіе стали посѣщать М. Азію какъ отдѣльными лицами, такъ и болѣе или менѣе значительными толпами, въ первые въ IX — X в.

Выше мы видѣли необходимость признать весьма давнишнюю бытность Русскихъ поселеній въ при-Донскомъ краѣ, у Донецкаго кряжа, по Азовскому морю, въ княжествѣ Тмуторокапскомъ; видѣли, что Массуди описываетъ Руссовъ Донскихъ и Азовскихъ, какъ цѣлый, осѣдлый народъ, самобытный и многочисленный, занимающійся промыслами и привычный къ морю; видѣли недбходимость согласиться съ Французскимъ оріенталистомъ Рено, положительно утверждающимъ, что то не могли быть Шведы; видѣли что этихъ Руссовъ считаетъ Массуди однокровными со Славянами и Булгарами (т. е. Дунайскими), Славянами не только аль-Истахри, но и Ибнъ-Хордатъ-Бегъ, современникъ Рюрика и Олега, умершій старикомъ въ

1. Pauli Real-Encyclop. подъ сл. *Gothen.*

912 г., когда еще Шведы не могли утратить своей народности; видѣли необходимость допустить въ такомъ случаѣ бытность Славянскихъ поселеній въ этомъ краѣ задолго до X в. И дѣйствительно Прокопій (552 г.), упомянувъ о народахъ, жившихъ при устьяхъ Дона и по берегамъ Азовскаго моря, замѣчаетъ: «Дальнѣйшіе края на сѣверъ занимаютъ безчисленные народы Антовъ» (ἔθνη τὰ Ἀντων ἄμετρα ἵδρυνται). Если Анты были многочисленны, то очень вѣроятно, что отдѣльныя поселенія ихъ простирались до устьевъ Дона и къ Азовскому морю. Въ высшей степени важное древнее народное преданіе Скандинавское гласитъ, что рѣка Донъ (Tanaquisl) рѣка Славянская (Vanaquisl); на восточной ея сторонѣ лежитъ земля Асовъ (Asaland), а въ ней городъ Asgard, въ которомъ царствовалъ Одинъ. Онъ воевалъ съ Ванами, но съ перемѣннымъ счастьемъ. Вообще онъ прославилъ себя войнами и на сушѣ и на морѣ. Потомъ онъ отправился на сѣверъ въ Скандинавію.

Прежде не придававшій этому преданью никакого историческаго значенія, Я. Гриммъ въ своей Исторіи языка уже оцѣнилъ ея историческую важность и весьма остроумно замѣтилъ, что Одинъ не напрасно носитъ эпитеты Vegtamr (wegemüd), Gângrâdr, Gângleri, у Саксона viator indefessus; почему именно Одинъ предпочтительно передъ всѣми прочими богами? «gewiss weil seine Wanderungen von Osten nach Norden unter dem Volk berühmt und eingeprägt waren. Wenn also auch dieser Züge die uns verbliebnen Lieder nicht mehr gedenken, setzen in solchen Namen sie sie offenbar voraus [1]».

На основаніи этихъ извѣстій мы уже не рѣшаемся не признавать Славянскаго происхожденія Плиніевскихъ *Сербовъ* и Птолемеевскихъ *Сирбовъ*, что на Дону.

Несторъ говоритъ, что Поляне и другія вѣтви Славянскія задолго до призванія Варяжской Руси платили данъ Хозарамъ. Массуди говоритъ, что Славяне и Руссы служили въ войскѣ Хозарскомъ. Вообще надо замѣтить, что Массуди не смѣшиваетъ Славянъ и Руссовъ, но и не совершенно отдѣляетъ ихъ; точно такъ же и аль-Истахри; современникъ же Рюрика и Олега,

1. Gesch. d. deutsch. Spr. S. 769 f.

Ибнъ-Хордатъ-Бегъ прямо выражается: «Руссы изъ племени Славянъ». Массуди въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ, что Руссы вмѣстѣ съ Булгарами (конечно Дунайскими) и Славянами происходятъ отъ одного родоначальника. Такимъ образомъ Руссы и Славяне Массуди почти то же самое, что Славяне и Анты Прокопія, которыхъ тотъ не смѣшиваетъ, но и не совершенно отдѣляетъ.

Руссы Массуди — цѣлый осѣдлый народъ, жившій на Дону и у Азовскаго моря, многочисленный, занимающійся промыслами и привычный къ морю. Очевидно, что такой народъ не могъ явиться недавно, и дѣйствительно Арабскій историкъ аль-Табари († 923), авторъ Всеобщей Исторіи, доведенной имъ до 912 г., разсказываетъ, что при халифѣ Омарѣ, завоеватель Азербиджана Суррака бенъ-Амру, послалъ на Ширваншаха Шехріара войско подъ начальствомъ Абдуррахмана.

Шехріаръ, владѣнія котораго включали Берду съ окрестностями до Дербента, вышелъ къ Арабамъ на встрѣчу, обѣщалъ признать ихъ владычество, платить имъ дань и служить оплотомъ противъ враговъ иновѣрцевъ. По словамъ Табари это происходило въ 642 г. Онъ же вложилъ въ уста Шехріара слѣдующую рѣчь, съ которою тотъ обратился къ Арабамъ, когда они подошли къ Дербенту (Bab-el-abwab. Derbend): «Я нахожусь между двумя непріятелями Хозарами и Руссами. Эти послѣдніе враги всего міра, въ особенности Арабовъ; но вести съ ними войны, кромѣ здѣшнихъ людей, никто не умѣетъ; вмѣсто того, чтобы платить вамъ дань, мы будемъ собственными нашими средствами и собственнымъ оружіемъ вести войну противъ Руссовъ; и препятствовать имъ переступать вашу область, сочтите это намъ вмѣсто дани, мы такимъ образомъ постоянно будемъ вести войну [1]».

Въ VII и VIII в. Хозары дѣйствительно наводили страхъ на Кавказѣ и находились почти въ безпрерывныхъ войнахъ съ Арабами. Какъ ни ограничены настоящія историческія свѣдѣнія объ этихъ странахъ, однако и въ настоящее время извѣстно

1. Mém. de l'Acad. des Sciences de St-Pétersb.— Classe hist. phil.— VI. S. 455. и друг. упом. о Руссахъ. S. 456.

уже, что ок. 651 — 2 г. Хозары взяли Дербентъ, который потомъ отняли у нихъ Арабы и уже оставили за собою. Въ войнахъ Хозаръ съ Арабами, владѣнія Ширваншаха часто подвергались опустошеніямъ первыхъ. Въ 717 г. Хозары въ числѣ 20 тыс. человѣкъ нападаютъ на Азербиджанъ, но были разбиты. Воюютъ они съ Арабами въ 720 — 24 г., также ок. 728 г.; въ 730 г

Славяне Русскіе, по свидѣтельству Нестора, задолго[1] до призванія Рюрика платили дань Хозарамъ: «Козари имаху (дань) на Полянѣхъ и на Сѣверѣхъ и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма».

Весьма вѣроятно, что Славяне эти не только платили дань Хозарамъ, но и помогали имъ въ ихъ войнахъ, къ чему могли побуждать ихъ многія причины, немалозначительныя, какъ взятыя отдѣльно, такъ и всѣ вмѣстѣ, а именно обязательства въ отношеніи Хозаръ[2], собственная охота подраться и пограбить....

Массуди говоритъ, что въ войскѣ Хозаръ служили Славяне и Руссы. — Въ 799 г. Хозары овладѣли Ширваномъ и Ганджою и взяли въ плѣнъ около 100 тысячъ человѣкъ. Положимъ, число преувеличено; тѣмъ не менѣе такое извѣстіе заставляетъ предполагать, какъ велики были успѣхи Хозаръ въ ихъ военныхъ предпріятіяхъ. Едва ли изъ этого самого обстоятельства не слѣдуетъ уже, что Хозарамъ помогали другіе народы[3].

---

1. Срвн. слова Нестора: «И поидоста (Аскольдъ и Диръ) по Днѣпру, и идуче мимо, и узрѣста на горѣ градокъ и упрашаста, рѣста: «чій се градокъ?» они же рѣша: «была суть 3 братья, Кы, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокъ ось. и изгибоша, и мы сѣдимъ платяче дань родомъ ихъ Козаромъ (см. вар.)».

2. Есть основаніе думать, что Славяне дѣйствительно обязывались помогать Хозарамъ. «По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братьѣ сея, быша обидимы Древлями, инѣми околними, и наидоша я Козари сѣдящая на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ, и рѣша Козари: «платите намъ дань». Съдумавше Поляне и вдаша отъ дыма мечь, и несоша Козари ко князю своему» и пр. Такимъ образомъ по народному преданію Славяне платили дань не только бѣлами и вѣверицами, но и мечами.

3. Mém. de l'Ac. VI. Ст. Ак. Дорна: Nachr. uber die Chasaren. Табари говоритъ при описаніи войны Хозаръ съ Арабами въ 724—743 г.. «Der Konig von Chasar.... schickte an den Chakan und *an alle Unglaubige*, und forderte sie zum Kriege gegen die Musulmanen auf, worauf sie auch eingingen und sich einstellten. (S. 469).

Историкъ Мазандерана и Табористана, Шахир-эд-динъ, жившій въ XV в., но безъ сомнѣнія имѣвшій передъ собою источники, до насъ недошедшіе или понынѣ еще не найденные, говоритъ, что современникъ Сассанида Нушірвана Великаго (532 — 579 г.), построившаго Дербентъ (ворота воротъ) и знаменитую стѣну и назначившаго въ различныя области Кавказа особыхъ намѣстниковъ[1], современникъ этого государя, одинъ изъ владѣтелей Кавказскихъ, Нарси, имѣлъ сына Фируза, который наслѣдовалъ отцу, и «во владѣніяхъ Руссовъ, Хозаръ и Славянъ не было начальника, который бы ему не повиновался».

Анты, по свидѣтельству Прокопія, были весьма многочисленны, жили на сѣверъ отъ народовъ, обитавшихъ по берегамъ Азовскаго моря и при устьяхъ Дона. — Іорнандъ, его современникъ, называетъ ихъ сильнѣйшими изъ Славянъ, а походы ихъ на Имперію Восточную въ VI в. несомнѣнно доказываютъ ихъ воинственность. — Нельзя забывать, что востокъ, Азія, всегда имѣлъ какую то особую привлекательность для народовъ Европейскихъ; чѣмъ древнѣе времена, тѣмъ свѣжѣе были народныя преданія объ востокѣ, объ Азіи, о древней ихъ прародинѣ. Весьма вѣроятно, что Славяне и въ VI в. и гораздо раньше стремились на востокъ, въ Дагестанъ. Походъ Гунновъ въ М. Азію въ V в. несомнѣнно кажется доказываетъ, что въ Дагестанѣ до Нушірвана, построившаго Дербентъ и стѣну, не было даже никакихъ искуственныхъ преградъ. Неизвѣстный Арабскій географъ, сочинитель Книги Странъ, жившій въ Хв., упоминаетъ о рѣкѣ Славянской на Кавказѣ; такая же рѣка Славянская упоминается на Кавказѣ и у Табари[2]. Такое названіе можетъ служить даже указаніемъ на бытность нѣкогда въ этомъ краѣ Славянскаго поселенія. Наши свѣдѣнія о Славянахъ, основанныя на извѣстіи Прокопія объ Антахъ, на упоминаніи Плиніемъ и Птолемеемъ Сербовъ на Дону, на древнемъ Скандинавскомъ

1. Mém. de l'Ac. d. Sc. de St.-Pét. Cl. hist. phil. T. IV. Статья Акад. Дорна. Versuch einer Geschichte d. Schirwanschache.

2. Ст. И. И. Срезневскаго. Слѣды древняго знак. Русскихъ съ южной Азіей. Вѣсти. Геогр. Общ. 1854. № 1. С. 54 и 62. Mém. de l'Ac. des Sc. de St.Pét. VI. S. 485. «lagerte am Flusse der *Sklab*.

преданіи объ Одинѣ, о рѣкѣ Донѣ, какъ о рѣкѣ Славянской, о Ванахъ и пр., такія свѣдѣнія рѣшительно не позволяютъ намъ рѣзко и самонадѣянно утверждать, что въ VII и VI в., и даже несравненно раньше, Славяне не чувствовали охоты и не могли напирать на Кавказъ, не могли стать извѣстными Арабамъ, обратившимъ при халифѣ Омарѣ на эготъ край свои завоевательные замыслы, что Славяне однимъ словомъ не могутъ быть упоминаемы въ восточныхъ источникахъ VI и VII в. рядомъ съ Хозарами.

Точно тоже самое обязаны мы сказать и о Руссахъ. Когда появились Русскія поселенія, бывшія въ XIV и XIII в. въ приДонскомъ краѣ? Когда появилась Русская стихія въ княжествѣ Тмутороканскомъ, въ X и XI в. пользовавшемся весьма большимъ значеніемъ? Массуди, описавшій Донскихъ и Азовскихъ Руссовъ въ первой половинѣ X в., говоритъ о нихъ, какъ о цѣломъ, независимомъ народѣ, занимающемся промыслами и привычномъ къ морю. Ибнъ-Хордатъ Бегъ, умершій старикомъ въ 912 г., ясно выразился: «Руссы изъ племени Славянъ». Рубруквисъ въ первой половинѣ XIII в. самъ видѣлъ, какъ Русскіе между Волгою и Дономъ братались съ Венграми. Константинъ Порфирородный, въ знакомствѣ котораго съ языкомъ Славянскимъ кажется нельзя сомнѣваться, писалъ, что у Мадьяръ до прихода ихъ въ Паннонію были *воеводы;* одинъ изъ нихъ назывался *воеводою Лебедіею*, отъ него же и край получилъ свое названіе, причемъ конечно не должно забывать ни Харьковскаго *Лебедина*, ни Тамбовскаго *Лебедяня*, что на Дону. Русь Угорская, Карпатская не могла появиться впервые въ XIII и XIV в.; еще Мадьяры XIII в. не считали Русиновъ новопоселенцами и безъименный Нотарій Белы, котораго пора оцѣнить по достоинству, прямо выразился Rutheni cum Almo duce in Pannoniam venerant. Намъ кажется, что можно не соглашаться съ нашею ипотезой о Руси Скандинавской, но уже нельзя отвергать бытности Славянской Руси Донской, Азовской и Угорской, Карпатской, однимъ словомъ можно только не находить родства Руссовъ Скандинавскихъ съ Руссами Азовскими и Карпатскими, считать такое сходство чисто случайнымъ, и потому не видѣть особой нужды въ томъ предположеніи, что Ваны, пере-

селившіеся съ Одиномъ въ Скандинавію, назывались Руссами[1]; но нѣтъ возможности доказать, что слово Русь обличаетъ свое Финское происхожденіе, что это Шведское слово *Rodsin* — гребцы, что это послѣднее было названіемъ собственнымъ еще въ IX в., тогда какъ извѣстно, что и въ XIII в. оно имѣло значеніе нарицательное; нѣтъ возможности, говорю, доказать, что слово Русь не могло быть словомъ Славянскимъ, что Русины переселились въ Угры въ XIII и XIV в., что безъименный Нотаріи Белы имѣлъ нужду утверждать, что Русины въ Паннонію пришли съ Мадьярами, что онъ могъ лгать объ этомъ безо всякой нужды, что только во времена Рубруквиса, а не гораздо раньше начали Русскіе между Дономъ и Волгою водить дружбу съ Венграми, что Константинъ Порфирородный говоритъ о воеводахъ, о воеводѣ Лебедіи у Мадьяръ не потому, чтобы они дѣйствительно у нихъ были, а потому, что извѣстіе о Мадьярахъ онъ получилъ изъ устъ Славянина; нѣтъ возможности, говорю, доказать, что Руссы Массуди, цѣлый, самобытныи народъ, жившій по Дону и Азовскому Морю, народъ, въ смыслѣ того времени промышленный, привычный къ морю — были Шведы, а не Славяне, напр. такіе же, какъ Русь Карпатская, про которую, если не всю, то про часть ея, Мадьяры XIII в. говорили — Ruthenі cum Almo duce in Pannoniam venerant; нѣтъ, говорю, возможности доказать, что Ибнъ-Хордатъ-Бегъ разумѣлъ Варяго-Руссовъ, а не Руссовъ Массуди, утверждая: «Руссы изъ племени Славянъ»; нѣтъ возможности доказать, что эти Донскіе, Азовскіе Руссы не могли быть извѣстны гораздо раньше X, IX в., что извѣстіе Табари о Руссахъ подъ 642 г. заключаетъ въ себѣ что то невѣроятное.

Массуди говоритъ, что Руссы народъ независимый, никому не подчиненный, что, въ 912 г. отправляясь въ походъ Каспійскій, они выпросили себѣ пропускъ у Хозаръ и обѣщали имъ дать половину награбленной добычи. — Не вижу ничего невѣроятнаго въ свидѣтельствѣ Табари о Руссахъ, ибо описаніе Руссовъ Массуди заставляетъ и безъ того предположить бытность Руссовъ за долго до X, IX в.

---

1. См въ Приложеніяхъ. II.

Выше мы нашли весьма вѣроятнымъ, что Славяне Русскіе задолго до X — IX в. должны были стремиться на Кавказъ. Напомнимъ извѣстія Ибнъ-Хордатъ Бега и неизвѣстнаго автора Книги Странъ (X в.) о Славянскихъ торговцахъ, ходившихъ въ Ибиль и Багдадъ, а также и строгій выводъ, основанный на изслѣдованіи куѳическихъ монетъ — «съ конца VIII до нач. XI в. включительно жители нынѣшней Россіи производили постоянно торговлю съ при-Каспійскими мусульманскими и огнепоклонническими владѣніями»[1].

Изрѣдка, но попадаются въ Россіи монеты Испегбедскія и Умейядскія изъ к. VII в. Табари подъ 642 г., передъ описаніемъ похода Абдуррахмана на Ширваншаха, говоритъ о городѣ Хозаръ, что на берегу моря (т. е. Каспійскаго). «Тамъ, прибавляетъ онъ, ведутся торговыя дѣла». «Da treibt man Handelsgeschafte. Dieses ist von allen Thoren das grosste und wird Thor der Thore genannt. In jenen Stadten webt man gestreifte wollene Tücher, und jenes (Thor) nennt man Derbend der Chasaren. Es fallt (liegt) gegen Rai und Jrak.» (Ст. г. Дорна S. 452).

Какъ бы то ни было, но Славяне прежде, чѣмъ стать посѣщать эти земли Каспійскія и Кавказскія съ цѣлями мирными, торговыми, должны были ознакомиться съ ними путемъ грабежа.

Въ VI в. и гораздо раньше Славяне жили на Дону; въ то время преданія объ Азіи должны были сохранять всю свою свѣжесть.

Славяне и Анты были народъ сильный, крѣпкій, отважный и воинственный. Походъ Гунновъ въ Малую Азію (въ 430 и 440 г.) не могъ имъ быть безъизвѣстнымъ и безъ сомнѣнія служилъ для нихъ примѣромъ. Въ VII в., а по всей вѣроятности и раньше, Славяне уже стремятся на Кавказъ. Зная дружелюбныя отношенія Гунновъ къ Славянамъ, и признавая въ Славянахъ стремленіе на востокъ, въ Азію, которая всегда, во всѣ времена и на всѣ народы дѣйствовала какъ-то особенно обаятельно, зная наконецъ участіе Славянъ въ рядахъ Гунновъ въ другихъ походахъ ихъ, смѣемъ думать, что въ походѣ Гунновъ на Малую Азію, Славяне принимали значительное участіе.

1. Ст. г. Григорьева «О куѳич. монет. VIII, IX, X и отчасти VII и XI в., находимыхъ въ Россіи и при-Балтійскихъ краяхъ, какъ источникахъ для древн. отеч. исторіи» (Зап. Од. Общ. Ист и Древн. Т. I. С. 159).

Выше я привелъ уже извѣстіе Клавдіана объ этомъ походѣ, теперь позволяю себѣ привести краснорѣчивыя слова Св. Іеронима о томъ же самомъ. Въ письмѣ къ Иліодору великій учитель Церкви говоритъ: «Я разсказываю не о бѣдствіяхъ несчастныхъ, но о шаткомъ состояніи человѣчества. Приходишь въ ужасъ при мысли о развалинахъ нашего времени. Вотъ уже двадцать и даже болѣе лѣтъ, какъ между Константинополемъ и Юлійскими Альпами ежедневно проливается Римская кровь. Скиѳію, Ѳракію, Македонію, Дарданію, Дакію, Ѳессалонику, Ахаію, Эпиръ, Далмацію и всю Паннонію — Готъ, Сарматъ, Квадъ, Аланъ, Гунны, Вандалы, Маркоманны грабятъ, рвутъ, разоряютъ. Сколько женщинъ, сколько дѣвъ, сколько великихъ и благородныхъ личностей были предметомъ посмѣянія этихъ звѣрей? Епископы уведены въ плѣнъ, пресвитеры и другія духовныя лица умерщвлены. Церкви разрушены, у алтарей Христовыхъ понадѣланы конюшни, изъ земли вырыты мощи мучениковъ, всюду горе, всюду плачь, вездѣ образъ смерти. Римскій міръ рушится, однако выя наша не сгибается. Каковъ, думаешь, духъ теперь въ Коринѳянахъ, Аѳинянахъ, Лакедемонцахъ, Аркадцахъ, и во всей Греціи, гдѣ всюду нынѣ повелѣваютъ варвары? и, конечно, я упомянулъ о немногихъ городахъ, гдѣ нѣкогда были не незначительныя царства. Востокъ, казалось, избавился отъ этихъ бѣдствій, до него доходили только страшныя вѣсти. Но вотъ въ прошломъ году съ высокихъ горъ Кавказа напустились на насъ уже не Аравійскіе, а сѣверные волки и въ короткое время опустошили много областей. Сколько монастырей было взято? сколько рѣкъ замутилось человѣческою кровью? осаждена Антіохія и другіе города, орошаемые Галисомъ, Кидномъ, Оронтомъ и Евфратомъ: увлечены толпы плѣнниковъ. Аравія, Финикія, Палестина, Египетъ поражены страхомъ. Мало мнѣ ста языковъ, ста устъ, желѣзнаго голоса. Наконецъ я въ виду имѣлъ не исторію писать, а только вкратцѣ оплакать наши бѣдствія»[1].

Въ другомъ письмѣ къ Океану, такъ говоритъ Св. Іеронимъ

1. Divi Hieronymi Stridon. Epistolae selectae et in libr. tres distributae opera D. Petri Canisii. Neapoli. MDCCLXXIII. lib. II. Ep. XXII. pag. 396—397.

объ этомъ походѣ Гунновъ: «Вотъ внезапно промчалась вѣсть и содрогнулся востокъ, о томъ, что съ береговъ Меотійскаго моря, съ пространства между Дономъ и Массагетами, съ горъ Кавказскихъ, гдѣ стѣна Александрова удерживаетъ дикіе народы, прорвались полчища Гунновъ, чтобы на своихъ копяхъ пронести повсюду смерть и ужасъ. Въ то время не было тамъ Римскаго войска, бывшаго тогда въ Италіи по случаю усобицъ. Да избавитъ Богъ Римскій міръ впредь отъ такихъ звѣрей. Они всюду являлись неожиданно, и, предупреждая молву быстротою, не щадили ни вѣры, ни званія, ни возраста, не жалѣли младенцевъ. Умирали тѣ, которые едва начинали жить и, не вѣдая своего несчастія, улыбались въ рукахъ и подъ стрѣлами непріятеля. Была всеобщая молва, что они, увлекаемые своимъ корыстолюбіемъ, пойдутъ къ Іерусалиму. Отъ долгаго мира были пренебрежены укрѣпленія: Антіохія осаждалась. Древній Тиръ, желая оторваться отъ земли, искалъ острова»[1].

Грубость и жестокость этихъ Гунновъ не могутъ ни въ какомъ случаѣ служить опроверженіемъ вѣрности предположенія, что въ рядахъ ихъ принимали значительное участіе Славяне. Стоитъ только для этого вспомнить слова Прокопія о грабежахъ и опустошительныхъ набѣгахъ Славянъ въ Восточной Имперіи, въ Иллиріи, Оракіи.

Есть основаніе думать, что Славяне, имѣвшіе поселенія на Дону во II в. по Р. Х. (Плиній и Птолемей) и даже гораздо раньше (Сканд. пред. объ Одинѣ), могли проникать въ Малую Азію и за долго до Гунновъ; ибо, повторяю, въ Славянахъ того времени нельзя не признавать ни отваги, ни удали, ни предпріимчивости, ни свѣжести народныхъ преданій и воспоминаній объ Азіи и востокѣ, ни стремленія и тяготѣнія къ нему, слѣдовательно на посѣщеніе Малой Азіи у Славянъ могла быть охота; но была ли внѣшняя, отъ нихъ не зависѣвшая, возможность удовлетворять ее, иными словами — былъ ли достаточно свободенъ путь?

Славяне жили на Понтѣ, между Днѣпромъ и Днѣстромъ, у устьевъ Дуная не только въ VI, IV и III в., но по всей вѣроят-

1. Тамъ же, l. III, ep. X, p. 566—567.

ности и раньше. Готы, безъ сомнѣнія тѣснимые Славянами[1], поселились между Днѣстромъ и Днѣпромъ, на Черноморьѣ, около 182—215 г. Отсюда они дѣлали набѣги на Римскую имперію.

Мы выше видѣли, что зная свидѣтельство Прокопія о жилищахъ Антовъ и обращая на древнее Скандинавское преданіе объ Одинѣ, о его сожительствѣ съ Ванами, отъ коихъ Донъ (Tanaquisl) получилъ свое названіе, то вниманіе, какое оно по истинѣ заслуживаетъ, нельзя и въ Плиніевскихъ Serbi и въ Птолемеевскихъ Σιρβοί, что на Дону, не признавать вѣтви Славянской. Готы овладѣли потомъ побережьемъ между Днѣпромъ и Дономъ, Таврическимъ полуостровомъ, Киммерійскимъ Босфоромъ, захватили тамъ корабли и моряковъ-туземцевъ, предпринимали оттуда опустошительные походы на Малую Азію, ок. 253, 264, 289 г. брали Трапезонтъ, Халкедонъ, Никомидію, Никею, Бруссу, Кіосъ, Апамею и пр. — Такіе походы не могли быть неизвѣстны Славянамъ и не послужить для нихъ примѣромъ. Наконецъ весьма вѣроятно даже, что въ этихъ походахъ Готовъ, Славяне сами принимали не малозначительное участіе. — Здѣсь позволю себѣ замѣтить, что едва ли не весьма желательно появленіе на Русскомъ языкѣ подробной монографіи о судьбѣ Черноморскихъ Готовъ.

Одинъ, живя въ такихъ близкихъ сношеніяхъ съ Ванами,

---

1. Шафарикъ несомнѣнно доказалъ, что Нѣмцы, напавшіе на Паннонію и Дакію (165—169) были вытѣснены съ Балтійскаго побережья Славянами, Венедами. Такъ надо понимать superiores barbari (Barbaren nordlicher Striche, какъ передаетъ Маннертъ) въ слѣд. мѣстѣ Юлія Капитолина — Victovalis et Marcomannis cuncta turbantibus, aliis etiam gentibus, *quae pulsae a superioribus Barbaris fugerant*, nisi reciperentur, bellum inferentibus. А Тацитъ никого болѣе, какъ Славянъ разумѣлъ, говоря: quicquid inter Peucinos Fennosque silvarum ac montium erigitur, latrociniis pererrant. Безпристрастные Нѣмецкіе ученые думаютъ точно такъ же. Шафарикъ указываетъ на слѣдующія слова Гаупа: «Sehr wahrscheinlich haben die vielen Zuge der ostlichen Volker Germaniens, von denen die Geschichte namentlich seit dem 2 Jahrh. weiss, mit Bewegungen anderer ostlichen, hauptsachlich *slawischen* Volker in Verbindung gestanden. Gewiss ist man oft viel zu geneigt, die Ursache grosser Volkerzuge bloss im Wanderungstriebe zu suchen; meist wirken auch aussere Motive mit, ja diese pflegen die starksten zu sein Gaupp. Gesch. d. Thur. S. 16.

на Дону, рѣкѣ Славянской, прославилъ себя войнами не только на сушѣ, но и на морѣ.

Иродотъ, посѣщавшій Греческія колоніи на Черноморьѣ, сохранилъ намъ любопытныя извѣстія о Неврахъ, Будинахъ, Славянское происхожденіе коихъ кажется окончательно доказано незабвеннымъ Шафарикомъ. Жилища Будиновъ, по его основательнымъ соображеніямъ, должны были лежать въ Волыни и Бѣлоруссіи. Иродотъ говоритъ, что въ землѣ Будиновъ былъ довольно обширный, изъ дерева выстроенный городъ. «Въ немъ находились храмы боговъ Греческихъ по способу Греческому украшенные идолами, жертвенниками и божницами (Ἑλληνικῶν θεῶν ἱρὰ Ἑλληνικῶν κατεσκευασμένα ἀγάλμασί τε καὶ βωμοῖσι καὶ νηοῖσι ξυλίνοισι). Ибо Гелоны (самый городъ въ землѣ Будиновъ назывался Гелωνός) издревле были Еллинами; но выйдя изъ торговыхъ мѣстъ, поселились между Будинами; они говорятъ частью по Скиѳски, частью по Гречески. — Будины не сходны съ Гелонами ни языкомъ, ни образомъ жизни ибо Будины, какъ туземцы, народъ пастушескій и употребляютъ въ пищу еловыя шишки. Гелоны же, занимаясь земледѣліемъ, питаются хлѣбомъ, и владѣютъ садами, и не похожи на нихъ ни видомъ, ни цвѣтомъ: несправедливо Греки называютъ Будиновъ Гелонами».

Шафарикъ, по моему крайнему разумѣнію, весьма основательно замѣтилъ: «Что касается извѣстія Иродота о земледѣліи и садоводствѣ Гелоновъ, то невѣроятно, чтобы оно относилось къ однимъ только Гелонамъ. Вѣдь самъ же онъ выше говоритъ, что Греки также и Будиновъ называли Гелонами? А потому легко могло случиться, что, при такой неопредѣленности названія, то, что принадлежало Будинамъ, исключительно относили къ Гелонамъ. Будины, народъ великій и многолюдный, по различію земель, занимаемыхъ ими, вели и разный образъ жизни: тутъ занимались земледѣліемъ, а тамъ скотоводствомъ. Вообще сказаніе о происхожденіи всѣхъ Гелоновъ отъ Грековъ весьма подозрительно. Очень возможно и даже весьма вѣроятно, что Гелоны — были особенная вѣтвь Будиновъ, въ главномъ городѣ коихъ проживали Греческіе купцы».

Очень вѣроятно, что Славяне, всегда воспріимчивые, многое

перенимали отъ Гелоновъ, или отъ Греческихъ поселенцевъ. Припомнимъ теперь Греческія колоніи на Черноморьѣ, ихъ безпрерывныя сношенія съ М. Азіею, весьма обширную, для того времени, торговлю янтаремъ, мѣхами и хлѣбомъ, производившуюся черезъ эти земли, и мы едва ли поступимъ неосновательно, если рѣшительно откажемся отъ опредѣленія времени, когда Славяне Европейскіе впервые стали посѣщать Малую Азію?

X. По свидѣтельству Иродота, Скилакса[1] и др., въ числѣ городовъ въ Виѳиніи были между прочимъ Κίος (ἡ). Въ древности разно объясняли это названіе: одни говорили, что Κίος было имя одного изъ спутниковъ Иракла, который и основалъ этотъ городъ; другіе, что Милитцы основали колонію и назвали ее Κίος; третьи, что ее основалъ Полифемъ. Какъ бы то ни было, жители ея назывались Κιανοί — т. е. *Кіяне*.

Нельзя не замѣтить, что *Кіевъ* извѣстенъ не однимъ Славянамъ Русскимъ; что древнее народное преданіе приписываетъ основаніе нашего *Кіева* миѳическому *Кію*, совершившему нѣкогда какое-то странное путешествіе; что форма *Кіевъ* требуетъ при себѣ — форму *Кіевляне;* что въ древне-Русскомъ языкѣ постоянно употребляется форма *Кіяне*, указывающая собою на *Кій*, не *Кіевъ* и совершенно отвѣчающая Греческому Κιανοί.

Другой городъ въ Виѳиніи, на названіе котораго я намѣренъ теперь обратить вниманіе читателя, назывался Λίβυσσα (Плут. Плиній)[2], а у Птолемея Λίβισσα. Нельзя не замѣтить, что какъ корень, такъ и окончаніе этого слова. — Славянскія: *Любуша*, *Любусъ*[3].

Конечно сходство собственныхъ именъ бываетъ очень часто случайно; однако нельзя не обратить вниманія на то, что гор. Λίβυσσα лежитъ въ весьма близкомъ разстояніи, на востокъ,

1. Forbiger Handb. d. alten Geogr. II, 382.

2. Id. II, S. 389.

3. См. Monumenta Serbica ed. Fr. Miklosich. Vienna. 1858: «оу *Любешь* потокь. *Любешь* потокомь» (p. 73); «па Доубовникь стоудеиьць оу прѣкоу цѣстоу до соухе *Любоуше* и оу планиноу» (p. 92). Срв Чешскія мѣстныя имена: *Liboč*, *Libyně*, *Libaň*, *Libiň*, *Libeč*, *Libčica*, *Libiš Luboš* и проч.

отъ Никомидіи, а гор. Κιός отъ Никеи, т. е. именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были поселенія Славянскія не только въ періодъ XVII — XIX в., но и гораздо раньше, напр. въ VII, VIII и въ слѣдующіе вѣка Нельзя забывать, что предположеніе Шафарика о томъ, что отдѣльныя Славянскія вѣтви могли жить на Забалканскомъ полуостровѣ издревле между Ѳракійцами и Кельтами, весьма вѣроятно; что нѣтъ никакой возможности указать на время, когда бы Славяне не могли посѣщать М. Азіи. Нельзя наконецъ не вспомнить при семъ, что краткое житіе св. Климента, на Греческомъ языкѣ, найденное почтеннымъ Славянистомъ нашимъ В. И. Григоровичемъ, въ одной Греческой рукописи XIII в. въ Охридѣ, что житіе это начинается слѣдующими словами: «27 Іюня, память иже во святыхъ отца нашего архіерарха и чудотворца Климента, епископа Булгаріи въ Охридѣ. Этотъ великій отецъ нашъ и свѣтило Булгаріи происходилъ по своему рожденію отъ Европейскихъ Мизовъ, которыхъ большинство называетъ Булгарами. Нѣкогда рукою и властью Александра съ Олимпа, что подлѣ Бруссы, они были откинуты къ Сѣверному океану и Мертвому морю, потомъ, черезъ довольно продолжительное время, вооруженною силою они перешли Истръ (Дунай) и заняли всѣ сосѣднія земли, Паннонію и Далмацію, Ѳракію и Иллирикъ и большую часть Македоніи и Ѳессаліи». «Вотъ отъ нихъ-то и произошелъ этотъ святой мужъ[1], и проч.».

Смѣю думать, что это краткое житіе св. Климента написано, также какъ и другое, подробное не Грекомъ, а Болгариномъ. Греку не могло быть безъизвѣстно, что въ Иллирикѣ и въ Далмаціи Болгаръ не было; еще менѣе могло быть это неизвѣстнымъ Болгарину; но изъ народнаго, патріотическаго чувства Болгаринъ могъ утверждать, что и Иллирикъ и Далма-

1. Привожу подлинникъ. Οὗτος ὁ μέγας πατὴρ ἡμῶν καὶ τῆς Βουλγαρίας φωστὴρ τὸ μὲν γένος εἶλκεν ἐκ τῶν Εὐρωπαίων Μυσῶν, οὓς καὶ Βουλγάρους ὁ πολὺς οἶδεν ἄνθρωπος, πάλαι μὲν ἐκ τοῦ κατὰ Προῦσαν Ὀλύμπου πρὸς τὸν βόρειον ὠκεανὸν καὶ τὴν νεκρὰν θάλασσαν ὑπὸ τῆς Ἀλεξάνδρου χειρὸς καὶ ἐξουσίας ἐκτοπισθέντων, μετὰ δὲ συχνῶν χρόνων παραδρομὴν δυνάμει βαρείᾳ τὸν Ἴστρον περαιωθέντων καὶ τὰ γειτονεύοντα πάντα κληρωσαμένων, Παννονίαν καὶ Δαλματίαν, Θράκην καὶ Ἰλλυρικὸν καὶ πολλὰ τῆς Μακεδονίας καὶ Θετταλίας.

ція и Паннонія населены были его предками, тогда какъ Греку не было это ни съ какой стати. Въ словахъ «отецъ нашъ, свѣтило Болгаріи», — ὁ μέγας πατὴρ ἡμῶν καὶ τῆς Βουλγαρίας φωστήρ — скорѣе видѣнъ Болгаринъ, чѣмъ Грекъ; сочинитель весьма хорошо передаетъ Славянскія имена Наума, Горазда; при имени Лихнида не пропускаетъ случая замѣтить, что у Мизовъ т. е. Болгаръ онъ зовется Охридою — περὶ τὴν Λυχνιδον Ἰλλυρίων πόλιν, τῶν πέριξ πόλεων οὖσαν μητρόπολιν, ἣ νῦν Ἀχρίς κατὰ τὴν Μυσῶν ὀνομάζε ται γλῶσσαν; что Кефалинія по-Болгарски называется Главиница — καὶ τὴν Κεφαληνίαν μετονομασθεῖσαν τῇ Βουλγάρων φωνῇ Γλαβινίτζαν. Вижу Славянина, Болгарина, а не Грека, когда сочинитель говоритъ, что св. Климентъ, природный Болгаринъ, оставилъ по себѣ въ Охридѣ священныя книги своего сочиненія, которыя уважаются всѣмъ народомъ, не меньше, чѣмъ богодухновенныя скрижали Моисея. Видѣнъ въ сочинителѣ природный Болгаринъ, а не Грекъ, когда говоритъ онъ о Михаилѣ, царѣ Болгарскомъ, о его успѣхахъ въ добродѣтели, объ усовершенствованіи Климентомъ азбуки Кирилловской, и пр.

И такъ и краткое житіе св. Климента написано природнымъ Болгариномъ. — Обращаемся же къ этому Болгарскому, Славянскому свидѣтельству, сказанію о томъ, что нѣкогда, давно, когда-то, до Александра Великаго, жили Славяне у Олимпа, подлѣ Бруссы, т. е. въ Виѳиніи, въ М. Азіи; что оттуда Славяне были прогнаты Александромъ Великимъ и удалились къ Сѣверному Океану и Мертвому Морю, — полагать надо, что сочинитель разумѣлъ здѣсь Балтійское и Нѣмецкое море; — что послѣ этого, черезъ довольно продолжительное время, Славяне перешли Дунай, заселили Ѳракію, Иллирикъ, Далмацію, большую часть Македоніи и Ѳессаліи. — Сочинитель этого житія жилъ никакъ не позже XIII и даже XII в., а всего вѣроятнѣе въ XI или въ к. X в.: видно, что всѣ преданія и воспоминанія о св. Климентѣ были въ его время еще весьма свѣжи. — Какъ бы то ни было, Болгаринъ не только X — XI в., но и XIII и XII в., не могъ не знать о поселеніяхъ Славянскихъ, Болгарскихъ, ему современныхъ, въ М. Азіи; еще лучше конечно могъ знать онъ и не по книгамъ, а по живымъ народнымъ пре-

даніямъ, о переходѣ Славянъ черезъ Дунай и о поселеніяхъ ихъ во Ѳракіи, Македоніи и т. д. — Сочинитель ни откуда не могъ вычитать о томъ, что нѣкогда Славяне жили въ М. Азіи, что Александръ Македонскій ихъ выгналъ оттуда. Выдумывать же самому ему не было никакой нужды. — Безусловно же утверждать, что Славяне Болгарскіе въ X — XII в. не могли имѣть никакихъ преданій или разсказовъ народныхъ объ Александрѣ Македонскомъ, было бы, мнѣ кажется, слишкомъ смѣло.

Выдумывать же сочинителю цѣлую сказку о томъ, что Славяне жили когда-то въ М. Азіи, рѣшительно не было никакой нужды. Кажется, гораздо основательнѣе предполагать, что то было общее мнѣніе, распространенное между Славянъ Задунайскихъ, которые быть можетъ и потому такъ всегда стремились въ М. Азію.

Что же касается до словъ сочинителя: у Олимпа близъ Бруссы, то они вѣроятно принадлежатъ ему лично; ими онъ хотѣлъ только ближе опредѣлить прежнія жилища Славянъ[1].— На основаніи предложенныхъ соображеній смѣемъ думать, что это мѣсто житія св. Климента заслуживаетъ великаго вниманія и имѣетъ высокую важность. Если не ошибаюсь, великій знатокъ Славянства Шафарикъ думалъ и объ этомъ мѣстѣ, когда перепечатывая это житіе, сказалъ, что нѣкоторыя мѣста имѣютъ великую историческую важность; — (pro svou nevšednost a vzácnost, — neméně některých míst velikou v historii důležitost).

Мѣсто это, если справедливо понимаемъ его, даетъ слѣдующее несомнѣнное положеніе: Славяне Болгарскіе въ XI — XII в., были убѣждены, что нѣкогда предки ихъ жили въ М. Азіи, что такимъ образомъ, поселенія ихъ въ М. Азіи въ VII—VIII в. и послѣ, были не первыя поселенія. Такое народное убѣжденіе заслуживаетъ вниманія тѣмъ болѣе, что города Κίος, съ жителями Κιανοὶ и Λίβυσσα — легко могутъ всякаго привести къ предположенію о томъ, что Славянскія поселенія въ М. Азіи были издревле. «Однако, если бы Славяне жили въ весьма отдаленное

1. Обозначеніе же мѣстности, жилищъ Славянъ въ М. Азіи у Олимпа, подлѣ Бруссы, конечно книжное, такъ же какъ у Нестора въ его мѣстѣ объ Иллирикѣ, у Богухвала — о Паннонии Однако теперь всѣми признано, что эти два послѣдніе свидѣтельства — голосъ народнаго преданія.

время въ М. Азіи, то они не могли исчезнуть совершенно изъ виду, ибо страна эта лежала въ центрѣ тогдашняго образованнаго міра, и народности, ея населявшія, были извѣстны Грекамъ?»

Возраженіе это весьма основательно; но прежде чѣмъ рѣзко и смѣло утверждать, что Κίος, Κιανοὶ, Λίβυσσα — представляютъ чисто случайное сходство съ слов. *Кый*, *Кыяне*, *Любуша*; что все приведенное нами мѣсто изъ житія св. Климента — пустая басня, произведеніе досужей и хвастливой фантазіи сочинителя; что выводъ, полученный нами изъ соображенія этихъ названій, и выводъ, полученный нами изъ соображеній словъ жизнеописателя св. Климента, имѣютъ сходство случайное же; что явленіе Славянскихъ поселеній въ М. Азіи въ VII — VIII в., въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ были города Κίος, Λίβυσσα, гдѣ, по свидѣтельству жизнеописателя св. Климента, давно когда-то, въ сѣдой древности жили Славяне, что такое явленіе тоже ничто болѣе, какъ чистая случайность; прежде, чѣмъ стать рѣзко толковать о такихъ случайностахъ и оставлять ихъ безъ вниманія, какъ таковыя, нельзя забывать, что въ Пафлагоніи, другой, пограничной Виѳиніи, М. Азійской области, находилась мѣстность подъ названіемъ Ζάγωρον — по свидѣтельству Маркіана; Ζάγειρα — по Птоломею; *Zacoria* — по Певтингеровой картѣ; Ζάγωρα — по Арріану — т. е. *Загора*, опять чисто Славянское названіе, понынѣ извѣстное всѣмъ Славянамъ. Конечно и это сходство могло быть случайнымъ, однако не можетъ же добросовѣстный изслѣдователь не вспомнить при семъ, что въ области Пафлагоніи жили Генеты (Омиръ, Ирод. и пр.) и Венеты (Помпоній), что подъ этимъ именемъ слыли Славяне въ Европѣ. Конечно и это сходство могло быть чисто случайнымъ, и Шафарикъ нашъ былъ вполнѣ правъ, пиша въ 1837 г.: — «Нѣкоторые писатели, видя сходство названія ихъ (Венетовъ Адріатическихъ) съ Азіятскими Генетами, обитавшими въ Пафлагоніи, близъ моря, въ краѣ называемомъ теперь Кастамунъ, и съ Венетами Арморійскими, жившими въ Галліи, производили ихъ, то отъ тѣхъ, то отъ другихъ, что однако рѣшительно несправедливо. Конечно, имя Генетовъ, какъ уже выше доказано, ничѣмъ не отличается отъ

имени Венетовъ и Венедовъ, тѣмъ болѣе, что и Мела прямо называетъ ихъ Венетами, однако же, бытіе этого народа скрывается во мракѣ вѣковъ, недоступныхъ исторіи, а потому не позволительно на одномъ только имени основывать положительныхъ историческихъ выводовъ». — Шафарикъ, повторяю, былъ вполнѣ правъ, утверждая это, но мы были бы не правы, если бы прямо порѣшили, что сходство Венетовъ Пафлагонскихъ, М. Азійскихъ съ Венетами Европейскими, т. е. Балтійскими и Гальскими было чисто случайное.

Выше мы (I) убѣдились въ возможности и законности вопросовъ: 1) «остались ли у Славянъ слѣды народныхъ преданій объ Азіи, какъ о древнѣйшей ихъ прародинѣ»? 2) «при выселеніи Славянъ изъ Азіи въ Европу, не осталось ли болѣе или менѣе значительная ихъ часть въ Азіи?» — Присемъ мы нашли тогда нужнымъ замѣтить: «при возможности въ настоящее время двоякаго рѣшенія этого вопроса, необходимо признать за истину несомнѣнную, что Славяне Азійскіе и Европейскіе долго не теряли сознанія единства своего происхожденія и также долго не прерывали и своихъ связей».

Разсмотрѣвъ судьбу Славянъ въ М. Азіи, мы пришли къ выводу, кажется, довольно твердому, что Славянская стихія въ М. Азіи хотя и переживала различныя фазы, однако существовала безпрерывно съ VII в. по настоящее время включительно.

Обратившись къ разсмотрѣнію вопроса — когда Славяне впервые стали проникать въ М. Азію, мы, перебравъ въ умѣ нашемъ всѣ данныя, намъ извѣстныя, пришли къ тому твердому убѣжденію, что нѣтъ никакой возможности указать на время, когда впервые Славянская стихія проникла въ М. Азію.

Въ этомъ отношеніи, смѣю думать, всякой ученый, понимающій возможность и законность выше предложеннаго вопроса о томъ, что при выселеніи Славянъ изъ Азіи въ Европу не осталась ли часть ихъ въ Азіи, всякой ученый, говорю я, одобритъ послѣднее заключеніе наше. Дѣйствительно, вѣдь Славянская-то стихія могла проникнуть въ Малую Азію не только изъ Европы, но и изъ Азіи, гдѣ могла остаться часть Славянъ при выселеніи всего племени въ Европу.

Надѣюсь, пишущій эти строки не проступилъ противъ правилъ осторожной критики, когда, найдя сходство названій древнихъ городовъ въ Виѳиніи — Κίος и Λίβυσσα, съ названіями Славянскими, заключилъ, что, хотя это сходство и могло быть чисто случайнымъ, однако, не утверждая ничего положительнаго, не слѣдуетъ терять изъ виду того, что и Κίος и Λίβυσσα — находились въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, гдѣ были Славянскія поселенія не только въ XVII — XIX в., но и въ VII, VIII и въ слѣд. вѣка. Полагаю, что онъ поступилъ основательно, когда не сталъ утверждать рѣзко и положительно, что замѣчаемое это сходство — чистая случайность; ибо нѣтъ ничего нелѣпаго, невѣроятнаго и невозможнаго въ томъ предположеніи, что Славянская стихія была издревле въ М. Азіи. Точно также, кажется, благоразумно поступилъ онъ, при разсмотрѣніи извѣстнаго мѣста жизнеописателя Св. Климента, замѣтивъ, что слова его о бытности нѣкогда, въ сѣдой древности, Славянъ въ М. Азіи, должны быть приняты во вниманіе, а не отвергаемы, какъ пустая, нелѣпая выдумка досужаго грамотѣя. Ибо у Славянъ очень легко могли сохраняться смутныя народныя преданія о томъ, что Славянскія поселенія въ Малой Азіи въ VII — VIII в. не были первыми, что задолго до нихъ живали когда-то Славяне въ М. Азіи. Вѣдь мы выше уже видѣли, что Славяне издревле могли жить въ М. Азіи, что Славяне Европейскіе могли издревле посѣщать ее. Отчего же имъ было и не имѣть такого народнаго преданія?

Не безразсудно, кажется, поступилъ авторъ, когда указывая на мѣстность *Загору* въ Пафлагоніи, онъ вспомнилъ о Венетахъ Пафлагонскихъ.

Шафарикъ былъ правъ, когда не соглашался съ Суровецкимъ, считавшимъ этихъ Венетовъ Славянами: но мы, повторяемъ, были бы неправы, если бы стали теперь повторять слова Шафарика, такъ какъ въ настоящее время въ защиту Славянства Венетовъ Пафлагонскихъ представляются соображенія не безъосновательныя, данныя не малозначительныя и совершенно новыя.

«Но Иродотъ, знавшій Венетовъ Пафлагонскихъ, считалъ ихъ Мидійцами». Возраженіе это, смѣемъ думать, не важно,

ибо Иродотъ — Венетовъ Адріатическихъ называлъ Иллирійцами, Славянъ Русскихъ — Скифами, Сигинновъ, въ коихъ Шафарикъ весьма не безъосновательно видитъ Славянъ, Мидійцами. Наконецъ современники Иродота, а по всей вѣроятности и предшественники его, считали Венетовъ Пафлагонскихъ не Мидійцами, а соплеменниками Венетовъ Адріатическихъ [1].

Тацитъ, приступая въ своемъ описаніи Германіи къ Славянамъ, Венедамъ, нашелъ нужнымъ сказать — «сомнѣваюсь, причислить ли Венедовъ къ Сарматамъ или къ Германцамъ». Сообразивъ потомъ ихъ осѣдлый образъ жизни, ихъ щиты, ихъ пристрастіе къ пѣхотѣ, а не къ конницѣ, Тацитъ рѣшилъ причислить ихъ къ Германцамъ; однако онъ не скрылъ, что они многое заимствовали отъ Сарматовъ — Venedi multum ex moribus (Sarmatarum) traxerunt. Такъ точно и Венеты Пафлагонскіе могли многое заимствовать отъ Мидійцевъ, какъ по малочисленности своей среди множества иноплеменниковъ, такъ и по воспріимчивости своей, столь врожденной Славянамъ. Кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что Тацитъ въ своихъ выводахъ былъ несравнено строже Иродота, который, какъ очень вѣроятно, поставленный на мѣсто Тацита, рѣшилъ бы прямо, что Венеды — Сарматы, тогда какъ Тацитъ, на мѣстѣ Иродота, весьма вѣроятно Венетовъ Пафлагонскихъ прямо и рѣшительно не назвалъ бы Мидійцами, а Венетовъ Адріатическихъ — Иллирійцами.

Читатель видитъ, что мы говоримъ рѣшительно, называя Венетовъ Пафлагонскихъ соплеменниками Венетовъ Адріатическихъ, Славянами. Мнѣніе такое можно и должно бы было назвать слишкомъ смѣлымъ, если бы оно опиралось только на предъидущихъ соображеніяхъ. На основаніи ихъ оно только вѣроятно. Нижеслѣдующіе доводы и соображенія наши, надѣюсь, возводятъ эту вѣроятность на степень прямой исторической достовѣрности.

---

1. Σοφοκλῆς γοῦν ἐν τῇ ἁλώσει τοῦ Ἰλίου παρδαλέαν φησὶ πρὸ τῆς θύρας τοῦ Ἀντήνορος προτεθῆναι σύμβολον τοῦ ἀπόρθητον ἐαθῆναι τὴν οἰκίαν. Τὸν μὲν οὖν Ἀντήνορα καὶ τοὺς παῖδας μετὰ τῶν παραγενομένων Ἑνετῶν εἰς τὴν Θρᾴκην περισωθῆναι· κακεῖθεν διαπεσεῖν εἰς τὴν λεγομένην κατὰ τὸν Ἀδρίαν Ἑνετικήν. Strab. p. 608.

Въ древности существовало мнѣніе, что Венеты Адріатическіе есть ничто иное, какъ поселеніе, колонія Венетовъ Пафлагонскихъ. Въ настоящее время ученые, достойные глубокаго уваженія и оказавшіе наукѣ услуги незабвенныя, какъ-то Цейссъ, Гротефендъ и Форбигеръ единогласно отвергаютъ это мнѣніе, какъ чистую ложь, пустую басню и нелѣпую выдумку[1].

Пишущій эти строки не станетъ скрывать отъ читателя, что не безъ нѣкотораго страха и трепета рѣшается онъ прямо противорѣчить такимъ замѣчательнымъ ученымъ; но продолжительныя размышленія объ этомъ предметѣ, смѣетъ думать, великой важности не только для исторіи новой, но и древней Европы, убѣдили его несомнѣнно въ справедливости нижеслѣдующихъ доводовъ.

Предварительно считаю долгомъ замѣтить, что ни Цейссъ, ни Гротефендъ, ни Форбигеръ не обратили должнаго вниманія на то, что еще современники Иродота и даже вѣроятно его предшественники полагали, что Венеты Адріатическіе произошли отъ Венетовъ Пафлагонскихъ; что Страбонъ дѣйствительно считалъ *одно время* Венетовъ Адріатическихъ за отрасль, за колонію Венетовъ Гальскихъ, но потомъ перемѣнилъ свое мнѣ-

---

1. Цеиссъ, говоря о Венетахъ Адріатическихъ, замѣчаетъ: «Mit welcher aber diese Sprache verwandt sei (т. е. Венет.), forschten die alten nicht, und uberliessen sich allerlei Vermuthungen und Fabeleien». Въ примѣчаніи же онъ указываетъ на это мнѣніе. Гротефендъ (Zur Geographie u. Geschichte von Alt-Italien. Hannover. 1840. IV Heft) вотъ что говоритъ объ этомъ: «Die *Veneter*, welche mit den Liburnen und Istriern die innersten Kunsten des adriatischen Meeres besetzten, waren weder asiatischen Paphlagonen, wie altere Griechen, noch Gallier aus der Bretagne, wie Strabo, noch slawische Wenden, wie Mannert, oder Anten wie der Erzb. von Mohilow Stanisl. Sestrencewicz de Bohusz in seinen Recherches historiques sur l'origine des Sarmates, des Esclavons et des Slaves (Pétersb. 1812) aus blosser Aehnlichkeit des Namens mit den Benennungen anderer Volker schlossen, sondern, wie Herodotos I, 196; V, 9 bemerkt, gleich den andern Volkern an Italiens Ostkuste illyrischen Abkunft....» (S. 6—7) Форбигеръ (Handbuch der alten Geographie, III, S. 578 f), указавъ на древнихъ писателей, державшихся того мнѣнія, замѣтилъ: «Dass aber diese ganze Sage von der Einwanderung der Veneter aus Kleinasien jeder historischen Grundlage entbehrt, bedarf keines weiteren Beweises. Dennoch hielten sie sich selbst allerdings fur Asiaten, und zwar nach Herodot, fur Meder» (5, 9). Про Венетовъ Адріатическихъ: «Daruber aber, dass sie ein eingewanderter Stamm waren und nicht in den Urvolkern Italiens gehörten, ist das ganze Alterthum einverstanden» (ibid.).

ніе и перешелъ къ противному мнѣнію, производившему Венетовъ Адріатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ; что наконецъ Венеты Адріатическіе сами въ своихъ народныхъ преданіяхъ производили себя отъ Венетовъ Пафлагонскихъ; что *народность* преданія доказываетъ его *историческую истину*.

Выше мы указали на слова Софокла, сохраненныя намъ Страбономъ; при семъ не можемъ не замѣтить, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія полагать, что это преданіе или сказаніе было выдумано самимъ Софокломъ; напротивъ, гораздо вѣроятнѣе, что оно было вообще въ ходу задолго до Софокла; слѣдовательно не только у современниковъ Иродота, но и задолго до него, у Грековъ было убѣжденіе, что Венеты Адріатическіе соплеменники Венетовъ Пафлагонскихъ.

Обращаемся къ Страбону, писателю почтенному, заслуживающему полнаго нашего уваженія. «Венеты (Гальскіе) произвели, — говоритъ онъ, — *по моему мнѣнію*, Венетовъ Адріатическихъ: ибо почти всѣ другіе Кельты Итальянскіе перешли изъ-за Альпъ, какъ напр. Бойи и Сеноны; по причинѣ же сходства именъ сами себя они называютъ Пафлагонскими. Впрочемъ я этого не утверждаю; въ такомъ предметѣ довольно одной вѣроятности». — «Τούτους οἶμαι τοὺς Οὐενετούς, οἰκιστὰς εἶναι τῶν κατὰ τὸν Ἀδρίαν. καὶ γὰρ οἱ ἄλλοι πάντες σχεδόν τι οἱ ἐν τῇ Ἰταλίᾳ Κέλτοι μετανέστησαν ἐκ τῆς ὑπὲρ τῶν Ἀλπέων γῆς, καθάπερ καὶ οἱ Βοῖοι καὶ οἱ Σένονες. διὰ δὲ τὴν ὁμωνυμίαν Παφλαγόνας φασὶν αὐτούς. λέγω δ' οὐκ ἰσχυριζόμενος. ἄρκεῖ γὰρ περὶ τῶν τοιούτων τὸ εἰκός».

Страбонъ, по всей вѣроятности, имѣлъ передъ собою какія нибудь положительныя данныя, убѣждавшія его въ единствѣ происхожденія Венетовъ Гальскихъ и Адріатическихъ. Первыхъ Венетовъ онъ считалъ Кельтами; въ слѣдствіе же ихъ сходства и единоплеменности (въ чемъ онъ былъ почти несомнѣнно увѣренъ) съ Венетами Адріатическими, онъ и послѣднихъ считалъ такими же Кельтами[1]. Соображая же извѣстныя ему переселенія съ сѣверо-запада изъ-за Альповъ, въ Италію, народовъ Кельтскихъ, напр. Бойевъ, Сеноновъ, онъ

1. καὶ γὰρ οἱ ἄλλοι πάντες σχεδόν τι οἱ ἐν Ἰταλίᾳ Κέλτοι.

легко могъ подумать и предположить, что и Венеты, такіе же Кельты, какъ и Бойи и Сеноны, появились такимъ же образомъ на Адріатическомъ Поморьѣ. Такое предположеніе, въ глазахъ Страбона, не только объясняло единоплеменность Венетовъ Гальскихъ и Венетовъ Адріатическихъ, извѣстную ему изъ другихъ данныхъ, но въ свою очередь и само подтверждалось ею. Такимъ образомъ его догадка, и безъ того всегда дорогая каждому автору, получала въ его глазахъ еще бо̀льшую цѣну, еще высшее значеніе. Но едва успѣлъ онъ высказать любезную свою мысль, какъ встрѣтился съ положеніемъ, совершенно отвергающимъ справедливость его догадки, столь ему любезной, разбивающимъ въ прахъ только что построенную имъ ипотезу, столь ему дорогую. Не естественно ли въ такихъ случаяхъ первое движеніе мысли писателя заподозрить нежданно представшій ему фактъ? Въ такихъ случаяхъ не является ли въ тотъ же мигъ у человѣка, самаго добросовѣстнаго, желаніе подорвать авторитетъ факта, его обличающаго? Такъ случилось и со Страбономъ: горячимъ слѣдомъ такого, впрочемъ только промелькнувшаго въ немъ, желанія остались эти слова: διὰ τὴν ὁμωνυμίαν— «по сходству именъ». Едва лишь представилъ онъ свою догадку, образовавшуюся въ слѣдствіе глубокаго его убѣжденія въ единоплеменности Венетовъ Гальскихъ и Адріатическихъ, какъ тотчасъ же вспомнилъ, что сіи послѣдніе сами производятъ себя отъ Венетовъ Пафлагонскихъ, отнюдь же не отъ Гальскихъ. Съ цѣлью же ограничить значеніе этого мнѣнія, столь сильно ему противурѣчившаго, онъ невольно прибавилъ эти слова: διὰ τὴν ὁμωνυμίαν. Но человѣкъ добросовѣстный, всегда готовый для истины пожертвовать своимъ личнымъ мнѣніемъ, Страбонъ вспоминаетъ тутъ древнихъ писателей, выразившихъ то же самое мнѣніе; и невольно встрѣчается съ вопросомъ: неужли весь народъ, производящій себя отъ Венетовъ Пафлагонскихъ, неужли всѣ писатели, выражавшіе до меня это мнѣніе, основывались только на одномъ созвучіи именъ — ὁμωνυμία? Страбонъ не испугался такого вопроса и, что еще болѣе дѣлаетъ ему чести и служитъ примѣромъ для насъ, новѣйшихъ изслѣдователей, не рѣшилъ его положительно. Нѣтъ, смѣло поставивъ вопросъ и строго его обдумавъ, онъ, хотя и не отказался

отъ своей догадки (что для насъ тоже весьма важно и не менѣе поучительно), замѣтилъ однакоже: «я впрочемъ этого не утверждаю», т. е. я не смѣю рѣшительно утверждать, справедливо ли мое мнѣніе относительно происхожденія Венетовъ Адріатическихъ отъ Венетовъ Гальскихъ, — «ибо въ такихъ предметахъ лучше всего довольствоваться одною вѣроятностью».

Такимъ образомъ, очевидно, и самъ Страбонъ не считалъ за пустую басню мнѣніе, производившее Венетовъ Адріатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ; иначе бы онъ совершенно отвергъ столь противуположное ему мнѣніе, иначе бы онъ не сказалъ, что это мнѣніе тоже вѣроятно, хотя и не такъ, какъ то, къ которому онъ склонялся. Къ сожалѣнію Страбонъ не высказалъ всѣхъ причинъ, заставлявшихъ его предпочитать одно мнѣніе другому. Но, зная добросовѣстность славнаго географа, рѣшительно можемъ утверждать, что главнѣйшею тому причиною была не аналогія Бойевъ и Сенонов, а какія нибудь данныя, совершенно независимыя и самостоятельныя, хорошо ему извѣстныя и потому заставлявшія его принимать, какъ почти несомнѣнный фактъ, однородство Венетовъ Адріатическихъ съ Венетами Гальскими. Одно только обстоятельство — пріурочиваніе ихъ къ Кельтамъ, помѣшало ему совершенно подойдти къ истинѣ, пріурочиваніе совершенно ошибочное, такъ какъ еще Поливій прямо выразился: «Венеты (Адріатическіе) нравами и образомъ жизни мало чѣмъ отличаются отъ Кельтовъ, говорятъ однако другимъ языкомъ» — οἱ Οὐενέτοι τοῖς ἤθεσι καὶ τῷ κόσμῳ βραχὺ διαφέροντες Κελτῶν, γλώττῃ δ' ἀλλοίᾳ χρώμενοι. 2, 17. Пріурочивши же ихъ къ Кельтамъ, Страбонъ уже не могъ и помыслить о противуположномъ движеніи, изъ Италіи въ земли за-Альпійскія.

Строгая критика, смѣю думать, никогда не дозволитъ отвергать, какъ совершенную басню, слова Страбона о томъ, что Венеты Адріатическіе пошли отъ Венетовъ Гальскихъ. Она только разобьетъ ихъ на двѣ части: первая — фактъ несомнѣнный — единоплеменность тѣхъ и другихъ Венетовъ, вторая часть — личное мнѣніе Страбона о нихъ, какъ о Кельтахъ, и личное же его мнѣніе, хотя основанное на истинномъ фактѣ,

но только неправильно понятомъ, о выселеніи Венетовъ Адріатическихъ изъ Галліи.

Мы видѣли, какое значеніе придавалъ Страбонъ своему мнѣнію, на которое онъ имѣлъ основаніе, и что же? лишь только привелъ онъ себѣ на память другое мнѣніе о Пафлагонствѣ Венетовъ Адріатическихъ, какъ тотчасъ же нашелъ нужнымъ присовокупить, что не смѣетъ рѣшительно утверждать своего мнѣнія, а только держится его, какъ наиболѣе вѣроятнаго. Страбонъ, если не изъ любознательности, въ которой конечно ему никто не откажетъ, то изъ желанія опровергнуть противуположное ему мнѣніе, безъ сомнѣнія пытался подорвать мнѣніе о Пафлагонствѣ Венетовъ Адріатическихъ, и конечно больше насъ имѣлъ возможности провѣрить и обсудить это мнѣніе. Наконецъ однажды онъ уже кинулъ тѣнь на это мнѣніе, сказавъ, что оно основано на одномъ созвучіи именъ, и противупоставилъ ему другое мнѣніе, болѣе по его понятіямъ вѣроятное и конечно основанное не на созвучіи именъ. И все таки Страбонъ не только не выдаетъ за пустой вымыслъ это Пафлагонство, но въ продолженіе своего труда не разъ къ нему возвращается.

Обращаемся къ другимъ мѣстамъ Страбона для того, чтобы лучше ознакомиться съ его мнѣніемъ о преданіи, производившемъ Венетовъ Адріатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ; такъ какъ мнѣніе его весьма важно для новѣйшихъ изслѣдователей вопроса о народности Венетовъ Адріатическихъ, ибо, повторяемъ, Страбонъ не былъ расположенъ въ пользу этого преданія и больше насъ имѣлъ и побужденій и возможности отвергать его, какъ чистую басню, пустую выдумку.

На стр. 61-й Страбонъ, представивъ примѣры разныхъ физическихъ переворотовъ на землѣ, переходитъ за тѣмъ къ переселеніямъ народовъ. Такъ, говоритъ онъ, Иберы западные поселились на мѣстахъ за Понтомъ и Колхидою, и по словамъ Аполлодора Араксъ отдѣляетъ ихъ отъ Арменіи, еще болѣе, еще вѣрнѣе Киръ (Κῦρος δὲ μᾶλλον) и горы Мосхійскія; Египтяне къ Эѳіопамъ и Колхамъ; *Венеты изъ Пафлагоніи на Адрію.* «Οἷον Ἰβήρων μὲν τῶν ἑσπερίων εἰς τοὺς ὑπὲρ τοῦ Πόντου καὶ τῆς Κολχίδος τόπους μετῳκισμένων, οὓς καὶ ὁ Ἀράξης, ὡς φησιν

Ἀπολλοδώρος, ἀπὸ τῆς Ἀρμενίας ὁρίζει: Κῦρος δὲ μᾶλλον, καὶ τὰ ὄρη τὰ Μοσχικά. Αἰγυπτίων δ' εἰς τε Αἰθίοπας καὶ Κόλχους. Ἑνετῶν δ' ἐκ Παφλαγονίας ἐπὶ τὸν Ἀδρίαν». — Здѣсь, мы видимъ, Страбонъ еще не сомнѣвается (это мѣсто раньше предъидущаго) въ истинѣ преданія о выходѣ Венетовъ Адріатическихъ изъ Пафлагоніи. Напротивъ того, онъ считаетъ его вѣрнѣе другихъ подобныхъ преданій о переселеніяхъ разныхъ иныхъ народовъ.

На стр. 212-й Страбонъ, сказавъ, что равнина за рѣкою По населена Кельтами и Венетами, продолжаетъ: «Кельты эти однородны съ Кельтами за-Альпійскими. О Венетахъ существуетъ двоякое мнѣніе. Одни говорятъ, что они пошли (собственно колонисты, поселенцы) отъ соплеменныхъ имъ Кельтовъ, живущихъ при океанѣ; другіе же говорятъ, что послѣ Троянской войны съ Антиноромъ часть Венетовъ Пафлагонскихъ бѣжала сюда; въ доказательство сего приводятъ ихъ ревностный уходъ за лошадьми, что теперь совершенно пропало, а прежде весьма ими уважалось, по примѣру предковъ, занимавшихся выводомъ лошаковъ, о чемъ уже Омиръ вспоминаетъ:

Изъ Венетовъ, родины дикихъ лошаковъ.

А Діонисій, тиранъ Сицилійскій, завелъ тамъ табуны коней для ристалищъ, такъ что у Грековъ пользовались славою лошади Венетскія и долгое время этотъ родъ былъ у нихъ въ цѣнѣ». — «Οἱ μὲν οὖν Κελτοὶ τοῖς ὑπεραλπίοις ὁμοεθνεῖς εἰσι. Περὶ τῶν Ἑνετῶν, διττός ἐστι λόγος. Οἱ μὲν γὰρ καὶ αὐτοὺς φασὶ Κελτῶν εἶναι ἀποίκους τῶν ὁμονύμων παρωκεανιτῶν οἱ δ' ἐκ τοῦ Τρωϊκοῦ πολέμου μετ' Ἀντήνορος σωθῆναι δεῦρο φασὶ τῶν ἐκ τῆς Παφλαγονίας Ἑνετῶν τινάς, μαρτύριον δὲ τούτου προφέρονται, τὴν περὶ τὰς ἱπποτροφίας ἐπιμέλειαν· ἣ νῦν μὲν τελέως ἐκλέλοιπε, πρότερον δὲ ἐτιμᾶτο πάρ αὐτοῖς, ἀπὸ τοῦ παλαιοῦ ζήλου, τοῦ κατὰ τὰς ἡμιονίτιδας ἵππους. Τούτου δὲ καὶ Ὅμηρος μέμνηται

Ἐξ Ἑνετῶν, ὅθεν ἡμιόνων γένος ἀγροτεράων.

Καὶ Διονύσιος, ὁ τῆς Σικελίας τύραννος, ἐντεῦθεν τὸ ἱπποτροφεῖον συνεστήτατο τῶν ἀθλητῶν ἵππων ὥστε καὶ ὄνομα ἐν τοῖς Ἕλλησι γενέσθαι τῆς Ἑνετικῆς πωλείας, καὶ πολὺν χρόνον εὐδοκιμῆσαι τὸγένος».

Это мѣсто Страбона весьма важно во многихъ отношеніяхъ. Оно доказываетъ справедливость замѣчанія нашего о томъ, что Страбонъ зналъ, что не одно сходство именъ (ὁμωνυμία) было причиною производства Венетовъ Адріатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ. Изъ него видать также, что и до Страбона были люди, которые считали Венетовъ Адріатическихъ и Гальскихъ одноплеменниками, что и до него уже въ защиту мнѣнія о выходѣ Венетовъ Адріатическихъ изъ Пафлагоніи приводили и сходство въ занятіяхъ и образѣ жизни Венетовъ Адріатическихъ съ Венетами Пафлагонскими. Дѣйствительно страсть къ коневодству и искусство въ немъ — доводъ весьма сильный, сохраняющій всю свою цѣнность и въ наше время. При всемъ своемъ пристрастіи къ ипотезѣ противуположной, Страбонъ колеблется однако, и, вспомнивъ этотъ послѣдній доводъ, уже не рѣшается болѣе настаивать на происхожденіи Венетовъ Адріатическихъ отъ Гальскихъ, а не отъ Пафлагонскихъ.

На стр. 543-й: «Слѣдуютъ Пафлагонія и Генеты. Спрашивается, какихъ разумѣлъ Генетовъ поэтъ, когда сказалъ:

Пилеменъ велъ толпы Пафлагонцевъ
Изъ Генетовъ, родины дикихъ лошаковъ.

Теперь одни говорятъ, что нѣтъ болѣе Генетовъ въ Пафлагоніи, другіе, что есть селеніе на берегу, въ десяти схинахъ отъ Амастри. Зинодотъ изъ Енеты утверждаетъ, что теперь вмѣсто Енеты извѣстенъ городъ Амисъ. Другіе же полагаютъ, что племя, сосѣднее съ Каппадоками, выступило вмѣстѣ съ Киммеріянами и поселилось у Адріи. Но весьма хорошо извѣстно, что Генеты были самымъ знаменитымъ племенемъ Пафлагонцевъ, къ нему же принадлежалъ и Пилеменъ, что весьма многіе отправились съ нимъ на войну, что, по взятіи Трои, потерявши своего вождя, ушли во Θракію, потомъ, поскитавшись, достигли нынѣшней Венеціи. Нѣкоторые утверждаютъ даже, что Антиноръ и сыновья его участвовали въ этомъ походѣ и поселились на берегу Адріатики, какъ объ этомъ мы уже упоминали въ статьѣ объ Италіи. Вѣроятно такимъ образомъ и вышли Венеты и не оказывается ихъ теперь въ Пафлагоніи»[1]. — «Ἔπειτα

1. Еще Генеты жили въ Пафлагоніи при Александрѣ Македонскомъ. Такъ по крайности говоритъ Квинтъ Курціи (с. III): Jamque ad urbem Ancyram ventum

ἡ Παφλαγονία καὶ οἱ Ἐνετοί. Ζητοῦσι δὲ, τίνας λέγει τοὺς Ἐνετοὺς ὁ ποιητὴς, ὅταν φῇ

Παφλαγόνων δ' ἡγεῖτο Πυλαιμένεος λάσιον κῆρ
Ἐξ Ἐνετῶν, ὅθεν ἠμιόνων γένος ἀγροτεράων.

Οὐ γὰρ δείκνυσθαί φασι νῦν Ἐνετοὺς ἐν τῇ Παφλαγονίᾳ· οἱ δὲ κώμην ἐν τῷ αἰγιαλῷ φασὶ, δέκα σχοίνους ἀπὸ Ἀμαστρέως διέχουσαν. Ζηνόδοτος δὲ ἐξ Ἐνετῆς γράφει, καὶ φησὶ δηλοῦσθαι τὴν νῦν Ἀμισόν. Ἄλλοι δὲ φῦλόν τι τοῖς Καππάδοξιν ὅμορον στρατεῦσαι μετὰ Κιμμερίων. εἶτ' ἐκπεσεῖν εἰς τὸν Ἀδρίαν. Τὸ δὲ μαλισθ' ὁμολογούμενόν ἐστιν, ὅτι ἀξιολογώτατον ἦν τῶν Παφλαγόνων φῦλον οἱ Ἐνετοί, ἐξ οὗ ὁ Πυλαιμένης ἦν καὶ δὴ καὶ συνεστράτευσαν αὐτῷ οὗτοι πλεῖστοι ἀποβαλόντες δὲ τὸν ἡγεμόνα, διέβησαν εἰς τὴν Θράκην μετὰ τὴν Τροίας ἅλωσιν· πλανώμενοι δ' εἰς τὴν νῦν Ἐνετικὴν ἀφίκοντο. Τινὲς δὲ καὶ Ἀντήνορα καὶ τοὺς παῖδας αὐτοῦ κοινωνῆσαι τοῦ στόλου τούτου φασὶ, καὶ ἱδρυθῆναι κατὰ τὸν μυχὸν τοῦ Ἀδρίου, καθάπερ ἐμνήσθημεν ἐν τοῖς Ἰταλικοῖς. Τοὺς μὲν οὖν Ἐνετοὺς διὰ τοῦτ' ἐκλιπεῖν εἰκὸς, καὶ μὴ δείκνυσθαι ἐν τῇ Παφλαγονίᾳ».

Здѣсь, какъ мы видимъ, Страбонъ не только уже не отвергаетъ мнѣнія о происхожденіи Венетовъ Адріатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ, что сперва онъ совершенно было заподозрилъ, не только ужь не сомнѣвается въ его справедливости, но даже принимаетъ это преданіе, какъ несомнѣнное историческое свидѣтельство и пользуется имъ для объясненія исчезновенія Венетовъ въ Пафлагоніи. Чѣмъ больше станемъ вникать въ слова Страбона, тѣмъ яснѣе раскроется передъ нами весь ходъ его предварительныхъ изслѣдованій и размышленій о вопросѣ, который сильно его занималъ и по которому онъ представлялъ свою ипотезу. Нельзя кажется отрицать, что вопросъ о происхожденіи Венетовъ Адріатическихъ — сильно занималъ Страбона, вопросъ — вышли ли они изъ Пафлагоніи, или же съ сѣверо-запада, отъ океана Атлантическаго, такъ какъ Аборигенами ихъ никто и не думалъ считать, ни до Страбона, ни при немъ, ни послѣ него, въ чемъ согласенъ и

erat, ubi numero copiarum imito, Paphlagoniam intrat, huic juncti erant Eneti, unde quidam Venetos trahere originem credunt.

Форбигеръ. Еще менѣе подвержено сомнѣнію то, что Страбонъ первоначально былъ совершенно противъ перваго рѣшенія этого важнаго въ его глазахъ вопроса, т. е. противъ производства Венетовъ Адріатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ. Еще очевиднѣе перемѣна его мнѣнія объ этомъ предметѣ и конечно она произошла въ немъ вслѣдствіе долгаго размышленія и не безосновательныхъ розысканій.

Смѣю думать, что Страбонъ перемѣнилъ свое мнѣніе и согласился съ противоположнымъ, утверждавшимъ что Венеты Адріатическіе произошли отъ Венетовъ Пафлагонскихъ, на основаніи слѣдующихъ данныхъ и соображеній:

1) Древніе писатели, какъ напр. Софоклъ, а конечно и многіе другіе, отъ которыхъ не дошли до насъ извѣстія, выводили Венетовъ Адріатическихъ изъ Пафлагоніи.

2) Венеты Пафлагонскіе славились своимъ коневодствомъ; точно также и Венеты Адріатическіе.

3) Позднѣйшее исчезновеніе или уменьшеніе Венетовъ въ Пафлагоніи, объясняетъ ихъ выходъ оттуда и тѣмъ подтверждаетъ преданіе о происхожденіи Венетовъ Адріатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ.

4) Сходство именъ ихъ не случайное.

5) Венеты Адріатическіе сами себя производили отъ Венетовъ Пафлагонскихъ не по созвучію именъ — не διὰ τὴν ὁμωνυμίαν.

Таковы были, смѣю думать, данныя и соображенія, представлявшіяся Страбону и убѣдившія его въ справедливости преданія, выводившаго Венетовъ Адріатическихъ изъ Пафлагоніи.

Выше мы видѣли, что Страбонъ самъ сказалъ: «впрочемъ по причинѣ сходства именъ сами себя они называютъ Пафлагонскими». Мы объяснили уже, какъ надо понимать здѣсь слова «впрочемъ по причинѣ сходства именъ». Страбонъ зналъ хорошо, что Венеты Адріатическіе сами себя считали выходцами изъ Пафлагоніи; если же онъ былъ бы твердо увѣренъ въ томъ, что такое ихъ мнѣніе основано на созвучіи именъ, то безъ сомнѣнія онъ и не упомянулъ бы о такомъ мнѣніи, и во всякомъ уже случаѣ не сказалъ бы вслѣдъ за тѣмъ: «Впрочемъ я этого не утверждаю, въ такихъ предметахъ довольно одной вѣроят-

ности». Свою ипотезу о происхожденіи Венетовъ Адріатическихъ отъ Гальскихъ онъ считалъ тогда основательною, иначе бы онъ не предлагалъ ее читателю. Если же противуположное ему мнѣніе основывалось на одномъ созвучіи именъ, то онъ смѣло бы могъ остаться при своемъ мнѣніи. Такимъ образомъ слова Страбона «впрочемъ по сходству именъ сами себя (т. е. Венет. Адр.) считаютъ Пафлагонцами» — διὰ δὲ τὴν ὁμωνυμίαν Παφλαγόνας φασὶν αὐτοὺς — должны быть разбиты на двѣ части — первая — Венеты Адріатическіе сами себя называли выходцами изъ Пафлагоніи — это фактъ несомнѣнный; вторая — они такъ думали на основаніи сходства именъ — это личное мнѣніе Страбона, которое впослѣдствіи времени перемѣнилъ онъ самъ, ибо иначе онъ не присталъ бы къ тѣмъ, которые выводили Венетовъ Адріатическихъ изъ Пафлагоніи.

Но вѣдь это безспорно весьма важный фактъ, если только онъ справедливъ, т. е. что сами Венеты Адріатическіе, самъ народъ смотрѣлъ на Пафлагонію, какъ на первоначальную свою родину.

Ниже мы увидимъ полную возможность убѣдиться въ Славянскомъ происхожденіи Венетовъ Адріатическихъ.

Выше мы могли не разъ замѣтить, что характеръ изложенія Страбонова всего менѣе изслѣдовательный: выражая какую нибудь мысль, или сообщая какой нибудь фактъ, онъ не приводитъ всѣхъ своихъ основаній или источниковъ, а иногда и вовсе проходитъ ихъ молчаніемъ. Такъ, говоря о мнѣніи, производившемъ Венетовъ Адріатическихъ отъ Венетовъ Гальскихъ и склоняясь въ то время болѣе на его сторону, онъ очевидно считалъ дѣломъ въ высшей степени вѣроятнымъ, если не несомнѣннымъ, единоплеменность тѣхъ и другихъ Венетовъ, однако онъ ничего не сообщилъ намъ о ней. Точно также въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что существуетъ двоякое мнѣніе о происхожденіи Венетовъ Адріатическихъ, такъ напр. нѣкоторые вели ихъ отъ Гальскихъ, другіе отъ Пафлагонскихъ. Очевидно, что Страбону были извѣстны писатели древности, державшіеся того или другаго мнѣнія, однако онъ прошелъ ихъ молчаніемъ. Точно также слова его «Венеты Адріатическіе сами себя называютъ Пафлагонцами», заставляютъ

предполагать, что много фактовъ, хорошо извѣстныхъ Страбону, пройдено здѣсь молчаніемъ. Иначе надо предположить, что Страбонъ это выдумалъ, т. е. отъ Венетовъ Пафлагонскихъ они себя не производили. Но возможно ли это? Скорѣе Страбону было вовсе молчать объ этомъ.

Боязнь сказать великую нелѣпость заставляетъ насъ принимать то, что Венеты Адріатическіе дѣйствительно производили сами себя отъ Венетовъ Пафлагонскихъ. Страбонъ только умолчалъ о тѣхъ источникахъ, изъ коихъ заимствовалъ онъ это свѣдѣніе.

По счастью до насъ дошли другія свидѣтельства, доказывающія то же самое.

Знаменитый Римскій историкъ Т. Ливій, быть можетъ самъ Венетъ, по крайности уроженецъ Патавія (Падуа) города Венетскаго, начинаетъ свою исторію разсказомъ о томъ, что по разрушеніи Трои, Антеноръ со множествомъ Генетовъ, изгнанныхъ изъ Пафлагоніи и потерявшихъ своего вождя Пилемена, поселился у Адріатическаго залива, что, вытѣснивши Евганейевъ, жившихъ между Альпами и моремъ, Генеты и Троянцы заняли эти земли, и *то мѣсто*, въ которое они прежде всего пришли, *называется Троею, отсюда же произошло названіе Троянской волости*, весь же народъ назвался Венетами [1]».

Если бы и не было свидѣтельства Страбона о народномъ преданіи Венетовъ Адріатическихъ, по которому они выводили себя изъ Пафлагоніи, то и тогда мы не имѣли бы никакого права сомнѣваться въ *народности* этого преданія, такъ какъ имѣемъ передъ собою слова Т. Ливія, изъ которыхъ весьма ясно открывается, что ни онъ самъ, ни никто изъ его современниковъ

1. T. Liv. I, 1. «*Jam primum omnium satis constat* Troja capta in ceteros saevitum esse Trojanos; duobus Aeneae Anterorique, et vetusti jure hospitii, et quia pacis reddendaeque Helenae semper auctores fuerant, omne jus belli Achivos abstinuisse. Casibus deinde variis Antenorem cum multitudine Henetum, qui seditione ex Paphlagonia pulsis et sedes et ducem rege Pylaemene ad Trojam amisso, quaerebant, venisse in intimum maris Hadriatici sinum; Euganeisque qui inter mare Alpesque incolebant, pulsis Henetos Trojanosque eas tenuisse terras: *et in quem primum egressi sunt locum, Troja vocatur, pagoque inde Trojano nomen est*, gens universa Veneti appellati».

не сомнѣвался въ достовѣрности этого преданія. Иначе онъ не сказалъ бы: jam primum omnium satis constat. Если бы наконецъ то было преданіе не народное, если же то была басня, выдуманная учеными и книжниками, то могло ли статься, что при Т. Ливіѣ и до него не встрѣтилось бы людей, которые бы возвысили свой голосъ съ цѣлью обличить и опровергнуть неправду и ложь этого мнѣнія? Положимъ, Т. Ливій, по многимъ причинамъ, между прочимъ по чувству патріотизма и народной гордости, могъ добродушно вѣрить этой баснѣ, мудро сплетенной хитрыми книжниками, однако, если бы были скептики (а они непремѣнно должны были быть въ томъ случаѣ, если то было не народное преданіе), то конечно при изложеніи этого преданія знаменитый историкъ обронилъ бы не одинъ намекъ на нихъ, безъ сомнѣнія тѣмъ скорѣе онъ имѣлъ бы ихъ въ виду, чѣмъ больше цѣны придавалъ онъ этому сказанію. Между-тѣмъ ничего подобнаго не находимъ мы въ словахъ Ливія, напротивъ того, онъ говоритъ объ этомъ, какъ о дѣлѣ, всѣмъ извѣстномъ, несомнѣнность котораго всѣми признана. Но не одинъ тонъ разсказа Ливія и характеръ его изложенія убѣждаютъ насъ въ томъ, что сказаніе о происхожденіи Венетовъ Адріатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ не было изобрѣтеніемъ пустаго тщеславія, считавшаго лестнымъ родство съ такимъ древнимъ и знаменитымъ народомъ, каковы были Венеты Пафлагонскіе, не было выдумкою ученыхъ и книжниковъ, но было чистымъ народнымъ преданіемъ, переходившимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ рода въ родъ.

Нѣтъ и не можетъ быть народа въ мірѣ, который бы не имѣлъ когда либо своихъ преданій о первоначальныхъ своихъ жилищахъ, о родствѣ своемъ съ другими соплеменниками, если вслѣдствіе какихъ либо обстоятельствъ онъ разлучился съ ними. Колонисты, переселенцы должны имѣть преданія, сохраняющія память объ ихъ митрополіи. Отчего же Венеты Адріатическіе, которые Аборигенами не были, не могли имѣть такихъ преданій? Отчего думать, что ни одинъ изъ писателей древности не сохранилъ до насъ настоящихъ ихъ преданій? Зачѣмъ предполагать, что древніе писатели, вмѣсто того, чтобы сообщить намъ эти настоящія народныя преданія, выдумали свои басни?

Переселенцы, колонисты не только долго сохраняютъ воспоминанія о своей митрополіи, но и стараются память о ней увѣковѣчить разными признаками, напр. даютъ старыя мѣстныя названія новымъ своимъ жилищамъ. Изъ словъ Ливія мы могли уже замѣтить, что еще въ его время въ области Венетовъ были названія, напоминавшія старую ихъ родину — in quem primum egressi sunt locum, Troja vocatur, pagoque inde Trojano nomen est. Названія мѣстныя даются народомъ, а не учеными, не книжниками. Если бы сказаніе о происхожденіи Венетовъ Адріатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ было пустою, хвастливою баснею, вымысломъ книжниковъ, а не народнымъ преданіемъ, то ни коимъ образомъ въ области Венетовъ не могло быть и мѣстныхъ Азіятскихъ названій, не существовалъ бы во времена Т. Ливія и этотъ pagus Trojanus. Если же это поселеніе и его названіе не было очень стародавнимъ, то Т. Ливій былъ на столько уменъ и добросовѣстенъ, что никогда бы не упомянулъ о немъ; для повѣрки же этой стародавности онъ имѣлъ и полную возможность, какъ уроженецъ и житель области Венетовъ, и всѣ побужденія, какъ человѣкъ просвѣщенный и любознательный.

До насъ дошли другія свидѣтельства, доказывающія народность сказанія о происхожденіи Венетовъ Адріатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ.

Тацитъ передаетъ намъ весьма любопытное извѣстіе о томъ, что въ городѣ Патавіи (Падуѣ), столицѣ Венетовъ, были особыя игры, кулачные бои — ludi caestici, начало и устройство которыхъ было приписываемо Антинору. Idem Thrasea *Patavii*, unde ortus erat, *ludis ceasticis*, *a Trojano Antenore institutis*, habitu tragico cecinerat. (Ann. XVI, 21). Надѣюсь, это извѣстіе довольно убѣдительно доказываетъ справедливость словъ Страбона о томъ, что Венеты Адріатическіе сами себя называли Пафлагонцами, вѣрность нашего объясненія вышеприведеннаго мѣста Ливія. Кажется извѣстіе это способно убѣдить всякаго въ томъ, что Венеты Адріатическіе сохраняли воспоминанія о связи своей съ Венетами Пафлагонскими.

Плиній, отличавшійся огромною начитанностью, говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего обширнаго труда: «Катонъ свидѣтель-

ствуетъ, что Венеты происхожденія Троянскаго — Venetos Trojana stirpe ortos auctor est Cato. Plin. Hist. Nat. 3, 19. 23.— Эти слова служатъ также въ пользу народности преданія о происхожденіи Венетовъ Адріатическихъ отъ Пафлагонскихъ. Если бы то было не преданіе народное, а простая сказка, пустая выдумка хвастливыхъ книжниковъ, какъ то утверждать разсудили за благо Цейссъ, Гротефендъ, Форбигеръ, то конечно Катонъ заимствовалъ это свѣдѣніе не изъ устнаго[1], а изъ письменнаго источника, напр. изъ какого нибудь Греческаго писателя, а въ такомъ случаѣ Плиній конечно не сослался бы на Катона, а на того или другаго Греческаго писателя, такъ какъ намъ хорошо извѣстно, что еще Софоклъ (488—407— 6 г. до Р. Х), современникъ Иродота, говорилъ о переселеніи Венетовъ изъ Пафлагоніи къ Адріатическому морю, и нѣтъ ни возможности, ни основанія утверждать, что ни одинъ Греческій писатель послѣ Софокла никогда уже не упоминалъ объ этомъ. Какъ бы Плиній ни былъ слабъ въ критикѣ, сама громадная начитанность его не дозволила бы ему, по поводу Пафлагонства Венетовъ Адріатическихъ, ссылаться на Катона, по крайности на него одного, и пройти молчаніемъ тѣхъ Греческихъ писателей, изъ которыхъ Катонъ заимствовалъ это свѣдѣніе. Ссылка же Плинія на одного Катона служитъ прямымъ доказательствомъ того, что Катонъ заимствовалъ это извѣстіе о выходѣ Венетовъ Адріатическихъ изъ М. Азіи, о родствѣ ихъ съ Венетами Пафлагонскими не изъ Греческихъ сочиненій, не изъ письменнаго, а изъ устнаго

---

1 Корнелій Непотъ говоритъ о Катонѣ: senex historias scribere instituit, quarum sunt libri septem. Primus continet res gestas regum populi Romani. Secundus et tertius, unde quaeque civitas orta sit Italica. ob quam rem omnes Origines videtur appellasse. (M. P. Cat. Vita c. III). Положительно и достовѣрно извѣстно, что Катонъ собиралъ устныя народныя преданія Италицевъ: такъ онъ бранитъ Лигурійцевъ за то, что они ничего не знаютъ о своемъ происхожденіи Сервій говоритъ: Cato Originum II, cum de Liguribus loqueretur: Sed ipsi, unde oriundi sunt exacta memoria illiterati, mendacesque sunt et vera minus meminere (Serv. Aen. XI, 715). См. Vitae et Fragmenta veterum historicorum Romanorum; composuit Aug. Krause. Berolini. MDCCCXXXIII. p. 108. Справлялся ли Катонъ у Венетовъ — unde oriundi sunt? Отвѣчали ли они ему немогузнайствомъ? Зная слова Страбона' мѣсто Ливія, извѣстіе Тацита, мы убѣждены, что Катону они указали на Пафлагонію, Малую Азію, какъ на первоначальную свою родину — unde oriundi sunt. А Плиній намъ положительно говоритъ Venetos Trojana stirpe ortos auctor est Cato.

источника, изъ народныхъ преданій самихъ Венетовъ, о бытности которыхъ находятся прямыя, положительныя и несомнѣнныя доказательства въ Страбонѣ, Т. Ливіѣ, Тацитѣ[1].

1. Авторъ рѣшается замѣтить: если Кельты, Нѣмцы и Славяне не только могли, но и должны были долго въ Европѣ сохранять народныя преданія о востокѣ, объ Азіи, какъ о первоначалной своей родинѣ, колыбели; если при выселеніи ихъ въ Европу, болѣе или менѣе значительная часть каждаго изъ этихъ великихъ племенъ могла остаться въ Азіи; если Кельты, Нѣмцы, Славяне Европейскіе долго не могли утратить сознанія единства своего происхожденія съ своими соплеменниками, оставшимися въ Азіи; если такимъ образомъ они долго старались по возможности не прерывать своихъ сношеній съ своими Азіискими братьями; если такія связи могли долго въ Азійскихъ и Европеискихъ братьяхъ поддерживать, укрѣплять и освѣжать воспоминанія, память и сознаніе единства ихъ общаго происхожденія; если наконецъ въ такихъ вопросахъ относительно Кельтовъ, Нѣмцевъ и Славянъ нѣтъ ничего непозволительнаго, невѣроятнаго, нелѣпаго, дикаго и безразсуднаго, то не будетъ ли то же самое съ такими же вопросами относительно такъ называемыхъ древнихъ классическихъ народовъ, т. е. Грековъ и Римлянъ, которые тоже, подобно младшимъ своимъ братьямъ, Кельтамъ, Нѣмцамъ и Славянамъ, пришли въ Европу изъ Азіи? Наконецъ слѣдуетъ ли непремѣнно рѣзко и положительно утверждать, что въ нижеприводимомъ мѣстѣ Тацита содержится одна только хвастливая, нелѣпая ложь, ни на чемъ не основанная? Нельзя ли предполагать, что нѣкоторые народы Индо-Европейскіе проникли изъ Азіи на югъ и западъ Европы не непремѣнно черезъ южную Россію, а напримѣръ черезъ Дарданеллы, изъ Малой Азіи, этого классическаго моста цивилизаціи, по удачному выраженію К. Риттера? Не могли ли тѣ Индо-Европеицы, что населили Италію, проникнуть въ Европу изъ Малои Азіи? Не могла ли болѣе или менѣе значительная часть ихъ племени остаться въ Малои Азіи? и т. д. Не смѣя болѣе злоупотреблять терпѣніемъ читателя, привожу обѣщанное мѣсто Тацита. При Тиверіѣ явились въ Римъ послы Азійскіе, ambigentes quanam in civitate templum statueretur. «Undecim urbes certabant, pari ambitione, viribus diversae. neque multum distantia inter se memorabant, de vetustate generis, studio in populum Romanum, per bella Persi et Aristonici aliorumque regum. Verum Hyraepeni Trallianique, Laodicenis ac Magnetibus simul, tramissi, ut parum valdi. *Ne Ilienses quidem, quum parentem urbis Romae Trojam referrent, nisi antiquitatis gloria, pollebant:* paullum addubitatum, quod Halicarnassii mille et ducentos per annos nullo motu terrae nutavisse sedes suas, vivoque in saxo fundamenta templi, asseveraverant. Pergamenos (eo ipso nitebantur) aede Augusto ibi sita satis adeptos creditum. Ephesii Milesiique, hi Apollinis, illi Dianae caerimonia, occupavisse civitates visi. Ita Sardianos inter Smyrnaeosque deliberatum. *Sardiani decretum Etruriae recitavere, ut consanguinei. nam «Tyrrhenum Lydumque, Atye, rege genitos, ob multitudinem divisisse gentem: Lydum patriis in terris resedisse: Tyrrheno datum novas ut conderet sedes: et ducum e nominibus indita vocabula, illis per Asiam, his in Italia: auctamque adhuc Lydorum opulentiam, missis in Graeciam populis, cui mox a Pelope nomen».* Simul literas imperatorum, et icta nobiscum foedera bello Macedonum, ubertatemque fluminum suorum, temperiem coeli, ac dites circum terras, memorabant». (Ann. IV, LV).

Добросовѣстное, смѣю думать, разсмотрѣніе дошедшихъ до насъ былей и историческихъ свидѣтельствъ несомнѣнно увѣряетъ въ томъ, что у Венетовъ Адріатическихъ существовали народныя преданія, хранившія въ ихъ сознаніи память объ ихъ родствѣ съ Венетами Пафлагонскими, объ ихъ выходѣ изъ М. Азіи. Чтобы отрицать народность этого сказанія и напротивъ того утверждать, что то была сказка, басня, выдуманная Греческими и Римскими учеными и книжниками, подобная баснямъ, пущеннымъ въ ходъ нашими книжниками о родствѣ Рюрика съ Августомъ, о Мосохѣ и т. п., для того потребуется исказить всѣ историческія свидѣтельства и были, толковать ихъ по личному благоусмотрѣнію и по собственному, ничѣмъ не стѣсняемому произволу, чего, полагаю, никогда не позволитъ строгая критика. Посмотримъ теперь, сколько понадобится всякаго рода натяжекъ и нелѣпыхъ предложеній для того, чтобы принять это сказаніе за выдумку отдѣльныхъ лицъ и за басню, произведеніе досужей фантазіи древнихъ книжниковъ.

Во времена Нерона были въ Падуѣ, въ области Венетовъ, такъ называемые ludi caesticі. — Эти игры были недавняго или древняго происхожденія. Кто нибудь изъ Венетовъ вычиталъ у Софокла или у Катона, что они де происходятъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ, что при переселеніи ихъ изъ М. Азіи были у нихъ товарищами Троянцы, у которыхъ былъ какой-то Антиноръ. Вычитавши такое лестное извѣстіе о своемъ народѣ, Венетъ этотъ сообщилъ его тотчасъ же своимъ землякамъ, тѣ конечно этому очень порадовались, и рѣшили или устроить новыя игры (ludi caesticі) и честь ихъ устройства приписать Антинору, или же какія нибудь древнія игры, слѣд. народныя, окрестить именемъ Антиноровскихъ, пущай молъ ихъ Антиноръ устроилъ. И согласились тогда всѣ Венеты, на вопросъ — кѣмъ заведены ваши игры, ваши ludi caesticі, отвѣчать — Троянцемъ Антиномъ. Тацитъ потому-то и сказалъ такъ утвердительно — ludis caesticis a Trojano Antenore institutis. А можетъ быть Тацитъ это выдумалъ или же какой нибудь другой писатель, изъ котораго онъ заимствовалъ это извѣстіе? Прочиталъ тотъ извѣстную сказку о Венетахъ Адріатическихъ и заключилъ, что играмъ Венетскимъ кого другого и имѣть своимъ виновникомъ и учре-

дителемъ, какъ не Антинора. — Развѣ не крайне нелѣпы всѣ эти и подобныя имъ предположенія, совершенно однако необходимыя и неминучія, если станемъ утверждать, что у Венетовъ Адріатическихъ никогда не было народныхъ преданій объ ихъ родствѣ съ Венетами Пафлагонскими?

Во время Т. Ливія въ области Венетовъ, его родинѣ, была какая-нибудь вилла, которую хвастливый хозяинъ, вычитавши нелѣпую сказку о происхожденіи Венетовъ изъ Пафлагоніи, назвалъ pagus Trojanus. Т. Ливій, самъ добродушно вѣрившій этой сказкѣ, привелъ, въ подтвержденіе ея, указаніе на эту частную дачу, на это помѣстье. Предположеніе крайне нелѣпое, а его необходимо держаться, если хотимъ утверждать, что мѣстное названіе «pagus Trojanus» было дано не народомъ, который бы однако не могъ дать такого названія, если бы у него не было преданій о родствѣ его съ Венетами Пафлагонскими.

Точно также слѣдуетъ предположить, что Плиній, удивляющій своею громадною начитанностью и трудолюбіемъ насъ, современниковъ Гумбольдтовъ, Риттеровъ, Гриммовъ, Шафариковъ, Палацкихъ, что этотъ Плиній не читалъ трагедіи Софокла «Разрушеніе Трои», въ которой по словамъ почтеннаго Страбона содержится также извѣстіе о выходѣ Венетовъ Адріатическихъ изъ Пафлагоніи. Надо предположить, что послѣ Софокла ни одинъ изъ Греческихъ писателей не говорилъ объ этомъ, а если послѣ Софокла и были писатели, говорившіе объ этомъ, то Плиній и ихъ значитъ не читалъ. Забыть сдѣлать выписку Плиній могъ, но вовсе забыть такое обстоятельство рѣшительно невозможно. Онъ изъ Катона вѣдь не приводитъ же выписки, а просто говоритъ: «Venetos Trojana stirpe ortos auctor est Cato». Очевидно Плиній не читалъ трагедіи Софокла «Разрушеніе Трои», ни одного изъ древнѣйшихъ или позднѣйшихъ Греческихъ свидѣтельствъ, упоминавшихъ о Пафлагонствѣ Венетовъ Адріатическихъ (и до насъ недошедшихъ). Очевидно Плиній по всей литературѣ этого вопроса зналъ одного только Катона, да и его-то врядъ ли читалъ, а зналъ лишь по наслышкѣ, ибо тотъ конечно уже указалъ бы на того Греческаго писателя или вообще на тотъ письменный источникъ, изъ котораго онъ заимствовалъ

это свѣдѣніе. Въ такомъ случаѣ Плиній бы не сказалъ тогда: auctor est Cato. Предположенія крайне неосновательныя и совершенно необходимыя въ томъ случаѣ, если не принимать, что Катонъ, собиравшій народныя преданія Италійцевъ и бранившій Лигурійцевъ за то, что они ничего не помнятъ о своемъ происхожденіи, что Катонъ заимствовалъ это свѣдѣніе изъ источника устнаго, изъ народныхъ преданій Венетовъ Адріатическихъ, которые не были Иллирійцами, т. е. предками нынѣшнихъ Албанцевъ, но Славянами, какъ то ниже увидимъ. Соплеменники Венетовъ Сѣверныхъ, Венеты Адріатическіе имѣли народныя преданія и воспоминанія о Пафлагоніи, о М. Азіи, какъ о древней своей родинѣ[1]. Изъ того, что Иродотъ сказалъ, что Венеты Пафлагонскіе были Мидійцы, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы они и дѣйствительно ими были. Венетовъ Адріатическихъ Иродотъ назвалъ Иллирійцами, однако они сами себя считали и слѣдовательно дѣйствительно были соплеменниками Венетовъ Пафлагонскихъ, которые слѣдовательно должны быть такого же Славянскаго происхожденія, что и безъ того было весьма вѣроятно.

Здѣсь позволяю себѣ выразить надежду, что предложенные мною доводы противъ мнѣнія Цейсса, Гротефенда, Форбигера не лишены нѣкоторой силы и основательности и что единоплеменность Венетовъ Адріатическихъ и Пафлагонскихъ должна быть принимаема за истину несомнѣнную, по крайности до тѣхъ поръ, пока не будетъ представлено дѣльныхъ и рѣшительныхъ возраженій противъ нижеслѣдующихъ положеній нашихъ:

1. Современники Иродота, считавшаго Венетовъ Пафлагонскихъ — Мидійцами, а Венетовъ Адріатическихъ — Иллирійцами, слѣдовательно тѣхъ и другихъ иноплеменниками, современники Иродота, какъ напр. Софоклъ, а по всей вѣроятности и

1. Любопытно, что въ XXIX Новеллѣ императора Юстиніана (De Praetore Paphlagoniae) сказано въ самомъ началѣ. Τὸ Παφλαγόνων ἔθνος ἀρχαῖόν τε καὶ οὐκ ἀνώνυμον καθεστώς (καθέστηκεν Hal.) ἀλλὰ τοσοῦτον, ὡς καὶ ἀποικίας μεγάλας ἐκπέμψαι, καὶ τὰ ἐν τ'Ιταλοῖς συνοικίσαι Βενετίας, ἐν αἷς δὴ καὶ Ἀκυληία πόλις τῶν ἐπὶ τῆς ἑσπέρας μεγίστη κατῴκισται, καὶ βασιλικὴν πολλάκις δίαιταν δεξαμένη. — Corpus Juris Civilis recognovit et brevi annotatione instructum edidit D. I. Lud. Guil. Beck. Lipsiae. MDCCCXXXVI. T. II. p. 866.

предшественники ихъ, считали тѣхъ и другихъ Венетовъ — единоплеменниками.

2. Страбонъ производилъ одно время Венетовъ Адріатическихъ отъ Венетовъ Гальскихъ, при чемъ онъ основывался не только на аналогіи Бойевъ и Семноновъ, но и на другихъ данныхъ или соображеніяхъ намъ неизвѣстныхъ, которыя убѣждали его въ единоплеменности Венетовъ Гальскихъ и Адріатическихъ.

3. Слова Страбона διὰ τὴν ὁμωνυμίαν не могутъ быть понимаемы иначе, какъ внушеніе промелькнувшаго въ немъ желанія подорвать довѣріе къ противуположному мнѣнію, выводившему Венетовъ Адріатическихъ изъ Пафлагоніи.

4. Страбонъ самъ впослѣдствіи присталъ къ этому послѣднему мнѣнію, на основаніи такихъ данныхъ и соображеній, которыя понынѣ имѣютъ цѣнность и значеніе.

5. Слова Страбона, извѣстія Ливія, Тацита, Плинія несомнѣнно доказываютъ, что у Венетовъ Адріатическихъ существовали народныя преданія и воспоминанія о выходѣ ихъ изъ М. Азіи и Пафлагоніи.

Очень хорошо понимая всю важность такого вывода не только для науки Славянскихъ древностей, я не рѣшаюсь теперь указывать на тѣ послѣдствія, которыя онъ неминуемо долженъ оставить за собою въ томъ случаѣ, если дѣйствительно лежитъ на немъ печать такой несомнѣнности, какъ то мнѣ кажется въ настоящее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ не могу однако удержаться отъ изъявленія едва ли суетнаго желанія услыхать строгое, но всегда правдивое сужденіе славнаго свѣтильника и мудраго вожатая нашего — о доводахъ своихъ въ пользу Славянства Венетовъ Пафлагонскихъ. Защищая положеніе это, авторъ не разставался съ мучительнымъ и тревожнымъ для него воспоминаніемъ о словахъ Шафарика, назвавшаго однажды всякіе поиски Славянъ въ Пафлагоніи суетными и безплодными. Въ продолженіи труда успокоивало его однако сознаніе твердое и неколебимое, что внимательное и добросовѣстное изученіе представлявшихся данныхъ, само привело его къ необходимости вновь поднять забытый и оставленный вопросъ о возможности и вѣроятности Славянскаго происхожденія Венетовъ Пафлагон-

скихъ. Слѣдующія данныя и соображенія, другъ отъ друга независимыя, привели его къ этой необходимости;

1. Замѣчательное мѣсто жизнеописателя св. Климента, ясно и просто понимаемое, заставляетъ думать, что Славяне Задунайскіе X — XII в. сохраняли смутныя народныя преданія о томъ, что Славянскія поселенія въ М. Азіи VII — VIII в. не первыя поселенія Славянъ въ М. Азіи, что напротивъ за долго до нихъ, когда-то въ сѣдой древности, жили уже въ ней ихъ предки. Жизнеописатель св. Климента, какъ на древнія жилища Славянъ указалъ на Виѳинію, окрестности Бруссы и Олимпа.

2. Въ древней Виѳиніи находились два города Κίος и Λίβυσσα (жители Κιανοί), названія прямо указывающія на такія же Славянскія названія. Они лежали въ тѣхъ же самыхъ мѣстностяхъ, гдѣ находились Славянскія поселенія не только въ XVII — XIX в., но и въ VII — VIII и въ слѣд. вѣка.

3. Въ древней Пафлагоніи, на берегу морскомъ, находилась мѣстность Ζάγωρον, Ζάγειρα, Zacoria, Ζάγωρα, напоминающія любимое мѣстное Славянское названіе — *Загора*.

4. При современномъ состояніи науки, весьма, кажется, понятны и законны вопросы — сохранились ли у Славянъ какіе нибудь слѣды народныхъ преданій и воспоминаній объ Азіи, какъ о древнѣйшей ихъ прародинѣ? при выселеніи изъ Азіи Славянскаго племени въ Европу, не осталась ли болѣе или менѣе значительная его часть въ Азіи? при возможности въ настоящее время двоякаго рѣшенія этого вопроса, въ случаѣ отвѣта положительнаго не слѣдуетъ ли утверждать, что разлученные соплеменники долго не могли утратить сознанія единства своего происхожденія и потому старались не прерывать своихъ связей.

5. Разсмотрѣвъ, по имѣвшимся въ распоряженіи нашемъ даннымъ и силамъ, судьбу Славянскихъ поселеній въ М. Азіи съ VII в. по настоящее время включительно, мы пришли къ тому заключенію, что во все это время Славянская стихія дѣйствовала тамъ непрерывно.

6. Свѣдѣнія наши о тѣхъ путяхъ, которыми проникали Славяне въ М. Азію въ этотъ послѣдній періодъ, въ связи съ из-

вѣстіями о жилищахъ Славянъ въ Европѣ и съ нѣкоторыми историческими соображеніями привели насъ къ тому заключенію, что въ настоящее время нѣтъ никакой возможности указать на время, когда впервые стали проникать Славяне въ М. Азію.

7. Послѣднее заключеніе о томъ, что первое появленіе Славянъ въ М. Азіи, что называется, теряется во мракѣ вѣковъ, тѣмъ болѣе вѣроятно, что болѣе или менѣе значительная часть Славянъ, при выселеніи этого племени въ Европу, могла остаться на востокѣ и впослѣдствіи появиться въ М. Азіи. Память и воспоминанія о единствѣ происхожденія очень легко могли поддерживать сношенія Славянъ Европейскихъ съ М. Азійскими.

8. Какъ ни смѣло послѣднее предположеніе, хотя въ немъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, однако оно находитъ себѣ оправданіе въ первыхъ трехъ положеніяхъ — въ важномъ мѣстѣ краткаго житія съ. Климента, въ мѣстныхъ собственныхъ названіяхъ — Κίος, Κιανοί, Λίβυσσα, Ζάγωρα.

9. Допустивъ однажды возможность древнихъ поселеній Славянъ въ М. Азіи, найдя чисто Славянскимъ названіе одной мѣстности въ Пафлагоніи, авторъ уже не могъ не вспомнить, что въ Пафлагоніи издревле жилъ какой-то народъ, называвшійся Генеты, Венеты; что подъ этимъ послѣднимъ названіемъ слыли Славяне въ Европѣ; что уже за долго до насъ Суровецкій, ученый весьма замѣчательный (котораго Шафарикъ называетъ «глубокомысленнымъ, осторожнымъ изслѣдователемъ»), считалъ Венетовъ Пафлагонскихъ Славянами.

Такимъ-то путемъ пришелъ авторъ къ необходимости снова поднять вопросъ о происхожденіи Венетовъ Пафлагонскихъ. Онъ не можетъ не признаться, что приступалъ къ нему не безъ тяжелаго чувства, которое не можетъ не сопровождать всякаго изслѣдователя, вступающаго иногда по чистой необходимости въ темныя, едва освѣщаемыя области вѣдѣнія. Скорбное чувство безъисходности и безплодности предпринимаемаго имъ дѣла совершенно имъ овладѣло, какъ только вспомнилъ онъ слова ученаго, котораго онъ навсегда избралъ своимъ руководителемъ, слова Шафарика о томъ, что въ изученіи Славянскихъ древностей надо довольствоваться землями между Карпатами и Балтійскимъ

моремъ. «Это необъятное поле, большею частію по сю пору непочатое, ожидаетъ руки прилежнаго и опытнаго дѣлателя. Всякое-же противуположное тому занятіе, усиливающееся отыскать Славянъ въ прочихъ странахъ и давнопротекшихъ вѣкахъ, въ ковчегѣ Ноя, въ Индіи, Пафлагоніи, Ѳракіи, Галліи, Скиѳіи предъ и за Имаусомъ, и т. п., останется навсегда суетнымъ и безплоднымъ. Таково уже свойство человѣческаго ума, что онъ, достигши вершины своихъ пламенныхъ желаній, стремится еще къ большему. А потому, очень можетъ быть, что многіе изслѣдователи, недовольные этими предѣлами времени и пространства, назначенными нами Славянскимъ древностямъ, будутъ все далѣе и далѣе стремиться и искать Славянъ тамъ, гдѣ ихъ не бывало. Но благоразумный изслѣдователь, взвѣшивающій все безъ увлеченія и забвенія своей обязанности, долженъ обращаться къ наукамъ плодотворнымъ, а не гоняться за невозможнымъ».

Читатель, понимающій всю цѣну этого мудраго совѣта, повѣритъ пишущему эти строки, если онъ скажетъ, что не разъ онъ кидалъ свою работу... Но зная, съ одной стороны, что всякое отрицаніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и утвержденіе, съ другой же стороны поставивъ себѣ за правило никогда и ничего не утверждать положительно, безъ ясныхъ на то доводовъ, авторъ предпочелъ тяжелый путь изслѣдованія, ибо имѣлъ предъ собою — мнѣніе *глубокомысленнаго и осторожнаго* Суровецкаго, видѣвшаго Славянъ въ Венетахъ Пафлагонскихъ и мнѣніе Шафарика, не видящаго въ нихъ Славянъ и объясняющаго сходство именъ случайностью. Не рѣшаясь повторять Суровецкаго, авторъ не смѣлъ однако и согласиться съ Шафарикомъ, ибо считая свои положенія (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9) справедливыми, онъ былъ увѣренъ, что въ настоящее время Шафарикъ не сказалъ бы, что тѣ, которые считаютъ Венетовъ Пафлагонскихъ Славянами, основываются въ этомъ случаѣ на одномъ сходствѣ именъ, которое могло быть случайно. Соображая свои положенія съ мнѣніемъ Суровецкаго, авторъ пришелъ къ тому заключенію, что оно не содержитъ въ себѣ ничего нелѣпаго, страннаго и безразсуднаго, что напротивъ того оно гораздо вѣроятнѣе, въ настоящее по крайности время, нежели мнѣніе Шафа-

рика, который однажды выразился о бытности Славянъ въ Пафлагоніи, какъ о чистой невозможности и о крайней нелѣпости. Такимъ образомъ Шафарикъ былъ справедливѣе, въ другой разъ, когда сказалъ: «Если Адріатическіе Венеты, Пафлагонскіе Генеты, Альпійскіе Винделики и Арморійскіе Венеты были дѣйствительно народы племени Виндскаго или Славянскаго (какъ то можно предполагать по нѣкоторымъ даннымъ), то мы съ радостію дадимъ имъ мѣсто въ святилищѣ предковъ нашихъ; если же, напротивъ, не были, если должно вовсе отказаться отъ сходства съ ними и обратиться къ своимъ соплеменникамъ»... Положенія автора кажется нѣсколько увеличили число тѣхъ данныхъ, по которымъ можно предполагать о Славянскомъ происхожденіи Венетовъ Пафлагонскихъ, и вмѣстѣ съ послѣдними словами Шафарика убѣдили его, что предпринятый имъ трудъ былъ не совсѣмъ безплоденъ и суетенъ, покрайности не такъ, какъ если бы онъ сталъ искать Славянъ, напр. въ Индіи или въ ковчегѣ Ноя. Внимательное же разсмотрѣніе словъ Страбона, Ливія, Тацита и Плинія убѣдило его въ возможности окончательно рѣшить вопросъ о Венетахъ Пафлагонскихъ. Они были соплеменниками Венетовъ Адріатическихъ, которые сами себя производили изъ Пафлагоніи и долго сохраняли о ней народныя преданія и воспоминанія.

Однако Цейссъ, Гротефендъ, Форбигеръ, основываясь на словахъ Иродота (Ἰλλυριῶν Ἐνετοί I. 196), называютъ ихъ Иллирійцами, не Славянами, а предками нынѣшнихъ Албанцевъ.

Маннертъ и Суровецкій называли ихъ Славянами; Шафарикъ находилъ ихъ мнѣніе вѣроятнымъ.

Иродотъ, который лучше могъ знать Венетовъ Пафлагонскихъ, нежели Адріатическихъ, называлъ первыхъ Мидійцами. Такъ какъ соплеменность тѣхъ и другихъ Венетовъ несомнѣнно доказана, то, если вѣрить Иродоту, надо Венетовъ Адріатическихъ признавать за Мидійцевъ; Страбонъ, увѣренный въ ихъ единоплеменности съ Венетами Гальскими и видя въ послѣднихъ Кельтовъ, считалъ одно время Кельтами и Венетовъ Адріатическихъ, впрочемъ совершенно неосновательно, такъ какъ Поливій, очевидно близко знакомый и съ тѣми и съ другими, прямо выразился: «Венеты мало отличаются отъ Кельтовъ нра-

вами и образомъ жизни, однако говорятъ другимъ языкомъ». Это свидѣтельство весьма важно въ томъ отношеніи, что удаляетъ всякую мысль объ ихъ Мидійскомъ происхожденіи, которое впрочемъ и безъ того совершенно невѣроятно: ни ихъ бытъ, ни исторія, ни мѣстныя названія, ничто не обличаетъ въ нихъ Мидійскаго происхожденія. «А коневодство?» Но оно только блистательно подтверждаетъ историческую истину сказанія о выходѣ Венетовъ Адріатическихъ изъ Пафлагоніи, гдѣ Венеты сосѣдили съ народами Мидійскими — Veneti multum ex moribus Sarmatarum traxerunt. — И такъ Иродотъ ошибся, назвавъ Венетовъ Пафлагонскихъ — Мидійцами. Положительно можно сказать, что ими они не были. Но Иродоту гораздо удобнѣе и легче было знать Венетовъ Пафлагонскихъ, чѣмъ Адріатическихъ; если онъ ошибался относительно первыхъ, то еще легче могъ ошибиться относительно послѣднихъ; отъ того-то и никоимъ образомъ не могу согласиться съ слѣдующими словами достопочтеннаго ученаго Нѣмецкаго, Цейсса: «Herodots Auctorität ist... hinreichend, die Veneter dem benachbarten Stamme am Adriaufer zuzustellen und sie für die äussersten Illirier im Nordwest zu rechnen» (S. 251). Указавъ на то, что еще Скилаксъ (IV в. до Р. Х.) Венетовъ Адріатическихъ отдѣлялъ отъ Иллирійцевъ[1], мы позволимъ себѣ раскрыть тѣ побужденія и доводы, которые заставляютъ насъ не соглашаться съ мнѣніемъ Цейсса, Гротефенда и Форбигера на счетъ Иллиризма или Албанизма этихъ Венетовъ, а признавать ихъ за Славянъ.

Имя ихъ одно уже наводитъ на мысль видѣть въ нихъ сородичей Венетовъ Балтійскихъ, какъ извѣстно, несомнѣнныхъ Славянъ. Торговля янтаремъ, который къ нимъ шелъ отъ Венетовъ Балтійскихъ, извѣстія Нестора и Богухвала, указывающія на древность Славянскихъ поселеній въ Панноніи, въ

1 См. Scylacis Periplus ex recensione P. Fabricii. Dresdae MDCCCXLVIII. Μετὰ δὲ Κελτοὺς Ἐνετοί εἰσιν ἔθνος καὶ ποταμὸς Ἠριδανός ἐν αὐτοῖς. Ἐντεῦθεν δὲ παράπλους ἐστιν ἡμέρας μιᾶς. Μετὰ δὲ Ἐνητούς εἰσιν Ἴστροι ἔθνος, καὶ ποταμὸς Ἴστρος. Οὗτος ὁ ποταμὸς καὶ εἰς τὸν Πόντον ἐκβάλλει ἐν διασκευῇ ὡς εἰς Αἴγυπτον Παράπλους δὲ τῆς Ἰστριανῶν χώρας ἡμέρας καὶ νυκτός. Μετὰ δὲ Ἴστρους Λιβυρνοί εἰσιν ἔθνος.... μετὰ δὲ Λιβυρνούς εἰσιν Ἰλλυρίων ἔθνος, καὶ παροικοῦσιν οἱ Ἰλλύριοι παρὰ θάλατταν μέχρι Χαονίας τῆς κατὰ Κέρκυραν τὴν Ἀλκινόου νῆσον (p. 5—6).

свою очередь подтверждаемыя мѣстными именами, а также и сношенія Венетовъ Адріатическихъ съ Панноніею и черезъ Паннонію съ Венетами Балтійскими — все это можетъ служить нѣкоторымъ подтвержденіемъ единоплеменности Венеговъ Адріатическихъ съ Балтійскими: сходство языка, единство происхожденія обыкновенно служатъ главнѣйшимъ облегченіемъ и внѣшнихъ международныхъ сношеній [1]. И въ позднѣйшее время мы замѣчаемъ у Славянъ какое-то тяготѣніе къ Венеціи, ничего подобнаго не видимъ у Албанцевъ. Два слова Иродота еще не даютъ намъ никакого права утверждать, что Адріатическіе Венеты случайно носили то имя, подъ которымъ слыли Славяне въ Европѣ. Цейссъ заблуждался, думая видѣть различіе въ словахъ Venedi и Veneti (S. 67 — 68). Шафарикомъ положительно доказано, что эти слова употреблялись безразлично. Нельзя также не замѣтить, что ни Цейссъ, ни тѣмъ болѣе Гротефендъ или Форбигеръ не могли быть вполнѣ компетентными судьями въ вопросѣ о томъ, на сколько Венетскія названія могутъ служить въ пользу или противъ Славянизма Венетовъ Адріатическихъ. Они на это даже вовсе не обратили никакого вниманія, и напрасно! Въ области Венетовъ находилась *Gradus* (гавань у Аквилеи); изъ того, что это имя впервые упоминается Павломъ Дьякономъ, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы оно не было древнимъ, потому что другія, отъ древности дошедшія до насъ мѣстныя названія, также чисто Славянскія: *Tergeste* — тръгъ, тръжище; *Belunum* и *Bellunum* (Βελοῦνον и Βελλοῦνον) — Велынь и Волынь, рѣки — *Plavis* — *Plave*, нынѣ *Piave*, Плава и пр., *Timavus* — тьмавый (нынѣ Timavo). Наконецъ нельзя не обра-

1. См. Forbiger — Handb. d. alt. Geogr — Несторъ — «Иллюрикъ Словѣне» — «Норци, еже суть Словѣне. Но многѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ....» Богухвалъ — Scribitur enim in vetustissimis codicibus, quod Pannonia sit mater et origo omnium Slavonicarum nationum. Шафарикъ. Древн. § 11. 9. Мѣстныя названія въ Панноніи — *Pelso, Tserna*, Διερνα, *Tierna, Pathissus; Serbinum*, Σέρβινον, *Serbetium, Servitium; Bersovia; Granua, Pelva; Bustricius* и пр. Страбонъ говоритъ про Аквилею Ἀνεῖται ἐμπορεῖον τοῖς περὶ τὸν Ἴστρον τῶν Ἰλλυρικῶν ἔθνεσι· κομίζουσι δ' οὗτοι μὲν τὰ ἐκ θαλάττης, καὶ οἶνον ἐπὶ ξυλίνων πίθων ἁρμαμάξαις ἀναθέντες, καὶ ἔλαιον. ἐκεῖνοι δ' ἀνδράποδα, καὶ βοσκήματα καὶ δέρματα (p. 214).

тить вниманія и на слѣдующее обстоятельство: понынѣ у Славянъ постоянный эпитетъ моря — синее; въ Латинскомъ же языкѣ *venetus* — означалъ голубой, синій цвѣтъ (см. Слов. Роберта Стефана: color venetus (ut ait Vegetius lib. 4. de Re Mil. cap. 34 extr.) caeruleus dicitur, qui color est marinis fluctibus similis.... Hic color etiam thalassicus id est marinus dicitur). — Оттого-то и партія синихъ въ Римскомъ циркѣ назывались *Veneti. Mare Venetum*, было *море синее;* такъ и понынѣ слыветъ у Славянъ море Адріатическое. — Выше мы видѣли, что Страбонъ держался прежде того мнѣнія, что Венеты Адріатическіе пошли отъ Гальскихъ; въ послѣдствіи онъ оставилъ его, потому что убѣдился въ справедливости того мнѣнія, что производило ихъ изъ Пафлагоніи. Однако Страбонъ считалъ его весьма вѣроятнымъ; кромѣ того, изъ словъ его ясно, что и до него существовало такое мнѣніе. Очевидно, что еще въ древности считали Венетовъ Адріатическихъ и Гальскихъ одноплеменниками.

Замѣчательно, что Шафарикъ, совершенно независимо отъ этихъ соображеній, уже признавалъ вѣроятнымъ Славянизмъ Венетовъ Гальскихъ[1]. Съ своей стороны не могу не указать на слѣдующія обстоятельства, которыя въ свою очередь подтверждаютъ догадку Суровецкаго и Шафарика, именно, собственныя имена князей въ древней Бретани (въ V—VI в. по Р. Х.): такъ князь Соломонъ носилъ еще имена *Victric, Vitric, Quicquel, Guitol, Witol;* при семъ нельзя не вспомнить и домысла Шафарика о Летахъ въ Галліи, подтверждаемаго по видимому извѣстнымъ замѣчаніемъ Тацита, — *Budic, Biudic, Budec, Budecius, Budoix, Dubric, Debrok, Deroch*, — въ первой своей формѣ чисто Славянское[2]; несомнѣнная едино-

1. Древн. § 11. 12.

2. Шаф. Древн. § 19. 6. § 11. 11. Hist. de Bretagne, par M. Daru. Paris. 1826. I, 64, 81. — *Budic*, см. въ Хорв. грам. Кресимира (ок. 1068 г.) = «actum est in Nona civitate his coram testibus Boleslaus, Tepa testis... *Budic*, Postelnic testis.» см. у Лучія De R. Dalm. et Cr. libri sex. Amstelodami. MDCCLXVIII. p. 76. въ грам. 1069 г. *Budec*, Postelnic (ib. p. 77). Срвн. Чешск. *Zbud* и *Zbudek*; также *Богубудъ*, *Будимиръ* и *Будивой*. Тацитъ (Germ. c. XLV): Ergo jam dextro Suevici maris littore Aestyorum gentes alluuntur; quibus ritus habitusque Suevorum, lingua britannicae propior.

племенность Венетовъ Гальскихъ съ Британскими также подтверждаетъ догадку объ ихъ Славянскомъ происхожденіи: въ древней Британніи, именно въ области Венетовъ, находились, какъ открывается изъ Путев. имп. Антонина (II или IV в.), слѣдующія мѣстности съ названіями, вполнѣ обличающими Славянское происхожденіе: *Delgovitia* (=*Delgnitia*), *Sorbioduni* (вм. *Sorbiodunum*) [1]. Такимъ образомъ и съ этой стороны находитъ себѣ подтвержденіе само по себѣ вѣроятное предположеніе о Славянскомъ происхожденіи Венетовъ Адріатическихъ [2].

Такъ разсѣялось въ авторѣ тяжелое чувство безнадежности, навѣянное на него словами Шафарика, однажды даже назвавшаго суетнымъ и безплоднымъ занятіемъ всякое разсмотрѣніе вопроса о Венетахъ Пафлагонскихъ. При ясномъ пониманіи словъ Страбона, Тацита, Плинія, нельзя, кажется, не утверждать, что единоплеменность Венетовъ Адріатическихъ и Пафлагонскихъ окончательно, такъ сказать, пріобрѣтена для науки, подтверждая Славянство Венетовъ Пафлагонскихъ, она въ свою очередь разбиваетъ сомнѣнія и недоумѣнія относительно вопроса объ Албанизмѣ Венетовъ Адріатическихъ. Какъ ни убѣжденъ пишущій эти строки въ справедливости своихъ выводовъ, однако высокое уваженіе къ великому нашему ученому, одной изъ блестящихъ современныхъ знаменитостей всего на-

---

1. Monum historica Britannica or Materials for the history of Britain from the earliest Period to the end of the reign of king Henry VII. Published by command of her Majesty. MDCCCXLVIII (p. XX—XXII). Смѣю не согласиться съ незабвеннымъ Шафарикомъ, замѣтившимъ, что «позднѣйшія поселенія Славянскихъ Венетовъ въ Батавіи и Британіи не имѣютъ никакой связи съ этими древними Венетами». Венеты Гальскіе, по свидѣтельству Юлія Цезаря, были отличные моряки, слѣд. имѣли полную возможность находиться въ живыхъ сношеніяхъ съ Венетами Балтискими. Обо всемъ этомъ я буду впрочемъ имѣть случай говорить подробно въ особомъ изслѣдованіи о Славянахъ въ Англіи.

2. Любопытно, что этого мнѣнія держались еще въ старину не только Славяне, но и сами, кажется, Венеціанцы. Такъ въ предисловіи къ изданію Длугоша (1615 г.), посвященномъ Венец. дожу: «Principem Historiae Slavicae Dlugossum vobis, o qua sol habitabiles illustrat terras, maximi et liberrimi omnium aetatum orbis terrarum, Veneti adfero et quod ejusdem Venetae gentis et generis pars magna estis; nam majores vestri ex Paphlagonia ad Timavum illyricum amnem nostro Slavico sanguini permixti unam ex duabus gentibus fecere, et quod maximum et liberrimum historicorum non nisi apud maximos et liberrimos lucem aspicere debeat... etc.

шего племени, не позволяетъ ему разстаться съ вопросами, — дѣйствительно ли разсмотрѣніе вопроса о Славянскомъ происхожденіи Венетовъ Пафлагонскихъ и въ настоящее время въ глазахъ Шафарика есть занятіе суетное и безплодное, и что искать Славянъ въ Пафлагоніи все одно, что искать Славянъ въ Индіи, въ ковчегѣ Ноя? — вопросъ о происхожденіи Венетовъ Адріатическихъ остается ли и понынѣ въ его мнѣніи «предметомъ вѣчныхъ гаданій и споровъ ученыхъ изслѣдователей?» — дѣйствительно ли, что и въ настоящее время Венетамъ Арморійскимъ, Адріатическимъ и Пафлагонскимъ не рѣшается Шафарикъ дать подобающее мѣсто въ «святилищѣ предковъ нашихъ?» Увѣренность автора, быть можетъ конечно напрасная, въ вѣрности и справедливости своихъ выводовъ, и его толкованіе, конечно быть можетъ ошибочное, словъ Шафарика (въ изданіи краткаго Житія св. Климента — pro svou nevšednost a vzácnost, *neméně některých míst velikou v historii důležitost*), не даютъ ему права ни смѣло и рѣзко отвѣчать на эти вопросы положительно, ни думать о совершенной безплодности настоящаго изслѣдованія о Славянахъ въ Малой Азіи, если и не относительно данныхъ и соображеній, въ немъ предложенныхъ, то хоть относительно возбужденныхъ въ немъ вопросовъ, которые и могутъ и даже кажется должны вызвать, какъ въ Русской, такъ и въ другихъ Славянскихъ литературахъ, новыхъ, несравненно способнѣйшихъ дѣятелей. Они, безъ сомнѣнія не теряя изъ виду общей исторіи Славянской стихіи въ Малой Азіи, преимущественно однако обратятъ свое вниманіе на отдѣльные ея періоды и на частные, весьма важные и необходимые ея вопросы и задачи. Нельзя кажется не отмѣтить въ исторіи Славянской стихіи въ М. Азіи нѣсколько весьма различныхъ періодовъ: первый — съ древнѣйшихъ временъ, съ перваго о нихъ (Венетахъ) извѣстія у Омира, до новѣйшей эпохи, до к. V—VI в. по Р. Х., т. е. до перехода Славянъ черезъ Дунай. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ первый періодъ на всегда останется темнымъ; однако нельзя и не надѣяться, что со временемъ, послѣ тщательныхъ розысканій и новыхъ открытій, нѣкоторыя данныя, намеки и соображенія въ состояніи будутъ нѣсколько разсѣять этотъ первобытный

мракъ и вскрыть нѣсколько тайнъ. Такъ, кажется, еще нельзя безусловно довѣрять словамъ Страбона о томъ, что въ его время (I в. по Р. Х.) уже совершенно исчезли Венеты въ Пафлагоніи. Здѣсь представляются изслѣдователю слѣдующіе главнѣйшіе вопросы и задачи: справедливо ли, что Славяне, по выселеніи своемъ въ Европу, должны были долго сохранять воспоминанія и преданія объ Азіи, какъ о своей прародинѣ? и чувствовать къ ней какое-то влеченіе или стремленіе, которое непремѣнно заставляло ихъ изыскивать средства для своего удовлетворенія? Для полнѣйшаго и основательнѣйшаго разсмотрѣнія и уясненія этихъ вопросовъ потребуются, смѣю думать, весьма подробныя и точныя изысканія не только въ области Славянскихъ, но и Кельтскихъ, Германскихъ, даже Греческихъ и Римскихъ древностей; для аналогіи надо будетъ вникнуть и въ позднѣйшія исторически извѣстныя переселенія народовъ, что особенно необходимо по слѣдующему вопросу: справедливо ли, что болѣе или менѣе значительная часть племени Славянскаго, при выселеніи своемъ въ Европу, могла остаться въ Азіи, и, оставшись, не могла уже, такъ сказать, не притягивать къ себѣ своихъ Европейскихъ братьевъ, которые въ свою очередь едва ли и безъ того могли не стремиться на востокъ? Также слѣдуетъ, кажется, сообразить всѣ начальныя свѣдѣнія о Венетахъ въ Пафлагоніи съ исторіею М. Азіи вообще[1] и разсмотрѣть подробнѣе вопросъ о доступности Чернаго моря, Кавказа и Ѳракіи для Славянъ Европейскихъ въ древности. Также нельзя, кажется, не поднять снова вопроса о томъ, въ какой именно степени заслуживаетъ вѣроятія странное и довольно загадочное извѣстіе Прусскаго лѣтописца Луки Давида, или лучше епископа Христіана, который заимствовалъ его изъ какихъ-то Римскихъ записокъ, сообщенныхъ ему Ярославомъ, Плоцкимъ пробстомъ въ Мазовіи, извѣстіе о путешествіи въ царствованіе Августа Виѳинскихъ астрологовъ въ область Венедовъ и Аланъ въ Ливоніи. Они были уроженцами города Салуры въ Виѳиніи (гдѣ находились города Κίος съ жителями Κιανοί, Λίβυσσα, и гдѣ, по свидѣтельству краткаго Житія св. Климента, давно когда-то жили Славяне). «Отсюда пере-

1. См. у Грота: History of Greece. Third edition. London. 1851 V. III. Ch. XVI.

правившись черезъ море, они пристали къ пустынному краю, не имѣющему постояннаго названія, потому что онъ назывался то Саргатіей, то Гелидой, то Ватиной. Странствуя тамъ и сямъ по этой землѣ, они не могли говорить ни съ однимъ человѣкомъ, пока не пришло къ нимъ изъ Сарматіи *нѣсколько Вендовъ, языкъ коихъ, хотя съ трудомъ, однако все же немного понимали*»[1].

Второй періодъ: съ VI—VII до XIV в. — до владычества Турецкаго. Здѣсь особенно обратятъ на себя вниманіе: исторія Мало-Азійскихъ провинцій вообще, переходы Славянъ къ Арабамъ, отысканіе Арабскихъ свидѣтельствъ о Славянахъ въ Азіи, сношенія Славянъ Русскихъ и Задунайскихъ съ Малою Азіею. Какъ бы въ доказательство того, что еще много можетъ найтиться новыхъ извѣстій и данныхъ для исторіи отношеній Славянъ къ Малой Азіи въ этотъ періодъ, позволяю себѣ указать на слѣдующее обстоятельство. Почтенный любитель Сербской старины Верковичъ нашелъ не такъ давно въ Кратовскомъ монастырѣ одинъ любопытный памятникъ относительно раздѣленія монархіи Душана между его вельможами. «Это большой листъ, на которомъ начерчено 8 круговъ; въ каждомъ кругѣ надпись». На верхней части листа, въ третьемъ кругѣ, читаемъ слѣдующую надпись: «*Богданъ мѫжъ искѫсенъ во воинственныхъ потребахъ ѿдаль градь ассокь в' троади*»[2]. Понынѣ, сколько мнѣ из-

1. Ни Шафарикъ (Древн. § 8. 12), ни Фойгтъ (Gesch. Preussens. I, 33. 623—624) не отвергали голословно всего этого сказанія. Напротивъ того, первый, сознавая вполнѣ всю его загадочность, замѣтилъ даже: «безразсудно бы было вовсе отвергать это сказаніе, какъ обыкновенную басню». Говорятъ, что въ настоящее время Фоигтъ перемѣнилъ свое мнѣніе; едва ли это что нибудь доказываетъ. Здѣсь весьма любопытно то обстоятельство, что Римляне Виѳинскіе нѣсколько понимали Вендовъ. Невольно рождается вопросъ: съ чего, зачѣмъ и для чего выдумывать было Прусскимъ лѣтописцамъ такую странную басню? Считать все это сказаніе отъ начала до конца за чистый вымыселъ просто мнѣ кажется невозможно. Какъ бы въ подтвержденіе подложности этого извѣстія указывали даже на имя *Ярослава* (Плоцкаго пробста), которое будто бы у Поляковъ никогда не употреблялось. Такое мнѣніе крайне неосновательно: не говоря уже объ *Ярославѣ* Ласскомъ, укажу на извѣстнаго Гнѣзненскаго архіепископа *Ярослава* Скотницкаго († 1372 г.), бывшаго еще ректоромъ въ Болонскомъ университетѣ. Вообще имя это у Поляковъ въ обычаѣ.

2. Изв. II Отд. Акад. Наукъ. Т. VI. Вып. V С. 400. Городъ *Ассокъ* есть ничто иное, какъ древній городъ Троады — *Assus*, ἡ Ἄσσος (Forbiger: Handb. d alt.

вѣстно, еще не имѣлось никакихъ свѣдѣній не только о Славянскихъ владѣніяхъ, но и о Славянскихъ поселеніяхъ въ древней Троадѣ. Когда и какимъ путемъ пріобрѣлъ себѣ Стефанъ Душанъ это владѣніе, сказать теперь трудно; быть можетъ, оно было уступлено Византійскимъ дворомъ за какую нибудь услугу или помощь, оказанную Сербами Грекамъ, при Милутинѣ и его преемникѣ, или при самомъ Душанѣ, который, твердо задумавъ завоеваніе Цареграда, не могъ не пользоваться всѣми случаями, благопріятствовавшими этой цѣли; а въ этомъ отношеніи для него, конечно, было весьма важно имѣть какую нибудь точку опоры въ Малой Азіи.

Третій періодъ: въ Турецкое владычество до настоящаго времени, когда съ преобразованіемъ и разложеніемъ Оттоманской Порты готова настать новая эпоха въ исторіи отношеній Славянъ къ Малой Азіи. Главнѣйшею задачею въ изслѣдованіи этого періода представляется путешествіе въ М. Азію этнографа, близко знакомаго съ языками Турецкимъ, Греческимъ и Славянскимъ, съ цѣлью изучить не только нынѣ имѣющіяся Славянскія поселенія въ Малой Азіи, но и вообще христіанское и мусульманское ея населеніе, его языкъ, напѣвы, домашній бытъ и пр.; такъ какъ, зная многочисленныя Славянскія поселенія въ Малой Азіи, не только во второй, но и въ третій періодъ

Geogr. II, 142–143). Здѣсь надобно замѣтить, что въ Славянскомъ языкѣ переходъ *с* въ *ц* и *ч* и обратно довольно обыченъ; такъ: *цѣсти* и *свѣсти*, *царапать* и *сарапать*, *канцеларія*, *пансырь*, *опрись* и *опричь*, *палесъ* и *пальсы*, *черпъ* и *серпъ*, *зычно* и *зысно*, *чвара* и *свара*. Какъ Санскритскій небный звукъ *ç*, происшедшій отъ звука *к*, отвѣчаетъ часто въ Греческомъ, Латинскомъ, Кельтскомъ, Германскомъ и Славянскомъ языкахъ звуку *к*, такъ точно и внутри самого Славянскаго языка есть случаи перехода *к* въ *с* и обратно, что впрочемъ облегчалось и переходомъ *с* въ *ц*, *ч* и обратно. Такъ Обл. сл. *ропакъ* и *ропасъ*, *дундукъ* и *дунгусъ* (*г* и *д* мѣняются очень часто: *для* и *гля* и пр.), *рыбакъ* и *рыбасъ*, *власъ* и *влак-но*, *лакомый* и *ласа*, *ласовать*, *дуракъ*, *дураситъ* (*Дурасовъ*), *карманъ* и *сара* (деньги), *келепъ* и *селепъ*, Овенск. *куребро* — серебро, тетеревъ *косачь* и *сосачь*, *ис Келистрѣи* идетъ (Симб. Сб Малор. Д. С. 39); Сербск. *заклонити* и *заслонити*:

Бог те здраво и мирно носио
Од душманске руке *заклонио*.
(Сборн. Вука. 2-е изд. III, 393);

«*въси въсланаѣмъ сѧ* и тебѣ славѫ и благодареніе въздаѣмъ». (Cod. Supr. ed. Miklosich. 252, 21). Срвн. въ Лавр. сп.: «Вротамию, Сикилию, Явию, *Родока*, Хиона» и пр. Такъ и *Ассокъ* вм. *Ассосъ*.

исторіи отношеній Славянъ къ Малой Азіи (такъ Магометъ II увелъ изъ Сербіи и Босніи около 200,000 жителей и множество изъ нихъ поселилъ въ М. Азіи)[1], нельзя не предполагать, что и понынѣ сохранились въ Мало-Азійскомъ населеніи болѣе или менѣе значительные слѣды переродившихся Славянъ. Вообще, кажется, Малая Азія заслуживаетъ вниманія ученыхъ Русскихъ, какъ въ этнографическомъ, такъ и въ археологическомъ и даже въ экономическомъ отношеніяхъ, ибо эта классическая земля, столь справедливо и издавна привлекающая къ себѣ любознательныхъ ученыхъ, изъ числа коихъ каждый Русскій конечно вспомнитъ съ признательностію и своихъ замѣчательныхъ соотечественниковъ М. Вронченка и Чихачева, эта классическая земля, столь тщательно изучаемая напр. Англичанами и въ видахъ торговыхъ, экономическихъ, можетъ и даже должна вызывать и насъ Русскихъ на такія же старательныя изысканія, ибо неминучіе дальнѣйшіе наши успѣхи на Кавказѣ и столь для насъ желанное и во всякомъ случаѣ необходимое нравственное и соціальное возрожденіе Славянъ Турецкихъ все болѣе и болѣе должны сближать Россію и весь міръ Славянскій съ М. Азіею.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что отношенія Славянъ къ Малой Азіи и въ прошедшемъ и въ будущемъ — предметъ, заслуживающій великаго вниманія, возбуждающій множество самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, которые ждутъ и требуютъ своего разрѣшенія главнѣйше, почти исключительно, отъ Русскихъ и вообще Славянъ. Такимъ образомъ, кажется, очевидна тѣсная и неразрывная связь всѣхъ этихъ многочисленныхъ вопросовъ съ двумя другими, изъ коихъ одинъ — о распространеніи Русскаго языка внѣ предѣловъ Россіи — составляетъ предметъ постоянныхъ желаній каждаго Русскаго, а другой — объ изученіи Славянскихъ языковъ и литературъ въ Россіи и объ умственномъ и литературномъ ея общеніи съ міромъ Славянскимъ — въ глазахъ большинства образованныхъ Русскихъ людей понынѣ представляется какъ бы дѣломъ пустымъ, ничтожнымъ и не стоющимъ почти никакого вниманія.

1. Zinkeisen (Joh. Wilh.) Gesch. d. Osm. Reiches in Europa. Gotha. 1855. II, 177.

СЛАВЯНЕ ВЪ АФРИКѢ.

I. Если и до новѣйшаго времени наши южные единоплеменники — Босняки, Черногорцы и другіе, вмѣстѣ съ Албанцами, играли въ Египтѣ не незначительную роль и пользовались тамъ немаловажнымъ значеніемъ[1], то понятно, что Славяне не могли не имѣть гораздо ближайшихъ сношеній съ

1. Такъ извѣстный нашъ путешественникъ Е. П. Ковалевскій въ любопытномъ сочиненіи своемъ («Путешествіе во внутр. Африку». Спб 1849), при описаніи поѣздки своей на Джебель-Дуль, разсказываетъ о встрѣчѣ своей съ однимъ Черногорцемъ, состоявшимъ на службѣ у паши Египетскаго. «Вскорѣ изъ за горы показалась толпа всадниковъ, въ богатыхъ Албанскихъ платьяхъ: за ними нѣсколько Негровъ скороходовъ; впереди два лихихъ наѣздника, на прекрасныхъ Арабскихъ лошадяхъ. Это былъ Османъ беи, начальникъ крѣпости, и Омаръ ага, начальникъ Арнаутовъ, составлявшихъ гарнизонъ въ крѣпости. Они отяжелѣли, опустились въ праздности. Гарнизонъ вымираетъ на половину въ годъ и окончательно въ два года. Старые Албанцы почти всѣ повымерли: кажется, того и хотѣло правительство, пославшее ихъ сюда. Они часто безпокоили его не слишкомъ деликатными требованіями своего жалованья. Новобранцы отовсюду: это уже дѣло начальниковъ Арнаутовъ: не станетъ у нихъ людей, — отнимутъ власть, а съ нею и жалованье. За то Омаръ-ага и не разборчивъ ни въ выборѣ людей, ни въ употребленіи средствъ. Тутъ у него и Татаринъ, бѣжавшій съ Прута, и Боснякъ, и Далматинецъ; тутъ и Сербъ, и Черногорецъ, и Турокъ, и Грекъ, большая часть бѣжавшіе отъ разныхъ преслѣдованій изъ своего отечества или сорвавшихся съ висѣлицы. Но Омаръ ага, тотъ самый Омаръ-ага, который, по словамъ Шлечера, въ присутствіи гостей, за обѣдомъ, застрѣлилъ генералъ-губернатора Судана, по приказанію вице-короля, Омаръ-ага, родившійся на границахъ Черногоріи и Албаніи, совершенный типъ этихъ земель, сродственныхъ между собою не по одному костюму обитателей, — рѣшительный, отважный, веселый, не смотря на свое горькое положеніе въ этой политической ссылкѣ, выпивающій по штофу водки за обѣдомъ и по штофу за ужиномъ, Омаръ-ага живо напомнилъ собою старыхъ моихъ пріятелей, многихъ зналъ онъ лично и говорилъ объ нихъ съ увлеченіемъ.... говорилъ о четѣ, побратимствѣ, о голыхъ утесахъ своей страны, о Скутари, который называлъ Скадромъ, какъ и всѣ мы называли его нѣкогда, о владыкѣ, о нашихъ экспедиціяхъ.... О, какое счастливое то было время! Тогда мнѣ было 25 лѣтъ, а владыкѣ Черногорскому 21; тогда мы смѣло стремились къ цѣли, смѣло вѣровали въ Славянское авось, и это авось слѣпо служило намъ....» (Ч. II, стр. 72—73). Въ другомъ мѣстѣ упоминаетъ авторъ объ одномъ отрядѣ изъ ста приблизительно человѣкъ регулярной и національной кавалеріи. Послѣдняя была черная, первая — бѣлая, пестрѣвшая самыми разнообразными костюмами. «Тутъ былъ Албанецъ, Боснякъ, Черкесъ, Эпирецъ, Турокъ, Черногорецъ, всѣ въ своихъ національныхъ нарядахъ, иногда дополненныхъ предметами посторонними, пришедшимися имъ по вкусу. Это была регулярная кавалерія». (Ч. II, с. 14).

Египтомъ, съ Африкою, въ прежнія времена, до владычествъ Турецкаго и Нѣмецкаго, во времена цвѣтущаго состоянія Дубровника и другихъ юго-Славянскихъ общинъ Адріатическаго поморья, и даже задолго до этого времени, — тогда ли, какъ смѣлые и отважные Неречане наводили страхъ и грозу на Венеціанъ, не щадили и своихъ соплеменниковъ, слѣдовательно съ начала IX до конца X в.; тогда ли, какъ Хорваты со множествомъ судовъ ходили въ Апулію, на городъ Сипонтъ, къ берегамъ Беневентскимъ, слѣдовательно еще въ VII в.; тогда ли, какъ, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, быть можетъ нѣсколько преувеличенному, но въ основѣ своей все таки справедливому, Хорваты имѣли до 60,000 конницы и до 100,000 пѣхоты, 80 кораблей, въ каждомъ по 40 человѣкъ, 100 гондолъ или лодокъ въ 20 и 10 человѣкъ, слѣд. въ X. в.; тогда ли какъ въ XI, XII и слѣд. вѣкахъ, когда морскія силы Дубровника все возрастали, а торговыя связи расширялись, — тогда ли наконецъ, какъ Египетъ находился въ цвѣтущемъ состояніи, въ лучшія времена господства надъ нимъ Арабовъ, которые завоевали Египетъ ок. 640 г. и къ которымъ въ Азіи уже не разъ передавались Славяне, иногда весьма значительными массами, давая побѣду своимъ Мусульманскимъ союзникамъ, какъ напр. то видѣли мы въ статьѣ о Славянахъ въ М. Азіи. — Географическое положеніе, морскія силы, отвага и предпріимчивость, рано, еще въ VII в., выказанныя Славянами Адріатическими, заставляютъ предполагать весьма раннее появленіе Славянской стихіи въ Африкѣ, тѣмъ болѣе, что Славянское поселеніе въ Спріи, частые переходы Славянъ Азійскихъ на сторону Арабовъ въ Азіи, тѣсныя и непрерывныя связи Арабовъ Африканскихъ съ Азійскими легко наводятъ на мысль, что Славяне Азійскіе переходили въ послѣдствіи и въ Африку и такимъ образомъ послужили посредниками въ сношеніяхъ сихъ послѣднихъ съ ихъ соплеменниками Адріатическими.

Какъ ни ничтожны по видимому тѣ данныя, которыми авторъ располагаетъ въ настоящее время относительно Славянъ въ Африкѣ, тѣмъ не менѣе онъ рѣшается ихъ представить читателямъ, въ надеждѣ возбудить вопросъ и вызвать другихъ изслѣдователей, поиски которыхъ не пропадутъ даромъ, какъ

то можно смѣло надѣяться и при ничтожныхъ теперешнихъ свѣдѣніяхъ.

Въ IX, X в. и даже гораздо позже, какъ Венеціане, такъ и Славяне Адріатическіе, вѣроятно въ особенности Неречане, вели постыдную торговлю военноплѣнными и рабами[1]. Этотъ живой человѣческій товаръ шелъ въ Африку изъ Испаніи черезъ Франковъ и съ Адріатическаго моря. Славянскіе рабы и евнухи были весьма цѣнимы Сарацынами. Находясь во множествѣ, достигая важныхъ мѣстъ въ государствѣ, эти люди безъ сомнѣнія сохраня-

---

1. См. Reinaud. Invasions des Sarrazins en France, et de France en Savoie, en Piémont et dans la Suisse, pendant le 8-e, 9-e et 10-e siècles de notre ère, d'après les auteurs chrétiens et mahométans par M. Reinaud Paris. 1836. p. 233. Также Tafel und Thomas Urkunden zur alteren Handels u Staatsgesch. d. Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz u. die Levante. 1856. T. I. № VII. — «Quo tempore (876) mercatores Veneti lucri cupidi a piratis et latrunculis mancipia comparabant, et transfretantes de eis commercium faciebant. Cui manifesto facinori Duces obviare dispositi una cum clero et populo Venetiarum pie decreverunt, ne quis de mancipiis commercium faciat, vel in navibus recipiat, imponentes graves poenas contrafacientibus». (Andr. Dand. у Муратори. Scr. XII, p. 186). Этотъ декретъ въ послѣдствіи времени былъ нѣсколько разъ возобновляемъ. См. Tafel etc. № XII. XIII именно въ 945 и 960 г. Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ грамоты 960 г. (XIII) «omnes pariter statuentes statuimus et firmiter confirmamus, ut nullus major aut minor mancipia ad venundandum emere non debeat, nec aliquis precium ad suos emptorios dare debeat propter mancipia comparanda aut enumdata, quia gravissimum malum est. — Item praecipimus, ut, quicunque in navibus nostris nauclerus fuerit, nullatenus debeat in navi sua levare mancipia, neque de Venetia, neque de Histria, neque de Dalmatia, neque de aliis locis per nullum ingenium, nec etiam aliquis hominem negociantem vel Judeum in navi sua levare non debeat. — Item statuentes statuimus, ut nullus Veneticus suum precium ad quemlibet Grecum hominem dare debeat, unde mancipia emant. Et nullus Veneticus audeat ultra Polam mancipia detransportare, neque in terram Grecorum, neque in nullis locis ea donare, excepto, si acciderit, ut de sua captivitate se redimere debeat, aut pro tali causa, unde dampnum adcrescat in patria, aut pro causa palatii. — Similiter autem statuentes statuimus, ut nullus Veneticus de quolibet Greco homine vel terra Beneventi, aut de aliis locis precium tollere presumat propter mancipia illuc portanda». — Нѣтъ сомнѣнія, что Венеціане доставляли рабовъ и Сарацынамъ. См. Tafel etc. № XIV. Въ 971 г. воспрещено было «arma in Saracenorum terras ad venundandum portare, aut lignamen ad naves faciendum, quae ad damnitatem possent esse populo christiano, non loricas, non clypeos, non spatas, vel lanceas, neque alia arma, cum quibus percutere possint christianos nisi tantum portent arma, cum quibus se defendere possint ab inimicis, et illa nullo modo vendere barbaris nec donare». Эти рабы по преимуществу конечно были Славяне. Такъ Ибнъ Хаукалъ говоритъ про Славянскихъ рабовъ въ Кипрѣ: «On y envoye aussi de jeunes et beaux esclaves européens, de l'ambre, de la

ли долго свою народность и весьма облегчали сношенія Арабовъ съ соплеменниками своими, которыми тѣ и безъ того дорожили, какъ то доказываютъ переходы Славянъ Азійскихъ къ Арабамъ, слова знаменитаго географа аль-Бекри: «Les Slaves sont une nation redoutable, puissante et impétueuse. S'ils n'eussent été divisés en un grand nombre de races et des tribus différentes, aucune nation au monde ne leur eût tenu tête», или слова Иродота Арабскаго Массуди († 956 г.) — «Les Slaves se composent de différentes peuplades qui se font la guerre: si la discorde ne régnait

---

soie, des vêtements en drap de laine très-fine, des parures, des jupes de laine, des tapis, du fer, du plomb, du vif-argent, des eunuques tirés du pays des nègres *et de celui des Esclavons* (Journ. Asiat. 1842. Mars. p. 251). Тотъ же географъ, въ другомъ мѣстѣ, разсказываетъ, что Славянскіе рабы и евнухи были предметомъ отпускной торговли изъ Испаніи въ Африку. Привожу его слова въ переводѣ Гаэнгоса: «The commodities which traders generally export from Andalus and bring to Maghreb, Egypt and other Mohammedan countries, are amber, saffron, gold, silver, lead, iron, quicksilver, seal-skins, raw and manufactured silks, and, above all things, male and female slaves taken in war with the Franks and Galicians, *besides Sclavonian eunuchs, who are very much esteemed. These are brought from the country of the Franks, where they are castrated, and bought by Jewish merchants*» (The History of the Mohammedan Dynasties in Spain... by Ahmed Ibn-Mohammed Al-Makkarí... translated from the copies in the library of the British Museum, and illustrated with critical notes on the hist., geogr. and antiquities of Spain, by Pascual de Gayangos. In two volumes. London. MDCCCXL—I. in fol. I, 380—381). Въ Верденѣ былъ родъ завода, гдѣ исключительно занимались этою промышленностью на счетъ Славянскихъ пленниковъ, захваченныхъ Франками въ ихъ воинахъ со Славянами. Лиутпрандъ говоритъ: «Carsamatium autem Graeci vocant, amputatis virilibus, et virga puerum eunuchum: quos Verdunenses mercatores ob immensum lucrum facere solent et in Hispaniam ducere». (Murat. t. II. p. 1. Liutpr. Hist. c. III. p. 470) См. также Deguignes. Mém. de l'Acad. des Inscript. t. XXXVII. p 485. Аль-Маккари приводитъ любопытное мѣсто аль-Карави (Катибъ Ибрагимъ Ибнъ-аль-касим-аль-Карави). Упомянувъ о Франкахъ, какъ о самомъ сильномъ и опасномъ сосѣдѣ Мусульманъ Испанскихъ, аль-Карави продолжаетъ: «Они (Франки) ведутъ войны съ однимъ народомъ, съ ними сосѣднимъ, отъ коего они отличаются и образомъ жизни и вѣрою (in manners a. religion,; то Славяне (Sclavonians), на землю которыхъ нападаютъ Франки, и уводя съ собою пленниковъ, продаютъ ихъ въ Андалузію, гдѣ они встрѣчаются въ большомъ количествѣ (where they are to be found in great number). Франки искусно дѣлаютъ изъ нихъ евнуховъ и уводятъ ихъ въ замки и въ другія безопасныя мѣста въ своей странѣ или къ мусульманскимъ предѣламъ, куда купцы Андалузскіе приходятъ ихъ покупать, чтобы перепродать ихъ потомъ въ другія страны. *Однако нѣкоторые изъ Мусульманъ, живущіе въ этихъ краяхъ (пограничныхъ), уже научились этому искусству отъ Франковъ, и теперь такъ же чисто работаютъ какъ и они*» (Gayang. I, 75).

*

entre eux, aucune nation ne pourrait leur résister pour la force et l'audace». Очевидно, Арабы цѣнили Славянъ и высоко уважали ихъ храбрость, энергію и предпріимчивость. По этому-то и Африканскіе Арабы не могли не принимать къ себѣ Славянъ Адріатическихъ, которые могли завязать довольно тѣсныя связи со Славянами Азійскими, переходившими, какъ въ высшей степени вѣроятно, и къ Арабамъ въ Африку. Наконецъ въ Африкѣ находилось много Славянъ евнуховъ и рабовъ, которые, конечно, норовили своимъ землякамъ и соплеменникамъ, добровольно перебѣгавшимъ къ Арабамъ въ Африку и вступавшимъ къ нимъ на службу, точно такъ же, какъ Русскіе невольники въ Хивѣ, Бухарѣ, Ташкентѣ и Ко́канѣ норовили и дружили всегда и тѣмъ Русскимъ бѣглымъ и гулящимъ людямъ, что добровольно заходили въ тѣ края. Существуетъ слѣдующее извѣстіе Ибнъ-Хаукала о Славянахъ въ Сициліи, именно при описаніи гор. Палермо — «Située sur les bords de la mer du côté du nord, Palerme se divise en cinq quartiers, très distincts entre eux, quoique peu éloignés l'un de l'autre. Le premier est la cité principale, proprement dite Palerme, entourée d'une muraille de pierre très élevée et formidable. Ce quartier est le séjour des marchands.... L'autre cité nommée Khalessah a aussi sa muraille bâtie en pierre, mais différente de la première. La Khalessah est le séjour du Sultan et de sa suite, on n'y voit ni marchés, ni magazins de marchandises, mais des bains, une mosquée du Vendredi de grandeur moyenne, la prison du Sultan, l'arsénal et la bureau des administrations. Cette cité a quatre portes du côté du midi, et du côté de l'est, du nord et de l'ouest, la mer et une muraille sans portes

Le quartier appelé Sacalibah est plus peuplé et plus considérable que les deux cités dont je fais mention. Ici est le port maritime. Des ruisseaux coulent entre ce quartier et la cité principale, et les eaux servent de division entre l'un et l'autre.

Le quartier de la mosquée, qui prend son nom de la mosquée dite d'Ibn Saclab, est considérable aussi. Les cours d'eau y manquent tout à fait, et les habitants boivent d'eau des puits»... и нѣсколько ниже: «Le quartier Sacalibah n'est entouré d'aucune muraille». «Les plus grands marchés, tels que celui de tous les vendeurs d'huile, se trouvent entre la mosquée d'Ibn Saclab et le quartier El. Jadid».

(См. Journ. Asiat. 1845. Janvier. — Description de Palerme à la moitié du X siècle de l'ère vulgaire, par Ebn. Haucal, traduite par Michel Amari. p. 92 — 93).

Изъ этого свидѣтельства несомнѣнно открывается, что въ X в. Славянъ въ Палермо жило не малое количество, ибо по остроумному и основательному расчету Амари въ то время городъ этотъ былъ вдвое населеннѣе, чѣмъ въ настоящее время, т. е. въ немъ было около 300 тыс. жителей, а Славяне (по Арабски — Славянинъ *Саклаби* и во множ. *Сакалиба*) занимали цѣлый кварталъ, который и носилъ потому названіе Славянскаго. Славянскій кварталъ, въ Палермо былъ самый населенный и самый значительный; жили по всей вѣроятности Славяне и въ другомъ кварталѣ, носившемъ свое названіе отъ мечети *Сына Славянина* — Ибн-Саклабъ. Онъ тоже былъ довольно значителенъ. Амари говоритъ въ одномъ изъ своихъ примѣчаній: «Названіе *Сакалиба*, данное одному изъ главныхъ кварталовъ города, доказываетъ, что онъ былъ населенъ большимъ количествомъ Славянъ (des Esclavons). Мы знаемъ, что Славянинъ Масудъ прибылъ изъ Африки въ Сицилію въ 312 г. (924 и 925 до Р. Х.), и овладѣлъ замкомъ св. Агаоіи, а черезъ четыре года спустя, Сареб-аль-Саклаби (l'Esclavon) привелъ въ Африку, а оттуда въ Сицилію тридцать кораблей славянскихъ корсаровъ (trente vaisseaux de corsaires esclavons). Эмиръ Сицилійскій Салем-эбн-Ассадъ или эбн-Рашидъ, присоединивъ ихъ къ своему флоту, грабилъ и разорялъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ Калабрію, Сардинію и Геную. Послѣ каждаго похода онъ входилъ въ Палермо; союзники его вѣроятно и поселились наконецъ въ этомъ городѣ, близь гавани[1]». Предположенія Амари не отвергаемъ вовсе, однако и не можемъ принимать его безусловно, такъ какъ въ Палермо могли жить и другіе Славяне. Дегинь, еще въ 1791 г. сообщилъ весьма любопытное замѣчаніе, которое, сколько мнѣ извѣстно, еще не

1. Ce quartier, — продолжаетъ Амари, — était déjà entouré de murailles au temps d'Hugo Falcand, et on l'appelait aussi *Transpapiretum*, à cause de sa position au délà du ruisseau Papireto. Le nom de Sacalibah, défiguré dans les mots de *seralcadi*, *scebalcar*, *cibalcar*, a donné lieu à d'étranges étymologies dans lesquelles s'égara le P Morso. (Palermo antico. Palerme, 1827). ibid. p. 104—105

было окончательно подтверждено изданіемъ подлинныхъ свидѣтельствъ. Вотъ слова Дегиня: «par nos lectures de quelques manuscrits Africains nous avons été convaincus qu'il y avait en Afrique des villages habités par des Esclavons ou Seclab (*Сиклабъ* тоже множ. ч. отъ *Саклаби*, какъ и *Сакалиба*) ce qui est assez singulier. Il parait que ces Seclab faisaient des courses en Sicile jusqu'à l'an 951. Nous apprenons par cette même Chronique qu'un autre Seklab passe d'Afrique en Sicile avec une armée nombreuse de terre et de mer et des chameaux[1]». Un autre Seklab — подъ первымъ Дегинь разумѣетъ Славянина Массуда, 924 г.

Хотя, повторяю, я и не знаю подлинныхъ свидѣтельствъ современныхъ о Славянскихъ поселеніяхъ въ Африкѣ, однако не вижу никакой необходимости не довѣрять въ этомъ случаѣ словамъ Дегиня: въ нихъ нѣтъ ничего невѣроятнаго; притомъ Дегиню не было никакой надобности выдумывать такого извѣстія. Смѣю думать, что въ настоящее время, когда сокровища богатой Арабской литературы еще во множествѣ лежатъ въ рукописяхъ, и когда къ сожалѣнію Славяне почти вовсе не имѣютъ такихъ Арабистовъ, которые бы обратили исключи-

1. Le Journal des savants. MDCCLXXXXI. Рецензія Дегиня на изд. Rerum Arabicarum quae ad historiam spectant ampla Collectio opera et studio Rosarii Gregorio Eccl. Panorm. Canonici et Regii juris publici Siculi professoris etc. Panormi. MDCCXC. 1 vol. in-fol. При разборѣ этого изданія и изложеніи содержанія этого замѣчательнаго собранія Арабскихъ источниковъ, Дегинь между прочимъ останавливается на слѣдующемъ памятникѣ. Chronicon Siculae, déjà imprimé d'après un manuscrit de la bibliothèque de Cambridge par Carusius, en Arabe et en Latin. Mais dans cette nouvelle édition on a revu et corrigé le texte. Далѣе продолжаетъ Дегинь объ этомъ же памятникѣ: «On ignore quel est le nom de l'auteur de la Chronique de Sicile appellée Chronique de Cambridge. Cave et quelques autres ont cru que cette Chronique était l'ouvrage d'Eutychius, patriarche d'Alexandrie dont nous avons des Annales. Eutychius est mort l'an 950 de I. C. M Gregorio pens que l'auteur de cette Chronique était un Mahométan né en Sicile. en effet cet écrivain paraît avoir parfaitement connu cette isle par la manière dont il on parle, de plus en comptant les années il se conforme à l'usage des Siciliens et non pas à celui de l'église d'Alexandrie». Лѣтопись начинается съ 827 г. и продолжается до 968 г. по Р. Х. «A l'an 924 l'auteur Arabe dit qu'un personnage nommé *Saklabi* vint d'Afrique et s'empara en Sicile de la forteresse de S-te Agathe. Ce nom, comme le remarque Mr. Gregorio, a été pris par Carusius pour un nom de charge, mais il observe qu'il désigne ici un nom de nation c. a d. un Esclavon, pour confirmer cette assertion de l'editeur, nous croyons devoir ajouter ici que par nos lectures de quelques manuscrits Africains и пр. См. выше въ текстѣ нашемъ.

тельное вниманіе на рукописные источники Арабскіе съ цѣлію собрать и свести всѣ имѣющіяся въ нихъ свѣдѣнія о Славянахъ, въ настоящее время смѣло можно утверждать, что извѣстіе Дегиня не только будетъ оправдано, но и значительно распространено и точнѣе опредѣлено; тогда мы узнаемъ, къ какому именно времени относятся эти поселенія Славянскія въ Африкѣ и пр., на что теперь при отсутствіи Славянскихъ Катрмеровъ, Френовъ и Дози мы напрасно будемъ ждать отвѣтовъ[1].

Одна изъ знаменитостей ученой Франціи, недавно кончившій свою жизнь, Катрмеръ въ своемъ жизнеописаніи халифа Фатимидскаго Моэз-лидин-Аллаха (952 — 972 г.), сообщилъ между прочимъ слѣдующее любопытное извѣстіе: «Объ этомъ государѣ разсказываютъ одинъ замѣчательный случай, который даетъ достаточное понятіе объ энергіи его характера. Два Славянина (Esclavons) Каисаръ и Модаферъ пользовались величайшими милостями Халифа Мансура. Модаферъ, основываясь на томъ, что Моэзъ въ дѣтствѣ учился у него письму (les principes de l'écriture), обращался съ этимъ государемъ весьма надменно. Однажды, въ минуту гнѣва, онъ произнесъ одно Славянское слово (un mot esclavon), которое, какъ показалось Моэзу, имѣло ругательное значеніе; но считая неприличнымъ прибѣгать къ вопросамъ о подобныхъ вещахъ, онъ обратился къ изученію языковъ. Онъ сталъ основательно изучать языкъ Берберскій, потомъ Греческій, Негритянскій и пріобрѣлъ одинаковый навыкъ и въ томъ и въ другомъ; тогда онъ занялся языкомъ Славян-

1. Въ извѣстныхъ мнѣ описаніяхъ Ибнъ-Хаукала, Аль-Бекри (XI в.) я не нашелъ прямыхъ указаній на поселенія Славянскія. См. Journ. Asiat. 1842. Mars Description de l'Afrique, par Ibn-Haucal, trad. de l'arabe par M. le baron Mac Guekin de Slane. Не могу однако не указать здѣсь на одно замѣчаніе аль-Бекри (Notices et man. XII. p. 450) про городъ *Сорт*: «*Sort* est une grande ville, située sur le rivage de la mer, environnée d'une muraille de brique, et renfermant une mosquée djami, des bains et des marchés. Elle a trois portes... Les habitants du Sort sont des hommes beaux et bien faits, mais avec lesquels on ne peut avoir que des relations commerciales d'une nature désagréable: ils ne vendent et n'achetent que suivant un tarif qu'ils ont fixés entre eux, et dont ils ne s'écartent pas».... «Les habitants de Sort parlent entre eux un jargon qui ne ressemble ni à l'Arabe, ni au Persan, ni au Berbère, ni au Copte» (ib. p. 451). «De Sort à Tarabolos on compte dix journées de marche».

скимъ (alors il s'occupa de la langue esclavonne). Въ продолженіи своего труда онъ повстрѣчался съ тѣмъ словомъ, которое возбудило въ немъ подозрѣніе и онъ убѣдился наконецъ, что оно выражало грубую обиду; тогда ни медля онъ приказалъ умертвить Модафера»[1].

Этому чисто восточному сказанію разумѣется буквально довѣрять нельзя; очень вѣроятно, что халифъ зналъ и Греческій, и Берберскій и др. языки, но безъ сомнѣнія онъ учился имъ вовсе не для того, чтобы узнать значеніе того *крѣпкаго словца*, которымъ по своему Славянскому обычаю отвелъ себѣ душу Модаферъ. Очень вѣроятно, что мстительный, гордый Арабъ постарался выучиться даже для этого понимать по Славянски, чтобы законно отомстить своему врагу; но конечно для того ему не нужно было прежде изучать языковъ Греческаго, Берберскаго и проч. Тѣмъ не менѣе по видимому незначительный анекдотъ этотъ весьма важенъ, ибо даетъ право заключать намъ, въ соображеніи съ вышеприведенными извѣстіями объ отношеніяхъ Славянъ къ Африкѣ, что 1) Славяне въ X в. при дворѣ халифовъ въ Африкѣ пользовались великимъ значеніемъ. 2) Славяне воспитывались по всей вѣроятности въ мусульманствѣ, и по крайности въ совершенствѣ владѣли Арабскимъ языкомъ, не только изустнымъ, но и письменнымъ: ибо человѣку малограмотному, притомъ природному Славянину, въ противномъ случаѣ не было бы поручено ученіе Моэза. 3) Будучи образованы по Арабски, Славяне въ Африкѣ, въ X в. сохраняли крѣпко свою народность, оставались Славянами, подобно тому, какъ Болгары и Босняки мусульмане сохраняютъ свою народность. Арабы не считали ихъ вполнѣ своими, Арабами, а называли ихъ Славянами. Притомъ же въ глубокой истинѣ того филологоэтнографическаго наблюденія нельзя кажется сомнѣваться, что человѣкъ, владѣющій въ совершенствѣ двумя или нѣсколькими языками, считаетъ и бранится на томъ языкѣ, который ему ближе, природнѣе. Славянинъ Модаферъ въ минуту гнѣва загнулъ халифу крѣпкое словцо Славянское не потому, что «Сорочинъ

1. Катрмеръ въ ссылкѣ при этомъ указываетъ на *Makrizi* — Description de l'Egypte. t. I. fol. 289. См. Journ. Asiat. 1837. Fevrier. p. 207.

долгополый» его не понималъ, что обнаружило бы въ Модаферѣ разсчетъ, разсужденіе, которое покидаетъ человѣка въ гнѣвѣ,— dans un mouvement de colère il prononca un mot esclavon. 3) Славяне непремѣнно должны были появиться въ Африкѣ гораздо раньше X вѣка. Явленіе Модафера, природнаго Славянина, въ совершенствѣ владѣющаго Арабскимъ языкомъ, какъ изустнымъ, такъ и письменнымъ, конечно было приготовлено другими событіями, прежними переходами Славянъ въ Африку. 4) Примѣръ Модафера доказываетъ, что Славяне зазнавались въ Африкѣ, а иностранцы въ той или другой странѣ зазнаются, когда, оказавъ ей дѣйствительныя услуги, пріобрѣтаютъ въ ней значительное вліяніе, пользуясь имъ, стремятся къ большему и опираютъ свои притязанія не только на дѣйствительныхъ, но и на мнимыхъ заслугахъ, которыя они потомъ всячески преувеличиваютъ. Очевидно, Модаферъ зазнался не только своими личными, но и своими народными заслугами.

Извѣстно, что Арабы питали первое время сильное отвращеніе къ морю [1], почему и понятно, что первые ихъ флоты состояли изъ иностранцевъ и ренегатовъ [2].

По собственному признанію самихъ Арабовъ (см. выписки изъ Ибн-Халдуна у Гаянгоса), первыми учителями ихъ въ искусствѣ мореплаванія были иностранцы, которые принимали исламизмъ и вступали къ нимъ во флотъ.

Конечно эти ренегаты бывали всѣхъ націй — и Греки, и Итальянцы.

Бывали ли между ними и Славяне?

Если вспомнимъ, что многія вѣтви Славянъ Греческихъ и Иллирійскихъ въ VII, VIII в. и даже гораздо позже еще не

1. Reinaud Invas. des Sarraz. en France. p. 64. «quelques docteurs sont allés jusqu'à dire que, des l'instant qu'un homme s'est décidé plusieurs fois à se mettre en mer, il peut être considéré comme étant privé de son bon sens, et comme n'etant plus récevable à faire admettre son témoignage en justice». См. также Reinaud: Extraits d'aut. arab. relat. aux guerres des Croisades. Paris 1829. p. 370 et 476.

2 Invas. des Sarraz. p. 65. Когда Арабы завоевали Сирію, Египетъ и Африку и овладѣли портами Тира, Сидона, Александріи и Карѳагена, тогда обзавелись они и флотомъ: «il était naturel, — говоритъ Рено, — que les renégats et les aventuriers de tous les pays leur donnassent l'idée de se livrer à des expéditions maritimes». См. Ибнъ Халдуна у Gayangos. I, p. XXXIII etc. App. B.

принимали христіанства, тогда какъ Греки, Итальянцы всѣ уже были христіане; если припомнимъ переселенія съ VII в., а вѣроятно и раньше, Славянъ въ М. Азію, многочисленныя ихъ тамъ колоніи (въ VII и VIII в.), переселеніе въ VII в. въ Сирію пяти тысячь Славянъ, отдавшихся подъ покровительство Арабовъ, частые переходы Славянъ М. Азіатскихъ на сторону послѣднихъ во время ихъ войнъ съ Византійцами, то ясно поймемъ, что въ числѣ иностранцевъ, состоявшихъ вообще на службѣ у Арабовъ, Славянъ было гораздо болѣе, нежели наприм. Грековъ, Итальянцевъ и Нѣмцевъ. — Припомнивъ же, что еще въ VII в. Славяне являются заправскими, лихими моряками и даютъ себя знать и въ Бѣломъ и въ Синемъ Моряхъ (въ Архипелагѣ и въ Адріатикѣ), мы рѣшительно согласились бы съ тѣмъ, кто сталъ бы на предложенный вопросъ отвѣчать утвердительно.

Такъ какъ при возможности двухъ отвѣтовъ на вопросъ, надо всегда избирать болѣе вѣроятный, то мы и не раскаиваемся въ томъ, что предпочли отвѣтъ положительный.

Когда Славяне возстали противъ Грековъ и осадили Патры въ 802 — 811 г., то при осадѣ имъ помогали Афры и Сарацыны. — Очевидно, что Славяне, переходившіе къ Арабамъ и не терявшіе своей народности, а съ нею и своихъ сношеній съ своими соплеменниками, были виновниками этого союза. Такъ какъ, сколько мнѣ извѣстно, безъ флота Африамъ и Сарацынамъ проникнуть въ Морею было невозможно, то и слѣдуетъ предполагать, что во флотѣ Африкано-Арабскомъ еще въ началѣ IX в. служили Славяне.

Въ Палермо по свидѣтельству Ибн-Хаукала (X в.), изъ пяти кварталовъ два населены были Славянами. Одинъ изъ нихъ, кварталъ Славянскій, былъ почти самый населенный и самый значительный. *Здѣсь былъ морской портъ.* Очевидно, что Славяне въ Палермо были моряки.

Есть извѣстіе, что Славянинъ Масудъ въ 924 — 5 г. прибылъ изъ Африки въ Сицилію и овладѣлъ замкомъ св. Агаѳіи. Кажется не безразсудно предположить, что начальство надъ войскомъ и надъ судами Арабы не вручили бы Славянину, если бы его подначальные люди не были бы преимущественно

изъ Славянъ. Въ 928—9 г. Сареб-аль-Саклаби (Славянинъ — не *Серб*ъ ли?) привелъ въ Африку, и отсюда въ Сицилію 30 судовъ Славянскихъ корсаровъ. Эмиръ Сицилійскій, Салем-эбн-Ассадъ или эбн-Рашидъ, присоединилъ ихъ къ своему флоту, въ которомъ тоже могли быть Славяне и съ ними раззорялъ и грабилъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ Калабрію, Сардинію и Геную.

Если Славяне служили во флотѣ Африкано-Арабскомъ и принимали такое участіе въ морскихъ походахъ Сарацынъ не только въ нач. IX в., но и въ X в., когда уже Арабы привыкли къ морю и уже болѣе его не боялись, то въ VIII или VII в., когда еще къ нему они не привыкли, Славяне и подавнѣе должны были служить во флотѣ Арабскомъ.

Есть извѣстіе, что при родоначальникѣ Омаядовъ Испанскихъ, Абдуррахманѣ († 788 г.) въ 777 г. Бен-Габиб-аль Саклаби (т. е. Славянинъ) прибылъ изъ Африки въ Испанію, чтобы снова подчинить халифамъ это королевство. Селимъ, правитель Барселоны, вышелъ къ нему на встрѣчу и не далъ ему времени укрѣпиться. Между тѣмъ Абдуррахманъ, чтобы отнять отъ него всякую надежду на спасеніе, сжегъ его флотъ, который онъ привелъ съ собою. Саклаби въ отчаяніи ушелъ въ горы, гдѣ и погибъ [1]. И такъ Славянинъ начальствуетъ флотомъ Африкано-Арабскимъ въ VIII в.; весьма вѣроятно, что подъ начальствомъ Славянина Габиба состояло не малое количество Славянъ. Такое обстоятельство впрочемъ не должно удивлять читателя, знающаго Славянское происхожденіе императора Юстиніана, его полководцевъ Велисарія, Доброгоста, Всегорда, патріарха Цареградскаго Никиту, поселенія Славянъ въ М. Азіи,

1. Cardonne Histoire de l'Afrique et de l'Espagne sous la domination des Arabes. Paris. MDCCLXV. I. p. 204—205. Кардонъ пишетъ Ben-Habîb el-Saklèbi. Conde: Historia de la dominacion de los Arabes en España. Paris. 1840. p. 95—96. «Al principio del año 151 (768), — говоритъ Конде, — aportaron cerca de Tortosa diez barcos con el candillo *Abdala Ben Habib el Sekelebi* etc. Мнѣ очень хорошо извѣстно значеніе Конде въ наукѣ и то довѣріе, котораго онъ заслуживаетъ; однако я указываю здѣсь на него и даже вѣрю ему, потому что нахожу такое же извѣстіе у Кардонна, который, правда, устарѣлъ, но ничего отъ себя не выдумывалъ. Происшествіе, само по себѣ чрезвычайно вѣроятное, подтверждаетъ свою истинность и сходствомъ въ передачѣ Кардонна и Конде.

ихъ переходы къ Арабамъ, Славянское поселеніе въ Сиріи, участіе Славянъ во флотѣ Арабскомъ еще въ началѣ IX в., значеніе Славянъ въ Африкѣ и Сициліи въ X в., ихъ морскіе набѣги въ X в., напр. на Сардинію, ихъ морскія силы въ Архипелагѣ и Адріатикѣ, обнаруженныя еще въ VII в.

Какъ ни ничтожны и ни кратки представляемыя выше свѣдѣнія о Славянахъ въ Африкѣ, однако, смѣю надѣяться, читатель не найдетъ ихъ ненужными и не заслуживающими вниманія, а напротивъ того признается, что отношенія Славянъ къ Африкѣ должны занять извѣстное, подобающее имъ мѣсто въ исторіи, ибо находятся въ тѣсной органической связи съ судьбами Славянъ М. Азійскихъ, Морейскихъ, Македонскихъ и Адріатическихъ.

Впрочемъ выше предложенными извѣстіями еще не исчерпывается наличный запасъ настоящихъ нашихъ свѣдѣній объ исторіи отношеній Славянъ къ Африкѣ.

II. Нынѣ никто еще изъ благоразумныхъ изслѣдователей не рѣшится утверждать, что въ Африку Славянская стихія впервые проникла съ Арабами, въ VII в. Напротивъ того, въ настоящее время можно полагать, что она была въ ней гораздо ранѣе и проникла въ нее совершенно другимъ путемъ, именно изъ Испаніи; говорю въ настоящее время, т. е. пока не опровергнуто мнѣніе, высказанное еще 20 лѣтъ тому назадъ, ученымъ, пользующимся заслуженною Европейскою извѣстностью и равно отличающимся большими дарованіями, громадною начитанностью и осторожностью выводовъ. Разумѣю писателя, великолѣпный трудъ котораго не только можно сказать создалъ науку Славянскихъ Древностей, но и много пролилъ свѣта на всю древнюю исторію новой Европы.

Шафарикъ по тщательномъ соображеніи нѣкоторыхъ обстоятельствъ пришелъ къ необходимости признать бытность Славянской стихіи въ Вандалахъ, народѣ собственно Нѣмецкаго происхожденія.

Они жили въ странѣ Лигіяхъ или Лугахъ, между Одрой и Вислой, гдѣ были старожилами Венеды, т. е. Славяне.

Имя Вандаловъ (у Плинія Виндиловъ) отличается отъ

имени Вендовъ Венедовъ не корнемъ, а только окончаніемъ. По поселеніи Свевскихъ Нѣмцевъ въ Лугахъ, и по смѣшеніи ихъ съ туземцами, произошло имя Виндиловъ, Вандаловъ, т. е. ославяненныхъ или лучше смѣшанныхъ со Славянами.

Въ средніе вѣка Вандалами называли Славянъ и Нѣмцы и сами Славяне, что началось еще съ VII, VIII в., а можетъ быть и раньше. (Такъ см. Просп. Аквит. и Іорн. въ одномъ мѣстѣ. Шафар. Слав Древ. § 18 [1]).

Извѣстны походъ Вандаловъ въ Испанію и ихъ поселенія въ ней, а потомъ въ Африкѣ, гдѣ царство ихъ держалось до 535 г.

Такимъ образомъ еще Шафарикъ допускалъ бытность Славянъ въ Африкѣ и въ Испаніи, въ періодъ V—VI в., а по всей вѣроятности и дольше, такъ какъ Идаціи, родомъ Испанецъ и современникъ Гензериха, говоритъ про него, что онъ занялъ Испанію cum Vandalis *omnibusque eorum familiis*.

Откладывая до другаго времени подробное изслѣдованіе о Вандалахъ, здѣсь укажу только на одно соображеніе, которое, какъ мнѣ кажется, подтверждаетъ мысль Шафарика о бытности Славянской стихіи въ Вандалахъ, которые, по однимъ (Vict. Vitens.), переселились въ Африку въ числѣ пятидесяти, по другимъ (Procop.) осьмидесяти тысячъ человѣкъ.

Св. Іеронимъ въ письмѣ своемъ къ Агерухіи въ 409 г. такъ писалъ о Вандалахъ, еще до похода ихъ въ Испанію: Innumerabiles et ferocissimae nationes universas Gallias occuparunt. Quidquid inter Alpes et Pyrenaeum est, quid Oceano et Rheno includitur, Quadus, *Wandalus*, *Sarmata*, *Halani*, Gipedes, Heruli, Saxones, Burgundiones, Alemani et o lugenda Respublica! *hostes Pannonii* vastarunt». (См. Zeuss. S. 450).

Смѣю думать, что подъ именемъ *Sarmata*, *hostes Pannonii* слѣдуетъ разумѣть не кого иного, какъ Славянъ, которые безъ сомнѣнія пристали къ Вандаламъ въ ихъ новыхъ жилищахъ на Дунаѣ, будучи по всей вѣроятности привлечены къ нимъ Славянскимъ элементомъ, уже принятымъ Свевами въ Лугахъ и отъ того прозванными Вандалами.

---

1. Намъ въ высшей степени страннымъ кажется, по своей неосновательности, замѣчаніе великаго Германскаго Филолога Я. Гримма: «vielleicht auch ist Veneti aus Vandali entsprungen». (Gesch. d. deutsch. Spr. Ss. 476 u. 322)

Внутреннія несогласія и усобицы Вандаловъ съ Готами въ Испаніи также намекаютъ на разнообразіе ихъ народнаго состава.

Въ 534—535 г. Велисарій разрушилъ владычество Вандаловъ въ Африкѣ; однако конечно народность Вандаловъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и Славянъ, могла сохраниться еще въ VII и даже VIII в. и позже не только въ Африкѣ, но и въ Испаніи.

Такимъ образомъ исторія Славянъ въ Африкѣ наводитъ на необходимость тщательнаго и подробнаго изслѣдованія о Вандалахъ, о судьбахъ ихъ въ Испаніи и въ Африкѣ. Если же признавать въ нихъ Славянскую стихію, то неизбѣжно раждается вопросъ — два періода исторіи Славянъ въ Африкѣ — Вандальскій и Арабскій находятся ли въ какой нибудь другъ отъ друга зависимости? иными словами Славяне, являющіеся въ Африкѣ при Арабахъ, имѣли ли свѣдѣнія о томъ, что и прежде нихъ живали въ Африкѣ ихъ соплеменники, во времена господства въ ней Вандаловъ? не нашли ли эти Славяне въ части Вандаловъ своихъ соплеменниковъ и тѣмъ взаимно не усилили ли возможности сохраненія своей народности и на будущее время?

Извѣстно, что въ Греческихъ войскахъ въ Италіи (въ 537, 540, 547 г.) служили Славяне; кто станетъ утверждать, что Славяне не могли участвовать въ войскѣ Велисарія въ его Африканскомъ походѣ?

Такое посѣщеніе Славянами Африки весьма вѣроятно; оно же не могло остаться безъ послѣдствій и не возбудить другихъ Славянъ къ посѣщеніямъ этого края. Славяне Адріатическіе, по всей вѣроятности Хорваты, со множествомъ судовъ предпринимали походъ на Апулію въ 662 г.[1], слѣдовательно еще въ половинѣ VII в. могли Славяне посѣщать и Сицилію и Африку.

III. Въ 923 г. Симеонъ Болгарскій, задумавъ завоеваніе Цареграда, отправилъ пословъ въ сѣверную Африку къ Фатлуму халифу Арабскому, предлагалъ ему вмѣстѣ идти на Цареградъ и раздѣлить добычу поровну.

1. Paul. Diac. De gestis Longobardorum. l. IV. c. XLVI. Qui Ajo cum anno et mensibus quinque (662) Beneventanum ducatum regeret, vementes Sclavi cum multitudine navium longe a civitate Sepontо castra posuerunt.

Можно полагать, что Симеонъ, зная о значеніи нѣкоторыхъ Славянъ при халифахъ, надѣялся на ихъ помощь для заключенія взаимнаго договора. Славяне Каисаръ и Модаферъ еще при преемникѣ Моэза (слѣд. до 952 г.), халифѣ Мансурѣ, пользовались большими милостями. Они, воспитанные въ мусульманствѣ, знакомые съ языкомъ Арабскимъ, не только изустнымъ, но и письменнымъ, сохраняли однако свою народность и свой языкъ. Были Славяне въ Африкѣ и во время посольства Симеона: Славянинъ Масудъ въ 924—925 г. прибылъ изъ Африки въ Сицилію и овладѣлъ замкомъ св. Агаѳіи.

Кто наблюдалъ и на современной дѣйствительности и въ исторіи то вліяніе, какое имѣютъ сходство языковъ и единоплеменность на международныя отношенія, тотъ, надѣюсь, не станетъ перечить нашему замѣчанію о Симеоновомъ посольствѣ.

Отъ П. Іовія, бывшаго въ Цареградѣ, и другихъ извѣстно, что въ первой половинѣ XVI стол. языкъ Славянскій былъ весьма обыченъ при дворѣ Турецкомъ. Янъ Заполій, воевода Трансильванскій, не желая подчиниться Австріи, бѣжалъ въ Польшу. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей Польши XVI в. Ярославъ Ласскій совѣтывалъ ему искать союза съ Турціею противъ Австріи, которую онъ, истый Славянинъ, терпѣть не могъ; наконецъ, по просьбѣ Заполія, самъ отправился въ Цареградъ, куда пріѣхалъ въ декабрѣ 1527 г., а договоръ противъ Австріи былъ подписанъ 20 февраля 1528 г. Дѣло было улажено такъ ловко и скоро, благодаря Славянамъ, служившимъ при дворѣ Солимана. Ласскій свободно разговаривалъ по-Славянски съ его визирями. Отъ него остался веденный имъ въ бытность его въ Турціи дневникъ, гдѣ между прочимъ онъ приводитъ слова Мустафы Паши, родомъ изъ Босніи. «Мы съ тобою одного племени, — говорилъ онъ Ласскому, — ты Ляхъ, а я Боснякъ. Не естественно ли любить свой народъ болѣе всякаго другаго?»[1].

1. Krasinski (C-te Valer.) Hist. religieuse des peuples Slaves. Paris 1853. p. 132. Cм Zinkeisen (Joh. Wilh.) Gesch. d. osman. Reiches in Europa. Gotha. 1854. B. II, S. 659—663, гдѣ этого обстоятельства не приводится. Дневникъ Ласскаго — Actio Hieronymi Laszky apud Turcam nomine regis Joannis, изданъ у Катоны (V. XX. p. 260—332). Къ сожалѣнію этотъ томъ былъ мнѣ недоступенъ.

Въ X же вѣкѣ нарѣчія Славянскія были гораздо ближе между собою, чѣмъ въ XVI в., а сознаніе Славянъ единства общаго ихъ происхожденія было тогда въ нихъ живѣе.

Не извѣстно пока, состояли ли Славяне на службѣ у Арабовъ Африканскихъ и въ XI и въ слѣд. вѣка? Не стану отвѣчать отрицательно, такъ какъ не вижу необходимости предполагать появленіе въ XI в. какой нибудь новой силы, которая бы разомъ и порвала и истребила тѣ побужденія, что съ одной стороны заставляли Арабовъ принимать къ себѣ Славянъ охочихъ, вольныхъ и гулящихъ людей, а съ другой стороны руководили Славянъ при переходахъ ихъ къ Арабамъ въ Африку въ IX—X в.

Такъ какъ Славянъ Европейскихъ, переходившихъ къ Арабамъ въ Африку, конечно, большинство составляли Славяне Адріатическіе, то понятна кажется та увѣренность наша, что этимъ послѣднимъ черезъ своихъ земляковъ весьма облегчены были международныя сношенія съ Африкою.

Дубровникъ, эта умная Славянская община, этотъ Адріатическій Новгородъ, рано завелся флотомъ и зачалъ расширять свои торговыя связи. Въ 868 г., по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, суда Дубровницкія перевозятъ въ Апулію довольно значительныя силы. Въ 990 г. въ Адріатическомъ морѣ отняли отъ Дубровничанъ Венеціане одно судно съ кладью цѣною въ 25 тысячь дукатовъ, а въ 997 г. другое судно съ серебромъ и воскомъ въ 12 тысячь цеккиновъ. По настоятельнымъ требованіямъ отъ Венеціанскаго сената, Дубровничане были вознаграждены; послѣ чего они заключили миръ съ Венеціею, продолжавшійся нѣсколько лѣтъ.

Въ XI в. Норманны овладѣли Сициліею, Калабріею и Апуліею и пользовались немалымъ значеніемъ. Дубровникъ заключилъ съ ними договоръ, согласно которому въ 1080 г. двѣ большія Дубровницкія галеры помогали Гвискарду, который одержалъ побѣду при Дураццо надъ Алексѣемъ Комниномъ и Венеціанскимъ дожемъ.

Въ XII в. Дубровникъ заключаетъ торговые договоры съ Мольфеттою въ 1148 г., съ Пизою въ 1169 г; при Мануилѣ Комнинѣ подтверждены были Дубровничанамъ старыя при-

виллегій, и даже, благодаря этого императора, они вступили въ союзъ Генуэзцевъ, Пизанцевъ и Анконцевъ противъ Венеціи и Вильгельма, короля Сицилійскаго Получивъ отъ этого же императора право гражданства въ Цареградѣ, вмѣстѣ съ самыми выгодными преимуществами, купцы Дубровницкіе при Комнинахъ, Ласкаряхъ и Кантакузинѣ завели свою торговлю по всей древней Ѳракіи и до самой М. Азіи.

Дубровникъ постоянно снабжалъ крестоносцевъ военными и торговыми судами для перевозки войска, особенно же при папѣ Григоріѣ III, въ 1218 г. Въ 1240 г. онъ заключилъ съ Омишемъ (Славянскій приморскій городъ на югъ отъ Сплита) договоръ, который, по словамъ почтеннаго Аппендини, въ высшей степени замѣчателенъ и ясно собою доказываетъ, что въ то время Дубровницкій флотъ былъ уже достаточно извѣстенъ на восточныхъ и западныхъ моряхъ (trattato curiosissimo, il quale mostra, che la marina Ragusea era già in quel tempo assai accreditata per tutto l'oriente ed occidente dei nostri mari). Славянскія поселенія въ Сициліи X в. конечно не могли утратить своей народности ни въ XI, ни въ XII в., тѣмъ болѣе, что они должны были находиться въ постоянномъ общеніи съ своими соплеменниками и даже земляками; наконецъ очень вѣроятно, что притягивая къ себѣ сихъ послѣднихъ, они постоянно такъ сказать освѣжали и подкрѣпляли свою стихію Славянскую. — Въ 1283 — 1287 г. Дубровникъ заключилъ съ замѣчательнѣйшими городами Сициліи, какъ напр. съ Сиракузою, Мессиною, Барлеттою, торговые договоры, по которымъ были обезпечены взаимныя права гражданства. Послѣ разныхъ несчастій, какъ то голода, пожара, поразившихъ Дубровникъ ок. 1289 г., множество Дубровничанъ хотѣло покинуть свою родину и бѣжать въ Сицилію, Калабрію и Апулію.

Безъ сомнѣнія на основаніи предложенныхъ извѣстій читателю не трудно будетъ представить себѣ картину сношеній Дубровника съ Египтомъ, съ Африкою. Венеція, въ которой Славянскій элементъ былъ всегда чрезвычайно силенъ, еще въ X в. находилась въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ Сарацынами [1].

1. Андреи Дандоло говоритъ про дожа Петра Урсеоло II подъ 991 г.· «Omnes etiam Saracenorum principes suis legationibus benevolos et amicos fecit.» Весьма

Дубровничане и другіе Славяне Адріатическіе не могли не имѣть въ этотъ періодъ самыхъ тѣсныхъ сношеній съ Африкой, какъ непосредственныхъ, такъ и посредственныхъ черезъ Сицилію. Наконецъ существуютъ офиціальныя подлинныя извѣстія о торговлѣ Дубровника съ Африкой, еще въ первой половинѣ XIII в. Именно въ договорѣ Дубровника съ Венеціею 1232 г. между прочимъ читаемъ: «Praeterea Ragusini de mercibus Romaniae quas Veneciam apportaverint, dabunt in Venecia Communi Veneciae quinque pro Centenario, et *de mercibus ultramarinis et terre Egypti, Tonissi et Barbariae solvent quintum.* Et de mercibus regni Sicilie solvent quadragesimum Communi Veneciae. De mercibus vero Sclavoniae in Venecia nihil solvere debent». (См. Engel. Gesch. d. Freyst. Ragusa. Wien. 1807. Anh. № 1. S. 295 — 6). Изъ одной Сербской грамоты (1253 г) видать, что Дубровничане продавали людей за море — по всей вѣдоятности, въ Африку. (Сербск. Спомен. № 18).

важны имена подписывавшихся подъ договорами Венеціанскими: они лучше всего обличаютъ Славянскую стихію въ Венеціи, въ Истріи. Такъ см. Pactum Tergestinae civitatis 1202. *Paganus.* — *Ca. Bruda.* — *A. de Dobrofin.* — *Lo. de Budina.* — *Jubanus.* — *M. Bolesta.* — *Melicz* — *Wocina.* — *To. Sclavo.* — *Colman.* — *Marin Pilizar.* — *Triebez.* — *A. Ros.* — *Colman Ros.* — *N. Budina.* — *Dominicus Pisez.* — *Niexco.* — *Bor. Wolziza.* — *Andrea Budina.* — *Walter Sclavo.* — *Artuic Pilizar.* — *Stanco Crabre.* — *Stoianus Sclavo. Blagosit Perunus.* — *Miro.* — *Darinoga* (Trinoga) — *Carcianus Ludic.* — *D. Boccasinus.* — *Miriz.* — *Joannes Budina* (Tafel. I. XCVI). См. Prestito contratto dal capitano Ruggero Premarino sulla flotta in Abido. (Romanin — Storia documentata di Venezia. T. II. p III. Docum VI. 1196. стр. 415 и сл.). — Petrus *Baldo.* — Bertolotus *Bano.* — *Semus* Deo. — Petrus, Pangrati *Cunini*, также *Cunino.* — Leonardus *de Sarmaza* (срв. Petrus de Patavia). — Pangrat. *Barozi* (у насъ есть фамилія *Барощи*, откуда?). — Marcus *Bmilosso.* — Leon *Ungarus* — Barthol. *Greco.* — Joanes *Buzini.* См. Patto di Cittanova (ib. I, 388, XVII. Tafel. I, 294). — Florenti *Flabanic.* — Joh. *Flabanic.* — Johes *Russo.* См. Promessa di non vendere armi ai Saraceni. 971. (ib. I, 373. Tafel. I, 25). — Joan. *Pleseghi.* — Sign. man. Leonis *Rosso.* — Въ другомъ мѣстѣ я буду имѣть случаи говорить объ этомъ подробнѣе, а теперь напомню, что въ одной грамотѣ (безъ начала) Дубровника, не обозначенной годомъ, но весьма древней, по словамъ Шафарика (nese znaky nejhlubšího stáří...) въ числѣ именъ находимъ: *роусинь болесьлавикъ.* См. также Догов. Гр. кн. Дуброви. Марсилія Георгія съ Мих. Асѣнемъ Ц Болг. прот Стеф. Уроша краля Сербск. 1253 г. Въ числѣ клявшихся въ твердости и ненарушимости договора и подписавшихся въ концѣ его читаемъ собственныя имена, сначала князя, потомъ судей и т. д., наконецъ «векьници ѡль вельега вeча: врьсанько проданчикъ..... *роусинь петровкъ..... роусинь бельчикъ... власи роусиновичь..* (Сербск. Спом. 16. — Шаф. Рам. № XVI).

Въ XIV в. два обстоятельства особенно благопріятно подѣйствовали на развитіе морскихъ силъ Дубровника. Первое состояло въ томъ, что сенатъ Венеціанскій даровалъ Дубровничанамъ права Венеціанскихъ гражданъ, преимущество, которое никому болѣе не уступала Венеція[1]. Второе же обстоятельство — смерть Стефана Уроша послѣдняго Неманича, съ которой Дубровничане потерявъ свои преимущества въ Сербіи, исключительно обратили вниманіе на морскую торговлю. Отъ султановъ Египетскаго, Сирійскаго, Иконійскаго и Виѳинскаго и другихъ владѣтелей Азіатскихъ, Дубровнику предоставлена была свобода торговли, со всѣми правами и преимуществами.

Взаимный оборонительный союзъ Дубровника съ Генуей въ 1378 г., противъ Венеціи имѣлъ весьма выгодное вліяніе на расширеніе его морской торговли[2]. Въ 1385 г. Дубровникъ заключаетъ торговый договоръ съ Франціей, причемъ выговорилъ себѣ большія преимущества. Въ XV в. торговля Дубровника принимаетъ огромные размѣры, не даромъ дивились ей современники и говорили, что «нѣтъ въ Европѣ самаго отдаленнаго мѣста, гдѣ бы нельзя было встрѣтить купцевъ Дубровницкихъ[3]». — На соборѣ Базельскомъ въ 1433 г. Дубровничанамъ

1. Appendini: Notizie istorico-critiche... II. Cap. IX. Commercio marittimo de'Ragusei. «Itaque omnes Ragusaei nati in Ragusio et ex eis nasciturі de caetero sint cives nostri Venetiarum, possint mercare tanquam cives Veneti navigando cum navigus nostris». Замѣчу разъ на всегда, что всѣ приводимыя мною извѣстія о Дубровникѣ заимствованы изъ сочиненія Аппендини, труда стараго, но не устарѣлаго и понынѣ неимѣющаго себѣ равнаго, что очень жалко, такъ какъ судьбы Дубровника имѣютъ высокій интересъ для насъ Славянъ особенно.

2. Аппендини прибавляетъ: «Съ того времени до настоящаго (1802 г.) Генуя была для Дубровничанъ главнымъ мѣстомъ ихъ торговли въ Средиземномъ морѣ, какъ видно изъ длинной надписи на часовнѣ, построенной Дубровничанами въ 1581 г. при церкви св. Маріи (Chiesa di S. Maria detta Castellani dei Pp. Domenicani) въ Генуѣ. Въ этой надписи народъ Дубровницкій названъ *знаменитымъ морскими путями — maritimis itineribus illustris*».

3. Палладій Фоско: «Hinc est, quod nulla Europae pars adeo abdita est, ita adveris infesta, ut in ea Rhagusanos non invenias negotiatores. Habebant annis superioribus (ок. 1450 г.) cum ante Senatus Veneti decretum jure suo, quocunque vellent, navigare possent, naves amplius trecentas, quas mercibus onustas in diversas orbis partes ad quaestum mittebant». Аббатъ Денина: «i Ragusei, nazione findallora trafficante, come lo è oggidì, contenti per avventura di ciò, che non facevano i Napoletani, cioè di asportare il soprabbondante del regno scorrevano veramente colle loro

разрѣшено было торговать съ невѣрными; а въ 1469 г. Дубровницкій сенатъ выхлопоталъ у папы Павла II разрѣшеніе употребить въ дѣло большое количество своихъ судовъ. Наконецъ, говоритъ Аппендини, изъ національныхъ архивовъ открывается, что въ 1510 г. Дубровничане получаютъ отъ султана Мамелюковъ (Abunassar Causei Gauro) право на свободную торговлю товарами Египта и Сиріи. Транзитная торговля товарами Индіи, бывшая прежде въ рукахъ однихъ Генуэзцевъ и Венеціанъ, пока не открыли мысъ Доброй Надежды, и доставлявшая имъ огромныя богатства, стала, подъ конецъ, какъ бы исключительною привиллегіею Дубровничанъ. Война Венеціанъ съ Баязетомъ, принудила ихъ изъ опасенія корсаровъ, вывести изъ портовъ Египта, Сиріи и Архипелага всѣ свои торговые суда. По той же причинѣ и Генуэзцы ограничили свою торговлю Средиземнымъ моремъ и портами Сѣвернаго океана. Только Дубровникъ для продолженія этой торговли былъ равно покровительствуемъ и ласкаемъ всѣми державами, особенно же Венеціанами, которые много скрыли судовъ своихъ и товаровъ, въ гаваняхъ Дубровника, изъ боязни Варварійскихъ пиратовъ. Сенатъ Дубровницкій заключилъ тогда же договоръ съ Портою, по которому всѣ державы, бывшія въ войнѣ съ Турками, могли безопасно укры-

---

navi per tutte le parti del Mediterraneo, ma non contavansi fra le potenze marittime». Рико «Les habitants (Дубровника или Рагузы) faisaient autrefois un grand trafic dans les parties occidentales de l'Europe; et on dit, que ces grandes et vastes Caraques, que l'on appelle Argosies si fameuses par la grande charge, qu'elles portent, ont été appellées ainsi par la corruption du mot Ragusies, qui vient de celui de Raguse». Джіованни Баттиста Амальтео: «Evvi ancora (in Ragusa) bella occasione di far trafficare, mercare, e di tener vivo qualche danaro per via di Levante, o di Spagna, o d'Inghilterra». (См. Аппендини тамъ же). Дубровникъ былъ открытымъ убѣжищемъ для выходцевъ всѣхъ сосѣднихъ странъ: «multi ex proximis regionibus Illyrico, Macedonia, Epyro, Graecia, Italia, eo habitatum convenere; civitatis magis institutis ac moribus, quam solis felicitate ulla capti». (Lud. Tuber. Comment. de temporib. suis lib. V. § VI). Тотъ же Туберъ говоритъ по случаю пріѣзда Юрія Бранковича въ Дубровникъ и отдачи имъ на сохраненіе въ Дубровникъ своего имущества. «Cum fidei Senatus Ragusani sua omnia credidisset: Ragusani, neque terrore Turcarum, quo fere Europa id temporis magnopere perculsa erat, neque ullo praemio adduci potuerunt, quo minus fidem servarent. Quam profecto constantiam, Amurathem Othomannum, Turcarum regem vehementer admiratum, dixisse ferunt, urbem haud facile perditum iri, in qua scilicet tanti ducitur fides» (ibid. L. V. § VI). Не такъ говорилъ Югурта про Римъ!

вать суда свои въ портахъ Дубровницкихъ. Такъ и Венеціане держали тамъ корабли свои. Когда же во время союза Камбрейскаго, Венеціане, всюду разбитые, брошенные и ненавидимые всею Европой, препоручили себя Дубровнику, то умные его граждане, не навлекая на себя и тѣни неудовольствія союзниковъ, съ своимъ цвѣтущимъ флотомъ снабжали Венецію хлѣбомъ и всѣмъ въ изобиліи.

Таковы были торговыя сношенія Дубровника съ Африкой: они ослабѣли, но не прекращались и въ слѣдующіе вѣка. Нельзя умолчать здѣсь объ одномъ обстоятельствѣ, которое не могло не благопріятствовать этимъ сношеніямъ.

Въ 1517 г. Египетъ былъ завоеванъ Турками, при Мелекъ-эль-Агираф-Туман-бей, послѣднемъ султанѣ изъ второй династіи мамелюковъ, Черкасской, ибо первая династія Багаритовъ была изъ Туркомановъ и господствовала въ Египтѣ съ 1250 по 1381 г.[1].

---

1. См. Histoire des sultans Mamlouks, de l'Egypte, écrite en Arabe par Taki-Eddin-Ahmed-Makrizi, trad. en franç. et accomp. de notes philol., histor., géograph. par M. Quatremère. Paris. Какое значеніе имѣли эти мамелюки, рабы въ Египтѣ, можно видѣть изъ словъ Макризи про султана Мелекъ-Мансура Келауна († 1290 г.): «Ce prince avait à son service douze mille mamlouks, ou, suivant d'autres, sept mille; ce qui est plus conforme à la vérité. Plusieurs d'entre eux furent promis au rang d'émirs; quelques uns même, parvinrent à la dignité de sultan Parmi les mamlouks, il en avait choisi trois mille sept cents, originaires de l'Arménie et de la Circassie, et les plaça dans les tours de la citadelle, d'où ils prirent le nom de *Bordjis*». (T. II, p. 111). Вотъ что говоритъ Лудовикъ Туберъ о мамелюкахъ Черкасскихъ въ Египтѣ: «Pontica gens, quae inter Maeotim et Phasim incolit, vulgo Cercassos vocant ad hanc militiam delecta. Inde greges servorum abducebantur; partim liberi a parentibus venundati, qui sane nihil sceleris eo facinore se suscipere putabant, existimantes prolem suam non in servitutem abduci, verum in imperium mitti; partim a Tartaris, Maeotis accolis emti, quos illi Pônticas regiones incursando, captos cum Syris mercatoribus, tum veste, tum pecunia permutabant. Hi servi ad Calipham perducti, hominibus armorum et equitandi peritis, dividebantur; quos illi in disciplinam acceptos omnes equestris militiae artes edocebant, quotidianisque fere exercitationibus ac pugnae simulacris, experiundo, eorum corpora simul et animos ad bellum acuebant. Caeterum, imperium fraude quaesitum, haud altius radices egit; cum praesertim non suis, sed alienis viribus inniteretur. Nam serviles animi, posteaquam se justo exercitu auctos viresque regni ex se pendere viderunt; reputantes perfidiae praemium regnum fore inito inter se consilio, adversum Calipham conjurant. Cur enim sacerdos, curandis sacris constitutus, qui in otio aetatem agit, quippe qui nusquam e cubiculo prodit, verum in sella aurea residens, pulvillis purpureis innixus, ne hyberni quidem solis patiens, quasi animal epulis destinatum, sese intra saginando, regnum potius

Хотя изъ Герберштейна и извѣстно намъ, что Черкесы употребляли въ богослуженіи языкъ Славянскій, а Черкасы Пятигорскіе и говорили даже по Славянски, хотя и убѣдились мы выше о давнихъ поселеніяхъ Русскихъ на Дону и о давнихъ сношеніяхъ ихъ съ Кавказомъ, хотя приведенныя нами выше слова Петра де ла Валле о Черкесахъ, исповѣдывавшихъ христіанскую Греческую вѣру, но безъ книгъ и священниковъ, именно о томъ, что «они, подвластные различнымъ Мирзамъ живутъ грабежемъ и ведутъ постоянныя войны то съ Татарами, то съ Лезгинами; оттого-то такое множество рабовъ и рабынь Черкесскаго, *Русскаго*, Татарскаго и Лезгинскаго происхожденія, которыхъ продаютъ на всемъ востокѣ», хотя слова эти и не могутъ и не должны быть относимы только къ одному XVII или XVI в., но вѣрны они и относительно древнѣйшаго времени и очень живо напоминаютъ намъ слова Арабскаго писателя Димешки († 1393 г.), который указавъ на обширность пространства, населеннаго Славянами, прибавилъ: «потому-то и находили Славянскихъ плѣнниковъ въ Андалузіи и въ Хорасанѣ, по причинѣ тѣхъ войнъ, которыя вели они съ Турками и съ Греками», хотя, повторяемъ, слова, сказанныя въ Цареградѣ думнымъ дворяниномъ Ислѣньевымъ (въ 1594 г.) отъ имени Ц. Ѳедора, заслуживаютъ вниманія и заставляютъ задуматься, т. е. «изначала Кабардинскіе и Горскіе Черкасскіе князи и Шевкальской были холопи наши Рязанскихъ предѣловъ, и отъ насъ сбѣжали съ Рязани и вселились въ горы, и били челомъ отцу нашему», хотя, говорю, всѣ эти извѣстія и позволяютъ предполагать, что въ числѣ мамелюковъ Египетскихъ бывали и Русскіе люди, однако все же эти свѣдѣнія и соображенія недостаточны для объясненія нижеслѣдующаго весьма любопытнаго и совершенно несомнѣннаго свидѣтельства П. Іовія. Для его объясненія надо прибѣгнуть къ другому единственно

---

temperaret, quam milites? sine quorum armis, sudore et sanguine, neque imperium ampliari, neque tutum reddi queat. Itaque misso ad Caliphatum nuntio, jubent illum sacra duntaxat capessere; vetito eo, pro imperio quidquam de caetero agere Extorto Caliphae regno, cum servorum imperium ad ducentos fere annos durasset, tandem a Turcis hunc in modum deletum est». (Comment. de temporib. suis. l. X. § XIII — у Шмандтне ра).

возможному и весьма вѣроятному предположенію, которое, можно надѣяться, будетъ въ послѣдствіи оправдано подлинными и точными извѣстіями. Разумѣю здѣсь слѣдующія слова Іовія: «Moschovitae Illyrica lingua, Illyricisque literis utuntur, sicuti et Sclavi, Dalmatae, Bohemi, Poloni et Lithuani. Ea lingua omnium longe latissima esse perhibetur, nam Constantinopoli Ottomanorum in aula familiaris est, et nuper in Aegypto apud Memphiticum Sulthanum et equites Mamaluchos haud ingratis auribus audiebatur. In hanc linguam ingens multitudo sacrorum librorum industria maxime divi Hieronymi et Cyrilli, translata est[1], т. е. «Московиты говорятъ по-Иллирски и пишутъ Иллирскими буквами, также, какъ и Славяне, Далматы, Богемцы, Поляки и Литовцы. Этотъ языкъ распространенъ больше всѣхъ на свѣтѣ: такъ онъ обыченъ въ Константинополѣ при дворѣ Оттомановъ, и еще недавно былъ въ чести въ Египтѣ у Султана Мемфійскаго и у Мамелюковъ. На этотъ языкъ преимущественно трудами св. Іеронима и Кирилла переведено великое множество священныхъ книгъ». Для объясненія этого любопытнаго извѣстія необходимо прибѣгнуть къ тому предположенію, что Славяне Задунайскіе и Адріатическіе и въ послѣдующія времена послѣ IX—X в. переходили къ Арабамъ въ Африку, получали тамъ значительныя мѣста и пользовались великимъ уваженіемъ. Безспорно, что торговыя связи Дубровника и вообще Славянъ съ Египтомъ были тѣмъ облег-

1. P. Jovii Novocomensis libellus de legat. Basil. magni principis Moschoviae ad Clementem VII... Basileae. MDXXVII. 4-to. p. 32. Бальбинъ (Dissert. apologetica pro lingua slavonica. Pragae. 1775. p. 63) говоритъ. «Paucas caeterarum linguarum amplitudine terrarum, et populi cum slavica posse conferri, enumerat liber *Bibliothecae Vaticanae* plurima populorum nomina, qui slavica lingua utantur, additque Turcis nullam familiariorem esse, a quibus Aulica, Regia, et Imperatoria appelletur, quod velut apud nos in Aulis italica, aut gallica, sic in Aula magni *Turcae* Proceres omnes *Bassae, Vezirii*, ac provinciarum Rectores per delicias slavica utantur». Янъ Красинскій, въ своемъ трактатѣ о Польшѣ, писанномъ для Генриха Валуа въ 1574 г., перечисливъ между прочимъ народы Славянскіе продолжаетъ «Wszystkie te narody nazwisko sławiańskich noszą, i mowy sławiańskiej z małą różnicą dyalektów używają. Ale i narodowi tureckiemu nie obcą jest mowa Sławian, *a na dworze Konstantynopolskim chętnie jej słuszają*; co ztąd, jak sądzę, pochodzi, że sułtan turecki prawie wszystkie kraje sławiańskie pod swoje panowanie zagarnął. Wielu także Sławian, przyjąwszy religię mahometańską, u sułtana wojskowo służy». (J Krasińskiego Polska czyli opisanie topograficzno-polityczne w wieku XVI... przetłum. przez Stan. Budzińskiego. Warszawa. 1852. str. 25—26).

чены чрезвычайно. Можно смѣло надѣяться, что не только изученіе будущими Славянскими оріенталистами восточныхъ источниковъ, но и старательные поиски Славянистовъ въ архивахъ Вѣны, Венеціи и Далмаціи откроютъ немало совершенно новыхъ данныхъ, которымъ быть можетъ суждено пролить неожиданный свѣтъ на нѣкоторыя доселѣ загадочныя и темныя явленія Европейской и Восточной исторіи. — *Халябъ*, *Мисръ* — Алеппо, Египетъ — народныя названія эти попадаются уже въ нашихъ памятникахъ со 2-ой половины XV в., а народность этихъ названій указываетъ, какъ справедливо замѣчено И. И. Срезневскимъ, «на прямое вліяніе торговцевъ Русскихъ, или по крайней мѣрѣ на прямой перевозъ товаровъ съ тѣхъ мѣстъ, на которыя указываютъ ихъ названія[1]».

---

1. Уч. Зап. И. А. Н. Кн. II. Вып. 2. С. 228. Рафаловичъ въ своей любопытной книгѣ разсказываетъ объ одной отрасли Русской промышленности, которая безъ сомнѣнія идетъ весьма издавна ... Въ Египтѣ онъ постоянно встрѣчалъ мѣдный тазъ съ двоимымъ дномъ — *тыштъ*, и мѣдныя кувшины красивой формы съ длиннымъ узкимъ носкомъ — *ибрикъ*. «Сказанные тыштъ и ибрики, — по словамъ Рафаловича, — вездѣ на востокѣ въ большомъ употребленіи; почти всѣ, коморые мнѣ случалось видѣть, издѣлія Московскаго и снабжены Русскимъ фабричнымъ клеймомъ, *или же приготовлены въ Константинополѣ Русскими мастерами* Въ этомъ городѣ цѣна такого кувшина съ лоханкою не больше 7 или 8 рубл. серебр.» (Рафаловичъ (А.) Путеш. по Нижнему Египту и внутр. обл. Дельты. Спб. 1850. С. 93). Вообще нынѣ обращающимся въ большинствѣ понятіямъ о разобщенности древней до-Петровской Россіи съ остальнымъ міромъ суждено потерпѣть значительное измѣненіе; намъ кажется, что онъ столь же справедливы, какъ не менѣе распространенное мнѣніе о томъ, что Русскій народъ до начала XVIII в. не имѣлъ будто бы своей словесности. Извѣстно значеніе Солуня — Русскіе посѣщали его издавна. Такъ описываетъ его Барскій въ 1726 г.: «Градъ оный (Солунь) воистину пресловутый есть, не лѣпотою и крѣпостію, но ветхостію и пристанищемъ земнымъ и воднымъ; тамо бо приходятъ отъ Царяграда, отъ Египта, отъ Венеціи, Франціи и отъ Англіи корабли дѣющи, такожде и по земли отъ Нѣмцевъ, Италіанцевъ, Болгаровъ, Сербовъ, Далматовъ и отъ всей Македоніи, *и отъ Русской Украйны* торговцы различные, малые и великіе, приносящіе разныя отовсюду товары; градъ тотъ зѣло доволенъ есть въ пищѣ, наипаче же въ хлѣбѣ» и пр. (I, 160). — «Въ Солунѣ довольно людей всякаго народа, то есть Италіанскаго, Французскаго, Гишпанскаго, Волоскаго, *Рускаго*, Арапскаго, Арнаутскаго, Болгарскаго и прочихъ» (ib. 161). Жестоко бы ошибся тотъ, кто сталъ бы утверждать, что напр. въ XVII, XVI в. и даже прежде, Русскіе не посѣщали Солуня и не жили въ немъ; ибо обстоятельства, благопріятствовавшія Русскимъ въ началѣ XVIII стол., существовали и раньше. Давнишнія и постоянныя связи съ Болгарами, Сербами, даже съ Дубровникомъ (объ этомъ въ другомъ мѣстѣ) и съ Аѳономъ (см. напр. Христ. Чт. 1853. Ч. II. С. 290—317) знакомили Русскихъ и съ Со-

Съ завоеваніемъ Египта Турками (1517 г.), Славянская въ немъ стихія безъ сомнѣнія не исчезла вовсе: бѣглые, гулящіе и вольные люди изъ Черногорья, Албаніи, Герцоговины, Босніи, Сербіи, безъ сомнѣнія постоянно перебѣгали въ Африку и въ XVI — XVIII стол., какъ перебѣгали до новѣйшаго времени; связи были слишкомъ старыя, путь слишкомъ извѣстный, воспоминанія слишкомъ свѣжія, чтобы Славяне не пользовались имъ; притомъ множество Славянъ, принявшихъ исламизмъ и сохранившихъ свою народность, состояло въ это время на службѣ

лунемъ. Позволяю себѣ привести слѣдующія слова инока Парѳенія. Собравшись на Аѳонъ, въ 1839 г., онъ прибылъ въ Мачинъ· «Во градѣ же христіане весьма добрые и странноприимные; весьма были рады, что мы пришли къ нимъ дѣлить ихъ скорби и иго Турецкое». Они жаловались на притѣсненія Турокъ — «владыка Грекъ въ наши дѣла не входитъ и насъ не защищаетъ». — «Сіи христіане роду называемые Ромыни, одежду носятъ Болгарскую, а говорятъ языкомъ Влахискимъ. Мы ихъ распросили о пути во Св. Гору; «одинъ путь горами, *хотя и поближе, но на немъ больше села Турецкія; хотя пищею и будете довольны, но вамъ будетъ непріятно, да и говорить по-Турецки не знаете; а другой путь вверхъ по берегу Дуная до самого Рущука, съ христіанами нашими Ромынями; здѣсь для васъ лучше: и языкъ вы знаете, и вамъ будетъ удобно, и пищею будете довольны.* А отъ Рущука пойдутъ *Болгары — тоже ваши*, почти до самой Св. Горы. А тамъ немного Греками *пойдете*». Мы поблагодарили ихъ за страннолюбіе и за наставленіе, и пожелали имъ терпѣнія носить тяжкое иго Турецкое, и также, чтобы Господь поскорѣи ихъ отъ него освободилъ; они сказали: «аминь» Мы же, простившись, пошли изъ града. А они насъ проводили за заставу и показали намъ путь». (II, 38). Вотъ живая картина *хожденій* нашихъ старыхъ предковъ! Замѣтимъ только, что до Турокъ, въ XIV, XIII, XII в., путь Русскимъ на Аѳонъ, въ Солунь, былъ еще болѣе облегченъ. «Христіане сказали намъ, что путь до св. горы Аѳонскои *отъ Рущука 18 дней ходу* и переписали намъ всѣ села». (ib. 47). Константинъ Порфирородныи путь изъ Бѣлграда въ Солунь опредѣлялъ меньше, чѣмъ въ 8 дней. (De adm. Imp. C. XLII) Припомнимъ также давнишнія поселенія Русскихъ въ нынѣшнихъ Дунайскихъ княжествахъ. Черезъ Солунь Русскіе не могли не имѣть сношеній и съ Египтомъ, тѣмъ болѣе, что до 1517 г. языкъ Славянскіи «apud Memphiticum sulthanum et equites Mamaluchos haud ingratis auribus audiebatur». При разсмотрѣніи вопроса о доступности Русскимъ Египта нельзя терять изъ вида и сношеній ихъ съ Сиріею и Палестиною. Барскій такъ разсказываетъ о прибытіи своемъ въ Антіохію (ноябрь 1728 г): «идохъ на торжище и водворихся купно съ торговцами въ дворѣ общемъ, понеже тамо нѣсть странноприемныхъ домовъ или гостинницъ и ниже зданія церкви, къ тому же и христіане не имутъ обычая странныхъ звати въ домъ и нощевахъ купно *съ торговцами* Греческими, *пришельцами отъ земли Болгарской отъ града Филиппополя*, иже мя угостиша трапезою и одромъ честно, возрадовашася бо зѣло, яко языкомъ ихъ бесѣдовахъ, къ тому же и народъ ихъ есть естественно страннолюбивъ». (I, 337). Сношенія Русскихъ со Св. Землею были облегчены сношеніями другихъ

у Порты, нѣкоторые изъ нихъ пользовались огромнымъ значеніемъ, слѣдовательно Славянскій элементъ могъ проникать въ Египетъ черезъ само правительство Турецкое; въ XVI. XVII ст. тысячи Русскихъ невольниковъ томились въ плѣну у Татаръ и Турокъ, ими производилась значительная торговля и конечно они попадали и въ Египетъ, гдѣ находили своихъ соплеменниковъ, которые безъ сомнѣнія облегчали ихъ тяжкую участь. Наконецъ торговля и морскія силы Дубровника въ продолженіи всего шестнадцатаго и въ первую половину семнадцатаго сто-

---

Славянъ православныхъ — Болгаровъ, Сербовъ, которые во времена своей независимости жертвовали большіе вклады въ Іерусалимъ, монастырь св. Саввы и пр. См. Востокова: Описаніе рпсеи А. С. Норова; одна изъ нихъ — Тріодь цвѣтная, писана въ 1374 г. на Синаискои горѣ для Сербскои церкви архистратига Михаила въ Іерусалимѣ. (Уч. Зап. Кн II. Вып. II. С. 102). При Стефанѣ Душанѣ († 1355 г.) и его сынѣ Стефанѣ Урошѣ († 1367 г) эта церковь получала ежегодно тысячу перперовъ. (См. Гласникъ дружтва Србске словесн. У Београду 1849. Свезка II. С. 197—199. Въ 1479 г. Сербская церковь въ Іерусалимѣ уже опустѣла и тысяча перперовъ шла теперь на Святогорскіе монастыри Хиландаръ и св. Павла (см. тамъ же стр. 200 и сл.). Въ XV, XVI и сл стол. воеводы Молдавскіе не оставляли своими вкладами ни Св. Горы, ни Палестины. Въ Похвалѣ Самодержцу Василію,— сочиненіе которои приписывали знаменитому Василану,— говорится про Василія: «всѣхъ бо любляше и всѣми любимъ бяше, и вси къ нему припадающе, не тоимо ближніи, но и дальніи, еже бы рещи отъ Синая и отъ Палестины, Италія же и Антіохія и отъ всея подсолнечныя хотяще его токмо видити и слово его слышати». Сербская церковь въ Іерусалимѣ была по всеи вѣроятности построена Сербскимъ княземъ Милутиномъ (1275—1321 г.), которыи посылалъ милости и въ Іерусалимъ, и на Синаи, и въ *Египетскую землю*; построилъ много храмовъ не только въ Сербіи, но и въ Греціи. въ Солунѣ церковь Св. Троицы (*сьиздавь и оукрасивь и полате въздвигь*), въ Цареградѣ церкви и больницы. (См. Šaf. Pam. — Лѣт. 70. — Србск. Спом. № 35. — Маиковъ. Ист. Сербск. яз М. 1857. С. 228). Св. Сава Сербскіи († 1237 г.) странствовалъ въ Палестину, на Синаи, былъ въ Египтѣ; сохранившіяся о семъ подробности позволяютъ предполагать особое описаніе этого путешествія, составленное кѣмъ нибудь изъ его спутниковъ Русскіе этого времени, находясь въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ своими единовѣрными соплеменниками, не могли не имѣть сношеніи съ Сиріею, Палестиной, Египтомъ. И дѣйствительно до насъ дошелъ одинъ изъ замѣчательнѣишихъ памятниковъ старои Русскои словесности — Хожденіе Даніила Паломника, изъ котораго узнаемъ, что въ концѣ XI и въ началѣ XII в. Русскихъ немало бывало въ Іерусалимѣ. Есть извѣстіе, хотя и позднее, но не невѣроятное, о томъ, что еще Владиміръ въ 1001 г. посылалъ пословъ въ Египетъ, въ Іерусалимъ и прочія страны, «да и тамо увѣсть богоугодныхъ мужеи пребываніе и церковное благолѣпіе. да отсюда пользу преобрящетъ». (Ист. Русск. Церкви. Макарія. Спб. 1857. I, 173). Въ краткомъ «Лѣтописцѣ Господъ Сербскихъ» подъ 1517 г. читаемъ: «царь селимъ шахъ прими градь мисыръ сирѣчь егупть». (Šaf Pam. С. 83).

лѣтій (до 1667 г.), постоянно возрастали, слѣдовательно и съ открытіемъ Новаго Свѣта и новыхъ путей, сношенія его съ Африкой не могли вовсе прекратиться. Въ послѣдствіи Дубровникъ снова оправился и уже велъ сношенія съ Египтомъ, съ Африкой въ XVIII в., когда на сѣверо-востокѣ другой Славянскій народъ, разбираемый вѣчнымъ своимъ желаніемъ *новыхъ земницъ отыскивать* и *пустую землю въ живущую помнити*, грозно наконецъ заявилъ себя всему міру могучимъ образомъ Петра, и разбивъ Шведа подъ Полтавой, никѣмъ на Западѣ не званный и непрошенный, вдвинулъ свою страну въ систему сильнѣйшихъ Европейскихъ державъ, вліяніе которыхъ на Египетъ, Африку, неминуемо, неизбѣжно, необходимо.

Дальнѣйшее развитіе Русской народной промышленности и торговли, весьма замѣтное пробужденіе народной самобытности въ Славянахъ Турецкихъ и Австрійскихъ, могутъ служить благонадежнымъ ручательствомъ въ томъ, что отношеніямъ міра Славянскаго къ Египту, Африкѣ, особенно съ ожидаемымъ прорытіемъ Суэзскаго канала, предстоитъ будущность далеко не жалкая. Нельзя однако скрывать, что тотъ или другой оборотъ этихъ дѣлъ, то или другое ихъ направленіе въ будущемъ, или лучше вопросъ о будущихъ отношеніяхъ міра Славянскаго къ Египту и вообще Африкѣ, находится въ тѣсной зависимости отъ другихъ въ высшей степени важныхъ для Славянъ вопросовъ, напр. объ отношеніяхъ ихъ къ Италіи, къ Нѣмецкой народности или политикѣ въ Австріи, и т. д. Не менѣе очевидна и важность прошлыхъ отношеній міра Славянскаго къ Африкѣ, какъ предмета чистой любознательности, какъ вопроса науки, который, разбиваясь на множество частныхъ вопросовъ, не можетъ не возбудить какъ въ Русскихъ, такъ и въ другихъ Славянахъ, весьма простаго и необходимаго желанія уяснить ихъ себѣ и тѣмъ оказать нѣсколько услугъ наукѣ, а свою литературу обогатить трудами полезными, которые бы заслуживали всеобщей извѣстности. Дѣйствительно для исторіи отношеній Славянъ къ Африкѣ необходимы, напр. подробное разсмотрѣніе мнѣнія Шафарика о Славянской стихіи въ Вандалахъ, изученіе рукописныхъ источниковъ Арабскихъ и изданіе съ Русскимъ переводомъ всѣхъ текстовъ, относящихся до Славянъ, не только въ

Африкѣ, но и въ Азіи, ибо въ настоящее время трудно, почти невозможно отвергать органической связи судьбы Славянъ Азійскихъ, ихъ переходовъ къ Арабамъ, съ судьбою Славянъ въ Африкѣ; составленіе — на основаніи языка, лѣтописей, грамотъ и договоровъ, произведеній словесности (Юго-Славянской, Хорватской, столь богатой), современнаго быта, народныхъ пѣсенъ, преданій и разсказовъ — исторіи внѣшнихъ сношеній Дубровника и другихъ Славянскихъ Адріатическихъ общинъ, ихъ морскихъ силъ, торговли, какъ вообще, такъ и въ особенности съ Африкою, изученіе Славянской стихіи въ Венеціи, ея послѣдовательное, историческое раскрытіе, съ указаніемъ на то, какое вліяніе отношенія Венеціи къ Африкѣ имѣли на отношенія къ ней міра Славянскаго. Отправляясь отъ того положенія, безъ котораго нынѣ не возможенъ успѣхъ исторіи ни Русскаго, ни другаго какого Славянскаго народа, отъ положенія незыблемаго, что Славяне всегда и во всѣ времена сознавали единство своего общаго происхожденія, а потому и черезъ то самое чувствовали другъ къ другу взаимное притяженіе, которое поддерживалось у всѣхъ сходствомъ языка, ослаблялось у однихъ вѣроисповѣдною борьбою, скрѣплялось и освящалось у другихъ единовѣріемъ — отправляясь отъ этого положенія, слѣдуетъ раскрывать и возстановлять до малѣйшихъ подробностей исторію взаимныхъ сношеній Славянъ между собой, прослѣдить сношенія всѣхъ Славянъ съ Сиріею, Палестиною, съ Египтомъ, Африкою; собрать всѣ свѣдѣнія о невольникахъ Русскихъ въ Крыму и въ Турціи[1], о торговлѣ ими на Востокѣ въ XVI и XVII стол.; изучить отношенія Славянъ къ побѣдителямъ Туркамъ, Славянскую стихію въ Портѣ Отоманской и исторію Египта позднѣйшаго времени для основательнаго разрѣшенія вопроса о томъ, проникала ли въ Египетъ стихія Славянская въ XVI, XVII и

1. Жена Сулеймана I. Роксолана пользовалась великимъ вліяніемъ. Наваджеро говоритъ про нее: «Roxolana di natione russa, tanto amata de sua maestà, che non fu mai nella cosa ottomana alcuna donna che avesse maggiore autorità. Si dice che è piacevole, modesta, e che molto bene conosce la natura del gran-signore...» (Zinkeisen-Gesch. d. osm. R. III, 242). Вспомнивъ при семъ Соколовича-Пашу, мы поймемъ, почему Славянскій языкъ игралъ такую роль при дворѣ Оттоманскомъ въ XVI и XVII стол.

XVIII? и въ какой степени? Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, весьма полезно бы было появленіе въ Русской литературѣ — добросовѣстнаго перевода Исторія Турціи — Цинкейзена, съ дополненіемъ отъ переводчиковъ тѣхъ свѣдѣній, что упущены почтеннымъ ученымъ Нѣмецкимъ, за недоступностью ему источниковъ Русскихъ и вообще Славянскихъ. Если нельзя отрицать, что болѣе или менѣе полное и основательное разсмотрѣніе всѣхъ вопросовъ и задачь, возбуждаемыхъ при мысли объ отношеніяхъ міра Славянскаго къ Африкѣ, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ будущемъ, задачь и вопросовъ не только возможныхъ, но и въ высшей степени законныхъ и своевременныхъ, должно вызвать въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ не только въ Россіи, но и въ другихъ земляхъ Славянскихъ, новыхъ, даровитыхъ и энергическихъ дѣятелей; если нельзя отрицать этого, то тѣмъ менѣе возможно сомнѣваться во всей очевидной важности и въ тѣсной неразрывной связи тѣхъ двухъ вопросовъ, изъ коихъ одинъ о распространеніи Русскаго языка внѣ предѣловъ Россіи составляетъ предметъ постоянныхъ желаній и самыхъ строгихъ помышленій каждаго Русскаго, а другой объ изученіи въ Россіи Славянскихъ языковъ и литературъ и объ умственномъ и литературномъ общеніи нашемъ со Славянами, въ глазахъ большинства Русскихъ образованныхъ людей понынѣ представляется дѣломъ какъ бы пустымъ, ничтожнымъ и не стоющимъ почти никакого вниманія.

СЛАВЯНЕ ВЪ ИСПАНІИ.

I. Массуди, разсказывая про Донскихъ, Азовскихъ Руссовъ, которые, какъ справедливо замѣтилъ уже знаменитый Французскій оріенталистъ Рено, не были Норманнами, Шведами, а были Славянами, какъ и называлъ уже ихъ Ибнъ-Хордатъ-бегъ, современникъ нашихъ Рюрика и Олега, когда Варяги еще не могли вовсе утратить своей народности и совершенно ославяниться, Массуди говоритъ при семъ: «Русскіе состоятъ изъ различныхъ народовъ и разныхъ поколѣній; одно изъ нихъ называется аль-Людаиетъ Они ходятъ по своимъ торговымъ дѣламъ даже въ Испанію, Римъ, Константинополь и къ Хозарамъ»[1]. Извѣстія Массуди о Руссахъ никакъ не позже 944 г.; Русскіе посѣщали Испанію, и въ послѣдствіи времени[2].

По свидѣтельству Арабскихъ историковъ Ибнъ-Халдуна (XIV в.) и Ибнъ Гайяна (XI в.), въ 947 или 949 г., къ Халифу Абдуррахману III пріѣзжали въ Кордову послы не только отъ Греческаго императора изъ Константинополя, не только отъ королей Аламанъ и Франковъ, но и отъ короля Славянскаго[3].

---

1. Sprenger. p. 416. — Frahn. Ibn-Fosslan's Berichte. S. 71.

2. Frahn. Ber. S. 64 — Ибнъ-Хаукалъ: «Sie (Bulghar) war einst weit berühmt, insoferne sie der Stapelplatz des Handels der dortigen Reiche war. Aber die *Russen* plunderten sie, so wie Chaseran, Itil u. Semender, im Jahre dreihundert u achtfunfzig (d. i. 968 od. 969 nach Chr. Geb.) rein aus, u. zogen unverzuglich von da nach (gegen) Griechenland (Rum) u. Spanien (Andalus) aus». Такимъ путемъ, по всей вѣроятности, и проникли въ Русь монеты Африкано- и Испано Арабскія. См ст. Френа: Topogr. Ueber s. d. Angrab. von altem arab. Gelde in Russland, въ Bullet. St.-Pétersb t. IX. № 212—213. Очень возможно, что Русскіе Славяне ходили въ Испанію и въ IX в. Ибнъ-Хордатъ-бегъ говоритъ: «*Русскіе изъ племени Славянъ* вывозятъ мѣха бобровъ и чернобурыхъ лисицъ изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Славянской земли и продаютъ ихъ на берегахъ Румскаго моря: тутъ царь Румскій беретъ съ нихъ десятину» (См. Вѣстн. Г. Общ. 1854. I. С. 52 и сл.). Вѣроятно, что Русскіе Славяне посѣщали Испанію и въ XI в., и что тамъ ихъ знавали. Въ произведеніи св. Иларіона «Похвала Кагану» между прочимъ читаемъ: «Похвалимъ же и мы... великая и дивная сотворшаго, нашего учителя и наставника, великаго Кагана нашея земли, Владимера, внука стараго Игоря, сына же славнаго Святослава, иже въ своя лѣта владычествующа; мужествомъ же и храбрьствомъ прослувша въ странахъ многихъ и поминають нынѣ и словуть. *Не въ худѣ бо и не въ невѣдомѣ земли владычествоваша, но въ Русьской, яже вѣдома и слышима есть всѣми концы земля*». Едва ли это однѣ риторическія фразы? Все слово отличается высокою простотою, безъискусственною правдивостью. Съ чего и для чего ходить было Славянамъ Русскимъ въ Испанію, увидимъ ниже.

3. Аль-Макари, у Гаянгоса (II, 139), разсказавъ о посольствѣ Греческомъ, продолжаетъ. «Послѣ того прибыло другое посольство отъ короля Славянъ (from

Еврей Эбн-Спротъ-Хаздай, занимавшій важное мѣсто при Халифѣ Абдуррахманѣ III († 961 г.) въ письмѣ своемъ къ царю Хозарскому говоритъ между прочимъ: «Всѣ владыки земные, знающіе могущество и величіе моего повелителя, присылаютъ ему дары, рѣдкіе и драгоцѣнные предметы и такимъ образомъ снискиваютъ его благоволеніе. Таковы государь Ашкеназъ (Нѣмцевъ), царь *Гебалеянъ* т. е. *Славянъ*, императоръ Византійскій и другіе. Всѣ эти подарки идутъ черезъ мои руки [1]».

Кармоли замѣчаетъ при семъ — «Al-Saclab, Sclaves, Esclavons, désigne ici les montagnards des Karpates, *Chrobates*, tributaires d'Otton le Grand; selon le témoignage de Constantin le Porphyrogenète, ils avaient un chef du corps politique de leurs Etats unis, portant, suivant toutes les apparences, le titre de *Woievoda* qui signifie duc. Murphy parle de l'ambassade du duc des Slaves auprès du Khalife de Cordoue en ces termes: «Other embassies arrived... one from the King of the Sclavonians called Ducu». (Hist. of the Mahomet. Empire in Spain. p. 101).

Въ настоящее время лучше всего остановиться на мнѣніи Кармоли, какъ хорошо объясняющемъ выраженіе Хаздая. «Ге-

---

a king of the Sclavonians), имя котораго было *Дуку* (Dhúku), также и отъ короля Алманъ (the king of the Alaman; Гаянгосъ прибавляетъ отъ себя: the emperor of Germany), и отъ короля Франковъ изъ-за Джебаль аль-бортъ (Пиринеевъ), по имени Уко (Ukoh; Гаянгосъ прибавляетъ: Hugo), сверхъ того прибыло такое же посольство отъ одного короля, по имени Калдо (Kaldoh), изъ западныхъ предѣловъ Франціи. Эти посланники были приняты Абдуррахманомъ съ великою пышностію, и, по его приказанію, придворные и другіе чиновники ходили имъ на встрѣчу. При возвращеніи домои *Славянскихъ посланниковъ*, Абдуррахманъ отправилъ съ ними Раби епископа, который достигъ двора Оттонова и воротился назадъ по прошествіи двухъ лѣтъ». Гаянгосъ въ своихъ примѣчаніяхъ говоритъ при семъ. «*Дуку* есть, безъ сомнѣнія, испорченное Dux. *Kaldoh* или *Kalodoh* такое же испорченное слово вм. *Karolo*. Во Франціи царствовалъ тогда Карлъ Простои. Раби епископъ, по приказанію халифа, велъ переговоры съ посланникомъ Оттоновымъ (with the monk of Gorz, Othos ambassador). Но посланникъ, сопровождавшій сего послѣдняго, на возвратномъ его пути въ Германію былъ лицо свѣтское (a layman), именемъ Рецемундъ (Recemundus), бывшій однимъ изъ катибовъ или дьяковъ дворцовыхъ (clerks of the palace). См. занимательный разсказъ Іоанна (Joannes à Gorz), посланника въ Кордовѣ, у Mabillon. Acta Sanctor. ordinis S Benedicti, vol. V, p. 404, и дѣльныя замѣчанія Ромея (Romey) Hist. d'Espagne vol. III, p. 214 и сл.» Къ крайнему моему сожалѣнію, какъ это изданіе Мабильона, такъ и сочиненіе Ромея, были мнѣ вовсе недоступны.

1. Itinéraires de la Terre Sainte... traduits de l'hébreu. par E. Carmoly. Bruxelles 1847. p. 37. См переводъ К. А. Коссовича въ Валуевск. Сборн. также въ Чт. М Общ. Ист. и древн. 1847. № 6. переводъ Г. Гартенштейна.

балеяне т. е. Славяне». *Джебаль*-гора — слѣдовательно Славяне, присылавшіе пословъ въ Кордову, были горцы.

Если не ошибаюсь, свидѣтельства эти о сношеніяхъ Славянъ съ Испаніею въ X в., могутъ казаться весьма сомнительными и странными, если не вспоминать при семъ объ отношеніяхъ Славянъ къ Арабамъ въ Азіи и Африкѣ, о томъ значеніи, какое они у нихъ имѣли, о томъ вліяніи, какимъ они тамъ пользовались. Не приходятъ ли въ этомъ случаѣ сами собою на память выше приведенныя нами извѣстія Ибнъ-Хаукала, аль-Карави о Славянскихъ рабахъ и невольникахъ въ Испаніи? Не раждается ли самъ собою вопросъ — Славяне, переходившіе къ Арабамъ въ Азію и въ Африку, не перебѣгали ли и не переходили ли и къ Арабамъ въ Испанію? Многочисленные плѣнники, и рабы Славянскіе, бывшіе у Арабовъ въ Испаніи, не притягивали ли къ себѣ и свободныхъ единоплеменниковъ своихъ, вольныхъ и гулящихъ людей, которыхъ и безъ того могли тянуть въ Испанію и роскошный ея климатъ, и Славянская удаль и отвага, которая давала себя знать еще въ VII в., и на Бѣломъ и на Синемъ моряхъ, за которую Арабы Азійскіе и Африканскіе такъ высоко уважали Славянъ, и уваженіе къ которой могли передать и Испанскимъ своимъ братьямъ? Не могли ли такимъ образомъ эти рабы и плѣнники усилить возможность сохраненія своей народности въ Испаніи, и для самихъ себя и для тѣхъ своихъ единоплеменниковъ, которые бы стали переходить въ Испанію добровольно?

Знаменитый оріенталистъ Рено, а за нимъ Гаянгосъ, Дози и др. единогласно признаютъ бытность Славянъ въ Испаніи, однако убѣждены, что Славяне проникали туда только черезъ Франковъ, какъ рабы и плѣнники. Но Рено, издавшій свое сочиненіе въ 1836 г. и слѣдовательно еще не знавшій Древностей Шафарика, не обратилъ вовсе никакого вниманія на отношенія Славянъ къ Арабамъ въ Азіи и Африкѣ; смѣю думать, что тогда бы, встрѣчая въ источникахъ Арабскихъ неоднократныя указанія, ясно свидѣтельствующія о томъ, что Славянъ-Сакалиба въ Испаніи было много, Рено едва ли прибѣгнулъ бы къ тому предположенію, что подъ именемъ *Сакалиба* въ Арабскихъ источникахъ надо разумѣть вообще рабовъ, невольниковъ, воен-

пленныхъ, какой бы націи они ни были, Нѣмцы или Славяне. Напротивъ изъ свидѣтельства Ибнъ-Хаукала и аль-Карави ясно слѣдуетъ, что выраженіе Арабскихъ писателей: «Славянскіе рабы, евнухи» надо объяснять такъ — «рабы и евнухи изъ Славянъ, изъ земель Славянскихъ».

«Писатели Арабскіе всѣмъ рабамъ Нѣмецкимъ и Славянскимъ приписываютъ Славянское происхожденіе и даютъ имъ общее названіе *саклаби*, откуда по всей вѣроятности произошло наше слово esclave[1]. Большая часть гвардіи эмировъ и халифовъ Кордовскихъ состояла изъ *саклаби* (de saclabis, во множ. *сакалиба*). Много этихъ *Сакалиба* было у Сарацынъ Сицилійскихъ, именно въ Палермо, гдѣ цѣлый кварталъ носилъ ихъ имя. Ихъ замѣчали и въ Африкѣ и въ Сиріи[1]. *Такъ надо объяснять многочисленныя мѣста Арабскихъ лѣтописей, гдѣ упоминаются Сакалиба* (des saclabis), *и которыя иначе остались бы непонятными*[2]».

Изъ этихъ словъ почтеннаго Французскаго ученаго ясно открывается, что онъ не обратилъ вниманія ни на свидѣтельство Ѳеофана о Славянскомъ поселеніи въ Сиріи, ни вообще на отношенія Славянъ къ Арабамъ въ Азіи, ни морскія силы Славянъ Адріатическихъ, на ихъ отношенія къ Сициліи и къ Африкѣ: иначе бы онъ увидалъ, что нѣтъ никакой необходимости утверждать, что принимая только въ его смыслѣ слово *Сакалиба* (т. е. Славяне въ смыслѣ нарицательномъ, а не собственномъ), можно понять тѣ многочисленныя извѣстія Арабскія, которыя упоминаютъ о Славянахъ-*Сакалиба*.

Ознакомившись съ этими извѣстіями, преимущественно о *Сакалиба* въ Испаніи, пишущій эти строки уже готовъ былъ принять мнѣніе Рено, какъ ни подозрительна его вѣроятность. Къ такой уступкѣ съ своей стороны его сильно убѣждало слѣдующее обстоятельство: *Славянъ* въ Испаніи было такъ много, что трудно, даже невозможно предполагать, что то были по большей части Славяне, а не сбродъ всякихъ народовъ: ибо

1. Рено при семъ указываетъ на Ibn.-Haucal man. arabe de la bibl. royale p. 57 et 62 Charmoy· Mém. sur la relat. de Massoudy.

2. Reinaud. p 238.

Славяне, какъ то свидѣтельствуютъ донынѣ открытыя извѣстія Арабскія, и какъ то доказалъ Рено, и какъ повторили за нимъ Гаянгосъ и Дози, проникали въ Испанію только черезъ Пиринеи изъ Франціи, въ качествѣ рабовъ, военноплѣнныхъ, даже евнуховъ.

Какъ ни были Франки сильны и воинственны, однако уводить въ плѣнъ Славянъ слишкомъ въ огромномъ количествѣ они же не могли: да притомъ и Славяне конечно не легко сдавались имъ въ плѣнъ живыми, особенно зная, что ожидаетъ ихъ въ будущемъ. Наконецъ эти Славяне-плѣнники уводимы и продаваемы были не въ одну же Испанію. Если бы эти Славяне-плѣнники были особенно многочисленны, то обратившись въ товаръ, они не были бы особенно дороги: въ 962 или 966 г. Франкскіе владѣтели, въ числѣ разныхъ дорогихъ подарковъ, представили халифу Кордовскому — 20 Славянскихъ евнуховъ. Этотъ случай кажется ясно доказываетъ, что изъ земли Франковъ черезъ Пиринеи въ Испанію Славяне попадали *сравнительно* въ весьма незначительномъ количествѣ, что ясно впрочемъ и само по себѣ. Изъ Ибнъ-Хаукала и аль-Карави узнаемъ, что эти Славяне-плѣнники не всѣ оставались въ Испаніи, а изъ нея, въ числѣ другихъ торговыхъ статей, были отпускаемы и въ Африку.

Впрочемъ Рено старался доказать, что Славяне попадали въ Испанію и изъ Адріатическаго и Чернаго морей. «Бывали эти рабы, — говоритъ онъ, — и на берегахъ Адріатическаго и Чернаго морей, гдѣ до послѣдняго времени Черкесы и Грузины (peuples de la Circassie et de la Géorgie) имѣли обыкновеніе отдавать своихъ дѣтей въ обмѣнъ на предметы, имъ необходимые. Рынокъ ихъ былъ въ Константинополѣ»[1]. Я съ своей стороны могу еще указать на слова Димешки, который, сказавъ про обширность пространства, населеннаго племенемъ Славянскимъ, прибавилъ: «потому-то и находили Славянъ-плѣнниковъ въ Андалузіи и въ Хорасанѣ, по причинѣ тѣхъ войнъ, которыя они вели съ Турками и Греками».

1. Reinaud, p. 233 et suiv.: «Au sujet des descentes des Sarrazins sur les côtes de la mer Adriatique, voy. Const. Porphyrogénete. De adm. imp. dans Banduri Imperium Orientale, t. I, p. 88 et suiv. et p. 131.

Слѣдуетъ замѣтить, какъ мало вѣроятно, чтобы Славяне-плѣнники были покупаемы для Андалузіи въ Адріатикѣ и въ Черномъ морѣ, ибо, если бы Андалузія такъ нуждалась въ Славянахъ-рабахъ, то не стала бы продавать ихъ въ Африку, какъ о томъ свидѣтельствуютъ и Ибнъ-Хаукалъ и аль-Каравi. Что же касается до словъ Димешки, то прежде всего надо вспомнить, что то былъ писатель довольно поздній, жившій въ XIV в. († 1393 г.) и притомъ въ Азіи, а не въ Андалузіи, исторія которой ему могла быть не особенно близко знакома. Наконецъ нельзя и не различать въ словахъ Димешки двухъ обстоятельствъ: во первыхъ онъ зналъ о давнишней многочисленности племени Славянскаго и о бытности нѣкогда Славянъ въ Испаніи; во вторыхъ, не зная навѣрное, какимъ путемъ проникали Славяне въ Испанію, онъ прибѣгнулъ къ предположенію, которое и представилъ въ формѣ утвердительной. Совершенно отвергать справедливость его предположенія было бы вовсе неосновательно, такъ какъ очень возможно, что нѣсколько Славянскихъ плѣнниковъ попадало въ Испанію и такимъ путемъ, говорю нѣсколько, ибо иначе Андалузія не отпускала бы своихъ Славянскихъ рабовъ (которыхъ пріобрѣтала отъ Франковъ) въ Африку.

Такимъ образомъ, если и нельзя отвергать, что нѣсколько Славянъ-рабовъ могли попадать въ Испанію и изъ Африки, то нельзя и не согласиться съ несомнѣнностью того вывода, что Славяне-рабы и плѣнники проникали въ Испанію преимущественно и даже исключительно черезъ Пиринеи отъ Франковъ.

Зная съ одной стороны, что Славянская стихія, проникая въ Испанію, только такимъ путемъ, т. е. въ лицѣ плѣнниковъ, рабовъ и евнуховъ, никогда не могла быть въ ней особенно значительна, а съ другой стороны убѣжденный Арабскими извѣстіями въ томъ, что Сакалиба — Славяне въ Испаніи были весьма многочисленны и пользовались великимъ значеніемъ, пишушій эти строки былъ поставленъ въ необходимость — или согласиться съ мнѣніемъ Рено, т. е. принимать здѣсь слово *Сакалиба* не въ смыслѣ собственномъ, а нарицательномъ, и разумѣть подъ этими *Славянами* не только Славянъ, но и Нѣмцевъ

и Испанцевъ, вообще рабовъ и военно-плѣнныхъ, какой бы го ни было національности, или не удовлетворяясь объясненіемъ почтеннаго оріенталиста, прибѣгнуть къ смѣлой ипотезѣ о переходѣ бѣглыхъ, вольныхъ и гулящихъ людей изъ поморья Адріатическаго и изъ Африки къ Арабамъ въ Испанію.

Хотя въ моихъ глазахъ объясненіе Рено и мало-основательно, а въ его маломъ знакомствѣ съ исторіею Славянскою и въ выходѣ его сочиненія до труда Шафарика, лежатъ не только корень его ошибки, но и ея оправданіе, хотя мнѣніе Рено маловѣроятно, даже независимо отъ слѣд. соображеній: напр. сами Испано-Арабскія извѣстія не разъ отдѣляютъ Славянъ-рабовъ отъ другихъ рабовъ; положимъ сравнительно съ Нѣмцами Славянъ должно было быть несравненно больше, ибо торгъ рабами и евнухами происходилъ черезъ Франковъ, которые, какъ Нѣмцы и христіане, конечно, скорѣе и охотнѣе продавали и уродовали Славянъ, которыхъ они презирали, какъ Славянъ, и язычниковъ и постоянныхъ враговъ своихъ, нежели Нѣмцевъ, своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, однако у Арабовъ въ Испаніи въ числѣ рабовъ были военно-плѣнные, захваченные ими въ войнахъ съ христіанами, съ Испанцами, Франками и сравнительно съ ними Славянъ должно было быть гораздо меньше, слѣд. *Сакалиба*, упоминаемые въ Испаніи, не могутъ и не должны быть понимаемы въ смыслѣ нарицательномъ, ибо нигдѣ и никогда меньшинство не даетъ названія, а большинство, т. е. и Сакалиба въ Испаніи должны быть принимаемы въ смыслѣ собственномъ, въ значеніи Славянъ подобно тѣмъ Сакалиба, что упоминаются въ Сициліи, Африкѣ и Сиріи и что также разумѣлъ Рено въ смыслѣ нарицательномъ, единственно по незнанію исторіи Славянъ въ Азіи, Африкѣ, на поморьи Адріатическомъ и въ Сициліи; хотя, повторяю по всѣмъ этимъ соображеніямъ вмѣстѣ, мнѣніе Рено и казалось мнѣ мало-основательнымъ и мало-вѣроятнымъ, и хотя предположеніе о Славянскихъ бѣглыхъ, вольныхъ и гулящихъ людяхъ въ Испаніи, весьма вѣроятное, какъ мы выше видѣли, не можетъ быть отринуто, ибо изъ Массуди, Ибнъ-Хаукала, Эбнъ-Спрота, Ибнъ-Гайяна и Ибнъ-Халдуна мы знаемъ, что Славяне въ X в. имѣли непосредственныя сношенія съ Андалузіею, хотя по видимому

все убѣждало меня не соглашаться съ Рено, однако, не имѣя никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ въ пользу своего предположенія, я едва ли бы когда рѣшился предложить на судъ читателей даже свои сомнѣнія въ справедливости мнѣнія Рено и подавно замѣнять его своимъ собственнымъ предположеніемъ, если бы не одно драгоцѣнное извѣстіе, найденное мною въ сочиненіи позднѣйшаго Арабскаго ученаго компилятора аль-Макари, подъ заглавіемъ: «Исторія Мусульманъ въ Испаніи», извѣстномъ мнѣ въ переводѣ и въ извлеченіяхъ Испанскаго ученаго Гаянгоса (1840—3). Не могу не выразить искренняго своего удовольствія, что мнѣ первому, если не ошибаюсь, приходится обратить вниманіе Славянскихъ читателей на это чрезвычайно любопытное извѣстіе.

Седьмой книги, первая глава соч. аль-Макари носитъ слѣд. заглавіе: «Состояніе литературы при Гишамѣ II». Здѣсь между прочимъ говоритъ аль-Макари: «Въ царствованіе Гишама II и въ правленіе аль-Манзора († 1002 г. по Р. Х.), литература и науки процвѣтали въ Кордовѣ. Даже Славянскіе дворцовые евнухи[1] занимались ими съ величайшимъ успѣхомъ, и Ибну-

1. Замѣчу здѣсь разъ на всегда, что это слово не слѣдуетъ всегда принимать буквально. Евнухъ по-Арабски *хадим*, что есть синонимъ съ Арабскими словами *фата*, *гулам*, *саба*, знач. puer, famulus, satelles. Вотъ слова лучшаго въ настоящее время знатока исторіи Арабской Испаніи: «on pourrait citer des exemples nombreux de cette signification, mais puisque le terme se trouve en ce sens presque à chaque page chez les auteurs qui traitent de l'histoire d'Espagne, je puis me dispenser de multiplier les exemples d'un terme si fréquemment employé; qu'il suffise donc de dire que par les mots.... (слѣд. эти четыре Арабскія слова), on désigne *les gardes* ou *les pages à la condition d'esclaves*, souvent aussi les eunuques». Dozy: Recherches sur l'histoire politique et littéraire de l'Espagne pendant le moyen âge. Tome I. Leyde. 1849. p. 206. Ниже въ выпискахъ нашихъ изъ аль-Макари по переводу Гаянгоса не разъ будетъ встрѣчаться это слово; при семъ я просилъ бы читателя не забывать ни словъ Дози, ни того также обстоятельства, что Гаянгосъ вовсе не предполагалъ возможности проникать Славянамъ въ Испанію не черезъ Пиринеи, какимъ путемъ попадали туда рабы и евнухи, и потому можетъ быть при словѣ Славянинъ ставилъ слово *eunuch* и тогда, когда того текстъ аль-Макари и не требовалъ. Впрочемъ и самъ аль-Макари, какъ писатель позднѣйшій (XVII в.), очень легко могъ не знать о переходѣ въ Испанію Славянскихъ вольныхъ и гуляющихъ людей, и ничего не слыхавъ объ исторіи отношеній Славянъ къ Арабамъ въ Азіи, Африкѣ и Сициліи, и имѣя передъ собою

Гаянъ (Арабскій историкъ XI в., по словамъ Дози le plus grand historien de l'Espagne), сохранилъ имена многихъ (the names of several), отличавшихся своими произведеніями въ разныхъ родахъ литературы. Одинъ изъ нихъ былъ *Фатинъ*, который не имѣлъ себѣ соперника въ знаніи языка Арабскаго, и по смерти котораго въ 1029 г. было продано великолѣпное собраніе дорогихъ книгъ (a beautiful collection of valuable books). Славянинъ именемъ Габибъ написалъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Ясныя и побѣдоносныя доказательства противъ тѣхъ, которые отрицаютъ превосходныя качества Славянъ[1]», сочиненіе, въ которомъ онъ сообщаетъ всякаго рода любопытныя подробности, исторію и народныя пѣсни (собственно и *стихи*) Славянъ[2]». — (Gayang II, 200). Это извѣстіе побудило меня смѣло заявить свое предположеніе о добровольномъ переходѣ къ Арабамъ въ Испанію охочихъ, вольныхъ и гуляющихъ Славянъ. Надѣюсь, извѣстіе это достаточно его оправдываетъ, ибо само по себѣ доказываетъ, что Славяне въ Испаніи были многочисленны, занимали видное положеніе, сохраняли свою народность, гордились ею и выставляли на видъ свои племенныя заслуги, чего быть не могло, если бы они попадали въ Испанію только черезъ Пиринеи, изуродованные, изъ рукъ Франковъ.

Если бы Славяне въ Испаніи были малочисленны, не занимали виднаго въ ней положенія, не сохраняли своей народности, не гордились ею и не выставляли на видъ своихъ племенныхъ заслугъ, то 1) нельзя бы было указывать Арабамъ на то,

---

однѣ извѣстія Ибнъ-Хаукала и аль-Карави, очень легко могъ, подобно Рено и Гаянгосу, предположить, что Славяне проникали въ Испанію единственно только черезъ Пиринеи, изъ рукъ Франковъ.

1. Гаянгосъ, приведя заглавіе по-Арабски, замѣтилъ: «which literally translated, means «clear and victorious arguments against those who deny the excellences of the Sclavonians».

2. Сообщаю это драгоцѣнное извѣстіе подлинными словами Англійскаго переводчика: «A Sclavonian, named Habîb is said also to have written a work entitled «clear proofs and victorious arguments (in favour) of the excellences of the Sclavonic race», in which he introduced all manner of entertaining anecdotes, history and verses of the Sclavonians».

что Славяне, жившіе въ Испаніи, занимались литературою и науками и имѣли разныхъ писателей, весьма замѣчательныхъ, напр. *Фатина*, который въ искусствѣ владѣть Арабскимъ языкомъ не зналъ себѣ соперника. Чтожъ тутъ было бы особеннаго или удивительнаго, если бы Славяне въ Испаніи не знали и не сохраняли своего языка? если бы ихъ было мало, кто бы ихъ замѣтилъ? если бы занимали ничтожное положеніе, они бы никогда не получили возможности пріобрѣтать такія познанія, такія собранія книгъ; если бы Славяне въ Испаніи были только рабы и евнухи, то для того, чтобы выучиваться такъ хорошо языку Арабскому, весьма трудному, надо имъ было попадать въ Испанію не иначе, какъ юношами и мальчиками, а въ такомъ случаѣ они легко должны были забывать свой родной языкъ, скоро утрачивать свою народность. — чтожъ въ такомъ случаѣ удивительнаго и даже заслуживающаго вниманія въ томъ, что такіе-то Славяне писали по Арабски и упражнялись въ разныхъ родахъ литературы? 2) Если бы въ Славянахъ Испанскихъ не жило чувства народной гордости, то не было бы возможно явленіе Габиба, такого Славянина-историка, который поставилъ себѣ задачею сохранить на память вѣкамъ позднѣйшимъ дѣла и подвиги своихъ единоплеменниковъ, съ цѣлію показать ихъ заслуги и ясно и побѣдоносно ниспровергнуть лживые толки ихъ недоброхотовъ. Явленіе Габиба, надѣюсь, убѣдительно доказываетъ, что Славяне, жившіе въ Испаніи, проникали въ нее не только черезъ Пиринеи, въ качествѣ военно-плѣнныхъ, рабовъ и евнуховъ, но и какъ вольные, гуляющіе люди, которыхъ Арабы Испанскіе могли принимать тѣмъ охотнѣе, что ихъ Сицилійскіе, Африканскіе и Азійскіе братья давно уже водили дружбу со Славянами. Наконецъ къ явленію Габиба мы, такъ сказать, уже приготовлены извѣстіями — о Славянинѣ Модаферѣ, который училъ письму юнаго Моэза, халифа Фатимидскаго, владѣлъ отлично Арабскимъ языкомъ не только изустнымъ, но и письменнымъ, и въ то же время сохранялъ свою Славянскую народность и не забывалъ своего роднаго языка, — о Славянинѣ Фатинѣ († 1029 г.), не знавшемъ себѣ равнаго въ искусствѣ владѣть Арабскимъ языкомъ и обладавшемъ прекрасною библіотекою, а также и о другихъ Сла-

вянахъ, отличавшихся въ разныхъ родахъ литературы. Это послѣднее соображеніе въ связи съ предъидущими обличаетъ всю законность явленія Габиба — посреди Славянъ Испанскихъ, и надѣюсь, всю справедливость предполагаемаго ею объясненія: если Славяне въ Испаніи были многочисленны, и хотя воспитывались въ мусульманствѣ, сохраняли однако свою народность, занимая въ ней видное положеніе, не забывали своего отечественнаго языка, гордились своими племенными заслугами, то они должны были имѣть и своего историка и даровать литературѣ Арабской Габиба, такъ какъ обладали нужными къ тому дарованіями и средствами, добытыми ими въ высокой тогда образованности Арабо-мусульманской, которую себѣ они усвоили такъ, что многіе изъ нихъ съ великимъ успѣхомъ занимались литературою и науками, а нѣкоторые, подобно Фатину, считались у самихъ Арабовъ писателями образцовыми по языку. Такое объясненіе, наиболѣе кажется справедливое и едва ли не единственно возможное, внушило мнѣ смѣлость настаивать на необходимости принимать за вѣрное то предположеніе наше, что Славяне переходили въ Испанію охотно и свободно, въ качествѣ вольныхъ и гулящихъ людей, а не только въ качествѣ военно-плѣнныхъ и невольниковъ, которыхъ уродовали Франки и продавали Арабамъ въ Андалузію. Богатство страны, удобство сообщеній, гордая отвага, дерзкая предпріимчивость, жажда новаго, присущая всякому молодому и свѣжему народу, Славянская удаль съ Славянскимъ же *авось*, приглашенія и призывы самихъ Арабовъ, именно халифовъ, которымъ, чтобы сломить нѣкогда равныхъ себѣ аристократовъ, нужда была во внѣшней силѣ, въ иностранномъ войскѣ, давнишнее знакомство Арабовъ со Славянами въ М. Азіи, Сиріи, Африкѣ и Сициліи, ихъ тѣсныя связи и участіе Славянъ въ сухопутныхъ и морскихъ силахъ Арабовъ, высокое мнѣніе сихъ послѣднихъ о народности Славянской, всѣ эти обстоятельства и соображенія, совершенно несомнѣнныя и неопровержимыя, какъ каждое отдѣльно, такъ и всѣ вмѣстѣ, могли служить достаточными побудительными причинами для такого свободнаго и добровольнаго перехода Славянъ къ Арабамъ въ Испанію.

Не только эти соображенія, но и боязнь неточнаго и невѣр-

наго объясненія, побудили меня слова Англійскаго переводчика — verses of the Sclavonians понимать въ смыслѣ народныхъ пѣсенъ, преданій. Иначе же надо читать — «стихи Славянъ писавшихъ по Арабски», что едва ли не очень нелѣпо. Славянинъ Габибъ написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «Ясныя и побѣдоносныя доказательства противъ тѣхъ, которые отрицаютъ превосходныя качества Славянъ», сочиненіе, въ которомъ представилъ всякаго рода любопытныя подробности, исторію и стихи Славянъ» (in which he introduced all manner of entertaining anecdotes, history and verses of the Sclavonians). Если здѣсь подъ словомъ verses не разумѣть народныхъ Славянскихъ стиховъ, сказаній, преданій, а только стихотворенія Славянъ, то какъ же тогда понимать слово *history?* Аль-Макари говоритъ, что по свидѣтельству Ибну-Гайяна, Славяне отличались въ разныхъ родахъ литературы. Съ чего бы Габибъ въ доказательство превосходныхъ качествъ своихъ единоплеменниковъ, сталъ бы говорить объ однихъ стихотворцахъ? Въ ожиданіи полнаго изданія подлиннаго текста аль-Макари и Русскаго перевода всѣхъ изъ него мѣстъ, касающихся Славянъ въ Испаніи, а также и исполненія быть можетъ не напрасныхъ нашихъ надеждъ на болѣе подробныя извѣстія о такомъ въ высшей степени важномъ явленіи, каковъ Славяно-Арабскій историкъ Габибъ[1],

1. Надежды наши основываются, во-первыхъ, на слѣдующихъ словахъ Дози, великаго знатока Арабской письменности: «quiconque connaît nos catalogues, et a eu l'occasion de les comparer avec les livres qui y sont décrits, sait que nous possédons bien de trésors dont on ignore l'existence (Rech. p. 225); а во-вторыхъ, на слѣдующемъ соображеніи: въ XI в. правителемъ въ Тортозѣ былъ Славянинъ *Лабибъ;* Гаянгосъ же называетъ его *Габибъ*. Дози, обличивъ ошибку Гаянгоса, нашелъ нужнымъ при семъ замѣтить: «Ai-je tort quand j'avance qu'il faut toujours consulter le texte arabe d'al-Makkari, et qu'il ne faut point s'en rapporter à la traduction anglaise? Quand je publierai dans un autre volume de cet ouvrage, des Extraits de l'ouvrage d'Ibn Bassâm, j'aurai à revenir sur l'histoire de Tortose, parce qu'*Ibn-Haiyan, copié par Ibn-Bassâm, nous a laissé sur l'histoire de cette ville et sur Lebîb, son gouverneur, des renseignements précieux*». (Rech. 200). Если здѣсь Гаянгосъ читалъ ошибочно *Габибъ* вмѣсто *Лабибъ* или *Лебибъ*, то не ошибся ли онъ и въ написаніи имени историка Габиба? Не откроется ли тождественность Славянина-историка съ Славяниномъ-правителемъ въ Тортозѣ? Тотъ и другой жили въ XI в., тотъ и другой Славяне, о томъ и другомъ говоритъ Ибну Гаянъ.

мы позволимъ себѣ въ заключеніе замѣтить, что Славянинъ Габибъ, по всей вѣроятности воспитанный въ мусульманствѣ, подобно прочимъ своимъ землякамъ получилъ хорошее образованіе и, полный чувства народной гордости, написалъ сочиненіе о дѣлахъ и подвигахъ своихъ единоплеменниковъ, конечно преимущественно въ Испаніи, хотя по всей вѣроятности не преминулъ сказать и вообще объ отношеніяхъ Славянъ къ Арабамъ,— сочиненіе свое написалъ на языкѣ Арабскомъ, языкѣ своей вѣры и образованности подобно тому, какъ его соплеменники Чехъ Козьма Пражскій, Сербъ Діоклеецъ, Полякъ Кадлубекъ, описывали дѣла своихъ предковъ, на языкѣ своей вѣры и образованности, на языкѣ Латинскомъ, или неизвѣстный Болгаринъ написалъ житіе св. Климента на языкѣ Греческомъ[1].

Явленіе Габиба, легко и просто объясняемое многочисленностью Славянъ въ Испаніи и ихъ положеніемъ въ ней, само въ свою очередь необходимо указываетъ на эту многочисленность.

II. Арабы, по смерти своего геніальнаго Пророка, въ короткое время совершили самыя блистательныя завоеванія не только въ Азіи, Африкѣ, но и въ южной и западной Европѣ, гдѣ впрочемъ побѣда Карла Мартелла вскорѣ принудила ихъ ограничиться одною Испаніею[2]. Хотя побѣда эта и не могла въ Мусульманахъ истребить еще надежды на завоеваніе остальной христіанской Европы и тѣмъ менѣе остановить на будущее время ихъ опустошительныхъ набѣговъ, все таки она имѣла рѣшительное вліяніе на судьбу христіанства въ западной Европѣ, показавъ христіанамъ на дѣлѣ, какъ надо встрѣчать и какъ

Въ чемъ заключаются эти драгоцѣнныя извѣстія (des renseignements précieux), сохраненныя у Ибнъ-Бассама и списанныя имъ у Ибнъ-Гайяна о Лебибѣ? Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ 2-й части труда Дози.

1. Vita S. Clementis Episcopi Bulgarorum. ed. Fr. Miklosich. Vindobonae. p. 28 1847. τοῖς Βουλγάροις ἡμῖν.

2. Weil: Geschichte der Khalifen. — Reinaud: Invasions des Sarrazins en France, et de France en Savoie, en Piémont et dans la Suisse pendant les VIII, IX et X siècles de notre ère, d'après les auteurs chrétiens et mahométans. Paris. 1836. 8°.

должно провожать этихъ жаркихъ поклонниковъ Корана. Долго и послѣ того продолжали Арабы наводить страхъ на Европу и нынѣшняя Франція еще долго терпѣла отъ ихъ грозныхъ походовъ[1]. Но все же участь ея была уже обезпечена, благодаря Карлу Великому, шедшему въ этомъ отношеніи по примѣру своего великаго предка. Побѣды христіанъ, навсегда остановившія дальнѣйшее распространеніе мусульманства въ Европѣ, были благодѣтельны едва ли не столько же, какъ для западнаго христіанства, и для самихъ Сарацынъ. Отнынѣ болѣе сосредоточенные въ извѣстныхъ предѣлахъ, они не растрачиваютъ своихъ внутреннихъ силъ на одни грабежи и насилія, не мечтаютъ уже объ одной войнѣ и завоеваніяхъ, искажающихъ и бытъ и внутреннюю природу народа, который живетъ ими исключительно. Теперь это богато одаренное племя устремляетъ свою дѣятельность на внутреннее развитіе и, не утрачивая своей воинственности, преимущественно обращается къ изученію образованности древняго міра и къ созданію своей собственной, въ чемъ ему и удалось такъ, что несмотря на всю ея односторонность, хорошо объясняющую ея непомѣрно-быстрое развитіе, образованность эта никогда не перестанетъ удивлять всякаго безпристрастнаго наблюдателя. Въ наше время, когда даже самымъ горячимъ поклонникамъ средневѣковаго христіанскаго Запада становится все очевиднѣе, какъ странно и какъ велико было искаженіе Евангельскаго ученіе въ средніе вѣка, въ наше время, слава Богу, уже возможно утверждать, что эта блестящая, хотя и односторонняя образованность Арабская во многомъ превосходила современную ей христіанскую на Западѣ, который обязанъ ей многимъ, хотя и до недавняго времени не переставалъ величать Арабовъ варварами. Но прошли предразсудки, на Западѣ стали безпристрастно и пристально изучать ихъ исторію, ихъ литературу, ихъ памятники искусства, прежнія понятія измѣнились; увидали, что мѣсто Арабамъ въ исторіи человѣчества суждено занять довольно видное. Какъ однако ново и недавне такое безпристрастіе, примѣръ тому исторія Испаніи. Страна, въ которой долго господствовали Арабы, гдѣ

1. См. Reinaud, ibid.

они оставили свои слѣды, понынѣ неизгладимые, какъ въ памятникахъ искусства, такъ въ обычаяхъ и нравахъ народныхъ, Испанія, черезъ которую проникла Арабская стихія и на Западъ, понынѣ не можетъ представить сколько нибудь полной и удовлетворительной исторіи въ періодъ мусульманскаго въ ней владычества. Трудность языка, малая доступность источниковъ также мало объясняютъ это обстоятельство, какъ и недостатокъ пытливости и жажды знанія, за что уже никто не упрекнетъ Европейца. Національные предразсудки и другія заблужденія не только долго мѣшали Западу съ любовью приступить къ изученію Арабской стихіи въ исторіи человѣческой образованности, но даже и навсегда погубили множество драгоцѣнныхъ памятниковъ и источниковъ, которые безспорно не мало бы свѣта пролили на исторію и географію самой Европы. Не разумѣю здѣсь гибели памятниковъ, происходившей не разъ во время народныхъ войнъ за вѣру и независимость. Такія сожалѣнія слишкомъ педантическія, имъ какъ-то совѣстно предаваться при мысли о возстаніяхъ массъ: свобода всякой народности— святыня... Но за то тѣмъ возмутительнѣе дѣйствуютъ на душу такія истребленія, что идутъ отъ отдѣльныхъ личностей, по своему умственному развитію стоящихъ выше уровня массъ, во времена намъ близкія и, что еще отвратительнѣе, во имя христіанства, во имя свѣта и любви. Кардиналъ Хименесъ приказалъ 80,000 Арабскихъ рукописей сжечь на площадяхъ Гранады, такъ какъ онѣ содержали въ себѣ ученія, мѣшавшія распространенію христіанства въ побѣжденномъ народѣ. Да и послѣ того не разъ были отбираемы Арабскія рукописи отъ ихъ владѣтелей и предавались огню. Совершенно такимъ же образомъ, замѣчу кстати, дѣйствовала и единовѣрная Испаніи Австрія напр. съ нашими современниками Чехами послѣ роковой Бѣлогорской битвы. Войскомъ водворенные въ Чехіи езуиты и инквизиція также точно во имя христіанства, истребляли множество Чешскихъ книгъ и рукописей, какъ содержавшихъ въ себѣ ученія Гусситскія и слѣдовательно противныя распространенію католицизма въ побѣжденномъ народѣ. Еще менѣе столѣтія тому назадъ, почти современникъ и Ломоносова и Новикова и Конарскаго, благочестивый езуитъ Коняшъ (†1760) хвалился, какъ

праведнѣйшимъ своимъ подвигомъ, тѣмъ, что собственноручно сжегъ до 60,000 Чешскихъ книгъ и рукописей. Небреженіе Арабской литературою было причиною, что пожаръ въ Эскуріалѣ (въ XVII в.) истребилъ въ немъ болѣе $^3/_4$ восточныхъ рукописей. Наконецъ въ 1760—70 г явился трудъ Казири — Каталогъ Арабскихъ рукописей въ Эскуріалѣ (Bibliotheca Arabica Hispana Escurialensis), трудъ весьма почтенный для того времени, но тѣмъ не менѣе исполненный великихъ недостатковъ. Въ своемъ изданіи и переводѣ разныхъ Арабскихъ отрывковъ, онъ надѣлалъ ошибокъ, такъ какъ былъ мало знакомъ съ предметомъ [1]. Въ исторіи науки первое за нимъ мѣсто принадлежитъ Испанскому историку Конде, издавшему свою Исторію господства Арабовъ въ Испаніи, въ 1820 г. Въ книгѣ его было заявлено, что она написана на основаніи Арабскихъ источниковъ. Съ тѣхъ поръ всѣ позднѣйшіе писатели по исторіи Испаніи, какъ Нѣмцы, такъ и Французы — Ашбахъ, Шеферъ, Росью Сентъ-Илеръ, Ромей считали долгомъ слѣдовать этому руководителю, весьма почтенному по ихъ мнѣнію. Въ 1840 — 3 г. Испанецъ Паскуаль де Гаянгосъ издалъ на Англійскомъ языкѣ въ Лондонѣ переводъ и извлеченія изъ сочиненія Арабскаго писателя аль-Макари († 1631 г.), написавшаго исторію мусульманскихъ династій въ Испаніи и пользовавшагося древнѣйшими Арабскими рукописями, изъ коихъ многія не дошли до насъ. Прежде Гаянгоса уже отчасти познакомилъ Европейскую публику съ замѣчательнымъ сочиненіемъ аль-Макари Англійскій ученый *Мрѣфи* (Murphy), который въ своемъ сочиненіи «Исторія мусульманской монархіи въ Испаніи» представилъ довольно длинныя извлеченія изъ необыкновенно важнаго, компиляторскаго труда аль-Макари. Тѣмъ не менѣе своимъ переводомъ, извлеченіями и примѣчаніями Гаянгосъ оказалъ важную услугу наукѣ. Указываемые недостатки и ошибки его перевода слишкомъ немногочисленны для того, чтобы было можно буквально принимать мнѣніе новѣйшаго ученаго Дози, безспорно лучшаго въ наше время знатока мусульманской исторіи Испаніи. Мнѣ представляется оно и слишкомъ рѣзкимъ и далеко неоправдан-

1. См. предисловіе Гаянгоса.

нымъ. Уже Гаянгосъ въ своемъ предисловіи (p. XI) весьма рѣзко отмѣтилъ всю ничтожность сочиненія Конде: «Одно и тоже событіе передается часто по нѣсколькуразъ и совершенно различно, одно и тоже лицо неоднократно является на сцену подъ разными именами». «Книга Конде исполнена самой страшной путаницы, напр. три послѣднія главы втораго тома, съ весьма малыми измѣненіями въ словахъ, повторены въ третьемъ томѣ.» «Надо прибавить, говоритъ Гаянгосъ, что Конде, подверженный умственному разстройству и болѣзнямъ, былъ пораженъ смертью среди своихъ работъ, что его неоконченная рукопись попала въ руки людей, вовсе незнакомыхъ съ предметомъ, только увеличившихъ ошибки, вмѣсто того, чтобы ихъ исправить».

Въ 1849 г. Голландскій Арабистъ Дози, уже извѣстный нѣсколькими прекрасными трудами, издалъ свои «Изслѣдованія по политической и литературной исторіи Испаніи въ Средніе Вѣка». Въ посвященіи своемъ извѣстнымъ Французскимъ оріенталистамъ, Рено и Дефремери, вотъ что Дози нашелъ нужнымъ сказать о сочиненіи Конде:

«Чрезвычайно богатымъ воображеніемъ восполняя недостатокъ знаній, самыхъ первоначальныхъ, онъ выдумываетъ сотни данныхъ, сочиняетъ тысячи былей, всегда завѣряя читателя, что онъ точно слѣдуетъ Арабскимъ текстамъ.

Новѣйшіе историки, ни мало не подозрѣвая въ немъ обманщика, весьма добродушно переписывали всю эту ложь; иногда они даже оставляли позади своего руководителя, соображая его выдумки съ извѣстіями Латинскихъ и Испанскихъ авторовъ, которыхъ они также искажали.

Удивительное дѣло! Оріенталисты самые почтенные были поддѣты и слѣдовали этому блудящему огню.

Надо признаться, что Конде принялъ всѣ мѣры, чтобы нельзя было легко открыть обманъ: прикрывается какимъ-то добродушіемъ. Въ своемъ предисловіи онъ указываетъ на рукописи, которыми пользовался: но и эти показанія его не точны; такъ напр. онъ говоритъ, что для исторіи малыхъ династій XI в онъ преимущественно пользовался Ибнъ-Башковаломъ. Вы и я, мы знаемъ это сочиненіе, ибо оно хранится въ б-кѣ Восточнаго Общества; знаемъ также, что этотъ біографическій

словарь содержитъ въ себѣ полезныя свѣдѣнія для исторіи письменности, для исторіи же политической онъ почти вовсе не имѣетъ никакого значенія».

Вотъ отзывъ Дози о Гаянгосѣ:

«Но сочиненіе Конде въ эти послѣдніе годы не было ли замѣнено сочин. г. Гаянгоса? *Этотъ ученый, какъ свидѣтельствуетъ его предисловіе, желалъ представить Критическую Исторію Испанскихъ Арабовъ*[1].

На этотъ вопросъ, не входя въ разборъ книги Гаянгоса, отвѣчаю слѣд. словами графа Сиркура. По этому предмету я могъ бы сказать гораздо болѣе, чѣмъ то позволяетъ письмо. Вотъ что читаемъ въ книгѣ Histoire des Mores Mudajares et des Morisques (t. III, p. 334): «Les documens arabes, je veux dire que l'on peut consulter facilement lorsque l'on n'est pas versé dans les langues orientales, se reduisent à un petit nombre. J'ai suivi généralement l'Histoire de la domination des Arabes en Espagne, par Conde, ouvrage inachevé, mais *le plus copieux, et à tout prendre le mieux digéré de toux ceux, qui ont été faits sur le même plan.* Les extraits donnés par Casiri, et la traduction publiée par M. Gayangos, m'ont fourni le moyen de *contrôler quelquefois* Conde». Я слышалъ, что г. Ла-Фуэнте Алкантара, точно также незнакомый съ языкомъ Арабскимъ, слѣдовалъ той же методѣ въ своей Исторіи Гранады. *Слѣдовательно книга г. Гаянгоса не замѣнила книги Конде. Наконецъ есть цѣлые періоды, о которыхъ сочиненіе Англійское сообщаетъ свѣдѣнія скудныя и поверхностныя».*

---

1. Вотъ подлинныя слова Гаянгоса: «I fixed upon Al-Makkarí's text as being the only one, to my knowledge, presenting a continuous history of the conquests and settlements of the Mohammedans in Spain, and thus offering a vast field for such illustrations and additions from other historians as I proposed to collect, so as to form a sort of «Critical history of the Spanish Arabs». По моему слабому разумѣнію, изъ предисловія Гаянгоса вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ настоящемъ трудѣ своемъ онъ уже видѣлъ критическую исторію. Наконецъ и въ заглавіи его сочиненія не видать того гордаго притязанія, которое, кажется, нѣсколько поспѣшно приписалъ Дози Гаянгосу Вотъ полное заглавіе: «The History of the Mahommedan Dynasties in Spain... by Ahmed Ibn-Mohammed Al-Makkarí, translated from the copies in the library of the British Museum, and illustrated with *critical notes* on the history, geography, and antiquities of Spain, by Pascual de Gayangos, Member of the Oriental translation Committee, and late professor of Arabic in the Athenaeum of Madrid In two volumes. MDCCCXL—III. in-fol.

Я съ намѣреніемъ привелъ слова Дози для того, чтобы дать понять читателю, почему я считаю ихъ нѣсколько рѣзкими и даже не совсѣмъ справедливыми. Если бы трудъ Гаянгоса стоялъ на одной доскѣ съ книгою Конде, какъ то слѣдуетъ изъ словъ Дози: «le livre de M. de Gayangos n'a donc pas remplacé celui de Conde» — то зачѣмъ Дози прямо не выразилъ этого и безжалостно не обличилъ Гаянгоса, *прямаго наслѣдника Конде*, котораго онъ казнитъ такъ немилосердно, и едва ли опять во всемъ справедливо и не съ излишнимъ увлеченіемъ[1]. Для кого могутъ быть доказательны слова графа Сиркура? Я не имѣлъ случая видѣть его сочиненія, въ чемъ впрочемъ ни мало не раскаиваюсь, однако позволю себѣ замѣтить, что приведеннаго изъ него мѣста довольно для того, чтобы утверждать безошибочно, что этотъ писатель лишенъ почти всякаго ученаго образованія, эрудиціею обладаетъ фельетонною. Если бы графъ Сиркуръ внимательно прочелъ Гаянгоса, то окончательно бы убѣдился, что сочиненіе Конде исполнено всякихъ нелѣпицъ и особеннаго вниманія не заслуживаетъ. Но Сиркуръ книги Гаянгоса не изучалъ, пропустилъ даже его предисловіе, гдѣ этотъ ученый положительно высказалъ мнѣніе о Конде и подтвердилъ его доказательствами. Отого-то онъ и сказалъ про сочин. Конде: «ouvrage inachevé, mais le plus copieux, et à tout prendre le mieux digéré de tous ceux qui ont été faits sur le même plan». — Графъ Сиркуръ плохо зналъ не только Гаянгоса, но и самого Конде, иначе бы онъ замѣтилъ, что три послѣднія главы второй части почти буквально повторены въ третьей. Графъ продолжаетъ: «Les extraits donnés par Casiri, et la traduction publiée par M. Gayangos, m'ont fourni le moyen de *contrôler quelquefois* Conde». Уже одно очевидно фельетонное направленіе графа Сиркура доказываетъ намъ, что онъ и не думалъ и не могъ подумать о какомъ нибудь контролѣ, о какой-либо повѣркѣ; слова: «le moyen de contrôler quelquefois» — стоятъ у него для одной

1. По моему крайнему разумѣнію, слова Гаянгоса о Конде достаточны для того, чтобы не вѣрить его книгѣ. Болѣзни и преждевременная смерть Конде, которыя отмѣтилъ Гаянгосъ и о которыхъ умолчалъ Дози, удовлетворительно объясняютъ всѣ нелѣпицы его сочиненія, а также дѣлаютъ излишними рѣзкія и жестокія нападки на нравственный его характеръ.

фразы. Справедливо ли заключать изъ его словъ, что сочиненіе Гаянгоса не замѣнило сочиненія Конде — Le livre de M. de Gayangos n'a donc pas remplacé celui de Conde. Книга Конде не годна ни на что; того же и подумать нельзя о книгѣ Гаянгоса. Наконецъ и самъ Дози никогда не имѣлъ и мысли о томъ, чтобы Гаянгоса уравнять съ Конде Онъ только увлекся полемическимъ тономъ и сказалъ болѣе, чѣмъ думалъ и могъ сказать. Такъ вслѣдъ за этимъ поспѣшнымъ заключеніемъ Дози не преминулъ прибавить нѣсколько смягчительныхъ словъ: «Le livre de M. de Gayangos n'a donc pas remplacé celui de Conde. *Aussi y a-t-il des périodes entières sur lesquelles le livre anglais ne donne que des renseignements maigres et vagues*». Слѣдовательно и во мнѣніи Дози сочиненіе Гаянгоса вовсе ничего не имѣетъ общаго съ книгою Конде. Наконецъ въ своемъ сочиненіи Дози не разъ ссылается на книгу Гаянгоса и не разъ пользуется его примѣчаніями и приложеніями. Правда онъ ссылается и на Конде или лучше приводитъ мѣста изъ его книги, но вѣдь только для того, чтобы показать, какъ все у него исковеркано и переиначено. Дози не разъ указываетъ на промахи и ошибки Гаянгоса, но съ недостатками Конде у нихъ нѣтъ ничего общаго. Напротивъ того самыя ошибки Гаянгоса обличаютъ его добросовѣстность; въ своихъ примѣчаніяхъ онъ иногда противорѣчитъ своимъ же словамъ въ текстѣ, оттого, что невѣрно читалъ какое-нибудь Арабское слово.

Читая трудъ Гаянгоса, по истинѣ исполняешься невольнымъ уваженіемъ къ этому почтенному ученому. Съ превосходными изслѣдованіями Дози я ознакомился уже въ послѣдствіи: неблагопріятный его отзывъ о Гаянгосѣ, при всемъ моемъ глубокомъ уваженіи къ ученымъ заслугамъ и дарованіямъ Дози, не могъ истребить и даже совершенно пошатнуть уваженія моего къ ученому переводчику и коментатору аль-Макари. Читая Гаянгоса, вы ни на минуту не забываете, что пора изслѣдованій въ Исторіи Мусульманской Испаніи только что наступаетъ. Онъ безпрестанно вамъ открываетъ въ предметѣ новыя стороны, наводитъ васъ на новые вопросы, никогда не скрывая трудности ихъ разрѣшенія Не знаю, какъ для другихъ, а по мнѣ все это признаки, обличающіе ученаго добросовѣстнаго, из-

слѣдователя дѣльнаго. Во всякомъ трудѣ, тѣмъ болѣе, въ такомъ обширномъ, какъ сочиненіе Гаянгоса и по предмету столь новому и малоразработанному, промахи и ошибки неизбѣжны. Для меня же, какъ неспеціалиста по этой части, не могло не послужить благопріятнымъ свидѣтельствомъ въ пользу книги Гаянгоса то обстоятельство, что ея чтеніе не разъ приводило меня къ такимъ соображеніямъ, заключеніямъ и наведеніямъ, которыя совершенно потомъ оправдались, когда читалъ я сочиненіе Дози. Такъ напр. читая Гаянгоса, я постепенно приходилъ къ тому твердому убѣжденію, что въ настоящее время крайне необходимо изданіе Арабскихъ текстовъ и источниковъ. Дози же въ своемъ предисловіи такъ нашелъ нужнымъ выразиться о современномъ положеніи исторіи Арабовъ въ Испаніи: «L'histoire de l'Espagne au moyen âge est à refaire. Je crois que l'on fera bien d'abandonner la route suivie jusqu'à présent. Au lieu de *faire* de l'histoire, on fera mieux peut être d'étudier et de publier d'abord les textes».

III. На бытность Славянъ въ Испаніи уже не разъ указывали ученые, какъ напр. Шармуа, Рено, Ашбахъ, (Gesch. d. Ommajad.), Гаммеръ (Gemäldesaal), Шеферъ, Гаянгосъ и Дози. У насъ дѣлали указаніе на это гг. Савельевъ (Мух. Нумизм.) и Куникъ (Ber. d. schw. Rods.).

Послѣ изданія въ свѣтъ перевода аль-Макари, свѣдѣній о Славянахъ въ Испаніи накопилось весьма достаточное количество и пишущій эти строки полагалъ, что Славянисту не обращать на нихъ вниманія было бы непростительно. Приступая къ изложенію всѣхъ извѣстныхъ мнѣ данныхъ о Славянахъ въ Испаніи въ періодъ мусульманскій, прежде всего считаю долгомъ замѣтить, что главнѣйше и даже исключительно при семъ руководствовался я сочиненіемъ аль-Макари въ переводѣ Гаянгоса, его примѣчаніями и дополненіями, а также и изслѣдованіями Дози. Было бы слишкомъ несвоевременно толковать теперь о значеніи Славянской стихіи въ мусульманской Испаніи, о степени участія Славянъ въ Испано-Арабской образованности. Прежде надо собрать какъ можно болѣе данныхъ, очистить ихъ и разработать критически, а потомъ уже приниматься за рѣше-

ніе вопроса — что именно внесли Славяне въ образованность Арабскую? вопроса весьма важнаго и кажется неизбѣжнаго, ибо Славяне, напр. въ мусульманской Испаніи играли весьма не незначительную роль, въ чемъ, при всей нынѣшней неразработанности источниковъ, положительно удостовѣряютъ насъ и извѣстные намъ факты и мнѣнія такихъ ученыхъ, каковы, напр. Гаянгосъ и Дози.

При изложеніи настоящихъ своихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ автора руководило скромное желаніе возбудить вопросъ и вызвать къ его рѣшенію другихъ болѣе его достойныхъ дѣятелей. Быть можетъ при всемъ своемъ желаніи оставаться простымъ передатчикомъ фактовъ, по незнанію своему языка Арабскаго, онъ легко введенъ былъ въ нѣкоторыя ошибки и погрѣшности, слишкомъ много довѣряя, напр. Англійскому переводчику аль-Макари. Онъ убѣжденъ въ тоже время, что всякой Славянистъ охотно присоединитъ свой голосъ къ его усердной просьбѣ, обращенной къ нашимъ оріенталистамъ, просьбѣ провѣрить предлагаемыя здѣсь свѣдѣнія: начатое въ Лейденѣ изданіе подлиннаго текста аль-Макари, успѣшно кажется приводится къ окончанію. Безспорно большую бы услугу оказалъ наукѣ тотъ изъ нихъ, кто перевелъ бы на Русскій языкъ всѣ мѣста, относящіяся до Славянъ не только изъ аль-Макари, но и изъ текстовъ, издаваемыхъ теперь ученымъ Арабистомъ Дози.

IV. Ашбахъ, а за нимъ Гаммеръ и Шеферъ, сообщили слѣдующія два любопытныя извѣстія, во первыхъ о томъ, что у халифа Кордовскаго аль-Гакема I († 822 г. по Р. Х), въ числѣ тѣлохранителей было 2 тысячи Славянъ, которыхъ Арабы называли Нѣмыми, ибо они не умѣли говорить по Арабски; во вторыхъ о томъ, что Абдуррахманъ III († 961 г.), держалъ между тѣлохранителями 4 тысячи Славянъ[1].

Аль-Макари ничего не говоритъ объ этой Славянской гвардіи. Вотъ его слова объ аль-Гакемѣ: «Онъ былъ одинъ изъ

1. Aschbach: Gesch. d. Ommajad. S. 229. — Schafer: Gesch. von Spanien. B. II. S. 163. — Hammer: Gemaldesaal. III, 65.

первыхъ государей этой династіи, окружившій престолъ свой подобающимъ великолѣпіемъ и могуществомъ. Онъ увеличилъ число мамелюковъ, такъ что оно доходило до 5,000 конницы и 1,000 пѣшихъ. Ибнъ-Халдунъ и друг. говорятъ, что онъ первый ввелъ правильное жалованье войскамъ, устроилъ постоянные склады оружья и припасовъ, умножилъ при себѣ рабовъ, евнуховъ и служителей; содержалъ при себѣ конныхъ тѣлохранителей, всегда стоявшихъ у воротъ его дворца, и окружилъ себя гвардіею мамелюковъ, число которыхъ также было опредѣлено. Эти мамелюки назывались аль-гарасъ (Al-haras, the guard), и по большей части состояли изъ христіанъ или иностранцевъ. Они занимали два большіе барака съ конюшнями для лошадей; тысяча изъ нихъ постоянно была на конѣ и содержала караулъ на обоихъ берегахъ рѣки вплоть до дворца. При аль-Гакемѣ состояло много шпіоновъ, которые знакомили его съ общественнымъ мнѣніемъ, онъ самъ занимался всѣми дѣлами управленія, окруживъ себя богословами, врачами и другими учеными и почтенными людьми. Такъ передалъ онъ своимъ преемникамъ государство могущественное и благоустроенное». (Gayang. II, 102).

Гаянгосъ же, въ одномъ изъ своихъ примѣчаній, говоритъ весьма положительно о бытности Славянской гвардіи у аль-Гакема I. Вотъ его собственныя слова: «Аль-Гакемъ I и его преемники окружили себя великолѣпною гвардіею (body-guard), состоявшею изъ нѣсколькихъ тысячъ Славянъ и Берберъ». (I, 398. Not. 30). Точно также и въ другомъ своемъ примѣчаніи упоминаетъ Гаянгосъ о Славянской гвардіи Абдуррахмана III. — Подобно Рено, также вовсе не вспоминая объ исторіи отношеній Славянъ къ Арабамъ въ М. Азіи, Сиріи, Африкѣ, Сициліи, и имѣя передъ собою свидѣтельства аль-Карави, Ибнъ-Хаукала, мнѣніе Рено, Гаянгосъ къ извѣстію аль-Карави нашелъ нужнымъ прибавить слѣдующее: «Все доказываетъ, что это противуестественная торговля (т. е. рабами), весьма была распространена во Франціи, въ средніе вѣка. Во время многократныхъ и дикихъ набѣговъ Венгерцевъ и другихъ сѣверныхъ народовъ, плѣнники, оставшіеся въ рукахъ Франковъ отправляемы были на Испанскую границу и продавались тамъ му-

сульманамъ, какъ то извѣстно изъ нѣкоторыхъ христіанскихъ писателей. См. Reinaud. Invas des Sarrraz. p. 236.

Попавъ въ Испанію, эти сѣверные невольники, которыхъ Арабскіе писатели называютъ собирательнымъ именемъ *Сакáлиба*, множ. отъ *Сиклáб* (Славяне — Sclavonians), уже воспитывались въ вѣрѣ мусульманской и подобно янычарамъ въ имперіи Турецкой составляли главную гвардію халифовъ (principal body guard of the Khalifs). Абдуррахманъ III, какъ извѣстно, содержалъ нѣсколько тысячъ (several thousands) этихъ сѣверныхъ варваровъ, великолѣпно одѣтыхъ (magnificently arrayed). Они содержали караулъ въ его дворцѣ и сопровождали его на охоту и въ военныхъ экспедиціяхъ. Мы видимъ ихъ случайно разыгрывающими главную роль въ дѣлахъ мусульманской Испаніи и основывающими независимыя королевства, которыя они передаютъ своему потомству». (I, 380).

Точно также умалчиваетъ аль-Макари, по крайности въ переводѣ Гаянгоса, о Славянскомъ войскѣ аль-Манзора († 1002 г.), тогда какъ слова Дози, не допускаютъ въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго сомнѣнія: «Les créatures d'Almanzor, les capitaines *des troupes slaves* et ceux des troupes berbères avaient réussi à s'élever au niveau de la noblesse musulmane, et, à partir du cinquième siècle de l'Hégire, l'Espagne fut morcélée entre une foule de petits états et gouvernée par la caste noble». (Rech. I, 3). У Славянина *Наджи* (Naja), задумавшаго въ 1042 г. овладѣть халифатомъ, была своя Славянская гвардія [1]. Наконецъ и аль-Макари говоритъ, что халифъ аль-Гакемъ II († 976 г.), содержалъ при себѣ Славянскую гвардію [2].

Мы знаемъ, что Славяне участвовали въ сухопутныхъ и морскихъ силахъ Арабовъ въ Азіи, Африкѣ, Сициліи; видимъ

1. Gayang. II, 246. II, p. XVIII. Append. B. Выписка изъ Арабскаго писателя аль Гомаиди: «....he (Naja) was suddenly attacked by the Berbers The *Sclavonians* his guard being thrown into confusion by the suddenness of the attack, ran away, and deserted him».

2 Когда его полководецъ Галибъ возвратился побѣдителемъ изъ Африки, то, по словамъ аль Макари, «самъ халифъ ожидалъ его въ нѣкоторомъ разстояніи отъ столицы, окруженный своимъ дворомъ, главными своими сановниками и *своею Славянскою гвардіею*, верхомъ на молочно бѣлыхъ коняхъ, богато украшенныхъ и покрытыхъ блестящею сѣтью» (II, 167).

теперь, что служили Славяне и у Арабовъ въ Испаніи. Предполагать же, что *Славянская гвардія* въ мусульманской Испаніи состояла не изъ Славянъ, едва ли возможно и даже не нелѣпо.

Если воображать себѣ, что Славяне проникали въ Испанію единственно и только черезъ Пиринеи, въ качествѣ невольниковъ, военноплѣнныхъ, рабовъ, евнуховъ, то конечно придется утверждать рѣшительно, что эта Славянская гвардія состояла не изъ Славянъ.

Рабы и военноплѣнные, о которыхъ говорятъ аль-Карави и др., попадали въ Испанію изуродованные. Эти, обыкновенно слабые, малодушные и трусливые люди вовсе не годились для тѣлохранителей, шли только въ гаремы. Потому-то не можетъ не показаться нѣсколько страннымъ мнѣніе Гаянгоса, полагающаго, что Славянская гвардія, которою окружали себя Испанскіе халифы, подобно всѣмъ восточнымъ деспотамъ, никогда почти не обходившимся безъ чужеземной помощи, набиралась изъ этихъ несчастныхъ изуродованныхъ Славянъ, попадавшихъ въ Испанію, изъ рукъ Франковъ, черезъ Пиринеи. Надѣюсь, читателя не поразитъ смѣлостію предположеніе о томъ, что халифы старались собирать свою гвардію изъ людей крѣпкихъ, сильныхъ, здоровыхъ. Отчего же называлась она Славянскою? Не значитъ ли здѣсь *Славянинъ* вообще бѣлаго человѣка въ противуположность Берберамъ, изъ которыхъ тоже составлялась гвардія халифовъ?[1].

Какъ, спрошу, надо понимать слово *Славянинъ* въ дошедшемъ до насъ драгоцѣнномъ извѣстіи объ историкѣ Габибѣ, написавшемъ сочиненіе: «Ясныя и побѣдоносныя доказательства противъ тѣхъ, которые отрицаютъ превосходныя качества Славянъ», сочиненіе, въ которомъ онъ сообщаетъ всякаго рода любопытныя подробности, исторію и народныя пѣсни (и стихи) Славянъ». Самъ Гаянгосъ не рѣшился понимать здѣсь сл. *Сакалиба* въ смыслѣ нарицательномъ, собирательномъ. Онъ перевелъ такъ: «Clear proofs and victorious arguments (in favour) of the excellences *of the Sclavonic race*». Дѣйствительно понимать здѣсь сл.

1 Charmoy: Relat. de Massoudy, p. 307, 376

Славяне иначе, чѣмъ въ смыслѣ особаго племени, было бы нелѣпо. Въ такомъ случаѣ не доказываетъ ли явленіе Габиба то, что Славяне не только могли, но и должны были проникать въ Испанію не черезъ Пиринеи только, не единственно изъ рукъ Франковъ, изуродованные?

Кто знаетъ, что истина наиболѣе угадывается простымъ пониманіемъ, смущается же и ускользаетъ, когда начинаютъ мудрить и хитрить, тотъ конечно согласится съ нами, что весьма опасно теряться въ подобныхъ предположеніяхъ, каковы напр. слѣд.: Славянская гвардія есть бѣлая гвардія, въ отличіи отъ черной — Берберской; она состояла изъ побѣжденныхъ туземцевъ, которыхъ быть можетъ халифы Испанскіе, подобно султанамъ Турецкимъ, брали дѣтьми и воспитали изъ нихъ янычаръ. Но вѣдь это все догадки! Со всѣмъ этимъ каждый легко бы еще согласился, если бы не зналъ ничего объ отношеніяхъ Славянъ къ Арабамъ въ М. Азіи, Сиріи, Африкѣ, Сициліи, которыя, какъ ни мало еще теперь извѣстны, сами собою, однако, наводятъ на вопросъ — не бывали ли Славяне и въ мусульманской Испаніи, и тамъ не пользовались ли они извѣстнымъ значеніемъ? Несомнѣнныя свидѣтельства о торговыхъ и международныхъ сношеніяхъ Славянъ съ Арабами въ Испаніи позволяютъ рѣшительно настаивать на этомъ вопросѣ. Какъ и съ чего бы въ самомъ дѣлѣ, завязались и происходили въ X в. подобныя сношенія, если бы эти Славяне не находили въ Испаніи своихъ единоплеменниковъ, сознававшихъ свое происхожденіе, свою народность, и въ слѣдствіе того норовившихъ имъ, служившихъ имъ посредниками съ Арабами? И вотъ драгоцѣнное извѣстіе объ историкѣ Габибѣ прямо и ясно указывающее намъ на то, что предположить мы должны были, отправившись отъ совершенно постороннихъ данныхъ и независимыхъ соображеній. — И вотъ свидѣтельства о Славянской гвардіи.

V. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государей дома Оммаядовъ, халифъ Абдуррахманъ III († 961 г.), построилъ въ Кордовѣ знаменитый дворецъ, извѣстный подъ именемъ *Аз-Загра*, отличавшійся необыкновенными богатствами и великолѣ-

немъ[1]. Аль-Макари такъ заключаетъ его описаніе, составленное на основаніи современныхъ свидѣтельствъ. «Мы бы слишкомъ протянули разсказъ нашъ, если бы захотѣли перечислить всѣ красоты, какъ природныя, какъ и искусственныя, заключавшіяся въ Аз-Загрѣ: быстрые ручьи, прозрачныя воды, прекрасныя строенія для помѣщенія внутренней стражи, пышные дворцы для пріема высшихъ государственныхъ сановниковъ, *множество солдатъ, пажей, евнуховъ и рабовъ всѣхъ націй и всѣхъ исповѣданій* (of all nations and religions), пышно разодѣтыхъ въ шелковыхъ и парчевыхъ платьяхъ, взадъ и впередъ разгуливающихъ по широкимъ улицамъ (Аз-Загры); толпы судей, кадибовъ, богослововъ и стихотворцевъ, важно прохаживавшихся по великолѣпнымъ заламъ, обширнымъ сѣнямъ и огромнымъ дворамъ дворца. Число служителей мужескаго пола простиралось до тринадцати тысячъ семи сотъ пятидесяти, которымъ ежедневно отпускалось мяса, исключительно изъ дичи и рыбы, тринадцать тысячъ фунтовъ; число разныхъ женщинъ, составлявшихъ гаремъ халифа или служившихъ въ немъ, доходило до шести тысячъ триста сорока. Славянскихъ пажей и евнуховъ (the Sclavonian pages and eunuchs), было три тысячи триста пятьдесятъ, а по другимъ — три тысячи триста восемдесятъ семь; ежедневно имъ шло тринадцать тысячъ фунтовъ, причемъ одни получали десять, другіе меньше, сообразно съ своимъ званіемъ и мѣстомъ, куръ, куропатокъ и всякаго рода дичи и рыбы; есть наконецъ писатели, которые насчитываютъ Славянскихъ служителей, жившихъ во дворцѣ или внѣ его, до шести тысячъ восьмидесяти семи». (I, 238).

Гаянгосъ въ примѣчаніи своемъ говоритъ: «Моя Испанская рукопись насчитываетъ ихъ до двѣнадцати тысячъ». (I, 503. Not 21). Впрочемъ, очень можетъ быть, что послѣднее извѣстіе преувеличено. Здѣсь аль-Макари Славянскихъ служителей выдѣляетъ изъ общей массы служителей, коихъ было 13 тысячъ; первые были отличаемы не только отъ прочихъ слу-

1. См подробное его описаніе у Al-Makkari, I, 232, 240. См. также замѣчательное сочиненіе. *Caveda* (Don José...) Gesch. der Baukunst in Spanien. Aus d. Span. übers. von P. Heyse, herausgegeben von Franz Kugler. Mit Illustrationen. Stuttgart. 1858. Ss. 98—101.

жителей, но и между собою: у нихъ существовала своя іерархія, иная не у всѣхъ была одинаковая, однимъ шло меньше, другимъ больше — according to their rank and station.

Время Абдуррахмана III, любопытно для Славяниста по тому Славянскому посольству, свѣдѣнія о которомъ сообщены нами выше.

По смерти его въ 961 г., его преемникъ, аль-Гакемъ II тотчасъ же разослалъ манифесты по областямъ, съ объявленіемъ о своемъ вступленіи и съ призваніемъ народа къ присягѣ. «Въ тотъ же день, говоритъ аль-Макари, онъ обратилъ вниманіе на управленіе и на успѣленіе своей власти, обозрѣвалъ дворцы, войска. Славяне, служившіе во дворцѣ (the Sclavonians of the palace), присягнули ему первые: сначала дворцовые евнухи, какъ напр. Джафаръ, смотритель конюшень и гардероба (master of the horse and of the royal robes), такъ и другіе придворные чиновники великихъ халифовъ; всѣ они присягнули за всѣхъ Славянъ, находившихся подъ ихъ началомъ; затѣмъ слѣдовали остальные придворные чиновники, слуги, *мускаддамы* и проч. (II, 156).

Когда все во дворцѣ присягнуло халифу аль-Гакему, то по его приказанію, главный визирь Джафаръ-Ибнъ-Отманъ отправился къ его брату Абу-Мервану, звать его присягать во дворецъ; также было послано и за другимъ братомъ халифа. Во дворцѣ Аз-Загра торжественно совершалась такая присяга:

«Въ залѣ, гдѣ сидѣлъ халифъ, начиная отъ трона вдоль правой и лѣвой ея стѣны стояли великіе дворцовые евнухи. Всѣ они были въ бѣлыхъ туникахъ и вооружены мечами. За ними въ два ряда на террасѣ своялы слуги евнухи, въ кольчугѣ и съ мечами. На ступеняхъ помѣщались евнухи гвардіи (?) (eunuchs of the guard), съ копьями въ рукахъ, и Славянскіе евнухи, всѣ въ бѣломъ и вооруженные мечами. За ними слѣдовали другіе Славянскіе евнухи низшаго разряда; далѣе гвардейскіе стрѣлки съ луками и колчанами. Подлѣ Славянскихъ евнуховъ стояли черные рабы (black slaves), великолѣпно одѣтые, въ блестящемъ вооруженіи, въ бѣлыхъ туникахъ, въ Сицилійскихъ шлемахъ, съ разноцвѣтными щитами; вооруженіе у нихъ было вызолоченное. Они были растянуты въ два ряда отъ террасы

до послѣдняго парапета. При дверяхъ Ас-судда (As-suddah-Bábu-s-suddah) стояла главная стража (the chief door-keepers), а за ними конная гвардія изъ черныхъ рабовъ вплоть до воротъ. За ними тѣлохранители (body-guard), изъ халифовыхъ вольноотпущенниковъ (*маули*), также верхомъ, и затѣмъ вся армія и рабы и стрѣлки до самыхъ городскихъ воротъ. По окончаніи всей церимоніи, народъ удалился; остались съ халифомъ его братья, визири и придворные чины, которые должны были остаться во дворцѣ Аз-Загра, пока тѣло покойнаго Ан-Насира не было перевезено во дворецъ Кордовскій, а потомъ похоронено на кладбищѣ халифскомъ».

Аль-Гакемъ II ничего не измѣнилъ въ порядкѣ управленія противъ своего преемника. Всѣ старые визири его отца были утверждены имъ въ томъ-же званіи. Своимъ гаджибомъ онъ назначилъ Джафара Аль-асклаби (Славянина — Jáfar Al asklabi the Sclavonian[1]), который, по заведенному обычаю, въ день своего назначенія, поднесъ халифу дорогіе подарки. По свидѣтельству Ибнъ-Гайяна, они состояли въ сотнѣ Франкскихъ мамелюковъ, конныхъ, вооруженныхъ мечами, копьями, щитами въ Индѣйскихъ шапкахъ, въ трехъ стахъ двадцати стальныхъ кольчугахъ разнаго рода; въ трехъ стахъ стальныхъ и пятидесяти Индѣйскихъ деревянныхъ шлемахъ; въ нѣсколькихъ Европейскихъ шлемахъ, не деревянныхъ, называемыхъ *Ат-те-гитана;* въ трехъ стахъ Европейскихъ копьяхъ; въ сотнѣ щитовъ Султаніи (of Sultániyyah); въ десяти серебрянныхъ позолоченныхъ сбруяхъ; въ двадцати буйволовыхъ рогахъ». (II, 157—8).

О значеніи званія гаджиба можемъ узнать изъ слѣд. словъ аль-Макари: «Историкъ Ибну-Халдунъ говоритъ, что званіе визиря у султановъ Кордовскихъ давалось извѣстнымъ государственнымъ чиновникамъ, изъ коихъ каждый имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи извѣстную отрасль управленія, напр. финансы, иностранныя дѣла, правосудіе, защиту границъ, войско. Сановники эти сверхъ того участвовали въ постоянныхъ совѣщаніяхъ съ халифомъ; изъ числа ихъ онъ избиралъ себѣ найиба (Náyib), какъ называлась на востокѣ должность главнаго

1. См. также Reinaud. Invas. p. 252.

или великаго визиря, а въ Андалузіи она была извѣстна подъ именемъ гаджиба[1]» (I, 102).

Въ 962 г. пріѣзжалъ въ Кордову для личнаго свиданія и переговоровъ съ халифомъ аль-Гакемомъ II король Галиціи Ордоньо IV. Въ Кордовѣ все было приготовлено къ торжественному его пріему. Войска были вооружены, какъ въ военное время, Славянская гвардія была великолѣпно разодѣта по этому случаю; улемы, богословы, катибы и стихотворцы получили приказаніе присутствовать при аудіенціи, а визири и другіе высшіе сановники обязаны были въ извѣстномъ часу быть каждый на своемъ мѣстѣ. (II, 161).

Послѣ своего представленія халифу, Ордоньо былъ отведенъ евнухами въ особые покои, гдѣ усадили его на высокую подушку, покрытую золотою парчею. Между тѣмъ гаджибъ Джафаръ аль-Мосгафи отправился къ нему изъ другой части дворца; замѣтивъ его, Ордоньо всталъ съ своего мѣста, вышелъ къ нему на встрѣчу, отдалъ ему самый низкій поклонъ и хотѣлъ поцѣловать его руку, но Джафаръ не далъ ему и, поздоровавшись съ нимъ самымъ дружественнымъ образомъ, поздравилъ его съ успѣхомъ, увѣряя, что халифъ непремѣнно исполнитъ свое обѣщаніе, отчего Ордоньо пришелъ въ неописанную радость. (II, 164 — 5).

Послѣ того, по знаку, данному Джафаромъ, былъ принесенъ въ подарокъ отъ халифа богатый почетный нарядъ. Затѣмъ Джафаръ послалъ за христіанами, бывшими въ свитѣ Ордоньо, и каждаго изъ нихъ одарилъ прилично званію. (II, 165).

Выше я уже замѣтилъ, что слова евнухъ, употребляемаго не разъ у Гаянгоса, нельзя всегда понимать буквально. Такъ напр. Джафаръ, называемый евнухомъ, имѣлъ большое семей-

1. Gayang. I, p. XXVII, Append. B., гдѣ приложенъ переводъ нѣсколькихъ мѣстъ изъ Ибнъ-Халдуна по рукописи Б-ки Брит. Музея. Вотъ слова Ибнъ-Халдуна о званіи гаджиба при Оммаядахъ: «During the government of the Beni Umeyyah in Andalus, the name of Hájib, was given to that officer whose duty was to screen or veil the Sultán from the eyes of his subjects, and to be a sort of intermediary between his sovereign and the wizírs, or their inferiors, as we have observed elsewhere. As long as the dynasty of the Beni Umeyyah lasted, the office of the Hájib was one of the highest importance in the state, as thou mayest read in the histories of Ibn Hadíd and other Hájibs».

ство. Тоже конечно относится и къ другимъ Славянамъ, безразлично называемымъ евнухами.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Славяне въ Испаніи, какъ иноземцы и пришлецы, составляли какъ бы особое общество, были связаны между собою тѣсною дружбою и взаимно помогали другъ другу, какъ земляки и единоплеменники. Все это конечно продолжалось по тѣхъ поръ, доколѣ не утратили они своей народности, чего еще не было и въ XI в., какъ то показываетъ примѣръ Славянина Габиба, жившаго въ XI в., слѣдовательно въ X в., если Славяне и учились Арабскому языку и принимали мусульманскую вѣру и нѣкоторые мусульманскіе обычаи, то не бросали однако и своихъ нравовъ и обычаевъ, не забывали и своего языка, не покидали вовсе своей народности. Мы уже знаемъ, что халифъ аль-Гакемъ II, также, подобно своимъ предшественникамъ, держалъ Славянскую гвардію. Возвышеніе Славянина на такое высокое мѣсто, каково званіе гаджиба, раскрываетъ всю силу и все значеніе, котораго достигли Славяне при этомъ халифѣ. Безъ сомнѣнія Джафаръ аль-Мосгафи за собою тянулъ и возвышалъ и другихъ своихъ единоплеменниковъ и даже соотечественниковъ.

Мнѣ очень пріятно, что въ подтвержденіе своего мнѣнія, могу привести слова такого знатока, какъ Дози: «Въ правленіе Абдуррахмана III и аль-Гакема II, Славянскіе дворцовые евнухи пріобрѣли большое вліяніе, особенно былъ къ нимъ расположенъ этотъ послѣдній халифъ. Въ годъ его смерти (976 г.), Славянскіе евнухи были весьма могущественны, ихъ считалась тысяча, и каждый изъ нихъ имѣлъ въ свою очередь своихъ слугъ, своихъ рабовъ».

Не должно однако заключать изъ словъ Дози, чтобы Славянъ была одна тысяча: выше мы видѣли, что при дворцѣ Аз-Загра состояло на службѣ Славянъ гораздо болѣе тысячи; больше тысячи Славянъ служило въ гвардіи. Если бы Славянъ въ Испаніи была всего одна тысяча, то конечно Славянскіе евнухи не были бы весьма могущественны, не было бы въ мусульманской Испаніи и особой Славянской партіи, о бытности которой ясно и положительно говоритъ Дози. Чтеніе аль-Макари, примѣчаній и приложеній его переводчика привело ни-

шущаго эти строки къ тому же самому заключенію; но такъ какъ ни Арабскій историкъ, ни Гаянгосъ нигдѣ прямо не говорятъ о Славянской партіи, то и онъ хотѣлъ было уже умолчать объ этомъ изъ опасенія быть обвиненну въ излишней поспѣшности заключенія и чтобы чрезъ то самое не подорвать довѣріе къ излагаемому предмету. Но послѣ ознакомившись съ изслѣдованіями Дози, онъ не усомнился уже говорить утвердительно о бытности въ мусульманской Испаніи въ X и XI в. особой Славянской партіи.

Бытность этой партіи указываетъ на немалозначительное количество Славянъ въ Испаніи, такъ какъ вездѣ и всегда политическая партія можетъ существовать и имѣть большое значеніе только тогда, когда предводители ея не только отличаются большими дарованіями, но и располагаютъ значительными матеріальными средствами, опираются на внѣшней силѣ, на болѣе или менѣе знатномъ количествѣ людей, имъ преданныхъ. Тысяча Славянъ, какъ бы они не превосходили Берберовъ и даже Арабовъ своими нравственными достоинствами, была безсильна создать особую партію, тѣмъ болѣе такую, которая дѣйствовала не безъ успѣха.

Точно также вездѣ и всегда партія можетъ образоваться, существовать и пользоваться въ государствѣ силою и значеніемъ только въ томъ случаѣ, если состоитъ изъ людей, болѣе или менѣе единомыслящихъ, иначе они не могутъ жить въ ладахъ, въ совѣтѣ и любви, безъ чего никакая партія, тѣмъ болѣе немногочисленная, никогда не пріобрѣтетъ сильнаго вліянія. Все это подавно относится къ Славянской партіи въ Испаніи, не любимой и безъ того народомъ, какъ иноплеменной, и встрѣтившей кромѣ того опаснаго себѣ противника въ могущественной партіи Берберской. Если же въ числѣ упоминаемыхъ у Арабскихъ историковъ Славянъ надо бы было разумѣть и Нѣмцевъ, то зная рѣзкую противоположность этихъ племенъ, еще болѣе взаимную ихъ непріязнь, а въ то время даже и ненависть, рѣшительно утверждать можемъ, что въ такомъ случаѣ въ Испаніи никогда бы не было никакой Славянской партіи. Славяне и Нѣмцы, встрѣтившись въ Испаніи, конечно не сблизились бы между собою и не примирились бы; одинаковость положенія

была бы не въ силахъ потушить ихъ взаимной вражды, глубоко коренившейся, точно также, какъ Греки и Болгары, Грузины и Армяне, западные Славяне и Нѣмцы сохраняютъ другъ къ другу тоже непріязненное расположеніе, что на родинѣ, то и внѣ ея, напр. въ Англіи, во Франціи, въ Россіи. Такимъ-образомъ Нѣмцевъ въ Испаніи на службѣ у мусульманъ быть очень много не могло. Если бы ихъ число равнялось числу Славянъ, то они бы образовали свою особую партію Нѣмецкую, подобно тому, какъ Славяне образовали Славянскую. Иначе надо признать, что Нѣмцы не обладали нужными для того качествами, что было бы странно и даже нелѣпо. Слѣдовательно надобно согласиться, что Нѣмцевъ въ Испаніи на службѣ у мусульманъ было очень немного, (что и само по себѣ понятно, какъ то мы выше видѣли), а съ другой стороны, что и эти немногіе Нѣмцы, пока не утратили своей народности, имѣли участь далеко на одинаковую со Славянами, которые своего вліянія и своей силы не могли же не употреблять согласно съ своими природными симпатіями и антипатіями. Въ этомъ отношеніи вниманія заслуживаетъ приведенное выше извѣстіе о подаркахъ главнаго визиря Джафара, природнаго Славянина. Между прочимъ онъ подарилъ своему повелителю сто рабовъ, то были Франки, т. е. Нѣмцы, а не его земляки или единоплеменники.

VI. По смерти аль-Гакема II († 976 г.) на престолъ вступилъ его слабый сынъ Гишамъ. Аль-Макари, слѣдуя здѣсь Ибнъ-Халдуну, разсказываетъ, что аль-Могейра, братъ аль-Гакемовъ, имѣвшій виды на престолъ и сильную партію въ Кордовѣ, былъ умерщвленъ Могамедомъ Ибнъ-Аби Амиромъ, болѣе извѣстнымъ подъ именемъ аль-Манзора.

У аль-Макари же находимъ слѣдующія весьма любопытныя подробности, заимствованныя имъ изъ историка Арабскаго Ибнъ-Бассама: «Лишь только аль-Гакемъ испустилъ послѣдній вздохъ, какъ тотчасъ двое изъ его Славянскихъ евнуховъ, Файикъ и Джодаръ, предвидя смуты и бѣдствія отъ такой мѣры (отъ назначенія аль-Гакемомъ въ свои наслѣдники сына своего, помимо брата) задумали посадить на престолъ его брата аль-Могейру, вмѣсто юнаго Гишама. «По моему, говорилъ Файикъ Джо-

дару, мы никогда не приведемъ въ исполненіе нашихъ замысловъ пока живъ Джафаръ аль-Мосгафи, онъ долженъ умереть».—«Неужели намъ слѣдуетъ начать наше дѣло убійствомъ старика, нашего начальника и покровителя», возражалъ ему Джодаръ,—«клянусь Аллахомъ, говорилъ Файикъ, я не вижу иного средства».—Однако они отправили гонца къ Джафару съ извѣстіемъ о смерти аль-Гакемовой и тутъ же открыли ему свои планы на счетъ аль-Могейры, прося его мнѣній и совѣтовъ. Отвѣтъ Джафаровъ былъ слѣдующій: «Вамъ обоимъ дѣйствовать, мнѣ только васъ слушаться; ваши званія, какъ начальника двора (master of household) и смотрителя дворцовъ (governor of the palaces) даютъ вамъ большую власть». Тогда оба евнуха рѣшились привести свой планъ въ исполненіе. Между тѣмъ аль-Мосгафи оставилъ дворецъ и, собравъ войска и ихъ начальниковъ, объявилъ имъ о смерти аль-Гакемовой, а также и о намѣреніяхъ Джодара и Файика посадить на престолъ вмѣсто Гишама его дядю. «Если мы останемся вѣрными сыну нашего повелителя, то власть будетъ въ нашихъ рукахъ; если же мы согласимся на избраніе другаго государя, то мы лишимся всей силы и власти въ государствѣ». Войска единодушно отвѣчали: «Твое мнѣніе вмѣстѣ и наше». Тогда Джафаръ поспѣшно отправилъ Могаммеда съ частью войска въ резиденцію аль-Могейры съ повелѣніемъ умертвить его. Ибнъ-Аби-Амиръ засталъ аль-Могейру въ совершенной неизвѣстности на счетъ всего случившагося. Онъ сказалъ ему о смерти его брата и о томъ, что его племянникъ Гишамъ возведенъ на престолъ. Аль-Могейра былъ глубоко потрясенъ при этой вѣсти, но тотчасъ же придя въ себя, сказалъ: «Я слушаюсь и повинуюсь приказаніямъ моего новаго повелителя.» Не зная, какъ поступить, Ибнъ-Аби-Амиръ послалъ письмо къ Джафару, увѣдомляя его обо всемъ и испрашивая отъ него дальнѣйшихъ наставленій. Отвѣтъ былъ слѣдующій: «Схватить и умертвить его; если ты не исполнишь порученія, я пошлю другаго».—Аль-Могейра былъ убитъ». (II, 177—8).

Есть объ этихъ происшествіяхъ разсказъ другаго Арабскаго историка, который мы считаемъ нужнымъ приложить здѣсь же по передачѣ Дози: «Начальникомъ Славянскихъ евнуховъ былъ

Файикъ, извѣстный подъ именемъ Ан-Нидами (An-Nidhami), начальникъ гардероба (le maitre de la garde robe), послѣ него наибольшимъ вліяніемъ пользовался Джодаръ. Болѣзнь аль-Гакема II была продолжительная и когда еще никто, кромѣ Файика и Джодара, не зналъ о его смерти, они рѣшились не приводить въ исполненіе послѣдней воли своего государя, который назначилъ себѣ въ преемники своего сына. Пугаясь бѣдственныхъ послѣдствій регентства, такъ какъ Гишамъ, сынъ аль-Гакемовъ, былъ только на двѣнадцатомъ году и зная, что народъ не охотно приметъ этого ребенка, они рѣшились передать престолъ аль-Могейрѣ, брату аль-Гакемову, съ тѣмъ условіемъ, чтобы этотъ послѣдній назначилъ племянника своимъ наслѣдникомъ. Такимъ образомъ они оказали бы услугу аль-Могейрѣ и въ то же время остались вѣрными сыну своего государя, почему и могли разсчитывать на большое вліяніе въ дѣлахъ государственныхъ. «Мысль была прекрасная, восклицаетъ Арабскій историкъ, но Богъ не позволилъ ей осуществиться». Дѣйствительно такимъ способомъ дворцовые евнухи остановили бы, быть можетъ на долго, паденіе Оммаядовъ. Но они дѣйствовали въ видахъ личнаго интереса; не желая, чтобы властвовалъ одинъ аль-Мосгафи, они противупоставили ему такого князя, который, будучи имъ обязанъ престоломъ, былъ бы всегда имъ благодаренъ.

Джодаръ предложилъ своему начальству призвать Джафара и умертвить его, но Файикъ воспротивился этому убійству и надѣялся перетянуть Джафара на свою сторону. Узнавши объ ихъ заговорѣ, Джафаръ притворился, какъ будто его одобряетъ, но разсчетъ Файика былъ ошибоченъ. При халифѣ-ребенкѣ, вельможа, поддерживаемый арміею, былъ бы въ полной силѣ, напротивъ же того при аль-Могейрѣ его вліяніе было бы совершенно ничтожно; онъ даже боялся, что лишится своего мѣста, такъ какъ его отношенія къ этому князю не отличались особенною пріязнью; потому-то аль-Мосгафи и припялъ свои мѣры, собралъ многихъ друзей своихъ, въ числѣ которыхъ былъ Мохаммедъ Ибнъ-Аби-Амиръ (впослѣдствіи аль-Манзоръ, тогда только что начинавшій свое поприще), начальниковъ войскъ Берберскихъ Бену-Бирзаль (des Bénou-Birzál), искренно къ нему привязанныхъ, и начальниковъ Испанскихъ войскъ; извѣстилъ

ихъ о смерти аль-Гакемовой и далъ имъ знать о намѣреніи Славянскихъ евнуховъ, убѣждая ихъ предупредить его въ видахъ собственнаго же ихъ интереса. Ему подали совѣтъ, какъ можно скорѣе умертвить аль-Могейру. Совѣтъ былъ принятъ Джафаромъ и Могаммедъ взялся убить его. Такъ и погибъ бѣдный князь, еще ничего не знавшій о смерти своего брата. Узнавъ объ убійствѣ аль-Могейры, Джодаръ сталъ упрекать Файика за то, что не послушался его совѣтовъ. Но теперь было уже поздно; оба евнуха скрыли свое неудовольствіе и отправились къ аль-Мосгафи съ своими поздравленіями и оправданіями. Онъ подалъ видъ, что ихъ прощаетъ, но начатая борьба могла окончиться не иначе, какъ паденіемъ одной изъ двухъ партій. Эти два евнуха всячески старались низвергнуть съ престола Гишама II, составили противъ него заговоръ; но аль-Мосгафи предварилъ ихъ и разбилъ всѣ ихъ планы; а Могаммедъ Ибнъ-Аби-Амиръ привлекъ на свою сторону пять сотъ евнуховъ и назначилъ имъ великолѣпное содержаніе. Такимъ-образомъ Файикъ и Джодаръ были покинуты своими приверженцами. Тогда Джодаръ проситъ позволенія у султана оставить мѣсто и удалиться въ свои владѣнія; онъ былъ увѣренъ, что султанъ откажетъ ему въ этой просьбѣ. Безъ сомнѣнія, то была хитрость со стороны Джодара, вполнѣ увѣреннаго въ отказѣ. Противъ всякаго его ожиданія, ему было дозволено оставить столицу. Приверженцы его пришли съ того въ совершенное отчаяніе и разразились угрозами противъ аль-Мосгафи и Могаммеда Ибнъ-Аби-Амира. Одинъ молодой евнухъ, по имени Дорри, поступилъ въ этомъ случаѣ весьма неблагоразумно; по наущенію Джафара, подданные Дорри въ Баэзѣ (Baéza) подали доносъ на своего господина и его управляющихъ. Аль-Мосгафи представилъ, будто бы онъ докладывалъ объ этомъ султану и что тотъ приказалъ свести Дорри на очную ставку съ его людьми. Дорри получаетъ приказаніе явиться въ домъ визиря; онъ уже было отправился, но, услыхавъ, въ чемъ дѣло, рѣшился вернуться во дворецъ. Могаммедъ остановилъ его насильно,— Дорри схватилъ его за бороду. Ибнъ-Аби-Амиръ зоветъ на помощь солдатъ, бывшихъ тогда не вдалекѣ. Испанцы не рѣшались поднять руки на Дорри, котораго они уважали, но Берберы (les Bénou Birzal) избили его такъ,

что онъ лишился разсудка. Тотчасъ же отнесли его на домъ, гдѣ ночью и доконали его. Файикъ и другіе начальные люди получили приказъ удалиться въ свои земли и не ворочаться болѣе въ столицу. Они повиновались; однако Ибнъ-Аби-Амиръ продолжалъ ихъ притѣснять; онъ затѣялъ съ ними тяжбу и отобралъ отъ нихъ значительныя суммы. Файикъ былъ сосланъ на острова Балеарскіе, гдѣ онъ и умеръ. Аль-Мосгафи опредѣлилъ другихъ евнуховъ, старшаго изъ нихъ Сокра назначилъ смотрителемъ дворца и гарема»[1].

У аль-Макари (въ переводѣ Гаянгоса) нѣтъ никакихъ дальнѣйшихъ подробностей по смерти аль-Могейры и потому не имѣемъ возможности сказать, такъ ли точно и о позднѣйшихъ событіяхъ разсказъ Ибнъ-Бассама отличается отъ разсказа Ибнъ-Адари, приводимаго у Дози. Разницы въ этихъ же двухъ свидѣтельствахъ, какъ читателю видно изъ приведенныхъ нами мѣстъ, не малозначительныя: по Ибнъ-Бассаму—Файикъ задумалъ извести Джафара и Джодаръ останавливаетъ его; по Ибнъ-Адари (у Дози) обратно; по Ибнъ-Бассаму—Джафаръ былъ главнымъ виновникомъ смерти аль-Могейры, причемъ Ибнъ-Аби-Амиръ (въ послѣдствіи страшный аль-Манзоръ) не только стоитъ на второмъ планѣ, но и является безгласнымъ, послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Джафара; по Ибнъ-Адари Ибнъ-Аби-Амиръ самъ вызывается умертвить аль-Могейру, не Джафаръ подалъ мысль объ этомъ убійствѣ, но предложили какіе-то другіе; Могаммедъ, по дальнѣйшему разсказу Ибнъ-Адари, является почти главнымъ дѣятелемъ въ дѣлѣ Файика и Дорри; онъ же ослабляетъ партію Файика, привлекая на свою сторону пять сотъ евнуховъ.

Нельзя пропустить молчаніемъ и не указать, какъ на обстоятельство весьма любопытное, на то, что Ибнъ-Адари весьма много заимствовалъ, по свидѣтельству Дози, изъ сочиненія Ибнъ-Гайяна (1006 † 1076 г.), знаменитаго автора къ сожалѣнію недошедшей до насъ исторіи Оммаядовъ и аль-Манзора[2], и что Ибнъ-Бассамъ, которымъ пользовался аль-Макари и чей раз-

1. Dozy: Rech. I, 208—211.

2. Dozy: Rech. I, 24 Gayang. I, 310.

сказъ мы привели выше, въ описаніи происшествій, слѣдовавшихъ за смертью аль-Гакема, также пользовался Ибнъ-Гайяномъ [1]. Изъ разсказа Ибнъ-Бассама не видать, чтобы гаджибъ Джафаръ аль-Мосгафи былъ такъ не любимъ Славянскими евнухами, какъ то представлено у Ибнъ-Адари. Изъ него точно также еще нельзя заключить, чтобы противъ Гишама была почти вся Славянская сторона, какъ о томъ можно было бы думать при чтеніи разсказа Ибнъ-Адари по передачѣ Дози.

Но если и вовсе не принимать во вниманіе словъ Ибнъ-Бассама, а слѣдовать исключительно приведеннымъ нами словамъ Дози, то и тогда было бы слишкомъ смѣло и малообоснованно подозрѣніе въ справедливости свидѣтельства о Славянскомъ происхожденіи Джафара: въ такъ называемый Петербургскій періодъ нашей исторіи, мы видимъ, предводители Нѣмецкой партіи нерѣдко ссорятся и враждуютъ между собою и тѣмъ даютъ перевѣсъ Русскимъ, зорко и пристально слѣдящимъ за ихъ дѣйствіями: такъ враждуя, погубили себя и сильно повредили своему дѣлу Биронъ, Остерманъ, Минихъ. Наконецъ и новѣйшіе ученые, каковы Рено и Гаянгосъ, считаютъ его Славяниномъ же. Вотъ потому-то, пока Славянское происхожденіе Джафара не будетъ опровергнуто строгими, положительными доводами, судьба этого замѣчательнаго человѣка непремѣнно должна входить въ исторію Славянъ въ Испаніи. Разсказъ о Джафарѣ, его государственной дѣятельности при Гишамѣ, о его могуществѣ и славѣ и о его позднѣйшей печальной судьбѣ, можетъ быть любопытенъ и тѣмъ еще, что представляетъ нѣсколько намековъ, если и не прямыхъ доводовъ, въ пользу Славянскаго происхожденія этого государственнаго человѣка и даже писателя.

---

1. Gayang. II, 176; также Dozy l l. Уроженецъ Сантарема, въ Португаліи, Ибнъ-Бассамъ († 1147—8 г.) написалъ историко-біографическое сочиненіе въ трехъ частяхъ: въ первои помѣщены жизнеописанія знаменитыхъ людей и поэтовъ, жившихъ въ Кордовѣ, Толедо, Сарагоссѣ, Дженѣ (Jaen), Гранадѣ и друг. мѣстахъ; во второи — жизнеописанія поэтовъ Аль-гарба или западныхъ областей съ краткою исторіею Бени-Аббада; въ третьей и послѣдней — жизнеописанія поэтовъ и замѣчательныхъ людеи Валенсіи, Альмеріи, Мурсіи и другихъ городовъ восточныхъ. Вторая часть этого важнаго труда хранится въ Оксфордѣ, въ библіотекѣ Бодлеиской. (Gayang. I, xxi. II, 513).

*

VII. «По смерти своего дяди, говоритъ аль-Макари, Гишамъ сѣлъ твердо на престолѣ отцовскомъ, всѣми дѣлами въ государствѣ завѣдывалъ аль-Мосгафи. Онъ употреблялъ великія старанія о народномъ благосостояніи, скромно и терпѣливо исполняя свой долгъ; отвергнувъ излишнюю пышность, сидѣлъ на одинаковомъ мѣстѣ съ прочими визирями и членами совѣта. *Впрочемъ въ томъ только и заключались его добрыя дѣла, ибо вскорѣ онъ началъ раздавать мѣста въ государствѣ своимъ друзьямъ и родственникамъ, сталъ самовольно и для собственныхъ цѣлей распоряжаться казною государственною.* Могаммедъ Ибнъ-Аби-Амиръ, совершенная противуположность Джафару, слѣдовалъ иному образу дѣйствій. Корыстолюбію и исключительности гаджиба онъ противупоставлялъ величайшую щедрость, холодности и высокомѣрію перваго самое пріятное и увлекательное обращеніе. Тѣмъ пріобрѣлъ онъ величайшую любовь народа, аль-Мосгафи принялъ его въ соучастники управленія и далъ ему званіе визиря. Усердіе и дарованія, скоро выказанныя Могаммедомъ въ исполненіи своей должности и его усиленная внимательность къ Собѣ, матери Гишама, быстро снискали ему любовь этой государыни; его вліяніе и сила все возрастали. Своею ловкостью и очаровательнымъ обращеніемъ, онъ такъ понравился Собѣ, что вскорѣ сталъ самымъ почетнымъ лицемъ при дворѣ. Гишамъ повелѣваетъ аль-Мосгафи обсуживать всѣ дѣла управленія вмѣстѣ съ Могаммедомъ и ничего не предпринимать безъ предварительнаго съ нимъ совѣщанія. *Согласно съ этимъ приказаніемъ, Джафаръ ввелъ его во всѣ свои тайны и обращался съ нимъ, какъ нѣжный отецъ съ сыномъ, ничего отъ него не скрывалъ и совѣтовался съ нимъ при всякомъ случаѣ. Но въ то время, какъ аль-Мосгафи такъ себя держалъ съ аль-Мансоромъ и такъ довѣрчиво предался ему, этотъ послѣдній коварно его обманывалъ, старался уронить его во мнѣніи государыни, постоянно дѣйствовалъ напереворъ ему, всегда на него сваливая вину всѣхъ мѣръ, непріятныхъ народу. Могаммедъ интриговалъ до тѣхъ поръ, пока совершенно не уронилъ Джафара и тѣмъ приготовилъ себѣ путь къ исключительному преобладанію въ государствѣ».* (II, 180—181).

Нелюбовь аль-Макари или лучше тѣхъ Арабскихъ историковъ, которымъ онъ здѣсь слѣдуетъ, эта нелюбовь и нераспо-

ложеніе къ Джафару особенно обнаруживается въ приведенныхъ нами словахъ: «Впрочемъ въ томъ только и состояли его добрыя дѣла». Но какія же были его дурныя стороны? Скупость, корыстолюбіе, пристрастіе къ своимъ друзьямъ и родственникамъ, которые, если справедливо Славянское происхожденіе Джафара, должны были быть большею частью Славяне. Иностранное происхожденіе Джафара не объясняетъ ли отчасти то великое къ нему нерасположеніе туземцевъ, что такъ сильно проявляется въ пристрастныхъ отзывахъ о характерѣ Джафара, «скромно и терпѣливо исполнявшаго свои обязанности», откинувшаго излишнюю роскошь и почести, быть можетъ тяготившія его Европейскую натуру, какъ преимущественныя принадлежности Азіята; Джафара, этого неблагороднаго человѣка и въ то же время обращавшагося съ своимъ опаснымъ соперникомъ, какъ нѣжный отецъ съ сыномъ, съ этимъ благороднымъ и популярнымъ соперникомъ, который поступалъ съ своимъ благодѣтелемъ весьма не чисто, какъ того не могли скрыть Арабскіе историки, при всемъ своемъ расположеніи и пристрастіи къ аль-Манзору. Но аль-Манзоръ, смѣлый воитель, кумиръ арміи, отличался необыкновенною щедростью, обходительностью обращенія. Онъ конечно не пользовался общественными суммами для своихъ собственныхъ цѣлей, не раздавалъ мѣстъ своимъ друзьямъ и родственникамъ, не имѣлъ особыхъ любимцевъ подобно Джафару, столь не популярному. Но послушаемъ аль-Макари, что сообщитъ онъ намъ о возвышеніи аль-Манзора.

«Если слѣдовать Ибнъ-Халдуну, аль-Манзоръ началъ свое поприще еще при аль-Гакемѣ. По смерти халифа и по вступленіи на престолъ его юнаго сына Гишама, Могаммедъ самъ вызвался и умертвилъ его брата аль-Могейру, имѣвшаго притязанія на престолъ. Аль-Могейра сынъ халифа Ан Насира, стоялъ во главѣ весьма значительной партіи въ Кордовѣ, которая его предпочитала племяннику его Гишаму, какъ за зрѣлый его возрастъ, такъ и за опытность въ дѣлахъ государственныхъ; *но съ помощью Джафара Ибнъ-Отмана аль-Мосгафи, гаджиба аль-Гакемова, Галиба, правителя Мединацели, и Славянскихъ дворцовыхъ евнуховъ, начальниками которыхъ въ то время были Файикъ и Джодаръ Могаммедъ захватилъ аль-Могейру въ его домѣ и умерт-*

вилъ его черезъ два дня спустя по смерти аль-Гакема и Гишамъ былъ провозглашенъ халифомъ безъ сопротивленія. Тогда Ибнъ-Аби-Амиръ рѣшился овладѣть Гишамомъ и захватить его власть; для того онъ сталъ интриговать противъ великихъ сановниковъ государственныхъ, поселялъ раздоры между ними, возстановляя ихъ другъ противъ друга, истребляя одного другимъ. Такъ какъ онъ самъ принадлежалъ къ племенамъ Іемена, именно къ племени Манферъ, былъ потомкомъ Абду-л-малека, пришедшаго въ Андалузію съ Тарикомъ и принимавшаго великое участіе въ завоеваніи этой страны, то ему и не стоило большаго труда привлечь на свою сторону вождей партіи Іеменской, бывшей въ то время всемогущественною. Съ ихъ помощью онъ постепенно пріобрѣлъ огромное значеніе и совершенно завладѣлъ Гишамомъ, запретилъ визирямъ являться къ нему, исключая извѣстныхъ дней, когда поздоровавшись съ халифомъ, они тотъ же часъ и удалялись. Онъ щедро награждалъ армію, чествлъ и жаловалъ ученыхъ, давилъ всѣхъ, кто ему сопротивлялся. Мудрый, предусмотрительный, храбрый, онъ блисталъ великими воинскими дарованіями, необыкновенною набожностью. Всѣ тѣ государственные сановники, которые ему сопротивлялись, гибли одинъ черезъ другаго, лишались своихъ мѣстъ и даже жизни. Все это совершалъ онъ за подписью Гишама и по его приказанію; такъ отстранилъ онъ всѣхъ, стоявшихъ ему на дорогѣ. Первые его удары направлены были противъ Славянскихъ дворцовыхъ евнуховъ (?), составлявшихъ часть халифовой гвардіи (body guard). Возбудивъ противъ нихъ гаджиба аль-Мосгафи, онъ выгналъ ихъ всѣхъ изъ дворца, хотя ихъ было болѣе восьми сотъ человѣкъ. Потомъ онъ женился на дочери Галиба, вольноотпущенника аль-Гакемова, хитростью и лестью такъ его привязалъ къ себѣ, что съ его помощію совершенно погубилъ аль-Мосгафи. Противъ Галиба онъ употребилъ Джафара Ибнъ-Али-Ибнъ Гамдуна, вождя Шіитовъ (въ Африкѣ). Гамдуна погубилъ онъ съ помощью Абдулвадуда Ибнъ-Джегвара Ибнъ-Диннуна и другихъ вельможъ, начальниковъ и предводителей Арабской партіи»... (II, 175—6).

Такъ дѣйствовалъ аль-Манзоръ. Какъ всякой умный политикъ, притомъ же неразборчивый въ средствахъ, онъ не губилъ

и не душилъ всецѣло ни одной партіи. Лишь только въ какой нибудь замѣчалъ онъ силу и значеніе, немедля поселялъ въ ней раздоръ, разлучалъ ея вождей, однихъ губилъ, другихъ привлекалъ на свою сторону и такимъ образомъ подчинялъ себѣ и своимъ цѣлямъ всякую сильную партію. Славянъ онъ, какъ ниже увидимъ, не удалилъ вовсе, а только подчинилъ своимъ видамъ.

Обращаемся къ разсказу аль-Макари о поведеніи аль-Мансора въ отношеніи къ Джафару:

«Такъ какъ нѣкоторые изъ сановниковъ аль-Гакемовыхъ (варіантъ: «изъ дворцовыхъ евнуховъ» или «изъ евнуховъ, называемыхъ великими халифами») служили преградою его честолюбивымъ замысламъ, то однихъ онъ сослалъ, другихъ умертвилъ, однимъ словомъ разбилъ и разсѣялъ всѣхъ своихъ противниковъ, назначая на ихъ мѣста своихъ клевретовъ и вообще такихъ людей, на которыхъ могъ вполнѣ положиться. Тоже самое сдѣлалъ онъ и со Славянскою гвардіею, которую распустилъ и разсѣялъ по странѣ, казнивъ самыхъ значительныхъ изъ нея личностей или такихъ, которыя ему казались наиболѣе опасными. Но такъ какъ событія, нами слегка обрисованныя, подробно описаны многими почтенными историками того времени, то мы и представимъ нѣкоторыя подробности изъ наиболѣе достовѣрныхъ и почтенныхъ писателей.

Ибнъ-Гайянъ говоритъ, что между гаджибомъ аль-Мосгафи и Галибомъ, правителемъ Мединацели, существовала великая вражда и непріязнь Галибъ пользовался громаднымъ вліяніемъ и всегда дѣйствовалъ вопреки аль-Мосгафи и тѣмъ подрывалъ его авторитетъ. Аль-Мосгафи жаловался на то своимъ сотоварищамъ, визирямъ, которые ему совѣтовали примириться съ нимъ, а не усиливать вражды. Аль-Манзоръ, опасаясь ихъ примиренія, рѣшился завязать дружбу съ Галибомъ для того, чтобы съ его помощію приготовить паденіе Джафара».

Аль-Манзору соединиться съ Галибомъ удалось. Онъ получилъ новое мѣсто, градоначальника (Wali-l-medinah, praefectus urbi), съ котораго былъ отставленъ аль-Мосгафи, противно своему желанію. Наконецъ онъ получилъ начальство и надъ полиціею, должность весьма почетную и значительную Первою его

заботою было всякаго рода кознями удалить отъ аль Мосгафи всѣхъ его друзей и уничтожить все его вліяніе, оставивъ въ его рукахъ только тѣнь власти. Всего этого онъ вполнѣ достигъ съ помощію Галиба, который согласился съ нимъ погубить аль-Мосгафи.

«Аль-Манзоръ исправлялъ свою должность такъ хорошо, что граждане Кордовскіе не имѣли ни малѣйшей причины сожалѣть о прежнихъ градоначальникахъ и чиновникахъ. Величайшая тишина и порядокъ царствовали въ городѣ, дѣла правосудія отправлялись быстро. Несмотря на то, онъ продолжалъ ухаживать за Галибомъ и всячески заботился объ его пріязни. Аль-Мосгафи, открывъ замыслы аль-Манзора, написалъ письмо Галибу, предлагалъ ему свою дружбу, а въ скрѣпленіе и въ знакъ ея просилъ руки его дочери для сына своего Отмана. Галибъ согласился и предложенный бракъ уже готовъ былъ совершиться, какъ аль-Манзоръ, едва узнавъ объ этомъ, написалъ Галибу, возстановляя его противъ Джафара, возбуждая его старую ненависть къ нему и совѣтуя ему остерегаться его тайныхъ замысловъ. Онъ пошелъ еще далѣе, уговорилъ родственниковъ и друзей Галиба написать ему объ этомъ же письма. Галибъ, склонившись на ихъ просьбы и наговоры, розорвалъ всѣ сношенія свои съ Джафаромъ и дочь свою, невѣсту Отмана, выдалъ замужъ за аль-Манзора. Свадьба ихъ была играна съ величайшимъ торжествомъ и пышностью въ 977 г. Невѣста прежде всего приведена была во дворецъ, гдѣ встрѣтилъ ее самъ халифъ. Такіе знаки почтенія еще болѣе увеличили силу и вліяніе аль-Манзора и удвоили число его послѣдователей такъ, что Джафаръ въ сравненіи съ нимъ уже ничего не значилъ.

«Султанъ назначилъ Галиба на должность гаджиба съ оставленіемъ однако въ этой должности Джафара, который, утративъ теперь всякую надежду на возможность когда либо подорвать значеніе своего противника, прекратилъ уже всякое сопротивленіе въ дѣлахъ управленія. Напротивъ того аль-Манзоръ противоборствовалъ ему и тайно и открыто, отвлекая отъ него всѣхъ его приверженцевъ и приманивая ихъ всѣхъ въ свою партію. Наконецъ Джафаръ былъ совершенно покинутъ своими друзьями: утромъ и вечеромъ ходилъ одинъ по дворцу, не поль-

зуясь рѣшительно правами своего званія, ставшаго однимъ пустымъ звукомъ. *Достойное наказаніе за убійство аль-Могейры и за его старанія посадить на престолъ Гишама!*

Аль-Манзоръ началъ возбуждать Гишама противъ аль-Мосгафи, его дѣтей, родственниковъ, друзей и противъ всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ какія либо связи. Отъ нихъ былъ потребованъ подробный отчетъ во всѣхъ государственныхъ суммахъ, прошедшихъ черезъ ихъ руки; по самымъ пичтожнымъ основаніямъ ихъ заставили уплатить огромныя суммы и тѣмъ довели ихъ до совершенной нищеты. Такъ раззорилъ аль-Манзоръ эту могущественную фамилію. Племянникъ аль-Мосгафи, по имени Гишамъ, первый испыталъ на себѣ ужасное его мщеніе. Этотъ юноша сопровождалъ аль-Манзора въ третьемъ его походѣ на христіанъ; когда побѣдитель ворочался въ Кордову съ огромнымъ количествомъ христіанскихъ головъ, надѣтыхъ на палки, какъ съ трофеями побѣды, то Гишамъ, похитивъ одну изъ этихъ палокъ, поспѣшилъ въ Кордову, гдѣ и представился съ нею халифу прежде своего начальника. Узнавъ объ этомъ, аль-Манзоръ заключилъ его въ темницу, гдѣ потомъ онъ и былъ преданъ смертной казни. Вскорѣ и Джафара постигла судьба его племянника. Совершенно раззоривъ его и доведя до крайней бѣдности такъ, что онъ принужденъ былъ продать свой домъ въ Риссафа (in the Rissáfah), одно изъ великолѣпнѣйшихъ Кордовскихъ зданій, аль-Манзоръ преслѣдовалъ его въ продолженіи двухъ лѣтъ, то заключеніемъ въ тюрьму, то другими средствами такъ, что онъ жилъ то при дворѣ, то въ ссылкѣ, постоянно обремененный уплатою большихъ суммъ; наконецъ онъ даже растроился въ разсудкѣ и былъ брошенъ въ крѣпость Аз-загра, гдѣ и кончилъ свою жизнь, по однимъ, отъ даннаго ему яда, по другимъ, съ тоски и страданій.

По поводу этого несчастнаго визиря, авторъ историческаго сочиненія, подъ названьемъ: «Цвѣточный садъ, удовольствіе для ума и развлеченіе для взора», говоритъ: «когда по приказанію аль-Манзора, аль-Мосгафи былъ арестованъ и посаженъ въ одну изъ крѣпостей Аз-загры, то друзья и родственники, проводивъ его туда, стали прощаться съ нимъ и со слезами на глазахъ обняли его въ послѣдній разъ. Онъ сказалъ тогда имъ:

«Друзья, вы въ послѣдній разъ видите меня въ живыхъ; пришелъ часъ, когда исполнится молитва, чего я жду свыше вотъ уже сорокъ лѣтъ». Друзья его пожелали узнать, что то была за молитва. Аль-Мосгафи разсказалъ имъ, какъ въ правленіе Ан-Насира (Абдуррахмана III), онъ былъ виновникомъ заключенія въ темницу одного человѣка, остававшагося въ ней очень долго. «Однажды ночью, говорилъ Аль-Мосгафи, я слышу во снѣ голосъ: «освободи такого-то изъ темницы, и малѣйшая его молитва о тебѣ — будетъ исполнена». Я повиновался и освободилъ его. Призвавъ его къ себѣ на домъ, я разсказалъ ему свой сонъ и попросилъ его помолиться обо мнѣ. На это отвѣчалъ онъ мнѣ: «Я молю Бога, чтобы всѣ виновники моего заключенія кончили свою жизнь въ самой страшной темницѣ». «Теперь, друзья, нѣтъ сомнѣнія, пришло время исполниться этой молитвѣ, такъ какъ я былъ однимъ изъ виновниковъ его несчастія, и хотя въ послѣдствіи раскаялся, но было уже поздо».

Аль-Мосгафи умеръ въ крѣпости, тѣло его было отдано друзьямъ для погребенія; слѣдующій разсказъ заимствуемъ у одного изъ катибовъ аль-Манзора, по имени Могаммеда Ибнъ-Измаила. «Однажды, говоритъ онъ, я сопровождалъ Могаммеда Ибнъ-Мослема въ Аз-загру, ѣхавшаго за тѣломъ Джафара Ибнъ-Отмана аль-Мосгафи, чтобы отдать его друзьямъ и родственникамъ, какъ то было приказано аль-Манзоромъ. Мы пришли въ комнату покойника и нашли его трупъ на постели, покрытый старымъ изорваннымъ плащемъ, который накинулъ на него одинъ изъ крѣпостныхъ сторожей. Тѣло обмыли на дверяхъ, которыя сняли съ петель въ одной изъ комнатъ; потомъ повезли его на кладбище, при чемъ не было никого, кромѣ имама изъ мечети, читавшаго надъ нимъ погребальныя молитвы, и тѣхъ изъ его сыновей, которые въ то время нашлись случайно въ Кордовѣ. Такое зрѣлище заставило меня призадуматься о непостоянствѣ счастья; я вспомнилъ, какъ однажды на моихъ глазахъ ѣхалъ Джафаръ изъ своего дома во дворецъ халифа, сопровождаемый многочисленною толпою родственниковъ и друзей. Улицы и площади, по которымъ онъ проѣзжалъ, были набиты людьми всякаго рода: кто желалъ просто

видѣть его, кто имѣлъ до него просьбу. Я самъ держалъ записку для него, пробился черезъ толпу и вручилъ ее одному изъ его катибовъ или секретарей, ѣхавшихъ подлѣ него. Вскорѣ послѣ того аль-Манзоръ сталъ врагомъ Джафара, то заключалъ его въ темницу, то таскалъ его съ собою во всѣ свои походы, обращался съ нимъ съ величайшимъ презрѣніемъ. Мнѣ удалось, въ одну изъ нашихъ экспедицій въ Галицію, поставить свою палатку подлѣ Джафаровой. Очень хорошо помню, какъ аль-Манзоръ отдалъ приказъ — ночью въ лагерѣ нигдѣ не зажигать огней, чтобы непріятель не открылъ нашей позиціи, и, клянусь Аллахомъ, я видѣлъ, какъ Джафаръ возился съ маленькою жаровнею, ловко пряталъ ее подъ свой плащъ и раздувалъ на ней огонь. Я видѣлъ болѣе, видѣлъ, какъ Отманъ, сынъ Джафаровъ, несъ въ его палатку большое корыто крупитчатой муки, размѣшанной въ водѣ — единственная пища! которою отецъ и сынъ удовлетворяли теперь свой голодъ. Я слышалъ, тогда говорилъ Отманъ: «Напрасно тоскую я о перемѣнѣ своей участи; вижу — несчастія приходятъ ко мнѣ такъ вѣрно, какъ свободная дѣвушка на назначенный вечеръ. Клянусь Аллахомъ! Проходятъ дни, а меня вѣчно преслѣдуетъ мысль о нашей несчастной судьбѣ! Дни неизмѣнно приводятъ за собою ряды бѣдствій, дни, съ которыми простились всякія радости и всякое счастіе. Ночи, тяжкіе часы которыхъ никакое занятіе не можетъ заставить забыть, и въ которые самое несчастіе мое не въ силахъ ничего выдумать для того, чтобы разсердить меня. Но что такое всѣ дни наши, какъ не тучи, проливающія дождь то во благо, то во вредъ землѣ». (II, 180 — 185).

Какъ ни пристрастны Арабскія извѣстія о характерѣ Джафара, однако величавый образъ этого замѣчательнаго человѣка живо рисуется передъ вами. Несмотря ни на разстояніе нѣсколькихъ вѣковъ, отдѣляющихъ его отъ насъ, ни на глубокую разницу нашихъ съ нимъ вѣрованій, какъ-то невольно остановившься передъ этой строгой, задумчивой личностью, сорокъ лѣтъ и на высотѣ почестей терпѣливо ожидающей себѣ кончины въ мрачной темницѣ, не любящей излишней роскоши и великолѣпія, гордо презирающей пустыя внѣшнія приличія.

Первый визирь, гаджибъ, Джафаръ добровольно отказывается занимать первое мѣсто въ совѣтѣ визирей, и садится на ряду со всѣми. Одинъ такой поступокъ въ обществѣ Азіятскомъ обличаетъ человѣка необыкновеннаго. Холодное и высокомѣрное его обращеніе, многихъ отъ него отбивавшее, обличаетъ характеръ гордый и непреклонный, впрочемъ ясно обнаруженный Джафаромъ и въ самомъ предсмертномъ прощаніи его съ друзьями. Его послѣднія слова имъ (не имѣемъ никакой причины не довѣрять этому разсказу): «теперь пришло время исполниться молитвѣ: *я былъ однимъ изъ виновниковъ его несчастія и хотя въ послѣдствіи раскаялся, но было уже поздо!*» — чрезвычайно знаменательны. Въ нихъ слышна глубокая скорбь благородной души, не удовлетворяемой ученіемъ Корана, чистымъ проявленіемъ Азіятскаго духа. Джафаръ былъ когда-то однимъ изъ виновниковъ заключенія въ темницу одного несчастнаго, и вотъ однажды ночью во снѣ онъ слышитъ голосъ: «*Освободи его изъ темницы и всякая молитва его о тебѣ будетъ услышана*». Такіе упреки, такой внутренній голосъ и быстрое исполненіе его внушеній знакомятъ насъ съ сердцемъ Джафара, честнымъ и любящимъ, что впрочемъ видать уже и изъ нѣжнаго его обращенія съ аль-Манзоромъ, постоянно строившимъ козни противъ него и напослѣдокъ окончательно его погубившимъ. Человѣкъ твердой воли, нѣжнаго сердца, Джафаръ былъ разборчивъ въ своихъ средствахъ и не считалъ подобно аль-Манзору, этому типическому Арабу-мусульманину X в., за то и столь любимому и популярному, для достиженія цѣли всякую мѣру дозволенною. «Ибнъ-Гайянъ говоритъ, что между гаджибомъ, аль-Мосгафи и Галибомъ, правителемъ Мединацели, существовала великая вражда и непріязнь. Галибъ пользовался огромнымъ вліяніемъ и всегда дѣйствовалъ вопреки аль-Мосгафи, и тѣмъ подрывалъ его авторитетъ. Аль-Мосгафи жаловался на то визирямъ, своимъ товарищамъ, которые совѣтовали ему помириться съ нимъ, а не усиливать вражды. Аль-Манзоръ, опасаясь ихъ примиренія, рѣшился завязать дружбу съ галибомъ для того, чтобы съ его помощію приготовить паденіе Джафара».

Мы видимъ образъ дѣйствій, совершенно противуположный аль-Манзорову. Тогда еще могущественный, Джафаръ не пы-

тается однако умертвить Галиба; онъ ищетъ законныхъ путей и жалуется своимъ товарищамъ визирямъ. Вмѣсто того, чтобы напр. отравить Галиба, онъ проситъ для своего сына руки его дочери. Аль-Манзоръ, неистощимый на хитрости и козни, разстраиваетъ предположенную свадьбу средствами самыми нечистыми. Историки, столь явно не любившіе аль-Мосгафи, не преминули бы разсказать о томъ, если бы онъ дѣйствительно питалъ какіе-нибудь злостные замыслы противъ аль-Манзора, который бы и самъ не умолчалъ о нихъ и непремѣнно поставилъ бы ихъ на видъ, заключая Джафара въ темницу. Нѣтъ, онъ обвиняетъ его въ расхищеніи государственной казны. Тоже говоритъ аль-Макари и отъ себя. Тѣмъ не менѣе у него же читаемъ: «аль-Манзоръ сталъ возстановлять Гишама противъ аль-Мосгафи, его дѣтей, родственниковъ, друзей и противъ всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ какія-либо сношенія. Отъ нихъ былъ потребованъ подробный отчетъ въ государственныхъ суммахъ, прошедшихъ черезъ ихъ руки; *по самымъ ничтожнымъ основаніямъ, ихъ заставили уплатить государственныя суммы и тѣмъ довели до крайней нищеты*».

Ознакомившись такимъ образомъ съ характеромъ Джафара, мы необходимо приходимъ къ вопросу: былъ ли онъ главнымъ и единственнымъ виновникомъ убійства аль-Могейры, дяди Гишамова? и аль-Манзоръ, собственноручно умертвившій аль-Могейру, былъ ли только простымъ орудіемъ Джафара? Справедливо ли наконецъ восклицаніе аль-Макари или лучше Ибнъ-Бассама при разсказѣ о печальной судьбѣ Джафара, постигшей его въ слѣдствіе происковъ аль-Манзора, «достойное наказаніе за убійство аль-Могейры и за его старанія посадить на престолъ Гишама!»

Вѣроятно ли при тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыми мы располагаемъ о Джафарѣ, чтобы онъ былъ главнымъ и единственнымъ виновникомъ смерти аль-Могейры? До насъ дошелъ одинъ разсказъ (не довѣрять которому нѣтъ никакого основанія), о томъ, какъ томили и волновали Джафара угрызенія совѣсти за то, что былъ виновникомъ и даже не единственнымъ, заключенія въ темницу какого-то бѣдняка; какъ онъ долго не могъ забыть этого, наконецъ, самъ вспомнивъ объ этомъ поступкѣ, освобо-

дилъ того несчастнаго изъ темницы, руководясь въ этомъ случаѣ однимъ влеченіемъ своего сердца и, призвавъ его къ себѣ, просилъ помолиться о немъ, въ той увѣренности, что молитва освобожденнаго имъ несчастнаго непремѣнно дойдетъ до Бога. Но мусульманская вѣра въ судьбу воспитала его и онъ терпѣливо въ продолженіи сорока лѣтъ выжидаетъ исполненія той страшной молитвы, убѣжденный такъ: «Я раскаялся, но было уже поздо.» Если Арабскіе историки справедливы, увѣряя, что несчастія, его постигшія, достойно и праведно казнили его за убійство аль-Могейры, то какимъ образомъ самъ Джафаръ, столь требовательный къ себѣ, не раскаявался передъ смертью въ убійствѣ аль-Могейры, Джафаръ, котораго терзала мысль, что онъ попустилъ заключить въ темницу какого-то неизвѣстнаго, мало виновнаго? Кровь требуетъ крови, и совершивъ преступленіе однажды, человѣкъ на немъ не останавливается, а идетъ дальше. Положимъ, что аль-Мосгафи совершилъ это преступленіе уже въ преклонныхъ лѣтахъ, и не оправдываемое его предъидущими поступками, его прежнею жизнію, оно могло не имѣть никакихъ предшествующихъ примѣровъ, но уже ни въ коемъ случаѣ нельзя допустить, чтобы оно могло остаться для Джафара безъ всякихъ послѣдствій. Или бы пало оно ему тяжелымъ камнемъ на грудь,—но того нѣтъ и слѣда въ предсмертномъ его прощаніи съ друзьями, когда онъ громко кается въ своихъ грѣхахъ и безъ ропота покоряется судьбѣ, которой безусловно вѣритъ, какъ истый мусульманинъ,—или же (что гораздо естественнѣе ожидать отъ всякаго сильнаго, твердаго характера, какимъ напр. обладалъ и Джафаръ) совершенное имъ преступленіе развило бы въ немъ неутомимую жажду пролитія новой крови, но таковъ ли его образъ дѣйствій съ Галибомъ и аль-Манзоромъ, его могучими противниками и заклятыми врагами?—Нужно ли и даже возможно ли представлять себѣ аль-Манзора какимъ-то безмолвнымъ орудіемъ Джафара? какимъ то тупымъ, слабымъ и нераспорядительнымъ человѣкомъ, который для каждаго новаго шага нуждается въ новыхъ приказаніяхъ? Ибнъ-Бассамъ говоритъ: «Джафаръ поспѣшно отправилъ Могаммеда съ частью войска во дворецъ аль-Могейры съ повелѣніемъ умертвить его. Ибнъ-Аби-Амиръ засталъ его въ совер-

шенной неизвѣстности на счетъ всего случившагося. Онъ увѣдомилъ его о смерти брата и о вступленіи на престолъ его племянника Гишама. Аль-Могейра, глубоко пораженный этою вѣстью, сказалъ однако: «Я слушаюсь приказаній моего новаго повелителя». *Не зная, какъ поступить, Ибнъ-Аби-Амиръ послалъ письмо къ Джафару, увѣдомляя его обо всемъ и ожидая его дальнѣйшихъ приказаній. Отвѣтъ былъ слѣдующій: «Схватить и умертвить его, если же ты не исполнишь порученія, я пошлю другаго»*: «аль-Могейра былъ убитъ» — прибавляетъ Ибнъ-Бассамъ, конечно аль-Манзоромъ, который рѣшился на это убійство вопреки своему желанію, по чистой необходимости, изъ боязни ослушаться Джафара. Слѣдовательно вся вина этого преступленія падаетъ на аль-Мосгафи, аль-Манзоръ былъ въ этомъ случаѣ его покорнымъ слугою, его безгласнымъ орудіемъ. Онъ даже противился этому преступленію, на сколько могъ, медлилъ поднять руку на аль-Могейру, растроганный, послалъ даже Джафару письмо, въ надеждѣ умилостивить и разжалобить этого порочнаго, злаго человѣка, чтобы умыть по крайности свои руки и очистить свою совѣсть.

По всей вѣроятности аль-Макари повторяетъ Ибнъ-Бассама, когда восклицаетъ съ благороднымъ негодованіемъ о Джафарѣ: *«достойное наказаніе за убійство аль-Могейры!*

Но правдиво ли это сказаніе? таковъ ли былъ дѣйствительно аль-Манзоръ, страстный, быстрый и рѣшительный, не останавливавшійся на полдорогѣ, не робѣвшій ни передъ какимъ злодѣйствомъ, лишь бы достичь своей цѣли? Но быть можетъ я ошибаюсь и неправильно понимаю этого замѣчательнаго дѣятеля, любимѣйшаго героя Испанскихъ Арабовъ.

Дози, лучшій въ настоящее время знатокъ исторіи мусульманской Испаніи, вотъ, какъ рисуетъ аль-Манзора: «dans le quatriéme siècle de l'Hégire (X в. по Р. Х.) un seul homme parvint non seulement á frapper d'impuissance le khalife, son maître, mais à renverser sinon la noblesse, du moins les nobles d'alors. Cet homme, qui ne reculait devant aucune lâcheté, devant aucun crime, devant aucun meurtre, pourvu qu'il arrivat au but de son ambition; cet homme, profond politique et le plus grand général de son temps, l'idole de l'armée et du peuple, celui que la fortune

favorisait dans toutes les occasions; cet homme c'était le terrible premier ministre, le Hádjib de Hisham II, c'était Almanzor». (p. 2 — 3).

Предоставляю судить безпристрастному читателю, поступаю ли я критически, совершенно отвергая разсказъ Ибнъ-Бассама, какъ не только не правдоподобный, но и совершенно противорѣчащій всему, что извѣстно намъ объ аль-Манзорѣ и о Джафарѣ.

Ибнъ-Адари, на сколько намъ извѣстенъ его разсказъ изъ передачи Дози, говоритъ: «Поданъ былъ совѣтъ умертвить аль-Могейру. Совѣтъ былъ принятъ Джафаромъ. *Аль-Манзоръ самъ вызвался умертвить его и дѣйствительно умертвилъ бѣднаго князя, еще ничего не знавшаго о смерти своего брата*».

Здѣсь видимъ, что первая мысль объ убійствѣ аль-Могейры родилась не у Джафара. Кѣмъ же была подана эта мысль? Ужъ не аль-Манзоромъ ли, который самъ же и вызвался убить князя? Это извѣстіе гораздо болѣе похоже на правду, чѣмъ Ибнъ-Бассамово, хотя при чтеніи его невольно рождаются и къ сожалѣнію остаются безотвѣтными вопросы—что до сего времени дѣлалъ аль-Манзоръ? оставался ли въ праздности? зналъ ли онъ о существованіи нѣкой партіи въ Кордовѣ, державшейся аль-Могейры? предугадывалъ ли онъ планы противниковъ Гишама, такъ какъ его возвышеніе началось еще при аль-Гакемѣ?

Абу-Зеидъ Абдуррахманъ Ибнъ-Могаммедъ Ибнъ Халдунъ (1332 † 1406 г.), Арабскій историкъ, о событіяхъ по смерти аль-Гакема разсказываетъ нѣсколько иначе. Повторимъ его слова, передаваемыя намъ компиляторомъ аль-Макари: «По смерти халифа аль-Манзоръ самъ вызвался и умертвилъ его брата аль-Могейру, бывшаго главою особой, сильной партіи въ Кордовѣ. *Съ помощію Джафара, Галиба и Славянскихъ дворцовыхъ евнуховъ, начальниками которыхъ въ то время были Файикъ и Джодаръ, черезъ два дня спустя по смерти аль-Гакема Могаммедъ умертвилъ аль-Могейру въ его собственномъ дворцѣ и Гишамъ былъ провозглашенъ халифомъ безъ малѣйшаго сопротивленія*».

Здѣсь уже прямо выступаетъ аль-Манзоръ главнымъ дѣятелемъ кровавой драмы; любопытно и то, что здѣсь и Файикъ и Джодаръ, по крайности другіе Славяне являются сторонни-

ками Гишама, за одно съ Джафаромъ, который тутъ только помогаетъ аль-Манзору.

Какъ бы то ни было, приведенныхъ мною извѣстій достаточно, чтобы уразумѣть необходимость собрать всѣ подлинныя извѣстія объ этихъ событіяхъ и переработать ихъ критически; тогда, быть можетъ, еще яснѣе предстанетъ то великое участіе, которое принималъ аль-Манзоръ во всѣхъ этихъ событіяхъ, и станетъ еще понятнѣе, что Джафаръ не былъ и не могъ быть главнымъ и первымъ виновникомъ убійства аль-Могейры.

Аль-Макари называетъ его *Славяниномъ*. Его разладъ съ Файикомъ и Джодаромъ не можетъ служить доказательствомъ противъ Славянскаго его происхожденія. Его привязанность къ поднявшему его покойному халифу и истекавшая быть можетъ изъ признательности къ отцу вѣрность его сыну могли быть весьма удобными струнами, ловко задѣвъ которыя ал.-Манзоръ легко могъ вооружить его противъ другихъ Славянъ, которые въ надеждѣ новыхъ почестей, уже быть можетъ обѣщанныхъ аль-Могейрою, также легко могли стать приверженцами послѣдняго. Ни аль-Могейра, ни аль-Манзоръ не могли оставаться простыми зрителями въ послѣдніе годы царствованія аль-Гакемова, и тотъ и другой конечно искали себѣ приверженцевъ въ служившихъ при дворѣ Славянахъ, какъ людяхъ приближенныхъ и игравшихъ великую роль въ дворцовыхъ интригахъ. Усилій этихъ двухъ лицъ, кромѣ другихъ обстоятельствъ, легко оставшихся намъ неизвѣстными, было довольно, чтобы произвести раздоръ въ Славянской сторонѣ. Такимъ образомъ нѣтъ никакой необходимости признавать Джафара *Славяниномъ* не въ собственномъ смыслѣ, а напр. Нѣмцемъ или другимъ какимъ Европейцемъ.

Его иностранное происхожденіе и его Европейская натура, проявляющаяся въ его поступкахъ и образѣ дѣйствій, удачно объясняютъ и оправдываютъ, несмотря на его великія достоинства, ту непріязнь и то враждебное къ нему расположеніе Арабовъ, что такъ рѣзко поражаютъ васъ и при чтеніи о немъ отзывовъ Арабскихъ писателей и при мысли о той популярности, которая окружала счастливаго, воинственнаго противника его

аль-Манзора, который превосходилъ его въ дѣлѣ ратномъ, но далеко уступалъ ему и въ благородствѣ и въ умственномъ образованіи и въ способностяхъ государственныхъ. Дѣйствительно Джафаръ аль-Мосгафи не только обладалъ высокимъ поэтическимъ талантомъ и по свидѣтельству самихъ Арабовъ былъ однимъ изъ лучшихъ поэтовъ Андалузіи [1], но и отличался необыкновеннымъ государственнымъ умомъ. Рабъ и иностранецъ, онъ достигъ высшихъ почестей и несмотря на всю нелюбовь къ нему народа, держался на высотѣ при трехъ государяхъ: умѣлъ, значитъ, стать необходимымъ. При Абдуррахманѣ III († 961 г.) онъ уже пользовался такою властью, что могъ заключать въ темницу; тотчасъ по его смерти, его преемникомъ онъ былъ назначенъ въ первые министры, въ каковомъ званіи оставался онъ нѣкоторое время и при слабомъ Гишамѣ, и даже первое время съ успѣхомъ боролся съ опаснымъ своимъ противникомъ аль-Манзоромъ. Весьма вѣроятно, что послѣднему побѣда была облегчена уже ослабленіемъ Славянской стороны. Возбудивъ Джафара, говоритъ Ибнъ-Халдунъ, противъ Славянъ, служившихъ при дворѣ, аль-Манзоръ выгналъ ихъ всѣхъ изъ дворца, хотя ихъ было болѣе восьми сотъ человѣкъ. Ибнъ-Бассамъ разсказываетъ, что онъ распустилъ Славянскую гвардію и разсѣялъ ее по странѣ, казнивъ самыхъ значительныхъ изъ нея лицъ [2].

1. Андалузскій Арабъ Ибнъ Газмъ, перечисляя заслуги своихъ соотечественниковъ въ литературѣ и въ просвѣщеніи, въ доказательство того, что они нисколько не ниже Арабовъ Азіскихъ и Африканскихъ, между прочимъ замѣчаетъ: «Относительно поэтовъ довольно одного Ибнъ Дарраджъ Аль-Кастали, чтобы доставить намъ великую честь; но что ты скажешь, если привести такія знаменитыя имена, каковы *Джафара Ибнъ Отмана аль-Гаджиба*, Ахмеда Ибнъ Мервана....» (Al-Makkari I, 190). О художественномъ вкусѣ Джафара свидѣтельствуетъ его дворецъ, одно изъ великолѣпнѣйшихъ зданій въ окрестностяхъ Кордовы, подъ названіемъ *Альмосафія*. Онъ былъ окруженъ великолѣпными садами, съ гротами, фонтанами и пр. (Al-Makkari, I, 212, 489).

2. Изъ вышеприведенныхъ словъ Ибнъ-Адари (по Дози) видно, что аль-Манзоръ не всѣхъ Славянъ разогналъ: около пятисотъ человѣкъ сманилъ онъ на свою сторону и назначилъ имъ богатое содержаніе. Случайно и мимоходомъ упоминается у аль-Макари о тысячѣ Славянъ, служившихъ во дворцѣ аль-Манзора Аз-загира, котораго не надо смѣшивать съ дворцомъ Абдуррахмана III Аз-загра. (I, 243—244. См. тамъ же I, 133—134. Также Дози. Rech. I, 28).

VIII. Нещадно карая своихъ соперниковъ, оставляя въ покоѣ однихъ слабыхъ и безопасныхъ ему вельможъ, аль-Манзоръ былъ настоящимъ халифомъ, хотя и назывался только первымъ министромъ Гишама II, личности ничтожной, слабодушной. По смерти аль-Манзора († 1002 г.) сынъ его Абдулмалекъ заступилъ его мѣсто при Гишамѣ II, который не измѣнялъ себѣ ни при немъ, ни по смерти его († 1008 г.) при его братѣ, Абдуррахманѣ. Этотъ послѣдній даже принудилъ Гишама назначить его своимъ преемникомъ, на что и не замедлило воспослѣдовать высочайшее разрѣшеніе халифа, котораго было бы несправедливо упрекать за излишнюю твердость и настойчивость. Въ ноябрѣ 1008 г. Абдуррахманъ принялъ званіе наслѣдника. Такая мѣра не нравилась многимъ высшимъ сановникамъ и лицамъ придворнымъ. Особенно же негодовали Оммаяды и Корашіиты. Они составили заговоръ и, въ 1009 г., когда Абдуррахманъ находился въ походѣ, овладѣли халифскимъ дворцомъ въ Кордовѣ и провозгласили гаджибомъ Могаммеда, сына Гишамова, правнука Абдуррахманова, одного изъ потомковъ Кордовскихъ халифовъ. Онъ былъ прозванъ Могаммедомъ аль-Магди.

Абдуррахманъ, при первомъ извѣстіи о случившемся, вернулся изъ похода, но войско его покинуло. Онъ былъ схваченъ и убитъ.

Однако аль-Магди не удовольствовался званіемъ гаджиба, заключилъ Гишама въ отдаленнѣйшіе покои дворца, распустилъ слухъ, что онъ умеръ и самъ принялъ званіе халифа и имама. «Въ числѣ его первыхъ распоряженій, говоритъ аль-Макари, было приказаніе схватить и казнить главнѣйшихъ лицъ, принадлежавшихъ къ партіи Амиридовъ».

Берберы, не любившіе Абдуррахмана, охотно и скоро передались на сторону аль-Магди. Однако Оммаяды не могли же забыть, что Берберы были главнѣйшими пособниками аль-Манзора и его сыновей. Амириды же отъ души ненавидѣли ихъ и, если бы не ихъ единодушіе и многочисленность, они были бы истреблены до единаго. При всякомъ удобномъ случаѣ Берберамъ наносимы были оскорбленія; однажды даже домы ихъ старшинъ и начальниковъ не мало пострадали отъ черни Кор-

довской. Аль-Магди, хотя и наказалъ виновныхъ, однако самъ сильно ненавидѣлъ Берберовъ и никогда не пренебрегалъ никакимъ случаемъ, чтобы выражать всю непріязнь свою къ нимъ.

Берберы составляютъ заговоръ съ тѣмъ, чтобы низвергнуть Гишама и возвести вмѣсто него другаго халифа изъ Оммаядовъ, именно Гишама, сына Сулеймановa, внука Аннасирова. Но заговоръ былъ открытъ, Гишамъ и братъ его Абу-Бекръ были казнены. Племянникъ убитаго Гишама, Сулейманъ бѣжалъ изъ Кордовы къ Берберамъ, находившимся въ то время внѣ города и твердо рѣшившимся отмстить жителямъ Кордовы. Сулейманъ съ ихъ помощію овладѣлъ столицею, но аль-Магди снова удалось утвердиться въ Кордовѣ, хотя и не надолго: онъ былъ убитъ въ августѣ 1010 г.

Гишамъ II, бывшій доселѣ въ заключеніи и скрываемый отъ народа, оставался теперь повелителемъ до апрѣля 1013 г., когда Сулейманъ съ своими Берберами вторично вступилъ въ Кордову. Страшныя казни и убійства послѣдовали тотчасъ за тѣмъ. Халифъ Гишамъ былъ одною изъ жертвъ. Сулейманъ царствовалъ до 1016 г. За тѣмъ смуты и волненія не прекращались при его преемникахъ. Андалузія, нѣкогда сильное, могущественное тѣло, распалась на отдѣльныя независимыя королевства, многіе владѣтели которыхъ были люди весьма замѣчательные, покровительствовали наукамъ и литературѣ, но были безсильны съ успѣхомъ противустать все болѣе и болѣе выраставшимъ силамъ христіанъ. Въ XI в. мусульманское владычество въ Испаніи потерпѣло роковой ударъ и послѣ того оно уже никогда не подымалось на степень прежней славы и могущества. Этотъ періодъ разложенія внутреннихъ основъ мусульманскаго государства, особенно важенъ и для исторіи Славянской стихіи въ Испаніи. Тогда особенно выказались и ея сила и значеніе, хотя въ то же время XI в. увидѣлъ и ея паденіе.

Аль-Манзоръ, погубившій и разсѣявшій весьма многихъ Славянъ, не задавилъ вовсе ихъ партіи, напротивъ весьма многихъ изъ нихъ онъ привлекъ на свою сторону и умѣлъ ихъ искусно противупоставлять противникамъ ихъ Берберамъ; онъ ловко держалъ эти двѣ враждебныя стороны въ равновѣсіи, не позволяя усилиться ни одной изъ нихъ. Точно такъ же сохраняла

свое значеніе сторона Славянская и въ управленіе обоихъ его сыновей. Дѣйствительно, при слабодушномъ Гишамѣ II и въ правленія его гаджибовъ, многіе Славяне не только занимали болѣе или менѣе значительныя мѣста при дворѣ, въ Кордовѣ, но и управляли отдѣльными городами и мѣстами. Такъ Славянинъ Вади былъ правителемъ въ Мединацели, другой въ Альмеріи, третій въ Бадахосѣ.

Здѣсь весьма естественно возникаетъ вопросъ (за неимѣніемъ данныхъ остающійся пока безъ всякаго разрѣшенія): не занимали ли подобныя мѣста Славяне и при прежнихъ халифахъ, въ IX и въ X в?

Не покидая вовсе Гаянгоса, я буду теперь чаще прибѣгать къ Дози, всегда стараясь какъ можно ближе держаться его словъ, чтобы читателю удобнѣе было провѣрять наши соображенія.

Отношенія аль Манзора къ Славянамъ всего лучше обрисованы въ слѣдующихъ двухъ мѣстахъ изслѣдованій Дози.

«Можно рѣшительно сказать, что по завоеваніи Испаніи Арабами, въ ней стала господствовать знать, аристократія. Восточные халифы, Оммаяды, находились слишкомъ далеко для того, чтобы имѣть возможность наблюдать за дѣйствіями своихъ намѣстниковъ въ Испаніи; сверхъ того еще лежала на нихъ тяжелая борьба и съ внутренними и съ внѣшними врагами. Но когда, по вступленіи Абассидовъ, послѣдняя отрасль Оммаядовъ, Абдуррахманъ, спасшійся отъ палачей своей семьи, бѣжалъ въ Андалузію, то народъ, усталый отъ внутреннихъ смутъ, произведенныхъ аристократами и всегда предпочитавшій монархію правленію аристократическому, съ восторгомъ провозгласилъ его своимъ государемъ. Даровитые Оммаяды долго умѣли держать аристократовъ въ повиновеніи[1]. Въ четвертомъ вѣкѣ Геджиры (въ X в. по Р. Х.) является одинъ человѣкъ, не только отнявшій

1. Славянская гвардія въ этомъ отношеніи могла быть весьма удобнымъ орудіемъ. Гдѣ масса, народъ, какъ напр. на востокѣ, лишенъ самообладанія, самоуправленія, этого перваго и почти единственнаго условія для благосостоянія частнаго и общественнаго, тамъ всегда чередуются безумныя распри олигарховъ-аристократовъ съ дикимъ произволомъ деспота, опирающагося на наемникахъ-иностранцахъ.

всю власть у халифа, своего государя, но и поразившій на голову если не аристократію, то тогдашнихъ ея представителей Человѣкъ этотъ не останавливался ни передъ какою подлостію, ни передъ какимъ преступленіемъ, ни передъ какимъ убійствомъ, лишь бы достигнуть своихъ цѣлей; глубокій политикъ и величайшій полководецъ своего времени, любимецъ арміи и народа, всегда покровительствуемый счастіемъ, то былъ грозный первый министръ, гаджибъ Гишама II, аль-Манзоръ. Думая единственно объ утвержденіи своей власти, онъ постепенно губилъ всѣхъ сильныхъ и могущественныхъ аристократовъ, казавшихся ему опасными; но онъ и не помышлялъ объ истребленіи самой аристократіи: не только не отнималъ отъ нея поземельныхъ ея владѣній, но даже былъ другомъ тѣхъ вельможъ, которыхъ нечего было опасаться. Дѣйствительно нѣсколько времени спустя по смерти аль-Манзора, аристократія встаетъ съ большею, чѣмъ когда либо, силою. Власть халифовъ, ослабленная самимъ аль-Манзоромъ, замѣтно упала, и вельможи, пользуясь безсиліемъ законнаго государя, отказали ему въ своемъ повиновеніи и изъ областей, гдѣ они были правителями, образовали независимыя княжества. Въ свою очередь и любимцы аль-Манзоровы, начальники войскъ Славянскихъ (les capitaines des troupes slaves) и Берберскихъ, успѣли встать въ уровень съ мусульманскою знатью и съ начала V в. Геджиры Испанія распалась на множество отдѣльныхъ государствъ и была управляема аристократіею»?[1]

Въ другомъ мѣстѣ у Дози читаемъ: «Дворцовые евнухи, хотя сами рабы, владѣли землями и имѣли у себя въ услуженіи огромное количество рабовъ. Между рабами Файика находился Сабуръ [2], какъ говоритъ Ибнъ-Гайянъ: однако онъ носилъ прозваніе аль-Амири, слѣдоват. состоялъ на службѣ у

1. Rech. I, 2—3.

2. Этотъ Сабуръ, природный Славянинъ, былъ царькомъ въ Балахосѣ въ 1009—1016 г. См. Dozy Rech. I: 172, 207. Другой слуга Файика Амиръ Ибнъ-Фатухъ аль-Файики былъ правителемъ въ Малагѣ около 1013 г. и даже раньше. Выше приведенъ у насъ разсказъ Ибнъ-Адари (по Дози); изъ него же узнаемъ, что люди Фаика, по наущеніямъ Джафара, а вѣроятно и аль-Манзора, подали доносъ на своего господина. Изъ числа этихъ-то слугъ, измѣнившихъ Фаику, и были, по всей вѣроятности, и Сабуръ и Фагухъ. Тотъ и другой носили прозвище

аль-Манзора. Онъ могъ попасть къ нему на службу при двухъ случаяхъ, очень возможно, что онъ оставилъ своего господина, Файика, по убіеніи аль-Могейры, когда аль-Манзоръ привлекъ на свою сторону пять сотъ евнуховъ (разумѣется съ ихъ служителями, домочадцами); если Сабуръ покинулъ своего господина при этомъ случаѣ, Ибнъ-Аби-Амиръ былъ довольно могущественъ, чтобы не обращать вниманія на требованія Файика, который впрочемъ имѣлъ много заботъ и безъ хлопотъ о выдачѣ ему какого нибудь раба. Однако мнѣ кажется вѣроятнѣе, что Сабуръ покинулъ своего господина, когда тотъ былъ высланъ вонъ изъ Кордовы и когда значительная часть его помѣстій была конфискована. Какъ бы тамъ ни было, но Сабуръ вступилъ въ службу къ аль-Манзору, который и поручилъ ему управленія Бадахоса.

И такъ люди, бывшіе рабами рабовъ, достигаютъ въ четвертомъ вѣкѣ Геджиры самыхъ высшихъ государственныхъ должностей. Не довѣряя знати и войскамъ Испанскимъ, аль-Манзоръ противупоставилъ имъ вольноотпущенниковъ; продолжая принимать такія мѣры, вредныя, потому что онѣ подрываютъ единство Арабской монархіи въ Испаніи, но уже вошедшія съ нѣкотораго времени въ обычай, онъ раздавалъ своимъ любимцамъ значительныя помѣстья; люди, которые нѣкогда повиновались евнуху, рабу, вмѣстѣ съ волею получаютъ цѣлыя намѣстничества. Потомъ онъ призвалъ въ Испанію Африканскихъ Берберовъ[1] и эти грубые воины толпами явились на его призывъ. Они пришли въ Испанію (передаемъ собственныя слова историка Арабскаго) тощіе отъ бѣдности, едва покрытые нѣсколькими лохмотьями, но вскорѣ они уже красовались по улицамъ Кордовы въ великолѣпныхъ одеждахъ, гарцуя на лихихъ коняхъ;

Амири, а, какъ говоритъ Дози, «прозвище аль-Амири достаточно доказываетъ, что Сабуръ состоялъ на службѣ у аль-Манзора Ибнъ-Аби-Амира, которому онъ и былъ обязанъ своимъ мѣстомъ правителя въ Бадахосѣ, и что онъ не занималъ его до возвышенія аль-Манзора, въ царствованіе аль-Гакема II, какъ о томъ баснословитъ Конде». (Recl. I, 207). Такъ же точно и Фатухъ управлялъ Малагою только со временъ аль-Манзора, а никакъ не раньше.

1. Точно такъ же и халифы IX—X в. призывали, конечно, въ Испанію Славянъ....

поселились во дворцахъ, о какихъ имъ прежде и не снилось. Вскорѣ эти Берберскія войска, которыхъ аль-Манзоръ любилъ и жаловалъ болѣе всѣхъ солдатъ, превышали уже числомъ войска Испанскія. По смерти своего повелителя, пользовавшагося ими для приведенія въ исполненіе своихъ часто любивыхъ замысловъ, Славяне и Берберы, равно могущественные и владѣвшіе обширными помѣстьями, но принадлежавшіе къ враждебнымъ племенамъ (à des races ennemies), стараются захватить въ свои руки верховную власть; каждая изъ этихъ сторонъ, подъ предлогомъ защиты слабаго претендента, стремится къ исключительному господству въ Испаніи. Однако и знатные вельможи изъ туземцевъ стали подымать свою голову; правда, они были еще слабы для того, чтобы образовать свою особую партію и пристаютъ то къ Славянамъ, то къ Берберамъ».

Такъ Афтасиды получили королевство по смерти Сабура. «Обязанные, говоритъ Дози, своимъ государствомъ Амириду, они не признавали государей, которыхъ поддерживали Берберы; стремясь къ утвержденію своей власти, они съумѣли сохранить благоразумный нейтралитетъ и тѣмъ избѣжали бѣдствій, постигшихъ партію Славянскую [1]».

Теперь ознакомимся съ главнѣйшими дѣятелями Славянской партіи. Замѣчательнѣйшіе Славяне въ мусульманской Испаніи XI в., заслужившіе историческую извѣстность, суть слѣдующіе: Вади, Кайсаръ, Хайранъ, Зогаиръ, Моджегидъ, Сабуръ, Лабибъ и Наджа. Сообщая наши свѣдѣнія о каждомъ изъ нихъ на основаніи изслѣдованій Гаянгоса и Дози, стараюсь какъ можно ближе держаться подлинныхъ словъ этихъ ученыхъ или переводимыхъ ими Арабскихъ авторовъ.

Выше мы уже говорили, что по умерщвленіи Гишама и брата его Абу-Бекра, Сулейманъ, ихъ племянникъ, бѣжалъ къ Берберамъ, бывшимъ тогда внѣ Кордовы. Славянинъ Вади аль-Амири [2] былъ въ то время правителемъ, намѣстникомъ въ Мединацели. Овладѣвъ городомъ Гвадалахарою, Сулейманъ на-

1. Rech. I, 211—213.

2. Gayang. II, 491 etc. выписка изъ Ан-Нуваири. У Гаянгоса *Wadhch*, у Дози *Wâdhih* (p. 238 et suiv.).

писалъ Вади письмо, приглашая его принять его сторону, но тотъ рѣшительно отказался, ибо тотчасъ же, по убіеніи Абдуррахмана, онъ прислалъ свою присягу въ Кордову и объявилъ себя за аль-Магди. Отклонивши выгодныя предложенія Сулеймана, онъ сталъ готовиться къ защитѣ. Между тѣмъ аль-Магди, услыхавъ объ опасности, угрожающей Вади, послалъ къ нему на помощь отрядъ кавалеріи, подъ начальствомъ евнуха (?) Кайсара; послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ Берберами, Кайсаръ былъ убитъ, а Вади принужденъ запереться въ городѣ Мединацели. Отсюда Вади отрѣзывалъ всѣ припасы Берберамъ и въ теченіи пятнадцати дней заставлялъ ихъ питаться одною травою. Тогда Сулейманъ обратился съ просьбою о помощи къ Санхо графу Кастильскому, у котораго повѣренные его повстрѣчались съ повѣренными его непріятеля. Берберы обѣщали Санхо все, что обѣщали ему аль-Магди и Вади. Христіане доставили Сулейману всѣ нужные припасы и Берберы, теперь усиленные христіанами, снова подступаютъ къ Мединацели и опять приглашаютъ Вади на свою сторону, но тотъ отказался вторично. Тогда въ сентябрѣ 1007 г., они идутъ на Кордову. Вади выходитъ изъ города и нападаетъ на ихъ аріергардъ, однако былъ разбитъ съ большимъ урономъ, лагерь его былъ разграбленъ и самъ онъ съ немногими приверженцами едва спасся бѣгствомъ въ Кордову. Несмотря на всю близость опасности, аль-Магди проводилъ время въ разсѣяніяхъ и удовольствіяхъ, не принимая никакихъ мѣръ для защиты столицы. Онъ собралъ войско и расположилъ его на равнинѣ подлѣ Кордовы. По большой части то былъ сбродъ всякаго рода людей, вооруженныхъ какъ ни попало. 9 ноября 1009 г. дано было сраженіе, извѣстное подъ именемъ Кантишскаго, въ которомъ погибло болѣе 20 тысячъ приверженцевъ аль-Магди. Вади удалился въ свое намѣстничество. Аль-Магди, вернувшись въ Кордову, освободилъ изъ заключенія Гишама II и послалъ сказать Сулейману, что себя онъ считаетъ не болѣе, какъ первымъ министромъ этого законнаго государя Однако Сулеймана это не тронуло: онъ вступилъ въ Кордову. Аль-Магди бѣжалъ въ Толедо: все пространство земли съ Тортозы до Лиссабона еще признавало его власть. Сулейманъ его не преслѣдовалъ, а пошелъ осаждать Мединаце-

ли, гдѣ заперся Вади. «Многіе предводители Славянской партіи, — говоритъ Дози, — полагая, вѣроятно, что дѣло аль-Магди потеряно, пристали къ Сулейману, какъ напр. Ибнъ-Мослама, начальникъ королевской гвардіи» [1]. Вади изъ Мединацели бѣжалъ въ Тортозу и оттуда прислалъ письмо султану, прося его позволенія вступить къ нему на службу. «Это предложеніе Вади не было искренно, — говоритъ ан-Нуваири: онъ хотѣлъ только выиграть время и усилить сторону своего государя.» Сулейманъ поручилъ ему начальство надъ войскомъ въ верхней Аррагоніи, приказавъ ему продолжать войну противъ невѣрныхъ. Вади вступаетъ тогда въ переговоры съ христіанами, на всѣ ихъ требованія обѣщая согласіе своего государя. Аль-Магди, подкрѣпленный войскомъ христіанъ, поспѣшаетъ изъ Толедо въ Кордову. Недалеко отъ Кордовы, въ іюнѣ 1010 г., сошлись двѣ непріятельскія арміи. Сраженіе было проиграно Берберами единственно по неразумію Сулейманову. «Побѣда, говоритъ Дози, была одержана Каталонцами, такъ какъ войска аль-Магди и Вади не принимали, кажется, большаго участія въ этомъ сраженіи». Вскорѣ Берберы жестоко отомстили за свое пораженіе, разбивъ Каталонцевъ и прочія войска ады-Магди и Вади въ окрестностяхъ Альхесиры; «много Славянскихъ начальниковъ, говоритъ Дози и болѣе трехъ тысячь христіанъ легло на полѣ сраженія [2]» Послѣ того уже напрасно упрашивали Каталонцевъ аль-Магди и Вади снова пойти на Берберовъ; они совсѣмъ вышли изъ Кордовы.

Однако аль-Магди не долго оставался въ столицѣ съ Вади, съ войскомъ столицы (les troupes de la capitale) и съ полками бывшими подъ начальствомъ Славянскихъ генераловъ (et les régiments commandés par des généraux slaves) онъ вышелъ изъ Кордовы и рѣшился напасть на Берберовъ. Но съ уходомъ Каталонцевъ войско аль-Магди утратило свою храбрость. Едва прошло оно 30 миль отъ Кордовы, какъ напалъ на него такой паническій страхъ отъ одной мысли, что ему придется биться съ грозными Берберами, что оно тотчасъ же поспѣшило удалить-

1. Rech. 242.
2. Rech. 246.

ся въ Кордову [1]. Тогда аль-Магди приказалъ прорыть ровъ и построить стѣну кругомъ столицы.

Берберы тѣмъ временемъ подошли къ столицѣ и стали грабить и опустошать ея окрестности. Аль-Магди только гулялъ да веселился, а войска его предавались въ городѣ всякому буйству, врывались въ дома мирныхъ гражданъ, отнимали собственность, оскорбляли женъ и дочерей, умерщвляли всѣхъ, кто имъ сопротивлялся. «Такой порядокъ вещей,—говоритъ ан-Нуваири, сильно не нравился Вади, всегда строго его порицавшему; но аль-Магди не обращалъ вниманія на его жалобы и все оставалось по прежнему. Хотя Вади и держалъ сторону аль-Магди, однако въ глубинѣ души онъ ненавидѣлъ его за его поведеніе съ Абдуррахманомъ, у отца котораго, аль-Манзора, Вади былъ *маули* (mauli) вольноотпущенникомъ». Онъ рѣшился низвергнуть аль-Магди, который, предвидя грозу, уже было совсѣмъ приготовился бѣжать въ Толедо и собралъ всѣ свои драгоцѣнныя вещи и богатства. Но его предупредили. Въ воскресеніе, 24 іюля 1010 г., Вади съ своими пограничными войсками и другими Славянами (et les autres Slaves) промчался верхомъ по улицамъ Кордовскимъ съ крикомъ: «Повиновеніе, повиновеніе аль-Мувайяду». Отправившись въ покои, гдѣ содержался халифъ (Гишамъ II) и взявъ его съ собою, облекъ его въ царское одѣяніе и посадилъ его на тронъ предковъ. Аль-Магди будучи въ то время въ банѣ, былъ извѣщенъ однимъ Славяниномъ (par un Slave) [2], что аль-Мувайядъ выведенъ изъ дворца. Онъ тотчасъ поспѣшилъ туда и хотѣлъ сѣсть рядомъ съ Гишамомъ II, который сталъ тутъ его упрекать за всѣ свои бѣдствія и страданія. Наконецъ евнухъ Анбаръ взялъ аль Магди за руку и повелъ его на платформу дворца. Здѣсь Анбаръ обнажилъ свою саблю, чтобы отрубить ему голову, но аль-Магди, изъ чувства самосохраненія сжалъ его въ своихъ объятіяхъ; въ ту же минуту поразили его Славяне своими мечами [3].

---

1. См. Dozy: Rech. 247. У Ан-Нувари объ этомъ нѣтъ ничего. Gayang. II, 494.

2. У Гаянгоса Ан-Нувайри говоритъ. «Al-muhdi was in the bath, when one of his officers named Ibn-Wadâh».... II, 494.

3. Дози. «à l'instant même les glaives des Slaves s'abaissèrent sur lui, et bientôt le cadavre d'al-Mahdi» etc. (Rech. 248). Ан-Нуваири у Гаянгоса (I, 495) «In

24 іюля 1010 г. Гишамъ II былъ провозглашенъ халифомъ[1] и Вади, ставшій теперь гаджибомъ, первымъ министромъ, немедленно отправилъ голову аль-Магди къ Берберамъ, надѣясь тѣмъ примирить ихъ съ собою и такимъ образомъ утвердить власть Гишама II, а черезъ нее конечно и свое собственное значеніе и вліяніе. Но расчетъ былъ невѣренъ,— Берберы вмѣсто всякаго отвѣта убили его посланниковъ. Тогда Вади сталъ принимать рѣшительныя мѣры къ защитѣ столицы, приказалъ копать рвы и возобновить всѣ прежнія укрѣпленія.

У Могамеда аль-Магди остался по его смерти шестнадцатилѣтній племянникъ, который, имѣя много друзей въ Толедо, бѣжалъ изъ Кордовы въ этотъ городъ, гдѣ жители приняли его съ радостію. Отсюда онъ производилъ безпрестанные набѣги и умерщвлялъ всѣхъ попадавшихся ему въ руки друзей Вади. Наконецъ одинъ вельможа (a chief Могарибъ Ат-тоджиби взялъ его въ плѣнъ и послалъ къ Вади, который и велѣлъ его умертвить.

Между тѣмъ Берберы страшно тѣснили окрестности Кордовы, куда стекались всѣ ближніе жители. Вся страна на сѣверъ отъ Кордовы, исключая Толедо и Мединацели подвержена была опустошенію. Войска Кордовскія подняли ропотъ на Вади, который, узнавъ объ этомъ, рѣшился вступить въ переговоры съ Берберами. Онъ отправилъ въ лагерь Сулеймана, какого-то Ибнъ-Бекра, который былъ допущенъ къ личному свиданію съ нимъ; но на возвратѣ своемъ съ отвѣтомъ, онъ былъ убитъ солдатами гарнизона, чему не могли помѣшать, при всемъ своемъ желаніи, ни Гишамъ, ни Вади. Убійцы посадили его голову на древко и носили ее по улицамъ столицы. Узнавъ объ участи своего гонца, Вади рѣшился уже бѣжать къ Берберамъ, но его личный непріятель Ибнъ-Аби-Вада[2], услыхавъ о его намѣреніи бѣжать, отправился въ его домъ со сво-

this position he was pierced by the swords of the Sclavonians, the slaves and eunuchs who happened to be there.

1. Gayang. II, 496—497.

2. Конечно тотъ самый Славянинъ, что состоялъ на службѣ у аль-Магди. Преданный этому послѣднему, онъ не могъ простить Вади его убійства. И такъ между самими Славянами не разъ происходили раздоры и несогласія.

ими солдатами, схватилъ его за горло и вытащилъ на улицу. Здѣсь, осыпавъ его упреками за дурное употребленіе общественныхъ суммъ, Ибнъ-Аби-Вада поразилъ его кинжаломъ, за тѣмъ всѣ другіе пошли на него и умертвили. Отрубивъ ему голову, надѣли ее на древко и возили по городу, а трупъ его былъ брошенъ туда, гдѣ еще недавно лежало тѣло аль-Магди. Дома Вади, его друзей и секретарей были разграблены. Ибнъ-Аби-Вада былъ назначенъ въ Кордовѣ губернаторомъ (Wâli-l-medînah). Вади былъ убитъ 16 окт. 1011 г.

Сулейманъ взялъ Кордову въ Апрѣлѣ 1013 года. Вотъ все, что могли мы сообщить о Славянинѣ Вади, человѣкѣ не мало замѣчательномъ, въ теченіи трехъ лѣтъ до самой смерти игравшемъ одну изъ первыхъ ролей въ этой важной политической драмѣ, что захватывала самые существенные интересы мусульманской Испаніи XI в. Какъ ни кратки и ни сухи настоящія свѣдѣнія о Вади, нельзя однако отказать ему въ большихъ достоинствахъ — той твердости его характера, съ которою онъ рѣшительно отклонялъ отъ себя всѣ лестныя предложенія Берберовъ, а послѣдующій его переходъ на сторону Сулеймана, — явленіе весьма обыкновенное въ политическихъ смутахъ и неурядицахъ, — если и обличаетъ въ Вади способность играть своимъ словомъ, тоже къ сожалѣнію не рѣдкую въ политическихъ дѣятеляхъ и новѣйшихъ временъ и народовъ христіанскихъ, то съ тѣмъ вмѣстѣ и доказываетъ, что то былъ человѣкъ необыкновенной рѣшимости, неуклонно преслѣдовавшій крѣпко обдуманную цѣль, способности завидной, всегда достойной подражанія. Неудача его сраженій съ Берберами, едва ли можетъ падать на него одного, такъ какъ съ одной стороны его отряды не отличались ни особенною храбростію, ни отличною дисциплиною: Берберы же, сильные и воинственные, отличались и особымъ искусствомъ, къ которому еще не привыкли мусульмане Испанскіе; съ другой же стороны, Вади бывалъ не рѣдко связанъ въ своихъ распоряженіяхъ и при всей своей нелюбви къ ничтожному и распутному аль-Магди, онъ невольно, по самому положенію своему не могъ ему не подчиняться. Что касается до дарованій Вади, то они видны кажется и изъ игранной имъ роли и изъ бытности его намѣстникомъ Мединацели, куда

онъ былъ назначенъ вѣроятно еще аль-Манзоромъ, который конечно раздавалъ такія важныя мѣста людямъ, крѣпко къ нему привязаннымъ и разумѣется не бездарнымъ. Если же теперь припомнить слова ан-Нуваири о томъ, что Вади питалъ къ аль-Магди глубокую ненависть за его поведеніе съ Абдуррахманомъ, сыномъ аль-Манзора, то весьма понятно станетъ, что Вади не сдавался на лесть, не соблазнялся обѣщаніями Берберовъ, не перешелъ къ Сулейману, подобно другимъ своимъ сопленникамъ, потому именно, что презирая въ душѣ и Гишама II и аль-Магди, видя слабость страны и соблазнительные примѣры аль-Манзора и его сыновей, онъ, первый изъ Славянъ, возъимѣлъ смѣлую и гордую мысль завладѣть халифатомъ. Отстаивая аль-Магди, онъ работалъ для себя; едва утвердился онъ въ Кордовѣ, какъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, — освободилъ Гишама, убилъ аль-Магди и принялъ званіе гаджиба. Конечно Вади, горячій приверженецъ и вѣрный слуга аль-Манзоровъ, не могъ отличаться какою-либо привязанностію къ Гишаму II. Нѣтъ, смерть Абдуррахмана возбудила въ немъ ненависть къ его убійцѣ аль-Магди; оставаясь ей вѣренъ до конца, онъ только присоединилъ къ ней глубокое презрѣніе къ этой ничтожной личности. Тогда-же конечно родилась въ немъ первая мысль заступить аль-Манзора: всѣ послѣдующія его дѣйствія были строго расчитаны и твердо направлены къ достиженію этой цѣли. Иностранецъ, и слѣдовательно не особенно любимый народомъ, хотя и единовѣрецъ, Славянинъ Вади далеко не находился въ тѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, что окружали аль-Манзора, имѣвшаго въ Джафарѣ великаго преемника, при которомъ дѣла государственныя не были такъ запущены, какъ послѣ слабыхъ, развратныхъ преемниковъ Вади, Абдуррахмана и аль-Магди. Сверхъ того аль-Манзоръ имѣлъ тогда на своей сторонѣ воинственныхъ Берберовъ, которыхъ, по сложившимся обстоятельствамъ, по самому ходу дѣлъ, привлечь на свою сторону Вади не имѣлъ никакой возможности.

Славянинъ Вади, первый изъ Славянъ задумавшій овладѣть халифатомъ, былъ, какъ видимъ, человѣкъ не обыкновенный и не дюжинный; въ неудачѣ его предпріятія винить его одного едва ли возможно: много зависѣла судьба его отъ внѣшнихъ

обстоятельствъ и событій, которыя дали дѣлу оборотъ неожиданный.

Отчасти причина неуспѣха предпріятія Славянина Вади заключалась и въ томъ, что сторона Славянская, которой онъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ представителей и на которую онъ преимущественно опирался, что сторона эта не отличалась внутри себя тѣмъ единодушіемъ, которое такъ замѣтно въ враждебной ей сторонѣ Берберской.

При Вади было много Славянъ, то видѣли мы выше; но за то далеко не всѣ Славяне тянули къ нему: одни вскорѣ перешли къ Сулейману, другіе, подобно Ибнъ-Вада, лично привязанные къ аль-Магди, ненавидѣли Вади за его поведеніе съ своимъ покровителемъ, что конечно также, подобно аль-Мансору, однихъ Славянъ выводилъ изъ низкаго званія, а другихъ притѣснялъ. Такой раздоръ и такое внутреннее несогласіе рано обнаружились въ Славянской партіи: то мы видѣли уже на судьбѣ Файика и Джафара. Это обстоятельно едва ли не служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ въ пользу многочисленности Славянъ въ мусульманской Испаніи: только потому и могли среди ихъ образоваться свои партіи.

IX. Въ числѣ представителей Славянской партіи, перешедшихъ на сторону Сулеймана, были кажется кромѣ Хайрана, Славяне Зогаиръ и Моджегидъ [1].

Въ апрѣлѣ 1013 г. Сулейманъ вторично вошелъ въ Кордову. Вскорѣ послѣ того Славяне, какъ тѣ, что оставались въ Кордовѣ, такъ и тѣ, что сперва ему помогали, разсѣялись по странѣ и овладѣли разными городами, въ которыхъ они стали укрѣпляться. Сулейманъ отправилъ противъ нихъ войско подъ начальствомъ Али-Ибнъ-Гаммуда, который, будучи человѣкомъ весьма способнымъ и непомѣрно властолюбивымъ, задумалъ захватить въ свои руки верховную власть въ Андалузіи. Онъ вступилъ въ переговоры съ тѣми вождями, противъ которыхъ былъ посланъ, увѣряя ихъ, что Гишамъ II собственноручно написалъ бумагу, въ которой назначилъ его своимъ преемни-

1. Gayang. II, App. B. p. X. разсказъ аль-Гомаиди и Dozy Rech. I, 29 et suiv.

комъ. Увлеченные въ обманъ Славянскіе предводители провозгласили его государемъ. Али изъ Цейты поспѣшилъ въ Малагу, гдѣ намѣстникомъ былъ Амиръ-Ибнъ-Фатухъ аль-Файики, вольноотпущенный (a freedman) Файика, должно быть тоже Славянинъ. Онъ призналъ Али своимъ государемъ и принялъ его въ городъ, гдѣ и войска и жители тотчасъ же провозгласили его халифомъ. Вскорѣ послѣ того Али выгналъ Фатуха изъ Малаги и сталъ одинъ управлять въ ней. Собравшись съ силами, Али двинулся съ Берберами на Кордову, при чемъ помогали ему и Славяне. Кордова была взята, и Сулейманъ собственноручно умерщвленъ имъ, 30 іюня 1016 г. Но Али царствовалъ не долго, такъ какъ Славяне, сначала помогавшіе ему, вскорѣ однако отложились отъ него и, приставъ къ аль-Мортадѣ, двинулись съ нимъ на Гранаду, 29 мая 1017 г. Али-Ибнъ-Гаммудъ былъ убитъ въ банѣ нѣсколькими Славянами, какъ вѣроятно не безъ наущенія тѣхъ Славянскихъ вождей, что пристали теперь къ аль-Мортадѣ[1].

Въ 1017 г. еще при жизни Али-Ибнъ-Гаммуда, аль-Мортада былъ провозглашенъ халифомъ въ Валенсіи и былъ за него признанъ во всѣхъ областяхъ и городахъ, бывшихъ во власти Амиридовъ, между прочимъ и въ Хативѣ (Xativa-San-Felipe) и въ Тортозѣ. Къ аль-Мортадѣ присталъ также и Мондиръ, намѣстникъ Сарагосскій[2]. Однако Али, убитый Славянами, расположенными къ аль-Мортадѣ, тотчасъ же нашелъ себѣ преемника въ братѣ своемъ аль-Касимѣ. Амириды успѣли собрать армію, предводителями которой были Хайранъ, правитель Альмеріи, Моджегидъ, правитель Деніи и Мондиръ Саррагосскій; у нихъ также были союзниками христіане. Изъ восточной Испаніи, въ 1019 г., двинулись они на Кордову, но должны были остановиться, гдѣ былъ намѣстникомъ Берберъ Зави-Ибнъ-Заири, сторонникъ аль-Касима Ибнъ-Гаммуда.

Послѣ безполезныхъ переговоровъ съ этимъ Берберомъ, аль-Мортада рѣшился наконецъ дать ему сраженіе.

---

1. Дози замѣчаетъ «Ce fut sans doute à l'instigation des Amirides que le khalife Ali ibn-Hammoud fut tué dans le bain par des Slaves, vers la fin de cette année». (Rech. I, 38).

2. Dozy. Rech. I, 38 et suiv.

«Между тѣмъ, — по словамъ Дози, — Хайранъ и Мондиръ скоро увидали, что аль-Мортада вовсе не былъ такимъ человѣкомъ, какого бы они желали имѣть своимъ халифомъ. Они, собственно говоря, мало заботились о правахъ Оммаядовъ, и если стояли за Оммаяда, то единственно въ надеждѣ самимъ царствовать при государѣ слабомъ и ничтожномъ, котораго они могли представить Берберамъ, какъ государя законнаго. Но аль-Мортада, человѣкъ гордый и надменный, не годился на такую роль и не могъ довольствоваться тѣнью власти. Однажды онъ запретилъ Хайрану и Мондиру входить къ нему. «Право, сказали они другъ другу», онъ держитъ себя съ нами теперь, когда начальствуетъ большимъ войскомъ, совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде. Это человѣкъ лукавый, ему довѣряться не надо».

Хайранъ снесся съ Зави и приглашалъ его напасть на аль-Мортаду, отвѣчая ему и за себя и за Мондира, что они въ самомъ пылу сраженія перейдутъ въ отступленіе.

Такъ и сдѣлано. Аль-Мортада былъ разбитъ на голову. «Пораженіе, говоритъ Ибнъ-Гайянъ, было страшное и заставило забыть всѣ прежнія какія либо пораженія. Никогда съ тѣхъ поръ партія Андалузская (т. е., замѣчаетъ Дози, партія Амиридовъ, въ противуположность иностранной партіи, Берберовъ) не могла уже собрать арміи и тѣмъ сама признала свою несостоятельность». Неизвѣстный историкъ, чьи слова приводитъ у себя аль-Макари, говоритъ тоже самое. «Послѣ этой злополучной битвы народъ Испанскій (т. е. партія Амиридовъ) подчинял Берберамъ и съ тѣхъ поръ онъ уже не могъ собрать противъ нихъ армію».

Хайранъ и Мондиръ, прибавляетъ Дози, за свою подлую измѣну, жестоко поплатились паденіемъ своей партіи[1].

Впрочемъ едва ли интересы Хайрана совершенно совпадали съ интересами народными; наряду съ прочими Славянами, подобно Вади, своему соплеменнику, онъ стремился занять въ Андалузіи мѣсто аль-Манзора. Правда, измѣнивъ аль-Мортадѣ, Хайранъ не сталъ гаджибомъ халифа Кордовскаго, за то сдѣлался независимымъ государемъ въ Альмеріи, чѣмъ бы ему никогда не

1. Dozy: Rech. I, 47 et suiv.

бывать при халифѣ аль-Мортадѣ, который не могъ же вѣдь довѣрять и платить благорасположеніемъ людямъ, такъ глубоко его ненавидѣвшимъ, какъ напр. Хайрану.

Дѣйствительно, аль-Мортада, едва убѣжавшій отъ преслѣдованій Берберовъ, пришелъ въ Гвадиксъ, гдѣ подосланные Хайраномъ люди нашли и умертвили его. Голова его была доставлена въ Альмерію, гдѣ въ то время находились Хайранъ и Мондиръ.

Хайранъ, получившій намѣстничество въ Альмеріи еще при аль-Манзорѣ, вѣроятно по смерти аль-Мориады, окончательно въ этомъ городѣ сдѣлался владѣтелемъ независимымъ. Объ немъ имѣемъ сообщить мы только весьма немногія извѣстія. Въ его правленіе въ Альмеріи были усилены укрѣпленія; городъ этотъ, расположенный въ лощинѣ между двухъ горъ, имѣлъ на одной изъ нихъ *замокъ Хайрана*, славный своею крѣпостью. Первоначально выстроенъ онъ былъ еще при Абдуррахманѣ III, но впослѣдствіи времени былъ значительно распространенъ и усиленъ при Хайранѣ, отчего и носилъ его имя [1]. Аш-Шаканди († 1231 г.) въ своей похвалѣ Андалузіи, говоритъ о Хайранѣ, какъ о государѣ, любившемъ литературу и науки, всегдашнемъ покровителѣ ученыхъ. «При владѣтеляхъ мелкихъ государствъ (petty kingdoms) дѣло науки и литературы не потеряло, а значительно выиграло отъ такого раздѣленія, когда каждый государь поощрялъ литературу, ласкалъ и жаловалъ ученыхъ, щедро награждалъ ихъ за труды. Главною ихъ заботою было, чтобы говорили про нихъ: такой-то ученый находится въ великомъ уваженіи у такого то государя, — или такой-то поэтъ весьма любимъ этимъ государемъ. Изъ числа этихъ мелкихъ государей нѣтъ ни одного, который бы не отличался самыми блестящими качествами, или не оставилъ бы по себѣ слѣдовъ, которыхъ не истребитъ рука времени и которые перейдутъ въ потомство сочиненіями ораторовъ и поэтовъ. Таковы были Славянскіе евнухи аль-Манзора, возставшіе по его смерти въ своихъ намѣстничествахъ и объявившіе свою независимость, какъ напр. Моджегидъ, Мондиръ [2]

1. Gayang. I, 50.

2. Мондиръ принадлежалъ къ Арабской фамиліи Тоджибидовъ. См. Dozy Rech. I, 6 suiv.

(sic) и Хайранъ, не говоря уже объ Арабскихъ государяхъ династіи Бени Аббадовъ» и проч.

Предчувствуя приближеніе смерти, Хайранъ призвалъ къ себѣ Зогаира, роднаго своего брата, бывшаго правителемъ Мурсіи [1]. Онъ оставался при братѣ до послѣдняго его издыханія, потомъ явился народу вмѣстѣ съ Ибнъ-Аббассомъ, который повѣстилъ: «Халифъ Хайранъ преемникомъ своимъ назначилъ брата Зогаира, что вы на это скажете»? Народъ былъ въ восторгѣ отъ этого выбора и Зогаиръ сталъ царствовать въ Альмеріи съ пятницы, 31 мая 1028 года [2].

О Зогаирѣ считаю не излишнимъ привести слѣдующія слова Дози: «Зогаиръ рѣшительно отказался послѣдовать примѣру Ибнъ-Джахвара Кордовскаго и Амиридовъ Валенсіи, Деніи и Тортозы, которые въ октябрѣ или въ ноябрѣ 1037 г. признали своимъ халифомъ Гишама II, такъ какъ Ибнъ-Аббадъ увѣрилъ ихъ, что этотъ халифъ, обладавшій весьма рѣдкимъ правомъ дважды покидать свою могилу «прежде, чѣмъ раздалась труба страшнаго суда» какъ выражался Ибнъ-Гаіянъ, что этотъ халифъ находится въ Севильѣ. Для наказанія Зогаира Могамедъ Ибнъ-Аббадъ выслалъ противъ него войско; но онъ призвалъ себѣ на помощь Берберскаго князя Гранады, Габуса, чье войско и соединилось съ Зогаировымъ. По всей вѣроятности Севильскій отрядъ былъ слишкомъ слабъ для того, чтобъ вступить въ бой съ этими двумя соединенными отрядами; по крайности извѣстно, что онъ воротился въ Севилью, не бывши въ сраженіи. Зогаиръ остался въ Баэзѣ, а Габусъ вернулся въ Малагу; но этотъ послѣдній умеръ въ іюнѣ 1038 г. и ему послѣдовалъ его сынъ, Бадисъ. Зогаиръ и Бадисъ вступали въ переговоры для возобновленія союза, бывшаго между Зогаиромъ и отцомъ Бадиса. Но переговоры эти не привели къ желаннымъ послѣдствіямъ; напротивъ того они только поссорились между собой и объявили другъ другу войну. Послѣ десятилѣтняго царствованія Зогаиръ былъ убитъ въ сраженіи при Альпуэнте, въ окрестностяхъ Гранады, въ концѣ іюля или въ началѣ авгу-

1. Dozy: Rech. I, 65.

2. Dozy: ib. 36.

ста 1038 г.[1]. Такъ прекратилась Славянская династія въ Альмеріи.

Посмотримъ же теперь, какая же была область, имѣвшая у себя двухъ государей, родныхъ братьевъ, природныхъ Славянъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ и управлявшихъ страною нѣсколько десятковъ лѣтъ, такъ какъ извѣстно, что Хайранъ еще аль-Манзоромъ († 1002 г.) былъ назначенъ правителемъ этой области. Передаемъ слова Дози:

«Государство Альмерійское было одною изъ прекраснѣйшихъ и пространнѣйшихъ областей въ Испаніи. Въ немъ лежали на сѣверо-востокѣ города Мурсія, Оригуэла и Хатива, а на сѣверѣ-западѣ Баэза, Джелъ и Баэна. Такимъ образомъ оно обнимало собою восточную часть халифата Кордовскаго до Сьерры Морены, гдѣ начиналась область Толедская (въ 425, т. е. въ 1034 г. Зогаиръ овладѣлъ древнею резиденціею халифовъ и даже господствовалъ въ ней въ продолженіи пятнадцати мѣсяцевъ съ половиною); южную часть королевства Дженъ, богатую прекрасными, плодородными долинами, восточную часть королевства Гранадскаго, имѣвшую въ то время огромную важность потому что портъ Альмеріи изъ всѣхъ портовъ Испанскихъ былъ наиболѣе посѣщаемъ, велъ торговлю весьма значительную, почти все королевство Мурсійское [2], страну, съ лихвою вознаграждающую слабые труды нынѣшнихъ земледѣльцевъ, что проводятъ свою жизнь въ безпечности и праздности и, не думая ни о какихъ улучшеніяхъ, сѣютъ и садятъ такъ, какъ садили и сѣяли ихъ отцы; что же должна была приносить эта богатая страна при Маврахъ, искуснѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ земледѣльцахъ, которыхъ когда либо имѣла Испанія? Конечно, тогда нельзя было сказать, что говорилъ впослѣдствіи, и такъ справедливо кардиналъ Беллуга· «El cielo y el suelo buenos, ei entre suelo malo». солнце и земля прекрасныя, а что между ними, то дрянь. На мѣсто нынѣшнихъ Мурсійцевъ, ложащихся рано и встающихъ поздно, ѣдящихъ по пяти разъ въ день

1. Dozy: Rech. I, 65.

2. Западная его часть, между прочимъ Шиншилья, принадлежала королевству Толедскому.

и большую часть дня покуривающихъ свое *cigarro* Арабскіе жители этого города, по свидѣтельству аш-Шаканди, были народъ весьма мужественный, не терпѣвшій притѣсненій и насилія. Въ настоящее время Мурсія получаетъ извнѣ почти всѣ предметы своего потребленія и даже хлѣбъ въ года засухи; при Арабахъ же въ этомъ городѣ много было фабрикъ: тамъ между прочимъ изготовляли драгоцѣнную матерію, извѣстную подъ именемъ *ваши* (waschj). Государство Альмерійское еще обнимало собою южную часть этого благодатнаго королевства Валенсіи, гдѣ растительность отличается своимъ богатствомъ и разнообразіемъ, область Оригуэлу, продолженіе Гуэрты, этого сада Мурсіи, представляющей собою рядъ садовъ, гдѣ растутъ вмѣстѣ деревья померанцовыя и лимонныя, миндальныя и гранатовыя; наконецъ прекрасный и богатый городъ Хативу, знаменитый своею бумагою, не имѣвшею себѣ подобной въ цѣломъ мірѣ [1].

Весьма понятно, что такая область быть можетъ прекраснѣйшая во всей Испаніи въ это время должна была быть яблокомъ раздора сосѣднихъ эмировъ. Такъ по смерти Зогаира, Абдо-л-азизъ аль-Манзоръ Валенсійскій поспѣшилъ завладѣть ею подъ тѣмъ предлогомъ, что она составляетъ его законное наслѣдіе, ибо въ ней господствовалъ вольноотпущенникъ его фамиліи. Но въ то время, какъ былъ онъ въ Альмеріи, Моджегидъ, государь Денійскій, негодуя на него и безъ сомнѣнія опасаясь усиленія сосѣда, воспользовался отсутствіемъ Абдо-л-азиза и напалъ на королевство Валенсіи [2].

---

1. Идриси.

2. Dozy. Recb. I, 66 et suiv. Только при Хайранѣ и Зогаирѣ и было такъ обширно государство Альмеріи; такъ Дози говоритъ: «Une grande partie des villes qui avaient obéi à Zohair, lorsque la principauté d'Almérie était plus considérable qu'elle ne l'a jamais été depuis...» См. также Gayang. II, 506. Весьма вѣроятно, что у братьевъ Хайрана и Зогаира, природныхъ Славянъ, служило немало ихъ соплеменниковъ. Славянинъ Наджа, въ сороковыхъ годахъ XI в., правившій Цеитою и Малагою, содержалъ при себѣ свою Славянскую гвардію. Наконецъ въ высшей степени вѣроятно, что Славяне въ Испаніи служили не только въ сухопутныхъ войскахъ, но и во флотѣ (См. статью нашу о Славянахъ въ Африкѣ. § I). Городъ же Альмерія былъ главнѣйшимъ морскимъ портомъ и отличался своею верфью, на которой строились превосходныя суда. См. Gayang. I, 51, 358. Также Géogr. d'Edrisi... trad... par Am. Jaubert. Paris. MDCCCXL. II. 43—45. «Le port de cette ville recevait des vaisseaux d'Alexandrie et de toute la Syrie, et il n'y avait pas, dans toute l'Espagne, de gens plus riches, plus industrieux, plus commercants que ses ha-

О Славянинѣ Моджегидѣ, тоже вполнѣ заслуживающемъ наше вниманіе, привожу слѣдующія подробности изъ аль-Макари:

«На Балеарскихъ островахъ владычествовалъ Моджегидъ Ибнъ-Абдилла аль-Амири, прозванный *Абу-л-джіотъ* (отецъ арміи) и *аль-Мовафекъ* (благоденствующій по милости Божіей). По смерти своего повелителя Моджегидъ овладѣлъ городомъ Деніею (гдѣ онъ былъ губернаторомъ), а впослѣдствіи сталъ независимымъ государемъ на островахъ Балеарскихъ [1]. То былъ неустрашимый воинъ и опытный морякъ. У него всегда былъ вооруженный флотъ, съ которымъ онъ дѣлалъ высадки на берега Франціи и Италіи. Пока онъ былъ живъ, ни одинъ корабль христіанскій не смѣлъ пускаться въ Средиземное море.

Аль-Гомаиди разсказываетъ, что Моджегидъ родился въ Кордовѣ, гдѣ занималъ важныя должности (offices of trust). По убіеніи Абдуррахмана, его покровителя, когда начались въ Андалузіи усобицы, и борющіяся партіи стали отнимать другъ у друга области, Моджегидъ *съ толпою своихъ приверженцевъ* [2], удалился на острова Андалузскіе, плодородные и пространные. *Онъ овладѣлъ ими, жителей принудилъ къ повиновенію* [3]. Отсюда снарядивъ флотъ, Моджегидъ отправился къ Сардиніи, большому острову Рума, большею частью его онъ овладѣлъ. Это происходило въ 406 или 407 (1075 — 17 г.). Вскорѣ однако зачались ссоры между его людьми: тогда Румы, усиленные новыми, по-

bitants, ni plus enclins, soit au luxe et à la dépense, soit à l'amour de thésauriser». — «Alméria était une ville très importante, très commercante et très fréquentée par les voyageurs; il n'y en avait pas en Espagne de plus riche et de plus populeuse. Le nombre des caravansérails enregistrés à la douane était de mille moins trente» (970).

1. Гаянгосъ (II, 506) замѣчаетъ при семъ: «According to Ibnu Khaldún, Mujáhid was the son of Yúsuf, son of ʾAlí, a *mauli* of Al-mansúr. In the year 400 (a. d. 1010), after the assassination of Al muhdi, Mujágid left Cordova with other partisans of the family of Umeyyah, and joined the forces of Al-murtadhí. When the latter was defeated by Záwi and put to death, Mujáhid with drew to Tortosa, and took possession of it. He then left that city and went to Denia, where he likewise assumed supreme authority».

2. Конечно, большая часть этихъ приверженцевъ и послѣдователей Славянина Моджегида, если не всѣ, были Славяне.

3. These he subdued, keeping the inhabitants under his obedience. Конечно, Моджегидъ овладѣлъ островами Балеарскими не безъ нѣкотораго сопротивленія со стороны жителей.

дошедшеми къ нимъ подкрѣпленіями, напали на Моджегида и потопили нѣсколько кораблей его. Съ цѣлью спасти остальное Моджегидъ вопреки совѣтамъ опытныхъ моряковъ, пустился въ море и большая часть его кораблей потерпѣла страшное крушеніе.—«Я слышалъ,—говоритъ аль-Гомаиди, отъ Абу-Могамеда... Ибнъ-Газма, а тотъ слышалъ это отъ Абу-ль-Фотуха,... сопровождавшаго Моджегида въ его Сардинскомъ походѣ,—что Моджегидъ вошелъ съ своимъ флотомъ въ портъ, противно увѣщаніямъ Абу-Харуфа, начальника моряковъ. Едва только вошелъ флотъ въ эту гавань, какъ поднялась буря, разсѣявшая суда и прибившая ихъ къ берегамъ, гдѣ ждали ихъ христіане; такъ что имъ легко было перебить и забрать въ плѣнъ мусульманъ.—«Моджегидъ воротился на острова Балеарскіе и черезъ нѣсколько времени овладѣлъ городомъ Деніею [1] гдѣ онъ и устроилъ свою резиденцію и гдѣ оставался до самой своей смерти (436—1045 г.). Ему наслѣдовалъ его сынъ, Али [2], однако вскорѣ вольноотпущенникъ отца его, по имени Мобаширъ [3], овладѣлъ островами Балеарскими и господствовалъ на нихъ подъ именемъ Насиро-д-дола (Násiru-d-daulah). При немъ христіане сдѣлали высадку на островъ Маіорку и завоевали его, хотя не на долго: мусульмане его отняли у нихъ. Между тѣмъ Али про-

1. Гаянгосъ замѣчаетъ при семъ: «This contradicts what has been said above, namely, that Mujáhid was governor of Denia when the dynasty of the Beni Umeyyah was overthrown; but all is explained by a passage from An-nuwayrí, cited by M. Weyers in his excellent notes to Ibn Khákán (p. 114). According to that diligent historian, Mujáhid was governor of Denia, when Abdullah Al-múaytti and other distinguished citizens of Cordova, who had escaped the massacre commanded by Suleymán, took refuge in his dominions. Mujáhid treated Almúaytti with much consideration and respect, gave him a share in the government, guided himself entirely by his advice, and went so far as to resign all his authority into his hands, and to have him proclaimed King of Denia... (1014). Three months after... (March 1015) Almúaytti and Mujáhid sailed to the Eastern (or Balearic) islands and took possession of them. In Rabí' the first of the ensuing year (406 Aug. or Sept. a. d. 1015) Almúaytti sent Mujáhid to Sardinia with a fleet of one hundred and twenty sail. Mujáhid conquered that island, and remained in it until the end of the year, when a sudden and combined attack of the islanders compelled him to set sail and return to Denia, where, finding Al-múaytti dead, he took possession of the government».

2. Мы уже выше замѣтили, что *евнухъ* нельзя всегда понимать буквально. Такъ и Моджегидъ называется евнухомъ.

3. О Мобаширѣ см. Gayang. I, App. C. p. XLVIII

должалъ править Денією[1] и сосѣдними округами, пока не былъ выгнанъ Альморавидами»[2].

Славянинъ Моджегидъ, подобно соплеменникамъ своимъ Джафару, Фатину, Хайрану, любилъ науки и литературу. До насъ дошелъ слѣдующій любопытный разсказъ аш-Шаканди:

«Одинъ изъ величайшихъ примѣровъ великодушія, когда либо оказаннаго государемъ своему подданному, открывается изъ слѣдующаго случая, могущаго служить подтвержденіемъ нашихъ словъ (о томъ, что и государи, природные Славяне, какъ напр. Моджегидъ и Хайранъ поощряли ученыхъ). Разсказываютъ, что филологъ Абу-Галибъ написалъ какъ-то одно прекрасное сочиненіе; Моджегидъ аль-Амири, бывшій тогда государемъ въ Деніи, послалъ ему въ подарокъ тысячу динаровъ и богатый нарядъ, требуя отъ него въ свою очередь, чтобы онъ написалъ въ началѣ, что сочиненіе это написано по его приказанію. Однако Абу-Галибъ не согласился на это и подарокъ отослалъ назадъ съ такимъ отвѣтомъ: «Сочиненіе свое я писалъ для публики и передачи своего имени потомству; если же мнѣ помѣстить въ заглавіи чье нибудь другое имя, кромѣ своего, то и вся честь будетъ отнесена къ тому лицу. Нѣтъ, я на это не согласенъ». Когда этотъ отвѣтъ былъ доставленъ Моджегиду, то онъ вмѣсто того, чтобы обидѣться имъ, очень ему радовался и удивлялся величію, мужеству и рѣшимости автора. Онъ отослалъ къ Абу-Галибу подарки, приказавъ ему сказать, «что онъ во всякомъ случаѣ могъ бы упомянуть обо мнѣ въ своей книгѣ, такъ какъ подобныя вещи дѣлаются каждый день; впрочемъ я болѣе на томъ не настаиваю»[3].

---

1. Объ Али см. Gayang. I, 506—507.

2. Gayang. II, 257—258.

3. Gayang. I, 35—36. Также Dozy: Rech. I, 141. О Деніи распространяется географъ Идриси. Привожу его слова о ней во Франц. перев. Амед. Жобера: «c'est une jolie ville maritime avec un faubourg bien peuplé. Elle est ceinte de fortes murailles, et ces murailles, du côté de l'orient, ont été prolongées jusque dans la mer, avec beaucoup d'art et d'intelligence. La ville est défendue par un château fort qui domine les habitations. Elle est entourée de vignobles et de plantations de figuiers. Il s'y fait des expéditions de navires pour les contrées les plus lointaines de l'orient; il en part aussi des flottes et des armements pour la guerre, et il s'y fabrique des navires, car c'est un chantier de constructions». (Géogr. d'Edrisi. Paris. MDCCCXL. II, 37—38).

Сабуръ, бывшій пажъ Файика, перешелъ отъ своего прежняго господина къ аль-Манзору и пользовался у него великою довѣренностью. Вѣроятно еще при аль-Магди онъ провозгласилъ свою независимость и отказалъ въ присягѣ, какъ Гишаму II, такъ и Сулейману. Онъ оставался въ Бадахосѣ независимымъ государемъ до самой своей смерти (ок. 1028 г.). Сабуру послѣдовалъ Абдоллахъ-бенъ-Маслама, пользовавшійся огромною довѣренностью Сабура; хотя онъ и имѣлъ сына, но не желая ввѣрять государство слабому ребенку, онъ самъ назначилъ своимъ преемникомъ Абдоллаха, который и былъ основателемъ династіи Афтасидовъ.

Въ XI же вѣкѣ правитель въ Тортозѣ и ея окрестностяхъ былъ Славянинъ Лабибъ. По словамъ Дози, у Ибнъ-Бассама сохранились о немъ какія-то драгоцѣнныя извѣстія[1].

Въ 1022 г. халифатомъ Кордовскимъ завладѣлъ Ягія-Ибнъ-Али, по прозванію аль-Мотали, но въ слѣдующемъ же, 1024 г. онъ бѣжалъ въ Малагу, гдѣ пробылъ цѣлый годъ, пока не удалось его приверженцамъ въ Кордовѣ снова провозгласить его въ Кордовѣ. Однако Ягія, зная нерасположеніе къ себѣ Кордовцевъ, самъ и не вступалъ въ столицу, а назначилъ своимъ намѣстникомъ Абдуррахмана Ибнъ-Иттафа, который и оставался въ Кордовѣ до 1026 г., когда ея жители, изгнавъ Ибнъ-Иттафа, назначили своимъ правителемъ одного изъ Оммаядовъ. Ягія же тѣмъ временемъ разгуливалъ съ войскомъ по странѣ, раззорялъ ее вдоль и поперекъ, пока наконецъ не признали его Берберы и не уступили ему тѣхъ городовъ, мѣстечекъ и крѣпостей, которыми располагали сами. Значительно такимъ образомъ усилившись, Ягія рѣшился начать войну съ Ибну-Аббадомъ, въ твердомъ намѣреніи взять Севилью. Но онъ попалъ въ засаду и былъ убитъ въ 1035 г.[2].

По смерти его, Абу-Джафаръ или Ибнъ-Бокенна и Славянскій евнухъ Наджа[3], его визири, удалились въ Малагу и госу-

1. Выше я уже выразилъ свое предположеніе на счетъ его тождественности съ Славяниномъ историкомъ Габибомъ.

2. Разсказъ аль-Гомаиди у Gayang. II, App. B, p. XIII.

3. Ibid, p. XVII etc.

даремъ провозгласили брата Ягіи, Идриза Ибнъ-Али, такъ какъ сыновья покойнаго, Гассанъ и Идризъ, были еще малолѣтки. Визири отправили гонцовъ къ Идризу, бывшему тогда въ Цейтѣ, гдѣ онъ былъ правителемъ точно также, какъ и въ Танхерѣ и въ прилежащихъ окрестностяхъ. Идризъ поспѣшилъ въ Малагу, гдѣ его провозгласили съ условіемъ, чтобы Цейту онъ уступилъ своему племяннику, Гассану, младшему и способнѣйшему сыну Ягіи. Наджа отправился въ Африку, ввелъ Гассана во владѣніе Цейтою и Танхеромъ. Въ 1040 г., по смерти Идриза, старшій изъ его сыновей, Ягія, былъ провозглашенъ халифомъ стараніями визиря Ибнъ-Бокенны, который впрочемъ не долго пользовался своимъ вліяніемъ Едва пришло въ Цейту извѣстіе о смерти Идриза, какъ Славянинъ Наджа, управлявшій въ этомъ городѣ, рѣшился провозгласить халифомъ въ Малагѣ аль Гассана, сына Ягіева. На время своего отсутствія поручивъ управленіе дѣлами одному изъ своихъ соплеменниковъ[1], Наджа вмѣстѣ съ Гассаномъ отправился въ Малагу. Ибнъ-Бокенна бѣжалъ, а Наджа съ Гассаномъ вступили въ городъ, послѣ чего Берберы и народъ скоро провозгласили сего послѣдняго халифомъ. Гассанъ послалъ за Ибнъ-Бокенною, обѣщая ему прощеніе, если онъ воротится въ Малагу; но вернувшись, онъ былъ убитъ, также какъ и двоюродный братъ Гассановъ Ягія Ибнъ-Идризъ. Тогда Наджа вернулся въ Цейту, оставивъ при Гассанѣ одного стараго моряка, крѣпко ему преданнаго, извѣстнаго подъ именемъ аш-Шетифи. Но Гассанъ царствовалъ не болѣе двухъ лѣтъ, будучи убитъ своею женою, дочерью его дяди, Идриза.

По смерти Гассана, аш-Шетифи принялъ управленіе дѣлъ и, заключивъ въ темницу Идриза Ибнъ-Ягію, брата покойнаго халифа, извѣстилъ Наджу о всемъ случившемся. Гассанъ оставилъ на рукахъ Наджи малолѣтняго своего сына, котораго, говорятъ, этотъ Славянинъ (that Sclavonian) умертвилъ, услыхавъ о смерти его отца. Но одинъ Богъ знаетъ правду — прибавляетъ отъ себя аль-Гомаиди.

---

1. Аль-Гомаиди у Гаянгоса «Having appointed a man of his own nation to command in his absence». ib. p. XVIII.

Теперь задумалъ Наджа завладѣть царскою властью. Поручивъ одному изъ своихъ вѣрныхъ соплеменниковъ[1] начальство надъ Цейтою и Танхеромъ, онъ отправился въ Малагу. По своемъ прибытіи онъ заключилъ Идриза Ибнъ-Ягію въ еще болѣе тяжкое заключеніе, усилилъ за нимъ надзоръ и всѣ свои дѣйствія направилъ къ тому, чтобы совершенно лишить власти Бени-Гассановъ и самому вступить на престолъ. Съ этою цѣлью онъ послалъ за вождями Берберскими, открылъ имъ свои намѣренія, обѣщая имъ, въ случаѣ успѣха, богатое вознагражденіе. Они были глухи на всѣ предложенія Наджи и ни одинъ изъ нихъ не обѣщалъ ему помощи; полагая однакоже, что имъ еще не время отдѣлаться вовсе отъ Наджи, Берберы подали видъ, что они одобряютъ его планы и даже стали наружно помогать ему, хотя во глубинѣ души таили совсѣмъ другія чувства. Вскорѣ потомъ Наджа собралъ свою армію (called together his army) и двинулся на Альхезиру съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы выгнать оттуда Могамеда Ибнъ аль-Касима. Въ нѣсколько дней онъ овладѣлъ этимъ городомъ; но услыхавъ, что нѣкоторые изъ его послѣдователей (followers) замышляютъ противъ него возстаніе, поспѣшилъ вернуться въ столицу. На обратномъ его пути, нѣкоторые изъ начальниковъ заговора, опасаясь того,—что Наджа, узнавъ о положеніи дѣла, разомъ разстроитъ его, наказавъ однихъ и простивъ другихъ, тайкомъ убѣжали впередъ и приготовили засаду въ одномъ горномъ проходѣ, котораго не могъ миновать Наджа, ворочавшійся въ Малагу. Не предчувствуя никакой опасности, Наджа ѣхалъ спокойно впереди съ немногими всадниками и въ этомъ проходѣ былъ внезапно атакованъ Берберами. Его Славянская гвардія отъ внезапнаго нападенія была смята и бѣжала[2]; Наджа палъ подъ ударами убійцъ, изъ которыхъ двое быстро помчались въ Малагу, куда въѣхали они съ громкими криками: «Добрыя вѣсти, добрыя вѣсти! Наджа убитъ»! Потомъ они устремились на домъ аш-Шетифи и умертвили его. Когда армія прибыла въ Малагу, мятежники вывели

1. «Having appointed one of his countrymen, in whom he could trust». ibid. p. XIX.

2. «The Sclavonians who composed his guard being thrown into confusion by the suddenness of the attack, ran away and deserted him». (ib. p. XIX).

изъ темницы Идриза Ибнъ-Ягію, и провозгласивъ его халифомъ, дали ему присягу вѣрности. Все это происходило въ февралѣ 1043 г.

Наджа былъ, кажется, если не самымъ послѣднимъ, то однимъ изъ послѣднихъ Славянъ, игравшихъ болѣе или менѣе значительную роль въ мусульманской Испаніи; по крайности въ сочиненіи аль-Макари (въ переводѣ Гаянгоса) послѣ сейчасъ описанныхъ происшествій я не нашелъ уже ни одного упоминанія о Славянахъ. Изъ того однако едва ли возможно заключать, что послѣ сороковыхъ годовъ XI в. Славяне совершенно исчезаютъ въ Испаніи, тѣмъ болѣе, что нигдѣ не говорится о томъ, чтобы Славяне, составлявшіе гвардію у Наджи и его оставившіе, были истреблены. Весьма вѣроятно наконецъ, что Славяне были въ то время и въ Цейтѣ и въ Танхерѣ, гдѣ по назначенію Наджи, былъ правителемъ природный Славянинъ; по всей вѣроятности были также Славяне и въ Альмеріи, гдѣ въ XI в. царствовали одинъ за другимъ два брата Славянина, и на островахъ Балеарскихъ и въ Деніи, гдѣ въ XI же вѣкѣ царствовалъ Моджегидъ, и въ Тортозѣ, гдѣ въ то же время былъ правителемъ Славянинъ Лабибъ.

Во второй половинѣ XI в. Славяне могли утратить въ мусульманской Испаніи свое прежнее значеніе, но должны были еще оставаться въ ней и даже, хотя не въ прежней степени, сохранять свою народность. Это предположеніе считаемъ болѣе вѣроятнымъ, когда вспомнимъ объ историкѣ Габибѣ, написавшемъ въ XI в.: «Ясныя и побѣдоносныя доказательства противъ тѣхъ, которые отрицаютъ превосходныя качества Славянъ». Славянинъ Габибъ самъ собою доказываетъ, что народность Салвянъ Испанскихъ еще сохранялась въ XI в.

Нашъ разсказъ о судьбахъ Славянъ въ мусульманской Испаніи всего лучше заключить словами одного Испанскаго Араба, славнаго своею ученостью и дарованіями. Абу-Обеидъ-Иллахъ-аль-Бекри († 1094 г.), величайшій географъ Испаніи, подобно тому, какъ его другъ, Ибнъ-Гайянъ, былъ величайшимъ ея историкомъ [1], никогда самъ не выѣзжалъ изъ Испаніи и потому толь-

1. Dozy Rech I, 296.

ко объ одномъ своемъ отечествѣ передаетъ собственныя наблюденія, въ другихъ же случаяхъ пользуется постоянно чужими трудами. «Выписки свои онъ производилъ, — говоритъ Дози[1], порядочно и толковито, пользуясь при семъ массою недошедшихъ до насъ сочиненій. Иногда разумѣется можно бы пожелать, чтобы онъ менѣе довѣрялъ нѣкоторымъ разсказамъ: но эти случаи не такъ многочисленны, какъ можно было бы ожидать, зная его вѣкъ, время младенчества критики»[2].

Узнать мнѣніе о Славянахъ вообще такого человѣка, одареннаго необыкновеннымъ умомъ и обладавшаго огромными свѣдѣніями, узнать, говорю, мнѣніе географа аль-Бекри, жившаго въ XI в. и никогда не выѣзжавшаго изъ Испаніи—въ высшей степени теперь любопытно для насъ, уже знающихъ о бытности Славянъ въ мусульманской Испаніи. «Славяне говоритъ онъ, народъ буйный, страшный и могучій (nation redoutable, puissante et impétueuse). Если бы они не были раздѣлены на великое

1. Ibid. 298.

2. Считаю долгомъ привести мнѣніе Дози о Географическомъ Словарѣ аль-Бекри, называющемся собственно *Моджам ма стаджам*, т. е. *Алфавитъ того, что мало извѣстно*. «Моджамъ, по словамъ ученаго Голландца, единственный трудъ въ своемъ родѣ и Арабская литература не можетъ представить ничего подобнаго относительно богатства и необыкновенной точности передаваемыхъ въ немъ свѣдѣній. Онъ содержитъ въ себѣ, по порядку Африканскаго алфавита, номенклатуру массы именъ мѣстностей, горъ, рѣкъ и пр., встрѣчающихся въ древнихъ Арабскихъ исторіяхъ, въ преданіяхъ о пророкѣ и особенно въ поэмахъ. Авторъ приводитъ образъ ихъ правописанія, опредѣляетъ положеніе обозначаемыхъ ими предметовъ и выписываетъ безчисленное количество стиховъ, въ которыхъ эти собственныя имена встрѣчаются». — «Это сочиненіе необходимо для всѣхъ, изучающихъ древнюю исторію, географію, древнія поэмы, всѣ болѣе или менѣе историческія преданія. Повторяю, трудъ этотъ единственный. Всѣ прочія сочиненія этого рода скудны и особенно невѣрны сравнительно съ этимъ великолѣпнымъ трудомъ, исполненнымъ любопытныхъ подробностей, составленнымъ по лучшимъ, нынѣ почти вовсе потеряннымъ, матеріаламъ, такимъ писателемъ и географомъ, который стоялъ совершенно на высотѣ своей трудной задачи. Прочіе географы часто только путаютъ и сбиваютъ насъ, будучи исполнены ошибокъ и противурѣчій. Возьмите въ какой либо древней поэмѣ какое угодно мѣстное имя и сыщите его въ какомъ либо географическомъ сочиненіи; предположите, что въ немъ находится искомое слово (что весьма рѣдко случается) и сравните потомъ найденныя свѣдѣнія со свѣдѣніями аль-Бекри: тогда, я смѣло говорю, вы увидите, что первыя почти всегда ошибочны или по крайности весьма сбивчивы, тогда какъ свѣдѣнія аль-Бекри всегда ясны, точны и истинны». (Recherches, I, 303 et suiv.).

число племенъ и народцевъ, то ни одинъ народъ въ мірѣ не могъ бы имъ противиться».

Аль-Бекри († 1094 г.) не могъ не знать Славянъ Испанскихъ; если бы въ его отечествѣ они играли жалкую и презрѣнную роль и не пользовались отъ его земляковъ никакимъ уваженіемъ, то конечно и о Славянахъ вообще господствовало бы въ Испаніи мнѣніе весьма невысокое, и никогда бы писатель Арабскій, вовсе не выѣзжавшій изъ Испаніи, не выразился бы такъ, какъ говоритъ о нихъ Абу-Обеидъ-Иллахъ-аль-Бекри, одинъ изъ величайшихъ людей мусульманской Испаніи.

Мнѣніе аль-Бекри о Славянахъ важно и въ томъ отношеніи, что не только подтверждаетъ справедливость уже прежде представленныхъ нами извѣстій о томъ важномъ значеніи, какимъ пользовались Славяне въ Испаніи, но и ясно обнаруживаетъ всю силу этого значенія ихъ на мнѣнія Арабовъ Испанскихъ обо всемъ племени Славянскомъ, объ его характерѣ и объ его положеніи въ кругу другихъ племенъ и народовъ.

Зная это мнѣніе, можно бы было отвѣчать положительно на вопросъ, не только не безполезный, но и необходимый при разсмотрѣніи судебъ племени Славянскаго и его значенія въ исторіи человѣчества, именно на слѣдующій вопросъ—значеніе Славянъ въ Испаніи IX, X, XI в. отразилось ли и на прочихъ ихъ соплеменникахъ, имѣло ни на нихъ какое нибудь вліяніе? иными словами, исторія Славянъ Испанскихъ, какъ отдѣльная часть, связана ли органически съ цѣлою исторіею міра Славянскаго?

X. Славяне, жившіе въ мусульманской Испаніи, пользовались въ ней такимъ значеніемъ, что не только заставили Арабовъ Испанскихъ уважать своихъ соплеменниковъ вообще, но и были виновниками непосредственныхъ сношеній сихъ послѣднихъ съ Испаніею, ибо смѣло можно утверждать, что не будь Славянъ въ Испаніи, никогда бы не завязались тѣ связи Славянъ съ нею, о которыхъ мы имѣемъ положительныя свидѣтельства Массуди, Ибнъ-Хаукала, Ибнъ-Гайяна и Ебнъ-Спрота Хаздая.

Эти непосредственныя сношенія въ соображеніи съ выше предложенными извѣстіями объ отношеніяхъ Славянъ къ Ара-

бамъ въ Азіи, Африкѣ и Сициліи и проч. отнимаютъ у кого бы то ни было всякую возможность отрицать вѣроятность и справедливость представленнаго нами предположенія о томъ, что Славяне попадали въ Испанію не только, какъ плѣнники и рабы изъ рукъ Франковъ, черезъ Пиринеи, но и какъ бѣглые, вольные, охочіе и гулящіе люди, искавшіе службы у Арабовъ Испанскихъ, подобно тому, какъ въ новѣйшія времена толпы Поляковъ и Венгерцевъ вступали на службу султана Турецкаго, напр. Омеръ-паша и др., или подобно тому, какъ въ концѣ прошлаго вѣка и въ 1848 г. служили Поляки въ Италіи,[1] а въ XV в. Чехи, лучшіе тогда въ Европѣ знатоки военнаго дѣла, — въ Германіи, Венгріи, Польшѣ и Россіи[2], или въ XVI—XVII в. Дубровничане и другіе Славяне Адріатическіе въ обширной тогда монархіи Испанской (объ этомъ ниже).

---

1. См. Chodzko (Léonard) Hist des légions polonaises en Italie sous le commandement du général Dombrowski. 2-e édit. Paris. 3 vol. in-8°. См. также Polacche Legioni ammesse al soldo della Repubblica Cisalpina, ovvero Decreti che appartengono allo stabilimento di due mezze brigate d'Infanteria di Linea polacca, ed un reggimento di cavalleria leggera. Foglio Officiale della Repubblica italiana. 1°. Milano. 1802. Послѣднее изданіе мнѣ извѣстно, къ сожалѣнію, только по заглавію, взятому мною изъ книги почтеннаго Чіампи, труды котораго, по исторіи отношеній Славянъ къ Италіи, чрезвычайно, правда, неполные и недостаточные, — но такая задача и не по силамъ вѣдь одного человѣка, — заслуживаютъ тѣмъ не менѣе полнаго уваженія и невольно внушаютъ мысль пожелать такихъ же приготовительныхъ трудовъ и по исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи, къ Англіи.... Разумѣю сочиненія Чіампи — Bibl. critica delle antiche reciproche corrispondenze polit., eccles., scientif., letter., artistiche dell'Italia colla Russia, colla Polonia... Firenze. 1834. Notizie di Medici, Maestri di Musica e Cantori, Pittori, Architetti, Scultori ed altri Artisti Italiani in Polonia e Polacchi in Italia raccolte da Seb. Ciampi con appendice degli artisti Italiani in Russia etc. Lucca. 1830. — Notizie dei Secoli XV e XVI sull'Italia, Polonia e Russia raccolte e pubblicate de Seb. Ciampi colle vite di Bona Sforza de Duch. di Milano regina di Polonia. Firenze. 1833. и пр. О Полякахъ въ Италіи въ XVIII стол. см. также Listy znakomitych Polaków wyjaśniające historyą legionów Polskich. Kraków. 1831. in-8°. — въ 1848 г. см. Siedm listów o legionie Polskim we Włoszech przez M***. Poznań. 1850. Эта послѣдняя книжка любопытна и тѣмъ еще, что въ ней содержится нѣсколько подробностей очевидца о Мицкевичѣ. Обо всемъ этомъ впрочемъ я буду имѣть случай говорить въ особомъ изслѣдованіи о Славянахъ въ Италіи.

2. См. въ Приложеніяхъ.

Характеръ восточнаго государства, гдѣ народъ лишенъ самообладанія и самоуправленія, вынуждалъ халифовъ Испанскихъ для преодолѣнія сильной аристократіи, обращаться къ наемникамъ-иностранцамъ, которые за хорошую плату и выгодное вознагражденіе, по одному мановенію деспота, ихъ нанявшаго, готовы бы были давить и душить малѣйшее проявленіе самостоятельности и ослушанія волѣ ихъ повелителя, «а они города разоряютъ и народъ грабятъ, предѣлы оные пустошатъ, *понеже имъ оное есть не свое*»[1].

Къ кому же изъ другихъ Европейцевъ,—а у Арабовъ могло быть не мало причинъ искать именно Европейцевъ,—какъ не къ Славянамъ обратиться было халифамъ Испанскимъ для найма изъ среды ихъ храбрыхъ и вѣрныхъ тѣлохранителей?

Знакомство свое со Славянами Арабы завязали еще въ VII в. и съ тѣхъ поръ, мы видѣли, ихъ взаимныя сношенія стали очень тѣсными. Представленныя нами свѣдѣнія о Славянахъ въ Африкѣ, при всей своей краткости, уже достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Изъ продолжительнаго знакомства своего со Славянами Арабы вынесли далеко не низкое мнѣніе объ ихъ силахъ. Массуди, Иродотъ Арабскій X в., говорилъ, что Славяне были бы самымъ могущественнымъ народомъ въ мірѣ, если бы не ихъ внутреннія усобицы[2].

---

1. Два памфлета временъ Анны Іоанновны. Ст. Г. Лыжина въ Изв. II Отд. Ак. Наукъ 1858. Вып. 1.

2. Въ переводѣ Шармуа: «Les Slaves se composent de différentes peuplades qui se font la guerre: si la discorde ne régnait entre eux, aucune nation ne pourrait leur résister pour la force et l'audace». Черезъ сто лѣтъ послѣ того, Арабъ же, аль-Бекри, говорилъ почти то же самое: въ переводѣ Шармуа: Les Slaves sont une nation redoutable, puissante et impétueuse. S'ils n'eussent été divisés en un grand nombre des races et des tribus différentes, aucune nation au monde ne leur eût tenu tête». Исторія не упрекнетъ этихъ двухъ Арабовъ въ недостаткѣ прозорливости. Почти черезъ восемьсотъ лѣтъ послѣ нихъ одинъ изъ *вѣщихъ* людей этого племени писалъ въ альбомъ одному изъ своихъ соплеменниковъ:

Вѣковать ли намъ въ разлукѣ?
Не пора-ль очнуться намъ
И подать другъ другу руки
Нашимъ кровнымъ и друзьямъ?

Почему же было Арабамъ Испанскимъ не призывать къ себѣ на службу Славянъ, а этимъ послѣднимъ почему было не идти къ нимъ? Вѣдь служили же ихъ земляки и соплеменники въ VII — X в. и гораздо позже у Арабовъ въ Азіи, Сициліи, а потомки ихъ въ XVI — XVII в. и позже въ Испаніи и въ многочисленныхъ ея тогдашнихъ владѣніяхъ въ Европѣ, Азіи и Америкѣ?

Предложенныя выше извѣстія о Славянахъ въ Андалузіи, указывая на тамошнюю ихъ многочисленность и дѣлая излиш-

---

Вѣки мы слѣпцами были,
И какъ жалкіе слѣпцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во всѣ концы.

А случалось ли порою
Намъ столкнуться какъ нибудь, —
Кровь не разъ лилась рѣкою,
Мечь терзалъ родную грудь.

И вражды безумной сѣмя
Плодъ сторичный принесло.
Не одно погибло племя,
Иль въ чужбину отошло.

Иноземецъ иновѣрецъ
Насъ раздвинулъ, разломилъ,
Тѣхъ обезъязычилъ Нѣмецъ,
Этихъ Турокъ разгромилъ.

Палацкій, открывая въ качествѣ предсѣдателя (старосты) засѣданія Славянскаго Сеима, 2 іюня 1848 года, сказалъ между прочимъ въ своей рѣчи: «Weliký národ, jakowýž jest náš, nebylby nikdy lišil se původní swé wolnosti, kdyby w sobě sám byl se nerozlrhnul, nerozpłýhl, neodcizil se jeden druhému, nechodil kazdý po směru zwlaštní a různe politiky. ale bylot' toho tušim potřebi, abychom poučeni zkušenosti mnohowěkau ale trpkau, porozuměli konečně a důkladně tomu, čehož nam jedině zapotřebi jest. Že jsme nyní opět dosáhli stareho dědictwí swého, že jsme opět a zůstaneme nawždy swobodni, za to děkowati máme především probuzení swému a upamatowání se w tom, co nam jedině spasu nesti může; za to děkowati máme cítu wřelému, jenž wšechny žily we zhromaždění našem probihá. citu bratrské lásky a swornosti! Slowan jest a bude nepřemožitelným, pokudkoli heslo spojení *swobody* a *swornosti* ozýwati se bude w srdci jeho. Heslem takowým zaklada se w žiwotě národu našeho věk nowý a skwělý: blažení jsme my, kteří ke slawnosti zrození jeho zde spojili jsme se. Já pak, znaje dáwni nehody a strasti jeho, a prohlédaje okem jasným do weliké budaucnosti národu mně celau duši milowaneho, wolam w nadšeni, zaroweň muži w ewangelium: «Nyni propauštiš sluhu swého, Pane! nebot' jsau widěly oči mé spasení, kteréž si připrawil nám pred obličejem wšeho swěta; swětlo k zjewení narodům a slawu kmene slowanského».

ними всякія попытки объяснять слово *Славянинъ* въ смыслѣ не собственномъ, а нарицательномъ, необходимо наводятъ на предположеніе о переходѣ Славянъ въ Испанію въ качествѣ охочихъ вольныхъ и гулящихъ людей.

Драгоцѣнное извѣстіе о Габибѣ, томъ Славянинѣ-историкѣ, что жилъ въ XI в. въ Испаніи и написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ «Ясныя и побѣдоносныя доказательства противъ тѣхъ, что отвергаютъ превосходныя качества Славянъ», гдѣ по словамъ аль-Макари, собраны разнаго рода любопытныя подробности, исторія и стихи (verses) г. е. народныя пѣсни или сказанія Славянъ»,—драгоцѣнное извѣстіе это, говорю я, само собою независимо отъ всѣхъ предъидущихъ соображеній и данныхъ, наводитъ на необходимость того же самаго предположенія.

Выше разсматривая это свѣдѣніе о Габибѣ само по себѣ, мы пришли къ необходимости понимать здѣсь слово *стихи Славянъ* (verses of the Sclavonians) не иначе, какъ въ смыслѣ *народныхъ произведеній, пѣсень* (songs), *сказаній* или *повѣстей*. Надѣюсь, всѣ предложенныя выше соображенія и данныя о судьбѣ Славянъ въ Испаніи, о приходѣ ихъ туда, какъ охочихъ, вольныхъ и гулящихъ людей, а также и извѣстіе Макризи объ Африкано-Арабскомъ Славянинѣ Модаферѣ, владѣвшемъ Арабскимъ языкомъ, не только изустнымъ, но и письменнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ знавшемъ свой природный языкъ Славянскій,—это извѣстіе Макризи вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ П. Іовія объ употребленіи Славянскаго языка при дворѣ Мемфисскихъ султановъ до 1517 г.,—все это вмѣстѣ надѣюсь, способно убѣдить всякаго въ томъ, что наше объясненіе выраженія переводчика аль-Макари, Гаянгоса, не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго, нелѣпаго, дикаго, что напротивъ того оно весьма достовѣрно и даже единственно возможное въ настоящемъ случаѣ.

Такимъ образомъ надо согласиться, что Славянинъ Габибъ, жившій въ Андалузіи въ XI в., и передавшій въ своемъ сочиненіи или въ переводѣ или собственными словами устныя народныя преданія, повѣсти или пѣсни Славянскія,—непремѣнно зналъ отлично не только Арабскій языкъ,— подобно Славянину Фатину, считавшемуся у самихъ Арабовъ однимъ изъ классическихъ писателей по языку, Модаферу, учившему самого хали-

фа письму Арабскому, и многимъ другимъ Славянамъ, занимавшимся Арабскою словесностью,—но и свой природный Славянскій, подобно тому же Модаферу, что въ минуту гнѣва загнулъ халифу Моэззу какое-то крѣпкое словцо Славянское, или подобно Славянамъ, служившимъ Мамелюками при дворѣ Мемфисскихъ султановъ или занимавшимъ важныя должности въ Оттоманской Портѣ, гдѣ Славянскій языкъ господствовалъ въ высшемъ обществѣ и при дворѣ въ XVI—XVII в.

Настоящее наше положеніе о томъ, что Славянскій языкъ былъ хорошо извѣстенъ Габибу, совершенно необходимое, когда уже однажды была признана возможность и законность нашего объясненія словъ, verses of the Sclavonians, вполнѣ вѣроятное и достовѣрное, при извѣстной уже многочисленности Славянъ въ Испаніи, положеніе это само въ свою очередь подтверждаетъ всю справедливость и основательность такого, а не иного, объясненія.

Дѣйствительно, если вѣрно, что Славяне въ Испанію проникали не только, какъ военноплѣнные и рабы, черезъ Пиринеи, изъ рукъ Франковъ, но и какъ охочіе, вольные и гулящіе люди (слѣд. могли переходить въ нее съ своими семьями, съ женами и дѣтьми),[1] что они пользовались въ ней немаловажнымъ значеніемъ, то отчего же не могли они сохранять въ ней довольно долго свою народность, не забывать своего роднаго языка, своихъ преданій, нравовъ и обычаевъ, хотя и воспитывались въ мусульманствѣ и учились Арабскому языку? Отчего такимъ образомъ въ мусульманской Испаніи IX — XI в. не могла звучать Славянская рѣчь, не могла раздаваться Славянская пѣсня?

Принимая первое, надо принять и второе. Если въ пользу добровольнаго перехода Славянъ въ Испанію IX—XI в. и нельзя намъ пока привести какого нибудь подлиннаго и прямаго извѣстія, то за то и нѣтъ никакой возможности не только представить какую нибудь мысль или данную, которая могла бы хотя

1. Есть основаніе предполагать, что въ мусульманской Испаніи были Славянскія поселенія. Такъ у Шармуа приведено слѣдующее мѣсто изъ Словаря Якута († 1293 г): «On trouve encore Szaqlab en Andalous (Espagne et Portugal), dans le territoire de Chantarié (Santarem). Le sol y est excellent, et l'on pretend que, si l'on y sème un Makoûk on en retire cent Qafiz et même davantage» (Charmoy. Relat. de Massoudi, p. 330).

*

сколько нибудь подорвать довѣріе къ предлагаемой ипотезѣ, но и объяснить иначе явленіе Габиба, который собою доказываетъ, что Славяне въ XI в. въ Испаніи мало что сознавали свое Славянское происхожденіе, свои племенныя особенности, но даже и гордились ими, выставляя на видъ свои заслуги, — чего бы быть не могло, если бы Славяне проникали въ Испанію единственно черезъ Пиринеи, изъ рукъ Франковъ, какъ военноплѣнные и рабы, людьми изуродованными. *Можно ли же не принимать перваго?* И съ чего стать намъ не принимать его, когда намъ извѣстны отношенія Славянъ къ Арабамъ еще съ VII в. въ Азіи, Африкѣ, Сициліи, ихъ высокое мнѣніе объ отвагѣ, удальствѣ и предпріимчивости Славянъ, вполнѣ оправдываемое всѣми историческими свидѣтельствами, когда мы знаемъ, что было съ чего и Арабамъ призывать Славянъ въ Испанію, и Славянамъ идти въ нее по ихъ призыву. *Нельзя потому не принять и втораго.*

Такимъ образомъ ясно, что судьбы Славянъ въ мусульманской Испаніи связаны органически съ судьбами юго-восточныхъ и юго-западныхъ Славянъ, съ ихъ переселеніями въ М. Азію, съ ихъ отношеніями къ Арабамъ въ Азіи, Африкѣ и Сициліи, а въ общей исторіи міра Славянскаго занимаютъ не невидное мѣсто и потому еще, что достовѣрный выводъ о сохраненіи Славянами въ Испаніи довольное долгое время своей народности,[1] непремѣнно рождаетъ вопросъ весьма ка-

1. Мы уже видѣли необходимость допустить, что Габибъ зналъ отлично не только Арабскій языкъ, но и Славянскій. Изъ этого же положенія само собою развивается другое положеніе, что и вообще Славяне Арабо-Испанскіе не забывали своего языка, хотя и воспитывались въ мусульманствѣ и знали по-Арабски. Быть можетъ скажутъ, что не благоразумно изъ одного положенія, не имѣющаго въ себѣ *очевидной, осязательной несомнѣнности*, развивать другое, а на немъ строить выводы. Пишущій эти строки смѣетъ думать, что можно открыть истину, развивая извѣстную мысль до конца, доводя ее до послѣднихъ предѣловъ; такимъ путемъ начало ложное обличаетъ свою нелѣпость, а истина свѣтлѣетъ и оправдывается. Однажды убѣдившись въ основательности своей ипотезы, авторъ считаетъ своимъ долгомъ развить ее какъ можно полнѣе. Пусть ея ложь (если она ложна) предстанетъ читателю во всей своей наготѣ; такъ облегчится трудъ возражателей. Замѣчу прежде всего, что знаніе Габибомъ языка Славянскаго усмотрѣть можно, не зависимо отъ предъидущихъ соображеній, и изъ слѣдующаго обстоятельства: Габибъ поставилъ себѣ задачею опровергнуть мнѣнія тѣхъ, что унижали народность Славянскую, и доказать, напротивъ того, что Славяне, его соплеменники, одарены превосходными качествами и могутъ гордиться своими народными осо-

жется немаловажный — что именно и какую долю внесли Славяне въ образованность Арабскую? Не внести ничего они не могли, такъ какъ были въ Андалузіи многочисленны, довольно долго сохраняли свою народность и съ тѣмъ вмѣстѣ пользовались великимъ значеніемъ. Вспомнимъ только такихъ политическихъ дѣятелей, каковы были Джафаръ аль-Мосгафи, Вади, Моджегидъ, Хайранъ и Зогаиръ, Наджа, и пр. или ученыхъ и литера-

---

бенностями. Человѣкъ, который въ XI в., принимаясь за свое сочиненіе, задался такимъ намѣреніемъ, самъ Славянинъ, кажется, не могъ не знать по Славянски. Арабскіе источники говорятъ, что Наджа былъ Славянинъ, что, уѣзжая изъ Цепты, онъ поручилъ управленіе дѣлъ *своему соотечественнику*, которому онъ могъ довѣриться. Что могло связывать Славянъ въ Испаніи, какъ не сознаніе общаго ихъ происхожденія, и на чемъ иномъ могло оно опираться и чѣмъ иным поддерживаться, какъ не общимъ языкомъ, какъ не природною ихъ Славянскою рѣчью? Мы видѣли, Славяне въ Испаніи вообще дружили другъ другу, составляли одну, довольно плотную, партію. Аль-Макари говоритъ: «При Гишамѣ II и аль-Манзорѣ науки и литература процвѣтали въ Кордовѣ такъ, что даже *Славяне* (Славянскіе дворцовые евнухи) занимались ими съ великимъ успѣхомъ» и пр. Если бы Славяне въ Испаніи не говорили по Славянски и вовсе утратили бы свою народность, то конечно не было бы ничего удивительнаго, что при Гишамѣ II и аль-Манзорѣ было немало Славянъ, служившихъ при дворѣ, занимавшихся науками и литературою и писавшихъ по-Арабски; ибо въ мусульманской Испаніи еще при Абдуррахманѣ III († 961 г.) рабы занимались литературою и науками. Когда напр. всѣ Русскіе Нѣмцы научатся по-Русски, то мы и перестанемъ указывать, какъ на любопытные факты, на того или другаго Нѣмца, который хорошо пишетъ по-Русски. Чтожъ тутъ будетъ особеннаго, любопытнаго или удивительнаго, когда всѣ наши Нѣмцы станутъ читать и писать по-Русски? И такъ въ Испаніи мусульманской Славяне не забывали своего природнаго языка. Недавно слѣдовательно зналъ по-Славянски Габибъ, написавшій «Ясныя и побѣдоносныя доказательства, направленныя противъ тѣхъ, которые отвергаютъ превосходныя качества въ Славянахъ». Очевидно, что Арабо-Испанскій Славянинъ Габибъ, жившій въ XI в. и знавшій отлично свои природный языкъ, Славянски и Арабскій языкъ, какъ языкъ своей вѣры и образованности, подобно тому, какъ современники его, ученые Поляки и Чехи, знали по-Латыни, а Болгаре по-Гречески, — Славянинъ Габибъ могъ или родиться въ Испаніи, или же попасть въ нее, въ качествѣ плѣнника или другимъ какимъ нибудь способомъ, но во всякомъ случаѣ въ какой нибудь изъ извѣстныхъ возрастовъ — или ребенкомъ, или молодымъ человѣкомъ, или зрѣлымъ мужемъ и старцемъ. — Всѣ эти случаи, будучи понимаемы отвлеченно, равно возможны. Прежде чѣмъ разсмотрѣть ихъ относительную вѣроятность и остановиться на наиболѣе вѣроятномъ изъ нихъ, мы должны замѣтить, что Габибъ въ своемъ историческомъ трудѣ говорилъ главнѣйше о Славянахъ Испанскихъ, и еще развѣ вообще о Славянахъ мусульманскихъ, Азіатскихъ, Африканскихъ и Сицилійскихъ. Вѣрность и основательность такого предположенія предстанутъ намъ съ очевидною ясностью, когда мы припомнимъ, что Славяне въ

торовъ, каковы тотъ же Джафаръ, Фатинъ и Габибъ.—Такимъ образомъ можно надѣяться, что въ вопросѣ столь важномъ и не напрасно теперь занимающемъ вниманіе ученыхъ объ отношеніяхъ Аріійцевъ къ Семитамъ, Славянская стихія въ мусульманской Испаніи и вообще отношенія Славянъ къ Арабамъ, должны будутъ занять довольно видное мѣсто.

Прежде чѣмъ перейти къ позднѣйшимъ отношеніямъ Сла-

Испаніи были многочисленны, играли въ ней значительную роль, воспитывались въ мусульманствѣ и въ то же время долго не утрачивали своей народности, и слѣдовательно не только могли, но и должны были имѣть своего историка. Что замѣчаніе это какъ нельзя болѣе справедливо, можно видѣть изъ того, что 20 лѣтъ тому назадъ, Рено, еще не знавшій ничего о Габибѣ, уже считалъ возможнымъ вопросъ о Славянскомъ историкѣ въ Испаніи. Правда, онъ рѣшилъ его отрицательно; но тогда онъ не зналъ еще драгоцѣннаго извѣстія аль-Макари, толковалъ слово *Славяне* въ смыслѣ нарицательномъ и не догадывался о переходѣ Славянъ въ Испанію въ качествѣ охочихъ, вольныхъ и тулящихъ людей, не видѣлъ потому и возможности сохранять Славянамъ въ Испаніи свою народность. Но для насъ не важенъ его отвѣтъ; важно, что и въ немъ рождался такой вопросъ. «Les Berbers, *les Slavons*, — говоритъ Рено, — *ne nous ont transmis aucun souvenir de leurs exploits;* leurs enfants, si non eux-mêmes, embrassèrent l'islamisme; tout ce que nous savons sur les vaincus, nous les tenons des Arabes et des écrivains mahométans. (Reinaud: Invas. des Sarraz. p. 248—249). *И такъ, Славянинъ Габибъ зналъ по-Арабски и по-Славянски, писалъ главнѣйше о Славянахъ Испанскихъ.* — Если Славянинъ Габибъ попалъ бы въ Испанію зрѣлымъ мужемъ или старцемъ изъ какой нибудь земли Славянской, то безспорно онъ легко бы могъ хорошо знать по-Славянски, помнить народныя преданія, но онъ не могъ бы успѣть выучиться по-Арабски на столько, чтобы хорошо овладѣть языкомъ письменнымъ. Вѣдь Арабскій языкъ очень труденъ Слѣдовательно Славянинъ Габибъ попалъ въ Испанію молодымъ человѣкомъ, въ такой возрастъ, когда бы могъ еще выучиться по-Арабски. Здѣсь опять можно убѣдиться въ томъ, что Славянинъ Габибъ писалъ главнѣйше о Славянахъ Испанскихъ; такъ какъ нелѣпо предполагать, что Славянинъ Габибъ, прибывъ въ Испанію молодымъ человѣкомъ, выучился по-Арабски и занялся сочиненіемъ записокъ о своемъ отечествѣ. Вѣдь Габибъ жилъ въ XI в. Заставить его заняться такимъ трудомъ могла только одна привязанность къ его народности. Чѣмъ сильнѣе она была въ немъ, тѣмъ можетъ быть понятнѣе въ немъ намѣреніе взяться за такой трудъ, но за то тѣмъ труднѣе предполагать въ такомъ человѣкѣ, такъ крѣпко привязанномъ къ своему народу, малѣйшее желаніе учиться языку Арабскому. Слѣдовательно надо непремѣнно согласиться, что Славянинъ Габибъ или родился уже въ Испаніи, или попалъ въ нее юношею или ребенкомъ. отъ чего и успѣлъ выучиться отлично по-Арабски, а своего роднаго языка не позабылъ только потому, что жилъ среди своихъ земляковъ, въ коихъ сознаніе своего Славянскаго происхожденія было развито чрезвычайно сильно, которые не забывали своей родной рѣчи и говорили на ней между собою. Отъ того-то и могъ изъ среды ихъ выйти свой историкъ.

вянъ къ Пиринейскому полуострову, нельзя пройти молчаніемъ двухъ вопросовъ, занимающихъ извѣстное мѣсто въ исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи.

Отлагая до другаго времени приведеніе подробныхъ доказательствъ въ пользу того положенія, что въ слѣдствіе непрерывныхъ и давнишнихъ связей Славянъ съ Датчанами, въ походахъ Норманновъ, и преимущественно Датчанъ, на нынѣшнюю Францію участвовали и Славяне, которые за одно съ Датчанами видѣли во Франкахъ главнѣйшихъ и опаснѣйшихъ враговъ своихъ и потому не могли не пользоваться удобнымъ случаемъ всячески вредить и мстить имъ. Однимъ словомъ Славяне не могли не желать вступать въ разбойничьи шайки Датчанъ, а тѣ въ свою очередь не могли имѣть ни малѣйшаго желанія имъ отказывать, такъ какъ *воровская, бродяжная жизнь*, открывая полный просторъ личности, болѣе способна развивать извѣстное чувство космополитизма, чѣмъ чувство національности, доходящее иногда до какой-то фанатической исключительности въ домосѣдахъ, живущихъ въ глуши и вообще разобщенныхъ съ иностранцами. Притомъ нельзя забывать, что Славянъ съ Датчанами въ ненависти къ Франкамъ соединяло одно чувство вражды къ новой вѣрѣ, христіанству [1]. Наконецъ мы знаемъ, что Датчане ходили съ Лютичами на всегда враждовавшихъ съ послѣдними Бодричей, [2] которые льнули больше къ Франкамъ, тогда какъ Лютичи отличались своею ненавистью къ нимъ.

Отважные, воинственные и на сушѣ и на морѣ, [3] Лютичи непремѣнно должны были принимать участіе въ походахъ Дат-

1. О походахъ Датчанъ на Францію см. Zeuss: Die Deutschen u. die Nachbarstamme. Munchen. 1837. Ss. 533—536.

2. Въ 808 г. князь Датскій Годофридъ ходилъ на Бодричеи. «Erant cum Godofrido in expeditione praedicta Sclavi qui dicuntur Wiltzi, qui propter antiquas inimicitias quas cum Abodritis habere solebant, sponte se copiis ejus conjunxerunt, ipsoque in regnum suum revertente, cum praeda quam in Abodritis capere potuerunt et ipsi domum regressi sunt». Einh. Ann. Pertz, I, 195. Франки называли Бодричеи *своими:* congregati sunt Sclavi *nostri*, qui dicuntur Abodriti. Chr. Moiss. 798 ann. Pertz, I, 303.

3. Эгингардъ говоритъ о Лютичахъ подъ 789 г.. Natio quaedam Sclavenorum est in Germania, sedens super litus oceani, quae propria lingua Welatabi, francica autem Wiltzi vocatur. Ea Francis semper inimica et victmos suos qui Francis vel sub-

чанъ, Норманновъ на Францію. Еще въ XI в. ходили они съ Датчанами на Англію,[1] въ IX в. на Бодричей. Отчего же имъ было не ходить и на Францію? тѣмъ болѣе, что и въ разныхъ по видимому дѣйствіяхъ Датчанъ и Славянъ нельзя не усмотрѣть какой-то связи, заставляющей предполагать извѣстную стачку между ними[2].

---

jecti vel foederati erant, odio insectari, belloque premere ac lacessire solebat. Cujus instantiam rex longius sibi non ferendam ratus bello eam adgredi statuit. Pertz, I, 175 3. Gens illa, quamvis bellicosa et in sua numerositate confidens. ibid. Germania... gentibus incolitur quam plurimis, ferocissimis... inter quas una ceteris crudelior.... gens Leuticorum barbara, omni crudelitate ferocior. (Глаберъ Род.).

1. Leutetia quoque pro Anglicis opibus auxiliares turmas mittebat. In ea populosissima natio consistebat, quae gentilitatis adhuc errore detenta verum Deum nesciebat.... Haec gens terra marique proeliari perita erat. Order. Vit. Utic. Mon. Eccl. Hist. l. IV. (у Дюшена Hist. Norm. Scr. ant.).

2. Prud. Trecens. Ann. 839 г. Descriptis itaque atque destinatis, qui secum Baioariam, si necessitas compelleret, quique cum filio suo Carolo Cavallonem contra motus Aquitanicos, quibus cum Pippino, Pippini filio, quidam Aquitanorum nuper ab imperatore defecerant, compescendos, etiam *cum Saxonibus adversus Danorum Sclavorumque qui ferebantur incursus occurrerent*, ipse in Cruciniaco castro sese venationibus alacriter exercendo, missorum in Baioariam directorum reditum statuit operiri. Pertz, I, 435. Id. 855 г. Roric et Godefridus nequaquam arridentibus sibi successibus Dorestado se continent, et parte maxima Fresiae potiuntur. Hludowicus, rex Germanorum, crebris Slavorum defectionibus agitur. Pertz, I, 449. Id. 856 г. Piratae Danorum 14 Kal. Mart civitatem Aurelianis adeunt, praedantur et impune revertuntur. Comites pene omnes ex regno Karli cum Aquitanis adversus eum conjurant, invitantes Hludovicum, regem Germanorum, ad suum consilium perficiendum quo diutius in expeditione Sclavorum detento, ubi et magnam partem sui exercitus amisit, isti moras illius non ferentes, Karlo regi reconciliantur. Pertz, I, 449—450. См. также Depping. Hist. des expéd. mart. des Normands, et de leur établissement en France au dixième siècle. Paris. MDCCCXXVI. La flotte qui était sortie du Nord contre la Frise se composait, suivant les historiens, de Danois, de Norvégiens et *même d'Obotrites*. (I, 162). Les vainqueurs allèrent porter ensuite la terreur dans d'autres pays. Peut-être est-ce la même troupe qui, à la fin de l'année, se porta sur Paris, et que l'on disait composée de gens de diverses nations (I, 163). Если ходили съ Датчанами Бодричи, которые у Франковъ назывались *нашими* (nostri), то подавно должны были ходить непримиримые враги Франковъ, Лютичи. Мнѣ пріятно напомнить здѣсь читателю, что уже Шафарикъ считалъ необходимымъ представить предположеніе объ участіи Лютичей въ походахъ Датчанъ на Францію. Мы указали уже на слова Деппинга о Бодричахъ; и они вѣдь не всегда льнули къ Франкамъ, а дружили тоже съ Датчанами; такъ Эгингардъ говоритъ подъ 821 г.. De

Въ к. XII и въ нач. XIII в. мы находимъ во Франціи Нормана, носящаго имя, не объяснимое по Нѣмецки и чисто звучащее по Славянски. Имя это *Волкашинъ* или *Вулкашинъ:* 1) Ne *Vulcasino* Normanno ita erit; 2) Totum residuum *Vulcasini* domino regi Franciae remanebit (Dusch. Script.. p. 1055. Charta pacis factae inter Regem Franciae et Regem Angliae Joannem anno MCC) 3) in perpetuum dimittimus et quittamus Gisortium et Neelpham et *Volcassinum* Normannum. (Charta de pace Exolduni inter duos Reges, anno MCXCV).

Въ одной договорной грамотѣ Тріеста 1202 г. въ ряду многихъ другихъ Славянскихъ именъ, читаемъ: *D. Boccassinus*; изъ другихъ въ ней именъ указываемъ на слѣд.—Lo. de *Budina.*— *Jubanus. — Maliez. — Wocina. — Jo. Sclavo. —Bor. Wolziza. — Valter Sclavo. Stanco Crabre.—Stoianus Sclavo.—Peruinus.—Miro.* Pactum Tergestinae civit. 1202 Tafel u. Thomas I, 386 sqq.).

---

parte Danorum omnia quieta eo anno fuerunt et Haerioldus a filiis Godofridi in societatem regni receptus quae res tranquillum inter ejus hujus temporis statum fecisse putatur *Sed quia Ceadragus, Abodritorum princeps perfidiae et cujusdam cum filiis Godofridi factae societatis notabatur*, Sclaomir, aemulus ejus, in patriam remittitur, qui cum in Saxoniam venisset, aegritudine decubuit, perceptoque baptismi sacramento, defunctus est. Pertz, I, 208. Нельзя также не замѣтить, что и другія вѣтви Славянъ Балтійскихъ могли ходить съ Датчанами. Вспомните слова Адама Бременскаго: Multae sunt insulae in hoc sinu, quas Dani et Sueones omnes habent in sua ditione, aliquas etiam Slavi tenent. Illarum autem insularum, quae Slavis adjacent, insigniores accepimus tres. Quarum prima Fembre vocatur. Altra est contra Wilzos posita, quam Rani vel Runi possident, fortissima Slavorum gens, extra quorum sententiam de publicis rebus nihil agi lex est, ita illi metuuntur propter familiaritatem deorum vel potius daemonum, quos majori cultu ceteris venerantur. Ambae igitur hae insulae piratis et cruentissimis latronibus plenae sunt, qui et nemini parcunt ex transeuntibus. Срвн также Ширна· Om den slaviska Oprindelse til nogle Stedsnavne paa de danske Smaaøer. (Historiske Studier af Frederik Schiern. Kjobenhavn. 1857. II, 440 и сл). Были поселенія Славянскія и на другихъ островахъ, что впрочемъ видно уже и изъ словъ Адама Бременскаго (Illarum autem insularum, quae Slavis adjacent, *insigniores accepimus tres*); значитъ, были и меньшіе, не столь значительные. Славяне говорили Датчанамъ: «Fines vestri, armis et exercitibus nostris miserabiliter obtriti, situ marcidi culturaeque inopes jacent; nostrarum diffusio partium vix alendae, quam genuit, multitudini sufficit». (Sax. Gram. l. XIV. p. 756). Были поселенія Славянскія на островѣ Зеландіи Sialandia ab ortu et meridie marcida situ vastitate torpebat. Siquidem agrestium inops patriae loco praedonibus fuit. (Sax. Gram. l. XIV. p. 706). Ширнъ весьма основательно предполо-

Если какъ Лютичи, такъ и другіе Славяне, могли и даже лучше не могли не ходить съ Датчанами на Францію, то точно также они могли ходить съ ними и въ Испанію. Первое нападеніе Норманновъ на Испанію случилось въ 827 г. (см. Depping I, 111; 134—5; 164—5; 185—6; 180 etc.).

Арабы называли ихъ *Маджу* (Majus), т. е. огнепоклонниками, нечестивыми, погаными, какое названіе давалось ими язычникамъ, всѣмъ не мусульманамъ и не христіанамъ.

Изъ аль-Макари узнаемъ, что набѣги и наѣзды Норманновъ на Испанію продолжались почти до 1145—6 г., времени, когда въ Кадиксѣ была разрушена одна башня, служившая чѣмъ-то въ родѣ маяка для этихъ нечестивыхъ. Аль-Макари, или лучше, цитуемый имъ Арабскій авторъ, жившій въ XII в., говоритъ: «Нѣкогда ходили по океану большія суда, извѣстныя у Андалузцевъ подъ именемъ *каракиръ*, съ четыреугольнымъ парусомъ

гаетъ, что епископъ Абсалонъ въ походы свои на Руянъ и Поморянъ нанималъ дружины у этихъ Славянскихъ поселенцевъ на островахъ Датскихъ; приводитъ примѣры того, что многіе Датчане умѣли говорить по-Славянски, вѣроятно выучиваясь по-Славянски отъ этихъ поселенцевъ. Такъ Guthscalcus, qui et ipse Sclavis, tum ob linguae eorum peritiam, tum ob paternae amicitiae favorem ac proprii convictus assuetudinem, perfamiliaris habebatur (Sax. Gram. l. XIV, p. 814). Placuit Nicolaum Falstricum, quod Slavicae gentis linguam calleret, explorandi hostium successus gratiam ad Jarimarum dimitti (Sax. Gram. l. XVI. p. 973). Островъ Лоландъ, отстоящій отъ Славянскаго острова Фемерна почти на 3 мили, имѣлъ также поселенія Славянскія — Quum Laland interius vadat ad confinia Sclavorum (Ад. Брем.) Саксонъ Грамм. говоритъ, что было время, когда островъ Лоландъ платилъ дань князьямъ Славянскимъ. Когда Вальдемаръ и Абсалонъ отправлялись въ походъ на Славянъ, то Лоландцы всегда получали приказаніе отплывать уже по отплытіи флота Датскаго — ne, longa praescientia edocti, furtim ad Sclavos imperatae rei indicia deferrent (Sax. Gramm. l. XIV, p. 741). Мѣстныя названія подтверждаютъ бытность Славянскихъ поселеній не только на островѣ Лоландѣ, но и на островахъ Лангеландѣ и Фальстерѣ. Вообще нѣтъ никакой возможности отрицать участіе Славянъ въ походахъ Норманновъ, Датчанъ. Императорско-папская Европа въ X в главнѣйшихъ враговъ своихъ имѣла, кромѣ Сарацынъ, въ Мадьярахъ, Датчанахъ и Славянахъ: Hinc etenim saeva Danorum gens terra marique potens, inde centifida Sclavorum rabies barbarorum frendens inhorruit; Ungrorum nihilominus insecuta crudelitas (Руоттеръ: Жизнь Брунона, ок. 966—967 г.). Точно такъ же участвовали въ походахъ Угровъ на Германію и Италію и Славяне. Объ этомъ въ иномъ мѣстѣ, а теперь позволяю себѣ указать на замѣчательную статью г. Елагина. «Мѣсто Вендовъ среди народовъ Европы». (Русск. Бес. 1858. № 1. С. 117 и сл.).

на кормѣ и съ такимъ же на носу; на нихъ разъѣзжали Маджу (Majús), народъ весьма сильный, рѣшительный и ловкій въ мореплаваніи (people of great strength, determination and much practice in navigation). Приставъ къ берегу, они все опустошали огнемъ и мечемъ и совершали неслыханныя злодѣйства (committed unheard-of ravages and cruelties), такъ что при ихъ приближеніи жители съ своими вещами бѣжали въ горы и весь берегъ пустѣлъ. Наѣзды этихъ варваровъ бывали періодическіе: они происходили каждыя шесть или семь лѣтъ; число ихъ кораблей не бывало меньше сорока, а иногда доходило до сотни; они истребляли все, что ни встрѣчали на морѣ. Башня, мною описанная, была имъ извѣстна и по указываемому ею направленію во всякое время они легко проникали въ проливъ, входили въ Средиземное море, опустошали берега Андалузіи и сосѣдніе ей острова, простирая иногда свои опустошенія до береговъ Сиріи. Когда же идолъ былъ низверженъ въ 1145—6 г., то болѣе уже ничего не стало слышно объ этомъ народѣ и уже не было видно ихъ *каракиръ* въ этихъ моряхъ, за исключеніемъ двухъ, потерпѣвшихъ крушеніе на этомъ берегу, одного въ *Мерсу-ль-Маджу* (Mersu-l-Majús—портъ Маджу) и другаго у мыса *аль-Агар* (Al-Aghar).—(Gayang. I, 78 etc.).

У аль-Макари находится болѣе подробное описаніе этихъ походовъ. Такъ у него читаемъ: «Во дни Абдуррахмана Маджу появились на берегахъ Андалузіи и овладѣли Севильею. Абдуррахманъ посылаетъ противъ нихъ войско изъ Кордовы. они оставляютъ свои корабли и вступаютъ въ бой съ мусульманами, которыхъ и разбили (after severe contest); но по прибытіи новыхъ подкрѣпленій изъ Кордовы, мусульмане снова напали на нихъ, обратили ихъ въ бѣгство, ограбили и сожгли нѣсколько кораблей. Послѣ того Маджу пошли къ Шидунѣ (Сидонія), гдѣ они оставались два дня, грабивъ окрестности; но услыхавъ, что флотъ Абдуррахмановъ подошелъ къ Севильѣ, они снова удалились на свои корабли и пристали къ берегу (Niebla), который прошли они, уводя въ плѣнъ жителей. Отсюда пошли они сухимъ путемъ къ Бейѣ и наконецъ къ Лиссабону, откуда они и пустились обратно въ море. Болѣе о нихъ ничего не было слышно. Это происходило въ 230 г. (въ сент

844 г.) и Андалузія избавилась отъ ихъ грабежей. Абдуррахманъ посѣтилъ ихъ мѣстности, гдѣ они побывали, возобновилъ разоренное и усиленіемъ гарнизоновъ обезпечилъ страну отъ будущихъ нападеній этихъ впрваровъ». (Gayang. II, 116)[1].

Ан-Нуваири сообщаетъ объ этомъ наѣздѣ гораздо болѣе подробностей: «Въ 330 г. изъ отдаленныхъ округовъ они пошли на земли мусульманскія. Прежде всего они появились у Лиссабона въ 229 г. (авг. или сент. 884 г.). Пробывши въ этомъ городѣ около тринадцати дней, въ теченіи которыхъ у нихъ было

1. О плаваніяхъ Норманновъ, Датчанъ въ Средиземномъ морѣ говоритъ также Себастіанъ епископъ Саламанкскій (Sandoval. Historias. Pamplona. 1634. p. 55) Normanni piratae his temporibus ad nostra litora pervenerunt. Deinde Hispaniam porrexerunt, omnem ejus maritimam gladio igneque praedando dissipaverunt. Deinde mari transvecti Nacchor civitatem Mauritaniae invaserunt, ibique multitudinem Caldeorum interfecerunt. Deinde Majoricam, Formenteram et Minoricam insulas adgressi gladio depopulaverunt. Post Graeciam advecti, post triennium in patriam sunt reversi. (Zeuss. l. l. S. 532). Около того же времени говорятъ Берт. Лѣт. Dani qui in Rhodano fuerant, Italiam petunt et Pisas civitatem aliasque capiunt, depraedantur atque devastant (ibid.). — Въ своемъ описаніи Африки Абу-Обендъ-Иллахъ-аль-Бекри передаетъ одинъ любопытный разсказъ о Мадж). Вотъ его слова, въ переводѣ Катрмера: «Asilah est la première ville de l'Adwah (la Mauritanie) dont elle occupe la partie occidentale; elle est située dans une plaine et entourée de petites collines; la mer la baigne à l'occident et au nord... La ville est de construction récente et doit sa fondation à l'événement que nous allons rapporter. Les Madjous (знаменитыи переводчикъ ставитъ въ скобкахъ — les Normands) attaquèrent deux fois le port. La première fois qu'ils s'y présentèrent en armes, ils prétendirent avoir dépose dans la ville de riches trésors. Les Berbers s'étant réunis pour les combattre, les Madjous leur dirent: «Nous ne sommes pas venu pour vous faire la guerre; mais ce lieu recèle des richesses qui nous appartiennent; placez vous à l'écart; afin que nous puissions les retirer et nous nous engageons à partager avec nous». Les Berbers acceptèrent cette condition, et se tinrent à l'écart. Les Madjous se mirent à creuser un espace de terrain, en tirèrent une quantité de dokhn (millet) pourri. Les Berbers voyant la couleur jaune de ce grain, et s'imaginant que c'était de l'or, accoururent pour l'enlever. Les Madjous, effrayés, s'enfuirent vers leurs vaisseaux. Les Berbers ayant reconnu que tout leur butin consistait en millet, se repentirent de ce qu'ils venaient de faire, et invitèrent les Madjous à débarquer de nouveau pour enlever leurs richesses; mais ceux-ci refusèrent, et dirent aux Berbers. «Vous avez une fois violé vos engagements, vous n'avez plus aucun droit à notre confiance» Ils partirent aussitôt, firent voile par l'Espagne, l'an 229, sous le regne de l'imam Abd-al-rahman ben Hakam. — Pour ce qui concerne la seconde expédition de Madjous leurs vaisseaux, à leur retour de l'Espagne, furent poussés par le vent vers le port d'Asilah, et quelques uns de leurs bâtiments coulèrent à fond, à l'entrée occidentale de la rade; et de là cet endroit a pris et conserve encore aujourd'hui le nom de *porte des Madjous*». (Notices et extraits des manuscrits de la biblioth du roy. XII, 568—569).

нѣсколько стычекъ съ мусульманами, они пошли на Кайисъ (perhaps Cadiz), оттуда на Шидуна (Chidúnah), гдѣ вступили въ большое сраженіе съ мусульманами. Оттуда они направились къ Севильѣ, куда прибыли 24 сент. 844 г. и расположились въ 12 парасангахъ отъ этого города. Черезъ четыре дня (28 сент.) мусульмане выступили противъ нихъ и потерпѣли великое пораженіе. Маджу подошли ближе къ городу—расположились отъ него на разстояніе двухъ миль. Севильскіе жители снова вышли противъ нихъ и снова были разбиты съ великою потерею плѣнныхъ и убитыхъ, и мечь Маджу не останавливался ни передъ человѣкомъ. ни передъ скотомъ, пока не овладѣли они городомъ. Это послѣднее произошло 30 сент. Пробывъ въ Севильѣ цѣлыя сутки, Маджу воротились къ своимъ кораблямъ.

Между тѣмъ противъ нихъ шло войско султана. о чемъ узнавъ, Маджу вышли къ нему на встрѣчу; произошло кровопролитное сраженіе; мусульмане, собравъ все свое мужество, дрались отчаянно и погнали ихъ къ кораблямъ, положивъ на мѣстѣ семьдесять человѣкъ изъ нихъ, мусульмане позволили имъ сѣсть на суда и удалились отъ нихъ. Вскорѣ потомъ другой отрядъ войска, посланный эмиромъ Абдуррахманомъ, появился въ тѣхъ же окрестностяхъ и Маджу, покинувъ свои корабли, напали на него съ великою яростью и принудили его удалиться. Мусульмане однако воротились и вторично сразились съ ними 16-го ноября 844 г. Припасы и охотники шли къ нимъ отовсюду; Маджу потерпѣли пораженіе, потерявъ около пяти сотъ человѣкъ и четыре своихъ корабля, которые сожгли они, вынувъ изъ нихъ все цѣнное.

Маджу пошли потомъ на Leslah (?) и взяли Shineba (?). Они пристали къ острову, близко Кадикса, гдѣ и стали дѣлить свою добычу; въ это время мусульмане спустились рѣкою и убили двоихъ изъ нихъ. Отсюда Маджу пошли къ Шидунѣ: но услыхавъ, что флотъ Абдуррахмановъ прибылъ къ Севильѣ, они пошли на Либлю (Liblah-Niebla) которую взяли и разорили, затѣмъ къ Оксунобѣ (Oksunobah-Ossonobah), къ Бейѣ и наконецъ къ Лиссабону. То было послѣднимъ мѣстомъ, гдѣ они производили свои грабежи, потому что отъ туда отплыли и ничего нѣсколько времени не было слышно о нихъ». (II, 431—2).

Какъ изъ ихъ подвиговъ, такъ и изъ числа убитыхъ едва ли не болѣе 500 человѣкъ (70, 2, около 500, а о другихъ случаяхъ конечно еще умолчано) непремѣнно заключать надо, что число всѣхъ этихъ Маджу, грабившихъ Андалузію въ 844 г., несравненно превосходило тысячу человѣкъ[1].

У аль-Макари сохраненъ разсказъ о другомъ ихъ походѣ въ X в. «Въ нач. 964 г. (354 г.) корабли Маджу появились у береговъ океана. Высадившись у Лиссабона, они стали опустошать окрестную страну, но жители взялись за оружіе, сразились съ ними и заставили ихъ удалиться къ своимъ кораблямъ. Едва только разнеслась вѣсть объ ихъ высадкѣ, какъ аль-Гакемъ лично явился въ эти округи и позаботился о защитѣ берега, приказавъ своему адмиралу Ромагису снарядить флотъ и напасть на нихъ: но это было уже излишне, такъ какъ пришло извѣстіе, что они вездѣ были разбиты жителями и отплыли съ поспѣшностью и въ великомъ замѣшательствѣ» (II, 159).

На вопросъ въ числѣ этихъ Маджу, этихъ поганыхъ и нечестивыхъ, часто, почти періодически нападавшихъ на Испанію въ IX—XII в., не бывали ли и Славяне, именно Балтійскіе? на вопросъ этотъ не рѣшаемся отвѣчать отрицательно.—Любопытно, что Маджу пристаютъ обыкновенно къ Лиссабону, неподалеку отъ котораго, подлѣ Сантарема, находилось Славянское поселеніе, какъ то кажется слѣдуетъ заключать изъ словъ Якута.

Почтенный академикъ Куникъ, которому тоже представился было этотъ вопросъ, едва ли не слишкомъ поспѣшно отвѣчалъ на него отрицательно (См. Beruf d. Schwed. Rodzen S. 306 Ac.).

Замѣтимъ, что названіе Маджу могло быть даваемо и Балтійскимъ Славянамъ, такъ какъ этимъ именемъ назывались у

1. Массуди въ Золотыхъ Лугахъ именно замѣчаетъ: «A short time to the beginning of the fourth century of the Hyrah, *ships landed in Spain which had thousands of men on board....*» (Moroudj-al-dzeheb. El-Mas'udi's Historic. Encyclop... Al. Sprenger. London. MDCCCXLI. I, 373). У Френа: «noch vor dem Jahre des H. 300 waren in Spanien Seeschiffe gelandet mit Tausenden von Menschen angefullt... (Ibn-Fossl. Ber. S. 137. См. также Géogr. d'Aboul-féda trad. de l'arabe en français et accomp de notes et d'eclaircissements par M. Reinaud. Paris. MDCCCXLVIII. p. CCXCVIII et suiv.).

Арабовъ на одни Скандинавы, Норманны, но вообще всѣ немусульмане и не-христіане, а язычники[1].

Тѣсныя связи Славянъ Балтійскихъ съ Датчанами, войны Славянъ съ Франками, плѣнники и заложники Славянскіе во Франціи, посольства Славянъ къ Карлу Великому и его преем-

1. Такъ назывались Маджу-Берберы, непринявшіе исламизма (Reinaud Inv. des Sar. p. 244); такъ Массуди говоритъ про одинъ народъ Кавказскій (Kashak): «They are a great nation and follow the *Magian religion*» (Sprenger I, 436); такъ въ Книгѣ Чудесъ Ибрагима Весифъ Шаха († 1228 г.) сказано про Славянъ: «Quant aux Slaves, ils se composent d'une multitude de peuplades. Les uns sont Chrétiens; d'autres professent le *Paganisme* (ou *Magisme*) et adorent le soleil.... La plupart de leurs tribus sont *Parsiennes* (*Mages*), et ils se brulent eux-mêmes» (Charmoy. Relat. de Mass. p. 326); такъ аль Макари, сказавъ о Вандалахъ (Andalush), какъ о первобытныхъ и коренныхъ жителяхъ Испаніи, называетъ ихъ *Маджу* (Majús). (Gayang. I. 23). Аль-Истахри (ок. 950 г.). Sie reden drei Sprachen, die Parsi, welches alle reden und dessen sie sich in ihren Briefen und Schriften bedienen, die unter ihnen wohnenden *Magier* bedienen sich des Pehlvi in ihren Schriften». (Mórdtmann. Das Buch der Lander. Hamburg. 1845. S. 70). «Mokan enthalt viele Dorfer, die von *Magiern* bewohnt sind» (ib. S. 89) Аль-Макари, разсказавъ о посольствахъ къ Абдуррахману III отъ императоровъ Греческаго и Германскаго, королеи Франковъ и *Славянъ*, приводитъ вслѣдъ за тѣмъ (на слѣдующей же страницѣ) слова Ибнъ-Гаіяна: «Всякій народъ, слышавшій о немъ (Абдуррахманѣ), посылалъ къ нему пословъ. Государи Грековъ, Франковъ и *Маджу* всѣ присылали пословъ къ его двору.» (Gayang. II, 140). Кого разумѣть здѣсь надо подъ именемъ государя *Манджу?* Основательно ли поступилъ Гаянгосъ, поставивъ при семъ въ скобкахъ. Northmen? Конечно нѣтъ. Ни аль-Макари, ни Ибнъ-Халдунъ, ни Хаздаи и пр. не говорятъ ни слова о посольствѣ Норманскомъ и въ то же время единогласно свидѣтельствуютъ о посольствѣ Славянскомъ. Слѣдовательно здѣсь подъ *Маджу* надо разумѣть тѣхъ Славянъ, что присылали посольство къ Абдуррахману III. У аль-Макари переданъ любопытный разсказъ объ одномъ аль-Гаццалѣ, бывшемъ посломъ у Греческаго императора Ѳеофила въ 839 г. «Abu-l-khattab Ibn-Dihyah relates, in his work entitled *Al-muttrib*, that he was also sent (on an embassy) to the land of the *Majús*. Al-Ghazzal was then very near his fifteth year; but, though his hair was gray, he had still all the appearance of youth and strength. *The queen, whose name was Túda*, having asked him one day what his age was, he asked in jest-twenty». (Gayang. II, 115). Гаянгосъ при словахъ: *land of the Majús* дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «The Arabes give the name of Majús *indifferently* to all the nations inhabiting the northern parts of Europe». (Gayang. II, 431). — Туда, Тьюда могла быть какою нибудь Теоделиндою, могла ею и не быть; могла же быть какою нибудь *Другою* или другою какою, т. е. вообще Славянкою, а не Нѣмкою; ибо гораздо правдоподобнѣе предположить, что скорѣе аль Гаццаль былъ у какихъ нибудь Славянъ, чѣмъ у Датчанъ или Скандинавовъ (въ IX в.), съ которыми Арабы не вели никакихъ переговоровъ и въ позднѣйшія времена, тогда какъ положительно извѣстно, что въ X в. существовали взаимныя связи между Славянами и Арабами Испанскими.

никамъ, набѣги Сарацынъ на Францію, ихъ посольства къ Карлу и его преемникамъ, ихъ войны съ ними — такъ или иначе должны были ознакомить Славянъ Балтійскихъ съ Арабами Испанскими, хотя по слухамъ; если же вспомнимъ о бытности Славянъ въ Испаніи въ IX — XI в. и объ ихъ значеніи въ этой странѣ, то легко согласимся, что Славяне Балтійскіе могли знать Арабовъ и ихъ Испанію — и не по однимъ слухамъ. — Молва о грозныхъ Сарацынахъ, ненавистныхъ Франкамъ, не могла не доходить до Славянъ.

Природная удаль и отвага, привычка къ морю, не говоря уже о простомъ желаніи поглядѣть страну, гдѣ были ихъ соплеменники и даже земляки, — уже одни могли Славянамъ внушить охоту ходить въ Испанію, а примѣръ Датчанъ, съ которыми они по всей вѣроятности не однажды ходили на Францію, — точно также, какъ и собственныя свои суда весьма облегчали Славянамъ набѣги ихъ на Испанію.

Г. Куника привело кажется къ отрицательному отвѣту то главнѣйше соображеніе его, что въ IX — XI в. стремленіе Славянъ и Норманновъ были совершенно противоположныя (slawisches und normannisches Treiben); присемъ же онъ вкратцѣ указалъ на значеніе Славянъ въ мусульманской Испаніи.

Нельзя умолчать, что замѣчаніе о томъ, будто бы движенія Норманновъ и Славянъ въ IX—XI в. были совершенно противуположныя, — не отличается большою справедливостью, ибо какъ то мы видѣли, уже выше, тѣсныя связи Славянъ съ Датчанами были давнишнія и скрѣплялись непримиримою враждою тѣхъ и другихъ къ Франкамъ и ихъ политикѣ.

Наконецъ изъ того, что одни Славяне были мусульманами, занимали важныя должности и даже бывали государями (въ XI в.) въ мусульманской Испаніи, едва ли слѣдуетъ, что другимъ Славянамъ невозможно было нападать на Испанію вмѣстѣ съ Датчанами, если не отдѣльно. Извѣстно, что если Славяне Балтійскіе и попадали мирно въ Испанію, то вовсе не добровольно, а какъ рабы и военно-плѣнные Франковъ; очень можетъ быть, что иные изъ нихъ желали даже попасть въ Испанію, чтобы скорѣе освободиться отъ Франковъ. Понятно кажется, что такія желанія не заслуживаютъ названія движенія, направленія. Добровольно же

въ Испанію стремились Славяне не Балтійскіе, но сѣверо-западные и южные, у которыхъ вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ давно завязались съ Арабами тѣсныя связи. Извѣстно, что императоръ Юстиніанъ былъ природный Славянинъ, въ VI в. и позже многіе Славяне занимаютъ въ Восточной имперіи важныя должности, что однако вовсе не мѣшаетъ прочимъ Славянамъ, ихъ же землякамъ, нападать на имперію, грабить и разорять ее.

Внутри одного и того же народа и подавно цѣлаго обширнаго племени, особенно въ тогдашнія времена, легко образовывались противуположныя движенія и направленія. Такъ движеніе Бодричей, постоянно льнувшихъ къ Франкамъ, совершенно было противуположно движенію Лютичей, возставшихъ противъ Франковъ и тѣснившихъ Бодричей.

Замѣчательнѣйшій писатель Арабскій XI в., никогда не выѣзжавшій изъ Испаніи, говорилъ про Славянъ, что то «народъ буйный, сильный и могущественный. Если бы они не были раздѣлены на великое число поколѣній и народцевъ, то ни одинъ народъ въ мірѣ не могъ бы имъ противустоять».

Нѣтъ сомнѣнія, аль-Бекри при этихъ словахъ разумѣлъ не внѣшнее дѣленіе Славянъ, въ слѣдствіе котораго разные народы носили разныя названія, а раздѣленіе внутреннее, ихъ взаимныя распри и усобицы (этихъ незаконныхъ дѣтей свободы, по удачному выраженію Палацкаго), мѣшавшія имъ дѣйствовать совокупно противъ общихъ враговъ. И такъ аль Бекри говоритъ собственно: «если бы Славяне отличались внутреннимъ согласіемъ и единодушіемъ, то ни одинъ народъ въ мірѣ не могъ бы имъ противустоять». Очевидно, онъ не исключаетъ и самихъ Арабовъ. Какимъ же образомъ такой умный писатель и осторожный критикъ, какъ аль-Бекри, никогда не выѣзжавшій изъ Испаніи, рѣшился утверждать, что и Арабы (Испанскіе) были бы не въ силахъ противиться Славянамъ, если бы они отличались большимъ единодушіемъ? Значитъ, бывали случаи, когда Арабы, и именно Испанскіе, могли на себѣ испытать силы Славянъ, этого «буйнаго, сильнаго и могущественнаго народа» (nation redoutable, puissante et impétueuse).

«Но почему же источники не говорятъ о Славянахъ, а упоминаютъ объ однихъ Датчанахъ или Норманнахъ? Многія име-

на вождей, нападавшихъ на Францію, намъ извѣстны. Они Нѣмецкія». Zeuss. l. l. S. 533 ff.).

Но источники Нѣмецкіе могли разумѣть подъ Датчанами и Славянъ, жившихъ напр. на островахъ Датскихъ, точно также, какъ для Французовъ и Славяне Балтійскіе могли быть сѣверными людьми. Имена собственныя еще ничего не доказываютъ, такъ какъ предположивъ участіе Славянъ въ шайкахъ Датчанъ, Норманновъ, непремѣнно надо допустить, что вожди ихъ носили двойныя имена, какъ Славянскія, такъ и Нѣмецкія. Лѣтописцамъ Нѣмецкимъ, записавшимъ ихъ имена, конечно легче было переда̀вать имена Нѣмецкія, нежели Славянскія.

«Аль-Макари и другіе Арабскіе писатели знали Славянъ подъ именемъ *Сиклабъ*, *Сакалиба* и потому не стали бы называть именемъ Маджу нападавшихъ на Испанію въ IX—XII в. морскихъ разбойниковъ, если бы они дѣйствительно были Славяне».

Но названіе Маджу — поганыхъ, нечестивыхъ было даваемо не только Норманнамъ, но и всѣмъ другимъ народамъ, жившимъ въ язычествѣ, въ томъ числѣ и Славянамъ. Оно очень хорошо могло идти именно къ Балтійскимъ Славянамъ, Лютичамъ и другимъ, долго остававшимся въ язычествѣ, и нападавшимъ напр. за одно съ Датчанами на Испанію; смѣшанный же составъ этихъ морскихъ дружинъ не позволялъ называть ихъ Славя̀нами-*Сакалиба*.

Въ слѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній не могу въ настоящее время позволить себѣ отвѣта отрицательнаго на вопросъ: въ числѣ Маджу, періодически нападавшихъ на Испанію въ теченіи X—XII в., не бывали ли и Славяне, именно Балтійскіе, особенно же Лютичи и поселенцы Славянскіе на островахъ Датскихъ?

Весьма понятно, что вопросъ этотъ, занимая извѣстное мѣсто въ исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи, находится въ тѣсной связи съ другими вопросами напр. о степени предпріимчивости и удальства Славянъ Балтійскихъ, объ ихъ морскихъ силахъ, о давности и дружественности сношеній ихъ съ Датчанами, вопросами, весьма важными для исторіи отношеній Славянъ Балтійскихъ не только къ Даніи, но и къ Англіи и къ Славянамъ Русскимъ.

Исторія отношеній Славянъ къ Испаніи, не маловажная

органическая часть общей исторіи міра Славянскаго, кажется начинается не съ господства Арабовъ въ Испаніи, съ которыми проникли въ нее Славяне и тѣмъ завязали сношенія своихъ соплеменниковъ съ этою страною.—Разумѣю здѣсь уже выше изложенное у меня мнѣніе Шафарика о Славянской стихіи въ Вандалахъ. И здѣсь нельзя не замѣтить, что исторія Славянъ въ Испаніи наводитъ на необходимость тщательныхъ и подробныхъ изысканій о Вандалахъ, о судьбахъ ихъ въ Испаніи и въ Африкѣ. Если же согласно Шафарику придется признать въ нихъ стихію Славянскую, то неизбѣжно явится вопросъ: эти два періода исторіи Славянъ въ Испаніи — Вандальскій и Арабскій находятся ли въ какой нибудь взаимной связи? иными словами, Славяне, пришедшіе съ Арабами въ Африку и въ Испанію, не нашли ли въ части Вандаловъ, оставшихся въ Испаніи, своихъ соплеменниковъ и тѣмъ взаимно не усилили ли возможности сохраненія своей народности и на будущее время? Знали ли Славяне Испанскіе въ періодъ Арабскій о томъ, что и задолго до нихъ, въ Испаніи, въ періодъ Вандальскій, жили Славяне, ихъ соплеменники?

XI. Если справедливо, что Славяне попадали въ мусульманскую Испанію не только черезъ Пиринеи, изъ рукъ Франковъ, рабами и военноплѣнными, но и въ качествѣ охочихъ, вольныхъ, гуляшихъ людей, то безспорно, что эти послѣдніе преимущественно были изъ Славянъ Адріатическихъ, о тѣсныхъ и постоянныхъ сношеніяхъ которыхъ съ Арабами въ Сициліи, въ Африкѣ мы имѣли уже случай говорить въ статьѣ о Славянахъ въ Африкѣ.

Если справедливо, что сношенія Славянъ съ Испанскими Арабами, о которыхъ мы знаемъ изъ свидѣтельствъ Массуди, Ибнъ-Хаукала, Ибнъ-Гайяна и Ебнъ-Спрота Хаздая, именно потому и завязались, что въ Испаніи мусульманской жило много Славянъ, сохранявшихъ долго свою народность,—то непремѣнно надо утверждать, что кромѣ Русскихъ и Карпатскихъ Славянъ съ мусульманскою Испаніею въ періодъ X — XI в., когда Славяне играютъ въ ней весьма немаловажную роль, находились въ общеніи и другіе народы Славянскіе, напр. Дубровничане и

другіе Далматинцы [1], высылавшіе изъ своей среды охочихъ, вольныхъ и гуляющихъ людей на службу къ Арабамъ не только въ Сицилію и Африку, но и въ Испанію.

Если припомнимъ силу и значеніе Арабовъ въ Средиземномъ морѣ, состояніе Альмеріи, гдѣ въ XI в. одинъ за другимъ царствовали два брата Славянина, то мы смѣло рѣшимся утверждать, что въ исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи существуетъ тѣсная, взаимная связь втораго періода (если принимать согласно съ Шафарикомъ бытность Славянской стихіи въ Вандалахъ)

---

1. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія утверждать, чтобы напр. и Чехи не могли ходить въ мусульманскую Испанію. Извѣстно, что въ XII в. Чехи ходили въ Испанію на поклоненіе св. Іакову Компостельскому (Palacký Dějiny nar. Česk. D I č. 1. str. 405). Теперь еще не имѣемъ никакого права утверждать 1) Чехи въ Испанію раньше XII в. не ходили, 2) Чехи ходили только въ Компостеллу и никогда не бывали въ Кордѣ и вообще въ Андалузіи; 3) Чехи X и XI в. ничего не знали о бытности Славянъ въ Испаніи, о чемъ знали Славяне Русскіе, Карпатскіе; 4) Чехи и Моравяне X и XI в. не имѣли никакихъ внутреннихъ побужденій, никакихъ внѣшнихъ средствъ для посѣщенія Испаніи. Вся основательность предъидущаго замѣчанія предстанетъ читателю, лишь только онъ вспомнитъ о тѣсныхъ сношеніяхъ Чеховъ и Моравянъ съ Германіею и Италіею въ X и XI в. и о путешествіяхъ Нѣмцевъ, Французовъ и Итальянцевъ для науки въ Андалузію. Герберъ, воспитатель Оттона III, а въ послѣдствіи папа подъ именемъ Сильвестра II, учился въ X в. въ Андалузіи. Гросвита говоритъ, что ея произведеніе «Passio S. Pelagii, prenobissimi martyris, qui nostris temporibus in Corduba martyrio est coronatus», написано по разсказамъ очевидца, что̀ указываетъ на тогдашнія сношенія Нѣмцевъ съ Андалузіею. См. Die Werke der Hrotsvitha. Herausgegeben von Dr. K. A. Barack. Nurnberg. 1858. Ss. XXIII, 63 — 77. См. Geogr d'Edrisi trad. par Am. Jaubert. Paris. MDCCCXL II, 229 — «L'église (Sant-Jago) dont il s'agit est célèbre par les pelerinages dont elle est l'objet Les chrétiens y viennent de toutes parts, et, si l'on en excepte l'église de Jérusalem, il n'en est pas de plus imposante. Elle peut même être comparée à la Comamé (de Jérusalem), sous le rapport de la beauté et de la grandeur des constructions, comme aussi sous celui des richesses qu'elle renferme, produit de liberalités et d'aumônes. On y remarque quantité de croix d'or et d'argent enrichies de pierreries telles que saphirs, emeraudes et autres. Ces croix sont au nombre de plus de trois cents, grandes et petites On y compte environ deux cents colonnes recouvertes d'ornements en or et en argent Cette église est desservie par cent prêtres, sans compter les serviteurs et les subalternes. Elle est construite en pierres et en chaux mélangees, et entourée de diverses maisons où logent les prêtres, les religieux, les diacres, et de marches où l'on vend et où l'on achète. Il existe, tant auprès que loin de l'église, des bourgs qui par leur étendue peuvent etre comparés à des villes, où l'on fait beaucoup de commerce et dont la population est immense».

съ третьимъ, который при скудныхъ теперешнихъ свѣдѣніяхъ, всего лучше начать концемъ XI и продлить до к. XV в.

Странно же было бы утверждать напр., что Дубровничане не вели сношеній съ Испаніею въ XII в., когда извѣстно, что Чехи, имѣвшіе повидимому гораздо менѣе къ тому возможности, посѣщали Испанію въ XII в. Безъ сомнѣнія, посѣщали ее Дубровничане и въ XIII в., когда ихъ флотъ и торговля чрезвычайно усилились[1], когда они вели довольно значительную торговлю съ Африкою и когда, какъ напр. въ 1283 и 1287 г., они заключили торговые договоры съ главнѣйшими портовыми городами Сициліи,—съ Сиракузою, Мессиною, Барлеттою и проч. Обѣимъ договаривающимся сторонамъ обезпечены были взаимныя права гражданства. Извѣстно также, что съ 1283 г., послѣ Сицилійскихъ вечерень, господство надъ Сициліею перешло къ дому Арагонскому; это же обстоятельство не могло не содѣйствовать расширенію связей Дубровничанъ съ Испаніею.

Подавно связи эти не ослабѣвали въ XIV в., когда сенатомъ Венеціянскимъ Дубровничанамъ дарованы были права Венеціянскихъ гражданъ, въ средѣ которыхъ всегда находилось много Славянъ[2], или когда, какъ въ 1385 г. Дубровничане заключаютъ съ Франціею торговый договоръ, которымъ выговорили себѣ большія права и преимущества. Безспорно, что сношенія Дубровника съ Испаніею были тогда уже довольно значительны[3].

---

1. Аппендини замѣчаетъ про договоръ Дубровничанъ съ Омишемъ, заключенный въ 1240 г. «un trattato curiosissimo, il quale mostra, che la marina già in quel tempo assai accreditata per tutto l'oriente ed occidente dei nostri mari» См предъидущую статью о Славянахъ въ Африкѣ.

2 См. статью Кукулевича Sakcinskago Ilirske porodice u Mletačkom Plemstvu — т. е. Славянскія фамиліи въ Венеціянскомъ дворянствѣ (Arkiv za Pověstnicu Jugoslavensku. U Zagrebu. 1851. Кн. I. Str. 38—54). Исторія отношеній Славянъ къ Венеціи и Славянская въ ней стихія, — весьма обширный отдѣлъ общей исторіи отношеній Славянъ къ Италіи, — въ настоящее время, при наступающемъ возрожденіи міра Славянскаго и Италіи, дѣла которой тѣсно и неразрывно связаны съ дѣлами Славянскими, особенно привлекаетъ наше вниманіе, требуя массы трудолюбивыхъ и даровитыхъ дѣятелей.

3. Пока исторію Дубровника мы будемъ изучать по труду Аппендини, весьма почтенному для своего времени, но нынѣ весьма недостаточному, до тѣхъ поръ мы не можемъ не прибѣгать къ наведенію и аналогіи: ибо нѣтъ сомнѣнія, что су-

Въ XV в., когда въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, которыми Дубровникъ всегда ловко умѣлъ пользоваться, вся почти Европейская торговля съ Африкою стала какъ бы исключительно его привиллегіею, въ XV в. эта умная община Славянская, этотъ Адріатическій Новгородъ достигаетъ весьма большаго значенія такъ, что по словамъ одного современника, «не было въ Европѣ такого удаленнаго угла самаго негостепріимнаго, гдѣ бы нельзя было встрѣтить купцевъ Дубровницкихъ». (Аппендини приводитъ подлинныя слова Палладія Фоско: «Hinc est quod nulla Europae pars adeo abdita est, ita advenis infesta ut in ea Rhagusanos non invenias negotiatores. Habebant annis superioribus (del 1450 in circa) cum ante Senatus Veneti decretum jure suo, quocunque vellent, navigare possent, naves amplius trecentas, quas mercibus onustas in diversas orbis partes ad questum mittebant) — Не даромъ гордились тогда Адріатическіе Славяне своимъ Дубровникомъ. Одинъ изъ лучшихъ поэтовъ своего времени, Петръ Гекторевичъ (1486 ÷ 1572 г.), уроженецъ острова Хвара (Lesina)

ществуютъ положительныя извѣстія о сношеніяхъ Дубровника съ Испаніею въ этотъ періодъ, но они еще, по крайности намъ, не извѣстны Если не для исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи, то для исторіи отношеній Испанцевъ вообще къ міру во точно-Европейскому, Греко-Славянскому, заслуживаетъ вниманія судьба нѣсколькихъ тысячъ Испанцевъ, состоявшихъ на службѣ Византійскихъ императоровъ въ XIV в. См. Lebeau. Hist. du Bas-Empire. Nouv. édit., revue entièrement, corrigée et augmentée d'après les hist. orientaux par M. de Saint-Martin et continuée par M. Brosset. Paris. MDCCCXXXV. T. XIX. Начальникомъ этой дружины былъ Рожеръ де Флоръ, вступившій на службу къ императору Андронику въ 1303 г. Его войска отправились изъ Мессины на 26 судахъ. «Le nombre des troupes embarquées sur cette flotte se montait à environ huit mille hommes de différentes nations. Il s'y trouvait des Siciliens, des Catalans, des Aragonais et des Almogavares» (pp. 2—5, 8, 14—17, 31—36, 39—56, 66—79, 89 etc.). Едва ли не желательно появленіе на Русскомъ языкѣ подробной и основательной монографіи о судьбѣ этихъ Каталонцевъ въ Византійской имперіи. О нихъ сохранены любопытныя извѣстія не только Византійцами, какъ напр. Пахимеромъ и друг., но и Испанцемъ Мунтанеромъ. Только по тщательномъ изслѣдованіи судебъ ихъ станетъ возможнымъ тотъ или другой отвѣтъ на вопросъ: имѣли ли эти Испанцы какія нибудь сношенія и со Славянами? а если имѣли, то въ какой степени? Въ XIII в. мы встрѣчаемъ Испанцевъ въ Венгріи. См. M. Rogerii Hungari, Varadiensis capituli canonici miserabile carmen seu historia super destructione Hungariae temporibus Bela IV regis, per Tartaros facta (у Швандтнера I). «in quo (castro civitatis Strigonii) erat *comes Symeon Hispanus*, cum multis ballistariis, qui se viriliter defendebat (cap. XL).

въ одномъ письмѣ къ своему пріятелю въ 1557 г. писалъ между прочимъ: «Пригода ми се.... поћти до онога славнога града (коим се сви дичимо—которымъ мы всѣ гордимся) Дубровника»[1]. Ганибалъ Лучичь (1480 † 1530 г.), тоже уроженецъ острова Хвара, въ своемъ замѣчательномъ стихотвореніи «Граду Дубровнику»—говоритъ:

Ли пакли праву неизмирну твою,
Дубровниче, славу ставихъ се да пою,
Высокимъ радъ бихъ я гласомъ зазвонити,
И твоѥ хвале тя до неба понити,
Дубровниче, *части нашега кзика*,
Ка цватешь и цвѣсти вазда ћешь до вика.

и далѣе:

Правда ѥ темель твой, разумъ ѥ тва пића,
Тве станѥ у покой почива ньихъ цића.
Слободанъ и вичанъ ньима си добро знай,
И одъ свихъ различанъ кои су тебе край.

или:

Мой писни сброити никакоръ ніи моћи
Све крак, частити Дубровникъ гди обћи:
Крозъ горе, крозъ луге по свету свей миче
Тарговце брезъ друге забаве ни приче,
По странахъ, ке гледа сунце на далече,
И коѥ прикъ реда, и съ редомъ ке пече,
Сви тарге примаю, мирно ке' доноси,
И ке они даю, онъ мирно односи.

Отъ XV в. уже есть извѣстія о торговлѣ Дубровника съ Испаніею[2]. Договорами 1494 и слѣдующихъ годовъ Фердинандъ V и Изабелла предоставили ему большія права и преимущества[3]. Въ царствованіе же Карла V, благодаря Испаніи,

1. Stari Pjesnici Hrvatski od Ivana Kukuljevića Sakcinskog. Svezak I. Pjesn Hrv. XV vieka. U Zagrebu. 1856. Tiskom nar. tiskarne Dra. Ljudevita Gaja.

2. Engel: Gesch. d. Freyst. Rag. Ss. 164—165.

3. Аппендини говоритъ при семъ про Дубровничанъ. Nella generale espulsione dei Mori da quei vasti regni essi ebbero l'incumbenza di trasportarli sull'opposta sponde dell'Africa e si resero padroni d'immense ricchezze.

торговля Дубровника, по словамъ Аппендини, достигла новаго блеска (acquistava un nuovo splendore) Но это уже относится къ четвертому (или третьему) періоду исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи, періоду весьма важному и мало чѣмъ уступающему періоду мусульманскому, когда Славяне въ Испаніи играли не незначительную роль и пользовались немаловажнымъ значеніемъ.

Прежде чѣмъ перейти намъ къ этому періоду, укажемъ еще на нѣкоторыя обстоятельства, разсмотрѣніе которыхъ должно, кажется, найти свое мѣсто въ исторіи настоящаго періода.

Если справедливо, что характеръ международныхъ сношеній ограничивается и опредѣляется итогомъ частныхъ сочувствій и влеченій, то быть можетъ станетъ всякому понятна важность слѣдующихъ данныхъ.

Въ XV в. находились на службѣ Дубровника нѣсколько Испанцевъ, которые оказываютъ своему новому отечеству большія услуги. Разумѣю двухъ замѣчательныхъ ученыхъ врачей *Юрія* и *Петра Испанцевъ*, *Шпановъ* или *Шпаньеловъ*. Ихъ фамилія въ 1480 г. получила въ Дубровникѣ права гражданства, а прекратилась около 1600 г. Юрій Шпаньелъ получилъ воспитаніе у отца своего Николая, юношею былъ отправленъ, на счетъ сената Дубровницкаго, въ Парижъ для изученія медицины, къ которой онъ чувствовалъ призваніе. Отличный врачъ и писатель, Юрій оставилъ по себѣ сочиненіе, свидѣтельствующее о дѣльности его направленія, подъ слѣд. заглавіемъ: «De ratione medendi eos, qui sub climate Ragusae nati sunt»—т. е. «О способѣ лѣченія уроженцевъ Дубровницкихъ[1]». — Племянникъ Юрія, Петръ Шпаньелъ учился въ Италіи и, по примѣру своего дяди, также былъ врачемъ-писателемъ. По словамъ Аппендини, впрочемъ быть можетъ ошибочнымъ, сочиненія его не дошли до насъ.

Во всякомъ случаѣ судьба этихъ Шпаньеловъ заслуживаетъ

1. Appendini. Not. I, 33. Онъ ошибся, сказавъ, что это сочиненіе утрачено (non existe più) Въ весьма важномъ для Славянистовъ сочиненіи. Specimen bibliographicum de Dalmatia et agro Labeatium auctore Josepho Valentinelli proprаefecto Bibliothecae S Marci Venetiarum. Venetiis. Typis Caesarianis et Soc. MDCCCXLII— читаемъ на стр. 96, подъ № 306 *Georgius Hispanus* — De rat. med. eos qui s. clim. Rhacusae nati sunt. Codex inedituus. Auctor floruit saeculo XV.

кажется вниманія и невольно возбуждаетъ вопросы, которые въ свою очередь вызываютъ изысканія.

Не было ли и еще Испанцевъ въ этотъ періодъ въ Дубровникѣ и въ Далмаціи? Едва ли не странно было бы утверждать, что два замѣчательныхъ человѣка, природныхъ Испанца, служившіе въ Дубровникѣ, были единственные Испанцы, жившіе въ Дубровникѣ и вообще въ Далмаціи въ продолженіи XV в.? Едва ли будетъ не поосновательнѣе предположить, что въ XV в. въ Дубровникѣ и вообще въ Далмаціи перебывало, если не очень много, то и не мало Испанцевъ, которые не всѣ же должны были быть людьми замѣчательными, оставляющими по себѣ память потомству? Наконецъ можетъ даже и были въ числѣ ихъ и другіе, весьма достойные люди, о которыхъ Аппендини или вовсе не зналъ, или и зналъ, да почему либо не нашелъ нужнымъ упомянуть. Сочиненіе его, писанное слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, правда весьма добросовѣстное, тѣмъ не менѣе исполнено великихъ пробѣловъ, недостатковъ и пропусковъ. Великое множество драгоцѣнныхъ документовъ и источниковъ исторіи Дубровника, Далмаціи лежитъ въ библіотекахъ и архивахъ[1]. Только по изданіи огромной массы источниковъ и тщательномъ, критическомъ ихъ изслѣдованіи, можно будетъ рѣшительно утверждать то или другое; въ настоящее же время принужденные ограничиваться предположеніями, мы для осторожности должны останавливаться на наиболѣе вѣроятныхъ, наиболѣе согласныхъ съ разумомъ и съ обыкновеннымъ ходомъ дѣлъ.

Между тѣмъ, едва ли бы тотъ не поступилъ очень опрометчиво, кто назвалъ бы возбуждаемые здѣсь вопросы праздными, неумѣстными: — рождаемые не изъ пустаго любопытства, они въ свою очередь будятъ самодѣятельность, кажется еще слишкомъ дремлющую въ насъ, Славянахъ, и указываютъ намъ на вопіющую, настоятельную необходимость приняться нынѣ всѣмъ сообща за подробное и всестороннее изученіе нашей исторіи.

Нельзя также не указать на одинъ любопытный фактъ, понынѣ, сколько мнѣ извѣстно, не обращавшій на себя вниманія уче-

1. См. въ Приложеніяхъ.

ныхъ, а между тѣмъ вполнѣ его заслуживающій, особенно же по отношенію къ возбуждаемымъ здѣсь вопросамъ.

За сообщеніе этихъ данныхъ считаю долгомъ принести искреннюю благодарность почтенному Славянисту нашему И. И. Срезневскому, который въ совершенное имъ въ началѣ 40-хъ годовъ путешествіе по Далмаціи, проѣзжая однажды изъ Сплита (Spalatro) на островъ Курчулу (Curzola), услыхалъ отъ жителей, что на полуостровѣ *Пелешацъ* (Sabbioncello) живутъ *Шпаньелы*, т. е. Испанцы. Отправившись на Пелешацъ, почтенный профессоръ нашелъ въ селеніи *Оребичъ*[1] чистыхъ Сербовъ, какъ по языку, такъ и по нравамъ и обычаямъ, которые однако не только у окрестныхъ жителей, но и у себя дома называются Шпаньелами. Женщины селенія Оребичъ (какъ записалъ у себя въ дорожной книжкѣ И. И. Срезневскій, которую онъ и сообщилъ мнѣ) необыкновенно хороши собою, съ большими черными глазами, типъ ихъ — Испанскій, нарядъ ихъ — не вполнѣ Славянскій; сверхъ *кошули*, подъ корсетомъ носятъ онѣ такъ называемую *хальину*, т. е. синюю сукню съ широкою красною и желтою каймою. На груди у нихъ ожерелье съ дукатами, какъ и у нашихъ Малороссіянокъ. Головной же уборъ ихъ съ лентами, цвѣтами и перьями, — уже не Славянскій, — называется *клобукъ* и *пенатіенъ*, вѣроятно отъ стариннаго Испанскаго слова *pena* перо (по-Итальянски penna)[2].

Эти Шпаньелы — или природные Сербы, что жили долго въ Испаніи и переняли нѣкоторые Испанскіе обычаи, — или урожденные Испанцы, когда-то поселившіеся на полуостровѣ Пелешцѣ, съ теченіемъ времени утратившіе свою народность и принявшіе Славянскую.

Если бы то были природные Славяне, что явились изъ Испаніи въ Оребичъ недавно, напр. въ 17 стол., то едва ли бы не утратили они малѣйшіе слѣды временнаго пребыванія своего въ

1. Portolano del mare Adriatico compilato sotto la direzione dell'Instituto Geografico Militare dell' I R. Stato Maggiore Generale dal Capitano Giacomo Marieni. 1830. «Gli abitanti di Orebiccio sono numerosi e la più parte dediti alla navigatione» (p. 391). Объ *Оребичъ* вообще см. также стр. 390—391.

2. Въ находящемся у меня подъ руками Испанскомъ словарѣ не нахожу слова *pena*: вѣроятно оно теперь вышло изъ употребленія. См. Dict. Espagnol. Français... par Joseph de Fonseca. Paris. 1852. Сравн. peñola и pendola.

Испаніи и не постарались скорѣе избавиться отъ названія, которое въ такомъ случаѣ дано бы было имъ въ насмѣшку и подавно уже сами себя понынѣ они не называли бы Шпаньелами. Если бы они прибыли въ Оребичь изъ Испаніи въ XVIII стол., то конечно сохранили бы память о своемъ прибытіи.

Если же то были природные Испанцы (какъ то гораздо вѣроподобнѣе), то они должны были поселиться между Славянами никакъ не позже начала XVI и конца XV стол., если еще не раньше.

Съ ними должны были быть женщины. Двѣ же или три семьи не могли еще дать названія цѣлому селенію, даже, если бы прибыли и очень недавно. Жители селенія Оребичь многочисленны — gli abitanti di Orebiccio sono numerosi e la piu parte dediti alla navigazione.

Слѣдовательно съ самаго начала этихъ Испанскихъ поселенцевъ должно было быть довольно много, почему они могли долго сохранять свою народность. Наконецъ потеря народности не могла происходить иначе, какъ очень медленно: сначала говорили по-Испански, и довольно долго, такъ какъ у нихъ были съ собою женщины, потомъ стали говорить по Славянски, но не чисто, искаженно, затѣмъ разучились языку Испанскому, бросили свои наряды, обычаи и обратились въ чистыхъ Славянъ. Такое превращеніе совершиться скоро не могло. По этимъ основаніямъ пишущій эти строки всего лучше полагалъ бы начало этой колоніи отнести къ настоящему періоду, т. е. къ окончанію XV в., если еще не раньше.

Испанцы, жившіе въ XV в. въ Дубровникѣ и получавшіе въ немъ права гражданства, конечно выучивались языку Славянскому, и имѣя друзей между Славянами, знакомили ихъ съ своимъ отечествомъ, его языкомъ, нравами и обычаями. Знакомясь съ Испаніею черезъ ея дѣтей, служившихъ Дубровнику, многіе Славяне въ этомъ періодѣ были близко знакомы съ нею и лично, такъ какъ въ XV в. торговыя сношенія Дубровника съ Испаніею, не переставшія по всей вѣроятности съ XI в., не только давали Славянамъ возможность, но и рѣшительно заставляли ихъ выучиваться языку Испанскому. Если Испанцы могли быть и дѣйствительно бывали гражданами Дубровника, то

нѣтъ ни малѣйшей надобности утверждать, что Дубровничане съ своей стороны не могли и дѣйствительно не переселялись въ Испанію и не служили въ ней.

Абу-Джафаръ Ибнъ-Хатима, родившійся въ 1323—4 г., такъ описываетъ Альмерію, гдѣ въ XI в. царствовали одинъ за другимъ два брата Славянина. «Альмерія есть величайшій рынокъ въ Андалузіи; христіанскіе купцы *всѣхъ націй* являются въ ея портъ и имѣютъ въ ней свои факторіи. Отсюда христіанскіе торговцы отправлялись въ разныя мѣста и рынки внутри страны, гдѣ и закупали нужные товары. Таможенный сборъ, взимаемый съ купцевъ христіанскихъ, доходилъ до весьма значительной суммы и превосходилъ все, что собирали въ другихъ морскихъ портахъ...» (Gayang.).

Конечно въ числѣ этихъ купцевъ не мало было и южныхъ Славянъ. Безспорно ихъ много перебывало въ Испаніи XV в. и, судя по Испанцамъ у Славянъ, напр. граждане Дубровника отъ частаго и долгаго пребыванія въ странѣ, вступали съ Испанцами въ дружескія и родственныя связи, знакомили ихъ въ свою очередь съ своимъ народомъ, его языкомъ, правами и обычаями.

Но быть можетъ возразятъ: «кому въ Испаніи XV в. могла явиться охота заниматься судьбою Славянъ? Чѣмъ могло племя наше заинтересовать тогдашнихъ Испанцевъ? Что въ немъ было сильнаго, живаго, особеннаго, которое могло бы возбудить ихъ вниманіе, заставить говорить и распрашивать, искать жадно случаевъ ко всякаго рода свѣдѣніямъ о немъ?»

Каждый образованный Европеецъ всегда зналъ, что Чехи, Поляки, Сербы, Русскіе и проч. принадлежатъ къ одному племени и говорятъ почти однимъ и тѣмъ же языкомъ. Испанцы этого періода, сносясь съ единовѣрными имъ южными Славянами, очень хорошо знали, что Чехи были ихъ соплеменниками, а вопросъ Чешскій долго волновалъ весь тогдашній католическій міръ, въ которомъ и современная Испанія занимаетъ не послѣднее мѣсто.

На церковномъ соборѣ въ Констанцѣ, гдѣ присутствовало, кромѣ папы и Римскаго императора, 30 кардиналовъ, 4 патріарха, 33 архіепископа, 150 епископовъ, нѣсколко сотъ другихъ прелатовъ, докторовъ и проч., 4 курфирста,

24 князя и герцога, 78 графовъ, 676 большихъ и малыхъ дворянъ со всѣхъ земель, — Чехъ Янъ Гусъ за свои еретическія мнѣнія приговоренъ былъ духовными отцами къ сожженію или, по собственному ихъ выраженію, тѣло его препоручили они власти свѣтской, а душу дьяволу. 6 іюля 1415 г., посреди огромной толпы зрителей, сожженъ былъ великій Славянскій мученикъ. Его святая смерть глубоко поразила и угнетенныя массы запада, и самихъ палачей его, суровыхъ представителей господствовавшаго тогда въ Европѣ Римско-Нѣмецкаго направленія, папско-феодальныхъ порядковъ: народъ, толпившійся при казни, говорилъ: «Мы не знаемъ, въ чемъ онъ виновенъ; знаемъ только, что онъ молится, что онъ говоритъ, какъ истинный праведникъ». А строгой фанатикъ, Эней Сильвій сказалъ про него: «Онъ шелъ на смерть, какъ на веселый пиръ; ни одинъ вздохъ не вылетѣлъ изъ груди его; нигдѣ не обнаружилъ онъ ни малѣйшаго признака слабости. Среди пламени, онъ до послѣдняго издыханія возносилъ молитву къ Отцу[1]....» Конечно молва объ этомъ чудномъ еретикѣ на замедлила распространиться изъ Констанца (гдѣ въ то время по случаю собора находилось едва ли менѣе 50,000 иностранцевъ обоего пола) по всѣмъ краямъ Европы, проникла такимъ образомъ и въ Испанію, на Пиринейскій полуостровъ, который на соборѣ имѣлъ тоже своихъ представителей. — Быть можетъ только, что успѣли разнестись по западной Европѣ слухи о смерти Гуса, какъ 30 мая 1416 г другой великій Славянинъ, его пылкій и вѣрный другъ, Іеронимъ Пражскій, за тѣ же мнѣнія, тѣмъ же соборомъ Констанцскимъ былъ приговоренъ къ такой же казни. Самъ очевидецъ, Фрей, историкъ собора Констанцскаго, замѣтилъ, что «объ Іеронимѣ жалѣли всѣ присутствую-

1. См. соч. г Новикова, стр. 106 и 107 Когда 6 іюля въ церкви Констанцской читали Гусу приговоръ, то онъ неоднократно прерывалъ его, говоря, что онъ явился на соборъ для оправданія своего, повѣривъ императору и его охранной грамотѣ. Сигизмундъ покраснѣлъ, когда при этихъ словахъ Гусъ уставилъ на него свои взоры. Въ этомъ фактѣ нельзя сомнѣваться: о томъ говоритъ Младеновичъ; его зналъ изъ устнаго источника и императоръ Карлъ V, который, на предложенный ему на имперскомъ сеймѣ совѣтъ — повелѣть связать Лютера, не смотря на ввѣрительную грамоту, отвѣчалъ такимъ образомъ: «я не хочу краснѣть, какъ предокъ мои Сигизмундъ». Palacky. D. III, č. 1. poznam. 304).

шіе, одинъ онъ не жалѣлъ о себѣ». (Omnibus erat miserandus, eo demplo, quod sui ipsius noluerit misereri). — По сохраненному намъ извѣстію Поджіо Бракчіолини, знаменитаго Итальянца, можно нѣсколько возстановить то потрясающее дѣйствіе, которое произвелъ тогда на Западѣ великій соплеменникъ нашъ, убѣждавшій в. к. Литовскаго Витовта принять вѣру нашихъ Русскихъ предковъ, посѣщавшій, къ великому неудовольствію католическаго Польскаго духовенства, въ Витебскѣ и Псковѣ Русскіе храмы[1].

Не могла остаться безъизвѣстною на Западѣ смерть втораго великаго Славянскаго мученика. За тѣмъ возникло единственное въ исторіи Европы движеніе Чехови, которое не увѣнчалось полнымъ успѣхомъ отчасти по слабости средствъ пропаганды: чудное изобрѣтеніе Гутенберга явилось вѣкомъ позже; отчасти по новости и смѣлости идей, къ которымъ другіе народы еще мало были тогда подготовлены, почему Чехи и не встрѣтили въ нихъ того сочувствія, которое могло бы ихъ поддержать. Король Вацлавъ IV вскорѣ по смерти Гуса и Іеронима, замѣтилъ однажды любимцу своему одноглазому *Жижкѣ изъ Троцнова*, зачѣмъ онъ все ходитъ такимъ сумрачнымъ и задумчивымъ. Отвѣчалъ ему Жижка: «Какой же Чехъ можетъ хладнокровно смотрѣть на то, что чужеземцы бранятъ, унижаютъ и оскорбляютъ народъ нашъ какъ еретиковъ, — сожигаютъ въ далекихъ краяхъ благороднѣйшихъ мужей нашихъ, словно злодѣевъ какихъ». Собиралась страшная гроза, народъ Чешскій помышлялъ о мщеньи, и въ то же время готовился съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свои убѣжденія

16 августа 1419 г. умеръ Вацлавъ IV. Сигизмундъ въ то время проживалъ въ Угрохъ, въ Будинѣ и вмѣсто того, чтобы тотчасъ же отправиться въ Прагу, назначилъ правительницею надъ Чехами вдовствующую королеву Софію, придавъ ей совѣтниковъ изъ нѣсколькихъ преданнѣйшихъ ему знатнѣйшихъ дворянъ, а самъ рѣшился обратиться на Турокъ, стоявшихъ тогда у границъ Угорскихъ

Чины Чешскіе, собравшись по смерти Вацлава, положили,

1. См. въ Приложеніяхъ.

что Сигизмундъ обязанъ дать свободу вѣроисповѣданія, слова и обряда причащенія подъ обоими видами; просить у папы о снятіи проклятій и о разрѣшеніи чаши, заботиться о томъ, чтобы лица духовныя не владѣли имуществами и людьми, по правамъ свѣтскимъ, а чтобы, какъ слѣдуетъ по закону Божьему, получали нужное имъ содержаніе отъ лицъ свѣтскихъ; чтобы папскія буллы и грамоты получали свою силу въ землѣ не прежде, чѣмъ одобритъ ихъ король съ своимъ совѣтомъ; чтобы въ цѣлой землѣ запрещено было Гуса и Іеронима называть еретиками; чтобы не принимали чужеземцевъ ни въ какія должности, ни въ духовныя, ни въ свѣтскія, и особенно, чтобы въ городахъ Нѣмцы не занимали никакихъ должностей, которыя могли бы быть заняты Чехами; чтобы суды и жалобы производились въ Чехіи на языкѣ Чешскомъ, чтобы Чехи повсюду въ городахъ и въ королевствѣ имѣли бы первый голосъ. — Сигизмундъ на всѣ эти условія отвѣчалъ уклончиво.

Между тѣмъ новое ученье все глубже и глубже распространялось въ народѣ Чешскомъ, который съ любовію и радостію слушалъ своихъ проповѣдниковъ. Янъ Жижка и его великій другъ (по свидѣтельству самихъ враговъ его — vir magni consilii et providentiae), къ крайнему несчастію для Чеховъ слишкомъ рано похищенный смертію, Микулашъ изъ Гуси († 1420 г.), очень хорошо понимая, что необходимо будетъ прибѣгнуть къ оружію и не обманывая себя на счетъ силы противниковъ, рѣшились обучить народъ военному дѣлу. Зная однако направленіе массъ, въ которыхъ изученіе библіи все больше распространялось[1], они обратились предварительно къ университету Пражскому съ вопросомъ: «прилично ли вооруженною рукою защищать свободу слова Божьяго? не запретилъ

1 Энеи Сильвіи разсказываетъ, что въ бытность его въ Таборѣ явились къ нему, кромѣ священниковъ Таборскихъ, «scholares et cives plurimi, latinum edocti sermonem; nam perfidum genus illud hominum hoc solum boni habet, quod literas amat» А въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ «Pudeat Italiae sacerdotes, quos ne semel quidem novam legem constat legisse; apud Taboritas vix mulierculam invenias, quae de Novo Testamento et Veteri respondere nesciat». Въ Чехіи еще до смерти Гуса написала одна женщина на Чешскомъ языкѣ небольшое разсужденіе. Защита Гуситовъ. Этотъ любопытный памятникъ понынѣ еще не отысканъ (Pal. D. III, č. 1. poznam. 286)

ли этого Спаситель, приказавшій св. Петру вложить мечь въ ножны». Послѣ долгихъ преній и совѣщаній Пражскихъ ученыхъ богослововъ, данъ былъ такой отвѣтъ, написанный мистромъ Якубкомъ изъ Стржибра: «къ оружію обращаться дозволяется только въ случаѣ крайней необходимости, для спасенія жизни, но, прибавлялось, не христіанское дѣло — желать распространять слово Божіе съ помощію оружія; истинный христіанинъ побѣждаетъ своего противника терпѣніемъ, а обращаетъ его любовію и поученіемъ; но если жестокій непріятель замыслилъ бы искоренить всѣхъ вѣрныхъ христіанъ дикимъ насиліемъ, и если не отыщется иного средства защиты и самосохраненія, то не только можно, но и должно защищать мечемъ послѣдователей истины». «Жижка,—говоритъ Палацкій,—противъ своихъ непріятелей, средневѣковыхъ феодальныхъ войскъ, привычныхъ къ войнѣ и тяжелому вооруженію, могъ противопоставить только городскихъ обывателей и ремесленниковъ, толпы поселянъ, которые не имѣли ничего, кромѣ природной силы, телѣгъ и цѣповъ, безпредѣльной преданности и отваги. По этому изобрѣтя новый способъ войны, Жижка приказывалъ обивать цѣпы желѣзомъ, закрывать телѣги висячими съ обѣихъ сторонъ досками, соединять ихъ между собою цѣпями и пріучаться къ искуснымъ ихъ поворотамъ. Такимъ образомъ явились тѣ подвижныя крѣпости (hradby wozowé), при одномъ видѣ которыхъ сильно билось сердце у закованнаго въ сталь рыцаря, и лучшія войска Европы предавались бѣгству. Не думаемъ, чтобы можетъ быть большая храбрость и тѣлесная сила или наконецъ одно одушевленіе производили такіе дивные подвиги: то были зачатки новаго военнаго искусства, пріобрѣтенные навыкомъ, стройные ряды и маневры, искусно размѣренныя и быстрыя построенія, точные повороты и всегда во время по мановенію вождя исполненныя движенія, — однимъ словомъ всѣ признаки правильно устроеннаго войска, выставленнаго противъ многочисленнѣйшихъ войскъ, прекрасно вооруженныхъ, но дѣйствовавшихъ въ бою безъ единодушія, безъ складу и ладу»[1].

1. См. въ Приложеніяхъ.

Сигизмундъ, зная расположеніе умовъ въ Чехахъ и притомъ вступая на престолъ Чешскій съ твердымъ намѣреніемъ идти на перекоръ желаніямъ народа, считая ихъ слишкомъ еретическими, — Сигизмундъ, давшій Гусу охранную грамоту и предавшій его сожженію, рѣшился обратиться съ просьбою о помощи къ папѣ Мартину V, который по его просьбѣ и выдалъ 1 марта 1420 г. буллу «Omnium plasmatoris domini», въ которой призывалъ все христіанство къ оружію «для искорененія Виклефистовъ, Гуситовъ и другихъ еретиковъ». Сигизмундъ просилъ также Нѣмецкихъ князей помогать ему противъ Чеховъ, для искорененія въ нихъ богопротивной ереси. Вѣроятно, желая на дѣлѣ доказать свое искреннее благочестіе, а можетъ просто въ удовлетвореніе своихъ сердечныхъ движеній, въ Бреславлѣ (гдѣ въ то время происходилъ сеймъ Нѣмецкій и присутствовало множество архіепископовъ, епископовъ, разныхъ князей Нѣмецкихъ ближнихъ и дальнихъ), императоръ высочайше повелѣлъ казнить одного еретика: его живого волокли лошадьми по улицамъ, а потомъ сожгли. То былъ одинъ Пражскій купецъ Янъ Краса, который, будучи въ Бреславлѣ, какъ-то рѣзко отзывался о соборѣ Констанцскомъ и церкви Римской, и настаивалъ на необходимости обряда причащенія подъ обоими видами.

Папская булла была разослана по всей Европѣ: такимъ образомъ не было земли на Западѣ, гдѣ бы тогда не знали Чеховъ. Испанцы вскорѣ ознакомились съ ними не по однимъ слухамъ. Въ первомъ крестовомъ походѣ на Чеховъ — кромѣ множества другихъ иностранцевъ, принимали участіе и Испанцы[1]: всѣ надѣялись, узнавъ буллу папскую, святымъ и боголюбезнымъ дѣломъ, — искорененіемъ нечестивыхъ еретиковъ,— по-

1. Палацкій говоритъ: «Sauwěcí spisowatelé čeští připomínají ne bez jakési chlauby, zejména Uhry, Chorwáty, Dalmaty, Bulhary, Sikuly, Walachy, Chuny, Jasy, Rusíny, Rasy, Slowaky, Krajince, Korutance, Štyráky, Rakušany, Bawory, Franky, Šwaby, Šwejcary, Francausy, *Aragonce čili Spanrely*, Angličany, Brabantské, Hollandčany, Westfaly, Sasiky, Durinky, Fortlandčany, Mišenské, Srby, Marčany, Slezáky, Poláky, Morawany i konečně Čechy «newěrné» a t. d. Jen z Italie i ze Skandinawie nikdo se nejmenuje». Впрочемъ изъ Итальянцевъ, кромѣ нѣсколькихъ прелатовъ, были при Сигизмундѣ два извѣстныхъ воителя — Брунорій де ла Скала изъ Вероны и Георгій де Вальперга. (D. III, č. 1, str. 331—332).

лучить себѣ прощеніе грѣховъ. — Войско крестоносцевъ доходило до 100,000 человѣкъ. Фридрихъ, маркграфъ Бранденбургскій, привелъ 10,000, оба Мейссенскихъ маркграфа до 30,000 человѣкъ. Въ войскѣ присутствовали король, всѣ курфирсты, кромѣ Саксонскаго, Албрехтъ, герцогъ Австрійскій, три князя Баварскихъ, два Мейссенскихъ маркграфа, пять князей Силезскихъ, всего владѣтельныхъ князей 43 человѣка, кромѣ того Аквилейскій патріархъ, великое множество епископовъ и прелатовъ, имперскихъ графовъ, дворянъ и рыцарей со всѣхъ земель. «То было, говоритъ Палацкій, одно изъ многочисленнѣйшихъ и сильнѣйшихъ войскъ, когда либо собиравшихся въ цѣломъ христіанствѣ на общій походъ». 30 іюня 1420 г. обложили крестоносцы Прагу, а 14 іюля были окончательно отбиты: императоръ ворочался съ князьями въ лагерь молча, мрачный и гнѣвный, а Пражане, на самомъ мѣстѣ битвы павъ на колѣна, стали громко пѣть Тебе Бога хвалимъ; вся Прага предавалась невыразимой радости. — Уже не кричали теперь, говоритъ Чешскій лѣтописецъ, какъ прежде, Нѣмцы: Hus! Hus! Касег! Касег!, теперь они ежедневно и потихоньку размышляли о томъ, какъ бы имъ оставить Чехію и убраться во свояси. Прага ни въ чемъ не нуждалась, кромѣ соли, а крестоносцы во всемъ чувствовали великій недостатокъ: въ лагерѣ ихъ, къ довершенію бѣдствія, появилось множество разныхъ насѣкомыхъ и гадовъ. Сигизмундъ, по словамъ современной Чешской рукописи, «не желая воевать съ Пражанами, началъ новую войну съ гадами, жабами и мышами, скорпіонами и мухами; а увидавъ, что и этого непріятеля не одолѣть ему, пустился въ бѣгство». — Стараніями знатныхъ Чеховъ, умѣвшихъ сочетать съ преданностью и любовью къ отечеству привязанность къ Сигизмунду, онъ вступилъ въ переговоры съ Прагою, гдѣ 28 іюля 1420 г. онъ и былъ коронованъ. Однако Сигизмундъ, считавшій священною своею обязанностію — искорененіе ученій, которымъ Чехи были отъ всей души преданы, не могъ долго оставаться въ землѣ Чешской: въ февралѣ 1421 г. онъ бѣжалъ изъ нея, провожаемый народною ненавистью. Въ пятнадцатилѣтній періодъ до 1436 г., когда снова былъ принятъ Сигизмундъ въ Прагу, — Чехи, управляемые республикански, явили

такіе чудные примѣры дерзкой отваги и энергической предпріимчивости, что заставили всю Европу говорить о себѣ и бояться ихъ. Не говоря о неудачномъ исходѣ двухъ слѣдующихъ крестовыхъ походовъ на Чеховъ, напомнимъ только о совершенномъ пораженіи огромнаго войска крестоносцевъ, подъ начальствомъ кардинала папскаго Генриха Бельфорта, епископа Винчестерскаго, у Стржибра, 4 авг. 1427 г., когда крестоносцы въ числѣ, достаточномъ для порабощенія всей Чехіи, постыдно бѣжали, до начала битвы. Напрасны были всѣ мольбы и угрозы кардинала, который, схвативъ имперскую хоругвь, разорвалъ ее въ сильномъ гнѣвѣ передъ князьями и кинулъ ее съ страшными ругательствами къ ногамъ ихъ; наконецъ, не желая попасть въ руки еретиковъ, и онъ долженъ былъ пуститься за одно съ ними въ бѣгство. Не забудемъ также и страшнаго пораженія крестоносцевъ подъ начальствомъ кардинала Юліана при Домажлицахъ, 15 авг. 1431 г., когда многочисленное войско изъ 40,000 челов. конницы и 90,000 пѣхоты, завидѣвъ только приближавшихся Чеховъ подъ начальствомъ незабвеннаго Прокопа, пустились въ самое безпорядочное бѣгство: изъ четырехъ тысячъ возовъ Нѣмецкихъ вернулось во свояси только трйста, бѣжавшіе раньше другихъ; Чехамъ достались въ добычу всѣ пушки, множество пороху, съѣстныхъ припасовъ, денегъ, всякаго оружія, знаменъ, драгоцѣнныхъ одеждъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей, самая булла папская, которая взывала къ христіанству для истребленія Чеховъ, золотой крестъ кардинала, его шапка и весь нарядъ кардинальскій. — Не умолчимъ и о тѣхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ Чеховъ на Нѣмцевъ, что чинили они съ 1427 г., то на Австрію и Силезію, то на (нынѣшнюю) Саксонію[1]. Въ нач. 1430 г., между Гриммою и Лейпцигомъ собралось до ста тысячь Нѣмецкаго войска подъ знаменами Фридриха, герцога Саксонскаго, Іоанна, маркграфа Бран-

1. Чехи въ 1429 г. предприняли нападеніе на Саксонію съ великими силами: у нихъ было 4,000 конницы, 40,000 пѣхоты и 2,500 военныхъ повозокъ. «Хотя, говоритъ Палацкій, они могли бы совершенно овладѣть страной, но Чехи не помышляли о расширеніи государства, а только о нанесеніи вреда непріятелю; направленіе религіозное задушило всѣ политическіе планы; потому Гуситы и не хотѣли брать на чужбинѣ укрѣпленныхъ городовъ». (D. III, č. 2, str. 104).

денбургскаго, Вильгельма, князя Брауншвейгскаго, Фридриха, ландграфа Турингскаго, архіепископа Магдебургскаго и другихъ епископовъ, дворянъ и городовъ имперскихъ. Отрядъ Нѣмцевъ былъ разбитъ, войско ихъ, не вступая въ битву, ушло въ Лейпцигъ. Чехи же, раздѣлившись на пять отрядовъ, свободно разъѣзжали по всему краю и производили въ немъ опустошенія: а Нѣмцы, по словамъ современника, не смѣли выступить въ поле противъ Чеховъ. Они обратились на югъ отъ Лейпцига къ городу Альтенбургу, за тѣмъ къ Герову, который они взяли мгновенно. Другими отрядами Чешскими взятъ былъ городъ Плавно, и побито множество тамошнихъ и окрестныхъ обывателей; не мало также было взято въ плѣнъ. Вскорѣ послѣ того по всей имперіи Нѣмецкой стали укрѣплять города, особенно въ Турингіи, и тотчасъ бѣжали жители, какъ только приближалось войско Чешское. Черезъ городъ Гофъ, который сожгли, далѣе черезъ Мюнхбергъ, направились Чехи одни на Байрейтъ, другіе на Кульмбахъ и Плассенбургъ. Разоривъ Байрейтъ и Кульмбахъ, Гуситы обратили свою грозу на Эшенбахъ, Ауэрбахъ, Вейшенфельдъ, Хольфельдъ, Вейсмейнъ, Шеслицъ и окрестности. Бамбергцы, при приближеніи Гуситовъ, толпами пустились въ бѣгство, проклиная капитулу и епископа за то, что они никогда не соглашались на ихъ прежнія просьбы укрѣпить городъ. Бамбергъ разорили Чехи еще ужаснѣе, чѣмъ то обыкновенно дѣлали. Но вскорѣ подоспѣлъ, какъ ангелъ-спаситель Нѣмцевъ, курфирстъ Бранденбургскій Фридрихъ, который вступилъ въ переговоры съ Чехами. Они согласились заключить перемиріе (отъ 6 февр. до 25 іюля 1430 г.) и вернуться во свояси, за что обязались заплатить: Бамбергцы и Форшгеймцы — 12,000 реймск. гульденовъ, Нюренбергцы — столько же, курфирстъ Фридрихъ — 9,000, князь Баварскій — 8,000 и другіе — менѣе значительныя суммы. — 21 февраля 1430 г. вернулись Чехи въ Прагу. Не совсѣмъ однако доволенъ былъ народъ таковымъ окончаніемъ. «Такихъ прекрасныхъ походовъ, — говоритъ старый лѣтописецъ Чешскій, — никогда еще не предпринимали Чехи на Нѣмцевъ, по крайности о томъ не писано нигдѣ въ лѣтописяхъ и не извѣстно старикамъ. Если бы однако, подобно старымъ Чехамъ, наши стояли за

честь свою, то дошли бы до Рейна и подчинили бы себѣ много земель: они же, набравши много добычи и денегъ, вернулись въ Чехію».

Было ли съ чего, спрошу у читателя, родиться въ Испанцахъ XV в. любопытству относительно Славянъ? Отчего было имъ не пользоваться сношеніями своими со Славянами южными для нѣкотораго ознакомленія съ соплеменниками ихъ, напр. Чехами? Что могло мѣшать такимъ распросамъ? Одно презрѣніе къ нашему племени, но его не питалъ къ Славянину Испанецъ, какъ не питаетъ и теперь. Отъ однихъ Нѣмцевъ онъ испытывалъ его, но въ XV в. имъ было кажется отъ Славянъ не до презрѣнія, послѣ того, какъ священныя тѣни Яна Гуса и Іеронима Пражскаго, своими смѣлыми голосами и своею праведною кончиною потрясшихъ весь тогдашній католическій міръ, подняли Чеховъ и вызвали незабвенныхъ, дорогихъ каждому Славянину, дѣятелей, подобныхъ Жижкѣ, Прокопу Великому, Юрію Подѣбрадскому. И Германіи было тогда, кажется, не до презрѣнія, тѣмъ болѣе, что еще въ XIV в. Карлъ IV, Германскій императоръ и любимый король Чешскій, избравшій своею резиденціею Прагу, закономъ постановилъ, чтобы каждый Нѣмецкій курфирстъ обучалъ своихъ сыновей по Славянски.

Папа отпускалъ грѣхи и собиралъ во всѣхъ католическихъ земляхъ денежныя пожертвованія и войска противъ Чеховъ, этихъ нечестивыхъ еретиковъ, стоявшихъ за чашу, т.е. за причащеніе въ обоихъ видахъ, за народный Славянскій языкъ въ богослуженіи, не признававшихъ главенства папъ и громко протестовавшихъ противъ пагубнаго Римскаго ученія, по которому церковь Христова представлялась тѣломъ, у котораго глава папа, а члены кардиналы, — противъ Чеховъ, которымъ тогда сочувствовали, а сколько могли, и помогали ихъ соплеменники Поляки и предки наши Русскіе, вѣрѣ которыхъ сочувствовалъ и обряды которыхъ одобрялъ самъ великій Чехъ Іеронимъ, другъ и сподвижникъ Гусовъ.

«Побѣдою при Домажлицахъ, говоритъ Палацкій, Чехи достигли вершины всемірнаго могущества и дѣятельности. Никогда еще судьба міра не зависѣла въ такой степени отъ дѣлъ Чешскихъ, какъ въ то время, а неодолимость пробужденнаго

народа, никогда еще не проявлялись въ такихъ яркихъ и блестящихъ подвигахъ. Всѣ двѣнадцатилѣтнія усилія Европы привели къ тому только, что Чехи подъ конецъ стали еще могучѣе и непобѣдимѣе, чѣмъ были въ началѣ. Лучшіе полководцы своего времени затеряли свою славу въ Чехахъ; многочисленныя войска, выводимыя въ поле соединенными стараніями и усиліями властей свѣтской и духовной, боялись даже дождаться Гуситовъ и вступить съ ними въ бой. Погромами при Стржибрѣ и Домажлицахъ, подобныхъ которымъ не запомнитъ исторія, узналъ весь свѣтъ, что напрасны всякіе новые походы на Чеховъ[1]».

Уроженецъ Дубровника, Янъ Стойковичь, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ собора Базельскаго, оказавшій католическому и вообще тогдашнему Римско-Нѣмецкому міру услуги великія, служившій ему съ необыкновенною энергіею, конечно достойною, тѣмъ болѣе отъ Славянина, гораздо лучшаго дѣла,— передалъ между прочимъ одинъ фактъ, раскрывающій всю силу впечатлѣнія, произведеннаго на соборъ Безельскій пораженіемъ при Домажлицахъ: «29 Августа послѣ полудня, — говоритъ онъ, — когда представители собора и гражданъ сошлись у проповѣдниковъ (praedicatores), то представители гражданъ сказали, что получены извѣстія о томъ, что войско отступило изъ Чехіи въ великомъ замѣшательствѣ и съ огромною потерею людей и возовъ. Услыхавъ объ этомъ, всѣ отцы были поражены ужасомъ и глубоко задумались; тогда еще сильнѣе возревновавъ къ преобразованію церкви, они поспѣшно обратились къ занятіямъ по дѣламъ собора».

Эней Сильвій живо представилъ то любопытство и тѣ впечатлѣнія тогдашнихъ жителей и обывателей Базеля, что произвели на нихъ приглашенные на соборъ, Гуситы Чешскіе, при своемъ

1. «Намъ по крайности, — замѣчаетъ Палацкій, — не извѣстны другіе подобные примѣры бѣгства такихъ многочисленныхъ силъ до начала сраженія. О томъ, какой они шумъ надѣлали тогда въ свѣтѣ, свидѣтельствуетъ одно извѣстіе въ современной рукописи Парижскои библіотеки подъ № 1503, л. 19, гдѣ сказано: «circa festum Assumptionis Mariae fit illa fuga in populo, de qua per universum orbem narratur»; т. е. «около Вознесенія Пресв. Богородицы произошло то бѣгство въ народѣ, о которомъ говорятъ по всему свѣту». (Pal. D. III, č. 2. str. 157—158.

въѣздѣ въ Базель, 4 янв. 1433 г. Все выбѣжало поглядѣть этихъ страшныхъ еретиковъ. Женщины, дѣти, — говоритъ онъ, — смотрѣли на нихъ изъ оконъ, съ кровель, указывали на нихъ пальцами, дивились странному ихъ наряду, ихъ грознымъ лицамъ, суровому ихъ выраженію. Всего болѣе устремлено было общее вниманіе на Прокопа; припоминали, что это тотъ самый, который столько разъ разбивалъ многочисленныя войска вѣрныхъ, столько мѣстъ разрушилъ и завоевалъ, столько тысячъ людей погубилъ.

На соборѣ Базельскомъ присутствовало не мало Испанцевъ; одинъ изъ нихъ докторъ Іоаннъ Паломаръ, архидьяконъ Барселонскій, по назначенію отцевъ, былъ однимъ изъ числа четырехъ офиціальныхъ оппонентовъ Гуситовъ; онъ же былъ однимъ изъ десяти пословъ собора Базельскаго въ Чехахъ [1] въ 1433 г.; другой Испанецъ Іоаннъ де Сеговіа, написавшій, какъ очевидецъ исторію этого собора (horum relator quia vidit et tunc scripsit, refert copiosius in multis), сообщаетъ весьма много подробныхъ извѣстій о Чехахъ и потому служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ Чешской исторіи того времени [2].

Въ XV в. Чехи не только геройски защищали мечемъ свои убѣжденія, и переходили въ наступленіе, но и старались словомъ и убѣжденіемъ подѣйствовать на угнетенныя массы Запада, которыя уже начинали явно выражать Чехамъ свое сочувствіе, какъ узнали, что у нихъ не обращается вниманіе на происхожденіе: и богатый и бѣдный равно зовется *братомъ*, и знатный и нищій пользуются одинакими правами. Уже во Франціи, слѣдуя примѣру Чеховъ, въ двухъ краяхъ сталъ подниматься простой народъ противъ аристократіи; на соборѣ 1432 г. въ Буржѣ Французское духовенство жаловалось, что въ Дофине собирались особыя денежныя пожертвованія на помощь Гуситамъ [3]. Чехи посылали манифесты къ Нѣм-

1. Pal. D. III, č. 2, str. 239.

2. Тамъ же, str. 215, 241—242.

3. См. D. III, č. 2, str. 163, гдѣ Палацкій указываетъ на «Advisamenta prolocuta per dominos praelatos et alios clerum regni Franciae et Delphinatus representantes, qui Bituris convenerunt ad mandatum D. Regis» etc. ap. Мабы, XXIX, 402.

цамъ, обращались къ Венеціи, ища съ нею союза противъ Сигизмунда и Албрехта Австрійскаго. Въ своемъ посланіи къ Венеціанамъ отъ 10 іюля 1420 г. говорили между прочимъ Пражане, что Сигизмундъ торжественно клялся укротить и потушить возстаніе Чешское во что бы то ни стало, даже если бы пришлось для этого погубить и опустошить цѣлое королевство, край Чешскій вновь заселить другимъ народомъ, утратить не только всѣ свои короны, но и собственныя тѣло и душу; что онъ сталъ еще свирѣпѣе, когда его стали покорно просить о томъ, чтобы онъ не забывалъ земли, которая его родила, народа, въ которомъ онъ самъ выросъ [1]. Палацкій указалъ на слова Іоанна де Сеговіа, который въ числѣ причинъ созванія Базельскаго собора приводитъ и то обстоятельство, что многочисленные циркуляры Чешскіе распространялись по всѣмъ странамъ, проникали даже въ Испанію: — Accidit rursum his diebus publicatas fuisse etiam usque ad Hispaniam plurimas copias diversarum et diffusarum epistolarum Bohemorum ex parte [2].

Напомнивъ снова читателю о торговыхъ договорахъ Дубровника съ Испаніею при Фердинандѣ и Изабеллѣ, не могу не замѣтить, что въ исторіи отношеній Славянъ къ Пиринейскому полуострову нельзя не указать на тотъ также любопытный, кажется, фактъ, что въ Португаліи, въ царствованіе Іоанна II († 1495 г.) образовалось въ Лиссабонѣ общество ученыхъ подъ покровительствомъ короля, съ цѣлью заботиться о примѣненіи астролябіи къ мореплаванію, о мореходныхъ картахъ, объ улучшеніи таблицъ склоненія звѣздъ и проч.; что въ обществѣ этомъ принимали участіе: епископъ Діего Ортизъ, епи-

«In Delphinatu est quaedam portio inter montes inclusa, quae erroribus adhaerens praedictis Bohemorum, jam tributum imposuit, levavit et misit eisdem Bohemis» etc. Cf. Raynaldi ed ann. 1432. § 6. Joh. de Segovia (MS).

1. Это посланіе, весьма обширное, находится въ одной современной рукописи въ библіотекѣ Угорскаго народнаго музея въ Пештѣ. См. Pal. D. III, č. 1, str. 337; см. тамъ же, str. 309. и Archiv Český, III, 210—212 — манифестъ Чешскій около 20 апрѣля 1420 г., разосланный по всей Чешской землѣ и въ чужіе края на нѣсколькихъ языкахъ и въ многочисленныхъ экземплярахъ.

2. Palacký D. III, č. 2, str. 111.

скопъ Камадилья, врачи короля Родриго и Хозе, *Мартынъ Чехъ* и др.[1].

Соображая всѣ предъидущія данныя, какъ и нѣкоторыя другія, пишущій эти строки рѣшается высказать свое искреннее желаніе вмѣстѣ съ надеждою, что оно не только будетъ со временемъ удовлетворительно исполнено, но и теперь встрѣтитъ полное сочувствіе въ каждомъ просвѣщенномъ читателѣ, желаніе того, чтобы было обращено строгое вниманіе на отношенія Славянъ къ Пиринейскому полуострову и въ настоящій періодъ, чтобы были обнародываемы и сводимы всѣ самыя малѣйшія по видимому извѣстія и данныя касательно этого вопроса, чтобы молодые ученые наши подошли бы съ этой стороны къ исторіи Испаніи и Португаліи, богатая литература которыхъ, — особенно рукописная, судя по однимъ теперешнимъ, ничтожнымъ свѣдѣніямъ, должна содержать въ себѣ еще много болѣе или менѣе замѣчательныхъ, и нынѣ вовсе неизвѣстнымъ данныхъ по Славянской исторіи, въ которой Русская составляетъ одну органическую часть.

XII. Время самаго цвѣтущаго состоянія Дубровника, его образованности, литературы, торговли и флота принадлежитъ XVI и отчасти XVII в. до 1667 г., когда постигло его страшное землетрясеніе, долго не позволявшее ему оправиться, а тамъ подоспѣла душеубійственная система езуитовъ, которая и тутъ также загубила народность и самобытность Славянскую, какъ и въ Чехахъ и въ Польшѣ. Не мало также матеріяльныхъ и нравственныхъ силъ растратилъ Дубровникъ въ войнахъ Испаніи, которой онъ или лучше его граждане были вѣрными союзниками въ продолженіи всего этого періода. Дѣйствительно считаютъ, что съ 1584 до 1654 г., въ теченіи 70 лѣтъ, Дубровничане потеряли болѣе 178 судовъ, большихъ и малыхъ (caracche, galeoni e navi). Потерю эту, считая при семъ и иму-

1. Costa (I. da) Quintella: Annaes da marinha Portugueza. Lisboa. 1839. I, 189—190. См. ст. И. И. Срезневскаго въ Учен. Зап., кн. II, вып. 2, с. 253. Замѣчательно, что однимъ изъ первыхъ извѣстнѣйшихъ типографщиковъ въ Севильѣ былъ нашъ же соплеменникъ Полякъ Станиславъ (въ к. XV и нач. XVI в.).

щество, оцѣнивали въ три милліона золотой монеты, при чемъ не взято въ разсчетъ кораблей и судовъ съ разныхъ острововъ Далмаціи, граждане которыхъ также участвовали въ войнахъ Испаніи съ Франціею и Голландіею, когда Дубровничане понесли такіе значительные убытки[1].

Въ царствованіе Карла V (1510 † 1558 г.) Дубровникъ, получивъ отъ Испаніи весьма выгодныя торговыя права и преимущества, дозволилъ своимъ гражданамъ состоять на службѣ у Испаніи. Умная община Славянская всегда отличалась необыкновенно либеральною и осторожною политикою: состоя въ дружественныхъ связяхъ съ Портою Оттоманскою, правительство Дубровницкое не запрещало и не мѣшало въ то же время своимъ гражданамъ частными флотами участвовать въ войнахъ Испанцевъ съ Турками. Въ 1535 г. 4 Дубровницкихъ корабля участвовали съ Испанцами въ ихъ счастливомъ походѣ на Тунисъ. Въ 1541 г. 13 Дубровницкихъ кораблей, точно также сооруженныхъ частными людьми, участвовали въ неудачномъ походѣ Испанцевъ на Алжиръ, только 6 изъ нихъ спаслись и воротились цѣлыми въ Маіорку. На одномъ островѣ Меццо триста вдовъ оплакивало своихъ мужей. Въ 1552 г., когда паша Піали разбилъ Испанцевъ, напавшихъ на Триполи, 6 кораблей Дубровницкихъ погибло со всѣмъ своимъ экипажемъ.

Участіе Дубровничанъ въ дѣлахъ Испанскихъ не ослабѣло и при преемникахъ Карла, Филиппахъ Второмъ и Третьемъ. Такъ въ 1581 г. въ войну Португальскую 40 Дубровницкихъ большихъ судовъ потерпѣли сильное крушеніе у гавани Лиссабонской. Въ 1588 г. участвовали Дубровничане въ непобѣдимой армадѣ.

Вообще съ 1584 до 1654 г. не менѣе 300 Дубровницкихъ судовъ перебывало на службѣ у Испаніи, изъ нихъ 178 погибло.

Свѣдѣнія эти, далеко неполныя и недостаточныя, ясно однако обнаруживаютъ не только богатства и значеніе Дубровника въ это время, но и обширность и близость его связей съ

1. Appendini: Not. II, 225. «oltre le Navi e Galeoni dell'Isola di Meleda, di Lagosta, ed infra terra nell territorio di Sabbioncello, di Primorie, di Ponta, delle Brozze, e della città di Stagno, de'quali sono molti, che si passano sotto silenzio dagli Autori».

Испаніею. Зная же его мудрую политику, высокое образованіе и предпріимчивость его гражданъ, легко понять, что такими тѣсными сношеніями съ великою монархіею онъ не могъ не воспользоваться для расширенія своихъ торговыхъ связей. Дѣйствительно, еще въ первой половинѣ XVI в. Дубровничане ходили въ Гоа, въ Остъ-Индію, въ Персію и въ Америку [1].

Изъ Славянъ, служившихъ въ этотъ періодъ въ Испаніи, не мало было людей замѣчательныхъ, оказавшихъ этой странѣ услуги большія, прославившихъ свой народъ, какъ бы закрѣпившихъ давнишнее его вліяніе и значеніе въ Испаніи и можно сказать окончательно завоевавшихъ всему нашему племени и возможность и право еще значительнѣйшаго вліянія въ будущемъ.

Пишущій эти строки считаетъ нужнымъ предварительно замѣтить, что предлагаемыя ниже свѣдѣнія, весьма не полны, кратки и отрывочны, ибо онъ ничего не имѣлъ въ своемъ распоряженіи, кромѣ труда Аппендини, который далеко не могъ подробно распространяться о Славянахъ въ Испаніи, по самой спеціальности вопроса и наконецъ, что еще важнѣе, не имѣлъ всѣхъ нужныхъ для того матеріяловъ, большая часть которыхъ должна сохраняться въ Испаніи, въ ея богатыхъ архивахъ и библіотекахъ, почему прибавить кстати, путешествіе Славяниста въ Испанію становится весьма необходимымъ.

Аппендини ограничился передачею весьма краткихъ извѣстій о нѣкоторыхъ изъ Славянъ, жившихъ въ этотъ періодъ въ Испаніи. Изъ Дубровничанъ предводителей частныхъ вооруженныхъ судовъ и адмираловъ эскадръ пользовались, говоритъ Аппендини, большимъ уваженіемъ въ Испаніи: *Николай Проданелли*, графъ *Марулино*, сынъ Іоанна Сфондрати и графъ Марулино, сынъ Лоренцо Сфондрати. Они принадлежали къ отрасли фамиліи Григорія XIV, которая утвердилась въ Дубровникѣ съ 1490 года. Одинъ изъ этихъ Сфондрати имѣлъ случай въ 1571 г. спасти жизнь Филиппу III, который и одарилъ его за то большими наградами и назначилъ его начальникомъ Испанской эскадры, отъ чего впрочемъ тотъ отказался.

Нѣсколько человѣкъ изъ фамиліи *Охмучевичей* (переселив-

1. Engel. Gesch. d. Freyst. Rag. S. 205.

шейся въ Дубровникъ изъ Босніи въ 1470 г.) *Юрій*, *Антонъ*, *Николай*, *Маркъ* и *Петръ* одни были капитанами, другіе начальниками эскадръ. Капитанъ Юрій послѣ многихъ подвиговъ потерялъ свою жизнь на кораблѣ своемъ съ 1800 человѣкъ экипажа на пути изъ Испаніи въ Италію. Антонъ погибъ въ сраженіи съ 7 Алжирскими галерами, которыя впрочемъ были разбиты. Николай разбилъ подъ Алжиромъ 7 Алжирскихъ галеръ и потопилъ капитанскій корабль (la capitana). Онъ погибъ въ войну Голландскую. Капитанъ Маркъ, послѣ долговременной службы на Океанѣ, за свои великія политическія дарованія былъ приглашенъ ко двору и въ Мадритѣ занималъ важныя государственныя должности. Петръ превзошелъ ихъ всѣхъ и заслугами и славою. Начальствуя эскадрою (General-Comandante) въ 12 большихъ трехмачтовыхъ кораблей (12 grosse navi a tre alberi) съ экипажемъ 3200 человѣкъ, онъ постоянно плавалъ въ Океанѣ и снискалъ своей эскадрѣ названіе *эскадры Индій или Океана* (squadra dell'Indie o dell'Oceano). Шесть кораблей принадлежало собственно ему, остальные шесть его роднымъ; экипажъ состоялъ изъ Дубровничанъ; въ Индіи и на Океанѣ онъ прослужилъ 26 лѣтъ при Филиппахъ II и III, отличился во многихъ сраженіяхъ, особенно въ 1596 г., когда одержалъ побѣду надъ нѣсколькими большими кораблями Англійскими (parecchie grosse navi Inglesi). Филиппъ II, изъ признательности къ его заслугамъ написавшій ему десять писемъ, пожаловалъ его кавалеромъ ордена Св. Іакова Галиційскаго съ назначеніемъ большаго оклада (con una commenda di 3000 pezze l'anno). Онъ былъ въ родствѣ съ первыми фамиліями грандовъ Испанскихъ; умеръ въ Лиссабонѣ [1].

Въ командованіи Испано-Дубровницкимъ флотомъ послѣдовали Охмучевичамъ *Юрій*, *Петръ* и *Степанъ Долисти*. Юрій отличался большими дарованіями и познаніями въ морскомъ дѣлѣ и въ гражданскомъ управленіи. Филиппъ III приписалъ его къ ордену св. Іакова (ordine equestre), а Франческо Медичи, великій герцогъ Тосканскій, назначилъ его командиромъ ордена св. Стефана. Петръ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы во флотѣ, за свои особыя дарованія былъ назначенъ вице-королемъ Запад-

1. Appendini. I. 1. 1, 199—200.

ной Индіи и осыпанъ великими почестями. Степанъ, храбрость и заслуги котораго были вознаграждены орденомъ св. Іакова, въ качествѣ начальника эскадры потерпѣлъ сильное крушеніе при островѣ Терсеры (a viste delle Jsole di Terzere). Одинъ домъ Охмучевичей потерялъ при этомъ несчастіи до 150 тысячъ пиастровъ. Потеря людей и денегъ была снова возстановлена людьми и деньгами Дубровника, а командованіе эскадры перешло въ руки *Лоренцо*, *Алигретто*, *Николая* и *Джироламо Машибрадичей*, сыновей *Ивана Машибрадича*, человѣка необыкновенно даровитаго и образованнаго, которому король Испанскій пожаловалъ богатый маркизатъ за оказанныя имъ многочисленныя услуги Испаніи. Лаврентій и Алигретто служили при дворѣ. Николай долгое время начальствовалъ эскадрою, потомъ по приглашенію Филиппа IV пріѣхалъ въ Мадритъ и въ награду за храбрость и мужество получилъ графское достоинство. Джироламо былъ женатъ на Маріаннѣ Фернандесъ Кордовской и Кастильской (di Cordova e Castiglia), а дочь его была замужемъ за Петромъ Феликсомъ де Сильва графомъ Сифуэнтесъ (Pietro Felice de Silva Conte di Sifuentes). То были знатныя Испанскія фамиліи. При Филиппѣ IV, въ продолженіи 20 лѣтъ, Джироламо Машибрадичъ командовалъ эскадрою въ качествѣ адмирала и ходилъ въ обѣ Индіи. Принятый за свои заслуги въ орденъ Св. Іакова, онъ сдалъ начальство надъ эскадрою, въ которой 7 кораблей были его собственные, своему соотечественнику *Ивану Балакки* (Giov. Maria Balacchi), который вмѣстѣ съ *Николаемъ Пальмотичемъ*, человѣкомъ весьма замѣчательнымъ, съ другими искусными и мужественными капитанами и матросами, отличался подобно своимъ предшественникамъ въ Средиземномъ морѣ и въ Океанѣ.

Нѣсколько лицъ изъ фамиліи *Мартолошичей* и разныхъ другихъ фамилій съ острова Меццо, который гордится (per antica tradizione) тѣмъ, что далъ отличныхъ моряковъ еще первымъ плавателямъ въ Америку, также ознаменовали себя великими заслугами. Но, говоритъ Аппендини, недостатокъ источниковъ заставляетъ меня ограничиться свѣдѣніями, и то краткими, объ одномъ *Викентіи Буне*, въ великихъ заслугахъ котораго нѣтъ никакой возможности сомнѣваться. При Филиппахъ II и III онъ совершалъ плаванія въ Америку, много помогалъ въ Индіи рас-

пространенію христіанства, участвовалъ въ продолжительной войнѣ съ Бельгіею при Филиппѣ II, занимался и другими дѣлами высокой важности, исправлялъ нѣсколько лѣтъ должность вице-короля въ Мексикѣ[1]. На обратномъ пути въ Испанію онъ

1. Marina Caboga. (Прим. Аппендини). Кстати замѣчу здѣсь, что Славяне стали посѣщать Новый Свѣтъ очень рано: такъ Аппендини говоритъ, что жители острова Мецо сохраняютъ преданія о томъ, что ихъ предки ходили въ Америку въ первую эпоху ея открытія. То не покажется удивительнымъ тому, кто вспомнитъ о значеніи Дубровника въ XV в. Позволяю себѣ выразить мысль о необходимости собрать во едино всѣ свѣдѣнія о Славянахъ, такъ или иначе потрудившихся въ Америкѣ. Говоря о Славянахъ, разумѣю не однихъ Адріатическихъ, о которыхъ въ богатыхъ архивахъ и библіотекахъ Вѣны, Венеціи, Далмаціи и Испаніи безъ сомнѣнія хранятся драгоцѣннѣйшія извѣстія и матеріалы для такихъ монографій. Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи обратятъ на себя вниманіе не одни Славяне Адріатическіе. Довольно только вспомнить замѣчательнаго соплеменника нашего, Поляка Арцишевскаго Принадлежа къ Ариянской сектѣ, онъ, подобно всѣмъ лучшимъ умамъ Польши, не могъ выносить всегда подлой и лукавой системы езуитовъ, заморившей Польшу; подвергаясь ихъ преслѣдованіямъ, Арцишевскій бѣжалъ изъ отечества и вступилъ на службу Голландской республики въ качествѣ артиллерійскаго офицера въ Польшѣ, еще въ 1622 г., онъ носилъ званіе полковника артиллеріи. Вскорѣ онъ получилъ назначеніе въ Бразилію, гдѣ велъ войны съ Испанцами. Всѣ новыя замѣчательныя крѣпости Бразиліи, какъ то: Рio-Жанейро, Бахія, Пернамбуко, выстроены Арцишевскимъ. Въ продолженіе десяти лѣтъ онъ почти постоянно разбивалъ Испанцевъ. Республика высоко цѣнила его заслуги и повелѣла въ честь его выбить медаль, на одной сторонѣ которой изображены: крѣпость Рio-Жанеиро при морѣ, на высокомъ столбѣ гербъ Арцишевскаго: нива (rola), трофеи, лавровый вѣнецъ, и вокругъ двѣ надписи: 1) Victricem accipe laurum, 2) Hostibus Hisp. profligatis. На оборотѣ слѣдующая надпись: Heroi generis nobilitate, armorum et literarum scientia longe praestantissimo Christoph. Arciszewski, rebus in Brezilia per triennium prudentissime, fortissime, felicissime gestis Societas Americana suae gratitudinis, et ipsius fortitudinis ac fidei hoc monumentum esse voluit. Anno MDCXXXVII. Въ царствованіе Владислава IV († 1648 г.) Арцишевскій вернулся въ Польшу и умеръ въ Лешнѣ уже при Янѣ Казимирѣ. См. Niemcewicz: Zbiór pamiętników o dawnéj Polszcze..., гдѣ также помѣщено любопытное письмо Арцишевскаго изъ Амстердама къ Владиславу IV; также Энцикл. Лексик. Плюшара *Арцишевскій*. Его сочиненіе объ артиллеріи, писанное по-Латыни, весьма долго пользовалось въ Европѣ почетною извѣстностью и было переведено на языки Французскій, Голландскій и Нѣмецкій. См. также Sobieszczański: O życiu i sprawach Krzysztofa z Arciszewa Arciszewskiego, generała artyllerii i półkownika piechoty w wojsku Hollenderskiém. Z wizerunkiem. Warszawa. 1850. См. Приложенія.

былъ застигнуть бурею, свирѣпствовавшею нѣсколько дней. На корабль его, отдѣлившійся отъ эскадры, напали у береговъ Африки пираты Марокскіе на двухъ большихъ корабляхъ. Буне не отказался отъ битвы; вскорѣ непріятельское ядро образовало въ его кораблѣ столь значительную пробоину, что стало заливать корабль. Тогда онъ рѣшился на послѣднее отчаянное средство, которое ему оставалось, прежде чѣмъ сдаться въ плѣнъ: онъ быстро пересаживается со своимъ экипажемъ на двѣ лодки (due scafe ò barconi), вооружаетъ ихъ и схватывается съ ближайшимъ непріятельскимъ кораблемъ, напавъ на него съ обѣихъ сторонъ Берберы, совсѣмъ ошеломленные внезапностью аттаки, сдаются въ плѣнъ послѣ кровопролитной схватки. Видя это, другой непріятельскій корабль пустился въ бѣгство, но Буне нагналъ его, разбилъ и повелъ съ собою къ берегамъ Испаніи. Но здѣсь ждала его новая опасность. При приближеніи къ порту двухъ непріятельскихъ судовъ, открыли по нихъ огонь съ крѣпостей и канонерскихъ лодокъ. Наконецъ его признали по даннымъ имъ сигналамъ, приняли съ великимъ восторгомъ и воздали должную дань его смѣлости и храбрости[1]. Буне, осыпанный великими почестями и наконецъ назначенный въ помощники вице-королю въ Неаполѣ, скоропостижно померъ на 54 году своей многодѣятельной жизни[2], въ 1612 г.

Таковы имѣющіяся въ распоряженіи нашемъ свѣдѣнія о Славянахъ, жившихъ въ этотъ періодъ въ Испаніи, свѣдѣнія

---

1. Vinc. Petrovich, in Not. med. Carm. ad Vlad. Buchia. (Прим. Аппендини).

2 Appendini I, 202. Аппендини сообщаетъ слѣдующую надгробную надпись, находящуюся въ часовнѣ Св. Троицы на островѣ Мецце, куда перевезли его прахъ изъ Неаполя:

D. O. M.

Vincentio Buneo Petri F. Christi Equiti dignitatem virtute supergresso, sub duorum Hispaniarum regibus Philippis Secundo et Tertio arduam utriusque orbis navigationem amplexo, et gloriam nominis comparandi cupido, atque ideo in India fidei propugnandae, in Belgia religionis tuendae diu occupato, dum egregiam in utroque officio navat regibus suis operam, regio nutu Neapolim revocato, et a consiliis proregis deputato, post multos exantlatos labores ad aliam vitam vocato, ex vi testamenti in patriam deportato, et hic jacenti, ac tubae sonitum expectanti, revocando ad vitam consanguinei unanimes hoc monumentum posuerunt. Vixit annos quinquaginta tres. Obiit pridie id. novembris anno salutis MDCXII.

крайне ограниченныя и неполныя, но тѣмъ не менѣе возбуждающія великой интересъ и настойчиво отъ насъ требующія пытливыхъ поисковъ и розысканій, которыя, какъ теперь уже можно предполагать, не могутъ не увѣнчаться блестящимъ успѣхомъ.

Одни уже простыя, официальныя свѣдѣнія, такъ сказать послужные списки со всѣми документами, какъ перечисленныхъ здѣсь, такъ и многихъ другихъ Славянъ, оставшихся неизвѣстными Аппендини и служившихъ въ Испаніи — отысканные и обнародованные, принесутъ великую пользу наукѣ, какъ исторіи Славянской, такъ и Испанской.

Но нѣтъ сомнѣнія, что не одни, болѣе или менѣе полныя официальныя свѣдѣнія хранятся въ библіотекахъ и архивахъ Вѣны, Венеціи, Далмаціи и Испаніи о такихъ людяхъ, что подобно Буне, Петру Охмучевичу и Петру Долисти занимали въ Испаніи такое высокое положеніе и оказали этой великой въ то время державѣ услуги не малыя.

Вспомнивъ состояніе образованности въ Дубровникѣ въ этотъ періодъ, его литературу, не менѣе богатую, чѣмъ Польская, и едва ли не больше ея (разумѣется того времени) народную, привязанность его гражданъ, несмотря на обширное вліяніе образованности Итальянской, къ языку Славянскому и сильное развитіе въ нихъ чувства народной гордости, припомнивъ все это, мы ясно поймемъ, что Славяне, занимавшіе въ Испаніи важныя государственныя должности, роднившіеся съ знатными Испанскими фамиліями, должны были имѣть вліяніе на воззрѣнія Испанцевъ на Славянъ вообще, возбуждать въ нихъ къ своимъ соплеменникамъ болѣе или менѣе живыя сочувствія, которыя едва ли могли не отразиться въ письменности Испанской, въ этотъ періодъ столь богатой.

Припомнимъ, что во флотѣ Испанскомъ служила масса Славянъ изъ среднихъ и низшихъ классовъ. Конечно и они, подобно знатнымъ землякамъ своимъ, точно также вступали въ родство съ Испанскими семействами изъ соотвѣтствующихъ классовъ. Разумѣется, Славяне, принадлежавшіе къ низшимъ классамъ народа и служившіе въ Испаніи, упорнѣе сохраняли свою народность, свой языкъ, свои пѣсни, свои обычаи и свой нарядъ. Естественно, что и въ дѣйствительности и въ представ-

леніяхъ Испанцевъ — долженъ былъ сложиться особый типъ Славянина-моряка. Не сохранились ли въ богатой литературѣ Испанской хотя какія нибудь черты этого типа? Всегда и вездѣ твердая, память народа не сохраняетъ ли и понынѣ въ Испаніи, въ пѣсняхъ ли или въ простыхъ народныхъ преданіяхъ, разсказахъ, пословицахъ и поговоркахъ — какихъ нибудь чертъ, даже намековъ, тѣмъ не менѣе для науки драгоцѣнныхъ, о Славянахъ, проживавшихъ между народомъ и братавшихся съ нимъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно, безъ предварительныхъ личныхъ развѣдокъ и изысканій, было бы весьма легкомысленно, такъ какъ хорошо извѣстно, что во многихъ краяхъ Испаніи въ народѣ еще крѣпка и свѣжа старина и что Славяне, хотя и не въ такой степени, продолжали однако свои сношенія съ Испаніею и въ слѣдующемъ періодѣ. Слѣдовательно, если съ одной стороны, съ теченіемъ времени и могли изъ памяти народной исчезнуть нѣкоторыя черты, то съ другой стороны не совершенная остановка такихъ сношеній не позволяла вовсе стереться ихъ слѣдамъ. Наконецъ можно ли утверждать теперь, что болѣе или мѣнѣе значительная часть Славянъ не осталась жить въ Испаніи? что нынѣ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ этихъ поселенцевъ?

Смѣю думать, что найдутся нѣкоторые читатели, которые не станутъ отрицать великой пользы, которая могла бы произойти въ этомъ отношеніи отъ старательнаго изученія Испанской литературы и письменности, какъ печатной, такъ еще болѣе рукописной, и даже этнографическаго путешествія по нѣкоторымъ частямъ Испаніи. Быть можетъ слѣдующія данныя и соображенія способны облегчить ожидаемые авторомъ упреки, напр., хоть за пристрастное будто бы увлеченіе предметомъ и за излишнюю смѣлость будто бы ни на чемъ не основанныхъ предположеній.

Императорская Публичная Библіотека для богатаго своего собранія иностранныхъ сочиненій о Россіи, еще не такъ давно пріобрѣла пять Испанскихъ брошуръ, чрезвычайно рѣдкихъ и весьма для насъ любопытныхъ[1]. Ихъ содержаніе, годъ и мѣсто

1. Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки за 1855 г. Спб. 1856. С. 38—39.

изданія одинаково заслуживаютъ нашего вниманія. Первая, напечатанная въ Валладолидѣ въ 1600 г., говоритъ о Самозванцѣ, выдавая его за истиннаго царевича Димитрія. Другія три, изданныя въ Мадритѣ и Малагѣ въ 1634 г., о современныхъ дѣлахъ Польско-Московскихъ. Пятая о казацкихъ подвигахъ на Черномъ морѣ. Онѣ носятъ слѣдующія заглавія: 1) Relacion de la señalada y como milagrosa conquista del paterno Imperio, conseguida del Serenissimo Principe Juan Demetrio, Gran Duque de Moscovia, en el anno de 1605: Traduzido de lengua Italiana por la insigne Juan Mosquera. Vailadolid 1606. 4°.

2) Relacion verdadera de la insigne vitoria que alcançò el Rey de Polonia contra el Gran Duque de Moscobia y otros confederados suos, todos enemigos de nuestra Santa Fe, y de las coronas de la casa de Austria: embiada del exercito de su Majestad de Polonia, su fe cha en 24 de Março 1634. Traducida de lengua Alemauna por Geraldo Scorz. Madrid. 1634. in-fol.

3) Las continuas vitorias que ha tenido el Serenissimo y Potentissimo Vlasdislao Quarto, Rey de Polonia, Sbecia etc. y las capitulaciones que admitiò para la paz entre los Moscovitas y su Regno de Polonia. Madrid. 1634. in-fol.

4) Idem. Malaga. 1634. in-fol.

5) Nueva Relacion de la señalada vitoria conseguida del Principe Cosaco en el Mar Negro, contra los Turcos, y Tartaros. Con esto entenderan el Fiero, y sangriente Combate, que ha avido, tanto por Mar, como por Tierra, con muerte de 20 mil entre Turcos, y Tartaros, y con la presa de cinco Navios cargados de municion de Guerra, con 120 piezas de canon. Publicada à 1 de Marzo de este presente anno 1691.

Не менѣе любопытенъ и родъ романа, вышедшій въ Сарагоссѣ въ 1665 г., подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Eustorgio y Clorilene Historia Moscovica. Por don Enrique Suarez de Mendoza y Figueroa al excelentissimo Señor don Ja yme de Silva. Con licencia. En Çaragoça, por Ivan de Ybar. Anno 1665.

Напомнимъ также читателю, что въ одной изъ драмъ Кальдерона (1601 † 1682 г.), хотя и чисто фантастической, безъ всякой исторической основы, подъ заглавіемъ «La vida es sueño (Жизнь (наша) сонъ), главными дѣйствующими лицами явля-

ются между прочимъ: — Basilio, rey de Polonia, Segismundo principe и Astolfo, duque de Moscovia. Въ 1680 г. вышло въ Мадритѣ сочиненіе Испанскаго путешественника Куберо, отправившагося изъ Варшавы въ Москву, оттуда въ Астрахань и Каспійскимъ моремъ въ Индію. Оно носитъ слѣдующее заглавіе: Breve Relacion de la peregrinacion que ha hecho de la mayor parte del Mundo Don Pedro Cubero Sebastian. Escrita por el Mismo Don Pedro Cubero Sebastian dirigida al rey nuestro señor D. Carlos Segundo, Monarca de las Españos etc. con privilegio. En Madrid. 1680. in-4°. Описаніе Россіи, во многихъ отношеніяхъ не безполезное, занимаетъ въ этой книгѣ до сорока страницъ (p. 166 — 202).

Въ настоящее время никто конечно не рѣшится утверждать, чтобы тѣмъ и ограничивались печатныя Испанскія извѣстія о Россіи, въ этотъ періодъ. Что же касается рукописныхъ матеріяловъ, то ихъ должно быть гораздо болѣе и они должны быть несравненно занимательнѣе. Вспомнимъ, что въ XVI и XVII в. бывали наши посланники въ Испаніи, что въ гнѣздѣ инквизиціи и езуитовъ едва ли могутъ не быть болѣе или менѣе любопытные матеріялы хоть напр. для исторіи Православія въ Южной и Западной Руси.

Если не мало свѣдѣній заключаетъ въ себѣ Испанская литература и письменность о Россіи, страны столь отдаленной и такъ мало принимавшей тогда участія въ дѣлахъ Европейскихъ, то тѣмъ подавнѣе должны онѣ содержать въ себѣ не мало весьма важныхъ свѣдѣній о Славянахъ западныхъ, о Полякахъ, Чехахъ и особенно о Славянахъ Адріатическихъ.

Въ оправданіе свое замѣтимъ только, что Фердинанду II Католику въ борьбѣ съ Славянами Чешскими, окончившейся роковою Бѣлогорскою битвою, и въ послѣдовавшемъ за тѣмъ ихъ порабощеніи Римско-Нѣмецкимъ порядкамъ, не мало помогали Испанцы.

Что же касается до Польши, то припомнить можно слѣдующія обстоятельства, кажется достаточно подтверждающія предположенія наши. Императоръ Рудольфъ II и Филиппъ II въ 1596 г. искали союза съ Польшею, куда былъ посланъ Испан-

скій посланникъ Мендоза, Амирантъ Арагонскій[1]: Сигизмундъ III, всегда окруженный езуитами и иностранцами, содержавшій даже тѣлохранителей изъ Шведовъ, Нѣмцевъ и *Испанцевъ*[2], писалъ между прочимъ Филиппу II: «В. К. В. должно быть извѣстно положеніе королей Польскихъ и какимъ подчинены они ограниченіямъ. Ничего въ этомъ королевствѣ не дѣлается безъ согласія сословій: безъ ихъ воли нельзя собрать никакой силы, ни учинить никакого приготовленія къ войнѣ. Уже давно былъ бы уничтоженъ похититель Шведскаго престола, если бы сословія были щедрѣе въ своихъ приношеніяхъ. Было бы дѣломъ, достойнымъ католическаго короля и той братской любви, которую В. К. В. къ намъ питаете, если бы вы распорядились прислать къ намъ на помощь въ Балтійское море вашъ флотъ[3]». Польскій посланникъ Станиславъ Маковскій вернулся изъ Испаніи около 1622 г. съ двумя посланниками Испанскими (Gabryel de Roy и Baron d'Anchi). Филиппъ III обѣщалъ черезъ два мѣсяца выслать противъ Шведовъ въ Балтійское море 24 корабля Испанскихъ съ 12,000 солдатъ, увѣрялъ, что онъ отложилъ на этотъ походъ 200,000 Испанскихъ талеровъ[4]. Въ XVI и XVII в., Польша, край необыкновенно богатый[5], вела черезъ Гданскъ, куда по свидѣ-

1. Niemcewicz: Dzieje panowania Żygmunta III. Warszawa. 1819. I, 367.

2. За что и выговаривалъ ему незабвенный Я. Замойскій въ своей знаменитой рѣчи, на сеймѣ 1606 г. Этотъ великій государственный мужъ говорилъ ему между прочимъ: Mamy i insze urazy do W. K. Mci, poprzysiągłeś nam kilka zamków na Ukrainie zbudować, nie zbudowano żadnego, zamek nawet w Kamieńcu Podolskim nie naprawiony. Nie miałeś W. K. M. *custodiam corporis sui* tylko ex indigenis, a my widzim u W. K. M. alabartników, Szwedów, Niemców, *Hiszpanów*, i to nie miało być, powinieneś nam W. K. M. przysięgi dotrzymać» (ibid I, 515). Войтѣхъ Ласкій, воевода Сѣрадзкій, самъ на свой счетъ собралъ войско изъ Поляковъ, Угровъ, Нѣмцевъ, Итальянцевъ, *Испанцевъ* и Французовъ, выгналъ изъ Молдавіи воеводу Александра и принудилъ народъ присягнуть на вѣрность Якову Ираклиду. (См. J. Krasińskiego: Polska... str. 67).

3. Niemcewicz: III, 421.

4. Ibid. III, 475.

5. См. Суровецкаго: Upadki przemysłu i miast. Warszawa, 1818, и Русское извлеченіе «О земледѣліи, промышленности и вообще богатствахъ Польши въ XVI и XVII в.» (Истор. и стат. Сборн. Валуева. М. 1845. С. 115 и сл.). Нѣмцевичъ говоритъ въ своемъ предисловіи къ Исторіи Сигизмунда III: «Łukasz Opaliński w

тельству Целларія (описывавшаго Польшу въ 1660 г.), ежегодно приходило болѣе 600 иностранныхъ кораблей, непосредственную торговлю съ Пиринейскимъ полуостровомъ: въ Польшѣ не мало проживало единовѣрныхъ ей Испанцевъ, хорошо знакомыхъ съ этой страной [1]. Нѣтъ сомнѣнія, что Поляки, удивлявшіе Юста Липсія и Мурета своими познаніями въ классической древности, за что и воздавали они Польшѣ великія похвалы, Поляки, удивлявшіе въ XVI в. Французскихъ дворянъ благородствомъ, изяществомъ своего обращенія и утонченностію своихъ манеръ, богатствомъ своихъ познаній [2], По-

obronie swojéj przeciw Barklejuszowi mówi, że 5,000 statków i tratew z wnętrz kraju przybywało do Gdańska, i że te do 6 milionów korcy różnego zboża przypławiały do portu tego, a za nie 3,000,000 talarów imperu wchodziło do kraju. Ileż z obfitéj Rusi Czerwonéj do państw Rakuskich wychodziło. Litwa Dźwiną i Niemnem 15,000 łastów (łast zawiera około 50 korcy) wysłała za morze». У него же читаемъ: «Opisujący Polskę statystycy. Kromer, Cellarius, Krasiński, Starowolski i inni, te przedniejsze artykuły wywozowego handlu naszego mianują wszelkiego rodzaju zboża, wełna, len, pieńka, chmiel, skóry, miód, łoje, wosk, smoła, potaż, hanysz, bursztyn, marszty, tarcice, drzewo do budowy okrętow sposobne, sol, piwo, kuperwas, czerwiec, saletra, lazurek, miedź, ołow, żelazo, mosiądz, konie, woły, owcy, wieprze, słonina, i tym podobne; sprowadzano nawzajem. przednie sukna, materye, tak jedwabne, jako i złote, obicia, kobierce, perły, kamienie drogie, futra, sledzie, wyziną, stokfisz, wina, korzenie, wszelkie do potraw zaprawy, wiele nakoniec zbytkowych wymysłów». (Niemc. I, XIII).

1. «Co rok spławiają Polacy do Gdańska Wisłą wszelkiego rodzaju zboże, belki do budowy okrętów, smołę, glinkę do farbowania, len, konopie, wełnę, skóry zwierząt, bryły wosku. Do tego miasta, o 5,000 kroków od morza położonego, pod którém Wisła do morza wpada, przyjeżdżają kupcy z odległych krajów *Portugalii*, Francyi, Flandryi, Hollandyi, Anglii, Szkocyi, Irlandyi, Szwecyi, Norwegii, Danii i Niemiec. Nieraz do portu Gdańskiego przybywa jednocześnie 200,300 większych i mniejszych kupieckich okrętow, po większej części po zboże, które Polska i jéj ziemie obficie dostarczają innym krajom.. » (J. Krasińskiego Polska... str. 92). Онъ же, сказавъ, что Польская шляхта можетъ на свои счетъ выставить 150,000 войска, замѣтилъ: «ссылаюсь въ этомъ случаѣ на свидѣтельства тѣхъ Итальянцевъ, Французовъ и *Испанцевъ*, которые видѣли Польшу и основательно съ нею познакомились».

2. Юстъ Липсій говорилъ. «Mirus Providentiae ordo et coelestis ille agricola has illasque partes excolit, et velut novales quosdam agros, alternis serit. Quid Graeci, quid placent sibi Itali? Graecia et Italia nuper in Gallia, et nunc in Germania aut Sarmatia reperiuntur» (J. Lipsii. Epistolar. selectar. Chilias. Francofurti. MDXXVII. p. 782); а Муретъ писалъ: «Magna mihi, Sacrate, cum multis Germanis, magna cum permultis Polonis familiaritas, magnus usus, magna necessitudo fuit. Semper eos expertus sum bonos viros, rectos, simplices, apertos, humanissimos praeterea, et prope

ляка, повторяю, нѣтъ сомнѣнія, въ XVI и XVII в. имѣли въ средѣ своей не мало людей, что посѣщали Испанію и знаменитые ея университеты, изучали ея языкъ и богатую литературу. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ среды Поляковъ того времени не одинъ Замойскій владѣлъ языкомъ Испанскимъ [1].

---

omnes eo vitae cultu, ac munditia, quae ad elegantiam potius quam ad ullam barbariem accederet. Utinam nos eo modo barbari essemus! Ultri vero barbariores sunt. nati in media Italia, quorum vix centesimum quemque reperias, qui aut graece loqui sciat, aut litteras amet? an Germani ac Poloni, quorum permulti, et earum linguarum utramque perfectissime callent, et ita litteras ac liberales disciplinas amant, ut in eis tempus omne consumant? Olim illi fortassis asperi ac barbari fuerunt: hoc quidem seculo, vereor ne ad nos barbaries, ad illos cultus et splendor vitae et eruditio atque humanitas, mutatis sedibus commigrarunt». (M. Ant. Mureti Orat., epist. et poemata. Cura I. Ehrh. Kappii. Lipsiae. MDCCL. lib. I. lit. LXVI). Знаменитый Французъ де-Ту (Thuanus), въ Исторіи своего времени, заговоривъ однажды о Полякахъ, такъ описалъ ихъ страну: «regio ferax, oppidis ac vicis et castellis frequens, fluviis crebris irrigua, et ad haec generosa nobilitate abundans, quae armorum curam fere cum litteris conjungit; itaque et regionum visendarum gratia nobiles ac primores adolescentes crebro lares paternos deserunt, et magnam secum doctrinae copiam et optimarum rerum usum non mediocrem, quod illis inclementis coeli rigore denegatur, ex peregrinationibus collectum domum referunt...» (Historiar. lib. LVI). О послахъ Польскихъ въ Парижѣ 1573 г. и о представленіи ихъ королю де-Ту выражается такимъ образомъ: «in diem sequentem dilata regis sui salutatio, ad quam statim a prandio inscensis equis magno circuitu per sublicium pontem profecti sunt, longe majore pompa et apparatu, quam pridie venerant; aureis siquidem textilibusque togis amicti incedebant, senatoria gravitate imaginem quandam, Romanae majestatis referentes habenae equorum argenteae distinctaeque lucentibus gemmis, clitellae mauratae ac preciosae phalerae cum voluptate simul et admiratione spectabantur sua quemque familia anteibat composita ex generosis adolescentibus in serica, praeeuntibus accensis cum ferreis bicubitalibus clavis» (lib. LVII).

1. Янъ Замойскій переводилъ на языкъ Испанскій письма Сенеки (см. Maciejowski Pism. Polskie I, 154). Полагать можно, что выводъ Мацѣевскаго (тамъ же) о томъ, что Испанская литература была неизвѣстна Польшѣ, придется нѣсколько смягчить. Nous ignorons beaucoup des choses, que nous sommes flattés longtemps de savoir avec exactitude. Давно ли такой основательный знатокъ Польской литературы, какъ Вишневскій, вовсе отрицалъ всякое вліяніе Чеховъ на Польскую литературу, межъ тѣмъ, какъ оно было чрезвычайно велико? У насъ и понынѣ зачастую слышишь рѣшительныя увѣренія въ томъ, что до-Петровская Русь не имѣла вовсе словесности; однако нельзя же этому серьезно вѣрить, когда извѣстно, что творчество народной поэзіи не оскудѣвало на Руси до конца XVII в., что письменность дѣловая, юридическая, оставившая по себѣ огромную массу памятниковъ, выработала себѣ необыкновенно точный, ясный и богатый языкъ, что переводы Свящ. Писанія и твореній св. отцовъ были распространены въ огромномъ количествѣ списковъ, что мы имѣемъ лѣтописи, посланія, проповѣди, живо

Наконецъ, если въ нач. XVIII стол., когда Испанія уже низко упала, тоже благодаря дикому фанатизму учениковъ Лойолы и всѣмъ ужасамъ инквизиціи, если еще въ 1730-хъ годахъ въ Испаніи могла появиться потребность имѣть общую исторію Россіи, и нашелся человѣкъ, рѣшившійся удовлетворить ее, то весьма понятно, что въ настоящій періодъ, когда литература сіяла великими талантами во всѣхъ родахъ, въ Испаніи очень легко могли явиться болѣе или менѣе любопытные историческіе отрывки о Чехахъ, о Польшѣ и въ особенности о Дубровникѣ и вообще о Славянахъ Адріатическихъ. Дѣйствительно въ 1736 г. въ Мадритѣ вышла исторія Россіи, въ 2 частяхъ, подъ заглавіемъ: «Historia de Moscovia y vida de sus Czares, con una descripcion de Todo el Imperio, su Govierno, Religion, costumbres, y Genio de sus Naturales escrita per Don Manuel de

---

рисующія время, весьма любопытныя Хожденія Даніила, Аѳан Никитина, Коробейникова, Толочанова, Котова; азбуковники, космографіи, свои чертежи и карты (напр. Сибирскія); труды Іосифа Волоколамскаго, Макарія, Максима Грека, Ив. Александрова, Курбскаго, К. Острожскаго, Зизаніевъ, Памвы Берынды, Мелетія Смотрицкаго, Сильвестра Коссова, Гизелеи, Епифанія Славеницкаго, Котошихина, Сильвестра Медвѣдева, братьевъ Лихудъ, Палладія Роговскаго и мн. др.; имѣемъ Слово о полку Игоревѣ, Задонщину, Даніила Заточника, Домострои, Русскія оригинальныя повѣсти и сказанія, весьма характеристическія, какъ напр. Эпистолу Ивашки Пересвѣтова, повѣсти о посадникѣ Добрынѣ, о Владимірѣ Мономахѣ, о началѣ Москвы, о посольствѣ К. Сугорскаго къ импер. Максимильяну, о взятіи Царяграда, о Фроль Скобѣевѣ .... Монфоконъ, въ своемъ Описаніи, отмѣтилъ въ числѣ Славянскихъ рукописей, не обозначенныхъ нумеромъ: *Aristophanis Comoediae cod. unus* (Bibl. biblioth. mss. II, 1042. см. Martinoff — Les manuscrits Slaves de la bibl. Imp. de Paris. Paris. 1858. p. 5—6). Здѣсь нельзя не вспомнить, что въ XIII в., около 1253 г., въ Ростовѣ, въ церкви Пресв. Богородицы, «лѣвый клиросъ *Греческы* пояху, а правый Рускы»; что просвѣтитель Зырянъ Стефанъ Пермскій († ок. 1396 г.) «бяше умѣя тремя языки Руски, *Гречески* и Пермски»; что въ 1384—1385 г. переведено было у насъ въ Россіи «Слово св. и премудр. Георгія Писида похвала Богу о сотвореніи всея твари»; что св. Алексѣй († 1378 г. сличалъ и повѣрялъ Славянскій переводъ Новаго Завѣта съ Греческимъ текстомъ; что въ Книгѣ Правилъ, хранящейся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ и писанной рукою преп. Кирилла, игумена Бѣлозерскаго († 1427 г.), находятся выписки изъ Галена о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, объ устройствѣ земли, о землетрясеніяхъ, о четырехъ стихіяхъ, о моряхъ. Нельзя не вспомнить и словъ Орѣховскаго изъ его письма къ Рамузію. Этотъ даровитый и образованный Русакъ, хотя весьма не стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ, писалъ въ 1549 г.: «Fuit enim Russia Scythiae antea, cui finitima est, non multum sane genere ac moribus dissimilis. quae tamen ipsa consuetudine graecorum hominum, quorum

Villegas y Piñateli. En Madrid. MDCCXXXVI. Первая часть — исторія древней Россіи до Петра, составлена по Герберштейну, Гейденштейну, Куберо и пр.; вторая — исторія Петра В. — по извѣстной книгѣ Nestesuranoi; послѣдней части въ Импер Публичной Библіотекѣ не имѣется.' Авторъ Вильегасъ приложилъ къ первой части — посвященіе (на 2 стр.) своего труда св. Николаю Чудотворцу, какъ Покровителю (Патрону) народа Русскаго, который, въ апробаціи этого сочиненія, подписанной Don Pedro Gonzalez и тутъ-же приложенной, названъ tan respectable Naccion.

Пока я могу указать, — что касается до другихъ Славянъ, — на сочиненіе Мартина Розы, которое впрочемъ извѣстно мнѣ къ сожалѣнію только по одному заглавію и по краткому отзыву почтеннаго Валентинелли; а именно: Compendium totius Natio-

---

Sectam, religionemque sequitur, inhumanitatem illam feritatemque scythicam deposuit; mitis enim jam est, mansueta ac benigna, litteris etiam vestris latinis ac graecis plurimum delectatur, quorum beneficio est assecuta, ut apud finitimos Scythas nihil jam vehementer probet praeter Toxarim et Anacharsim illum veterem. Horum enim exemplis admonita multos existimationis bonae cupidos adolescentes istuc ad vos Patavium in Italiam quotannis mittit; quorum sunt apud vos cives Stanislaus Vaporius et Stanislaus Drohoiovius, adolescentes nobiles, ac summa spe atque expactatione praediti, quos tibi notissimos esse vel ob id cupio, ut ex horum duorum moribus et ingenio de tota gente nostra conjecturam facias, qui quod Russia provincia Polonorum ditionis sit unoquoque nomine cum reliquis Polonis Patavii nunc censentur». (Ciampi Bibl. crit. II, 185 etc.). Не должно думать, чтобы древній Греческій міръ оставался вовсе чуждъ нашимъ предкамъ и чтобы его совершенно заслоняла отъ насъ Византія, которая впрочемъ до послѣднихъ дней прилежно изучала классиковъ. Позволяю себѣ привести здѣсь слѣдующія слова многоуважаемаго нами Нѣмца Блазіуса о двухъ древнихъ храмахъ въ Чечерскѣ: «Die Bauart der beiden übereinstimmenden Kirchen hat bei vieler Plumpheit u. Geschmacklosigkeit in einzelnen Verzierungen, doch einen imponirenden Gesammt-Charakter. Die Hauptgebäude ist kreisrund, mit einer mächtigen, halbkugeligen Kuppel überwölbt, die ringsum von Säulen getragen wird. An der Ostseite derselben ist eine Chorkapelle, nach Westen eine breite, zu einem Schiffsraum erweiterte Gallerie angebaut, deren Dächer auf Pilaster ruhen. Den Schluss nach Westen bilden zwei mit dieser Gallerie verbundene, vierseitige Portalthürme, deren erste Etage bis zur Höhe des Daches, die zweite bis zur Höhe der Kuppel ansteigt, und die mit einer stark zugespitzten vierseitigen Pyramide von der Höhe dieser Etage endet. Die Gesammtkirche erhält durch diese Bauart den Charakter eines griechischen Tempels, dem man als christliche Zuthaten einen Chor u. zwei Glockenthürme angehängt hat. Ein westeuropäischer Einfluss aus d. Zeit der Polenherrschaft ist hier nicht zu verkennen». (Reise in europ Russl. in d. Jahren 1840 u. 1841. Braunschweig. 1844. II, 188).

nis linguae illyricae in quo breviter origo ipsius nationis, extensio ejus copiosa, Reges fidei Catholicae totius Dalmatiae, Bosniae, Serviae atque Rassiae, quos habuit, exhibentur. Matriti Martinez. 1632 in-8°. Эта книга, какъ сокращеніе труда Орбини, не имѣла бы никакаго научнаго значенія, если бы въ ней не было сообщено извѣстій о Дубровничанахъ, служившихъ во флотѣ Испанскомъ[1]. Ими пользовался Аппендини. Въ подтвержденіе же догадки своей о томъ, что въ библіотекахъ и архивахъ Вѣны, Венеціи, Далмаціи и Испаніи, хранятся болѣе или менѣе важные матеріялы для исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи, укажу только на одну Итальянскую рукопись, хранящуюся въ б-кѣ св. Марка въ Венеціи и содержащую въ себѣ исторію фамиліи Охмучевичей, многіе члены которой, какъ мы видѣли, служили въ этотъ періодъ въ Испаніи[2].

Какъ въ прошлый, такъ и въ настоящій періодъ, находимъ природныхъ Испанцевъ, живущихъ и работающихъ въ Дубровникѣ. Пока можно указать только на двухъ Испанцевъ, впрочемъ своими дарованіями заслужившихъ великой извѣстности и уваженія. То были ученый врачь *Амато Лузитанскій* или *Іоаннъ Родригесъ* и знаменитый въ свое время стихотворецъ, писавшій по Гречески и по Латыни, *Дидакъ Пирръ* или *Яковъ Флавій*.

Этотъ послѣдній родился въ Эворѣ, въ Португалліи въ 1517 г., воспитывался въ Саламанкѣ; неизвѣстно, по какимъ причинамъ былъ изгнанъ изъ родины. Въ Дубровникѣ онъ прожилъ около 30 лѣтъ и былъ живъ еще въ 1607 г. Флавій былъ связанъ дружбою со многими замѣчательными людьми своего времени, какъ напр. съ Антоніемъ Риккобономъ, Эразмомъ, Альдомъ Мануцци. Аппендини приводитъ слова Джиліо Джиральди, который отдавалъ Флавію первенство передъ всѣми поэтами Португальскими. Такъ между прочимъ говорилъ Джиральди: «in mihi unus super omnes, quos recensuisti, in poetica

1. Валентинелли (Spec. bibl.) замѣчаетъ: «Historia haec offert noticias Rhacusinorum qui navalis artis laude ab Hispania honoribus decorati exstitere. In fine vero: *Sub umbra aquilae magnarum alarum Respublica Ragusina quodammodo moratur*».

2. Valentinelli. Spec. bibl. p. 99 № 320. «Compendio storico della famiglia i. e. Compendium historicum familiae Ohmuch. Rhacusinae».

pollere videris».... «Sed tu cum Lusitaniam tanto poetico honore illustres, eo illâ in te magis ingrata, quod te tandiu exulem, ac profugum diversas orbis partes peragrare permittit. Quanto majora et meliora faceres, si otiosam pacatamque ageres vitam?» и пр. Единственный списокъ, по словамъ Аппендини, полнаго собранія его сочиненій хранится неизданный въ Дубровникѣ, о чемъ, сказать кстати, нельзя не пожалѣть, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія— въ его произведеніяхъ должно быть разсѣяно не мало любопытныхъ историческихъ свѣдѣній, разныхъ подробностей и намековъ, рисующихъ время. Аппендини приводитъ заглавіе этого сборника: «Didaci Pyrrhi Lusitani elegiarum libri tres ad D. Slatarichium Patav. Scholae Rectorem, et equitem splendidissimum: accessit Lyricorum libellus eodem auctore[1]».

Іоаннъ Родригесъ, отличный медикъ своего времени, путешествовалъ по Франціи, Бельгіи, Италіи и наконецъ прибылъ около 1551 г въ Дубровникъ, къ которому сохранялъ по свою смерть искреннюю привязанность, въ чемъ удостовѣряютъ насъ многія мѣста его ученаго медицинскаго труда: «Centuriae VII curationum medicinalium». Шестая часть исключительно посвящена описанію его леченія больныхъ въ Дубровникѣ, въ формѣ діалога трехъ знатныхъ вельможъ того времени Іоанна Градича, Симона Бенешича и Пасквале Червича. Шестая центурія и теперь заслуживаетъ, по словамъ Аппендини, вниманія ученыхъ врачей Дубровника, по своему богатству мѣстныхъ наблюденій, напр. о климатѣ Стона, объ эпидемическихъ и эндемическихъ болѣзняхъ, которымъ подвержены туземцы, о большихъ трудностяхъ, при климатѣ Дубровника, лѣчить болѣзни и раны ножныя и напротивъ того о легкости лѣченія болѣзней головныхъ, о расположеніи Дубровницкихъ винъ къ произведенію каменной болѣзни и о другихъ подобныхъ предметахъ. Умный наблюдатель, продолжаетъ Аппендини, можетъ не только провѣрить его слова о господствующихъ болѣзняхъ въ этой странѣ, но и судить о темпераментѣ и наклонностяхъ нынѣшнихъ поколѣній къ болѣз-

1. Appendini l. l. I, 324 etc. Къ сожалѣнію, мнѣ была недоступна слѣдующая книга. De vita et scriptis Didaci Pirro, alias Jacobi Flavii Eborensis Commentarium, auctore Thoma Chersa. Florentiae. 1826.

немъ, которымъ были подвержены ихъ предки въ XVI в. Въ своемъ сочиненіи Родригесъ слегка касается образа правленія и быта Дубровничанъ; съ похвалами отзывается объ отличномъ ихъ хирургѣ *Вануччи*[1].

Въ заключеніе пишущій эти строки позволяетъ себѣ замѣтить, что въ настоящее время намъ еще ничего неизвѣстно ни о торговлѣ Дубровничанъ въ этотъ періодъ съ полуостровомъ Пиринейскимъ, ни о Дубровницкихъ и вообще Славянскихъ на немъ факторіяхъ, ни о тѣхъ изъ южныхъ Славянъ, которые ѣздили сами и дѣтей своихъ посылали учиться въ славныя тогда заведенія и университеты Испанскіе: богатства страны, ея образованность и просвѣщеніе, бытность въ ней многихъ земляковъ и даже родственниковъ могли для многихъ служить, а конечно и служили сильною прилукою и привадою. Наконецъ, намъ пока неизвѣстно, какое вліяніе имѣла на Дубровничанъ литература Испанская, такъ какъ вовсе не имѣть его едва ли ей было возможно.

XIII. Тяжело было оправиться и подняться Дубровнику послѣ тѣхъ страшныхъ потерь, понесенныхъ отъ войнъ въ союзѣ съ Испаніею, отъ землетрясенія 1667 г. Но предпріимчивость гражданъ и умное, либеральное правленіе дали Дубровничанамъ возможность мало по малу снова обзавестись флотомъ: сначала, конечно, строили суда небольшихъ размѣровъ. Въ шестидесятилѣтній періодъ плаваніе одного изъ капитановъ Дубровницкихъ въ Смирну составляетъ эпоху въ лѣтописяхъ его отечества. Онъ пользовался извѣстностью Охмучевичей, Долисти, Машибрадичей, плававшихъ въ Великомъ Океанѣ и въ моряхъ Индій. «Съ теченіемъ времени, говоритъ Аппендини, число судовъ значительно увеличилось, особенно въ войну Испанцевъ съ Англичанами за Гибралтаръ, когда Дубровничане пріобрѣли обширныя выгоды. Съ того времени понынѣ (1801 г.) извѣстны всякому успѣхи и процвѣтаніе ихъ флота».

Послѣ тѣхъ тѣсныхъ и обширныхъ связей съ Испаніею въ предъидущій періодъ, очень понятно, что Славяне не могли не

1. Append. l. l. I, 324.

продолжать ихъ и въ настоящій періодъ, который я довожу до нынѣшняго времени.

Данныя, здѣсь приводимыя, весьма отрывочны и не полны, тѣмъ не менѣе несомнѣнно доказываютъ, что давность и близость сношеній Славянъ съ Испаніею, начинающихся съ IX вѣка (если не принимать догадки Шафарика о Славянской стихіи въ Вандалахъ) и безпрерывно продолжавшихся до настоящаго времени, не пропали даромъ, а напротивъ того, породили между Славянами и Испанцами такую взаимную пріязнь, что едва ли объяснима безъ исторіи ихъ взаимныхъ отношеній, которыя и забросили въ тѣхъ и другихъ сѣмена такого сочувствія и взаимнаго пониманія другъ друга, что невольно поражаютъ посторонняго наблюдателя, что уже стали приносить плоды и, смѣло можно надѣяться, еще болѣе принесутъ въ будущемъ.

Славянская стихія такъ или иначе продолжала дѣйствовать на Пиринейскомъ полуостровѣ и въ настоящій періодъ.

Въ XVIII столѣтіи, когда, какъ мы видимъ, въ Испаніи уже былъ возбужденъ интересъ къ Россіи, а возрожденный Дубровникъ обзавелся флотомъ и снова завязалъ свои торговыя связи, въ XVIII столѣтіи мы встрѣчаемъ въ Испаніи одного замѣчательнаго человѣка, природнаго Славянина, уроженца Дубровницкаго, оказавшаго этой странѣ услуги незабвенныя. То — *Матвѣй Водопичь*, лицо, привлекающее вниманіе Русскаго, не только, какъ Славянинъ, но и какъ человѣкъ, жившій и трудившійся въ отечествѣ нашемъ.

Служившій при императрицѣ Елисаветѣ въ Русскомъ флотѣ и недовольный, по словамъ Аппендини, заключеніемъ мира, котораго не одобрялъ, Матвѣй Водопичь удалился изъ Россіи въ Италію. Здѣсь онъ участвовалъ въ сраженіи при Велетри и при завоеваніи Неаполя; потомъ маркизъ Скиллаче взялъ его съ собою въ Испанію и приписалъ къ гвардейскому штабу. Съ большими способностями и призваніемъ къ гражданской и военной архитектурѣ, Водопичь вскорѣ перешелъ въ инженеры съ чиномъ коменданта-бригадира. Въ Карѳагенѣ ему представился удобный случай обнаружить свои инженерныя и архитекторскія дарованія. Постройка королевскаго арсенала и двухъ огромныхъ доковъ, въ которыхъ, замѣчаетъ Аппендини, и понынѣ

оснащиваютъ военные корабли, доставила, по его же словамъ, великую честь и извѣстность Водопичу, такъ какъ долго и напрасно приступали къ этому труду разные другіе инженеры, Испанскіе и Французскіе, нарочно съ этою цѣлью приглашаемые отъ правительства. Другими памятниками замѣчательныхъ дарованій и дѣятельности Водопича остаются пять фортовъ въ Карѳагенѣ, стѣна этого города и заводъ (e la magnifica e sorprendente fabbrica dell'Ospedale). Весьма любимый Карломъ III, Водопичъ умеръ въ Испаніи въ званіи главноуправляющаго королевскими заводами королевствъ Мурсіи, Валенсіи и президентства Барберійскаго (Direttore Generale delle Regie fabbriche dei Regni di Murcia e Valenza e dei Presidj di Barberia).

Едва ли не прямая обязанность наша собрать всѣ нужные матеріалы для подробнаго жизнеописанія этого славнаго соплеменника нашего, земляка и достойнаго потомка Охмучевичей, Долисти, Машибрадичей, Мартолошичей, Буне и другихъ соплеменниковъ нашихъ, еще намъ неизвѣстныхъ, но съ такою же, быть можетъ, честью и славою потрудившихся въ монархіи Испанской, нѣкогда игравшей въ Европѣ великую роль. Очень вѣроятно, что не одного Водопича далъ Дубровникъ Испаніи въ этотъ періодъ. Безъ сомнѣнія, Испанская и Южно-Славянская письменности содержатъ въ себѣ не мало данныхъ для исторіи отношеній Славянъ къ Пиринейскому полуострову и въ настоящій періодъ.

Поляки во Французской арміи въ Испаніи, безъ сомнѣнія, защищали неправедное и проигранное дѣло, посягая здѣсь на независимость народа, ничего имъ не сдѣлавшаго, равно какъ и въ Италіи, самостоятельность и независимость которой, ни мало не бывшія въ видахъ Французовъ или, по крайности, по своему понимаемыя ими, въ высшей степени важны и драгоцѣнны для Славянъ, также, какъ и геройскій отпоръ Испанцевъ Наполеону и славные подвиги гверильеровъ [1] Эль-Эмпесинадо,

1. По-Испански отрядъ партизанскій называется *guerilla*, во множ *guerillas*, самые же партизаны *guerilleros*. Не отнимая славы отъ нашего незабвеннаго героя 1812 года, Дениса Давыдова (она и неотъемлема), нельзя однако не замѣтить, что подвиги гверильеровъ имѣли несомнѣнное на него вліяніе. Чтеніе о нихъ, конечно, воспламеняло его воспріимчивую душу, заронило зерно, которое дало

Мины, Эль-Маркезито и мн. др. вмѣстѣ съ извѣстными всему міру защитниками Сарагоссы, что развѣ только сравнимы и превзойдены богатырскими защитниками Пскова и Севастополя, этими *добрыми* Русскими *страдальцами*, этими славными стоятелями и оберегателями земли Русской. Чудные народные подвиги Испанцевъ тѣсно были связаны съ независимостью и со всѣмъ будущимъ міра Славянскаго, которыя окончательно были спасены и завоеваны народною войною двѣнадцатаго года, въ свою очередь имѣвшею великое вліяніе и на судьбу Пиринейскаго полуострова. Намъ понятно и извѣстно то сочувствіе, съ которымъ наши дѣды и отцы читали извѣстія о мужественныхъ подвигахъ Испанцевъ противъ Французовъ, но мы, къ сожалѣнію, не потрудились еще собрать свѣдѣній о многочисленныхъ выраженіяхъ и проявленіяхъ энтузіасма, съ которымъ была принята въ Испаніи вѣсть объ изгнаніи Наполеона изъ Россіи.

Поляки, защищавшіе дѣло Наполеона въ Испаніи, шли отчасти въ упоръ общему тяготѣнію Славянъ къ этой странѣ. Положеніе это, не теряя своей существенной силы, должно быть, однако, смягчено нѣкоторыми соображеніями о судьбѣ Польши вообще, объ ея отношеніяхъ къ Франціи и особенно къ Наполеону, Польскія надежды и упованія на котораго такъ чудно представлены великимъ соплеменникомъ нашимъ, геніальнымъ пѣвцемъ Польши въ его безспорно высочайшемъ созданіи *Панъ Тадеушъ*. Наконецъ въ исторіи взаимныхъ отношеній Славянъ и Испанцевъ, исторія Поляковъ въ Испаніи, въ началѣ XIX столѣтія займетъ такой же эпизодъ, какъ исторія Испанцевъ въ

плодъ въ 1812 году. Человѣкъ даровитый и просвѣщенный, нашъ *герой чернокудрявый съ бѣлымъ локономъ на лбу* дѣйствовалъ не по одной смѣткѣ или вдохновенію, а въ то же время и строго обдуманно и раціонально. Въ своемъ замѣчательномъ Опытѣ партизанскаго дѣйствія онъ самъ считалъ предшественниками своими партизановъ Испанскихъ. «Ихъ дѣйствія въ 1809 г., — говоритъ онъ, — будутъ примѣромъ для каждаго начальника партіи, какъ должно пользоваться мѣстнымъ положеніемъ земли, въ коеи ведется брань, и гнѣвомъ народа, возставшаго на отмщеніе». (Соч. Д. Давыдова. Изд. Смирд. Спб. 1848. С. 508). Сочувствіе къ герильерамъ такъ и бьетъ изъ словъ Давыдова: «Тѣснины Пиринеевъ, Сьерра-Морены, обѣ Кастиліи, Наварское и Аррагонское королевства сокрывали въ нѣдрахъ своихъ сихъ зоркихъ, безстрашныхъ и неутомимыхъ воиновъ, коихъ слава неизгладима во всѣхъ лѣтописяхъ, во всѣхъ сердцахъ, бьющихся для отечества». (Тамъ же. С. 510).

Чехахъ, въ началѣ XVII столѣтія. Въ обоихъ случаяхъ, тѣ и другіе руководились въ своихъ дѣйствіяхъ не столько внутренними побужденіями, сколько началами и понужденіями посторонними и внѣшними.

Такимъ образомъ судьба Поляковъ (ихъ было шесть полковъ пѣхоты и два конницы) въ Испаніи вполнѣ заслуживаетъ вниманія, такъ какъ, хотя и безсознательно, они также отчасти слúжили общему Славянскому дѣлу. Говорю это не только отъ того, что они, такъ сказать, подтверждаютъ и доказываютъ собою справедливость положенія о томъ, что и въ наше время стихія Славянская такъ или иначе продолжала дѣйствовать на Пиренейскомъ полуостровѣ, а и потому, что своимъ мужествомъ и истинно-геройскими подвигами они внушили уваженіе къ себѣ въ самихъ непріятеляхъ своихъ Испанцахъ и тѣмъ достойно оправдали то доброе мнѣніе, которое издавна существовало на Пиринейскомъ полуостровѣ обо всемъ нашемъ племени[1]. (Вспомните сужденіе аль-Бекри).

---

1. На Русскомъ языкѣ о Полякахъ въ Испаніи писалъ у насъ г. Булгаринъ: Воспоминанія объ Испаніи. Спб. 1823. При Сомо-Сьеррѣ Польская кавалерія оказала чудеса храбрости. Самъ очевидецъ и знатокъ дѣла, де-Нельи (Mém. sur la guerre de l'Espagne par M. de Naylies, p. 14) говоритъ про эту знаменитую аттаку: «Ce fait d'armes est un des plus glorieux qui ait illustré la cavalerie». (См. Восп. объ Исп. С. 14. Сужденіе Кавальеро о Полякахъ Тамъ же. С. 15.). Честь этой аттаки (при Сомо-Сьеррѣ) принадлежитъ полковнику Козѣтульскому, а не Любенскому, какъ писалъ Фьеффе (Fieffé: Hist. des troupes étrangères au service de France). Какъ для исправленія этой ошибки, такъ и въ опроверженіе Тьерра (въ Ист. Конс. и Имперіи), одинъ изъ участниковъ этого дѣла, Нѣголевскій, написалъ недавно особую брошуру. «Les Polonais à Somo-Sierra en Espagne en 1808. Rectifications relatives à l'attaque de Somo-Sierra, décrites par des hist. français... par le colonel Niegolewski. 2-me edit. Paris. 1835». У Нѣголевскаго приведены слѣдующія извлеченія изъ Французскихъ историческихъ трудовъ объ этомъ дѣлѣ, приносящемъ великую честь храбрости и мужеству нашихъ соплеменниковъ. Такъ въ сочиненіи Victoires et conquêtes, t. XVIII, p. 206 et 207, Paris, 1820, говорится объ этомъ. «Cette charge brillante doit être regardée à juste titre, comme le plus étonnant et le plus audacieux des faits d'armes dont la cavalerie ait fourni l'exemple; aussi couvrit elle de gloire le régiment qui l'exécuta et qui, dès lors, fut irrévocablement associé à l'élite des vieux soldats français. Les avantages d'une action aussi mémorable furent décisifs. Le corps espagnol était dispersé et anéanti; il avait perdu dix drapeaux, toute une artillerie, trente caissons, tous ses bagages, les caisses des régiments, un grand nombre d'hommes tués ou prisonniers: parmi ces derniers se trouvaient plusieurs colonels et autres officiers supérieurs. Le régiment polonais avait

Возвратившіеся на родину Поляки, какъ записками, такъ и разсказами своими въ кругу знакомыхъ и семействъ, распространяли между Славянами болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія объ Испаніи, ея нравахъ и обычаяхъ, подобно тому, какъ знакомили своихъ соотечественниковъ съ Россіею тѣ Испанцы, что были увлечены Наполеономъ въ походъ на отечество наше. По приказанію Императора Александра, всѣ взятые нами въ плѣнъ Испанцы были собраны вмѣстѣ и воедино; изъ нихъ образовали у насъ пѣлый полкъ и начальство надъ нимъ поручено было Испанскому офицеру О'Донелю. И вернувшись на родину, этотъ пѣхотный полкъ еще долго носилъ названіе Imperial-Alejandro.

Послѣ 1815 года Русскій посланникъ въ Мадритѣ пользовался значительнымъ вліяніемъ. Для экспедиціи Испанской противъ инсургентовъ въ колоніяхъ Американскихъ, подъ начальствомъ Морильо, въ послѣдствіи графа Карфагенскаго, Петербургскій Дворъ выслалъ въ Испанію два фрегата [1].

Что касается Португаліи, то въ примѣръ международныхъ сношеній Славянъ съ Португальцами, знакомящихъ массу съ

---

en cinquante sept hommes tués ou blessés. Les lieutenants Krzyzanowski, Rowicki et Rudowski furent tués sur le champ de bataille, le capitaine Dziewanowski, blessé mortellement, mourut quelques jours après; le capitaine Pierre Krasinski, parent du colonel, et le lieutenant Niegolewski, furent également blessés. Le chef d'escadron Kozietulski, renversé de son cheval tué sous lui, fut foulé aux pieds et couvert de contusions». Въ сочиненіи Précis des victoires, conquêtes et revers des Français depuis 1792 jusqu'à 1845, ouvrage redigé par une société de militaires et de gens des lettres... Paris, 1844, p. 155, сказано про эту аттаку Польской кавалеріи. «Cette action ouvrit à nos troupes la route de Madrid». Такъ говорилъ о ней Наполеонъ въ 13-мъ бюллетенѣ: «une charge de chevau-legers polonais décida l'affaire; charge brillante s'il en fut, où ce régiment s'est couvert de gloire et a montré qu'il était digne de faire partie de la garde impériale. canons, drapeaux, fusils, soldats, tout fut enlevé, coupé ou pris». О Козѣтульскомъ, главнѣйшемъ виновникѣ этого успѣха, въ послѣдствіи было совсѣмъ забыто. Намъ кажется, что Нѣголевскому удалось возстановить память и честь своего земляка. Графъ Іос. Залусскій въ письмѣ къ Нѣголевскому замѣчаетъ между прочимъ по поводу умалчиванія Тьерра: «les mânes de Kozietulski ont de quoi se consoler; son nom retentira dans la postérité avec celui de Somo-Sierra, comme celui de Sobolewski avec Almonacid, comme celui de Chlopicki avec Saragosse, comme celui de Sulkowski avec l'Egypte...» (Niegolewski. l. l. p. 51). О Полякахъ при Сомо-Сьеррѣ см. также Bibl. Warsz. 1855. II, 419 и сл.

1. Отеч. Зап. Свиньина. Ч. II. № 3. Стр. 27.

массою, указать можно на слѣдующія три обстоятельства. Въ этомъ отношеніи стоянка эскадры Сенявина въ Лиссабонскомъ рейдѣ въ 1808 г. вполнѣ заслуживаетъ вниманія. Самостоятельное и независимое поведеніе Русскихъ, при обстоятельствахъ чрезвычайно затруднительныхъ, рѣшительно завоевало имъ общее уваженіе и любовь Португальцевъ [1].

Въ маѣ 1833 г. Дономъ Педро, Герцогомъ Браганцскимъ и Польскимъ генераломъ Бемомъ была подписана конвенція объ образованіи Польскаго легіона въ Португаліи. Пока не могу сказать ничего положительнаго, образовался ли этотъ легіонъ и когда и каковы были дальнѣйшія судьбы Поляковъ въ Португаліи [2].

Въ іюнѣ 1857 г., во время стоянки нашей эскадры (контръ-адмирала Беренса) въ Лиссабонскомъ рейдѣ, въ городѣ случился пожаръ. Болѣе ста человѣкъ матросовъ, гардемариновъ и офицеровъ нашихъ отправились его тушить. «Люди наши, говоритъ въ своемъ донесеніи контръ-адмиралъ Беренсъ, обратили на себя всеобщее вниманіе неустрашимостью и дѣятельностью, съ которыми они наводили шланги и спасали имущество изъ горѣвшаго дома, такъ что вызвали у народа, собравшагося на пожаръ, единодушное браво! Къ мѣсту пожара пріѣхалъ Его Величество Король Португальскій и приказалъ подать ему списокъ гг. офицеровъ и число нижнихъ чиновъ, посланныхъ на пожаръ. Во время пожара упавшимъ карнизомъ дома ушибло обоихъ поименованныхъ офицеровъ (мичмана Суслова и артиллеріи прапорщика Каплуновскаго) и четырехъ матросовъ, но, къ счастію, не опасно, исключая одного матроса, которому прошибло голову; впрочемъ и этотъ подаетъ надежду къ выздоровленію. Въ здѣшнихъ газетахъ два дня сряду описываютъ дѣйствія нашихъ командъ со всею подробностью и отзываются объ нихъ съ большою похвалою».

---

1. Слов. дост. людей Русской земли. Бантышъ-Каменскаго. Спб. 1847. III, 235—339. Біографія Сенявина, соч. Арцимовича (въ М. Сб.).

2. Pisma tyczące się organizacji Legji Polskiéj w Portugalji. Paryż. 1833. Въ циркулярѣ своемъ (do wojskowych Polskich) генералъ Бемъ говоритъ между прочимъ: «Portugalja oswobodzona służyć nam przeto może w nieszczęściu i tułactwie naszém za nową ojczyznę, dopóki tylko pod jéj roskosznem niebem pozostać zechcemy» (str. 7).

Въ донесеніи г. Гамузова, нашего повѣреннаго въ дѣлахъ при дворѣ Лиссабонскомъ, читаемъ: «Всѣ Португальскіе журналы съ большимъ жаромъ выхваляли неустрашимость Русскихъ офицеровъ и матросовъ, которые бросались именно туда, гдѣ было болѣе опасности. Толпа, среди самаго пожара, кричала: «bravo Russo!» [1] —

Нельзя здѣсь не выразить искренняго сожалѣнія о томъ, что богатая литература Пиринейскаго полуострова у насъ въ Россіи такъ долго остается почти совершенно неизвѣстною; необходимо было бы, кажется, намъ завязать съ нимъ умственное общеніе, которое для обѣихъ сторонъ могло бы быть весьма полезнымъ по многимъ отношеніямъ. Желаніе знать, что думаютъ и говорятъ, чего отъ насъ ждутъ тѣ или другіе иностранцы, очень часто, конечно, проистекаетъ изъ нелѣпаго тщеславія, изъ пустоты мысли, вѣчно мечущейся по сторонамъ и не умѣющей ни на чемъ остановиться, изъ какой-то вялости воли и нравственной распущенности, мѣшающей человѣку найти опору и равновѣсіе въ глубинѣ собственнаго духа; но вообще, такое желаніе, не смотря на всѣ его злоупотребленія и неправильныя обнаруженія, вполнѣ законно и разумно, такъ какъ коренится на справедливомъ началѣ.

Дѣйствительно, весьма часто отдѣльный человѣкъ мнѣніями о немъ постороннихъ людей бываетъ наведенъ на открытіе въ себѣ самомъ такихъ свойствъ и такихъ сторонъ, объ обладаніи которыми онъ прежде и не подозрѣвалъ. Такія открытія въ высшей степени бываютъ важны для самосознанія, которое одинаково необходимо и для цѣлаго народа, и для отдѣльныхъ лицъ.

Образъ Россіи и вообще міра Славянскаго только тогда предстанетъ намъ въ возможной ясности, когда мы лучше узнаемъ сами себя и всѣ понятія и представленія о насъ народовъ иновѣрныхъ и иноплеменныхъ [2].

1. Морск. Сб. 1857. Августъ. С. 101—107.

2. Какое то особенное сродство, замѣчаемое въ народныхъ мотивахъ Испанскихъ и Славянскихъ, указывая тѣмъ самымъ на нѣкоторую близость характеровъ этихъ народовъ, побудило меня обратить на это вниманіе и распространиться объ этомъ подробнѣе. См. въ Приложеніяхъ.